

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ТРУДЫ
СЕМИНАРА «КУЛЬТУРА ДЕТСТВА: НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, ПРАКТИКИ»

Выпуск 2

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Детство в России
от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990)

Антология текстов

Взрослые о детях и дети о себе

Часть 1
1890-1940

Под редакцией Виталия Безрогова и Катрионы Келли,
с участием Александры Пиир и Светланы Сиротининой

Москва-Тверь
2008

Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990): Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе». Сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина. Часть 1: 1890 - 1940. М.-Тверь: Научная книга, 2008. – 393 с. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Выпуск 2)

Сборник воспоминаний, документов и детских сочинений, отражающий историю детства, воспитания, социализации нескольких поколений российских граждан в конце XIX - начале XX века. Предпринята попытка представить различные версии социально-педагогической истории детства в России указанного периода. Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов педагогических, исторических, социологических, культурологических, психологических специальностей.

Работа над книгой поддержана грантами РФФИ 05-06-06162а; 08-01-14024г.; The Leverhulme Trust (F/08736/A, 'Childhood in Russia, 1890-1991: A Social and Cultural History'); The British Academy Small Research Grant, 2005, 'Adults on Children, Children in their own Words: Twentieth-Century Russian Childhood in Documents'.

ISBN 978-5-88997-341-7

© Безрогов В.Г., Келли К., составление, предисловие, комментарии, 2008

© Издательство «Научная книга», оформление, 2008

Лики российского детства

Предисловие

В конце 1980-х годов стал заметно возрастать интерес к истории российского детства. При советской власти работа в этой области была затруднена, в первую очередь, факторами идеологического порядка. Будучи «непроизводительными силами», дети как особая социальная группа с трудом укладывались в классическую марксистско-ленинскую историографию, в рамках которой они вызывали интерес главным образом в связи со своей классовой принадлежностью («дети рабочих и крестьян», дети «муравьев революции» как материал для создания «нового человека»¹). Концентрация внимания не только советских, но и западных историков на истории социальных институтов привела к тому, что такие аспекты жизни российских детей как история формального образования исследовались и в СССР, и за его пределами, в то время как другим (семейному воспитанию, дружбе и другим видам отношений между детьми, играм и досугу, повседневной жизни в школе и пр.) внимание практически не уделялось. История социальных институтов изучалась «сверху вниз» - с точки зрения политики образования и руководства детскими учреждениями. Повседневные практики по сути дела исчезали из виду. В центре внимания была, собственно, не жизнь самих детей, а законодательство и официальные распоряжения, школьные программы и правила поведения учащихся, педагогическая теория и методики преподавания.

Одним из самых важных препятствий к серьезному изучению детства было возникновение в середине 1930-х годов политического догмата «счастливого детства в СССР», идеи о том, что советские дети живут безоблачной радостной жизнью под защитой всевидящего вождя. Если верить пропаганде, советские дети, в отличие от их сверстников в других странах мира и от детей царской России, наслаждались отличным образованием и здравоохранением, небывалыми возможностями для «рационального досуга», были окружены «заботой и вниманием» всей советской страны. В обществе, где дети ритуально благодарили «родного Сталина» за свою счастливую жизнь и считались идеальными гражданами страны именно из-за своей лояльности, обратить внимание на то, что не все дети были довольны своей участью, ставило бы под вопрос легитимность всей политической системы. После исчезновения культа личности место «вождя» заняла абстрактная формула «партия и государство». Она не отменила ассоциацию между благосостоянием детей и политической легитимностью СССР. Стереотипы «счастливых советских детей» и несчастных маленьких иностранцев, невинных и жалких жертв жизни при капитализме, продолжали

¹ См.: Никифоров П.М. Муравьи революции. М., 1958; Кузнецова Н.И. Дети и революция в произведениях писателей XX века // Октябрь и литературный процесс XX века. Под ред. В.А. Лазарева. М., 1987. С.137-142; Педагогический идеал «нового человека» в истории образования (социально-политический контекст). М., 2008.

доминировать в официальном дискурсе. Информация о судьбах детей «врагов народа», детей, случайно или неслучайно оказавшихся в лагерях для взрослых или для молодежи, малолетних преступников, бродяг и т.д. тщательно замалчивалась в советских газетах и журналах. О «детучреждениях» писали только в светлых тонах. Беспризорники и инвалиды фигурировали главным образом в качестве жертв Гражданской и Великой отечественной войн, т.е. в контексте, где их несчастье можно было приписывать не ошибкам советского партийного руководства, например, искусственно вызвавшего голод в самых зерновых районах страны, начавшего эвакуацию детей, но превратившего ее в хаос, или организовавшего ленинградским детям блокадное детство, но *зверским* действиям борющихся за восстановление царизма и «фашистов-захватчиков», превративших уже созданное счастливое детство «маленьких граждан большой страны» в кошмар.¹

Пристрастность и (скажем прямо) лицемерие официальных изображений советской детской жизни начали вызывать внутреннее сопротивление уже к концу 50-х годов, когда, например, стало пересматриваться законодательство, относящееся к малолетним преступникам, и почувствовался робкий возврат к идеям «свободного воспитания», фактически заклеянным известным постановлением 1936 года вместе с «педологическими извращениями». Но по-настоящему учитывать «теневые стороны» советской детской жизни стало возможным только в период перестройки. Как всегда бывает, нарушение долгого запрета вызвало обратную реакцию, так что некоторое время (примерно с 1987 по 1994 год) писали только о том, что было плохого в советское время. И если в прошлом детское счастье символизировало достижения советской власти, политическое и нравственное превосходство всей политической системы, теперь отрицательные явления – например, реально более высокий уровень детской смертности, чем в официальной советской статистике, или тяжелые бытовые условия в некоторых детских учреждениях – считались доказательством того, что в советском государстве все было неладно. Более того, стало принято напрямую связывать миф о «счастливом детстве» с неудачами социального обеспечения и здравоохранения. Яркий пример такого взгляда - статья врача-педиатра Марии Рахмановой, опубликованная в газете «Неделя» в 1989 году. Рахманова с гневным сарказмом сопоставила советские лозунги о «счастливом детстве» и о «единственном привилегированном классе» с реальной жизнью советских детей (в ее понимании). В некой инверсии со-

¹ Исследования последних лет, выполненные на основе рассекреченных архивных документов, показывают неоднозначность действий обеих сторон – «наших» и «немцев» - по отношению к детям, в частности к эвакуации детских домов и к сохранности их имущества, к деятельности красноармейцев по спасению эвакуируемых детей и т.д. См., например: Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941-1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. М., 2008. С.35-59.

ветской привычки цитировать необработанную и необъясненную статистику в доказательство собственных аргументов, она сообщала своим читателям, что 30% советских детей рождаются с тяжелыми повреждениями центральной нервной системы, а 40% - с легкими повреждениями. Низкий уровень смертности среди детей в первый год жизни, который десятилетиями представляли одним из главных достижений советской власти, якобы занимавшей чуть ли не первое место в цивилизованном мире по этому показателю, был на самом деле, согласно такого рода публикациям, на 500% выше, чем уровень смертности среди этой возрастной группы в Японии. Таким же беспокоящим был и уровень болезненности среди школьников, почти 50% которых страдали проблемами центральной нервной системы.¹

Такие доводы были характерны отнюдь не только для публицистики. В историографии также подчеркивались отрицательные стороны советского прошлого. Например, в подборке архивных документов, опубликованной С.В.Журавлевым и А.К.Соколовым в ежегоднике «Социальная история» в 1998 году, советский миф о «счастлимом детстве» прямо сопоставлен с реалиями жизни в детских учреждениях 1920-х-начала 1930-х гг. Среди наиболее важных публикаций конца 1990-х - начала 2000-х гг. – сборник «Дети Гулага», в котором помещены документы, отражающие жизнь детей «врагов народа» и малолетних преступников. Рассекреченные архивные материалы (отчеты, докладные записки и сводки) служили источниками также для фундаментальных исследований российских и зарубежных ученых, трактующих такие темы, как беспризорность и жизнь в детских домах и в пенитенциарных учреждениях;² для новых исследований в области истории образования, в которых подчеркивался разрыв между министерскими распоряжениями и ежедневной практикой учителей.³

¹ Рахманова М. Мы сами их калечим // Неделя. 1989. № 43. С. 8. См. также «Маленькие дети – большие заботы» // Неделя. 1987. № 7. С. 16-17. Рахвальский Ю. Отвечать за свое здоровье // Неделя. 1987. № 15. С. 18. Его же. Ложь не во спасение // Неделя. 1987. № 15. С. 18. «О малыше и профессиональном уровне врача» // Неделя. 1987. № 33. С. 33. Мудрак В. Н. Для здоровья малышей // Неделя. 1988. № 2. С. 2. «Окно в мир статистикой» // Неделя. 1988. № 44. С. 12-13. «Путешествие за инициативой». Там же. С. 18.

² Ball A. And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930. Berkeley, 1994; Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. Cambridge, 1993; Kirschenbaum L. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia. London, 2002; Caroli D. L'Enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917-1937). Paris, 2004; Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч.ст. под ред. П.В.Романова, Е.Р.Ярской-Смирновой. Саратов, 2005; Смирнова Т.М. Дети Советской России // Социальная история. Ежегодник. 2001-2002. М., 2003. С.486-528; Она же. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917-1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. М., 2003. С.226-246; Советская социальная политика 1920-1930х годов: идеология и повседневность. Под ред. П.Романова и Е.Ярской-Смирновой. М., 2007; Маколи М. Дети в тюрьме. СПб., 2008 и др.

³ Holmes L.E. The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia. Bloomington, 1991; Idem. Stalin's School: Moscow's Model School no. 25, 1931-1937.

Налет пессимизма в описании советского детства был внушен не только позднесоветским и постсоветским разочарованием в идеалах советского прошлого, но также и содержанием самих архивных документов. Советские архивы были также политизированы и идеологизированы, как все другие институты, существующие между 1917 и 1991 гг. Например, известно, что личные документы попадали в архивы только случайно: не было эквивалента так называемого Mass Observation Project, организованного в Великобритании с 1937 г., в результате чего рядовые граждане систематично посылали свои дневники, письма и случайные заметки в общественный архив.¹ Имея в виду, что система государственных инспекций детских учреждений и школ была слабо развита, что рядовые инспекции нередко совершались «на бумаге» еще менее квалифицированными сотрудниками, нежели те, которых они проверяли, можно вполне утверждать, что в документы, оседавшие в архивах, информация о детучреждениях попадала односторонней, разрозненной, несистематической и связанной в первую очередь с какими-то казусами или «сигналами»-обращениями «снизу» «наверх». Например, в случае обширной инспекции детских домов и домов младенца, организованной Управлением пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1946-1947 гг.² Целью подобных внеочередных инспекций было как раз выявление ошибок и случаев «идеологической невыдержанности». Нередко они служили обоснованием либо поводом для партийных чисток и разборок. Поэтому было бы рискованно полагаться только на них как на достоверные свидетельства того, как жилось детям даже в трудные послевоенные годы. Воспоминания и устные рассказы информантов, выросших в детских учреждениях или работавших в них, создают другую, более позитивную картину. Согласно этим источникам, условия жизни действительно могли быть жесткими, но случаи намеренной жестокости или небрежного отношения к детям оказывались исключением. К тому же, сами дети умели порой пользоваться своим положением, к примеру, как «военные сироты», чтобы добиться снисходительного отношения со стороны властей.³

Надо сказать, что исследования положения детей, проводимые в рамках социальной истории и основанные преимущественно на архивных документах, рисуют достаточно однообразную картину «детского мира» советского периода. Если пропаганда изображает некий советский «рай» (вплоть до использования традиционного образа «несусветного сада», в

Pittsburgh, 1999; Образование в Москве. М., 2000, части 5-9; Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003; и др.

¹ Об этом проекте см. Келли К., ответы на Форум-1 // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 57-58. Одно из образцовых исследований, основанных на британском архиве, – Kynaston D. Austerity Britain, 1945-1951. London, 2007.

² См.: РГАСПИ ф. 17 оп. 125 ед. хр. 457.

³ См., например, наше интервью с ленинградкой 1937 г. р., выросшей в детском доме с пяти лет: Oxf/Lev SPb-02 PF1, 2, 3, 4, 5. Здесь и далее указаны шифры Оксфордского архива устной истории России.

данном случае – пионерского лагеря или загородной дачи), то в архивах социальный историк находит его антипод, советский «ад», точнее чистилище (ведь обитатели детских домов и колоний должны были когда-то из них выйти). Травля основных наук, изучающих детскую повседневность (педологии и социологии), привела к вакууму реальной информации о таких аспектах детской жизни, как игра, дружба, любовь, семейные привязанности, жизнь во дворе и так далее, каковые никак не отражались в архивах, следующий своей, особой «номенклатуре дел», то есть государственно регулируемому списку документов, которые следовало хранить. Такой список фактически стремился устанавливать рамки социальной памяти и определять финансируемые стратегии меморизации, связанные с правовой, финансовой, административной отчетностью, но не с реальным содержанием жизни детей того или иного поколения.

Центральные для мира ребенка явления детской жизни умалчивались не только в работах российских исследователей, но и в работах их западных коллег. Стоит посмотреть на указатель ставшей уже классической книги американского историка Ш.Фитцпатрик «Повседневный сталинизм» (1999, рус.пер.2001), чтобы понять рамки интереса к детской жизни историков, специально не занимающихся этим вопросом. Мы находим в списке «детские лагеря», «беспризорников», «детей врагов народа», «детей кулаков», «детей, заклеянных позором родителей». Этот список также довольно верно представляет диапазон специальных исследований истории детства, посвященных сталинскому периоду. Несмотря на появление замечательных сборников современного детского фольклора, например книги А.Ф.Белюсова «Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой Дамы до семейных рассказов» (1998) или таких исследований, как книга М.В.Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» (1999; 2004; 2008), история советского детства до сих пор часто представляется в исторических исследованиях без учета «нормальных» моментов психологического и физического развития. Например, в исторических исследованиях детский язык и детские игры упоминаются нередко лишь в по преимуществу специфическом контексте «политизированных» игр и тайных обществ, с которыми боролись власти в поздних тридцатых и сороковых годах.¹ Детская и школьная повседневность российского детства про-

¹ См., например: Риттерспорн Г. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенном десятилетии // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-е-1930-е годы. Под ред. Т.Вихавайнена. СПб., 2000; ср.: Виноградов Г.С. Детские тайные языки. Иркутск, 1926; Харченко В.К. Словарь детской речи. Белгород, 1994; Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М., 2007; Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск, 2006.

шлых поколений только в самое последнее время начинает распознаваться в спектре возможных научных исследований.¹

Редакторы этой антологии текстов о детях и детских текстов о своей жизни уже несколько лет исследуют историю русского детства, прибегая не только к материалам из архивов, не только к опубликованным материалам (воспоминаниям, журналистике, книгам и журналам в области законодательства, здравоохранения, педагогики и т.д.), но и к устной истории. Теперь, когда исчезла эйфория, с которой встречали открытие архивов в поздних 1980-х, стало очевидно, что работать с неопубликованными архивными документами так же сложно, как с печатными: здесь тоже обнаруживаются своего рода «черные пятна» и встречается «эзопов язык». Конечно, не хотелось бы недооценивать важность самого доступа к архивам: все источники имеют свое место и значимость, тем более тогда, когда - как в случае советской и вообще русской истории - количество источников достаточно скудное. Но для создания объективного и по возможности полного представления об истории русского детства в XX веке необходимо стремиться к максимально широкому выбору текстов. Из архивов министерств и ведомств не узнать, какие игрушки были у детей и во что они играли; здесь нужно прибегать к этнографическим исследованиям (начиная со знаменитого исследования Е. А. Покровского «Русские дети и их игры»), к трудам педагогов, педологов и детских психологов, к тем немногим текстам (сочинениям, дневникам), которые писали сами дети, и не в последнюю очередь к воспоминаниям о детстве и устной истории.

Историки часто обращают внимание на возможные проблемы с «ретроспективными» устными источниками, описывающими давно прошедшие состояния. Конечно, такие источники имеют свои недостатки: в них, например, может действовать «синдром ложной (фантазийной, имплантированной) памяти», особенно если период, когда составляются воспоминания, отделен от эпохи самого детства не только временем, но и новым отношением к ее нравственным и духовным ценностям (как в случае советского и постсоветского времени). Но тем не менее, без устной истории и воспоминаний нет все же доступа ко многим важным подробностям жизни царской и советской России, раскрывающим ее сокрытые от документов стороны. Например, из каталогов книжных магазинов и библиотек можно узнать, какие были напечатаны детские книги, в каких тиражах, какие издания были перепечатаны (что уже дает какое-то общее представление о популярности данного издания). Опросы хорошо отражают степень знакомства читателей с официальными представлениями о том, что и как нужно читать. Но чтобы понять, какие книги дети читали с энтузиазмом и что они для них значили, необходимо пользоваться другими источниками: дневниками, воспоминаниями, интервью. Характерное для русской пост-

¹ См. в Интернете материалы сайтов <http://childcult.rsu.ru>; <http://sovietschool.org.ru>; и библиографию по исследованиям детства в журнале «Теория моды», 8, 2008.

романтической культуры (хотя не только для нее) пренебрежение к быту проявляется в том, что повседневная жизнь приобретает ценность только тогда, когда уходит в прошлое. Редки случаи, когда кто-нибудь, подобно петербургскому чиновнику С.Ф.Светлову, решает составить некое «пособие тому лицу, которое впоследствии, быть может, вздумает описывать быт и нашего времени».¹ К тому же, дневники, написанные детьми, не только крайне редки, но также непредставительны по отношению к общей детской читательской публике (писали дневники в основном дети из столичной элиты),² что делает крайне важными как раз воспоминания о детстве самых разных лиц (устные и письменные).³ «Синхронные» источники могут точно также вводить в заблуждение, как и ретроспективные. Достаточно часто бывает, что дети пишут дневники как школьное задание, под прямым руководством учителей или родителей. Есть дневники для подруг или друзей, для «сердечного друга» или «дамы сердца». Существуют дневники-самооправдания и далекие от правды письма.

Итак, нет такого источника, где была бы непосредственно представлена личность ребенка. Но нет и источника, содержащего только «идеологический» материал. Даже письма, адресованные советским вождям, часто включали кое-какую информацию о детях, их написавших, а иногда и целые исповеди, как в случае письма, отправленного из Смоленской области пятиклассником Женей Шепцовым К. Е. Ворошилову в 1961 году.

Одним из основных побуждений для составления этой антологии была попытка расширить материалы, доступные для историков русского детства, показать возможные направления дальнейшего поиска. Нам хотелось создать некое трехмерное изображение детства в советской и досоветской России XX века, где были бы представлены не только жизнь в детских учреждениях, но и жизнь в семье, где присутствовали бы одновременно идеология и повседневность, ценности коммунистические, христианские и вообще духовные. Мы стремились представить детство не только в самые страшные моменты русской и советской истории, но и в более спокойные времена, когда, по словам одной нашей информантки, «слава Богу, пожаров не было, катастроф тоже нет... Нет, все было нормально».⁴ Мы хотели показать, что и в самые страшные моменты истории их содержание не исчерпывалось только ужасающей стороной действительности. Действительность детства, слава Богу, была во многом более разнообразна, и восприятие детьми взрослых катастроф предстает подчас совсем с иной точки зрения, с неожиданной и удивительной стороны.

Одна из наибольших проблем для исследователя детства – разбросанность нужного ему материала. В России XX века никогда не существо-

¹ Светлов С. В. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). Под ред. А.М.Конечного СПб., 1998. С. 11.

² Среди примеров: Самойлов Д. Дневник счастливого мальчика // Знамя. 1999. № 8.

³ Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003. С.61 и др.

⁴ СКQ-Оx-03 ПФЗА. С. 2. Женщина 1957 г. р., выросла в Одессе.

вало «министерства по делам детства». Документы, имеющие отношение к жизни детей, сохраняются в архивах самых разных министерств и ведомств. Материал можно найти не только в таких очевидных местах, как, например, фонды гимназий, канцелярий, комитетов и благотворительных организаций¹, но и в довольно неожиданных (к примеру, мы нашли 90 автобиографий учащихся церковно-приходских школ в бумагах Статистического Отдела Ученого Совета Святейшего Синода). Собрание архивных материалов само по себе предоставляет услугу будущим исследователям нашей темы. Тем не менее, в данную книгу включены и многие источники другого рода. Рядом с трудно доступными печатными материалами (отрывками из книг и журналов, ставших библиографическими редкостями, например, эмигрантского журнала «Русская школа за рубежом», сборника Анны Гринберг «Рассказы беспризорных о себе» (1925), педологического пособия по уходу за маленькими детьми Е.Г. Бибановой, «Как готовить из ребенка в возрасте до 3-х лет будущего строителя новой жизни» [1927]), читатель найдет также и неопубликованные воспоминания, сохранившиеся в частных архивах, и отрывки из взятых совсем недавно интервью с людьми разных поколений.

Конечно, в одной книге нельзя вместить все документы, важные для изучения истории детства, но мы надеемся, что набор представленных в книге текстов создает впечатление о типах источников, в которых можно найти ценный материал по истории «будущих поколений» в России, истории, мало документированной как по периоду досоветского, так и по этапам советского детства. История детей и детства в России, безусловно, приобретает постепенно черты отдельной научной дисциплины. Другие исследователи внесут и свой вклад в ее становление, дополняя пробелы, собрав, например, материал в архивах русской провинции (наша антология, в основном, отражает жизнь в двух столицах) и в частных архивах, где, вероятно, можно обнаружить гораздо больше дневников, рукописных воспоминаний, любительских фотографий, детских рисунков, чем мы можем сейчас даже вообразить. Главное на данном этапе изучения истории детства – дать понять, что все материалы о детстве в России стоит беречь и публиковать. Редкие инициативы по изданию их в России контрастируют с энергичной издательской деятельностью в других странах, например в Германии и Австрии, где такого рода тексты о становлении разных поколений, их культуре и традициях воспитания печатаются многотомными изданиями с достаточно высокими тиражами, и где «история детства» уже стала полноправной, «совершеннолетней» отраслью среди других, «взрослых» исторических наук.

¹ См., например, список фондов по теме «Петербургская дореволюционная школа» в ГИА Санкт-Петербурга, приведенный в работе А.Н.Шевелева «Образовательная урбанистика: историко-педагогические аспекты изучения петербургской дореволюционной школы» (СПб., 2005. С.326-337).

Подзаголовок в названии антологии - «Взрослые о детях и дети о себе» - отражает двойность помещенного в нее материала. В каждую главу, свидетельствующую о том или ином десятилетии в истории детства в России, включены тексты самих детей (дневники, письма, рассказы, стихи, автобиографические «рассказы о себе») и тексты взрослых о детях. Тексты, написанные взрослыми *для* детей – например, произведения детской литературы или назидательные тексты для юношества - здесь не фигурируют. Такие тексты легко можно найти в любой библиотеке, они известны большинству наших читателей: область детской литературы как раз сравнительно хорошо и тщательно изучена.¹ Конечно, как было сказано выше, тексты, написанные детьми, не всегда прямо отражают интересы и фантазии самих детей: письма вождям и знаменитым писателям, в издательства или в Дом детской книги, были написаны если не «на заказ», то по крайней мере «по указке» жанровых моделей взрослых текстов (челобитной, евлогий, жалобы). До какой степени взрослые влияли на тексты детей – советами, критикой, предоставлением материала для списывания, и/или редактурой после того, как текст был написан, сейчас трудно определить. Но в конце концов, не самое главное, насколько «оригинальны» детские тексты. Более того, взрослые авторы тоже начинают с моделей и с жанровых конвенций, и мнение о том, что дети ничего *своего* не умеют выражать, основано скорее на предубеждении, что у детей нет свободы действия в историческом процессе, так называемого *агенсу*, чем на реально существующем, стабильном и четком психологическом различии между способами самоопределения у «детей» и у «взрослых». Можно сравнить отсутствие «малолеток» во многих исторических анализах войн, экономики семьи, эволюции наемного труда (*wage labour*), и даже в истории педагогики (как истории политики в сфере образования, истории школ и истории теорий воспитания и обучения).

Конечно, детство не единый феномен даже в одну эпоху и в одном регионе. В традиционном крестьянском обществе, как и в современном городском, «возрастные пороги» признавались весьма важными, но переход от одного возраста к другому сопровождался особыми архаическими ритуалами (например, «развязыванием языка», «развязыванием ног» во время первых шесть-семь лет жизни).² Ребенка, который долго не начинал говорить, носили на колокольню или разламывали над его головой лучинку.³ То же самое относилось и к наступлению отрочества: несмотря на не все-

¹ См., например: Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003; периодически издающиеся сборники «Детская литература и воспитание» (Тверь); «Мировая словесность для детей и о детях» (Москва); «Проблемы детской литературы и фольклор» (Петрозаводск); регулярно появляющиеся пособия по истории и современному состоянию детской литературы.

² Байбурин А.К. Слово и язык в традиционной русской культуре // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 387-388.

³ Там же. С. 390.

гда достаточную реальную физическую зрелость ребенка 12-13 лет, от него ожидали, что он будет уже работать как взрослый человек. Для этого возраста тоже существовали своего рода «ритуалы перехода» - от посиделок и хороводов русской деревни до «последнего звонка» в городской школе второй половины XX века.

В нашей антологии под «детством» мы прежде всего подразумеваем ту его фазу, которая в британских и американских исследованиях часто называется «ранним детством» - т.е. период от двух до четырнадцати лет, от приобретения таких основных навыков, как умение говорить и ходить, до половой зрелости. Конечно, детство не «кончается» в тринадцать-четырнадцать, так же как оно не «начинается» в два-три года. Некоторые из приведенных источников отражают размытость установленных нами для материалов данной книги возрастных границ: в них упоминаются дети младше или старше. Тем не менее, ключевая фаза «раннего детства», объединяющая время, когда дети впервые начинают осознавать свою собственную индивидуальность, и время, когда они, иногда неохотно, а иногда и радостно, начинают считать себя «взрослыми», признавались в русскоязычной терминологии (ср. «младенец», «ребенок», «отрок» или «подросток»), в фольклоре, и в жизненной, повседневной практике. Внутренние деления этой биографической фазы определяли, например, начальный возраст для посещения детского сада (2-3 года), школы (7-8 лет), начало специального или профессионального образования (14-15 лет), а в советское время еще и вступление в ряды октябрят, пионеров, комсомольцев. Принятая нами при составлении книг дефиниция детства была понятна большинству авторов документов и устных воспоминаний, цитируемых здесь.

Разумеется, история детства реконструирует не только ментальность и условия жизни детей. Она не должна считаться темой, далекой от историографического мейнстрима, некоторым упражнением в краеведении на уровне истории поколений. Понять, какое было отношение к детям в таком-то обществе в такое-то время необходимо для реконструкции того, каково было отношение к людям вообще. Дети рано или поздно становятся взрослыми, и социализация, пройденная ими в детстве, влияет (правда, не всегда напрямую) на их ментальность в зрелые годы. Но это еще не все. Взрослые, которые пишут о жизни детей, через описания детского общества очень часто изображают идеалы или, с другой стороны, кошмарные видения человеческого поведения вообще. Писать о «детской» теме значило для многих писателей и специалистов, работавших в условиях царской или советской цензуры, иметь возможность более или менее безопасно касаться до щепетильных вопросов. Например, в журнале «Советская юстиция» вплоть до конца 1930-х годов обсуждались ошибки судебных инстанций в отношении детей, подчеркивалась необходимость обходиться с малолетними мягко и тактично. Трудно себе представить статью с подобным обсуждением ранимости и специальных потребностей подсудимых взрослого возраста. Либеральные ценности, выраженные в культе «свободного

воспитания», распространенного в русской педагогике с начала XX века, в конце 1920-х годов стали вызывать все более ожесточенную критику. Но даже после постановления о «педологических извращениях» эти ценности продолжали прослеживаться в педагогике, в представлениях о детском творчестве и о творчестве для детей, и в идеях о детской психологии. Материалы, посвященные детям, дают представление не только о том, как работала советская система в худших своих манифестациях, но и о наиболее благородных стремлениях внутри этой же системы.

Чтение текстов детей и/или о детях, о детстве дает яркое впечатление об исторической эволюции. Конечно, нет сомнений, что детская жизнь во многих отношениях поразительно стабильна. Детей всегда учат, как ходить и говорить; все они на каком-то уровне проходят процесс социализации в интеллектуальном и моральном смысле. Они неизбежно должны общаться со взрослыми и с другими детьми. Иногда стабильность чувствуется не только на уровне абстрактных принципов, но и на уровне конкретных педагогических и культурных практик. На протяжении всего XX века русские дети, как и их сверстники за рубежом, играли в такие традиционные подвижные игры, как салки, в такие ролевые игры, как «дочки матери» или «казаки-разбойники». Но в то же самое время жизнь детей коренным образом меняли исторические события: война, революция, голод, - в первой половине XX века; противоречиво, далеко не везде и не во всем растущее благополучие с конца 1950-х гг. и т.д.

В детстве любых эпох чувствуется смесь универсального и специфического. Страх – необходимый элемент в детстве (тому есть очевидные биологические причины: инстинкт «самоспасения» и самосохранения – ключевой в выживании любого биологического организма). Но в 1915 или 1919 году типичным побудителем детского страха могли быть появление в месте жительства иностранных войск, в 1942 году воздушная тревога, в 1937 или 1948 годах арест отца или матери, в 1962 году боязнь, что американцы начнут бомбить Советский Союз... Имея в виду эту бесконечную игру постоянного и меняющегося, материалы книги распределены не тематически, а хронологически, по десятилетиям.¹ При таком подходе чувствуется некоторая общая периодизация, связанная с историческим развитием страны, хотя границы между главами не всегда проходят по привычным датам. Иногда они совпадают с событиями всемирного значения (начало Второй мировой войны, например), иногда с событиями, имеющими непосредственное значение в жизни самих детей (среди таковых, в частности, школьные реформы 1932 года, которые положили конец не только «самоуправлению» и «бригадной системе», но и идеалу «ребенка-активиста», центральному в пропагандистских изображениях детей и наиболее важно-

¹ Составители выражают искреннюю благодарность М.В.Богуславскому, чья монография «XX век Российского образования» (М., 2002), в которой материал по истории образования в XX столетии распределен по десятилетиям, натолкнула нас на подобную же структуру данной антологии.

му из всех лозунгов для детей 1920-х годов). Но иногда наши границы приводят к вопросам о значении таких исторических рубежей – например, в 1917 г. резко меняется стиль отчетов о детских учреждениях, но идеалы «свободного воспитания» остаются в силе. И в бунтах 1905 г., как оказывается, были не только сиюминутные революционные стремления, но и «вековечные» – например, отстаивалось право носить обычную одежду вместо формы и открытие школьных курилок.

Идеальным было бы в составлении исторической антологии достигнуть баланса жанров, количества текстов, написанных детьми и взрослыми, отраженных в них тем и т.д. К сожалению, сами источники сопротивляются достижению такого рода изящной симметрии. Изобилие источников за 1920-е и ранние 1930-е годы нехарактерно для некоторых других десятилетий – особенностью этого периода была не только возможность сравнительно открытой дискуссии по политическим вопросам, но также сильное влияние педологического движения, чувствующееся, например, в процветании исповедальной автобиографии как жанра. Поэтому гораздо легче составить впечатление о «рядовом» детстве 1920-х, чем о неэлитном детстве сталинской эры, когда автодокументальные тексты писали в первую очередь дети из незаурядных семей.

Вторая половина XX века ставит перед исследователями проблемы несколько другого рода. Многие материалы в архивах до сих пор недоступны исследователям в связи с запретом либо на сам доступ к документам, упоминающим «персоналии» или «тайны личной жизни», либо на их цитирование, либо на выдачу архивных дел стороннему по отношению к данной организации исследователю (Научный архив Института российской истории). К тому же, много материала еще не передано в государственные архивы, сохраняется (если вообще не исчезло) только в фондах самих детучреждений (школ, детских садов, больниц и т.д.), в других малодоступных ведомственных архивах, в семейных и личных собраниях. С приближением к современности, как ни странно, уменьшается количество не только официальных документов – редуют количественно и воспоминания. Из тех, кому еще не миновало 40 лет, мало кто сядет за писание своих мемуаров (кроме людей из социально нетипичной группы профессиональных писателей). Поэтому пропорции источников различны в зависимости от эры: по понятным причинам, у нас почти нет материалов интервью, относящегося к дореволюционному периоду. С другой стороны, большую часть отдела, посвященного последним десятилетиям XX века, составляют цитаты из интервью. Тем не менее разные жанры «детского документа» (отчеты и другие официальные документы, репортаж, воспоминания и другие письменные «автодокументы», интервью) представлены во всех главах так, что можно проследить не только эволюцию детской жизни, но и эволюцию повествовательных стратегий, использованных при описании жизненного опыта детства.

За последние несколько лет появилось много любопытных публикаций материалов, так или иначе отражающих историю русского детства: документы, фольклор, воспоминания.¹ Составляя нашу антологию, мы постарались учесть уже существующие издания, сосредоточившись на материале, недоступном в них. Мы также стремились отразить детство не только разных периодов истории России конца XIX – второй половины XX веков, но и разных социальных слоев российского общества; найти источники, отражающие специфику детства некоторых из них, гораздо труднее, чем найти материал о жизни детей других сословий². Остается только надеяться, что мы сумели дать хотя бы некоторое представление о фантастическом богатстве сведений о мире российского детства, содержащихся в архивных документах, в редких книгах, в журналах и газетах, в памяти живых людей, и что спорное, субъективное и противоречивое собрание этого материала, насыщенное мнениями самых разных людей о детстве, будет полезным для пробуждения интереса к теме детства у других исследователей с тем, чтобы со временем история русского детства была так же хорошо освещена, как история детей в других странах мира. Данная антология воспоминаний и документов о детстве в России составлена в качестве своего рода «зеркала» к книге К.Келли «Детский мир. Взросление в России 1890-1991 гг.» (C.Kelly. Children's World. Growing Up in Russia 1890-1991. New Haven-L.: Yale UP, 2007).

Составители посвящают это издание памяти выдающегося российского ученого Николая Александровича Рыбникова (1880-1961), задумавшего в 1944-1946 гг. проект изучения «истории русского ребенка», но, к сожалению, так и не нашедшего сил и возможностей реализовать его.³

По технической причине издание выпускается в двух частях. Первая часть посвящена детству 1890-1940 гг., вторая – детству 1940-1990 гг.

Составители выражают глубокую благодарность Российскому государственному гуманитарному университету и Российской академии образования за организацию постоянно действующего научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» и за включение данной антологии в число его публикаций. В серии трудов Семинара предполагается публиковать исследования и документы по истории детства в различные исторические периоды и в разных регионах. В качестве второго и третьего выпусков Оргкомитет семинара посчитал логичным подготовить антологию источников по истории российского детства в ближайшее к нам

¹ О некоторых отдельных публикациях было упомянуто выше; можно также указать на огромное количество воспоминаний и документов, появившихся в таких журналах, как «Знамя», «Звезда», «Исторический архив».

² Например, сравнительно редки письменные воспоминания о детстве в рабочей среде. Поэтому наш проект устной истории, поддержанный фондом Ливерхьюма, придавал особое внимание сбору именно такого рода материалов в городской и сельской среде.

³ См.: Безрогов В.Г. Российский предшественник Филиппа Арьеса // Ежегодник Российского психологического общества 2005. Специальный выпуск. Том 1. М., 2005. С.6-9.

столетие, чтобы от представления о процессах в современной отечественной истории можно было оттолкнуться в дальнейших ретроспективных и компаративных исследованиях и публикациях по детству.

Мы благодарны всем фондам, оказавшим нам грантовую поддержку, и всем коллегам, помощь которых была необходима при составлении антологии, прежде всего – Елене Лярской, Екатерине Мельниковой, Оксане Филичевой, Юлии Рыбиной, Любове Тереховой, Юрию Рыжову, Михаилу Виноградову, Евгении Надеждиной, Нине Лозиной. Мы также глубоко благодарны администрациям и сотрудникам всех тех архивов и рукописных фондов библиотек, материалы из которых приведены в данном издании.

Во всех текстах употребляется современная орфография. Случайные опечатки и описки исправлены. Особенности орфографии и пунктуации, характерные для детских текстов и других материалов, созданных на нестандартном русском языке, сохранены. В текстах интервью сохранены характерные черты устные речи (повторы, неполные предложения, и т. д.); добавления, нужные для понимания смысла, указания на выражение лица и жесты информанта и эмоциональный колорит его речи, вставлены в квадратных скобках. Оригинальные заглавия документов (напр., «Отчет о проделанной работе отряда пионеров №1 им. тов. Зиновьева Тавдинского района Ирбитского Округа с 7-го по 20-е Мая 25 г.») и заглавия, присвоенные редакторами (напр., О детских домах Ленинграда в 1924-1925 учебном году), внешне ничем не отличаются; заглавия-цитаты из текста даются в кавычках. Не все документы приведены полностью. Пропуски текста отмечены многоточием в квадратных скобках; простое многоточие либо принадлежит авторам документов, либо обозначает паузу в интервью. Тексты интервью, включенные в сборник, были подвергнуты минимальной редакции - устранены оговорки и повторы (эти места специально не указаны), но тщательно сохранен характер живой речи. Мы выражаем глубокую благодарность нашим информантам, помогавшим нам с предпечатной подготовкой текстов и согласившимся на опубликование своих воспоминаний в "неприглаженном" виде.

К.Келли, В.Безрогов

Глава 1. «Ученики приветствуют царя» 1890-1899

В «марксистско-ленинской» официальной историографии России 1890-е годы связывались с реакцией, русификацией, развитием капиталистических социально-экономических отношений и расцветом буржуазной культуры. С точки зрения истории детства, все выглядит иначе. Эти годы отмечались ростом благотворительности (толчок работе в этой области был дан появлением в российских городах так называемых «ничьих детей», которых именно в эти годы стали называть «беспризорными»). Характерным явлением было и расширение сети школ Министерства

Народного Просвещения, земства и Святейшего Синода. Хотя в казенных школах образование и воспитание оставались во многом традиционными (см. материалы о «классных наставниках» гимназий Петербурга), на социальные условия в школах стали реагировать неодобрительно дети из интеллигентных семей, к которым дома уже относились внимательно и даже нежно. В деревнях и следов «свободного воспитания» не было, но тем не менее, жизнь начала меняться и там. В автобиографиях учеников церковно-приходских школ и семинарий через детские впечатления тех лет мы видим намного более полную картину жизни детей, чем в официальных жизнеописаниях советского времени. Здесь говорится не только о жажде образования типичного крестьянского ребенка, но и об играх и проказах, отношениях с родителями, братьями и сестрами, и вообще о детском быте тех лет.

ВОСПОМИНАНИЯ

Жизнь крестьянских детей в 1890-х годах: воспоминания учеников церковно-приходских школ (1903 год)¹

Эти автобиографии очевидно были написаны как школьные сочинения (составление короткого «рассказа о себе» было заданием, необходимым для допуска учеников к выпускным экзаменам). Они довольно разные по тематике и стилю. Воспоминания рисуют яркие картины детского крестьянского быта конца XIX - начала XX века, описывая не только весьма естественное стремление «выбиться в люди», но также и домашнюю жизнь, отношения с товарищами, игры и проказы, страхи и радости детей «из народа».

Саратовская епархия

Надежда Иогансон

Я родилась 1888 года 14 сентября в городе Чембаре, Пензенской губернии. В этом городке я и провела первые годы детства. Отец мой был садовником; семья наша состояла из шести человек: отца, матери бабушки, меня, сестры и брата. В Чембаре у нас был свой дом, но мы не всегда жили в этом городе. Когда мне исполнилось девять лет, мы переехали в Черниговскую губернию, потому что отцу моему вышло туда место. Здесь счастливо протекло мое детство. Я всегда видела всех счастливыми и веселыми из нашего семейства и сама также была постоянно счастлива. Здесь мы жили зимой на хуторе, называемом Черешенки, а летом в селе – Вишенки. Летом я целые дни проводила в садах, а иногда и ночи. Когда наступала ночь, я забиралась в темную аллею и, сев где-нибудь под деревом, любила следить, как зажигаются звезды и слушать песнь соловья; я кажется, все позабыла на свете: все мне казалось волшебным, пре-

¹ РГИА ф. 803 оп. 16 д. 2370 «Училищный Совет при Синоде: Статистический отдел. Автобиографические очерки учеников церковно-приходских школ разных епархий 1909 г.» лл. 68-70, лл. 106-108, лл. 110-112, лл. 114-115, 116-117, 123-124, лл. 130-131, 138-138 об., лл. 155-156. Всего в деле 90 подлинных рукописных автобиографий.

красным вокруг. Звезды, как ангельские глазки, смотрят с высоты, а месяц волшебник ночи, плывет по небу и своим светом освещает все дорожки и деревья. Напротив сада находится парк, в котором белеется Потлово, давно забытый дворец, окруженный фонтанами и цветниками; освещенный месяцем, он кажется еще прекрасней и великолепней, а в одной из аллей этого парка раздается пение соловья. Так проводила я летние ночи; днем же я время проводила так; до 2 часов я училась. После занятий вместе с подругами шли купаться, а иногда катались на лодке по Десне, которая находилась в недалеке от нас. Так шли дни за днями – счастливые веселые, но так как мне было уже одиннадцать лет, а брату тринадцать, то родные стали думать о нашем ученье, но поблизости училищ не было, тогда мы переехали на свою родину. Но и здесь мне было весело; меня отдали учиться, я поступила во второе отделение приходского двухклассного училища, а брата отдали в городское. Но не пришлось мне долго учиться здесь: папе вышло новое место в Симбирской губернии и мы переехали все кроме брата, которого не хотели отрывать от ученья. Но эта переездка доставила много несчастья нашему семейству. Папа простудился и заболел скоротечной чахоткой. Печально тянулись дни моей жизни в новой местности. Прежде я видела маму счастливой и веселой, теперь же все чаще и чаще приходилось видеть мне ее в слезах. Я как теперь помню все дни болезни моего отца. Была прекрасная весна; трава зеленела, дубы одевались листьями; вся природа ликовала, а папе становилось все хуже и хуже. Много горького пришлось перенести нам с сестрой. Счастливое семейство обратилось в несчастное. Я не знаю, как мама перенесла эти дни; я видела, как иногда целые ночи стояла она на коленях и молилась Богу, также заставляла и меня, но я, утомившись за день, крепко засыпала не раздевшись, часто и без ужина. Я очень любила папу и потому при мысли, что он скоро уйдет далеко, далеко, как говорила мама, которая не в силах была утешать нас,¹ я не могла удержаться от слез, но всегда при маме старалась сдерживать их. Так шли дни за днями. Прошло жаркое лето, дождливая осень, наступила зима. Приближался великий праздник Рождество Христово, а дни жизни моего отца были уже сочтены. Семнадцатого декабря его соборовали и причащали, в ночь на восемнадцатое папы не стало. Я помню этот злосчастный вечер. С утра бушевала мятель. Рано утром разбудила меня сестра и велела мне скорей одеваться, сказав, что папе хуже. С самого утра я ничего не ела и все это время была у постели папы и не хотела ни на минуту отойти от него. Я помню, как он благословил нас с сестрой, как последний раз взял с меня обещанное, что когда я буду большая посету его могилу. Все плакали, прощались. Также я помню, как он говорил, что ему не хочется умирать; он звал моего брата Костою. О несчастный! он не мог слышать последних страданий своего отца: он был далеко. После этого папа впал в беспамятство и стал стонать; этот стон и до сих пор звучит в моих ушах. Предсмертные страдания моего отца продолжались с 11 часов вечера до 3 часов утра; в 3 часа его не стало; упав на бесчувственное тело, криком своим я оглашала всю комнату; далее я не помню что было со мной. Утром я увидела в зале папу, лежащего на столе с скрещенными руками на груди. Он был спокоен и бледен; я понимала, что никакие уже силы не возворотят его нам. Прошли томительных три дня, наступил день похорон. Я пом-

¹ В оригинале следует точка с запятой.

ню, как отслужили панихиду в нашем доме и двинулись в село, которое находилось не вдалеке от хутора; всю дорогу, а так же и во время панихиды в церкви, я не могла плакать; когда же стали прощаться, я помню, как горевшие мои губы коснулись холодного лба и вздрогнув невольно, я простилась на веки с дорогим, любимым отцом. Молча шла до могилы и желала мысленно, чтобы путь продолжился, но нет вот уж и могила. Здесь еще раз отслужили панихиду и, когда певчие пели, со святыми упокой стали забивать крышку. Но вот уже и спускают в могилу. Я слышала, как рыдала мама и сестра, но я не могла плакать в это время. Священник стал предавать земле, я тоже последовала его примеру; глухо ударился мерзлой кусок земли о крышку. Только теперь я как будто очнулась¹ от какого то сна и вспомнила о брате: Костя, милый Костя! ты не знаешь, что делается здесь и слезы заструились по моему лицу. Когда гроб засыпали землею, мы возвратились домой, невыразимая печаль терзала душу; каждый предмет напоминал о папе и слезы невольно струились по щекам. Со дня похорон папы я не видела маму без слез; сестра не могла успокоить ее потому что сама очень любила папу и без слез не могла вспоминать о прошедшем. В скором времени из Симбирска мы возвратились в Чембар; я стала снова учиться и 1903 года кончила курс. Сестра моя вышла замуж. Брат тоже кончил в городском училище и хотел ехать учиться в Пензенскую Учительскую Семинарию, но желанье свое не мог исполнить: он заболел и доктор не велел продолжать ученье. Меня отдали в Потловскую второклассную параллельную школу. Так опять новая жизнь: я очутилась в кругу новых людей. Так прошло дорогое невозвратное детство.

Надежда Иогансон. *учен. дополнительного класса шк. Р.С. Алли*²

Церковно-учительская школа в г. Томске

1.Петр Лазеев

(1) Жизнь в Европейской России.

Я родился в 1886 в Тамбовской губернии того же и уезда, в Беломестно-Двойневской волости, в селе Незнановке. В этом уезде и особенно в нашей волости на незначительном пространстве сгруппировалось несколько деревень, поэтому у наших крестьян было очень мало земли. А известно, что если у крестьянина нет земли, то живет плохо. Жилось вообще плохо и моим родителям. К тому же в 1890 году у нас сторел дом. Отец мой был грамотный и состоял сельским писарем. Подговоривши некоторых крестьян, он написал прошение, чтобы разрешили переселиться в Сибирь. Прошел год, а ответа на прошение все еще не выслали. Отец мой отчаялся уже пожить «на воле» и построил новую избу. На другой год вышло разрешение, и мы могли отправиться в Сибирь.

Горько было расстаться с родиной, тем более, что он построил новую избу и на огороде у нас разведен был садик; отец сам насадил его и поэтому очень жалел. Однако и на прежнем месте остаться – значило прожить в нужде всю жизнь до смерти. После значительных колебаний отец решил переселиться, продал имущество, уплатил считавшиеся за ним недоимки – и мы отправились в неведомую дорогу.

¹ Слово «очнулась» вставлено.

² Курсив --приписка другой рукой.

(2) Отец и его отношения к нам.

Как ни бедно жил отец, однако он старался избегать частных долгов, -- он считал это унижительным.

Это была честная и прямая натура. Отец как сам поступал, так и нас (нас было 8 человек детей) научал во всем соблюдать порядок. Хотя отец и не кричал на нас без причины, но мы его боялись, и как только он, бывало, заходил, -- мы смеялись тихо и разговаривали шепотом. Но мать мы несколько не боялись, как только отец уходит, опять поднимали возню; наказывать нас мать не хотела, но, чтобы хотя несколько умерить наши крики, она говорила: «вот отец идет – он вассс!!!»

Отец рано начинал нас учить грамоте и страшно преследовал лень мою; в этом отношении он употреблял даже физическое наказание. Однажды, набегавшись за день, мне хотелось слезть с полатей на занятия (отец занимался с нами вечером;) отец выпорол меня лыком и не прежде отпустил меня, как я прочитал, нервно запинаясь, «Во имя Отца».

(3) Жизнь в Сибири

Осенью 1892 года мы прибыли в Тюкаминский уезд Тобольской губернии. В Любинской волости мы остановились зимовать. Хозяин наш, дед Григорий, рассказами о приволье здешнего края поднимал дух переселенцев, -- и мы не раскаявались в том, что переселились в Сибирь. Но нас последили несчастья. Мы не привыкли к здешнему климату; отец поэтому сильно захворал, чуть не умер в горячке.

Летом мы с другими земляками переехали на указанное нам место и образовали поселок. Отец построил нам избу, огородил двор, а 8-го января 1893 года скончался в горячке же. Потеря отца была для нас тем ощутительнее, что в материальном отношении мы оказались очень бедными. Мы даже не могли рассчитывать на спокойное пропитание: отец получал, хотя и очень скромное жалованье и зарабатывал; мы же не могли еще исполнить трудных работ. Но в это время из казны нам выдали 50 руб. денег и семян для посева. Летом двое из нас стали пасти овец – и дела наши исправились. Пастухом был и я в продолжении шести лет.

(4) Период учения.

От отца я остался семи лет. Я был (да впрочем и сейчас мало изменился) от роду болезненный, тщедушный. Помню еще в Незнановке (будучи четырех лет) я побежал на встречу отцу, который возвращался с поля, хотел его приветствовать и... не мог выговорить слова. Родители не подозревали, но во мне была наследственная нервная болезнь – заикание. Я прекрасно был подготовлен отцом; знал много молитв, умел уже читать, -- поэтому мать не спешила отдавать меня в школу. В школу я был послан, когда мне исполнилось восемь лет. Учитель наш был малограмотный и преподавать вовсе не умел. Иногда он пропускал целые дни без занятий, а иногда занимался до сумрак – задавал еще на дом. Я приготовлял уроки безукоризненно, а для этого надо было поздно ложиться и очень рано вставать. Это очень вредно отразилось на моем здоровье: я стал сильно заикаться. Впрочем это несколько не помешало мне окончить курс в одноклассной школе.

Страсть к учению, к книгам сказалась во мне еще в образцовой школе. По выходе из нее я брал у учителя книги; ни одной не находилось в его библиотеке, которую я не читал. Я жаждал учиться, но где же мне было мечтать об этом, когда братья едва-едва доставали для семьи насущное? Я был исполнен светлых надежд – и к счастью они оправдались: зимой по ходатайству Наблюдателя я был принят во второклассную школу.

Из второклассной школы я вынес лучшие воспоминания. Здесь я близко сошелся с лучшим из друзей Власовым. Он был старше меня, лучше меня понимал, -- и я ему беспрекословно подчинился. Мы вместе читали книги, единственные источники, из которых мы почерпали мудрость житейскую, в которых мы искали правды. Вместе с Власовым мы составляли планы жизни. В эту счастливую пору все мне казалось в розовом свете, в жизни я видел только одно хорошее. Я с радостью принялся за учительство, уверенный в своем призвании и в том, что я принесу огромную пользу. Но я забывал, что учительство требует практики, которой к сожалению во мне не было. Крестьяне с недоверием отнеслись к моей деятельности, поэтому я не мог иметь на них большого влияния. Я хотел дать по крайней мере прочное развитие своим ученикам – и этого мне не удалось за неимением учебников, пособий.

Я решил продолжать образование. Летом я исполнил крестьянские работы на ряду с братьями, а в свободное время приготавливался. В августе я отправился в Томск и выдержал вступительный экзамен в учительскую школу.

2. Иван Воронцов

Автобиография

Родился в 1886 году в селе Мало-Пичугинском Томской губернии. Отец мой был псаломщик. Мать по происхождению – крестьянка. Жили родители мои бедно. Причина этому та, что отец всякую заводившуюся в доме копейку спроваживал в кабак. Мать старалась удерживать его от пьянства, но все ее усилия сделать это были тщетны. В супружестве родители мои прожили всего четыре года, после которых отец мой умер. Мне в это время было месяца два. Когда мать осталась вдовой, то перешла жить в дом своих родителей. Семья последних состояла из отца, матери и их старшей дочери, которая решила навсегда остаться в девушках. Вскоре дедушка мой по матери скончался. Теперь, когда в семье нашей не стало хозяина, родным моим трудно было пропитаться. Но кормиться нужно было как-нибудь, и вот они с этой мыслью стали разводить рогатый скот и выручать за него деньги. В будущем на меня возлагались все надежды как матери, так и бабушки с теткой, а поэтому и уход их за мной был большой. На улицу меня выпускали мало, опасаясь того, что там меня задавят, или поколотить какой-нибудь мальчуган, или же сам я упаду откуда-нибудь и ушибусь. Вследствие этого, я и с товарищами своими в детстве играл редко. Находясь в избе я проводил время в детских забавах. Так, брал бабки и запрягал их, как настоящих лошадей, в тележки, вырезывал из береста мужиков, которых после садил на воображаемых лошадей и разваживал по избе в качестве чиновников, купцов и т. п. Иногда же представлял себя потом, совершающим службу. При этом надевал на себя шаль с завязанными концами, в виде ризы, брал в руку веревочку с привязанным к концу ее колокольчиком и

размахивал как бы кадиллом. Вечером, когда начинало темнеть, я залазил на печку и заставлял бабушку свою рассказывать разные «истории». и она рассказывала мне про колдунов, разбойников, святых людей и про русскую старину. Рассказы ее были исполнены интереса и живости. Слушал я их всегда с большим вниманием. После дневных работ родные мои становились на колена перед иконами и горячо молились Богу, приучали и меня к тому же. На восьмом году меня отдали в сельскую школу грамоты. Учился тут я плохо. Причиной этому было, на сколько помню, небрежное отношение учителя к своему делу. Мать моя сильно сожалела, что учусь я плохо и, чтобы помочь мне как-нибудь, пригласила ко мне одного старшего ученика в качестве репетитора. Занимался он со мной по вечерам и, надо сказать, много помог моей малоуспешности. Мать платила ему копейки по 2-3 за вечер и он, как видно было, довольствовался и этим малым. Законоучитель же нередко говорил мне: «Тебе, Воронцов, надо больше заниматься, чтобы выдти человеком, а то иначе будешь где-нибудь пастухом.» Приходя домой, я передавал родным слова священника. Мать и тетка находили их справедливыми и говорили при этом, что меня для успешного обучения грамоте нужно отправить в Томск, где, по их выражению, «учителя сами много знают и меня тому же научат». Но бабушка находила лучшим оставить меня в селе и приучать к крестьянским работам. Мнения свои, как мать с теткой, так и бабушка, защищали и подтверждали их разного рода доказательствами. Скорее их я слышал и по своему заключил, что правды больше на стороне матери и тетки. Поэтому, когда они спрашивали меня: «Что для тебя, Миша, лучше: ехать в Томск и учиться, или пахать пашню и платить подать?» я отвечал, что лучше поеду учиться. И действительно, на десятом году, в начале сентября, меня мать повезла в Томск. Поездку мы совершили благополучно. Мать хотела отдать меня в духовное училище и при том, на казенное содержание, но я не был принят туда, потому что поздно приехал и все места в пансионе были заняты. Назад же мать меня не хотела везти, так-то дом наш находился на большом расстоянии от Томска и эта обратная поездка, без цели, принесла бы ей не малый убыток. И вот она, после многих хлопот, определила меня в II-е отделение Двухклассной Архиерейской школы. Отсюда меня скоро выбрали в архиерейские певчие и взяли даже на казенное содержание. Таким образом, материально я был обеспечен. Первое время я очень скучал по доме, родных и пр., но потом обжился, ко всему пригляделся и дожил по-новому: хорошее бросал, новое, дурное принимал. В школу Архиерейскую принимали детей всякого рода, и выключенных за худое поведение и малоуспешность из других училищ, и выведенных судьбой из грязи житейской, которые со всем худым и нежелательным достаточно уже ознакомились, и тому подобных. Впрочем, поступали мальчики и порядочные, но среди испорченных и они, за некоторыми исключениями, скоро портились. Само собой разумеется, все их худые стороны нужно было исправлять и одни из учителей, действительно, старались делать это, другие же, наоборот: мало заботились об исправлении и, что всего хуже, сами подавали ученикам дурной пример. В общежитии малых архиерейских певчих, где и я прожил шесть лет, в нравственном отношении было еще хуже, чем в школе. Я, как сказал уже в одном месте, скоро начал усваивать худые привычки товарищей, но, Благода-

ря Богу, совершенно не испортился. Помог мне от многого худого избавиться один ученик из старшего класса, который крепко держался простоты и чистоты нравов простого народа. С преобразованием же Двуклассной школы во Второклассную, потом с прибавлением I класса учительской беспорядки и подобные значительно уменьшались. В настоящее время Церковно-Учительская уже школа в воспитательном отношении поставлена на более широкую ногу¹ и о прежних беспорядках, царивших в школе Двуклассной, лишь вспоминаешь, как о недавно прошедшем. С Божьею помощью я добрался до III класса, где и продолжаю учиться до настоящего времени.

3. Иван Орлов

Я был первым любимцем у отца и матери, и они меня сильно баловали. В детстве своем я любил шумные игры и меня ничто не могло удержать дома. Бывало летом бежишь на двор и устраиваешь разные игры с сверстниками, а когда пойдет дождик, то сейчас сбрасываешь сапоги, бежишь бродить по лужам. Зимой бежишь во двор кататься на катушке с братьями. Так я провел время до начала ученья. Когда мне исполнилось семь лет, то отец нанял для меня с братом учителя из семинаристов Мицерикова. Мы принялись за ученье с охотой и вскоре выучились читать и писать. После этого матушка наша уехала в Россию к родственникам от отца из за важных причин, а нас оставила с отцом. Года 2 после отъезда² родительницы отец внезапно захворал и умер. Матушке мы послали телеграмму о смерти отца и что мы остались в безвыходном положении. Она отвечала на телеграмму, что выехала, но в дороге пробыла около двух недель. В течение этих двух недель нам пришлось попутешествовать и поголодать. После похорон отца нас определили в какой-то приют, потом нас из приюта взяла бабушка, но у бабушки нам пришлось жить не долго, как оттуда взял к себе опекун. Приехав в Омск, родительница розыскала нас и, сделав необходимые дела, стала с нами собираться в дорогу. Приехав в Томск, мы остановились у дяди. Спустя некоторое время, они отдали меня к Шешуковой в частную школу, которую и кончил и поступил в гимназию в первый класс. В гимназии у меня появилась страсть к рисованию и такая сильная, что я проводил все свое свободное время за рисованием. После прихода моего во второй класс у меня скончалась родительница. Спустя некоторое время дядя сказал мне, что мне в гимназии учиться не по средствам, а можно сдать меня в духовное училище, так как там обучение стоит дешевле. Дядя хотел меня сдать в I класс духовного училища, но меня не [слово «не» вставлено] из за лет, а во второй класс недозволила программа. Знакомый дяди посоветовал ему сдать меня во второклассную Церковно-Учительскую школу, которую теперь преобразовали во Церковно-Учительскую школу и в который я теперь учусь во втором классе.

4. Спиридон Козлов Автобиография

¹ Учитель здесь указал на стилистическую ошибку.

² В оригинале следует запятая.

Я родился 1884 года 30 Сентября в селе Вороновском, Урманской волости, Томской губернии. Родители мои крестьяне, занятие которых состоит главным образом в хлебопашестве, к чему хотели приучить и меня. Я, как и все крестьянские дети, воспитание получил без досмотров и наставлений. Детство свое я провел среди общества родных и оно для меня было самым счастливым временем. Живя среди родных, я ни о чем не заботился, а знал только одно: поесть да сходить к товарищу, с которым я проводил время в играх. Самая любимая игра наша была в кони и игрой этой мы увлекались так, что по целым дням не являлись домой. Итак проводя свое детство, и не думая, что мне придется с ним расстаться, я не заметил, как мне исполнилось 10 лет. Как только мне исполнилось 10 лет, я принужден был отцом приняться за работы,¹ это дело было весной от которых и неотрывался в продолжении целого лета. По окончании летних работ, я опять был свободен и хотел востановить прошедшее свое детство, но непришлось, потому что отец, как только началось в местной школе ученье, отправил меня учиться. В школе первоначально я был стеснен учениками, которые, окружив меня смеялись над моими недостатками, но я в тоже время интересовался картинами, которые висели на стенах школы. В первый день моего учения учительница дала мне аспидную доску, познакомила с буквой «А» и показала как ее писать; а на следующий день дала мне азбуку, которой я интересовался больше всего, потому что в ней было много картин. Таким образом я начал учиться, имея от роду 10 лет. В конце учебного года, я был переведен во второе отделение, а осенью думал продолжать начатое мною учение, но не пришлось. Причиной этому было отсутствие учительницы, место которой другой не было в продолжение всего года. Весь этот год я провел праздно: не занимался ни работой, ни чтением книг, благодаря чему, у меня, когда я начал опять учиться, не было такой склонности к ученью, какой в первый год, но я все-таки продолжал учиться хотя не выказывал хороших успехов, но с Божьей помощью окончил учение в приходской школе. По окончании выпускного экзамена, я опять принялся за прежние работы. Осенью же, когда был свободен от работы, я задумал продолжать учение, а для этого решил я ехать учиться в Томск. Перед отъездом в Томск явились препятствия, а именно: не было материальных средств, не было у меня помощника, который бы похлопотал, чтобы меня приняли в школу. Не смотря на эти препятствия, я все-таки отправился, имея при себе сумму денег,² состоящую из 1 рубля 50 копеек. Когда прибыл в Томск, я отправился в Семинарию, как более известное мне учебное заведение и нашол себя покровителя в лице Священника Заводовского, который, узнав зачем я приехал и узнав мои обстоятельства, похлопотал о принятии меня учиться в Церковно-Учительскую школу. Таким образом я продолжил свое учение в Церковно-Учительской школе в которой учусь до сих пор, не выказывая хороших успехов.

5. Михаил Кольченко Автобиография

¹ В оригинале следует «в».

² В оригинале следует «то».

- 1) время и место рождения
- 2) детство
- 3) школьная жизнь

Я родился в селе Большереченском, Яминской волости, Кузнецкого уезда, Томской губернии, в 1884 году, 7 февраля. Родители мои очень бедные крестьяне. Из рассказов их я узнал, что в то время, когда я был маленьким, они жили еще беднее и пробивались работой у более богатых крестьян.

Так, например, когда наступало робочее летнее время, они нанимались к богатым крестьянам убирать хлеб. Уходили косить хлеб, а меня одного оставляли, на волю Божию, возле телеги. Когда я был уже полторыхлетним, то меня невозможно было удержать около телеги. Я уже ходил, то меня привязывали к телеге, либо в шалаше к столбу, чтобы я не уходил с места.

Впоследствии те люди, которые были очевидцами, как я оставался один привязанный, удивлялись, каким образом я остался живым. Лет восьми, я помню, как пас коров, правда стадо у нас состояло не больше, как из десяти штук). Осенью, когда выпадал первый снег, овец отбирали у пастухов. Но иногда снег снова таял и недели на две устанавливалась хорошая погода. Тогда деревенские жители не держали овец дома, а собирались всегда два или три, слоняли их в одно место, составляли таким образом небольшое стадо, а потом посылали своих мальчиков пасти овец. Вот в такие промежутки времени я и состоял пастухом. Случилось мне и поиграть – больше зимой. Бывало чувствуешь что ноги начинают мерзнуть, но не охота покинуть игру и бегаешь до тих пор, что с терпенья выйдешь, тогда только вздумаешь отправиться домой. Кое-как пришедши в избу, разденишься скорее лезешь на печь. Здесь сразу обхватить теплом замерзшие ноги и руки, так что они еще пуще разболеются, доходит до того, что слезы ручьем покатятся из глаз. Однажды весной, после ветра, еще кое-где снег лежал, мать послала меня в огород, чтобы я там поправил холст, который делался на снегу. Я пошел.

Здесь подошел ко мне мальчик, который ходил в школу; он пустился со мной в разговоры: я стал спрашивать его, как учать в школе да принимают теперь и т. д. Он на все предложенные мною вопросы отвечал с особым чувством и охотою. Потом он сказал мне: «Просись у отца в школу; вот будешь вместе ходить, тогда ты узнаешь, о чем там учат, а дня через три тебе книгу выдадут; мне уже три дали да какие интересные просто прелесть! особенно, та которая с картинками.» Я тотчас пошел в избу и стал проситься у своих родителей. чтобы они отпустили в школу.

Вероятно, им самим хотелось того, а потому меня отпустили с радостью. На другой день, когда¹ только что успело взойти солнце я зашел к товарищу и с ним отправился в училище. Когда мы пришли туда, то он повел меня в класс, где стал показывать мне разные картины, которые висели на стенах. Я с особенным вниманием смотрел на эти картины. Минут через десять пришел в класс О. дьякон; учителя у нас, тогда почему-то не было, а вместо него занимался дьякон. Он, увидя меня, сказал: «Новичек прибыл?» Потом стал спрашивать кто послал меня в школу и прочее. Я кое-как отвечал на все предло-

¹ Слово «когда» вставлено.

женные вопросы. Наконец, он спросил: «Сколько тебе лет?» Я сказал: «девять».

После этого он ласково посадил меня за парту, и начался урок закона Божия. Учеников училось только пять человек и я был шестой. До сих пор я помню, как провел первый день в школе. Прежде изучения букв, арифметики и других предметов. Учитель предложил мне таковой вопрос: «Сколько у нас Богов?» Я однако не затруднился ответить на этот вопрос, потому что еще дома от своих родителей имел, хотя небольшое понятие о Боге и сказал: «Бог один, но только имеет три лица». После этого меня спрашивали молитвы и т.д. Неделью спустя, после того, как поступил учиться, нас распустили на летние каникулы. На будущий год я поступил с осени учиться в то же первое отделение. Здесь я учился три зимы и в 1895 году, 13 июня держал выпускной экзамен и получил свидетельство об окончании одноклассной церковно-приходской школы. После этого я долго не учился, а помогал отцу своему в хозяйственных делах.... Когда мне исполнилось 18 лет, то поступил в V отделение Томской Двухклассной школы, где в 1903 20-го мая окончил курс.

Летом готовился по программе второклассной школы и 22 августа, 1903 года, я выдержал приемный экзамен в Томскую церковно-учительскую школу.

6. Гаврил Воробьев

Я родился в городе Томске в 1887 году в марте месяце. Родители мои были Томские мещане. Отец занимался столярным ремеслом. Старшая сестра, которой, в то время, было 12 лет, училась в приходской школе, вместе с братом, которому было 10 лет. Две же меньшие сестры, еще не училась в школе и постоянно находились дома и попеременно нянчились со мной. 9-ти месяцев я уже научился ходить и выговаривать некоторые слова, конечно самые необходимые для меня. В младенчестве моем я очень любил кататься в зыбке. Мне шел уже 4 год, а я все еще не мог расстаться с ней. Наконец, в то время, когда я играл во дворе, ее вынесли из избы и спрятали на вышке. Возвратясь со двора и не видя свою подругу (зыбку), предварительно спросив у родителей: где моя зыбка и получив ответ, что ее украли, стал безутешно плакать. Тогда родители мои, желая унять меня, стали пугать меня каким-то татаринном, который, если я буду плакать, утащит меня к себе и станет кормить соломой. Я конечно испугался и тотчас же перестал плакать и мало по малу примирился с своей потерей. 4-х лет я уже знал несколько молитв и умел творить правильное крестное знамение. Так как родители мои были набожны, то и меня заставляли молиться, как утром и вечером, так и пред трапезой и после ея. Лет пяти со мной случилось несчастье, которое впрочем, по воле Божией, кончилось благополучно. Однажды играя на улице, я, каким-то образом, очутился на дороге и попал под колеса к извозчику, который проехал колесом по моей спине. Я впал в беспмятство, но когда очнулся то был уже в избе и лежал на кровати, около которой находилась моя мать и сестры, и все они озабоченно смотрят на меня. Кости мои не были повреждены и через несколько дней я был уже совсем здоров и по прежнему предавался детским забавам. В детстве я любил слушать сказки, хорошим рассказчиком которых был выслужившийся солдат, живший у нас в работниках. В то время, как мне минуло 6 лет, две сестры мои учились в при-

ходской школе, при которой находилась своя библиотека. Из этой библиотеки сестры приносили читать много разных книг, между которыми большая часть была с картинками. Картинки эти часто вызывали мое детское любопытство и я спрашивал объяснения их. Я скоро сам захотел научиться поскорее читать, чтобы самому узнавать, что изображается на этих картинках. Таким-то образом я приобрел охоту к учению. Когда мне пошел 8ой год, меня отдали в Церковно-приходскую школу называемую Архиерейской, которая, в то время, находилась рядом с домовою церковью. Накануне каждого праздника мы ходили в церковь ко всенощной, а в самый праздник к литургии, которую, по большей части, служил сам преосвященный Макарий. Первый год моего ученья показался мне очень томительно, и я был очень рад, когда наконец, после экзаменов, которые я сдал хорошо, нас распустили на летние каникулы. После каникулов, которые я провел очень весело: игра со сверстниками в разные детские игры, наступило опять время ученья и мне снова пришлось идти в школу. Школа наша была уже переведена в большое, только что отстроенное, каменное здание, находившееся против прежнего нашего училища. Второй год моего учения в школе прошел для меня веселее первого, тем более, что в школе, в рождество Христово, у нас была елка, на которой ученики читали стихотворения, басни и пели детские песни. На елке ученикам раздавали обыкновенные подарки: кому игрушки, а кому пиналы, ручки и карандаши. В этот год к трем отделениям было прибавлено 4-е отделение. На последней неделе Рождественского поста мы говели целую неделю, исповедовались и наконец, сподобились принятия святых животворящих Христовых Таин. На первой и последней неделе Великого поста мы также говели и приобщались Святых Таин. Наконец наступило время экзаменов, на которых был сам Преосвященный Макарий. Экзамены кончились и я был переведен в III-е отделение. В III отделении я уже не учился в этой школе, а перешел в Церковно приходскую Соборную школу, потому что архиерейская школа находилась очень далеко от нашего дома, и Соборная, более чем на половину, ближе. В этот год я учился хорошо по всем предметам, а в особенности по арифметике. Кончив приходскую школу, я получил свидетельство об окончании ее. После этого я подал прошение в учительский совет Архиерейской школы, в которой уже было 5 отделений, о принятии меня в III отделение, и после предварительного экзамена поступил в IV отделение. В этот год было прибавлено шестое отделение, а на следующий год и седьмое. III первые отделения назвались образцовой школой, а 4 последние назвались Церковно-Учительской школой. Так я уже учился в III классе Церковно-Учительской школы, когда последовало новое преобразование нашей школы: первый и второй классы Церковно Учительской школы стали называться двухклассной школой, а III и IIII классы по прежнему назывались классами Церковно-Учительской школы. На следующий год был прибавлен и III клас. Так образовалась трехклассная Церковно-Учительская школа, в которой я и состою теперь воспитаником II-го класса.

7. Максим Котляров

Автобиография.

Детство.

Родился я в Бийском Уезде, Смоленской волости, в селе Верх-Ануйском Томской губернии в 1887 году. Отец мой – крестьянин. Он еще маленьким вышел вместе с родителями из Воронежской губернии и потом женился на Сибирачке. Я родился на 10 году их супружеской жизни. Детство мое текло плавно. Мы на столько были избавлены от материальной нужды, что я мог вести обычную жизнь ребенка. Дом наш стоял на небольшом возвышении и прямо перед окнами недалеко от дома, катила свои чистые воды речка Ануй. Из окон дома открылся роскошный вид. Прямо, далеко, далеко разстилалась обширная степь, а за ней полосой синели Алтайские горы. Я любил по целым часам сидеть на крыльце нашего дома и жадно смотреть вдаль. Роскошная природа завладевала моим маленьким существом, и я невольно сосредоточивал свое внимание на этих явлениях и пытался объяснить их. Но последнее оказывалось не под силу. Так, например, одно время меня сильно занял вопрос, как могла лететь птица? Чтобы разрешить этот вопрос [слово «вопрос» вставлено], я решился лично испытать этот изумительный способ передвижения. От этого я взошел на крыльцо и, распустив руки, полетел. Конечно попытка обошлась мне не дешево: у меня долго болел бок. Иногда я сидел на моем любимом месте с матерью и расспрашивал ее обо всем, что могло интересовать меня: а то, склонивши голову к ней, на колени, слушал ее сказку про каких-нибудь невероятных богатырей или колдунью, и мои мысли уносились далеко от действительности. Я воображал себя героем вместо какого-нибудь сказочного лица, и глаза мои блестели от возбуждения. – мне хотелось творить чудеса, и прославить свое имя. Иногда мать после сказки пела какую-нибудь заунывную монотонную песню, я – мечтательный герой – засыпал у нее на коленях и меня на руках относили на постель. Иногда я ездил с братьями на пашню и бегал там по полю веселый и довольный – ловил бабочек и любовался различными птичками. Все описанное мною относилось более к раннему детству. Когда я немного подрос – стал лет 7-8, меня чаще и чаще стало тянуть в компанию моих сверстников. Я бегал на село, и там забавам нашим не было конца. Особенно любимой забавой у нас было щелканье кнутами. Для того, чтобы свить кнут, мы воровали у матерей лен и вили, а потом с этими кнутами ходили по селу и торжественно пощелкивали. Это творчество отчетливых звуков¹ приводило нас в восторг.

Школьная жизнь

Наступило время отдавать меня в школу. Это было 1894 года 3-го октября. Отец утром отвел меня в школу, учитель записал в книгу и я оказался среди новых товарищей и в новой обстановке. Моя школьная жизнь в это время текла приблизительно всегда одинаково. Утром я вставал часов в 7 и пил чай, а потом уходил в школу, которая стояла недалеко от нашего дома. В школе я был до 2 часов, а потом уходил домой. Придя домой я что-нибудь ел, а потом выходил на улицу – поиграть с товарищами, или на лед, где катался на коньках. Но игры этого времени уже не имели такой прелести. Мысль об уроках отравляла существование. Под вечер я шел домой и садился учить заданные уроки. Сказки матери в это время случались реже и реже. Так проводилась жи-

¹ В оригинале следует запятая.

ма. Летом я уже помогал отцу и братьям в крестьянских работах. Ездил на пашню – пахать и боронить – на покос косить, грести и мешать сено, и так проводил лето. В 1897 году 15-го мая я окончил курс одноклассной церковно-приходской школы и в тот же год, 6-го Октября поступил во Второклассную школу, которая открылась в нашем селе за год до этого. Во Второклассной я учился хорошо. Здесь я стал читать книги, и читал так усердно, что в три учебных года перечитал почти всю библиотеку школьную и под конец брал книги уже у частных лиц. В 1900 г. 19-го мая я окончил курс Второклассной школы и, так как у родителей не доставало средств к дальнейшему моему учению, то я подал прошение на учителя грамоты. Меня назначили в одну из школ Бийского уезда. Учителем я пробыл два года, потом в 1903 г. поехал в Томскую Церковно-Учительскую и поступил в оную в III класс.

8. Илья Дудкин

1903 г.

гор. Томск

Моя биография

Я родился в селе Крагалинском, Томской губернии и уезда, Богородской волости. в 1885 году 20 июня от родителей-крестьян. Отец мой, как крестьянин, занимался и занимается хлебопашеством и иными крестьянскими делами, а мать же управляет домашностью. Конечно, и я был предназначен к такому же труду, но судьба изменила иначе. Еще не исполнилось мне и трех недель, как отца моего взяли в военную службу, (с которым ушла и мать моя) и я остался один на попечении дедушки и бабушки, которые заступили мне отца и мать. Я был один у отца и матери: братьев и сестер не было; а поэтому дедушка с бабушкой очень меня любили, можно сказать, готовы были за меня душу свою отдать. А также и они не оставались у меня в долгу; я тоже их уважал, любил; бывало за чем-нибудь меня пошлют, так я, как на крыльшках слетаю. Уж не сравнить меня сейчас с теми годами, когда я был резвый, послушный мальчик. Ох, золотое детство! куда скрылось, куда ты убежало?... Но недолго продолжалась моя такая жизнь. На 6-м году моей жизни, бабушка скончалась. Жизнь моя тогда с дедушкой пошла иная, чем до смерти бабушки. И сейчас я помню, как провел свое детство с дедушкой! Дедушка во мне душу не чаял и, как можно, старался ласкать меня, заботиться обо мне, отчего я скоро привык к нему, и стал в свою очередь любить. Когда наступил мне седьмой год, дедушка стал меня брать в поле, в чем я находил большое удовольствие, потому что я был в глазах товарищей предметом насмешек и нередко получал от них плевки и пинки, а поэтому я боялся выходить на улицу, чтобы там порезвиться. А в нем я чувствовал себя свободным и развился вволю, потому что там не было надо мной грубых насмешек со стороны товарищей. Иногда эта резвость заменялась невыносимой тоскою. Тогда где-нибудь сядешь под березкой и что либо думаешь, и иногда до того задумаешься, что и не замечаешь, как по лицу слезы из глаз ручьем льются. Можно сказать, с детства я был запуганный мальчик, а поэтому даже и близких соседей. Бывало, придет какой-нибудь сосед к нам, я сейчас же на печку и за трубу, оттого на мне и грязь и сажа почти толщиной на палец была. Хорошо тем детям, кои находятся в кругу отца и

матери и во всяком довольстве и добре, потому что за ними есть кому и при-смотреть, одеть – словом, есть кому воспитывать и обучать. Но каково тем де-тям, у кого хотя на время нет отца и матери? и была бы бедность кругом, то кто бы мог тех детей воспитывать и обучать как следует, как ни мать и отец. В числе последних и я был. Но я не отстраняю совершенно бедность, (и страда-ния) как нечто худое, ибо только почти через бедность и страдания человек может познавать Бога, любить и молиться Тому, Кто силен из богатого сделать бедным и наоборот, потому что все мы пред Ним равны и всем Он одинаково желает спасения. Да! и когда то я был таков, потому что я любил Бога всем сердцем своим и молился Ему почти по целой неделе, и дедушка строго, стро-го следил за мною, чтобы я обязательно вечером и утром молился. Сам он мне дал понятие о Боге, сам и научил молиться. Наконец наступил мне 8-й год, ко-гда отец мой с матерью пришли из военной службы домой и после этого по-шла моя жизнь иная, чем до них. В первый же день по возвращении от служ-бы, меня мать обняла, надела чистую рубашку, и из бледного сорванца я сде-лался как бы богачем в своем селе. Доселе были на меня со стороны товари-щей плевки, толчки, а теперь я стал у них в почете. Прежде меня звали «Иль-юшка оборванец», и теперь стали звать «Илья Родионович». Первым делом отцу моему нужно было отдать меня в школу учиться, чего я сильно желал. Я сам просился у отца, чтобы он отдал меня в школу и при этом обещал ем я, как можно лучше учиться. И отец, отдавши меня в школу, не обманулся в моем успехе. Я с таким прилежанием стал учиться, что в два года кончил приход-скую школу. По окончании курса в приходской школе, меня, как лучшего уче-ника наш сельский священник поместил в Церковно-учительскую школу в I-й класс, где по ходатайству его меня приняли на казенный счет. Здесь я также стал учиться хорошо и благополучно добрался до IV-го класса, а по преобра-зовании до II-го класса учительской школы¹.

Детство больное и здоровое

До нас дошло очень немного текстов, в которых описывается жизнь больных детей, калек, инвалидов, т.е. всех тех, кого долго было принято клеймить «уродами» и «дефектными». Среди редких исключений – жизнеописание 19-летнего Димитрия Кузнецова, ученика Елабужской второклассной учитель-ской школы.²

Димитрий Кузнецов

Автобиография (10 апреля 1907)³

Деревня, в которой я родился и проводил свое детство, называется Ключевкой. Она принадлежит к числу тех небольших деревень, которых так много в нашем отечестве. Деревня наша расположена на гористой местности, усыпан-ной почти сплошь логами и оврагами. Как ни повернись, куда не взгляни – везде взору твоему представляются одни только лога и горы, горы и лога. А самая деревня расположена на такой косогорке, что взглянувши вниз с верши-

¹ Рукописи. Автографы, с примечаниями учителей.

² Атрибуция дана в приписке учителя в начале текста.

³ РГИА ф. 803 оп. 16 д. 2372, лл. 1-73. Рукопись. Подлинник. Название авторское, дата также.

ны этой горы, становится дурно и страшно. Под горой, извиваясь мирно, журчит речка, перекатывая одну за другой свои маленькие волны [...] Деревня и поля окружены со всех сторон дремучим лесом. Громадные столетние сосны стоят наклонившись, их кудрявые верхушки высоко развеваются по поднебесью. Сколько прекрасных полян находится в этом лесу. Любо бывает посмотреть на них весной [...] Почти каждое воскресенье летом эти поляны оглашаются веселым пением деревенской молодежи, приходящей сюда повеселить себя и потешится на просмотр.

Строение Ключевки, благодаря близкому соседству с лесом, довольно удовлетворительно. Хотя не очень большие, но зато не худые и красивые¹ дома стройно тянутся в виде двух параллельных линий – с востока на запад. В числе тех домиков находится и мой, столь дорогой моему сердцу. Мой дом по своей наружности ничем не отличается от прочих домов нашей деревни. Он расположен на красивой горе, покрытой сплошь зеленеющей лужайкой. Его небольшие окна с белыми ставнями приветливо смотрят на расстилающую вокруг него равнину [...] Под окном моего домика есть небольшой садик. В нем я часто сживал предаваясь своим заветным думам [...]

На свет Божий я родился в тысячу восемьсот восемьдесят восьмом году мая пятнадцатого дня. Рождение мое не принесло ни какой радости моим родителям. Может быть оправдывается людская пословица, что Господь еще в утробе матери предозначает счастье и судьбу человеку. Так случилось и со мной. С самого моего рождения, меня начали преследовать разные болезни и несчастья. Еще на втором году моей жизни меня чуть совсем не лишили образа человеческого и на век сделали калекой. А причина моего увечия до сих пор не выяснена. Жизнь моя лет до пяти шла самым плачевным образом. По рассказам матери, я столько причинил ей горя и беспокойства, что даже сказать трудно. Начиная с того времени, как мне переложили спину, ей в течении полутора года, редкую ночь приходилось спать покойно ради меня, не считая того, сколько я приносил ей муки днем.

Быть может, любезный читатель подумает, что я напрасно описываю это бедствие, которое пришлось перенести мне в детстве. Но мне это во век не забыть, потому что я с того злостного часа сделался калекой посмешищем деревенских мальчиков.

Сколько меня не таскали по деревенским бабушкам, сколько не возили по больницам, но увы, это не к чему не привело, и я остался на век несчастным. Посмотришь на своих товарищей, как они работают трудятся и приносят пользу своим родителям все сердце обольется кровью. Невольно подумаешь, от чего я не могу трудиться так же, как и мои товарищи. Но пора кончить об этом. Я не могу обременять читателей своим описанием, потому что оно может показаться неинтересным.

Когда все лечение ни к чему не привело и я не мог выздороветь от своей болезни, то меня лечить перестали. Лишенный надежды на выздоровление я проводил свое печальное детство – мрачно. Кто не посмотрит на меня, у всякого вырвется из груди тяжкий вздох, и он промолвит с сожалением: Да сгубили бедняжку, будет теперь маяться весь свой век.

¹ Слова «и красивые» перечеркнуты учителем.

Мало помалу здоровье мое начало укрепляться. Я начал без посторонней помощи вставать с постели и ползать по комнате.

Прошел еще год. Я по прежнему скакал, как кошка на четырех ногах, но только уже не всегда в избе. Товарищи мои приходили ко мне играть и часто уводили меня на улицу. Вот вихрем помчится товарищи вдоль по деревне, только пыль столбом пронимается за ним. А я... я опять один остался посреди улицы и печально гляжу в сад убежавшим товарищам. Сердце у меня защежит, на глазах появятся слезы, еще раз взгляну на товарищей, которые почти уже скрылись из виду и печально повесив голову поплетусь домой. Ох, как страшно, как тяжело вспомнить про свое печальное детство [...]

Мне минуло пять лет. Хотя я и сделался уродом, но здоровье мое все-таки поправилось. Я не чувствовал в спине уже больше никакой боли. Теперь я мог беспрепятственно бегать и резвиться с товарищами.

Правда, с одной стороны делается спешно, а с другой жалко, когда подумаешь о своих безумных шалостях. Бывало, соберутся человек, пять, шесть деревенских мальчишек (в числе которых был всегда и я) и пойдут шарить по разным огородам. У кого выдерут репу, у кого галанку¹ и огурцы. Узнают хозяева и идут жаловаться к нашим родителям. Мать начнет тебя бранить, а иногда даже и побьет, затем начнет учить к добру, говоря что бездельничать нехорошо. Но все было напрасно. Только выйдешь на улицу, встретишься со своими товарищами и опять применяешься за старое. Снова пойдешь по чужим огородам воровать огурцы [...]

Самая любимая игра деревенских мальчишек – в осеннее время² жечь тычину. Соберется толпа крикунов на льду замерзшей реки, разожгут огонь и скачут вокруг него в восторге [...]

[Во время одной такой игры,] я желая вырвать у товарища топор, пустился за ним бежать, сколько у меня было духу и со всего размаху заскочил в прорубь. Целая куча водяных брызг на минуту сокрыло меня от глаз товарищей. Увидя это они громко засмеялись надо мной. Мне было не до смеху. Валенки мои налились полные воды, шуба вся вымокла. Меня начало тянуть к низу. К счастью место тут было неглубоко и я цеплялся за край льда, благополучно выбрался на верх. Вылезши, я начал раздумывать, что делать. Если итти мокрому домой, то значит подвергнуть себя хорошей подборке. А если остаться тут пока не высохнет одежда, было слишком глупо, потому что я мог простудиться. Из затруднительного положения меня вывели товарищи. Они наказали мне на теплую баню, в которую я немедленно отправился. Придя в баню, я содрал с себя мокрые валенки, разостлал по полу шубу и сам растянулся на полу, в ожидании когда у меня высохнет одежда [...]

Вот уже и вечер. Солнце закатилось за лес. Мрачная ночь начала окутывать землю. Усталым возвращаешься домой. Там тебя ожидает горячий чай и уютная постель. Напившись чаю я садился в кружок своих сестер, которые с песнями пряли свою пряжку. А иногда слушаешь сказки свои матери. Она, сидя также за работой, рассказывала сказки; про разных королей, про домовых, водяных и т.д. Слушая сказки про разных чудовищ, у меня мороз пробежал на

¹ Галанка (правильнее «голанка»: «брюква [...] *Napo grassica*); Даль).

² В оригинале следует запятая.

коже, волосы на голове становились дыбом. Я боязливо начинал осматриваться, по темным углам, как бы ожидая, что вот, вот кто-нибудь оттуда выскочит и набросится на меня. Под говор матери я углубляюсь в фантастические размышления и не замечаю как идет время [...]

Но особенно веселый праздник был для нас масленица. К ней мы готовились еще за несколько недель. Кто налаживал свои сломавшиеся санки, кто подмораживал ледянку.

Масленица самое веселое время для деревенских мальчишек. Она начинается с самого воскресения, но от простых будничных дней она до четверга ничем не отличается. Все работают по прежнему, только пищу едят лучше. С четверга начинается оживление: молодухи с девками катаются на лошадях по деревне. Маленькие ребята собираются на катушку, а большие парни вывозят сани¹ на гору и вместе с девками катаются. А мужики мало-помалу начинают пировать. С утра еще пируют не особенно сильно, но под вечер оживление бывает большое. Песни мужиков и баб сливаются с песнями девок и криком ребяташек. Все это представляло невообразимый шум и гам. Куда ни посмотреть, по улице везде народ: ребяташки, толпясь на катушках, катаются, дерутся и кричат. Мужики и бабы группами цепляясь друг за друга, точно угольные, переходят из одного дома в другой.

На другой день ребяташки запрягают лошадь и выезжают кататься. Насадят полные сани ребяташек, так что едва ведет лошадь, к дуге привязывают худой лапоть и в восторге едут по деревне. Особенно много веселятся в масленицу маленькие дети. Они с самого утра и вплоть до вечера, но сходят с катушки: у него полные валенки снега, у кого разбивают нос, но они на это не обращают внимания и продолжают кататься. Вообще масленицу все проводят очень весело.

От того-то и тянет к масленице всех учеников домой [...]

Когда настанет прощенный день, под вечер вся молодежь собирается на одну гору. Они натакают большие груды соломы и жгут их. Тем и проводят масленицу. Расходясь по домам все прощаются друг с другом. На другой день, в чистый понедельник, на улице тихо и пустынно. Все отдыхают и предаются покою. Только один церковный колокол заунывно гудит призывая верующих на молитву. [...]

Брат мой получил бумагу от воинского начальника, в которой он писал, чтобы Спиридон (так зовут моего брата) обязательно явился в город. Брат собрался, взял с собой пирог с рыбой на дорогу и отправился. Время было жаркое. Прошедши верст двадцать от дома, он захотел есть. Дойдя до ручейка, брат тут присел и начал есть рыбу. После пищи его начала мучить жажда. Так как ручей был рядом, то он напился и лег отдохнуть. Не знаю, долго или мало он тут спал, но только когда проснулся, то чуть мог не шевелиться. Собрав все усилия он с трудом добрался до ближайшей деревни и не мог идти дальше. Брат мой нашел лошадь и совсем уже хворый приехал домой. С тех пор наш желанный работник лег в постель и не вставал с нее целых полутора года. Все наши надежды на лучшую пору рушились. [...]

¹ В оригинале следует запятая.

Было прекрасное время. На небе – ни облачка. Солнце ярко светило. Полевые работы были в полном разгаре. Еще солнце не взойдет на небе и не осушит своими благодатными лучами зеленую травку, как уже все поле усыпано народом. Каждый крестьянин старается встать по раньше, что бы больше нажать до восхода солнца, пока не жарко. В один из таких-то дней мы забрались в дом одного товарища. Напрягавшись и набегавшись досыта, мы захотели есть. Что делать? Расходится не хочется, а хлеба с собой нет. Тут из нерешительности нас вывел товарищ Ваня хозяйский сын. «Постойте, господа!»¹ промолвил он. «Я посмотрю нет ли чего поесть у нас!» С этими словами он открыл печь и начал выставлять одни за другими горшки. Оказалось, что мать уйдя на работу поставила варить курицу и жарить картошку. Она трудилась, сколько есть сил в тот день, надеясь что когда придет домой то поесть сытно. Не тут то было. Товарищ заглянул в горшок и увидел там курицу, закричал от радости: «Ефимка, Митька, Васька, идитька сюда, посмотрите чего я нашел. Мы все подбежали и с завистью посматривали на вареную курицу. За стол все живо! скомандовал он. Мы все расселись по лавкам вокруг большого стола, ожидая завтрака. Через несколько минут курица и картошки были уже на столе и мы с аппетитом уничтожали их. Наевшись досыта мы вылезли из стола и снова принялись скакать, как скоморохи.

Приближался уже вечер. Народ начал возвращаться с поля домой. Пришла и семья Вани. Все оны сильно устали и хотели есть. Каково же было изумление матери, когда заглянув в печь она нашла горшки пустыми. Она в гневе набросилась на Ваню и начала бить его беспощадно. Бедняжка, за то, что угостил товарищей, он дорого за то поплатился. Разъяренная мать навозив его, как следует вытолкала на улицу, где он и провел всю ночь. [...]

Наконец полевые работы были кончены. Наши игры уже в домах стеснены были родителями. Теперь мы уже не стали собираться в домах, но за то отлично играли на улице. На нас не навязывали теперь маленьких братишек или сестреноч, и мы никем и ничем не стесняемые удалялись в ближайший лес и там проводили время в забавах. [...]

Сидим мы однажды вечером за чаем всей семьей и мирно беседуем. Вдруг в комнату к нам входит пожилых лет женщина, окутанная с ног до головы шалью. Набожно перекрестясь и поздоровавшись с нами, она взглянула на потолок и села на лавку против самой лестницы. Родители сразу поняли причину ее посещения и с улыбкой переглянулись между собой. Но я совершенно ничего не понимал. Посидев немного и поговорив кой-о-чем, она промолвила: «Ну, а я милостивцы мои, пришла к вам спросить, не будет ли у вас продажного товару. Ваш товар приглянулся нашему купчику, а потому он желает купить его.» «Что же мы не прочь,» отвечали родители. Я ничего не понимал из их слов и потому подбежал к своей матери, чтобы узнать смысл их разговора. «Мама, сказал я, ну про какой это товар она говорит, кажется мы не торгуем и у нас нет никакого товару? Помолчи немного сынок, после все узнаешь, промолвила она. Тут у них пошли разные разговоры и споры, которых я не буду описывать. После нескольких переговоров родители хлопнули со сва-

¹ Здесь лексика не зря вызвала вопросительный знак у учителя мемуариста.

хой по рукам. Дело было сложено. Моя старшая сестра была просватана; за крестьянина нашей же деревни Ивана Яковлевича Капустина.

С самого этого дня, как просватали сестру, у нас каждый день были гости. То придет будущий зять, что бы веселиться с девушками, то придет сваха, чтобы поговорить о каком-либо предмете касающемся этой свадьбы. Или же придет сват угоститься и провести вечер в приятных разговорах с новой родней. Я был вне себя от радости. Каждый день у нас собирались родные, с которыми я весело проводил время. Вечером же слушал песни девок и предавался своим размышлениям.

Но вот поступил день свадьбы. С самого утра в нашем доме была страшная суматоха. Дом весь был переполнен народом. Все было уже готово, столы ломились под тяжестью закусок. Гости чинно сидели на своих местах. Девушки сутили вокруг невесты, наряжая ее к венцу. Вдруг раздался на улице звук нескольких дужных колоколов и к нашему двору подъехал поезд жениха. На всех лошадях надета была красивая сбруя, а на гривах и хвостах лошадей были навязаны разноцветные ленточки. Как только поезд выехал во двор, меня посадили одного за стол и наказали, что бы не вылезал, когда даже придут гости. Вот за дверью раздался звучный голос дружки (или шафера): «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» «Аминь» отвечали в комнате. Дверь отворилась и в избу вошли гости. Впереди всех шел дружка, с кнутом в руке. Он прямо подошел к столу и закричал на меня, чтобы я вылез из стола. Признаться, я сильно струсил и хотел уже было вылезать, но тут меня начали со всех сторон давать знаки, чтобы я сидел. Я сел на прежнее место: дружка видел, что меня уже не напугать, выбросил на стол двадцать копеек, я взял их и удалился.

После нескольких обычных приветствий, жених и все гости сели за стол. Началась пирушка. Попировали немного, жениха и невесту начали собирать под венец. Мой отец и мать начали со слезами благословить невесту. Увидя, что родители плачут, мне стало чрезвычайно жалко свою сестру. Я почувствовал какое-то одиночество, мое детское сердце болезненно защемило, я не вытерпел бросился сестре на шею и горько зарыдал. Меня оттащили от нее и кое как утешили. Сестра была увезена от меня и обвенчана. Свадебный пир продолжался целую неделю. После свадьбы у нас в доме стало¹ как то пусто и одиноко. Но мало-по-малу жизнь наша в ступила в обычную колею и пошла прежним чередом. [...]

Крестьяне все принялись чинить свои сохи и бороны, готовясь выезжать в поле с пахать. Мои товарищи начали ездить верхами на лошадях, гоня их, то в поле, а то на водопой. Я еще ни разу верхом не сиживал, -- мне страшно хотелось. Случай скоро представился. Однажды отец послал сводить на водопой лошадь. Я вывел ее за ворота и вздумал сесть верхом. А чтобы обезопасить себя посадил на ту же лошадь товарища. Мы поехали. Сердце во мне билось от радости. Сидя верхом на лошади я чувствовал себя большим, мне казалось, что я в одни час вырос на четверть. Нам пришлось спускаться под гору. Что бы не упасть, я ближе придвинулся к товарищу, стараясь всеми силами сохранить равновесие. Под гору спустились благополучно. Лошадь напилась и своим чередом поплелась назад. Вот мы уже на горе. Я ободрился, не стал

¹ В оригинале следует запятая.

держаться за товарища и начал тихонько постегивать лошадь. Но ей должно быть не понравилось это, она остановилась и начала бить передом и задом. Я страшно испугался, хотел соскочить, но оборвался и полетел. Товарищ хотел меня поддержать, нагнулся на мою сторону, но потерял равновесие и полетел вместе со мной. Почувствовав, что на спине никого не осталось, лошадь закусила удила и понеслась, сколько в ней было духу. Я упал, как то неловко, сильно ушибся и долго не мог вздохнуть. Кое-как добравшись до дому я со слезами жаловался матери на лошадь.

Таким образом у меня сразу отшибло охоту ездить на лошадь. [...]

Мне минуло тогда уже девять лет. Мои товарищи все почти начали ходить в школу учиться. Мне тоже сильно хотелось итти учиться но просится у отца мне не хватало смелости.

Однажды играя с товарищами, я открылся им в своем страстном желании. Тогда один мой товарищ, не долго думая, побежал к моей матери и сказал ей о нашем разговоре. Я с трепетом ожидал вечера и пришел домой, когда уже у нас пили чай. Вся семья была дома. Я разделся и молча сел за стол, ожидая, что вот, вот мать начнет разговор на намеченную, мною же самим тему. [...] Мать обратилась ко мне и промолвила, «Мне Ванюшка Семенов, сказал, что тебе хочется учиться.» Я молчал. Ну что же ты молчишь, промолвила она, если хочешь, то мы завтра же тебя уведем в школу.» Сердце мое забилось от радости [...] спать в эту ночь я даже не мог. В голове моей гнездились разнообразные мысли [...] На другой день я уже был в школе. Сколько я был смущен чуждой мне обстановки школы и большим обществом товарищей. Пришел учиться. И каково было мое удивление, когда он, в место то что бы командовать, «Вставайте все на колени (по рассказам учеников) подошел ко мне и ласково спросил мое имя и фамилию! Я не смело ответил. Он сказал мне еще несколько ободрительных слов и посадил за народ. С того дня был я зачислен в число учеников и начал учиться. [...]

Первого мая в нашей школе был назначен экзамен. Все ученики пришли в этот день раньше обыкновенного. На всех была надета праздничная одежда. На лице у каждого выражалась, какая-то заботливость и боязливость. Не было в этот день, уже той шалости, какая, обыкновенно происходила в школе, когда ученики находились все вместе и между ними не было учителя. Все ходили в каком-то недоумении и, не переставая, смотрели в окна, ожидая экзаменатора. Нам было интересно, что в нашу школу экзаменаторам приедет исправник города Елабуги, князь Вяземский.

Наконец, приехал экзаменатор. В школе наступила мертвая тишина. Вошел исправник, окруженный небольшой свитой, состоящей из его телохранителя, станowego, законоучителя и двух посторонних учителей. Войдя в класс, они перекрестились на иконы и повернувшись к нам лицом, промолвил басом: «Здравствуйте, ребятки! [»] Мы молча поклонись и снова сели.

Начался экзамен, к которому уже все было приготовлено. Сначала нам учитель задал написать сочинение на тему: «Случай в моей жизни». Ко столу я был вызван первым. Я сижу, задумавшись над своим сочинением.

Вдруг тот же густой бас, как в начале промолвил: «Кузнецов!» Сердце мое от этого слова так словно и оборвался. Я встал и пошатываясь, как пьяный,

подошел к столу. Когда меня начали спрашивать, то я мало-по-малу начал успокаиваться. За мной начали спрашивать других учеников. Когда всех переспросили, то к моему великому изумлению, меня снова позвали ко столу. Я дрожа от страха подошел и, встал в отдалении от стола. Экзаменатор обратился ко мне с такими словами: «У тебя, мальчик, сочинение вышло лучше всех, но оно тем не хорошо, что написано про драку.» Тут он и пошел начитывать мне. Голос его все повышался и повышался, наконец перешел почти в совершенный крик. От его голоса в школе все замерло, ученики сидели не смея перешевелить губами. А виновником его вспышки было мое сочинение, в котором была описана небольшая драка. Во все это время я стоял бледный, не смея пошевелиться. Сочинение мое он положил в карман, а меня заставил написать другое. [...]

[В мае Кузнецов участвовал в «помочах» у соседа:]

У него единственный сын захворал и лег в больницу. Сам Яков Андреевич был уже стар. Что делать? Думал, думал он, и решил наконец созвать помочь. Я тоже был приглашен в борноволокни.

С самого утра, человек пятнадцать поправились на лошадях в поле, кто пахать а кто боронить уже перепаханную и засеянную овсом землю. Вечером все с веселой песней возвращались к хозяину.

Там нас ожидало хорошее угощение. Два стола, ломились под тяжестью разных кушаний. На каждом из них стояло по четверткой бутылке, наполненной вином.

Только, что мы вошли в избу, как нас посадили за стол и начали угощать вином. Я в тот день сильно устал и проголодался. Выпивши немного вина, я сделался совсем пьяным. Ах... не смотря на то, что это было лет семь тому назад, однако я и теперь не могу вспомнить об этом равнодушно. О! это проклятое вино не приносит человеку добра [...]

Как только я выпил несколько рюмок вина, в глазах у меня помутнилось. Все сидевшие за столом начали казаться мне в каком тумане [...] Только что поднялся с места, как вся комната перед моими глазами закружилась. Я пошатнулся и чуть не разбил лоб об стену. Кое как справившись, я сел на лавку, с которой встать уже думать было нечего. А тут мне все подносили и подносили вина. Я еще немного попил но от остального отказался.

Пьяный я позабыл свое ничтожество пред людьми и часто вместе затевал вместе с пирующими песни. [...]

[После эпидемии скарлатины его положили в больницу:]

Меня привели в огромную комнату с большими окнами.¹ В ней стояло семь коек, шесть были заняты, а седьмую назначили мне. Комната эта представляла весьма грустный вид. При виде грустной обстановки, в сердце закрадываются грустные мысли. Как только я вошел в комнату и взглянул на койки, с белыми одеялами, у меня в памяти тотчас встала картина напоминающая похороны моего отца. Те же белые одеяла, а на койках лежит люди изнуренного болезнью, похожие на мертвецов. [...] Меня начали утешать, когда же я успокоилась, с меня сняли мою собственную одежду, и надели казенную. [...]

¹ Кузнецов очевидно подумал о порядке слов: над «большими» написана единица, над «окнами» двойка, а над «комнату» тройка.

[В деревне уже осень. Девушки сидят с прялками на улице, а мальчуганы рядом на полу.]

Сидя в гряде парни проделывали разные шутки. Когда играли в деньги, курили табак и обучали нас к тому же. Когда же так просто¹ лежали на полу и балагурили. А девки смотря на их выходки от души хохотали.

Иногда парни принимались бороться. Вот взялись два противника. Один большой, другой гораздо меньше. Маленький парень напрягает все силы, что бы побороть большого, ему на хочется посрамить себя. Вдруг маленький подставил ногу, ничего не подозревавший большой упал и растянулся чуть не во всю комнату. Дружный хохот и громкие рукоплескания огласили избу. Несколькими голосами закричали: «Ай, да, Васютка (так звали мальчика) какого вазилу повалил.» Обиженный большак встает с полу весь красный от стыда и в смущении отходит в угол.

Н. А. Рыбников. «Из рода в род»²

Глава 1-я. Детство

АЛЕКСАНДРОНЕВСКИЙ ПЕРИОД. 1880-1891 г.

Свою автобиографию я мог бы расчленить на ряд периодов по разным признакам: возрастным, территориальным и др. Если брать локальный признак, то первый, самый ранний период моей жизни связан со станцией Александроневск. Теперь это Новодеревенский район Рязанской области. Раньше называлась станция Раненбург Рязанской губернии, но с проведением железной дороги до города Раненбурга – станция была переименована в Александроневск. Кроме этой надписи на здании станции помнится добавление: до Москвы 313, до Козлова – 64. Сюда отец переселился из Рязанска, где он был доверенным хлебной фирмы Попова (Ленинград). Переселился сюда он уже женатым, старшие братья (трое) родились в Рязанске, в 40 верстах севернее Ал.Невской. В Рязанск же (тоже Рязанской губ.) отец переехал из Гжатска, где он родился и учился в городском училище, которое кончил первым и считался «ученым». Вообще же Рыбниковы (как и Щукины, мои родичи по матери) переехали в Гжатск из Боровска (Калужской губ.). Раньше Рыбниковы имели в г.Гжатске торговое дело (лавка, постоялый двор) – их владение известно было под именем «Рыбниковского места». Но ко времени рождения отца они обеднели и отец должен был поступить торговым приказчиком в хлебную фирму Попова. Поповы скупали хлеб и отправляли его по Мариинской системе. Река Гжать раньше была судоходна, город делал гвозди для барок, открыт-

¹ Эти четыре слова перечеркнуты учителем, вставлено «иногда».

² ОР РГБ, ф.367 Рыбниковы, картон 8, ед.хр.2. Рыбников, Николай Александрович. «Из рода в род. История семьи Рыбниковых (за двухсотлетний период ее существования). Часть III. Пятое поколение. Автобиография Н.А.Рыбникова» 1942. Лл. 5-63. Машинописная авторская копия с поправками от руки. Н.А.Рыбников (1880-1961), выпускник МГУ, психолог и педагог, автор исследований мировоззрения, памяти, профессиональных склонностей детей и взрослых различных возрастов и сословий. См.: Безрогов В.Г. Российский предшественник Филиппа Арьеса // Ежегодник Российского психологического общества 2005. Специальный выпуск. Том 1. М., 2005. С.6-9; Боцманова М.Э., Гусева Е.П. Николай Александрович Рыбников (обзор архивных материалов) // Вопросы психологии, 6, 1997. С.96-108.

ка с видом Гжатска и реки. На баржах же плавал долго время отец, делал рейс от Гжатска до Питера. Любил он рассказывать об этом периоде своей жизни. Видимо, это оставило сильное впечатление, хотя в то же время обусловило его болезнь и старость (ревматизмы и пр.). Позднее, с проведением железной дороги, Попов отправил его в качестве доверенного в Рязск, закупать и отправлять в Питер хлеб. На службе у Попова отец познакомился с В.Л.Афончиковым, который уговорил отца начать собственное дело, при чем капитал должен быть Афончикова, труды же отца. Дело первое время пошло неплохо, удалось построить свой дом и широко развернуть скупку зерна. К тому времени, когда я себя помню, дела сильно пошатнулись, мы жили более чем скромно, дом был заложен И.К.Завитаеву. Да и отец к этому времени был уже болной: ревматизм, нервные боли. Но его авторитет крупного и честного дельца стоял высоко. Свою профессию он ценил очень высоко. Был период, когда у него были лишние деньги. Мать, всегда тяготевшая к земле, советовала купить участок земли, но отец отказался, заявив: «купцом родился, купцом и умру». Но умер он разорившимся купцом, «раненбургским мещанином»... Случилось это не потому, что ему не везло, что он был мало активен и инициативен. Ничего подобного! Отец был на редкость инициативный и энергичный человек. Но он был очень доверчив и честен, что, видимо, плохо увязывалось с коммерцией того периода. Его компаньоны (Афончиков и Завитаев) так его подвели, что он остался буквально нищим, весь в долгах. Вот эта его постоянная активность, действенности больше всего мне памятна в отношении отца Александроневского периода моей жизни. Он вечно в разъездах, вечно куда то торопится, то приезжает, то уезжает, шлет куда то телеграммы, принимает приказчиков, клиентов и т.д. В моей памяти совсем почти нет места отцу, как семьянину. В картинах семейных сцен раннего детства отец редко является участником. Наши игры, прогулки, чтение, чаепитие – все это, по моим воспоминаниям, протекает без участия отца. Памятны лишь воскресные чаи после обеда, которые совершаются с его участием. Отец любил церковное пение, всегда становился на клиросе, подпевал своей октавой, при чем несколько затягивал концовки. Памятен послеобеденный разговор о том, что наш священник (А.С.Гаретовский) очень хорош, но у него нет слуху. Другой разговор, что зимой летал омар (на крещение). К церкви, к церковному богослужению отец был очень равнодушен, но относился к нему не глубоко, его привлекала внешняя театральная сторона дела. Он любил говорить, что церковное богослужение – это – «опера для народа». Глубокие религиозные метафизические вопросы ему были чужды. Он, видимо, принимал эту сторону религии без всякой критики, по крайней мере я не помню высказываемых им критических замечаний по этому поводу. В последние годы он читал «божественные» книги, помнится я приносил ему «Жизнь Христа» Фарара и др., хотя вообще к специально богословской и духовно-нравственной литературе у него тяготения не было. От нас, детей, он требовал безусловного соблюдения всех обрядностей, посещения церкви. Это последнее требование он проводил вплоть до времени студенчества. Это обязательное хождение в церковь, а впоследствии и пенье на клиросе нам мало доставляло удовольствия. Чтобы скрасить скучную процедуру богослужения, мы забирались на хоры или на левый клирос, где можно

было побаловаться с приятелями. Однажды, стоя на левом клиросе, мы сильно разбаловались. Из алтаря вышел церковный староста и наш сосед Саморуков, посмотрел на баловников, погрозил пальцем и сказал: «Отцу скажу». Знал Егор Григорьевич чем нам припугнуть! Отца мы странно боялись. Это чувство боязни сильнее всех других характеризует ранние чувства к отцу. Чем вызвано это постоянное чувство боязни отца? Телесные наказания здесь играли небольшую роль, ибо к ним отец прибегал очень редко, лишь очень редко давал подзатыльника за некоторые особенно существенные проступки. Но, повторяю, не это играло основную роль в создании этого сложного комплекса – страха перед отцом. Думается, гораздо большую роль играло то, что нам внушали этот страх другие: мать, тетки, старшие братья, которые, видимо, прошли более суровую школу, чем я – вторая очередь. А третья очередь (Алексей), тот совсем не знал этих чувств – отец стал хворать, поднялся авторитет матери, да кроме того более младшие члены нашей семьи и жили больше у теток и дяди в Лотошине и Грибове. Отец умел завоевать авторитет в глазах других, особенно младшего поколения. Это преобладание страха делало нас очень далекими от отца: к нему в кабинет заходить боялись без крайней нужды, бывали рады, когда он уезжал. К отцу заходили прощаться, здороваться, брать на что-нибудь деньги, книги, так как книжный шкаф был у него в кабинете. Изредка он показывал картинки – «Турецкая война» - в то время нам страшно нравившаяся. Еще памятна книга, содержащая картинки с раскрашенными птицами. Эта книга нам особенно нравилась, помню, что мы брали ее из шкафа в отсутствии отца, без спроса. Раз полез я за книгой в отсутствии отца, что-то уронил и разбил. До сих пор памятен страх и ожидание отцовского приезда. Этот страх перед отцом являлся одной из причин (но далеко не единственной) моей нерешительности, неуверенности в себе, некоторой связанности и замкнутости.

Из положительных воспоминаний, связанных с посещением отцовского кабинета, памятны поздравления с праздником, сопровождавшиеся дачей подарков. В более поздние годы эти поздравления сопровождались хоровым пением тропаря праздника. В этом тоже сказывалась любовь отца ко всему церковному. Это же побуждало его заставлять нас на страстной неделе учить пасхальные песнопения. Но, конечно, это относится к более позднему возрасту, когда я овладел грамотой, ибо эта учеба происходила по книжке, напечатанной церковно-славянским шрифтом. Вообще точно локализовать ранние впечатления чрезвычайно трудно. Кроме того их очень немного, они очень редко всплывают и произвольно и непроизвольно. Очень показательно, что я не припомню, чтобы во сне у меня всплывали образы из раннего детства. Чаще всего эти сновидения черпают материал из более позднего времени. Из отрывочных воспоминаний раннего детства почему то памятно наше катанье на «Руслане», очень старой и, кажется, слепой, лошади. Катанье происходило в больших саях, обитых ковром, по дороге к Зимарову. На ухабе нас здорово встряхивает и кажется даже мы вываливаемся из санок. Нам весело, мы поем любимую в детстве песню «Ах ты воля, моя воля». Песне этой научил нас Зоркин, служивший у отца прикащиком.

Второе отрывочное воспоминание – это катанье на кругу в шасталке. У отца была шасталка, приводимая в действие кругом, по которому ходили ло-

шади. Мы любили приводить этот круг во вращенье, бегая по нему. Как будто это запрещалось нам и было немножко страшно – помещение было полутемное. Думается, что нравилось нам – маленьким ребятам – вращать огромный круг, проявлять свою силу.

Всплывает еще в памяти картина. Семья (отца нет) сидит за столом. Вечер. Зажжена лампа. Мама читает нам какую то книгу вслух. Так позднее она, когда мы все выросли, читала своим питомцам Леше Кузнецову, Сереже Саморукову и другим юным нахлебникам. Вспоминается фигура Верочки (Павловны) Рыбниковой (Герасимовой), иногда гостившей у нас. Ее образ запомнился возможно потому, что она, взрослая, принимала участие в играх нас, детей. Особенно памятно ее участие в игре в снежки. У меня была страсть строить из снега дома, крепости, горы и т.д. Строил я их с большим увлечением, некоторые постройки сделаны были неплохо, дома даже отапливались. Крепости служили поводом для игры в снежки. Но в этих играх принимали участие лишь мы, дети. А здесь вдруг взрослый снизошел, поднял с нами возню. На почве топки снежных домов бывали недоразумения с отцовскими прикащиками, особенно старшим М.В.Мизайловым, мрачной личностью, тогда пользовавшимся моей большой антипатией. Позднее это чувство несколько сгладилось, поскольку в Раненбурге он и его семья были очень приветливы ко мне. Однажды я сделал большую снежную траншею, упирающуюся в забор соседа Рамодина. И вот, когда я затопил свою постройку, соседи подняли тревогу и прибежали в контору, где сидел М.В. Он меня пробрал, и вообще к моим постройкам был очень настроен недоброжелательно. Этого нельзя сказать о старших семейных, они поощряли это, помнится велся даже разговор о том, что «из Кочочки (так меня тогда звали) выйдет архитектор». Надо сказать, что строить я вообще люблю, но стиль моих построек «тяжеловатый», уж очень массивны и неэстетичны получались у меня постройки. Кроме снега строительным материалом была земля. Помню, какую землянку я выкопал, накрыв ее каким то большим ящиком, при чем опять вышли осложнения с топкой, ибо выкопана она была в узком проходе между конюшней и соседним забором. Как удивительно повторяется «история детства»! И мои ребята пережили период увлечения землянками, и у них были столкновения со старшими (в данном случае с хозяином нашей дачи Артемоном) при попытке отопить землянку.

Горы из снега я начинал строить тотчас же, как только выпадал снег, помню, это обычно совпадало с зимней¹ Казанской² (22 октября старого стиля). Но первые горы обычно таяли, зато когда выпадал настоящий снег, горы были на славу. Мне, тогда малышу, они казались громадными сооружениями. Усердно их поливал водой, делал ледянку, скамейку, и мы, малыши, катались на них. Процесс постройки мне нравился куда больше, чем само катанье. Не помню, чтобы у нас процветали коньки, особенно в раннем детстве. А о лыжах и помину не было.

¹ Испр. из «осенней».

² Испр. машинописное «к» на «К».

[Игры]

Летом репертуар игр на воздухе был несколько разнообразнее. Одно время в большой чести¹ были игры в солдаты. Поводом для возникновения игры была поездка с отцом в Ряжск на маневры. Картина маневров, марширующих и стреляющих солдат произвела очень сильное впечатление. После этого долгое время преобладала игра в солдаты. В ней участвовало 8 – 10 человек (Володя и Коля Мартыновы, Петя Скачков и др.). Командиром был я, у армии были ружья-палки, деревянные кинжалы и пр. Из картона делали эполеты, ордена, было знамя (красное), барабан. Стрельбу в цель производили вручную – камнями, причем требовалось чтобы в другой руке (левой) было ружье и стреляющий целился им. Это вызывало протест со стороны моих подчиненных солдат, заявивших: «Без ружья я лучше попаду в цель». Но командир резонно отвечал, что солдат без ружья не стреляет. Ордена выдавались за попадание в цель и другие «боевые» заслуги. Основными «противниками» были саморукотские собаки и крапивные заросли. С собаками велась непрерывная борьба, на них ходили хорошо вооруженные и в большом числе. С крапивой и репейником справиться было легче, его просто рубили «саблями», предполагая, что этим ведем борьбу со скрывающимися в зарослях противником. Штабом нашей военной организации была наша баня, помещающаяся в саду, недалеко от пруда. Но штаб помещался не в самой бане, а на ее чердаке, куда было проделано слуховое окно, при чем лестницы никакой не было. Приходилось влезать по стене. Но вылезать было куда труднее, особенно когда была тревога и нужно было всем быстренько спуститься с чердака. Это затруднение командир доставляло большое удовольствие и он готов был раз за разом объявлять тревогу. Театр военных действий был в саду и его окрестностях, главным образом саморукотские «зады». Но когда армия подучилась и обмундировалась выходили и на улицу и на «линию», т.е. на железнодорожную линию встречать поезда. Выстраивались во фронт перед поездом, играли встречу, отдавали честь. Памятно, что однажды это увидел проезжающий в вагоне генерал и угрозил нам пальцем. Поход по улице нередко сопровождался различными инцидентами и столкновениями. Помню Ник.Мартынов (участник игры, немножко хулиган) обозвал встретившуюся гам Лидию Шур – «жидовкой», за что командир получил большой нагоняй от матери, хотя он вовсе не был юдофобом, а Лидия Шур даже ему нравилась.

Оглядываясь на этот период игры в солдаты несколько удивляешься своим способностям командира, ибо на настоящей военной службе, да и при столкновении с людьми вообще, эти командирские способности проявлялись слабовато. Тем, что я был старше своих сверстников – объяснить мое командирство нельзя, ибо целый ряд участников игры были одного со мной возраста. Остается непонятным, почему эта тенденция к командованию и «повелеванию» другими у меня заглохла.

Другой игрой, которой мы уделяли много внимания, была игра в торговлю: строили лавку, магазин, вешали покупателям разные товары (воображаемые, конечно). Игра была вызвана тем, что вся станция торговала. Но почему то идеалом был магазин И.Д.Данилова, у которого были особенно вкус-

¹ Или «в большой части», это место текста неразборчиво.

ные сласти. Да и сама фигура Ивана Дмитриевича производила почему то впечатление, особенно его длиннополый сюртук, борода, картуз. В торговлю, помнится, играли с нами Сережа Саморуков, который для других игр был маловат. Эта игра не была столь длительной, хотя и имела несколько вариаций. Кроме большого магазина, сделанного из досок, с прилавками, полками и ящиками – мы делали маленькие магазины из картона. Особенно памятны маленькие весы с разновесом. И здесь самый процесс игры в торговлю отходил на второй план, гораздо больше нравилось приготовление самого магазина, товаров и т.д. Между прочим, это можно сказать о более позднем периоде торговли – Лотошинском, когда мне тоже особенно нравился процесс подготовительный, выкладка, раскупоривание, развешивание товаров и др.

Близкой к этой была игра в «доктора». Кто-нибудь был доктором, к нему шли на осмотр, он выслушивал, давал лекарство. Лекарством служил толченый кирпич, известка и др. Содействие в этой игре оказывала нам Ал. Ил. Смирнова, которая много лечилась и поэтому у нее накопилось много маленьких аптекарских коробочек. Заполнять эти коробочки порошками различных цветов доставляло большое удовольствие. Но брать в рот эти порошки пациенты нередко отказывались. А без этого игра во многом теряла свой интерес.

Особенно длительной была игра в палочку-выручалочку. Она приобретала особенный интерес потому, что удавалось так основательно прятаться, что водящему трудно было найти. Дело в том, что отцовские помещения – овин и шасталка – летом пустовали. А они были довольно обширные, двухэтажные, с двумя лестницами. Весь фокус заключался в том, чтобы водящий увидел спрятавшегося и быстрее его спустился с лестницы. Эта игра нравилась еще и потому, что к участию в ней снисходили взрослые. Помнится участие Жаворонковых и др. барышень.

Некоторую роль в игре в солдаты имел лук, которому в наших играх детства принадлежала большая роль. Сами луки делались из обручей, стрела имела наконечник; стреляли из них в цель, по птицам и т.д. Почему то изготовление лука связано с именем Филиппа Алексея, кучера Завитаевых. Видимо, он делал для нас хорошие луки или учил стрелять из них.

Была еще игра в «земского начальника». Игра эта заключалась в том, что кого-нибудь приводили к земскому начальнику и он присуждал его к какому-нибудь наказанию – чаще всего к порке розгами. Наказываемым обычно был сосед Миша Рамодин, экзекуцию проводил Коля Мартынов.

В самом раннем детстве памятна игра «в гости». Ставили несколько стульев, накрывали их одеялом – этом был дом, куда из другого такого же дома приходили в гости, угощались и т.д. В более старшем возрасте много внимания уделяли «бабкам» или «шашкам», т.е. костяшкам, которые становились «на кон» и сбивались такой же костяшкой или «свинчаткой» - костяшкой, наполненной свинцом. Другой вариант – катанье с тем, чтобы костяшка легла определенным образом. Памятны основные названия – Ника, плоца, жога. В эту игру почему то усиленно играли с самой ранней весны, при чем особенно большую роль здесь играл сосед Миша Рамодин, у которого всегда было много бабок и он продавал их по три пары на одну копейку. Я в эту игру играл потому, что играли все, но мне она особенного удовольствия не доставляла. Во

всяком случае того азарта, который проявляли те же Голубенцовы, когда дело доходило до того, что Иван запускал в Захария свинчаткой, - я не помню, чтобы у нас на дворе были такие случаи.

Я не помню также, чтобы карты в этот период детства играли заметную роль, хотя окружающие винту отдавали изрядную долю внимания. У нас процветали короли, дураки и пьяницы – других игр не помню.

[...] Изредка ходили на большой железнодорожный мост на Хупту (версты 4). Поводом для похода была ловля бабочек – «Махаон», которые там водились в изрядном количестве. Бабочек начали коллекционировать старшие братья, учившиеся тогда в средних классах коммерческого училища. Мы, младшие, были у них помощниками, усердно собирали и сушили не только бабочек, но и других насекомых. Нередко собирали гусениц, кормили их, наблюдали превращение их в куколки и бабочки. Помнится, это очень нас занимало, коллекционированию охотно уделяли время. Благодаря этому коллекционированию бабочек я хоть немножко узнал небольшой участок фауны, познакомился с различными видами мира насекомых. Остальные виды флоры и фауны для меня закрытая книга, ибо ни в детстве, ни впоследствии не изучал ни ботаники, ни зоологии, ни других естественных наук. Лишь когда подрастали дети и дядя Вася (Андреев) называл им разные травы и растения – я кое-что усвоил. Почему то походы к чугунному мосту связаны с чем то большим, требующим много сил и времени, хотя до него было версты 2-3.

Самым приятным был выход на ярмарку в Якимец. Ярмарка была на летнюю Казанскую (8 июля ст.стиля). Сборище было большое и торжище продолжалось несколько дней. Нас туда с кем-нибудь (чаще всего Зоркиным) пускали и авали немного денег (20 к.). Прогулка по ярмарке доставляла много удовольствия. Пили «кислые щи», покупали пару Сытинских лубочных изданий («Битва русских с кабардинцами»), какую-нибудь губную гармонику. Иногда Зоркин или другое, сопровождающее лицо, за свой счет нас угощали не только кислыми щами, но и жидким медом и иными сладостями. Вообще у Зоркина было обыкновение в свои и наши именины дарить нам по банке монпасье. Памятна поездка на Казанскую вместе с мамой и Евдок.Ильин.Жаворонковой. Мне почему то захотелось купить игрушечную скрипку, но мать мне в этом отказала¹. Тогда скрипку купила Евд.Ил. и подарила мне. Конечно, по игрушечной скрипке выучиться играть было трудно. Но не думаю, чтобы был другой результат, если скрипка была и (пропущено: не) игрушечной. Не знаю, подарок ли скрипки или еще что, но от Евд.Ил. у меня осталось очень теплое воспоминание, она мне казалась и симпатичной и красивой. В Якимец же мы изредка ездили к Аграфене Алексеевне Бурмаковой, как будто за молоком. И от нее у меня неплохие воспоминания, но больше нравилась сама поездка, особенно мимо оврага, о котором шли рассказы, что он очень глубок, там водятся волки. Памятен другой овраг, направо от Смыга-

¹ Из письма Н.А. жене (или матери?) Прасковье из Боткинской больницы: «Мы, Рыбниковы, и я в особенности, не умеем выражать своих чувств, когда это нужно, не умеем быть ласковыми, не умеем сделать так, чтобы между чувствами и поступками не было пропасти» (ОР РГБ, ф.367, картон 7, ед.хр.7, л.229).

ловки в Кривополянье, куда мы изредка ходили, там протекал небольшой ручеек, была зелень.

[Работа и поручения]

Большой конфуз вышел, когда меня послали купить для пирожного желатина, дав 10 руб. Я купил у Ивана Дмитриевича желатина на все деньги. Конечно, пришлось нести обратно, так как девать такую уйму связывающего было некуда.

То же случилось со мной, когда послали в аптеку Гиршфельда за зубным мелом. И здесь я принес зубного мела на все 5 рублей. Гиршфельду пришлось собирать его со всей аптеки. Такое невнимание и некоторая неприспособленность к окружающей ситуации у меня в детстве имела место нередко. Помнится, что как то войдя в церковь, я не снял шапки – таких промахов бывало не мало. Такую медленную приспособляемость к требованиям среды надо поставить в связь с сильной эмоциональной поражаемостью, легкой эмоциональной возбудимостью, застенчивостью и целым рядом других качеств, которые очень мало мне «помогали» в дальнейшем жизненном пути.

[Школа]

РАНЕНБУРГ 1891-1895 гг.

Отроческий период моей биографии приходится на учебу в г.Раненбурге. Раненбург – небольшой захолустный городишко бывшей Рязанской губернии. Город основан был сосланным сюда А.Д.Меньшиковым, который воздвиг там собор, монастырь и какой то замок, обращенный впоследствии в тюрьму. К числу немногих достопримечательностей надо отнести и Раненбургское духовное училище, где я проучился четыре года. Слово «проучился» не совсем точно отражает фактическое положение дела, точнее было бы сказать: «был заключен на четыре года» в это мрачное здание, очень напоминающее меньшиковскую тюрьму. Это сходство с тюрьмой усиливалось еще тем, что нижний этаж здания, примыкающий к домовая церкви, был зарешечен. Для меня эти четыре года были годами заключения, годами схоластической зубрежки, напоминающей собой мрачное средневековье со всеми его «прелестями».

Как вышло, что я попал в эту «тюрьму мрачного средневековья». В 1891 г. мне было десять лет, я кончил церковно-приходскую школу. Стал вопрос, что делать со мною, куда отдавать учиться дальше. Старшие братья учились в Москве в Коммерческом училище. Отец сделал попытку отдать туда и меня. Когда он повез брата Александра держать очередную переэкзаменовку, он захватил с собой и меня, я держал вступительный экзамен, выдержал (с грехом пополам, так как не мог попу Покровскому ответить в разбивку членов символ веры). Но при баллотировке на казенный кошт в Коммерческое училище я не попал, а на своекоштное обучение у отца средств не было. Пришлось думать о другом. После долгих обдумываний и советов выбор пал на духовное училище. Выбор этот объяснялся рядом причин. Думаю, что немаловажное значение имели советы местного священника Александра Степановича Гаретовского, который в церковно-приходском училище преподавал закон божий, был вхож в наш дом и имел некоторый авторитет в глазах старших членов семьи. Некоторую роль здесь, видимо, сыграли мои личные данные, в частности «религи-

озность», «прилежность» к посещению церкви и т.д. Отец тем скорее пошел за этими советами, что у него было желание – иметь из своей семьи «духовную особу», быть может «архиерея», к которым он питал большую слабость, очень гордился своим знакомством с ними. Но самое главное – другого выхода не было, не было средств, чтобы везти в Рязань или Москвы в гимназию, а ближе и доступнее под руками ничего не было. В половине августа 1891 г. мама повезла меня в Раненбург. К этому времени была уже проведена ж.д. ветка – Богоявленск – Астапово и мы ехали по железной дороге. В памяти осталась больше поездка по железной дороге, пересадка в Богоявленске, чем самый Раненбург и училище [...] где мне первый раз в жизни нужно было остаться одному. Мама старалась сгладить тяжесть разлуки, адресовалась по преимуществу к надзирателю (и название то тюремное) А.И.Гусеву с просьбой взять меня под свое покровительство. Тот охотно обещал и действительно повел меня после отъезда мамы, в кладовую, где надо было оставить вещи. Кладовая состояла сплошь из выдвигаемых ящиков, у каждого воспитанника был свой собственный. Мне надзиратель отвел № 77, куда я и стал укладывать свои пожитки. Сам Гусев быстро исчез, оставив меня одного среди незнакомых ребят. Они обступили меня, критически оценивая содержимое № 77 и стали выяснять из каких я – «кутейников» или «кошкодеров». Для меня эти вопросы были совсем непонятны. Какой я «кошкодер»? Этим названием ребята именовали городских мещан, из которых некоторые занимались собиранием и выделкой кож (в том числе и кошачьих). Я был отнесен к числу «кошкодеров», каковых было меньшинство и которые были своего рода «париями». Я сразу как то почувствовал, что это был другой, чуждый для меня мир, где царит другая терминология, свои собственные взгляды. Эти взгляды мне показались довольно странными. Ученики очень критиковали мой багаж, особенно подчеркивалось отсутствие в моем «имуществе» «жратвы» - это так и было на самом деле. Правильность этих замечаний я вскоре понял, ибо без добавочной «жратвы» обойтись было трудно. Заботливые и более осведомленные дьячихи и дьяконицы, отправляя своих чад, снабжали их таким количеством съестного, в частности лепешками, что я был сначала просто поражен. Потом лишь понял, что это объяснялось слабой постановкой продовольственного вопроса в училище.

Помимо непонятных мне слов скоро воспоследовали и непонятные поступки. Неожиданно я получил здоровый щелчек ни за что ни про что – это, оказывается, развлекался здоровый детина, измывавшийся над новичками, пробуя силу своих рук. Рукам, физической силе, вообще говоря, отводилось во взаимоотношениях учащих первенствующая роль, особенно в младших классах. Фактическими вожаками, вернее «тиранами» были наиболее сильные и здоровые ребята. Они позволяли себе измываться и изводить более слабых, как только хотели. Первый год я был помещен в нижнюю спальню, где безраздельно царил некий детина Мелиоранский. Он завел в спальне такой порядок, чтобы все малыши подходили к нему и на сон грядущий получали «благословение» - здоровый щелчек. Не знаю, ведало ли об этих измывательствах наше начальство. Думаю, что знало, но не боролось с ними, считая его совершенно

нормальным. Этот культ физической силы царил довольно долго, лишь в старших классах начало преобладать вожачество по интеллектуальной линии.

Выходцу из сравнительно культурно среды, мне было чуждо новое окружение не только в силу своеобразия словаря, некоторой грубости, но и в силу удивительной практичности – утилитаризма. Это были практически очень подкованные люди. Когда у меня отрывалась пуговица, рвалась одежда – я был совершенно беспомощен, не знал, как и что надо было сделать. «Кутейники» же с этим справлялись легко и быстро. Мама, зная моя беспомощность и неприспособленность мою, решила прикрепить меня для этой цели к бабушке Медведевой, жившей с какой-то воспитанницей на покое в «Анбурге» (так большинство называло Раненбург). К ней я должен был ходить каждое воскресенье, чтобы она ремонтировала мой костюм, наблюдала бы за общим его порядком. Ходить к ней было скучно, правда, она немножко подкармливала меня (в училище даже в праздник кормили недостаточно). Вообще говоря с образом этого оригинального типа, Медведевской бабушки, у меня связались больше вкусовые впечатления. Приезжая к нам на станцию, она привозила лубяной ящик калужского теста, казавшегося мне невероятно вкусным. [...]

Духовное училище было профессиональным учебным заведением, готовящим церковно-служителей (причетников, дьячков, псаломщиков), в то же время оно являлось первым звеном по подготовке более квалифицированного духовенства. Нельзя было поступить в семинарию, не окончив духовного училища. Эта специфичность подготовки сказывалась и на качественном подборе предметов и на методе преподавания. Метод преподавания был до чрезвычайности схоластичен, дело сводилось попросту к зубрежке, текстуальному усвоению огромного количества материала, механическое зубрение, как метод, преобладало решительно в отношении всех предметов, будет ли это греческий язык, география, катехизис. Эта механическая зубрежка довлела над всей системой учебы. Вот Аристарх Никольский учит греческие слова: зажав уши, он ходит из угла в угол, изредка заглядывая в книгу, ходит час, ходит другой. Усилия надзирателя прогнать его хоть бы на час во двор – тщетны. Никольский зубрит пока не только заучит значение слов, но и порядок их расположения в учебнике, ибо «грек» (Н.А.Соколов) спрашивал слова подряд, и на этом «подряд» иногда сбивал ученика. «Оригинальность» вопроса выражалась в том, что русский текст слов стоял перед глазами спрашивающего, «грек» закрывал рукой греческий текст. Никаких отклонений от порядка не допускалось. Приходилось заучивать не только слова, но и их порядок. И вот теперь, спустя 42 года, я помню, что агога стоит рядом с *adikia* и т.д. Так заучивали слова. Но такой примерно порядок полагался и для правил грамматики и синтаксиса. Конечно, ничего похожего на объяснения и в помине не было, приказывалось заучить «от сих до сих» и больше никаких. Этот «грек» был очень типичный представитель бурсы. И худшего педагога не могло бы нарисовать самое богатое воображение. Ученика он спрашивал как то страшно завывая и делая при этом страшные глаза. В классе он никогда не садился, а носился из угла в угол, шагая большими шагами и как то странно раскачиваясь. Придя в класс, он начинал истово креститься под чтение «царю небесный» на греческом языке. Когда молитва оканчивалась, он поворачивался лицом к классу, с минуту всех

оглядывал и отвешивал классу поклон, внимательно наблюдал за глубиной ответного поклона учеников. Любил, если ему кланялись низко. Слабый в греческом языке, «кошкодер» Николай Хромин в случае трудного урока иногда даже кланялся земно. Недостаточно глубокий поклон обуславливал немедленный вызов к доске и получение «кола». Я помню, как получил от него кол за то, что возясь в коридоре, налетел на «грека» и чуть не сшиб его. Другой раз была неприятность из за того, что играя во дворе в лапту, я нечаянно залепил в него литым мячом – тоже последовал вызов с неудовлетворительной отметкой. Первое время к такому сумасшедшему педагогу приспособиться было трудно, я получал колы и двойки и во втором классе, где начался греческий, в первое полугодие имел двойку, единственную двойку за все время пребывания в училище. Но годовую имел четверку, а третьем и четвертом имел и пятерки. Важно было понять, чего этот, с позволения сказать, педагог требовал от ученика. А поняв эти требования, сводившиеся к механической зубрежке, надо было вызубрить. Вот и зубрили, зубрили так, что чертям тошно было. И таким педагогам поручили целиком несчастных ребят! Между прочим, когда я кончал училище, то «грек», считая меня способным, очень убеждал идти в семинарию, говоря, что из меня выйдет толк. Не знаю вышел бы толк или нет, но благодаря его «таланту», греческий язык (вообще «языки») я здорово возненавидел и главное так и не постиг его до конца, хотя времени на его изучение затратил в общей сложности изрядное количество.

Вида был «грек» страшного, очень походил на цыгана, манера говорить и ходить была соответствующая этому виду. [...] Будучи педагогом, он ходил в домовую церковь училища, при чем молился с такой экспрессией, что было страшно на него смотреть. Вообще молились в училище изрядное количество времени. Распорядок дня регулировался молитвами, которых в течение дня было целых полдюжины. Проснувшись и умывшись, мы строились в пары, и нас вели в церковный притвор, читались утренние молитвы. После молитвы шли на завтрак – пшениный кулеш с маслом. Перед завтраком и после него также пелись молитвы. После завтрака пили чай и шли в класс повторять уроки. В 8 ½ опять строились в пары и шли в церковь, где уже читали подробный репертуар утренних молитв с обязательными коленапреклонениями в определенных местах и частичным коллективным пением. Эта возможность активного участия вносило некоторое оживление в монотонное и скучное чтение огромного числа молитв, тем более, что некоторые из них читались уже второй раз. Выходили из церкви парами и в притворе прикладывались к иконе (митроп. Филиппа). Не просто прикладывались, но еще прикасались лбами к иконе. Это тыканье лбами было не всегда одинаковым, все зависело от того, какое было расписание в этот день. Чем труднее были уроки, тем больше было тыканья. Однократное тыканье давало перестраховку лишь на один урок, чтобы перестраховка была на весь день – нужно было тыкаться четыре или пять раз – в зависимости от расписания. Но не только число тыканий, но и качество их зависело от уроков: всего выразительнее было тыканье, когда в расписании стояло «греческий язык».

Из церкви расходились по классам и начинались уроки, при чем перед и после каждого урока тоже читались молитвы (перед греческим – по-гречески).

Уроки кончались около 2 часов. После них вели на обед. Опять две молитвы. После обеда свободное до 4 ½ часа время. Полагалось идти во двор гулять, но зимой это имело место редко, публика слонялась по коридору, углам классов, присяжные зубрилы имели свой укромный уголок, где уже заводились по части зубрежки. В пять звонок на чай, а в 6 садились за приготовление уроков. Зубрила зубрили без конца, заткнув уши и уткнувшись в книгу. В 8 ½ ужин, опять две молитвы, в 9 вечерняя – довольно длительная молитва (с пением и коленопреклонением) в церкви, откуда расходились по спальням. В 10 часов полагалось спать. Дневная доза молитв отпускалась изрядная – целых двадцать раз в день нас «молили», два раза в церкви, около получаса, с пением и коленопреклонением. Но молитвами и церковностью накачивали не только перед уроком, но и изрядная часть уроков состояла из церковного и богослужебного материала. Взять хотя бы русский язык. В четвертом классе занятия по русскому и церковно-славянскому языку состояли в том, что целый час занимались заучиванием и разбором богородичных ирмосов, тропарей и т.д. Разбор был самый формальный и схоластический, давалась интерпретация отдельных слов с точки зрения грамматики и синтаксиса.

Между прочим в 3 и 4 классе Русский язык преподавал некий Ник.Ив.Левитов, окончивший Академию, из многочисленной семьи Левитовых, раненбургских соборных протопопов. Этот Левитов был определенно больной человек, никогда ничего не объяснявший, больше всего обращавший внимание на то, чтобы ученик не молчал. О том, что он учитель и что надобно задавать урок, он обычно вспоминал во время молитвы, которая тотчас же после звонка читалась дежурным. И вот, во время молитвы, крестясь Н.И. бормотал: «К следующему разу возьмите для разбора богородичен 7-го гаса». Вот мы и сидели целых два года (3 и 4 кл.) на разборе богородичных, ирмосов, тропарей и т.д. Главное же, эти ирмосы, тропари, кондаки, богородичны не просто разбирались, но и зазубривались. Зазубривались со стороны словесного и формы их исполнения, мотива. Но этого мало. Кроме обширного богослужебного материала, заучиваемого со стороны формы и мотива, зазубривался не менее обширный материал из евангелия и библии. Это заучивание шло по линии преподавания катехизиса и священных историй (ветхого и нового завета).

Катехизис преподавал смотритель Павел Иванович Чистосердов, симпатичный на вид толстяк с черной окладистой бородой. Он требовал текстуально-го заучивания этого «бессмертного творения Филарета», ибо лучше его не скажешь. Так как никакого объяснения никогда не было – многое было непонятно, и это непонятное, бессмысленное заучивалось и отвечалось дословно. Лишь бы была дословность, а о понимании ни учитель, ни ученики не думали. Но хотя «лучше Филарета не скажешь» - все же катехизис пополнялся целым рядом отрывков из евангелия, библии. Помню несколько дней ушло на зазубривание апокрифической картины страшного суда – текстов в 2 – 3 страницы. И на такие «бесплатные приложения» к Филарету Чистосердов не скупился, охотно давал их, не говоря уже о том, что у самого Филарета этих текстов более чем достаточно. Конечно, ни одного текста выпускать не полагалось. Не полагалось изменять или переставлять слова не только текстов, но и в изложении самого Фила-

рета – вот и зубрили, зажав уши, потому что преподавал «сам» смотритель, а его мнение об ученике имело для судьбы ученика решающее значение.

Священную историю преподавал помощник смотрителя Петр Николаевич Скобовский, более яркая личность, игравшая куда более заметную роль в судьбе учащихся, чем смотритель. Скобовский и жил в помещении училища, часто и внезапно появляясь в классах, столовой, спальне и т.д. Его боялись больше всего, так как он был вспыльчив и грозен. В противоположность флегматичному Чистосердову холерик Скобовский был вспыльчив и драчлив. Ко всем прочим прелестям системы Скобовский от себя добавил побои по щекам, иногда изрядно и до крови (у него на пальцах были кольца). И вот эта гроза и ужас училища преподавал закон божий, и ему приходилось учить истории дословно. К истории он тоже добавлял тексты библии и тропари праздников, истории которых проходились. Лично ко мне Скобовский почему то благоволил, у меня с ним ни разу не было серьезных столкновений, священную историю я постиг еще у Гаретовского, тропари заучивал недурно, так как памятью располагал недурной. Но мне часто приходилось быть свидетелем вспышек Скобовского, жестокой расправы с беззащитными ребятами и поэтому у меня в отношении его сложилось очень отрицательное отношение. Особенно было неприятно стояние с ним рядом в церкви, когда меня в третьем классе назначили подстаростой – старостой церковным был Чистосердов, стоявший за ящиком, - Скобовский стоял впереди ящика, а я рядом с ним. Иногда мне приходилось выполнять его поручения по части замечаний ученикам: «Сходи, скажи Чесалину, чтобы не зевал в церкви».

Когда я в 1914 г. читал на курсах в Учительском Доме лекции, то один Скопинский учитель передал мне привет от Скобовского – если бы он знал, какое у меня о нем воспоминание – едва ли стал бы присылать привет.

Помощником инспектора были два надзирателя, окончивших семинарию молодых паренька, отбывавших эту повинность, прежде чем занять какое-нибудь поповское место. Я бы не сказал, что они были дурные люди, - нет, но они были лишь слепыми исполнителями велений Скобовского и того режима, который был раз навсегда и твердо установлен. Они наводили порядок во время гулянья во дворе и т.д. Крупных дисциплинарных мер они не предпринимали, чаще всего оставляя это право за Скобовским. Но все же оставить без обеда, поставить столбом и кое какие другие неприятности для учащихся они могли сделать и делали изрядное количество. Они были надзирателями в подлинном смысле слова, а не воспитателями, с воспитательными приемами не были знакомы, действовали так, чтобы было тихо, не было скандалов. А какими приемами это достигалось – их мало интересовало. Дежурили они через день, почти целый день были с учениками, но учениками, их жизнью, совсем не интересовались. Не помню, чтобы общение с ними когда либо вышло за пределы чисто формальных отношений надзирателя к надзираемому. Даже в младших классах, когда ребята были совсем беспомощны, от них не слышно было слова утешения и подбадривания. А первый год училищной жизни был для меня особенно тяжел: и потому, что сильно скучал по дому, и не привык к новой и необычной среде, и потому, что над малышами уж очень издевались старшие ученики. Впоследствии это не так было заметно: образовались прия-

тельские связи, кое с кем сошелся поближе. А на третьем году пребывания в училище поступили брат Митрофан и братья Мартыновы (Николай и Владимир) – наши стационарные приятели. Интересно отметить, что все мои друзья по училищу были из компании «кошкодеров». Абрамов М. (из «Благих», сын сельского торговца), Лыков Иван (сын волостного писаря), Баженов Степан, сын митягинского управителя и др. Думаю, это было не случайно – категория «кутейников» была какая то особенная, чуждая нам по духу, какая то удивительно жадно-практическая. Что больше всего в ней претило – это попрошайничество, вообще сильно развитое в училище. У «кошкодеров» этого совсем не было выражено. Не знаю также – случайно или нет, но лучшие ученики обычно тоже были из «кошкодеров», хотя у кутейников, казалось бы было больше предпосылок по части знания богослужения, текстов и т.д. Даже для прислуживания в церкви почему то выбранными оказались «кошкадеры» - в алтаре прислуживал мой приятель Абрамов (мы с ним года два сидели на одной парте), у свечного ящика прислуживал я. Для кружечного сбора я брал себе в помощь Никитина, дворянского сынка, позднее поступившего в лицей. «Классовый» принцип здесь едва ли нужно объяснять, ибо Лыков, например, был типичный пролетарий (никогда не попрошайничающий), а среди кутейников были – сынок Раненбургского протопопа Василий Левитов и сын Якимецкого дьячка Василий Мелиоранский – между их социальным положением дистанция была очень большая. Правда, изредка и среди кутейников попадались ребята, с которыми можно было иметь дело, таков, например, был мой сосед по парте в 4-м классе Дмитрий Тихвинский и далеко от меня сидевший Николай Краснов – оба дети поповские, позднее сами попы. Краснов был незаурядный парень, долго не мирившийся с тем, что приходилось зубуривать, ничего не понимая. Помню, как он огорчался, плакал, не будучи в состоянии понять семи свойств божьих. Но это было в начале, потом и он приспособился к требованиям средневеково-схоластической зубрежки.

Большинство учителей было академиком (окончивших духовную академию). Если Академия давала им некоторую подготовку по части преподавания богословия и церковных дел (хотя и здесь педагоги они были никуда негодные), то в отношении общеобразовательных предметов они были из рук вон плохи. Географию преподавал в 3 и 4 кл. Петр Константинович Орнин, буквально неграмотный (в отношении географии) человек. Даже тот материал, который был в кратком учебнике, ему не был достаточно знаком. Нахождение географических точек на карте (особенно на немой) для него было делом трудным. Конечно, никаких объяснений, иллюстраций не полагалось. Да и чего можно было ожидать от человека, знавшего меньше, чем некоторые из нас. В младших классах Орнину приходилось преподавать математику – и тоже с таким же успехом. Такая перебриска «академиком» была весьма обычной. Видимо, считалось, что они могут преподавать все. Но это были даже люди в футляре, а просто педагогически неграмотные люди, незнавшие педагогического предмета, не интересующиеся преподаванием, отбывавшими скучную преподавательскую повинность за казенную стипендию или еще почему либо. Именно у Орнина мне пришлось изучать начала математической премудрости. Думаю, что моя слабость в этой премудрости отчасти зависит от «талантов»

первого преподавателя. Помню, как мы по его приказу зазубривали по учебнику что такое горизонт, что такое экватор, меридиан и т.д. Все эти определения зазубривались так же, как мы зазубривали катехизис, тропари, ирмосы и т.д. Конечно такой подход к интереснейшему географическому материалу создал такую установку, что география есть зубрение номенклатуры городов, рек, стран и т.д. Самого существа географического объекта в Раненбурге я не получил, да и в дальнейшем для меня – самоучки – этот предмет так и оказался нераскрытым. Из общеобразовательных предметов в училище были: русский, география и арифметика. Русский язык был так насыщен церковно-славянским элементом в младших классах, в старших церковным и богослужебным элементами, что грамматика и синтаксис проходились кое-как – дальше же синтаксиса (Кирпичникова) дело не шло. О преподавании географии и арифметики говорить не приходится – эти предметы были поставлены ниже всякой критики. Да общее образование и не было целью школы, учреждения чисто профессионального, готовящего церковных спецов низкой квалификации. Поэтому церковные богослужебные предметы доминировали над всем. Я уже говорил, как изучались катехизис и священная история. Завершением всего этого в 4 кл. было «Богослужение», считавшееся церковным предметом и преподававшегося смотрителем Чистосердовым. Здесь учащимся поручалось править службы – часы, полунощницу, повечерье и т.д., при чем особенное внимание обращалось на случаи казусные, напр., «какой тропарь надо петь, если пасха придется в благовещенье, если крещенье придется в субботу» и т.д. Ученик должен был быть в курсе дела триодей постных и цветных, знать как править все церковные службы типовые и казусные. Помимо зубрежки это знание достигалось очень частыми богослужениями, которые были своего рода «производственной практикой» для учащихся. Начиная со 2-го класса они должны были постепенно включаться в активное участие на клиросе: сначала читали 9-й час, потом «часы», потом «шестипсалмие» и т.д. Такая «практика», соединенная с теорией (вернее – зубрежкой порядка чередования разных канонів и кафизм) делала кончающих квалифицированными пономарями и т.д. Прошло более 49 лет, как я был приобщен к этой церковно-богослужебной премудрости. Но я до сих пор помню порядок «великого повечерья», «6-го и 9-го часа» и т.д. Помимо теории и практики постоянное присутствие в домово́й церкви обеспечивало усвоение всех этих богослужебных тонкостей. В церковь ходили не менее двух раз в день, а в праздник и накануне праздника, а также в среду и пятницу, постом – по четыре раза в день. Что касается обеден и всенощных, то они мало чем отличались от того, что бывало и в других церквях. Отличались они только большей полнотой и торжественностью. Специфической особенностью были великопостные часы и преждеосвященные обедни, на которые нас водили каждую среду и пятницу. Это делалось главным образом за счет сокращения перемен, особенно большой, так что и теории (зубрежка) и практики церковно-служебной и богомольственной было больше, чем надо – молились, вернее «молили» нас почти до бесчувствия. Конечно, при таких многочасовых молениях вырабатывались своего рода защитные рефлексy, ребята, стоя в рядах, незаметно занимались посторонним делом, старались чаще менять позу, подниматься и становиться на колени. К активному участию в бого-

служении привлекали по очереди. Выступлению в церкви предшествовала репетиция, устраиваемая попом отцом Никандром Любимовым или дьячком Аксеновым. Волений для дебютанта было изрядное количество, так как и эта подготовка велась методами мало педагогическими.

Помимо чтения на клиросе ученики принимали участие в пении как на клиросе (под руководством дьячка Аксенова) и на хорах, где дирижировал наш учитель пения Петр Анисимович Климов. О нем, как учителя, стоит сказать пару слов. Он был дьячком в соборе и там тоже регентировал, позднее перешел в Рязань регентом архиерейского хора. Его творчеству принадлежат несколько церковных пьес: «херувимская» и др. Серьезного музыкального образования он не имел, но свое дело любил и увлекался им – пенье нашего хора славилось на весь город, хор ходили слушать многие любители. Но как преподаватель пения он был неважный: система была примитивная, он показывал как надо петь и заставлял повторять спетое или сыгранное. Редко давались указания, как технически это надо было выполнить. Мне эти «гласы» и «прокимны» давались с большим трудом. По пению я не был успевающим, как по другим предметам. Но Петр Анисимович к моим «успехам» относился очень снисходительно, посылал отцу просфоры и поклоны. Он, недоучившийся дьячок, был почти единственный (кроме Н.Ф.Федотьева – о нем речь впереди), кто с нами говорил по человечески. Правда, слов у него было немного, так как он сам был человек неученый. Но желание хотя немножко приласкать было. Для учащихся он не был особенно авторитетен, за его уроком дисциплина была слабая. Петр Анисимович выходил из себя, кричал на класс, ругал нас «халдеями», «хананеями», оставлял без обеда, но всегда после урока всех прощал. Однажды перед его уроком дежурный прочел молитву по гречески (как это он делал перед уроком греческого языка). Сначала Петр Анисимович крестился, но прислушавшись, креститься перестал, не поздоровавшись, если за стол и стал плакать. «Ты что ж, дежурный, смеешься надо мной. Может ты меня ругал, а я под твою ругань богу молился» - таков был наш «учитель», да еще один из лучших, если сравнивать с сухарями-академиками.

Счастливым исключением из этой плеяды академических бездарностей представлял учитель латинского языка Николай Федорович Федотьев. Высокий полный, живой всегда подвижный он умел заинтересовать даже такой скучнейшей материей, как латинский язык. Методы заинтересовывать были разнообразные.

Прежде всего он очень широко применял мнемонику. Каждое или почти каждое заучиваемое слово он стремился связать ассоциативно с знакомыми вещами. Как сейчас помню объяснение им первых слов, заучиваемых по учебнику Михайловского: amo - люблю. Начинается разговор примерно такого характера: «Ну как тебя встречает мать, когда приезжаешь на каникулы». Спрошенный отвечает: «Здравствуй». Н.Ф.: «Нет, не здравствуй, а – «А, мой милый, приехал» - Почему она говорит «а мой», потому что любит тебя, amo – любить, вот и запомни». «Comodus – удобство. А разве комод не удобство. Plustro – украшать. А разве картина, иллюстрация не украшение» и т.д. Так каждое слово иллюстрируется и ассоциируется. Н.Ф. делается это живо, образно, главное же – это было так необычно для нас. Применял Н.Ф. также ме-

тод поощрения, соревнования. Перед зачетом или четвертными отметками заявлял, что четвертники получают право на розыгрыш альбома, или на фотографию класса. А он изредка снимал и действительно разыгрывал фотографии. Различные правила и материал латинской грамматики он тоже всячески объяснял и стремился создать ассоциации. Все это создавало такие условия, что латынь мы учили сравнительно легко, не как ненавистный греческий язык. Весь курс у Н.Ф. был так дозирован, что было точно предусмотрено повторение, возврат к прошлому и т.д. Обычно годовой курс проходил в половине второго полугодия, а вся четвертая четверть шла на повторения. Его предмет знали и неуспевающих было очень мало. Очень нам нравилось в нем объективность оценки. По зачетным письменным работам, по экстермпоралиям у него была выработана скала ошибок, которой он точнейшим образом придерживался независимо от того, кто эти ошибки делал. Под каждой письменной работой неизменно стояла подпись ег (число ошибок) = (бал). Чит. Ник. Федотьев.

[...] Н.Ф. Федотьева мы ценили не только как латиниста, умевшего облегчить нам усвоение латинских вокабул, но и как человека, приоткрывшего нам дверь в художественную литературу. Между вечерней молитвой и сном у нас было около часа свободным. Это время проходил в слонянии или в рассказах разных страшных историй и случаев. Н.Ф. предложил устроить в эти часы чтения, принес Гоголя и в ряде вечеров прочел нам «Мертвые Души», давая некоторые комментарии. Потом читал и других авторов, указывал кого еще надо прочесть и т.д. Вообще говоря Н.Ф. бесспорно сыграл некоторую культурную роль, подведя нас к русской художественной литературе, заинтересовав нас и дал некоторые указания для дальнейших шагов в этом направлении. Помнится, он был и библиотекарем училищной библиотеки, давал консультацию при выборе книг. Но книг приходилось читать до смешного мало – некогда было, зубрежка поглощала все время. На самом деле, в течение будничного дня столько зубрили и молились, что для чтения времени оставалось мало – только после вечерней молитвы и сном был часок, но обстановка в классе (другого помещения не было) была такова, что мало располагала к чтению. Да просто – это не было принято, лишь в старших классах выделилась группа «чтецов», по преимуществу из способных учеников, возможно не без влияния Н.Ф. Федотьева. Ко мне почему то Н.Ф. относился хорошо, при встрече с кемнибудь подчеркивал, что «этот мальчик из интеллигентной семьи». Помнится, одна подобная встреча была в магазине Н.В. Волкова, где почему то часто толкался Н.Ф. И здесь разговор зашел на ту же тему. Думаю, что об интеллигентности семьи информировался Н.Ф. от Волкова, который был женат на Самоурковой, нашей соседке.

Памятна нескладная высокая фигура отца эконома, дьячка Вознесенской церкви: рыжий, нескладный, высокий, ходил как-то странно раскачиваясь. От него приходилось удирать, когда ходили на промыслы за хлебом. Почему то перед ужином всегда очень хотелось есть, ходили на промысел к «хлебодару» Фоме. Один заговаривал Фому, другой «охотился» за хлебом. Вот рыжий эконом и вел беспощадную борьбу с этими «охотниками». Вообще же он кормил учащихся не важно. Утренний завтрак состоял из пшеничного кулеша с куском хлеба. Почему то этот кулеш тогда казался очень вкусным. Когда в годы голо-

довки мне пришлось попробовать такого кулеша – он вовсе не был таким вкусным, как много лет тому назад в Раненбурге. После завтрака был чай, хлеба к нему не давали, давался только кипяток. Затем обед в 2 ½ ч. из двух блюд. На первое суп или щи (мясные или рыбные в зависимости от дня недели), на второе – неизменная каша (гречневая или пшенная). Кушанье подавалось в общей миске, из которой «хлебало» четверо; если «хлебово» было суп – сначала ели только жидкость, а потом уже по команде старшего, начинали (вернее бросались) есть мясо. Спешили страшно, так как порции были ограничены и прибавки просить не полагалось. «Хлебали» деревянными ложками. Тарелки давались лишь по праздникам, когда на второе была жареная рыба или мясо. Ужин был почти такой же, как и обед.

В качестве наказания практиковалось оставление «без обеда» - оставленные шли в столовую, где должны были стоять и смотреть, как другие едят. «Безобедников» Скобовский (если не сам оставлял) спрашивал, кто и за что оставлен, ругал, иногда усиливал наказание, иногда отпускал есть второе. Порции были недостаточны и поэтому есть часто хотелось. [...]

Оценивая эти четыре года и учебу в Раненбурге, нельзя не считать это время потерянными, потерянными вдвойне, так как эти четыре года ничего не дали для моего дальнейшего роста. А кроме того, они глушили и гасили то, что при нормальном развитии должно было развиваться. Этот колоссальный материал, вбитый за четыре года учителями-академиками, ни в какой мере мне не пригодился в последующем моем развитии, он был мертвым капиталом, мешающим и сбивающим порой, давящим своей ненужностью и архаичностью. Наличие этого мертвого балласта было вредно еще и потому, что создавало вредную установку на ценность почерпываемых из книг знаний. Так как других книг, являющихся источниками «живых знаний» в ту пору еще не имел, то создавалось впечатление, что все знания так же «важны», т.е. мертвы, как знания, полученные в Раненбурге. Так что четырехлетняя учеба была вредна не только по тому материалу, который вбивался в наши головы. Не менее вредна эта учеба была и по методам вдалбливания – это методы были настолько грубы и архаичны, что даже и формальная ценность от усвоения этого обширного материала была невелика. «Зубрили» как бог на душу положит, никто (кроме Н.Ф.Федотьева) не давал указаний как надо усваивать, выбирали такие методы, которые интуитивно или подражательно считались наиболее приемлемыми.

Конечно, даже при таких кустарных приемах усвоения обширного материала формальная сторона упражнялась память, как таковая, все же тренировалась, какой только ценой это покупалось. Думаю, что моя недурная память, отчасти находится в связи с этой четырехлетней непрерывной зубрежкой, заучиванием текстов, тропарей, богослужебного и всего учебного материала, ибо другой путь усвоения исключался всей системой работы, методом спрашиванья и учета. «Лучше Филарета не скажешь» - ну и зубрили Филарета, зубрили географический материал, зубрили богослужебно-церковный материал и т.д.

Такое обращение исключительно к функции памяти отодвигало на второй план все другие функции. «Мыслить», «рассуждать» при усвоении не по-

лагалось, даже Н.Ф.Федотьев не осмысливал материал, а только немножко облегчал запоминание. А об остальных, с позволения сказать, педагогах и говорить не приходится. Они принципиально отвергали пытливость ума, считали это вредной тенденцией, ибо и их самих семинария и академия приучили все принимать на веру. “Credo quid absurdum” таков был лозунг, пронизывающий всю систему обучения. Думаю, что та удивительная отчужденность и далекость от учеников большинства педагогов была своего рода защитной реакцией – при иных отношениях пришлось бы слышать вопросы, надо было бы на них давать объяснения – лишняя нагрузка, которой великолепно можно избежать, разыгрывая неприступного олимпийца, задающего «отселева до селева» и спрашивающего точно по учебнику. Мир педагогов нам казался действительно каким то особенным миром. Это не люди, улыбающиеся, радующиеся, горящие языком жизни, а лишь языком церковной схоластики. Это какие то особые существа, у которых нет того, чем мы живем и интересуемся. До наших интересов им никакого дела нет. Они призваны искоренять детские интересы, призваны делать из нас машины для переваривания кондаков и икосов.

ВЗРОСЛЫЕ О ДЕТЯХ: ДОКУМЕНТЫ

О нахождении малолетнего преступника в общей камере Новоладожской тюрьмы¹

1. Письмо Новоладожского Уездного Предводителя Дворянства Санкт-Петербургскому Губернатору по Губернскому Правлению гр. С. А. Толю (18 июля 1890)

Милостивый Государь
Граф Сергей Александрович.

Во время посещения моего сего 15-го Июля Новоладожской тюрьмы я нашел в ней заключенным на два месяца в общей камере крестьянина Шаховской волости, дер. Подбережья Илью Оленина 13 лет, по приговору Мирowego Судьи 2 участка Новоладожского Округа. Я был поражен при распросах ребенка его не развитостью, а между тем оказалось, что 17л. брат его, сообщник с ним, присужден тем же Судьею на 2 месяца, а Съездом срок заключения сокращен до 1 ½ месяцев. Принимая во внимание 6 и 11 ст. уст. о нак. налог. Мир. Судьями и вместе с сим полное неведение в котором находится Г.^Н Мировой Судья 2-го участка о возможности отправления таких лиц в исправительное заведение, а также всю важность таковых для почти не сознательных преступников, которым приходится в данном случае проводить время в сообществе взрослых и часто Закоренелых преступников, я имею честь просить Ваше Сиятельство не сочтете ли возможным для блага малолетнего на селения вверенной Вам губернии поставить в известность Г. Мировым Судьям о существующих колониях, куда желательно помещать присужденных малолетних

¹ Здесь и далее заголовки документов даны нами (ВБ, КК). ЦГИА Ф. 254 оп. 1 д. 12284-а, «О заключении и пересылке несовершеннолетних преступников», лл. 1-3, 5. Дело большею частью состоит из таких же распоряжений по пересылке в колонии малолетних преступников, находящихся в общих камерах рядом со взрослыми. В деле больше 50 таких случаев за 1890-1896 гг.

лиц. Считая долгом своим довести до сведения Вашего Сиятельства о судьбе Ильи Оленина, я препровождаю при сем справку выданную мне из тюрьмы и прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности.
ДНарышкин¹

2. Справка Начальника Новолодожской тюрьмы о сыне крестьянина Ивана Оленина

Оленин Иван

крестьянин Шахновской волости деревни Подбережье обвинены в краже железных дверных петель и приговоренный Согласно Исполнительного Листа Мирowego Судьи 2^{-го} участ. Новолодожского уезда тюремному заключению на два мес.; доставлен втюрьму² по отношению Пристава 3^{-го} Стола от 11 Июня 1890 г. за №828, считая срок с 17 Июня 1890 г. со дня прибытия в тюрьму. Лета Оленина в Исполнительном Листе не значатся сам-же он заявляет что ему 13 лет.

Начальник Новолодожской
Тюрьмы³

14 Июля 1890 года
г. Новая-Ладога⁴

3. Письмо Санкт-Петербургского Губернатора по Губернскому Правлению гр. С. А. Толя Министру Юстиции о случае Ивана Оленина (2 марта 1890)

Мировой Судья 2^{-го} участка Новолодожского уезда приговорил крестьянского мальчика 13 лет к заключению в тюрьме на 2 месяца за кражу дверных петель, где он и найден 15 июля Предводителем Дворянства в общей камере с прочими заключенными.

Последствием направления Мировым Судьею мальчика в местную тюрьму было то, что он оказался в сообществе с более важными преступниками, могущими иметь на него вредное влияние. Кроме того, в одно и тоже время, старший брат заключенного, 17 лет приговорен за тоже преступление и на тот же срок, но Съезд Мировых Судей сократил заключение его до 1 ½ месяца; следовательно младший брат должен будет содержаться в тюрьме более, нежели более виновный в деле старший.

Принимая во внимание, что на основ. 6 ст. Уст. о наказ. налог. Мировым Судьям, несовершеннолетние преступники от 10 до 17 лет, в замен заключения в тюрьме, могут быть обращаемы в Исправительные приюты, не говоря уже о том, что 11^{-ю} статьей того же устава предоставляется Мировому Судье, не подвергая несовершеннолетнего виновного наказанию, отсылать к родителям, опекунам и родственникам для исправления, и что в СПбетербургском

¹ Рукопись. Подлинник. На бланке. Сверху проштамповано: «Получено 17 июл 90 С. П. Б. Губернатором». Документ содержит обращения, написанные крупнее остального текста; воспроизводится разным размером шрифта.

² Так в тексте.

³ Подпись нрзб.

⁴ Рукопись. Подлинник. Внизу карандашом: брат старый; осужден на 1 ½ лет.

уезде, не далеко от Охтинского Порохового завода, существует земледельческая колония для не совершеннолетних преступников, в которую и направляются все подобные лица, имею честь покорнейше просить неотказать в зависящем распоряжении Вашего Высокопревосходительства по сему предмету, в видах предупреждения на будущее время повторения подобных случаев со стороны Мировых Судей.

К этом считаю долгом присовокупить, что означенный малолетний кончит срок заключения 17 числа сего¹ Августа. Подлинную подписали:²

Губернатор,
в должности Егермейтера *Граф Толь*.
Вице-Губернатор,
в звании камергера *Демидов*
Советник *Студенкин*
Верно:
Старший Делопроизводитель³

4. Рапорт Начальника Новоладожской тюрьмы в Санкт-Петербургское Губернское Правление, 7 августа 1890.

Вследствие предписания СПб. Губернского Правления от 3го Августа 1890г. за №15,046, имею честь донести: что вчерашнего числа в 8 час. вечера принят во вверенную мне Тюрьму по приговору Новоладожского Мирового Съезда несовершеннолетний арестант (15 лет) крсн Новоладожского уезда Шахновской волости дер. Подбережья Роман Тимофеев Оленин, осужденный за кражу железных дверных петель тюремному заключению на полтора мес. считая срок со дня прибытия в тюрьму т. е. с 6 Августа 1890.
Начальник Тюрьмы⁴

О просьбе отца отправить его 12-летнего сына в колонию: Рапорт Полицмейстера города Гатчино в Министерство Императорского Двора, 26 апреля 1895⁵

Проживающий в деревне Большая-Загвоздка, Гатчинской волости, Кронштадтский мещанин Михаил Иванов Дренюк 3/20 Октября минувшего года обратился ко мне с просьбою об определении порочного сына его Георгия, 12 лет от роду, в Колонию малолетних преступников, в виду того, что названный сын его пристрастился к бродяжничеству и кражам продавая украденные вещи и даже носильное им платье за безделок, вырученные же деньги истративает на глупости, пропадая при этом по несколько дней из дому и что все принимаемые им – Дренюком – к исправлению сына домашние меры не привели ни к какому результату. Для проверки вышеизложенного, Георгий

¹ Зачеркнуто: будущего.

² Вставлено другой рукой, по-видимому губернатором.

³ Подпись нрзб. Рукопись. Подлинник. На бланке.

⁴ Подпись нрзб. Рукопись. Подлинник. На бланке.

⁵ ЦГИА Ф. 254 оп. 1 д. 12284-а, л. 187, «О заключении и пересылке несовершеннолетних преступников». Рукопись. Подлинник.

Дренюк, по моему приказанию, был взят от отца и помещен при вверенной мне Комиссии, на полном иждивении, но несмотря на дополнительные (?) за ним надзоры, он 16 сего Апреля скрылся, но на другой же день был задержан при чем оказалось, что купленная ему одежда им продана и деньги истрачены.

В виду сего испрашиваю распоряжения Вашего Сиятельства о помещении Георгия Дренюка в Колонию малолетних преступников, так как все принимающиеся меры к исправлению его остались без результата.

Метрическое свидетельство Дренюка за №208 при сем предоставляется.
Полицмейстер,
Поссковняков (?)¹

**Извещение Председательницы Санкт-Петербургского Дамского Благотворительно-Тюремного Комитета об открытии приюта для несовершеннолетних преступниц
(12 февраля 1895 г.)²**

Господину³

26 Февраля текущего года открывается в С-Петербурге, при Дамском благотворительно-тюремном Комитете, исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних преступниц, на основании утвержденного 13 Сентября 1894 г., по соглашению Министров Внутренних Дел и Юстиции, устава, выписка из коего при сем прилагается.*)

Сообщая об изложенном, считаю долгом, на случай присуждения несовершеннолетних женского пола к отдаче в приют (ст. уст. нак и стр. 137-138 ул. нак. по прод. 1893 г.), вместе с тем уведомить, что для избежания пересылки их этапным порядком, желательно направление таковых осужденных в приют (Петербургская сторона, по Бармалеевой улице дом № 35) с провожатыми, по назначению местного начальства, или с лицами, кои могут быть, по соглашению, отряжаемы из приюта на основании закона 8 Февраля 1893 г., из коего прилагается выписка.

Председательница С-Петербургского Дамского
благотворительно-тюремного Комитета Е. Нарышкина

*) Напечатан в журнале «Тюремный Вестник» 1894 № 10 и может быть получаем также в Канцелярии Приюта.

¹ Выполнить просьбу отца оказалось непросто. В свою очередь, Граф Толь обратился к директору Общества земледельческих колоний с просьбой поместить мальчика в одно из подчиненных ему заведений (там же, лл. 188-188 об), но получил отказ, с извещением, что колонии могли принимать малолетних «только на основании судебных приговоров» (там же, л. 189). Далее, Толь обратился к В. В. фон Валя, Санкт-Петербургскому Губернатору по Губернскому Правлению и попросил поместить мальчика «в одно из подведомственных Вам учреждений» (там же, л. 192). Дальнейшая его судьба неизвестна.

² ЦГИА Ф. 254 оп. 1 д. 12284-а, л. 175. Исполнено типографски на отдельном листе. Согласно рукописной справке, там же, л. 11, приют находился «на Петербургской (Петроградской) стороне, на углу Бармалеевой улицы и Геслеровского переулка», и был открыт 5 марта 1895. «Помещение рассчитано на 50 девочек. Преступницы будут разделены по возрастам от 10 до 14 лет и от 14 до 18 лет». В 1897 приюту выдано пособие в 1000 рублей в год Санкт-Петербургской Городской Управой (ЦГИА ф. 792 оп. 1 д. 6821, л. 1).

³ Обращение отсутствует. Очевидно, рассылающий должен был вставить имя-фамилию от руки.

Из устава Исправительно-воспитательного приюта для девочек при С-Петербургском Дамском благотворительно-тюремном Комитете (1895 г.)¹
§ 13

В приют принимаются, при наличности в нем свободных мест, несовершеннолетние преступницы. Преступницы, принятые в приют по судебным приговорам, содержатся в нем до исправления, причем оне не могут быть оставляемы там менее года и, во всяком случае, не должны оставаться в приюте по достижении 18-летнего возраста. Ближайшее определение продолжительности содержания несовершеннолетних в приюте предоставляется управлению заведения.

§ 14

Не могут быть приняты: а) осужденные, о которых не доставлено копии судебных приговоров, б) одержимые душевными, нервными или заразительными болезнями, -- в устранение чего поступающие в заведение свидетельствуются врачом оного, в присутствии Надзирательницы.

Примечание. Если окажется после приема, что принятая девочка одержима одной из вышеозначенных болезней, то она устраняется из заведения. О каждой, подлежащей устранению на этом основании, воспитаннице Попечительный Совет сообщает учреждению или же лицу, коим она была отдана в приют.

§ 15

Во время пребывания в заведении девочки, обращенные в приют по судебным приговорам и пробывшие в оном не менее года, могут быть помещаемы, на время до достижения ими 18-летнего возраста, в обучение или для занятий к благонадежным мастерицам. [...]

О направлении малолетних в малолетнее отделение Санкт-Петербургской тюрьмы (Письмо Начальника Главного Тюремного Управления Санкт-Петербургскому Губернатору, 3 июля 1896)²

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство сделать распоряжение о направлении в малолетнее отделение С.Петербургской тюрьмы, впредь до нового указания, всех малолетних от 12 до 17-летнего возраста [...] с тем однако, чтобы были оставляемы на местах все малолетние, коим, по расчету времени прибытия в С. Петербург, останется отбывать менее 6 месяцев.

С тем считаю нужным присовокупить, что такого же рода распоряжение сделано по губерниям Новгородской, Олонецкой, Псковской и Эстляндской.

Начальник Главного
Тюремного Управления³
Старший Делопроизводитель⁴

¹ ЦГИА Ф. 254 оп. 1 д. 12284-а, л. 177. Отпечатанный в типографии листок.

² ЦГИА Ф. 254 оп. 1 д. 12284-а, л. 209.

³ Подпись нрзб.

⁴ Подпись нрзб. Машинопись. На бланке.

О программе для учениц епархиальной школы (1898 г.)¹

[...] Письменные упражнения – срочные назначены были в этом году для воспитанниц II и III классов по 12 сочинения по следующим предметам: в III-м классе: по Закону Божию – три, по словесности – три, по Гражданской истории – три, по педагогике -- два, по геометрии – одно и по географии – два. Сочинения были распределены в промежуток времени между 26 сентября по 21 апреля с 13 дневным сроком на каждое сочинение с тремя рекреационными днями, между каждым сочинением. Для воспитанниц I класса, кроме обычных диктантов, давались на дом письменные задачи по русскому языку, не менее одной в месяц. Темы для сочинений были следующие: для III-го класса по Катехизису: 1), Учение слова Божия о добрых ангелах и злых духах. По церковной истории: 1) «О сошествии Св. Духа на Апостолов.» По истории литературы: 1) «Почему после теории словесности мы изучаем историю литературы?» 2) ²«Византийский период в истории русской литературы.» 3) «Значение комедий³ Фон-Визина.» По гражданской истории: 1) «Причины возвышения Москвы.» 2) Значение брака Иоанна III с Софиею Палеолог. 3) «Реформы Петра Великого и их значение.» 4) «Внутренняя деятельность Екатерины II.» По физике: 1) «Почему тела, погруженные в одни жидкости, смягчаются, а в другие – нет?» По Географии: 1) «Кустарная промышленность в России.» 2) «Значение реки Лены для Якутского края.» 3) «Каким географическим данными обуславливается важность и значение большей части городов Российской Империи?» По педагогике: 1) «Какими качествами должен обладать учитель церковно-приходской школы Якутской епархии?» 2) «Отрок Иисус в храме.» 3) «Исцеление бесноватой дочери Хананеянки». По русскому языку: 1, «Летний вакал и учебное время (сравнение).» 2, «Что я знала дома и чему научилась уже в школе.» 3, «Примеры на все придаточные предложения, составленные на основании приобретенных сведений по географии». 4, «Примеры на все придаточные периоды, составленные на основании приобретенных сведений по гражданской истории». По-гражданской истории: 1, «Религия Египтян». 2, «Крещение Руси». 3, «Куликовская битва и ее значение». 4., «Свержение татарского ига». По географии: 1, «Сходство и различие между Гоби и Сахарой». 2, «Река Лена и ее бассейны». 3, «Сходство между Южной Европой и Южной Азией».

Успехи воспитанниц по письменным упражнениям в общем можно назвать удовлетворительными. [...]

О выдаче субсидии благотворительным организациям, оказывающим помощь нуждающимся детям Комиссией по благотворительности Санкт-Петербургской Городской Управы (1899 г.)⁴

¹ Отчет о состоянии Якутского Епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 189⁷/₈ учебный год // Якутские епархиальные ведомости. 1898. № 24. С. 374.

² Здесь и далее вставлены отсутствующие в тексте начальные кавычки.

³ Так в тексте, очевидно, «комедий».

⁴ Доклад Комиссии по благотворительности о выдаче субсидий благотворительным обществам и учреждениям (22 Декабря 1899). ЦГИА ф. 792 оп. 1 д. 8001, л. 2. Рукопись. Подлинник.

По всестороннем рассмотрении и обсуждении Комиссией этого дела оказалось, что наиболее видное место среди благотворительных учреждений занимают:

1) Общество попечения о бедных и больных детях, которое имея около 30 учреждений благотворительного характера, разбросанных в различных частях города[,] оказывает истинное благодеяние в самых разнообразных формах бедному населению города Петербурга. Общество имеет: а) ясли в разных частях города на 260 чел., имевших около 60.000 посещений; б) в приюте, убежище, школе, квартире – призревается около 400 чел. в) Отдел для защиты детей от жестокого обращения при котором учреждены Комиссии по надзору за всеми ремесленными заведениями гор. С. Петербурга – в означенном отделе время от времени находилось постоянно в учреждениях около 50 детей и 48 помещались по разным семьям; в трех местах города имеются 3 приюта на 180 чел. для детей без пристанища, а также более 60 детей были помещены на воспитание в крестьянских семьях; помимо всего указанного Общество имеет лечебницу для хронически больных детей и приют для калек и идиотов – в сумме на 84 чел. и столовую для 160 ежедневно обедающих детей преимущественно бесплатно.

Средств на эту обширную деятельность Об^{во} Попечения о бедных и больных детях имеет: капитал в сумме 200.000 р. и недвижимого имущества на 130.000 р., при тем % с этого капитала получается только 12.000 р. при более чем в 110.000 годового расхода, доход за последний отчетный 1898 г. был 113.000 р., но приходная сумма на которую можно рассчитывать (членские взносы, кружечный сбор, % с капит.) составит всего 30% общей расходной суммы. Общество пользуется большими симпатиями в городе, имеет членов около 2000 чел., хотя сумма членских взносов не превышает 6000-7000 руб. [...]

4) Заслуживает полного внимания по своей деятельности Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов /для несовершеннолетних осужденных), которые в целях исправления несовершеннолетних осужденных имеет целый ряд учреждений приспособляющих детей к рациональному труду: сапожную мастерскую, портняжную, шорную, столярную, огородное хозяйство. Всех призреваемых около 180 детей от 9 до 16 летн. возраста. Постановлением Думы в 1871 г. взнос в 5000 р. является обязательным во все время существования Общества. Капитал неприкосновенный и всякий другой около – 35.000 р.

Членских взносов 1650 р. при 186 членах; главная статья прихода в сумме около 45.000 р. составляет взнос казенных учреждений и земства в сумме 32.000 р. Расход в последнем отчетном году 49.500 р. превысил доход на 4000 р.

Из 172^x малолетних осужденных более 100 приходятся на уроженцев города Петербурга. [...]

7) В Приюте для детей идиотов и эпилептиков во имя «Царицы Небесной» по отчету за 1898 г. имелось: 36 живущих и 10 приходящих; расход 12.830 р., приход 11.069 р. капитал 2644 р. В настоящее время в учреждении происходят коренные изменения.

8) Общество попечения о бесприютных детях, существует только 1 год и 2 месяца; к 1^{-му} Ноября 1899 в приюте были помещены 61 ребенок.

Рапорт Помощника классного наставника Виктора Путилова Директору Санкт-Петербургской Введенской гимназии о сомнительном поведении Санкт-Петербургского школьника, гуляющего с женщиной легкого поведения (21 декабря 1897 г.)¹

Честь имею донести Вашему Превосходительству, что 20 сего Декабря, наблюдая за поведением учеников, гуляющих по Большому пр., мною замечен ученик классической гимназии, который гулял по проспекту позже установленного для учеников времени, т. е. около 10 час. вечера, встречался со мной неоднократно, то в обществе штатского молодого человека и двух барышень, то в обществе одного своего штатского товарища. В одиннадцатом часу вечера означенный гимназист был мною задержан, он шел по направлению от Тучкова моста к Введенской улице, с пьяной проституткой, вел ее под руку и направлялся по словам его собственным и его товарища к последней. На мое требование предъявить билет, отвечал отказом за неимением оного, тогда он после долгого запирательства был препровожден при содействии полицейского чина в Управление Пристава 2го участка, где назвал себя учеником 8-^{ой} гимназии 5-^{го} класса Антоном Мажулевичем (подчеркнуто в оригинале). Показание его было проверено Г. Приставом по телефону в 8-^ю гимназию и Мажулевич был отпущен домой

1897 года Декабря 21-^{го} дня

Помощн. кл. наст. В. Путилов.²

О мерах к усилению надзора за учащимися Санкт-Петербургских гимназий: Из протоколов собраний гг. Окружных Инспекторов, Директора народных училищ и начальников СПетербургских средних учебных заведений от 18 января и 15 февр. 1897³

[...] [О]бсуждался вопрос о мерах к усилению надзора за поведением учащихся вне стен учебных заведений [...] При этом предложены были и приняты собранием следующие меры:

1. Подтвердить начальникам учебных заведений о строгом и точном исполнении правил относительно соблюдения порядка и приличия

¹ ЦГИА ф. 17 оп. 2 д. 142, лл. 26-26 об., лл. 27-27 об. Рукопись. Подлинник.

² На бумаге с мимеогр. адресом сверху. 23 декабря 1897 директор 8-й гимназии К. Фокин написал Приставу 2-го участка Санкт-Петербургской части. «видел ли г. Околоточный Надзиратель Кузнецов упомянутого ученика гулявшим неоднократно по панели на Большом проспекте, или же он увидел его в первый раз тогда, когда был приглашен содействовать его задержанию?

1. Назвал ли ученик свою фамилию на улице, или после того, как был проведен в участок?
2. Какие объяснения были даны учеником по поводу шедшей с ним под руку женщины, и заявлял ли он о том, что идет к ней на квартиру?

3. Слышал ли г. Околоточный Надзиратель Кузнецов о том, что ученик заявлял задержавшему его лицу, будто женщина пристала к нему, и он никак не мог от нее отвязаться?» (Там же, лл. 27-27 об.)

³ ЦГИА ф. 17 оп. 2 д. 142, лл. 143-145. Мимеографическая копия.

учениками вне стен учебного заведения и вне дома, извлеченных из общих правил для учеников, утвержденных Г.

Министром Народного Просвещения 4 Мая 1874 г. [...]

3. воспретить прогулки ученикам без родителей или заступающих их место лиц с 1 Мая по 15 Августа позже 10 часов вечера, а в остальное время позже 9 часов вечера;
4. установить оглашение во всех СПбетербургских средних заведениях проступков учеников, совершенных на улицах и в публичных местах, и взысканий, наложенных за них, но без поименования фамилий виновных.
5. поручить особое наблюдение за поведением учеников вне стен учебного заведения в каждом учебном заведении одному из лиц состава педагогического совета, по избранию сего совета, за вознаграждение [...]
7. [С]обрание, имея в виду, что в настоящее время, по значку на фуражках учащихся, весьма трудно отличить принадлежность каждого из них к тому или другому учебному заведению, признало желательным, чтобы на фуражках был установлен более ясный знак такой принадлежности [...]

О плохом поведении гимназистов в манеже

Письмо от Попечителя С-Пб. Учебного Округа г. Директору Введенской гимназии, 20 февр. 1898 г.¹

До сведения моего дошло, что в манеже юнкерского училища, находящегося на Петербургской стороне, в течение Масляной недели, во время происходивших там народных спектаклей и чтений, устроенных С.Петербургским Губернским Комитетом Попечительства о народной трезвости, бывшие на этих спектаклях и чтениях в весьма большом количестве гимназисты держали себя в высшей степени непристойно, кричали, шумели, бросали на стену остатки от лакомств и т. п. Ученики других учебных заведений, преимущественно начальных городских школ, принимавшие тоже участие в беспорядке, были скоро остановлены находившимися в манеже учителями и учительницами этих школ. Гимназисты же их не слушали и не обращали на них ни малейшего внимания, считая, вероятно, себя необязанными исполнить правила благопристойности, если они указываются им помимо своего гимназического начальства.

Принимая во внимание, что за последнее время установлен особо бдительный надзор за поведением учеников вне стен учебных заведений, на что отпускаются и довольно значительные суммы, и имея в виду, что в течение сего Великого поста, а также и на Святой неделе, означенным Попечительством предполагается в том же манеже устроить целый ряд публичных для народа чтений (при чем дети при взрослых пропускаются бесплатно), я покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять зависящие меры к пре-

¹ ЦГИА ф. 17 оп. 2 д. 142 лл. 29-29 об. Рукопись. На простой бумаге. Копия.

дупреждению на будущее время возможных беспорядков в манеже со стороны воспитанников средних учебных заведений в г. СПетербурге.

(Подписал) Попечитель *М. Капустин*.

(Скреплен) Правитель Канцелярии *С. Борейша*

Верно: Директор *Альштадт (?)*

Сверял: И. д. Письмоводитель Васильев (?)¹

Об организации надзора за учениками классных наставников Санкт-Петербургских гимназий (1900-1901)²

1. Распределение дежурств по наблюдению за учениками вне стен учебных заведений на 1900-1901^й учебный год³

II район.

Ежедневно:

По понедельникам - I Реальное Училище (г. Воробьев).

по вторникам . . . Ларинская гимназия (С. Лавров).

по средам Ларинская гимназия (г. Олифиренко)

по четвергам . . . VIII гимназия (гг. Миллер и Циглер по оч.)

по пятницам . . . I Реальное Училище (г. Иванов)

По субботам и Воскресеньям:

	Реальное Училище	Ларинская гимназ.	Восьмая гимназия			
	Воробьев	Иванов	г. Лавров	г. Олифиренко	г. Миллер	г. Ицглер
	Суббота	Воскресенье	Суббота	Суббота	Воскресенье	Воскресенье
1	2 Сентября	3 Сентября	9 Сентября	16 Сентября	10 Сентября	17 Сентября
2	23 Сентября	24 Сентября	30 Сентября	7 Октября	1 Октября	8 Октября
3	14 Октября	15 Октября	21 Октября	28 Октября	22 Октября	29 Октября
4	4 Ноября	5 Ноября	11 Ноября	18 Ноября	12 Ноября	19 Ноября
5	25 Ноября	26 Ноября	2 Декабря	9 Декабря	3 Декабря	10 Декабря
6	16 Декабря	17 Декабря	23 Декабря	30 Декабря	24 Декабря	31 Декабря
7	6 Января	7 Января	13 Января	20 Января	14 Января	21 Января
8	27 Января	28 Января	3 Февраля	10 Февраля	4 Февраля	11 Февраля
9	17 Февраля	18 Февраля	24 Февраля	3 Марта	25 Февраля	4 Марта
10	10 Марта	11 Марта	17 Марта	24 Марта	18 Марта	25 Марта
11	31 Марта	1 Апреля	7 Апреля	14 Апреля	8 Апреля	15 Апреля
12	21 Апреля	22 Апреля	28 Апреля	5 Мая	29 Апреля	6 Мая
13	12 Мая	13 Мая	19 Мая	26 Мая	20 Мая	27 Мая

¹ 23 октября 1899 посещение народных гуляний, организованных Попечительством о народной трезвости, было официально запрещено Попечителем Санкт-Петербургского Учебного Округа Н. Сомовым. (См. ЦГИА ф. 17 оп. 2 д. 142, л. 46, л. 48). Но в 1901, новый Попечитель, В. Анреп, разрешил такое посещение (там же, л. 111).

² ЦГИА ф. 17 оп. 2 д. 142, л. 68, лл. 98-98 об.

³ Рукопись. Копия.

2. Из письма от Попечителя Санкт-Петербургского Учебного Округа с участками дежурства во время летних каникул в 1901 г.¹

В I район входят следующие местности и сады: 1) Зоологический сад, 2) Петровский парк и 3) вокзал приморской дороги. В этом районе должны наблюдать следовательно три лица [...]

В II район – Никольский и Юсупов сады. Дежурит ежедневно по очереди один наблюдатель [...]

В III район 1) Владимирская улица, Загородный проспект; 2) Варшавский и Балтийский вокзалы. Дежурят ежедневно 2 наблюдателя.

В IV район – 1) Невский проспект и Николаевский вокзал, 2) Александровский сад. Дежурят ежедневно 2 наблюдателя. [...]

В V район – 1) Литейная, 2) Летний сад. Дежурят ежедневно 2 наблюдателя. [...]

дежурства наблюдателей должны происходить в вечернее время от 9^{ти} до 12^{ти} часов ночи, а если понадобится, и в другое время.

ДЕТИ О СЕБЕ

Из почтового ящика журнала «Задушевного Слова» (1890 г.)

1. Заметка редакции журнала²

Что такое «Почтовый ящик» «Задушевного Слова»?

Седьмой год уже издается «Задушевное Слово», и седьмой год уже в нем существует особый отдел, под названием «Почтовый ящик», предназначенный для переписки детей между собою. Дети, получившие наш журнал в предыдущих годах, хорошо знакомы с этим отделом; многие из них даже сами принимают в нем участие. Новым же нашим читателям мы постараемся объяснить – какую цель имеет наш «Почтовый ящик «Задушевного Слова»» и для чего существует этот отдел в журнал.

Что такое обыкновенный почтовый ящик – известно, конечно, всем вам, дети. [...] Не менее хорошо известно вам, что письма, опущенные в почтовый ящик, в назначенные часы вынимается, сдаются на почту и рассылаются по адресу по все уголки белого света. Проходит неделя, другая – и на письмо, опущенное в ящик, приходит ответ, опять-таки опущенный в такой же почтовый ящик, иногда на другом конце света. Просто, легко и удобно.

Подробную услугу оказывает читателям «Задушевного Слова» и наш «Почтовый ящик».

Случится ли в вашей жизни что-нибудь особенно радостное или печальное, или просто вздумается нам поделиться своими впечатлениями с вашими товарищами по журналу, -- напишите в Редакцию, а «Почтовый ящик» доставит ваше письмо всем товарищам-читателям «Задушевного Слова». Если вас интересует какой-либо вопрос и вы хотите получить ответ от своих товарищей

¹ Мимеографический текст.

² Задушевное Слово. 1890. Т. 20. № 1. С. 14.

по журналу, -- опять-таки пишете в «Почтовый ящик»: он всегда открыт для ваших писем и сообщений. [...]

Конечно, не все письма печатаются в «Почтовом ящике» «Задушевного Слова». Выбираются лишь более занимательные, преимущественно такие, которые могут заинтересовать всех остальных читателей. [...] [Но даже если письмо не выбирается,] Редакция в особом отделе – «Ответы и советы» (этого отдела в прошлом году «Задушевного Слова» не было) – сообщит вам, почему именно то или другое послание не принято, укажет ваши промахи и ошибки. [...]

2. Читательские письма

Дорогая Редакция! Лена Завалиевская спрашивала в «Почтовом ящике», как я провела свои именины. Мне мама подарила на именины бьювар, а папа книгу «Сказание европейских народов». У меня было много знакомых детей и мы пили в саду шоколад, потом играли в разные игры. Я в первый раз получаю «Задушевное Слово»; мне очень понравилась рассказы «Сиротка», «Царство малюток», и «Груня», а из стихов – «Каро – проказчица собака» и «В день Благовещения» и еще «Я лучше всех». Я была в двух театрах и видела: балет «Конец-Горбунок», оперу «Жизнь за царя» и еще «Недоросль» и «Жених из ножевой линии». Кто из нас, милые дети, был в театре и какие видел пьесы?

Лена Водо. Киев

Дорогая Редакция! Федя Симон спрашивает в «Почтовом ящике» кто любит играть оловянными солдатиками? Я очень люблю. У меня много оловянных солдатиков, но почти все переломаны. Для того, чтобы они стояли, тетя делает мне каждый раз, когда начинаю играть подставки из хлеба.

Митя Блиссиг, 7 лет. Владивосток

Милая Редакция! Мне очень нравятся японцы, особенно маленькие японцы – дети, потому что читал что они так усердно посещают школу и ленивых не любят. У нас: в Владивостоке бывает много японцев, но детей японских я не видел. Напишите: кто читал книги про японцев?

Вася Хрущев, 8 лет. Симферополь

Милая Редакция! У нас есть 3 двора и маленькой подъем. Я беру свой велосипед, везу его на гору и с горы, сколько у меня есть силы, еду. Я вам еще могу рассказать, как я провожу время. Я провожу день так: обыкновенно гуляю, если хорошая погода, иногда же я когда погода нехорошая, надеваю собакам «Нане» или «Ратмистру» мешок на голову и они ищут свои места. Когда же они придут на свои места, я снимаю мешок с головы собаки.

В. Рафаилов, 8 лет. Тифлис

Милая Редакция! Мы каждый год дарим на Рождество бедным детям разные игрушки и начали уже готовить эти подарки на елку. Для этого мы берем старые игрушки, зашиваем их и посылаем. Кто еще так делает?

Аня Галаджианц, 8 лет. Таганрог

Милая Редакция! Папа мне купил маленькую скрипку, но очень хорошую. Я уже умею играть «Боже Царя храни», «Я цыганка молодая» и еще некоторые мелодии. Играю я по слуху, без нот; но папа обещает нанять мне учителя и тогда я буду играть по нотам. Кто еще из читателей «Задушевного Слова» играет на скрипке?

Альберт Покровский, 8 лет.

Милые дети! Прошу написать: у кого из вас есть свой обеденный столик и кто из вас обедает у своего столика? У меня есть свой столик. Когда подают обед, няня передвигает мой столик к большому столу и накрывает его. У меня есть свой прибор и свои салфетки. У кого еще есть свой прибор. Я умею писать только одну букву М. И это письмо пишет за меня тетя Зина, а букву М. я сам написал.

Миша Махонин, 7 лет.

Милая Редакция! Хотя я не подписчица «Задушевного Слова», но я его получаю каждый раз из военной библиотеки, а поэтому мне хочется рассказать моим подругам по журналу, как я нечаянно чуть не обварилась до смерти. Однажды утром, когда подали самовар, я взлезла на стол; от этого весь стол с посудой и самоваром опрокинулся на меня, лежащую под столом, и обдал меня кипятком; хорошо, что я успела закрыть руками глаза, а то все кроме них было обварено. После я долго болела и, выздоровев дала слово уже никогда не хозяйничать. Советую милым подругам принять это к сведению, чтобы на дальнейшее время не быть такой опрометчивой, как на этот раз был я.

Нина Валичивская, 9 лет.

Глава 2. «Политическим ссыльным запрещается обучать своих детей» 1900-1909

Начало нового века было не столько переломом, сколько периодом развития новых течений, возникших уже в прошлом десятилетии. Все более укреплялся интерес к новым способам воспитания, следствия которого очевидны даже в реакциях учителей и директоров школ на «мятежи» 1905 г. Участие учеников начальных и средних школ ряда российских городов в забастовках, демонстрациях и сходках или, пользуясь термином официальных источников, «брожениях» 1905 г. вызывало не только страх, потрясение, но и снисхождение среди свидетелей и представителей общественности. Пример последнего – рассказ Надежды Тэффи «Переоценка ценностей», в котором школьники, по-детски картавя, лепечут дикие фразы о «свободной любви».

В воспоминаниях советских писателей дана другая картина – сознательного и стойкого сопротивления силам реакции, представителями которой выведены школьная администрация и чиновники Министерства Народного Просвещения. Такое изображение событий встречается и в текстах, опубликованных дореволюционной оппозиционной печатью о 1905 г., – например, в статье С. Золотарева «Дети революции», появившейся в журнале «Русская школа» (№ 3 за 1907).

Документы из архива Канцелярии Попечительства Санкт-Петербургского учебного округа вносят коррективы и во вторую, и в первую позицию. Конечно встречались сведения и о сознательных противниках режима. В частности, нам попались донесения о двух учениках Царскосельской Николаевской гимназии, хранящих экземпляры запрещенной литературы,¹ и ряд других аналогичных документов.

Однако, далеко не все учащиеся были так настроены. Во-первых, большинство протестов были стихийными и требования участников – сумбурными (см. ниже о беспорядках в средних школах г. Вологды). Обострение ситуации приводило к противоправным действиям властей по отношению к школьникам и к хулиганским выходкам гимназистов. В качестве последнего примера можно привести дело ученика Санкт-Петербургской Введенской гимназии Григория Краморова, который был исключен за прогул уроков, за появление на уроке в нетрезвом виде, за грубое обращение со швейцаром, за избивание прохожего на улице палкой во время демонстрации, требующей закрытия торговых помещений.²

Во-вторых, некоторые ученики вообще не хотели участвовать в забастовках и сходках, их больше волновала отмена вступительных экзаменов в университеты и вопрос о нежелательном перерыве в занятиях, связанном с демонстрациями и забастовками. Из свыше 300 листов, собранных в деле № 10235 Канцелярии Санкт-Петербургского учебного округа за 1905 г., примерно 60% состоят из рапортов директоров средних школ о том, что на «школьном фронте» все спокойно. В связи с этим уже 17 февраля 1905 было отменено распоряжение Попечителя от 12 февраля 1905, требующее ежедневных рапортов от директоров школ.³ Однако к осени 1905 г. беспорядков в столице стало больше, но даже тогда они охватывали только меньшую часть учеников.

В-третьих, документы свидетельствуют о том, что часто школьные директора и даже представители МНП и губернские начальники проявляли к беспорядкам терпимость и требовали снисхождения к ученикам. В рапортах и письмах утверждалось, что школьники попали под влияние взрослых провокаторов⁴, что порядок восстановился быстро, что ученики сознают свою ви-

¹ ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 10237, лл. 23-29. Письма и рапорты от декабря 1905.

² ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 10237, лл. 1-3. Ученика звали Григорий Моисеев(ич) Краморов, но нет основания полагать, что обвинение было выдуманно из соображений антисемитизма.

³ ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 10235, л. 12, л. 52.

⁴ См. письмо Министра Народного Просвещения Попечителю СПб.ского учебного округа (ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 10235, л. 266), относящееся к заявлению 719 учеников и учениц, опубликованному в журнале «Право» (1905. № 14. С. 1113). Здесь замечено:

ну. Сам Министр Народного Просвещения относился к конфликтам с пониманием и проявлял готовность к реформированию системы воспитания – например, предлагал ввести родительские собрания, требовать от учителей вежливого обращения к ученикам¹. Таким образом, даже среди тяжелого «дисциплинарного кризиса» проявлялись новые веяния.

Небольшая подборка документов, сделанная нами, освещает непростую и неоднозначную ситуацию в школах в 1900е годы, особенно в 1905 г. Материалы внутри каждого из трех разделов главы расположены по хронологии. Они нередко показывают нарастание напряженности в молодежной среде: от рапортов, фиксирующих, что «дела идут своим обыкновенным порядком», до описаний открытого бунта.

ВОСПОМИНАНИЯ

Жизнь крестьянских детей в 1900-х годах Автобиографии учеников церковно-приходских школ 1903 год²

Архангельская второклассная школа Владимирской епархии

Димитрий Быстрицкий

[отделение] II [класс] I.

Моя жизнь в семье и школе

Семья, из которой я происхожу, состоит из девяти человек. Отец мой занимается крестьянством, а мать портничеством. Живя в семье я проводил время даром в играх с товарищами. Когда я немного подрос то во мне возбуждало желание учиться. По малолетству меня учиться не приняли и я попросил дедушка чтобы он меня выучил читать и писать. Дедушка, видя мое желание, снялся выучить

«Заявление это, составленное в весьма резких выражениях, повидимому, внешнего происхождения». Т.е., считалось, что в таком крамоле не могли быть виноватыми сами дети.

¹ См.: ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 10235, л. 120. Начало письма, пересказывающего министерский циркуляр, приведено нами ниже. 17 ноября 1905 вышло постановление совета министров, разрешившее «образование при каждом учебном заведении совещаний учеников всей школы», рядом с отступлением от действующих правил для учеников (с разрешения попечителя учебного округа), составлением ученических библиотек без учета рекомендательных списков МНП, и предоставлением права присутствовать на заседаниях педагогического совета «с решающим голосом» уездному предводителю дворянства или его заместителю. Псковский Городской Листок. 4 декабря 1905. С. 3. См. также ЖМНП. 1907. № 2. Отдел 1. С. 87-89.

² РГИА ф. 803 оп. 16 д. 2370 «Училищный Совет при Синоде: Статистический отдел. Автобиографические очерки учеников церковно-приходских школ разных епархий 1909 г.» [дата - явно ошибочная: скорее 1903 г., так как эта дата упоминается в №9 и в №17], лл. 3-3 об., лл. 36-36 об., лл. 41-41 об., лл. 44-44 об., л. 53. Рукописи. Подлинники. Для описания этого дела, см. выше, примечания к гл. 1.

меня читать и писать. Я усердно принялся за дело и спустя немного времени принялся за дело и спустя немного времени выучил всю азбуку и мог читать и писать. На другой год меня привели в школу и я начал учиться. После занятий я читал букварь, а дедушка прослушивал меня. Школа, в которой я учился, была двухклассная. Кончив ее, я хотел поступить на место, но не пришлось. Оставаться без дела в дому очень не хотелось и я очень просился, чтобы родители отправили учиться меня в другую школу. Средства моих родителей очень скудны и помочь моему горю хотел дядя, который находится на должности начальника почты. Теперь я учусь в этой школе, для того, чтобы получить большее образование и выйти в люди хорошим человеком. Теперь в России количество школ увеличивается с каждым годом и образование можно получить большое.

Анастасиевская церковно-приходская школа Общества Войска Донского Стефан Голубев

Моя жизнь

Я родился 25 августа 1892 года. Родина моя в Анастасиевке Таганрогского Округа, Области Войска Донского. Я стал себя помнить с 7 лет. Один раз я с отцом поехал в Таганрог и заснул на бричке, я упал с брички и мне переехали колесом руку. Другой раз вел лошадей с поля и упал с лошади, она ударила задом меня и пробила голову, так меня отливали водой. Еще повел купать лошадей и чуть не утонул. Я все время жил с отцом. Мой отец занимался хлебопашеством. Семья у нас отец мать и сестра старше меня и два брата моложе меня. Когда мне было девять лет Мать меня привела в школу и мне первый день понравился. В школе у меня было товарищей много и я зимой играл в лугу а летом играл в мачик и в лошадей Я в первом отделении сидел два года и во втором два года и в последний один год. Ученик Анастасиевской церковно приходской школы Стефан Голубов.

Иван Кононенк¹

[...] Я начал помнить себя с пяти лет однажды я с отцом поехал в поле отец косил сено и согнал молоденького зайчика; я погнался за ним набежал на змею испугался. Еще помню семи лет однажды мы с отцом садим картофель под букарь я шел впереди волов, вол наступил на ногу я упал под букарь отец взял меня и отослал домой. Еще помню восьми лет однажды я пас лошадей в поле, а когда солнце зашло я сел на лошадь гнал домой упал с лошади, а лошадь ударила меня в грудь избила мне грудь и рубашку порвала ногою я долго болел после этого. Еще помню десяти лет когда я ехал с дедушко в город я заснул упал сел на телегу поехал. Еще помню десяти лет когда я пошел в сад слез на дерево ветер, как подул чуть не упал тогда спустился с дерева пошел домой. [...] я помогаю отцу еще, меньше меня брат и тот помогает. [...] В школе с начала я боялся, а когда привык то оказалось товарищей много я не скучал о доме.»

Петр Поляков²

[...] Я начал себя помнить с пяти лет. Однажды я сидел на диване в кухне и мне захотелось воды пить. Вода была в сенях. Я прыгнул с дивана и не замечая

¹ Так в тексте.

² Род. 1894 г. Сын дьякона.

ничего под ногами пошел к двери, но не доходя до дверей я увидел гадюку, которая ползла ко мне. Я испугался и бросился назад. Прислуга убила гадюку и выбросила на двор. Когда мне было семь лет, я залез в сарайчик и там заснул. Дело было под вечер. Когда сели ужинать, то так как меня не было, все полили искать меня. Искали долго, наконец стали замыкать сарайчик и вот когда замыкали его, то заглянули тут ли теляти; меня нашли и спящего отнесли в дом. Большую часть своей жизни я провел в слободе Анастиевке [...]

Павлово-Хрещатицкая одноклассная школа Таганрогского округа, Донской епархии

Ольга Ткачева

Я, Ольга Ткачева, родилась в 1893 году 3 Июля. Отец мой Иван Иванович, занимается земледелием. Дедушка мой церковный староста и желал и желает чтобы я была грамотная, читала бы в церкви и дома прочитывала бы ему житие святых, слушать которые он очень любит. Училась я старательно, но Господь не дал мне хорошей памяти и понятивости и я плохо училась, хотя готовила уроки к каждому классу. Батюшка и учителя жалели меня и за мое старание уважали мне и допустили до экзамена где если Бог поможет какнибудь буду отвечать про что знаю.

Воспоминания детства в связи с чтением и рассказыванием (записки разных лиц)

1921 г.¹

Писание такого рода автобиографий разными людьми входило в исследования детских интересов и восприятия, проводимые педагогами и психологами в начале 1920-х. По данным текстов выясняется, что их авторы родились чаще всего около 1900 г. (см. в частности № 10, № 11).

1. [Анонимный автор]

Воспоминания из детства.

Помню, когда я еще не знала книжки. Детство свое провела на базаре в маленьком местечке, где родители содержали лавочку. Любимой игрой было собирать после базара всю пыль и солому с площади и строить города (большие круги): потом начинала работать фантазия: ходили друг к другу, покупали, продавали. Если было нежелательно, чтобы взрослые это видели, то им обыкновенно закрывали глаза. Помню, как я, маленькая, лежа в кровати, любила смотреть на лампу с абажуром долго-долго, пока она мне (не) представлялась девочкой с шапочкой. Потом я сама эта девочка с какой-то таинственной шапочкой. Любила смотреть на замерзшие окна и всегда видела конкретные образы: то стариков с длинными бородами, то лес, и волк ходит. Сильно запечатлелась моя болезнь. Мне 6 лет, у меня тиф, а потом воспаление легких. Болела 9 месяцев. Часто играла с мухами и с ними разговаривала, посылала, как слуг своих. Когда мух не было, играла с серебряными рублями, и головы, которые изображены там, казались мне людьми. Особенно таинственна была поездка в

¹ НА РАО ф.5.оп.1.ед.хр.79. НИИ методов внешкольной работы. Отдел детского чтения. В деле ошибочно указана дата: «1925 год». Лл.1-25, 163-163об. В большинстве случаев машинописные копии с рукописных оригиналов; в некоторых – сами оригиналы. Машинописные копии воспроизводят тексты воспоминаний в соответствии с рукописными оригиналами, без редактирования.

Киев и определение в больницу. Въезжая в Киев, я увидела мраморный памятник Пушкина и до того испугалась его, что начала кричать и плакать. Папа пришел со мной в больницу и оставил меня в саду, а сам пошел узнать о приеме. Заинтересовавшись сиренью, я углубилась в даль сада. Там гуляли больные в халатах. Увидев их, я решила, что это мертвецы, и пустилась бежать. Когда я прожила там некоторое время, мы всегда с другими детьми ходили на свадьбу муравьев. Когда рои их, покидая разрушенные кучи, мы всегда радовались и называли это свадьбой. Вообще вспоминая тот Киев, который я видела тогда, сколько раз я взрослой там бываю и ничего подобного не вижу. Я там только подмечала витрины с куклами, фонтаны, памятники и уже в больнице цветы и птиц и насекомых. Улица не обнимала величину их. Когда я видела потом эти дома, я была поражена их незначительностью по сравнению с тем, как они мне казались тогда. Автомобили, трамваи, извозчики – ничего определенного, все слилось в страшный шум-гам.

2. [Анонимный автор]

Я очень рано себя помню, с 4 лет. Особенно большое впечатление у меня осталось от сказок о животных, зверях. Волка, лисицу, зайца я представляла себе совсем не так, мне они казались также людьми, говорящими, как мы, дети. Вся их жизнь, обстановка казалась такой живой, похожей на обстановку людей. Так например, сказка «Заяц и лиса», где лиса отнимает у него лубяную избушку, а оставляет ледяную, я ярко представляла себе это весеннее солнце, как тает ледяная избушка, плачущий заяц. Я вот и сейчас даже помню, что в то время мне представлялись эти заячьи слезки. Я еще больше любила страшные сказки: «Синяя борода», «разбойники» и другие. Хотя они и наводили ужас, но все же я их любила и чаще просила рассказывать их своих сестер, братьев. Я не помню, почему я их любила; скажу, что я и тогда не могла бы ответить, почему я их люблю. Больше сказок любила я в детстве стихи. В них мне мир раскрывался шире. Особенно любила я стихи, где описывалась сельская жизнь, лес, поля, деревенские ребяташки. Яркое впечатление еще у меня до сих пор от одного стихотворения. Я не помню автора и заглавия сейчас правильно не скажу. Оно начиналось так:

У лесной опушки домик небольшой,
В ней когда-то жил охотничек седой.

Этот охотник, седенький старичок, опушка леса, его домик, наступающий вечер, птички, которых он слушал, ребяташки, которые к нему прибежали, как он им рассказывал сказки, обещал сделать дудочку и т.д., все это живо преломлялось в моей голове. Я иногда даже играла с куклами в этот стишок. Куклы драматизировали это стихотворение. Когда мне было лет 6 – 7, я любила смотреть книжку по естественной истории, но все большие пауки и другие неприятные насекомые наводили на меня ужас. Лягушки, змеи так были мне неприятны, что я захлопывала книжку и убегала, мне казалось, что они ползут за мною, и под таким впечатлением я была весь день. Проходила ночь, я снова смотрела эту книгу и опять с ужасом убегала... Такое отношение к этим картинкам у меня осталось до юношеского возраста и даже дольше, потом постепенно оно стало сглаживаться; я думаю, что в связи с более близким знаком-

ством с животным миром. Рассказами из священной истории я очень долго жила. Особенно на меня повлиял рассказ из нового завета о страшном суде. Мне было 5-6 лет, когда я узнала о нем. Он так на меня подействовал, что я плакала по ночам, скрывая это от родных. Мне ужасным представлялось, как это люди будут гореть в огне, их будут мучить, и когда я еще узнал, что детей от старших отделят, я никак не могла представить себя отдельно от мамы. Да, я много пережила в то время. Воспоминаний еще много, но они не комбинируются, не вполне уясняются.

3. [Анонимный автор из крестьянской среды]

Самым ярким воспоминанием моего детства является изучение молитвы. Это относится к 5 годам. Меня интересовала не столько молитва, сколько процесс усвоения ее и гордость перед старшими, что и я что-то знаю. Пришлось слушать от бабушки много сказок, преимущественного страшного содержания. Запомнить содержание какой-нибудь сказки мне не удалось. Помню только ярко отдельные картины: ужасные разбойники, колдуны, убийцы, которые собирают человеческие трупы, солят человеческое мясо в бочках и т.д. В школу поступил я, умея читать. Это давало мне причину гордиться собою перед сверстниками, и когда учитель, не будучи в состоянии справиться с дисциплиной в классе, поручал мне надзор за старшими группами, я исполнял это с большим усердием, наказуя нарушающих тишину, с разрешения учителя, дерганием за уши и волоса. Ученье шло успешно только по тем предметам, которые требовали памяти. Воображение работало слабо. Помнится, мне никак не удавалось усвоить из Закона Божия устройства скинии Моисеевой. Наказание, которому я подвергся за это, причинило мне сильнейшую моральную боль и ставило меня в отчаяние. Летом мне сильно хотелось купаться в прудах, бегать по лесу, рвать цветы, но этой возможности не было, потому что я должен был работать в хозяйстве крестьянском, или стеречь овец, телят и коров.

4. [Анонимный автор]

Воспоминания детства в связи с книжкой, сказкой и рассказыванием.

Самые сильные переживания страха я переживала в самом раннем детстве (3 – 4 лет), когда товарищ моего брата произносил (дразня меня этим) какие-то, как я думала, неприличные слова. Это так вкоренилось во мне, что я испытывала сильнейших страх при этом, кричала благим матом. Не было ничего более страшного, как оставаться с ним. Воспоминание, связанное с картинками, я помню одно. В одной толстой книге («Ниве», вероятно. Я бы хотела ее найти) было много картинок, но одну смешную я помню. Какой-то молодец, очень похожий на учителя моей сестры, несет на плече коромысло, а на нем висят корзины, наполненные фруктами. У нас в Черниг(овской) губ. на коромыслах носят воду, а он несет корзины. Это непонятное, да еще его смешная физиономия повергали меня в сильнейший смех. Я с братиком и с младшими сестрами любили очень смотреть на этого и все заливались смехом. Самыми любимыми моими сказками были сказки из Библии. Они рассказывались при самой торжественной обстановке. В канун субботы, в пятницу вечером, когда мама, одетая по праздничному, зажигала свечи, я любила вслушиваться в молитву, которой не понимала, но которая была мне лучше песни. После ужина мама,

утомленная за день, ложилась в постель, не раздевшись еще, мы располагались вокруг, готовые унести в далекий чудный библейский мир. Но меня не увлекла первая глава библии космогонии, которую мать наверное не могла понять и рассказать, ни рассказы о красавицах разных, но страшный рассказ о заклятии Исаака... Как больно сжалось сердце, когда мама рассказывала, как мальчик просит отца, чтобы он завязал ему глаза, дабы он не видел ножа. Мама долго на этом останавливалась, рассказывала, как это представляли на праздник Пурим, как мальчика Исаака клали на стул, изображавший Алтарь. Какая радость, что он остался жив. Какой добрый Бог, что он послал как раз во время милого ангела. А какой восторг рассказ о продаже Иосифа. Мама, правда, говорит, что он любил доносить на братьев, но я его очень любила. Сколько ему пришлось страдать! Как это он не боялся змей в темной яме, куда его бросили братья. Как красивы сны. Я и теперь вижу, как сноп соломы поднимается, такой высокий, лохматый. Мы жили возле луга и поля, и мне казалось, что вот снопы поднимутся, когда я играла там одна. А потом переживанья братьев, радость отца!

Воспоминания, связанные с книгой, относятся к более позднему возрасту. Я страшных книг боялась, и все же любила их читать в сумерках, чтобы усилить этот страх. Особенно мне нравился «Вий» Гоголя.

5. [Анонимный автор]

Начинаю припоминать свое детство, в памяти одна за другой встают картинки далекого прошлого. Правда, они все почти тусклы, некоторые из них более ярко выступают. С каких лет я себя помню, не могу точно определить. Вот мне шесть лет. Сажу на большой печке. Сестра старшая медленно раскачиваясь рассказывает сказку про жар птицу. Не только помню хорошо, как я ее слушала; глубоко врезалось мне в память, что некоторое время я ходила, как взбалмошная, с мечтой стать такой же красавицей царевной. И вот я, как теперь даже помню, что у меня сердце даже болело. Мне хотелось стать красивой. Ведь, не знаю, разве я понимала тогда разницу между красивой и некрасивой, но вот именно эта сказка «Жар-птица» почему-то ни на что другое меня не натолкнула, как на желание быть самой красивой во всем мире. Я отлично помню, как я страдала, я даже не могу определить, что это за состояние. Я мучилась, избегала людей, забивалась в угол, боясь, чтобы они мне не сказали чего-нибудь дурного о моей наружности. И не знаю, почему мне больше не хотелось слушать этой сказки. Еще один отрывок помню из моего детства. Когда мне было 5 или 6 лет, няня всегда пугала меня арестантами. Я, живя в хуторе, никогда не видала их. Няня представляла мне их ужасными, рассказывая про них страшные сказки, так что в моем воображении они выросли какими-то зверями. Но случайно и к нам в хутор прислали арестантов для работ. Услышав только об этом, я забила под кровать; ни за что не хотела несколько дней выходить на улицу. Но так как они пробыли у нас очень долгое время, в конце концов они меня заманили к себе. Частенько брали к себе на руки, гладили и рассказывали о своей жизни. Помню всегда со слезами уходила от них, как приходилось мне за это драться с няней. Я ей говорила, что она мне врала – арестанты хорошие люди. И только никак не могла я понять, почему за ними так строго следят и мучают их. Я готова была снести им все, что было у нас в доме, и помню та-

кую бесконечную жалость чувствовала к ним. Мне было страшно обидно. Я даже плакала, когда говорили о них плохое. Больше я ничего не помню, остальное затушевано какой-то дымкой.

21/3-21 года

6. [Анонимный автор]

Не помню, какие именно сказки слышала я в детстве. Не могу назвать я и страшной сказки, которая произвела впечатление на мое воображение, оставила глубокий след. Но одно я помню, что это была сказка фантастическая, полная страхов и ужасов, сказка о разбойниках, от которых захватывало дух и замирало сердце. Нам часто няня рассказывала сказки, полные сильных моментов страхов и ужасов, и после этого я боялась оставаться одна в комнате и засыпала обняв няню. Если просыпалась и ее не было, плакала. Однажды после такой сказки ночью проснулась. Проснулась – я одна. Няни нет. Мне начинает чудиться шорох. Я прислушиваюсь. Из темноты кажется на меня глядят страшные огненные чудовища. Становится жутко и хочется крикнуть, но боюсь, что криком еще хуже сделаю: привлеку внимание чудовищ. И вот, крадучись, голенькая на цыпочках бегу к маме, бегу быстро, ничего, страх как будто прошел. Вот я у дверей маминной спальни, открываю дверь и... большой, длинный, худой, в ярких лохмотьях человек бросается ко мне, не пускает, а двое возятся около нее, дергают за косы и бьют. Я хочу к маме, хочу закрыть, а он хватает меня, снимает, как клещами, и бросает на пол. Я начинаю кричать и теряю сознание. Во дворе у нас был старый разрушенный дом, белый, низенький, зиявший... Этот дом я населила чертями, «нечистыми силами» и всегда, когда мне приходилось пройти мимо одной и мне казалось, что за мною, за моей спиной я чувствую дыхание «Бабы-Яги», «Кощея Бессмертного», и чорт скачет за мной, машет хвостом и дико дико ревет, становится страшно, жутко, хочется бежать, но замедляешь шаг, стиснешь зубы, идешь медленно и говоришь: - Я не боюсь, это неправда. Затаив дух, открывая дверь и иду посмотреть, правда ли, что там черти.

Книжек у меня было много, но читать я их не любила. Мне доставляло удовольствие не читать их, а смотреть картинки, смотреть долго-долго и наполнять их новым содержанием, выдумывать разные страшные истории, причем всегда я, братя и подруга являлись их героями. Когда я стала старше, я увлекалась Шерлок-Холмсом и Конан-Дойлом. Помню каждый раз, когда затевалось против героев что-нибудь плохое, когда грозила какая-нибудь опасность, мне безумно хотелось пойти предостеречь, предупредить, но читаю дальше, вижу, что дело становится еще хуже, я помочь не могу, я не выдерживаю, бросаю книгу.

7. [Анонимный автор]

Воспоминания о рассказывании из своего раннего детства.

Можно рассказать очень много воспоминаний в связи с рассказыванием из своего раннего детства, но я возьму только самое главное, что оставило глубокий след в моей детской душе:

1) Это комната, освещенная лампой, где мы на ковре рассматриваем большую книгу про Пушкинского «Руслана и Людмилу». Главное, что бросилось мне в глаза, это сам Руслан и Черномор с большой седой бородой; в связи с прочитан-

ной книгой такой страх был в моей душе, что я боялась выйти в соседнюю комнату, каждый предмет, который мне напоминал этого страшного Черномора.

2) Второе воспоминание детства, связанное с книгой, это: Большая комната, длинный стол, накрытый скатертью, вокруг дети, и я беру стул и тоже подсаживаюсь к столу; на нем книга в хорошем переплете и (зач. на картине) сестра читает: «Злая мачеха, повезла девочку в лес» в воображении осталась только эта девочка, которую я страшно жалела, представляла ее замерзшей в лесу и даже просыпалась ночью, плакала и горячо просила Боженьку сохранить эту девочку. 3-е воспоминание детства, связанное с картиной. Я и подруга тихонько крались к столу, где лежали картины. Демон (в детстве мы его называли «Бес») стоит на скале. Подходить к столу вечером страшно боялись.

Яркое воспоминание о картине – «Ангел, сохраняющий детей у обрыва». Целовала эту картину каждый вечер.

8. [Анонимный автор]

Помню ехали с братом в поезде зимой. Смотрели в окно и пели «Рождество твое Хресте Боже наш», и как только доходили до слов и «звездою учахуся», обязательно показывался столб в окне, откуда-то выплывающий. Это казалось нам очень таинственным, интересным.

Любила находить или вернее сама устраивать клад. Возьму несколько медных монет и зарю на берегу реки, потом очень тревожусь, не нашли ли моих денег, а на другой день иду отрывать их и хочу найти больше, чем было.

Рассказы слышанные от папы о житии святых очень любила, их страдания, подвижничества. Тут и жалость и какое-то другое чувство. Хотелось тоже страдать. Когда не было никого дома, целовала иконы, испытывая при этом какое-то сладкое чувство радости.

Недалеко от нас было кладбище. Пройти мимо было очень страшно, закрывала глаза боясь увидеть вставшего покойника. Боялась темных комнат, всегда рисовалось в углу что-то страшное, просыпаясь ночью видела вместо висевшего платья живые существа, уродливых очертаний.

Была старая истрепанная книжка, с картинками в красках, какая-то религиозного содержания. Помню, смерть праведника и «смерть грешника», над которым стояла смерть с косою, в виде скелета...¹

9. [Анонимный автор]

24 – III – 21 года

Воспоминания

Помню был очень маленьким, приблизительно лет трех, сидел вечером в кресле у стола и рассматривал какую-то очень толстую книгу (может быть она мне казалась тогда очень толстой, а на самом деле это была обыкновенная тоненькая книжка, как то: учебник или что-нибудь в этом роде). Я чрезвычайно увлекся рассматриванием картинок, по-видимому, в этой книжке были страшные картинки, был зимний вечер, на столе горел сальный огарок, в комнате никого не было, все разбрелось по другим комнатам. Вдруг я взглянул на стену против себя и мне показалось на меня со стены смотрит какая-то ужасно страшная человеческая рожа. С большим крючковатым носом, с большими

¹ Рукопись, карандаш.

черными глазами налитыми кровью и ужасным ртом с оскаленными зубами. Эта человеческая страшная рожа смотрела на меня со стены и ворочала языком. Я сильно испугался, закричал, откинулся назад и упал вместе с креслом. Дальше я ничего не помню. Уходя в воспоминания, я помню себя очень маленьким мальчиком, сильно шаловливым, капризным. Живя в глуши, в Якутской области, где люди жили в то время почти без всяких духовных запросов, где на ребенка не обращалось никакого внимания, кроме того, чтобы он был послушен и не мешал старшим. На меня тоже не обращали внимания, и я был предоставлен сам себе. Помню я был очень любопытен и часто лез к старшим с различными вопросами. Вместо того, чтобы мне ответить на них, меня гнали от себя со словами «Иди, играй», «Не лезь к старшим», «Не мешай» и т.д. Если я все-таки начинал упорно приставать к старшим, то за это я получал пинки, щелчки, какое-нибудь физическое воздействие. Эти отталкивания и в особенности физические воздействия на меня действовали ужасно. Я в конце концов начинал бояться всех, кто старше меня и в то же время во мне стала проявляться какая-то злоба к близким людям и отчужденность от родных (отца, матери и т.д.). Я будучи уже восьми лет и поступивши в школу стал замкнутым ребенком. Очень любил смотреть картинки и строить из щепочек разные кораблики и весной их пускать по канавкам. Забьюсь зимой куда-нибудь в угол дома и целыми часами сижу и смотрю картинки, а весной с утра до вечера брожу по канавкам и пускаю кораблики.

10. [Анонимный автор 1900 г. р.]

Воспоминания раннего детства

Самое сильное и яркое воспоминание, связанное с чувством таинственного, непонятого – это смерть отца. Мне было тогда около семи лет. Отец болел давно и последнее время часто уезжал от нас лечиться на кумыс в санаторию. Когда он приехал последний раз, он чувствовал себя хорошо, но потом сильно простудился и слег окончательно, чтоб больше не вставать. Перед Рождеством он уже умирал и наконец на второй день Рождества уже умер. Я никогда в жизни не видала, как умирают (не считая птичек, животных) и поэтому смерть отца произвела на меня потрясающее впечатление, и это впечатление, связанное с самой необычной обстановкой и обрядами церковными, заставило меня сильно углубиться в себя и много страдать. Перед смертью отца я инстинктивно почувствовала, как на наш дом надвигается что-то страшное, тяжелое и непонятое. И когда нас с сестренкой, которой было 5 лет, решили отправить к знакомым детям играть, желая отвлечь нас от того, что происходило дома, я решительно воспротивилась, но благодаря настойчивости старших мы согласились идти играть к подругам. Но играть я была не в состоянии, т.к. мой внутренний мир был переполнен чем-то страшным и непонятым. И мы не дожидаясь нянки убежали домой. Когда мы пришли, отец лежал мертв и картина была ужасна. Три дня до похорон и затем самые похороны у меня в мозгу шла напряженная работа. Эти ощущения памятливы для меня на всю жизнь. С этим воспоминанием связаны многие воспоминания религ. характера, но они не так яркие. Еще одно очень сильное ощущение ужаса и страха. Откуда начало этого ощущения, я не знаю, но оно очень ярко. Мне представляется, что я сижу на маленькой скамеечке и держу в руках книгу с картинками. Себя я представ-

ляю маленькой, маленькой девочкой. Около меня сидит огромная, рыжая собака с красными, налитыми кровью глазами и длинным хвостом. Она сидит спокойно, иногда облизывая себя. Я встаю и вдруг нечаянно наступая ножкой на ее лапу. Собака дико взвизгивает, глаза ее наливаются кровью, открывает свою огромную пасть и я вижу ее длинный язык, и бросается на меня. Больше я ничего не помню, но ощущение осталось какого-то кошмара, ужаса и самого сильного ощущения страха. В действительности было не так ужасно; собака просто бросилась на меня и укусила, но я даже не кричала, переполненная ужасом. Еще яркие воспоминания своих детских игр: больше всего подражание старшим. Напр. Когда мне было 5 лет, - это было 1905 год. Мы играли в революционеров. Делились на две партии с сестрами: одни были раненые революционеры, другие сестры милос[ердия]. Мы шили себе сумочки, бинтики и т.п. Играли мы так потому, что в нашей семье было очень рев. настроение, кот. выразалось очень ярко и мне очень памятно обыски и страх перед ними. Я сильно переживала, наблюдая за старшими¹.

11. [Анонимный автор, родился ок. 1900]

Своего раннего детства я не помню хорошо, помню только, что оно протекало в условиях бедности, но окружен я был особенно любовью со стороны своих родных. Быть может это происходило от того, что я был единственным ребенком-мальчиком в семье и ребенком очень слабым. Очень слабо вспоминаю первые картины волшебного фонаря. Более отчетливо вспоминаю школьной жизни. Помню, что особенно страдал боязнью к учителю математики в городском училище, который мало-успевающих мальчиков сурово наказывал: эта боязнь, нелюбовь к предмету была очень длительная в моей детской жизни и я вполне не освободился от нее и в юношеские годы. Но с детских годов я любил читать книгу. Большое впечатление, помню, произвело на меня чтение «глупого английского милорда», судьбою которого я очень интересовался, и которому очень сочувствовал. Эти воспоминания только в сию минуту мне ярко вспомнились. Воспоминания школьного возраста очень живы. Это воспоминания из произведений Гоголя: Майская ночь. Ночь перед Рождеством и др. Боялся читать: Вий, Страшная месть, но всегда хотел перебороть этот страх. В 13-летнем возрасте я уже был учителем церковно-приходской школы в 8-10 верстах от родного города и помню, чтобы только провести сочельник Р.Х. со своими дома, я ночью один, через лес бежал домой после 6-ти часов вечера, чтобы затем к ранней обедне в селе, т.е. когда еще темно на дворе, опять вернуться в село чтобы участвовать в церковном хоре.

Очень хорошо помню, что помимо того, чтобы быть со своими, я хотел переработать свой характер, свою боязнь к внешним явлениям и просто к определенным людям.

**Ранние воспоминания об игре (ответы по анкете) Л.Шамшиной
1923 г.²**

¹ Рукопись. Черным карандашом.

² НА РАО ф.47, оп.1, ед.хр.26. Архив Н.А.Рыбникова. лл.29-34. № 17. Семинарий по играм и игрушкам. Рукопись. В деле обозначено «1926», здесь датируется по году сбора

1. *К какому возрасту относится Ваше первое воспоминание об игре?*

Около 4-х лет. Помню, как я играла на бульваре – делала из песка кучку, прихлопывала ее лопаточкой, а навверх воткнула ветку с большими белыми цветами.

2. *Начиная с какого возраста Вы помните себя, как играющее существо? С какими играми связаны Ваши воспоминания?*

С тех пор, как себя помню (лет с 4-х), я только и делала, что играла. Летом в саду играла в песок – делала «грешники» (?) и насыпала кучки, зимой накладывала снег в баночки и потом возила по бульвару. Были мячики. Когда бывала больна, мне позволяли играть в «детки» с маленькой подушкой. Куклы как будто еще не было.

3. *С какого возраста Вы начинаете помнить свою жизнь, т.е. как целый ряд фактов, связанных между собой? Опишите возможно подробнее порядок смены игр, начиная с самых ранних лет.*

Хорошо начинаю помнить себя с зимы, когда мне было 5 лет с небольшим. Помню, что у меня была кукла, которую я целыми днями причесывала. Потом у меня был белый барашек, которого я остригла под руководством сестры, старшей на 3 года. Почему то я в этом году очень хотела иметь живого поросенка, папа подарил мне игрушечного, с колбасой во рту. Из-за этой колбасы я его ненавидела, потому что колбаса оставалась во рту, когда он спал, и наконец оторвала ее вместе с куском головы. По вечерам всю зиму папа играл с нами, прятался в темной передней. Я очень боялась там его искать, потому что под вешалкой жили медведи, между меховыми шубами. Я всегда боялась, что медведи съедят папу. К концу зимы папа захворал дифтеритом, и нас на некоторое время отправили в гостиницу. Старые игрушки пришлось оставить. На нас троих дали общие игрушки, и мы их не делили, потому что находили ненастоящими. Там были вырезные картинки, картонные силуэты зверей, две куклы и что-то еще. Я уже умела читать и больше читала сказки и смотрела картинки, чем играла. Когда после карантина мы вернулись домой, я больше всего обрадовалась своей плешивой кукле. Когда мы приехали «на дачу» в имение, я в тот же день убежала на скотный двор поиграть с живыми поросятами, заблудилась и вместо этого попала на площадку с качелями и стала сама качаться. Так как нас без няни никуда не пускали и вообще много куда не пускали, то меня хватились, долго искали, а когда нашли, то мне здорово влетело, и я больше никуда не ходила, хотя долго жалела, что не успела поесть крыжовника там с кустов, все одно досталось бы. Почему-то мне казалось, что крыжовник бывает с самой весны. Этим летом папа для нас велел устроить грядки, только я ничего в них не поняла, только помню, как землю копали. Из цветов и листьев я делала кукол, кажется, этому научила няня. Папа подарил старшей сестре большой мяч, младшей ведерко, а мне – кегли. При этом мне сказали, что кегли – это игра общая. Кажется, я до сих пор не могу забыть обиды, а тогда я плакала несколько дней. Потом я в кегли играла, как в куклы, одела их в платье, а другим играть не дала. У меня и старшей сестры появились две новых куклы. Мою звали «Хынхызка», а Шурина (сестры) – «Хинда-

материалов (1922). Анкета также находится в деле, лл 12-13; вопросы восстановлены по ней. Этот респондент не ответила на несколько вопросов. Рукопись. Подлинник.

рашка», у нее было золотое платье, и я к концу лета выпросила себе. Часто я играла с котятками – пеленала их и возила в колясочке. Очень хотела поймать воробьев, сыпала на террасе крошки и гонялась потом за воробьями. Осенью (6 лет) папа уехал на войну.¹ На бульваре игры долго оставались все те же. Только из песка я начала делать садики, втыкала веточки. Зимой старшая сестра меня научила рыть тоннели в снегу. С куклами мы играли, как мы едем в Крым через Крымский мост. Мне подарили большую куклу с небьющейся головой, и няня всю ее обшила; голова вскоре сгорела, вспыхнула от свечки. Я стала очень любить играть в «комнату» – устраивать куклам из разных вещей комнату. Под обеденным столом я устраивала кухню – расставляла посуду по перекладинам. С сестрами играли в «...»² и в «рыбу кит». – Это под роялью. Я ужасно боялась медведей. Один раз я читала книжку про медведицу, вдруг она как выскочит на меня из книжки (я несколько лет ясно себе представляла, как она выскакивает), я поспешила закрыть книжку, и до того перепугалась, что ночью, говорят, бредила. Но в медведей играла, только днем. Было громадное количество кубиков. Летом мы жили на новом месте. У меня появились подруги (6 ½ лет), все моложе меня на 1 ½ и 2 года. Это были мои подруги, не сестер. Я с ними бегала в парке. Игр никаких не помню. С младшей сестрой мы играли в «березы». Выбирали «березу Лизу» и «березу Таню». К березе Тане складывались все игрушки, а березу Лизу секли и вообще наказывали, потому что она непослушная. Один раз я зарыла в землю игрушечную ящерицу, чтобы она «выросла», т.е. стало бы их много, но через два дня уже не нашла ничего, из чего я заключила, что и железо может гнить. Втроем мы играли в «разбойников», «катались на лодке» – садились на скамейки и гребли лопатками, на той же скамейке учились плавать. Я любила на той же скамейке играть в извозчика – лошадей было дерево. Подвижных игр никто из нас не любил, играли с гостями по принуждению. Осенью родилась сестренка. Внимание и няни, и мамы перенеслось на нее. Нас втроем оставляли больше одних. С этого года мы всецело занялись куклами. Кукол у каждой было по несколько штук. В папу и маму никогда не играли. Папа и мама жили за границей, откуда приезжал и новый член семьи. У каждой были свои куклы, но все они составляли семью, были братья и сестры. Мне исполнило 7 лет. Зимой часто приходил к папе скрипач. У наших кукол были скрипки и ноты, и мы на гребенках устраивали концерты. С каждым годом игра в куклы все совершенствовалась. Постепенно заняла все время. Мы с утра принимались за куклы и кончали на ночь. 8 лет – летом появилась подруга, общая нам всем, ровесница младшей сестре, но развитей ее. Она любила подвижные игры и заставляла нас бегать. Она увлеклась нашей игрой в куклы, и мы приняли ее в компанию. В гости ходили со всеми своими куклами, везли их в колясочках. Сочиняли разные истории, подражали книжкам. Иногда мы играли в самих себя, но это особенно часто стали делать на следующую зиму. Нам мама дала один день в неделю – мы вставали в 8 ч. утра, будили младшую сестренку (ей был 1 г.) и одевшись в фантастические костюмы из простыней, полотенцев, шарфов, изображали разные истории. Я всегда была «красавицей», младшая сестра

¹ Наверное, японскую.

² Это слово нрзб.

«царевичем», старшая «чудовищем», «злодейкой». Маленькая была нужна для «народу», чтобы «казалось, что нас много», или четвертым действующим лицом – тогда за нее говорили. Старшие не пускались.

10 лет. Мы втроем хворали скарлатиной, очень легкой. Играли все дни в куклы. Я много уже читала. Наши куклы воспроизводили все прочитанные рассказы: были институтками по Чарской, черкешенками; у каждой был свой лорд Фаунтельрой, Соня-проказница. Куклы были первобытными дикарями в соответствующих костюмах, жили в пловучих домах, ездили в корытцах-пирогах, удили рыбу, захватывали в плен (но никогда не спали, ни обедали). Сами мы «представляли» «Наулаку» Киплинга, кот. произвела на нас чрезвычайно сильное впечатление. Каждый день изображали все с новыми и новыми подробностями.

Игра в куклы продолжалась у меня до 13 лет включительно. Старшая сестра отошла раньше, года за 1 ½. Последний год (12 лет и начало тринадцатого) я делаюсь руководительницей. Наши куклы выходят замуж, причем непременно похищаются против воли родителей. Мы воспроизводили все пьесы, виденные в театре, стараясь передать костюмы. Я рисовала декорации, устраивала световые эффекты. Костюмы делались из папиросной бумаги. Семейство кукол получает общую фамилию. Каждая кукла имеет свой характер, который строго выдерживается. Так, один плюшевый мишка был в моих глазах толстым белокурым молодым человеком, сластеной и увальнем, и все его таким и видели. После 13 лет я кончила играть, за мной и младшая сестра. Летом, когда мне шел 14-й год, под влиянием прочтенной книги – о мальчиках, игравших в индейцев и живших в лесу, я попробовала тоже устроить. Сделали себе и сестре лук, стрелы, соорудила шалаш в лесу, но игры не вышло.

4) *Какие из перечисленных игр были наиболее любимые и почему они нравились?*

Конечно игра в куклы была самая любимая. Это была не забава, а просто интересная жизнь, где все возможно – и кататься по реке, и жить в Африке, и слушать концерт и исполнять его. Все, что в жизни производило впечатление, повторялось вновь у кукол.

5) *До какого возраста ваши игры носили индивидуальный характер?*

Совершенно одна я никогда не играла. Часто играла одна до 6 лет. Когда мне было 6 лет, пришла в гости троюродная сестра. Ни я, ни сестры не знали, что с ней делать, не давали ей игрушек, не разговаривали. Только через 2 года она участвует в наших представлениях и мы начинаем ходить к ней в гости.

6) *С какого возраста в играх стали проявляться элементы соревнования?*

Не совсем понятно.

7) *С какого возраста появилась потребность в общественных играх?*

Никогда не любила общественных игр, всегда ссорилась и мошенничала в играх, так как иначе из-за своей неловкости оставалась позади всех. Кроме «палочки-выручалочки» не помню сейчас ни одной игры. ...

9) *Как влияла среда на характер и смену игр?*

Большое влияние оказало то обстоятельство, что мы жили очень замкнуто, знакомых было мало, подруги были на перечет – следствием этого явилась очень тесная дружба между сестрами и неумение играть с чужими детьми.

10) *Как относились старшие к вашим играм, было ли вмешательство, навязывание или безучастие?*

Мама входила во все наши заботы об игрушках – чинила, заменяла разбитые, доставала лоскуты на платье, подавала советы практического характера. Папа любил слушать рассказы о необыкновенных приключениях сегодняшнего дня, возился с нами сам, когда мы были малышами – но в общем давали полную свободу и ни во что не вмешивались.

10) *Как влияло товарищество на смену и характер игр?*

Влияния товарищества не замечала.

11) *Какую роль приписываете играм на склад вашего характера?*

Игры, по-моему, чрезвычайно развили мое воображение. Напротив, в обыденной, реальной жизни я так и не приобрела многих навыков, довольствуясь тем, что их уже имеют мои куклы – ловкости, напр.

12) *В какой связи стоит преобладание тех или иных игр с основными особенностями вашего характера?*

С другой стороны, т.к. я была очень болезненная, я и не могла участвовать во многих шумных играх и предпочитала воображать, “будто бы” я и играю.

13) *Условия, в которых протекало детство*

Жили в Москве, довольно скромно. Папа – врач, целые дни работал, мама хлопотала по хозяйству; когда мы были очень маленькими, с нами безотлучно была няня. С 7 лет я уже няни не имела и чувствовала себя взрослой. Читать начала 5 лет, писать 6 лет, научилась от няни. В игрушках, хотя и не дорогих, недостатка никогда не было. Каждая из нас имела по 10 кукол и по 5 плюшевых мишек приблиз., хотя отчасти оттого, что игрушки береглись годами.

Пол – женск.

Возраст – 23 года.

Л.Шамшина

Мих.Обухов. Из воспоминаний о В.П.Вахтерове г.Уфа, 9 апреля 1927 г.¹

После выставки [Нижегородской Всероссийской промышленной выставки 1896]² начинается и период выхода его учебников «Мир в рассказах для детей»... Выход этих учебников совпал как раз с разгаром так называемой «барановщины», когда начальным школам, особенно сельским, насильственным путем навязывались учебники, составленные реакционным попечителем Московского учебного округа Барановым, под названием «Наше Родное», пропитанные патриотическим духом, где на 90% отводилось место для статей, возвеличивающих царей, и где чуть не полкниги было занято молитвами на славянском языке, направленными к смирению нищетою и укреплению самодержавия в России. Выход в свет «Мира в рассказах» похоже точно произвел революцию в начальной школе и всколыхнул стоячее болото. За книги Вахтерова учителя уцепились, как говорится, обеими руками. И как было за них не

¹ НА РАО ф.7 оп.1 ед.хр.12. Архив В.П.Вахтерова. Доклады, читанные на публичных заседаниях памяти В.П.Вахтерова. 1894-1927. на 117 листах. Лл.46-46 об. Дата и место в конце текста (л. 49). Рукопись. Подлинник.

² Вахтеров был приглашен на выставку читать лекции по методике начального обучения.

уцепиться? Ведь это полнейшая противоположность «барановщине». Прежде всего здесь впервые был изгнан славянский язык начисто. В «Мире рассказов» мы не встретим ни одной строчки на этом языке. Во-вторых, все то, от чего пахло царизмом, здесь было также изгнано... Детям в занимательных рассказах давался здоровый материал, развивающий миросозерцание, очищающий от всякого рода суеверий и предрассудков, сеющий положительные знания из области природы, истории, географии, гигиены и т.под. и вместе с тем, материал, облагораживающий душевные качества ребенка. «Мир в рассказах» явился в своем роде энциклопедией, которая сделалась настольной книгой не только для ребенка, но и для взрослого простолюдина. И недаром многие земства, приобретая учебники Вахтерова для школ, по выходе учащихся из школы, не отбирали «Мир в рассказах» обратно в библиотеку, а оставляли его на руках учащегося с тем, чтобы им могла пользоваться впоследствии вся семья крестьянина. Одним словом, «Мир в рассказах»... создал новую эпоху в направлении русской школы и сразу очистил ее от того налета, который наложили на нее авторы учебников вроде Баранова и других. Мне часто вспоминается, как мы, учителя, будучи под давлением «барановщины», подменивали учебник Баранова «Миром в рассказах» и на случай приезда начальства держали «Наше Родное», а фактически занимались по Вахтеровским учебникам. Конечно, популярность учебников Вахтерова не давала спокойно спать ни учебному начальству, ни некоторым из педагогов того времени: первому неудобно было направление учебника, вторые кипели злобной завистью к сильной популярности, и на этой почве устраивались всевозможные козни по отношению к распространению учебников, их всеми силами старались изгнать из употребления, но, как мы видим, они остались одними из лучших и самыми распространенными до самой октябрьской революции.

Рассказ сельской учительницы Дарьи Сергеевны (записан М. А. Рыбниковой¹)

ОЗОРНИКИ

Вы говорите, хорошо, коли смирные дети. Нет, это хуже. Озорные ребята – вот это так: из этих всегда толк выйдет.

Был у меня в школе мальчишка, и до чего отчаянный, не знала я, что с ним и делать.

Говорят мне раз ребята: «Чуренок такое сделал, что и сказать нельзя». Разузнала я в чем дело, и до того осерчала, зову его, и за уши. А я никогда ребят не била. А тут так отодрала – за милую душу.

- Будешь так делать?

- Буду!

Я его выгнала, думаю, после уроков поговорю; кончились уроки, зову его к себе, бранила его и тая и саяк, ну, думаю, понял.

- Будешь делать?

¹ ОР РГБ ф.367 картон 38 ед.хр.2 Рыбникова Мария Александровна, л. 54-55. «Учителькины рассказы» - вступительная заметка и записи рассказов сельской учительницы (К книге «Малый эпос. Рассказы моих знакомых»). 1920е – 1930е гг. Машинопись. Копия.

- Принесут квасу, опять сделаю. (А он это с квасом такую штуку сочинил.)

И вижу – никакого раскаяния: мои слова – что к стенке горох. Выгнала я его, и такая у меня злоба, что справиться не могу, стала на колени перед постелью, всю наволочку зубами изодрала. Стою и плачу, а я плакать не горазда, уж разве только зубы болят. А тут реву от злости: не берет мое, Чуренок свое твердит – «сделаю» и кончено. А за такие штуки обязана я его из школы выгнать.

Села и разревелась: что-ж это будет, останется он у меня неученый, другой школы нет, идти ему некуда, и тут уж от жалости давай реветь.

Опять зову мальченку, а мальчишечка так одиннадцати лет, замухрышка из себя, да забияка первый во всей деревне.

Вот, говорю, Васька, должна я тебя теперь выгнать из школы, будешь ты неученый, ни читать, ни считать не будешь уметь: другие ребята тебя обгонят, будут с книжками, а ты не только книжку, вывеску в селе не прочтешь. Жало мне тебя, а оставить тебя в школе не могу.

Говорю, а сама плачу. Гляжу и он: «хлуп-хлуп... не буду, - говорит, - Дарья Сергеевна, никогда больше не буду». И ревет во весь то голос!

Ну, так Чуренок у меня и остался, и школу окончил.

И вот, знаете, в 16-ом году иду я по нашему уездному городу, слышу окликает меня кто-то: «Дарья Сергеевна, Дарья Сергеевна!» Оглядываюсь, солдат за мной бежит, догоняет меня, и четыре Георгия на груди болтаются. И обнимает меня.

- Батюшки мои, ты, Чуренок!

- Я, говорит, я; уж как я рад, что повстречал вас.

Тут уж мы все вспомнили с ним, и посмеялись в досталь¹.

Сухомлина Анна Васильевна «Воспоминания дочери народовольца» 1962²

Глава 1-ая. Детство (девятиностые годы).

Мы жили в поселке около Карийской каторжной тюрьмы. Мой отец уже был в вольной команде и жил с нами. Первые мои воспоминания связаны с потрясающим для меня событием – покупкой куклы. Я лежу в кроватке. Меня уложили спать, но я не сплю и слушаю разговор папы с мамой. Они спорят. Папа говорит, что надо купить Асе куклу (китайца с косой). Такие куклы при-

¹ Автографы и машинопись с правкой рукой М.А.Рыбниковой.

² ОР РГБ ф 543 карт 14 ед хр 1, лл.1-34, машинопись с авторской правкой и пометками дочери. Анна Васильевна Сухомлина-Филипченко, дочь Василия Ивановича Сухомлина (1860-1938) и Анны Головачевой, близкая родственница видных революционеров - эсера Василия Васильевича Сухомлина (1885-1863) и Ольги Елисеевны Колбасиной (1886-1964). Основные излагаемые автором данных воспоминаний события происходят во время ссылки В.И.Сухомлина по процессу Г.Лопатина (1887-1903) и в самом начале 1905 г. Автобиография В.И.Сухомлина, написанная им для юбилейного биографического издания «Деятели СССР и Октябрьской революции», выпущенного издательством «Гранат» в 1927 году, размещена в Интернете по адресу: www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=122655. Репрессирован и расстрелян в 1938 г. Воспоминания Анны Васильевны относятся к 1890м – 1945 гг. Публикуются фрагменты первой части.

нес в наш поселок и продает какой-то бродячий китаец. Мама возражает. Я сержусь на маму от всей души, и мой восторг перед папой безграничен. Я рассказала маме про этот их разговор уже взрослой девушкой. Мама очень удивилась. – «Неужели ты не спала и слушала, и ты помнишь такие вещи, ведь тебе было самое большее два и половиной года? Я отлично помню мой спор с папой!» Я спросила ее: - «Почему ты была против куклы?» Она ответила: - «Я мечтала, чтобы ты не играла в куклы, чтобы ты росла как мальчик. Мне казалось, что куклы как-то мешают более интересным играм и занятиям. А папа спорил и говорил, что, во-первых, это будет для Аси огромная радость, которой нельзя лишать ребенка, а, во-вторых, он не видел ничего плохого, если у девочки проснется инстинкт материнства.» Победил папа. Мне купили эту куклу. Я была счастлива и не расставалась с ней ни на минуту. Я всюду таскала ее за собой, и, так как она занимала мои руки, а руки были мне часто нужны, я таскала этого китайца под мышкой, крепко зажав его там. Мама говорила папе: - «Вот видишь к чему это привело. Если Ася будет кривобокая, ты будешь виноват.» Но папа каждый раз заставлял меня переключать китайца под другую мышку и смеялся. Каждый вечер нас всех троих (меня и 2-х братьев) сажали за стол и давали нам горячее молоко и хлеб. И, как бы мама ни следила за мной, я ухитрялась быстро вымыть восковое лицо китайца в горячем молоке и мгновенно выпить это грязное молоко, к огорчению мамы. Братья буквально лопались от смеха, но и не думали помочь маме и удержать меня от этого. Перед тем как уложить нас спать папа читал нам самые любимые сказки Пушкина и, по моей настойчивой просьбе, часто рассказывал сказку «Фея Лазоревна». Я очень любила эту сказку, но каждый раз в определенном месте начинала громко рыдать, чем вызывала новый взрыв смеха Жени и Васи. Часто они впадали в ярость и говорили мне: - «Ну зачем ты просишь эту сказку, а сама реवेशь, просто противно!» Папа, чтобы их утихомирить, читал еще что-нибудь другое, более интересное для них, например повести Гоголя («Страшная месть» произвела на меня потрясающее впечатление) или отрывок из обожаемой всеми нами французской повести «Без семьи». Папа сумел привить мне большую любовь к Пушкину. Он подарил мне, когда мне было 3 года, книжечку его сказок, на обложке которой был портрет Пушкина. По словам мамы я ни одного раза не легла спать не поцеловав портрет миленького Пушкина и не положив эту замусоленную и затрепанную книжечку себе под подушку.

Вспоминаю, как братья дразнили меня (все еще на Каре). Они передразнивали, как я произношу некоторые слова. Я, например, боялась сказать при них слово «человек», ибо каждый раз это вызывало у них припадок смеха. Особенно рассмешила я их однажды, когда все играли в прятки, а я закрыла глаза и спокойно сидела, думая, что, если я ничего не вижу, то и меня никто не видит. Они буквально умирали от смеха от моей глупости. Мне же было не более трех лет, ибо в четыре года я жила уже в Чите. На Каре пришла посылка от бабушки, и в ней была нарядная кукла в розовом атласном платье. Она даже умела зарывать глаза. Кукла мне очень понравилась, но все же я гораздо больше любила моего замызганного китайца, у которого все черты лица были почти смыты ежевечерним умыванием горячим молоком.

Помню, как начались разговоры, что мы уезжаем. Стали укладывать вещи. Я понимала, мы едем в Читу, где жил мой крестный Галась, которого я обожала по рассказам мамы, еще не видя его. И, несмотря на это, в самый последний момент, когда уже подали лошадей, я оказалась где-то далеко на чужом дворе, играя там с увлечением с какими-то детьми. Папа меня нашел и принес прямо в тарантас к маме прямо на руки. Ехали мы в тарантасах, ночью останавливались на ночлег, и папу уводили в тюрьму. Я была этим неприятно поражена и просила маму пойти со мной в тюрьму и ночевать там с папой. Мама сказала, что этого нельзя сделать.

Приехав в Читу нас, детей, отвезли в Галасю (Батагову). Наконец я увидела моего крестного и почувствовала к нему настоящую любовь и нежность, которые длились много лет. А мама уехала к губернатору хлопотать, чтобы нас всех оставили в Чите, ибо начальство хотело, чтобы нас везли дальше. Галась приготовил нам стол, полный лакомств. Женя после отъезда мамы дико ревел, я была тоже на границе слез, но все же не могла не заметить соблазнительных вещей на столе. Кроме всего на столе стояли стаканы, которых мы никогда не видели, мы всегда пили только из глиняных кружек. Лакомства были самые мои любимые: халва, рахат-локум, черная китайская пастила, варенье, конфеты, пряники, словом – идеал. И, хотя Женя оглушительно ревел, я в конце-концов успокоилась и, сидя на коленях у Галася пила чай из стакана и ела дивные сладости. Потом приехала мама, которая добилась разрешения остаться нам всем в Чите. В Чите была гимназия, и родители решили, что пора Васе в 1-й класс. Вот почему мама хлопотала, чтобы нас оставили в Чите. Мы сначала поселились недалеко от Галася. Дома были бревенчатые, нештукатуренные. Галась жил в такой избе, прямо в лесу. Мы тоже жили в таком же доме, на окраине Читы. Магазинов не помню. Конечно, они были в центре Читы, но я их не видела. Потом мы переехали на другую квартиру, около железной дороги, куда папа поступил на службу. Железной дороги еще не было, но было Управление железных дорог. От центра города это тоже, видимо, было далеко, ибо, когда я впоследствии заболела, врачам было нелегко навещать меня.

Глава 2-я.

В 1897 году папе, который после Карийской каторги отбывал срок ссылки в Чите, разрешили поехать на свидание с его матерью в городок Курган. Ехали мы всей семьей на перекладных очень долго. В тарантасе было тесно, неудобно, у мамы все время болела голова. Не доезжая до Кургана, мы наконец увидели железную дорогу. Помню, что оба брата пришли от нее в восторг и устроили пляску диких, выскочив из тарантаса. Я же в 6 лет осталась равнодушной, не проявив особого интереса к достижениям отечественной техники. Наконец мы увидели легендарную бабушку, и я очень быстро к ней привязалась. Она была высокая, скорее полная, очень величественная. Мне доставляло огромное удовольствие сидеть у нее на коленях и ласкать ее второй подбородок. Странные вкусы у детей! Этот подбородок не казался мне некрасивым, и я очень удивилась, узнав через несколько лет, что он был больным местом моей бабушки, которая в молодости была настоящая красавица. Но даже в старости она обращала на себя внимание своим высоким ростом и прекрасным лицом, всегда румяным, оживленным, освещенным замечательными глазами. Глаза ее

были поистине великолепные. Большие, красивого разреза, ярко серые, с вечно меняющимся выражением¹. Она² носила на голове, вместо шляп, маленькие накладки, зимой бархатные, летом кружевные, подвязывая их лентой под подбородком, она казалась мне, да и не только мне, - красивой, элегантной и очень импозантной. Недаром брат поэта Тютчева, писал ее второму мужу Елисею Яковлевичу Колбасину, который прислал ему портрет своей жены (моей бабушки), что все его друзья теперь спокойны за его участь, ибо его судьба в руках женщины с таким прекрасным лицом. Но и когда она постарела и мы жили с ней в Одессе, импульсивные одесситы часто останавливали ее на улицах под разными предложениями, разглядывали и делали ей комплименты, к моему восторгу. Мы пожили с бабушкой в Кургане один месяц. Настало время расставаться: папа ехал обратно в ссылку, брат Вася возвращался в читинскую гимназию, а мы ехали за границу. Я расставалась с папой на целый год. Я обожала его, считая его самым красивым, самым умным и самым добрым во всем мире. Я всюду таскалась за ним, благо его служба была рядом с нашим домиком. Он часто брал меня на руки и так ходил по своим делам. Я была убита и не сходила с папиных колен. Он все время ласкал меня, пока мы ждали поезд. Я, мама, брат Женя и бабушка ехали в Россию, а потом на Корсику, где жил ее сын Евгений – от второго брака с Елисеем Яковлевичем Колбасиным. От этого же брака с Колбасиным была и дочь Ольга, которая вместе с бабушкой встречала нас в Кургане. Мы расставались с папой и Васей на год, ибо после зимы на Корсике бабушка предоставила моей маме возможность поехать со мной в Париж и в Лондон, где жила ее подруга. Возможно, что бабушка, будучи признательна моей маме за то, что она добровольно последовала за ее сыном в Сибирь, хотела как-то ее отблагодарить и развлечь. После года, проведенного за границей, мы приехали в имение бабушки под Одессой. Там мы встретились опять с тетей Ольгой, которая привела туда, к удивлению всех, своего жениха, студента Академии Художеств Митрофана Семеновича Федорова. Он считался одним из самых талантливых учеников Репина. Бабушка была против этого брака, главным образом потому, что Оле было всего 18 лет, и бабушка боялась, что она бросит учение на Бестужевских Курсах. Митрофан Семенович, после длительной борьбы, женился-таки на моей тете. Она не бросила учение и кончила Бестужевские Курсы. От Митрофана Семеновича у нее было трое прелестных детей: мальчика Вадима я увидела через день после его рождения и была в восторге от его матового личика с большими темно-кариими глазами, как у его отца. Девочки родились буквально при мне. Это были близнецы, и я увидела их через несколько минут после их рождения. Хотя их личики были далеко не матовые, а ярко красные, мне они показались совершенно очаровательными. Девочек называли Наташа и Оля, и первое время они были так похожи, что их отличали только по разным ленточкам на распашонках. Но постепенно сходство уменьшалось и с годами совсем прошло. Митрофан Семенович не раз рисовал меня, и во время сеансов мы много разговаривали. У него был философский склад ума, и, когда я подросла, мне это очень нравилось. Между прочим, Остроумова-Лебедева, которая училась вместе с ним в Акаде-

¹ Зач.: И, несмотря на ее сугубо НЕ модный вид.

² Зач.: например.

мии, судя по ее воспоминаниям, находила его очень умным и интересным человеком. Этим летом, живя вместе со мной в имении бабушки, тетя Оля очень полюбила меня. Она говорила мне впоследствии, что любила меня не меньше, чем собственных детей. Я тоже полюбила ее большой и стойкой любовью, которую пронесла через всю жизнь. Нам, детям Сухомлиных, как отметил мой брат Вася, вообще очень повезло. На Каре мы были окружены любовью и нежностью не только родителей, но и всех их товарищей. После приезда в Россию к этому еще прибавилась любовь и забота бабушки, тети Оли и дяди Жени. Кроме того, нас страстно полюбили три маминых сестры, которые все были бездетными.

Прожив год без папы, я ни на один день не забывала его и все, что узнавала, что заучивала наизусть, например, стихотворение «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой...», от которого я была в восторге, я «прятала в ящичек в моем мозгу для папы и закрывала его золотым ключиком», как я говорила бабушке. Наша поездка с бабушкой в Россию и за-границу очень расширила мой кругозор. На Каре он был смехотворно узок. Об этом можно судить по тому, что я, зная, что моя бабушка живет в Одессе, считала, что там кроме нее никто не может жить. Как-то мой сверстник, трехлетний сын народовольца Адриана Михайлова, сказал мне, что у него тоже есть родственники в Одессе. Я пришла в негодование, спорила с ним. Мы оба ревели и дрались и, наконец, побежали «на суд» к моей маме. Помню, что с тех пор Ваня Михайлов стал мне очень неприятен со своими какими-то родственниками, которые влезли в Одессу. И вот я воочию убедилась, что Одесса большой город, что кроме Одессы есть еще много городов и стран.

Вернувшись в Читу, мы встретились наконец с папой и Васей. Здесь Вася сыграл в моей жизни неожиданную роль. Придя как-то раз из гимназии, он сказал мне и Жене: - «Вот нас учат, что есть бог». Я спросила: «А какой он?» Вася ответил: - «Бог вездесущий, всеблагой и всемогущий». Я попросила объяснить, что значит вездесущий. Он сказал: - «Вездесущий – значит, что он везде, всегда». – «Как, он и теперь здесь?», воскликнула я очень заинтересованная. – «Конечно, я же тебе сказал, что бог везде, всегда». - «А что такое всемогущий?», продолжала спрашивать я. «Это значит, что он все может». – «Ну, а если его попросить о чем-нибудь, он сделает?», спросила я очень удивившись, ибо у меня в то время были вечные огорчения из-за жениных двоек по латыни, которые он приносил из гимназии. Вася нехотя ответил: «Ему надо молиться для этого». – «Как молиться?», не отставала я. – «Есть такие всякие молитвы», еще более неохотно пробурчал Вася. – «Научи меня». – «Ты еще мала, чтобы их выучить» (мне было 7 лет). Но пристала к нему, как смола, и он, чтобы отвязаться, научил меня нескольким словам, кажется вроде: - «святой боже, святой крепкий, помилуй нас». – «Молятся, вообще, иконам, а у нас их нет», прибавил Вася, вставая и уходя из комнаты. Я вспомнила, что у меня над кроватью висит картонный елочный ангел, и решили: - буду молиться перед ним о жениных двойках. С того дня я с увлечением стала молиться каждый вечер на коленях перед этим ангелом. Произнеся «Святой боже, святой крепкий, помилуй нас», я быстро – переходила к насущным делам, т.е. к Жениным двойкам по латыни. Я просила: «Боженька, миленький, сделай так, чтобы учителя

на ставили Жене двоек, ведь ты все можешь». Повторив это много раз, я переходила к мольбе простить меня за мой великий грех, за взятый без спроса кусочек меха, для кукольного воротничка. Я подняла его с полу у маминой подруги Серебряковой, где гостили мы с мамой в Лондоне после Корсики. Серебрякова выбросила это клочок за негодностью. До сих пор не понимаю, откуда я взяла, что это грех. Мама никогда не читала мне ни нотаций, ни нравочений. За всю жизнь помню только одно ее внушение, которое меня поразило. Дело было так: я играла в мяч. Вдруг в дверь постучали, и вошла цыганка. Мама ей дала что-то, и она ушла. Я хотела продолжать играть в мяч и не нашла его. Вдруг я (вероятно наслушавшись у соседних про цыган) сказала: «Мама, цыганка украла мяч». Мама очень резко ответила: «Стыдно подозревать людей в воровстве, не имея на это никаких доказательств. Это некрасиво. Я огорчена, что ты так сказала». Я была смущена и запомнила на всю жизнь этот урок морали.

Мучения с мехом для куклы (я его давно выбросила) продолжались лет до 10-ти, и, наконец, время, этот великий исцелитель, засыпал их «пеплом забвения».

Мальчики постоянно дразнили меня, не давая мне покоя, из-за моих молитв богу. Они смеялись надо всем, вплоть до картонного ангела. Как они проследили мои молитвы богу, не понимаю, ибо я молилась только тогда, когда мама тушила свет в детской и уходила. Я молилась в полной темноте и шепотом. Я не переставала молиться, несмотря на их насмешки и не взирая на то, что мои молитвы явно не доходили до бога, и Женя продолжал получать двойки по латыни. Самое забавное, что моя вера вовсе не убывала, а росла. Поэтому, это была настоящая вера, не лишенная, впрочем, привкуса утилитаризма. Братья перестали меня дразнить только после моей тяжелой болезни (гнойный плеврит и воспаление легких). Папа и мама сходили с ума от горя: считалось, что спасти меня уже нельзя. В Чите доктора не брались делать мне резекцию ребра, и папа с трудом уговорил их испытать на мне только что полученный в Чите аппарат для выкачивания экссудата. Операцию делали мне доктор, папа и Прибылев. Длилась она более часа, ибо они были неопытны и волновались. Я стояла все время на коленях, на кровати, прижавшись лицом к маминой груди. Видимо все это произвело на братьев такое впечатление, что они стали с тех пор относиться ко мне очень бережно и нежно.

Глава 3-я.

Когда я после этой болезни все же поправилась, врачи стали настаивать, чтобы меня увезли из Сибири в более теплый климат. Мама, как всегда, принесла себя в жертву и, оставив в Чите папу, что было для нее очень тяжело, переехала со мной и с мальчиками в Ялту. Переезд в Ялту не принес мне пользы, я продолжала болеть все детство и юность легкими. Разлука наша с папой длилась 4 года. Вероятно, климат Сибири был бы для меня более полезен.

Основные два события, запечатлившиеся в моей памяти из нашей жизни в Ялте, - это конец моей веры в бога и мое первое знакомство с вопросами пола.

Однажды (мне было тогда 10 лет) я ходила по саду и собирала падалки миндальных орехов, машинально повторяя: «Господи, помоги, господи, помоги». Вдруг я остановилась, как вкопанная. «Что я говорю? Какой господи? Где

бог?» Я посмотрела на осеннее небо и внезапно поняла, вернее, почувствовала всем своим существом, что бога нет. «Ага», подумала я, «сейчас мы проверим, какой он вездесущий и всемогущий. Бога нет», громко и уверенно сказала я, ожидая, что произойдет. Ничего не последовало. Я подумала и изрекла: - «Бог дурак. Если он есть, пусть разразит меня на месте.» Все было по прежнему. Тогда я сказала: - «Не бог дурак, а ты дура. Как ты могла верить в бога, когда его нет и никогда не было!» Я была в восторге от этого откровения, ибо поистине это было настоящее откровение – неверия. Мне казалось, что я нашла клад, что я узнала что-то бесконечно важное и интересное. Мне жалко теперь, что я не знала тогда хотя бы некоторых высказываний Вольтера или, еще лучше, ответа Лапласа Наполеону. Боюсь, что в тот момент я считала себя первооткрывательницей великой истины. Интересно отношение моих родителей к вопросу о боге. Когда Вася спросил папу, есть ли бог, папа ответил: - «Не знаю, разбирайся сам». Мама говорила то же самое.¹

С 10 до 12 лет, все еще живя в Ялте, я стала много читать. Очень любила исторические романы. По-видимому, я читала Желиховскую и других детских авторов. Помню повесть о Богдане Хмельницком и очень понравившийся мне роман «Сын гетмана». Думаю теперь, что то было не чтение, а чтиво. А вот книга Авенариуса «Пушкин», его биография (кажется, в 3-х томах) дала мне очень много, и я полюбила Пушкина окончательно на всю жизнь, не только как поэта, но и как человека. Живя в Ялте, я очень интенсивно переписывалась с моими подругами в Одессе, детьми народовольца Чудновского. Мы решили с ними выпускать рукописный журнал. Журнал состоял из статей и рассказов. Статьи мы без стеснения переписывали из газет и журналов. Рассказы писали сами. Помню, один мой рассказ назывался «Кто виноват?» Как я до него додумалась – неясно. Но смысл был такой: бедняк пришел в кухню к богачам. Его накормили, а он украл серебряную ложку. Кто виноват? Виноваты богачи. Чем? Не помню точно, но кажется тем, что не надо соблазнять бедняка и оставлять ложки. Надо было дать ему денег и устроить на работу. Глупо, но я очень серьезно писала все это, не чувствуя всей несусветной чепухи.

В Ялте мне пришлось пережить очень тяжелые минуты. Случилось это так: я была в кухне (мне было 9 лет) и болтала с кухаркой. Вдруг она сказала: - «А у наших соседей несчастье, их девушка родила ребенка.» Я спросила: «Разве девушки рожают?» - «А ты что думала? Почему бы им не рожать?» Я смутилась и все же возразила: «Рожают только замужние женщины.» Кухарка захохотала. - «Ну и дурочка ты еще. Отчего по твоему дети рождаются?» Я в первый раз задумалась над этим. Я не знала, что ей сказать. Но она пристала: «Отчего?» Чтобы что-то сказать, я, упавшим голосом, ответила: «Ну, выходят замуж, начинают лучше жить, лучше питаться». Чувствую, что говорю чушь, но молчать немислимо. Кухарка так и покатила со смеха. Я вышла из кухни, глубоко обиженная. Во дворе я увидела Женю и рассказала ему про мой разго-

¹ На л.39 стоит, что автор верила с 7 до 10 летнего возраста. На л.65: «я смеялась и категорически отказывалась венчаться. Венчание в церкви казалось мне просто каким-то «кошунством». Кроме того, я не забывала, что, когда мне было 13 лет, я дала папе слово никогда не венчаться в церкви. (Он, вероятно, боялся, что я свяжу себя с кем-нибудь, и будет трудно отделаться от него).»

вор. Он тоже засмеялся и сказал, указывая на петуха, который топтал курицу. – «Посмотри на курочку, вот от чего рождаются дети. Он ее топчет, и у нее будут цыплята. Кот тербит кошку – у нее будут котята. Так и у людей.» Я буквально остолбенела. – «Ты шутишь», сказала я, «как, люди треплют своих жен? Но ведь это ужасно. Как? Папа таскал маму за волосы? Ты просто сошел с ума! Я сейчас прошу маму». Не успел Женя меня остановить, как я побежала к маме. У мамы сидел какой-то гость. Но я была в таком раже, что, не замечая его, вбежала и громко сказала: - «Мама, отчего петух топчет курицу?» Мама покраснела и непривычно резко прервала меня. «Не задавай глупых вопросов и не мешай мне. Видишь, я не одна.» Я обиделась и выбежала во двор, где меня ждал с улыбкой Женя. Я пришла в бешенство и отчаяние. Я стала задавать ему вопросы. Он отвечал сбивчиво, уклончиво и двусмысленно. У меня создалась страшная картина – папа, мой папа, мой кумир – он издевался и унижал маму. Я пережила это прямо огненно. Будучи очень эмоциональной, я все переживала очень бурно. Это открытие потрясло меня до основания. Весь мир покрылся тьмой, все было страшно и беспросветно. Я горько плакала у себя в комнате, уткнувшись в подушку.

С мамой с этого дня я навсегда перестала говорить о чем-нибудь интимном. Это сохранилось на всю жизнь: мне легче было говорить с кем угодно, только не с мамой, о вещах, которые меня близко задевали. В этом же году я написала сама себе письмо. Я долго хранила его, к сожалению в конце концов потеряла. Письмо было приблизительно такое: «Ася, тебе пишет девочка Ася и торжественно заявляет, что, если ты, когда будешь большой, забудешь меня – девочку, то я, девочка Ася, проклинаю тебя и презираю тебя от всей души». И что-то еще в этом же роде, очень смешное. Женя постепенно давал мне кое-какие пояснения. Потом, встретив моих подруг Чудновских летом в Одессе, из их объяснений я поняла все и в конце концов примирилась с мыслью, что этот «ужас» женщина должна вынести, если она хочет иметь ребенка. Позднее я сама, каким-то сложным путем (восстановить который мне очень трудно) пришла к 16-ти годам к глубокому убеждению, что в «этом» нет ничего грязного, унижительного, и что люди напрасно окружают это тайной¹. Я была так убеждена в этом, так убежденно и горячо толковала про это Рае, что она обратилась ко мне за помощью, когда ее сестра Вера, узнав про «это», была так огорчена², что плакала. Рая просила меня внушить ей, что никакой грязи в этом вопросе нет. Но до того, как я пришла к таким простым и нормальным взглядам, я пережила много тяжелого.

Глава 4-ая.

В 1903 году папа получил разрешение вернуться в Россию и мы поселились в Одессе. Папа поступил на службу, но продолжал заниматься нелегальной революционной деятельностью. Нас же, младших детей, (мне было почти 12 лет, а Жене 14), родители старались оградить от политики. При нас не говорили про ужасы самодержавия, про тюрьмы и виселицы. Мама прятала от нас нелегальную литературу. Я же, будучи хитрой девочкой, следила за мамой и

¹ Здесь «это» вписано вместе зачеркнутого: и грязью очень чистую вещь.

² Фраза «так огорчена, что» вписана вместо: «убита и».

знала, где она прячет ее, в основном – под клеенкой на столе, в столовой. Я выкрадывала эти брошюры и газеты и читала их ночью при свече, с глубокой верой в «правду – справедливость» и в «правду – истину». От обысков родителей нас оградить не могли, и мы видели их в Одессе два или три раза. Последний обыск я помню очень ярко. Папа, мама и старший брат Вася – студент, приехавший в Одессу на каникулы, ушли в гости к народовольцу Геккеру, разбитому параличом. Дома были я, брат Женя и приехавшая из Ялты молодая очень красивая девушка Инна Розанова. Она сидела в столовой и читала нелегальную газету «Революционная Россия». Вдруг раздался звонок и в переднюю ввалилась полиция. К счастью, Инна не растерялась и успела засунуть газету под клеенку. Обыскивали довольно долго и тщательно, но не догадались поднять клеенку на столе. Во время обыска один, чином повыше, спросил меня: - «Ваш отец был декабрист?» Я ответила: - «Ой, что Вы говорите, когда были декабристы, моего отца на свете не было». Потом они с помощью нашей кухарки сделали личный обыск и у меня. О, ужас! Они вытащили из кармана прокламацию, написанную мною в шутку от руки. Дурацкая прокламация кончалась так: «Долой классных дам, требуем косые юбки» (мы в гимназии были обязаны носить юбки в сборку, что нас очень толстило). Идиотская прокламация была приобщена к делу, и мама потом имела забавный разговор по поводу нее с прокурором. Женя был очень шустрый и подвижной мальчик. Он каким-то образом все время крутился в передней, и, когда раздался звонок, он юркнул к двери и прошептал: - «Обыск». Когда полицейские ринулись открывать дверь, за дверью никого не было. Как выяснилось потом, звонила Любовь Давыдовна Чудновская, бывшая в это время преподавательницей в гимназии и совершенно отошедшая от политики. Когда она услышала слово «обыск», в ней проснулась прежняя революционерка, и она как пуля скатилась вниз и помчалась на квартиру Геккера, чтобы предупредить всех, что у нас обыск. К ее восторгу, там оказались мои родители. Через полчаса открылась входная дверь, и в квартиру влетел разъяренный папа. Он устроил грандиозный скандал, крича, что без хозяев они не имели права делать обыск, что он будет жаловаться. Они отмалчивались и продолжали свое дело. Стали обыскивать Васю и вытащили у него из кармана какую-то записку. Папа стал кричать, что ее подсунули. Я была страшно испугана, хотелось спать. Было очень поздно. Было холодно. Я сидела на диване и дрожала как мышь. Я была уверена, что меня сейчас потащат в тюрьму из-за моей прокламации. Наконец они объявили, что у них есть ордер на арест папы и Васи, и их увезли. Когда мама на другой день пошла к прокурору, он ей сказал: «Ну и семейка у вас, даже ваша дочь пишет прокламации». И смеясь, он прочел ей мою стряпню. Папу и Васю довольно скоро выпустили. Это уже было то время, которое все называли «весной» (1904 год). В воздухе чувствовались новые веяния. Шли непрерывные собрания, пока на частных квартирах. Эти квартиры охотно предоставляли для собраний либеральные буржуазные семьи. Там открыто говорили о необходимости перемен, о конституции. Очень интересно, что этот прокурор, у которого моя мама не раз бывала и много с ним разговаривала, почувствовал эти новые веяния настолько сильно, что, в конце концов, почел за благо выйти в отставку и перейти в адвокатуру.

В Одессе я поступила в 4-ый класс гимназии, но (зач: очень) скоро заболела, и меня взяли из гимназии. Когда я держала вступительные экзамены в четвертый класс, у меня был небольшой инцидент, в результате которого я приобрела подругу на всю жизнь. Придя экзаменоваться, я познакомилась с девочкой Раей, дочерью маминых друзей молодости, тоже народовольцев. Рая была высокая, тоненькая, с двумя толстыми каштановыми косами почти до колен, с большими серыми глазами. Ее нежный цвет лица и бархатистая, как персик, кожа, делали ее неотразимо хорошенькой. Предельно застенчивая, она поминутно краснела, что ей очень шло. Перед экзаменом по истории я решила оживить у нее и у себя в памяти хронологию событий и стала задавать ей вопросы, на которые Рая быстро отвечала, будучи очень хорошо подготовлена. Наконец, вошли в класс экзаменаторы, учителя, начальница, классная дама. Сели за стол. Стало жутко. Когда вызвали меня, я как всегда в последний момент успокоилась, взяла себя в руки и ответила на все вопросы. Через некоторое время вызвали Раю. Задают ей какой-то вопрос. Она краснеет и молчит. На второй вопрос она молчит и багровеет до слез. Экзаменаторы переглядываются и пытаются ей помочь. Она почти плачет и... молчит. Я чувствую, что дело дрянь, и, преодолевая свою собственную застенчивость, встаю и говорю: «простите, что я вмешиваюсь, но дело в том, что час назад я спрашивала эту девочку как раз по истории Смутного времени, и она прекрасно ответила на все вопросы. Сейчас у нее просто припадок застенчивости, поверьте мне». Начальница улыбнулась и, обращаясь к Рае, сказала: «ну, Вугман, теперь ты будешь отвечать?» Рая вся расцвела в улыбке и стала быстро и толково отвечать на все вопросы. Мы очень подружились с ней, и с тех пор Рая каждое лето гостила в имении моей бабушки под Одессой, где мы все ежегодно проводили лето... Хотя я была в четвертом классе недолго, я успела познакомиться и подружиться еще с несколькими девочками. Как только я вошла в класс, я заметила двух маленьких черненьких, очень хорошеньких девочек. Они, будучи первыми ученицами, сидели на первой парте – вероятно как самые маленькие. У обеих кудрявые, черные волосы были завязаны сзади огромным черным бантом. Звали их Леля и Лиля. Они дружили между собой, хотя были совсем разные. Лиля – сама аккуратность, сдержанность и милая воспитанность. Леля – импульсивная, живая, восторженная, всегда чем-нибудь увлеченная, непоседливая. Она часто получала замечания за свое поведение. Понятно, что, когда Леля узнала про моего отца, бывшего каторжанина, и побывала в нашей семье, она очень ярко и сильно почувствовала новую для нее «атмосферу» нашей семьи. Ведь даже внешне наша обстановка, например, совсем не походила на обстановку тех квартир, где жила и бывала Леля. Леля была увлечена нашей семьей, воспринимала ее как что-то романтическое и очень интересное. Такое отношение легко понять, если учесть Лелину склонность к идеализации и ее изрядную детскую восторженность. Несмотря на эти качества, голова у Лели была устроена очень хорошо, благодаря ее незаурядным способностям к математике. Собственно говоря, единственное, что объединяло Лелю с Лилей – это их общее увлечение математикой. Учились они блестяще, и учителя пророчили им будущность Софьи Ковалевской. С годами восторженность прошла у Лели, она сильно изменилась, но надолго осталась неиссякаемая жизнерадостность и вера в людей. Хотя я не долго пробыла в четвертом классе, я успе-

ла, вместе с Раей, Лелей и Лилей подружиться с одной девочкой, которая, как очень высокая, сидела на последней парте. Нежное личико рафаэлевского ангела и легкие короткие золотистые кудри невольно обращали на себя внимание. Мы скоро почувствовали взаимное влечение и общность наших интересов. Как-то сам собой создался кружок, куда входила эта очаровательная девочка – Анночка Прендель, ее кузина, Леля, Лиля, Рая и я. Собирались мы в квартире профессора Пренделя, где читали вслух запрещенные главы из «Воскресенья» Толстого, в которых он высмеивает обряды православной церкви. Мы очень серьезно относились к этим чтениям и даже чувствовали себя как бы приобщенными к революционному движению в России...

Глава 5-я.

Наступил 1905 год. В Одессе среднеучебные заведения решили присоединиться к бастующим и требовать не больше и не меньше, как созыва Учредительного Собрания. Теперь это кажется неправдоподобным. Но все это было. Я лично пережила такие дни. Мама моя была выслана в Вологду за «участие в Потемкинских днях», папа бросил службу и ездил по югу России, как пропагандист. Я и брат Женья жили в Одессе с бабушкой (папиной матерью). У нас гостила ее дочь Ольга с детьми. Я очень дружила с моей молодой тетей и ходила с ней на сходки в университет, причем я одевала ее длинную юбку, а косу прятала под шапочку. Я была в 5 классе гимназии. Тетя не возражала против моих походов с ней. Я с увлечением слушала споры меньшевиков с социалистами-революционерами. Меньшевики мне запомнились поразительно похожими друг на друга – типичные интеллигенты, как правило, в пенсне или в очках. Большевики, по-видимому, не принимали участие в этой говорильне, а вели пропаганду среди рабочих. Я очень не возлюбила меньшевиков за их программу минимум и, главное, за пресловутые «отрезки» земли. Почему-то эти «отрезки» приводили меня в ярость.

Не помню, как мне пришло в голову, что я (будучи только в пятом классе гимназии) могу тоже принять участие в революционном движении. Я поделилась этой мыслью с тетей, и она ее одобрила. Мы, вообще, были с ней очень дружны. Тетя даже написала для меня прокламацию, призывавшую гимназисток откликнуться на события, происходящие в России и объявить в гимназии забастовку. Я отправилась на другой день в гимназию и там нашла мою приятельницу Шуру Чудновскую, сестры моей соученицы Нины. Она была уже в 8-м классе, и я хотела с ней посоветоваться. Оказалось, что старшие классы уже решили действовать. Она очень обрадовалась, что я берусь уговорить 5-й класс присоединиться к ним. Шура посоветовала мне подготовить девочек на переменах к мысли о необходимости забастовки. Я принялась за дело с увлечением. В тот же день, на большой перемене, я стала горячо убеждать соучениц, что мы не можем оставаться равнодушными, когда вся страна волнуется. Какая-то девочка спросила меня довольно сердито: «Какое тебе дело до всего этого, кто ты такая? Что ты знаешь про все это?» Я на минуту опешила, но быстро нашлась и сказала: «Я знаю очень много, я из революционной семьи. Мой отец народоволец, он еще в 80-х годах пошел на каторгу, и я родилась на каторге. Сейчас моя мать выслана за то, что ходила к матросам с броненосца «Потемкин». – Девочка замолчала. Потом я прочла им прокламацию, которая

кончалась приблизительно так: «будем же бастовать пока не созовут учредительное собрание! Долой классовых дам! Да здравствует свобода!»

Девочки были поражены и немного испуганы. Я не говорю о тех девочках, с которыми я была в дружеских отношениях, которые бывали у нас дома и сочувствовали революции не меньше меня.

Дня через два Шура Чудновская сказала, что она зайдет к нам в класс на следующий день в 12 часов и объявит, что старшие классы постановили бастовать. Я должна ее поддержать и призвать всех присоединиться немедленно к забастовке. Когда в назначенный день и час отворилась дверь и вошла Шура, я сидела на первой скамейке и писала сочинение, которое я раньше не написала по болезни. Сидела я прямо против учителя русского языка Ящурова. Тип это был довольно неприятный. Его проделки на приемных экзаменах характеризуют его. Когда я и девочка, с которой я впоследствии подружилась, Рая, держали вступительный экзамен в 4-й класс, он продиктовал такую фразу: «Ребенки прыгали, как телятки!» Некоторые, по наивности, написали так, как он сказал, и получили двойку. Я почувствовала западню, смутилась и написала: «Дети прыгали как телятки». Я получила четверку с указанием, что надо было написать «Ребята». Когда на устном экзамене я, пересказывая какой-то рассказ, сказала «ихняя мать», он грубо прервал меня, говоря: «Вы что, кухаркина дочь, что так выражаетесь?» Словом, тип был не из приятных и мы его побаивались.

Когда Шура вошла и заявила о забастовке, я мигом встала и с жутким чувством, похожим на то, когда окунаешься в ледяную воду, громко сказала: «Собирайте книжки и выходите из класса, мы должны поддержать наших товарищей». Учитель буквально окаменел и выпучил свои рачьи глаза. Некоторые девочки вскочили (я уже не говорю о моих близких подругах) и стали собирать учебники. Тогда слева от меня встала девочка Искрова (как я потом узнала – из очень богатой семьи) и, тоже громко, сказала: «Не слушайте Сухомлину, оставайтесь на своих местах, все эти события нас не касаются». Класс заколебался, поднялся шум, я увидела, что дело висит на волоске и вдруг, неожиданно для себя самой, буквально заорала не своим голосом: «Позор! Мы не предадим своих товарищей! Все вон из класса» и, схватив свои книжки, рванулась к дверям. Весь класс ринулся за мной. Выходя, я не удержалась и высунула язык, проходя мимо Ящурова, который не произнес ни одного слова и стоял, как в столбняке. Вырвавшись из комнаты, мы увидели, что из всех классов несутся девочки в зал и дальше, в раздевалку. Мы с победными криками промчались мимо нашей классной дамы и наткнулись в зале на начальницу С.И.Видинскую, величественную, но не высокую старуху, очень похожую на Екатерину II. Она пыталась нас остановить, но все, не обращая на нее внимания, лавиной катились вниз, в раздевалку. Кое-как одевшись, в дикой суматохе и давке, мы вырвались во двор к воротам, ибо выяснилось, что парадный ход закрыт по приказанию начальницы. Подойдя к воротам, мы с ужасом обнаружили, что они тоже закрыты. Тут началось нечто невообразимое. Мы колотили в ворота ногами и руками и дико кричали. Через несколько минут в нам на помощь пришли с улицы реалисты, которые уже объявили забастовку и ходили по гимназиям «снимать» учениц и учеников с занятий. Мы им сообщили через ворота, что нас заперли и не выпускают. Они начали лупить

в ворота с улицы, а мы со двора. Шум, гам стояли невыносимые. По-видимому, все это имело настолько угрожающий вид, что начальница решила выпустить нас и приказала открыть ворота. Нет слов описать с каким восторгом мы вырвались на улицу и присоединились к довольно большой толпе реалистов. Я, по-видимому, имела совсем дикий вид, - помню, что кто-то сказал мне: «Сухомлина, приведи себя в порядок, на тебя страшно смотреть». Коса у меня распустилась по плечам, жакетка была расстегнута, шапочка где-то на затылке. От крика я совсем охрипла и едва говорила. Не прошли мы и двух кварталов, как появилась полиция, часть ее была на лошадях, с шашками наголо. Лошадей я запомнила очень ярко, ибо со мной произошел маленький инцидент. Дело в том, что полицейские, сидевшие на лошадях, обливали нас чудовищной руганью.

Я не выдержала, остановилась и стала их стыдить. Один из них заорал: «А ну, скажи еще слово, и я возьму тебя на лошадь». Девочки, бывшие около меня, схватили меня и оттащили в сторону. Признаюсь, я сильно испугалась, ибо я боялась лошадей и никогда верхом не ездила. Мы продолжали идти дальше. К нам присоединились новые толпы девочек и мальчиков. Куда они шли, я теперь уже точно не помню, но, кажется, цель была одна – «снимать» учащихся других гимназий с занятий. Количество пешей и конной полиции тоже увеличилось. Следующее, что я помню очень ярко, - я очутилась рядом с моей соученицей Ниной Чудновской. Мою подругу Раю я безнадежно потеряла. В этой суматохе я мою соученицу Лелю тоже не помню. Итак, мы с Ниной взялись под руки и шли в довольно большой толпе реалистов. Полиция старалась все время разбивать нас на кучки...

Глава 6.

После Нового года наша забастовка кончилась, и, когда я немного поправилась, бабушка устроила меня в другую гимназию. Как раз против нашего дома была гимназия Пашковской, куда меня бабушка и отдала в 5-й класс. Все мои подруги тоже поступили в другие гимназии. Я была очень довольная, что попала в гимназию Пашковской, ибо там была, по-моему, самая красивая форма в Одессе – зеленая и синяя клетка (шотландка) – мечта многих девочек. Первые дни все шло мирно и хорошо, но скоро произошел скандал у меня с законоучителем. Дело в том, что революционная волна пошла на убыль: - прекратились митинги, демонстрации. Никто из учителей ни словом не упоминал о происшедших событиях. Кроме попа, который на каждом уроке что-нибудь да говорил про «преступную деятельность революционеров, чуть не доведших страну до гибели». Я промолчала раза два, а потом стала уговаривать мою соседку по парте, с которой я там подружилась (Надю Ф.), в следующий раз, если батюшка заведет такие разговоры, встать и выйти. Она согласилась. На следующем уроке священник опять завел свою волынку, причем прибавил новый вариант: «все эти революционеры, агитаторы сидят в своих кабинетах, а народ расплачивается своей кровью». Тут я встала и сказала: «Я протестую против того, что Вы говорите. И, вообще, никому из преподавателей не позволено говорить о политике. Почему Вам это можно? Если можно Вам, тогда пусть все учителя говорят о политике». Сказавши это, я направилась к дверям, за мной вышли Надя. После окончания урока, нас вызвали к начальнице. Там уже сидел священник. Начальница сразу набросилась на Надю: «Как тебе не стыдно,

ты из хорошей уважаемой семьи, всегда была отличного поведения и вдруг выкидываешь такую штуку. Сухомлину я не знаю, с ней будет говорить отец Михаил». Надя молчала. Начальница обратилась ко мне: «Я могу только посоветовать Вам сейчас-же попросить прощения у батюшки, в противном случае будут приняты строгие меры». Я мигом ответила, что не могу просить прощения, не зная за собой никакой вины. Тогда обратился ко мне священник. Тут произошел довольно длинный разговор в присутствии начальницы.

Сколько помню, я обнаглела совершенно и спорила со священником, нарочно не сходя с позиции чистого христианства. С первых же слов он сказал мне, что нахваталась крамольных идей и несу чепуху. На это я ответила, что действительно выросла в семье социалистов и впитала эти идеи с молоком матери. «Идеи социализма очень близки к настоящему христианству», добавила я. «Я надеюсь, что Вы согласны со мной в этом?» Он холодно ответил, что основная христианская добродетель – смирение и покорность. Я же возразила, что настоящий христианин прощает сам своих врагов, а не идет жаловаться начальству и не принуждает людей просить прощения. «Неужели Вы не понимаете, что я не могу просить прощения только из страха наказания, может быть даже увольнения из гимназии?» Батюшка, который уже был бледен, буквально позеленел, зрачки его маленьких светлых глаз стали, как две острые точки. Он был еще молодой, худощавый с не очень длинными волосами (новый тип священника). Он встал и, обращаясь к начальнице, сказал: «мне не о чем разговаривать с этой девочкой, она безнадежна» и вышел.

Начальница, довольно ласково, пыталась меня уговорить просить прощения, прибавляя все время: «Вы вынуждаете меня на крайние меры, которые мне самой неприятны.» Я продолжала стоять на своем, и, наконец, нас с Ниной отпустили домой. В раздевалке к нам подошли девочки старших классов и спросили, что произошло. Когда они узнали, в чем дело, они сказали: «держитесь твердо, мы вас обеих поддержим». На следующий день нас снова вызвали к начальнице. Там опять сидел священник. Начальница сразу сказала мне: «батюшка так добр, что он сказал – если Сухомлина попросит прощения, я прошу ее не наказывать.» Все началось сначала. Я повторила все мои аргументы, которые мне самой очень нравились. В основном я твердила: «как можно уговаривать меня сделать вещь, которую я считаю несправедливой, только из страха наказания!» Тут я добавила, специально для начальницы, что, по-моему, это просто непедагогично. Тогда уж начальница потеряла терпение и попросила меня удалиться, прибавив, что я пожалею, но будет поздно. В раздевалке нас окружили гимназистки, и я им сообщила об угрозе. Раздались голоса: «если вас уволят, мы объявим забастовку.» Поднялся шум, в раздевалку стали сбегаться девочки из разных классов. Все кричали: «Забастовка, забастовка, не смеют нас трогать». Я едва пробилась через густую толпу девочек и пошла домой. Дом был через дорогу, и я шла в глубоком отчаянии. Мне было больно и стыдно сказать бабушке, что меня выгоняют из гимназии. Бабушка с трудом меня туда устроила, заказала мне новую форму и только-только на днях заплатила за мое правоучение. Папы в городе не было. Мы все жили на бабушкин счет. Тетя Оля уже уехала.

Тут приходится рассказать об одном грандиозном скандале, который произошел у меня с бабушкой месяца за два перед этим. Я еще не училась в новой гимназии, и, как я говорила, все мы ничего не делали и посещали разные кружки. Был кружок по французской революции, другой по истории революционного движения в России, третий по философии – для выработки мировоззрения – и тому подобное. Бабушка все это терпела, но однажды она набросилась на моего брата Женю, укоряя его, что он бездельничает. Он, как всегда, молчал. Тут бабушка, будучи очень вспыльчивой, зарвалась окончательно и сказала: «Должна тебя предупредить, что я осмотрела твой стол и нашла в нем прокламацию, которую я, конечно, уничтожила. С меня довольно всего, что происходит в нашей семье». (Старший брат был арестован, мама выслана, папа разъезжал как агитатор). Женя продолжал молчать. Здесь я решила, что настал момент, когда я могу вмешаться. Трагикомизм положения заключался в том, что я уже около 2-х лет не разговаривала с Женей¹, и мое вмешательство было едва-ли уместным.

Прежде всего, я нахально заявила бабушке, что ее можно поздравить с новой ролью – жандарма. Потом понесла что-то о том, что не деликатно упрекать мальчика, который живет на ее счет. Словом, у меня был такой-же вспыльчивый характер, как у бабушки, и она всегда говорила про нас: «Нашла коса на камень». Мы, вообще, обожали друг друга, но у нас с ней нередко бывали отчаянные стычки. Этот скандал превзошел все, что было до сих пор. При нем присутствовала, кроме молчаливого Жени, моя подруга Рая. Мы с бабушкой наговорили черт знает что друг другу, и я наконец удалилась в свою комнату вместе с Раей, которая была убита и напугана всем до предела. В своей комнате я заперлась на ключ и сказала Рае, что здесь больше не буду жить, пока моя мама не вернется из Вологды. Через несколько минут постучала бабушка с требованием открыть дверь. Я ответила: «И не подумаю». Бабушка неистовствовала за дверью. Вдруг, о ужас! мы услышали звонок и голос папы, который, как всегда в последние месяцы, неожиданно появлялся у нас в квартире. Очень скоро в дверь опять постучали, и папа сказал: «Немедленно открой дверь!» Я ответила: «Скорей выброшусь из окна». Тут папа, видимо испугавшись и тоже прийдя в бешенство, страшно рванул дверь и сорвал ее с петель. Дверь была тоненькая, оклеенная обоями. Папа и бабушка буквально ворвались в комнату. Папа, увидя Раю, немного пришел в себя и сказал мне довольно спокойно, но очень холодно: «Ты, видимо, совсем сошла с ума, оскорбляешь бабушку, которая ничего, кроме добра, тебе никогда не делала, у которой на плечах все заботы о вас обоих. Признаюсь, не ожидал от тебя такой чудовищной несправедливости, не говоря уже о грубости.» Сказав это, он взял бабушку за руку и вышел с ней из комнаты. Рая сидела бледная и убитая. Я предложила ей уйти домой, но она сказала, что не оставит меня. (Она часто ночевала у нас). Так мы сидели с ней на кровати, в комнате с выломанной две-

¹ На лл.35-36 объясняется, что это последствия их первой – и последней в жизни – драки из-за того, кто первый будет читать принесенную Женей домой книгу, «второй том какого-то романа Диккенса, первый том я только что кончила» л.35; только уехав потом в Швейцарию летом 1906 г. они стали понемногу снова разговаривать: на тот момент Анне 15, Жене 17 лет.

рю и молчали. Постепенно, разговоры и хождение в квартире прекратились, и тогда я сообщила Рае свой план: я предложила дожидаться рассвета и тихонько выйти из квартиры на улицу. Походить по улицам, пока ее родители не проснутся, с тем, чтобы она пошла к ним и попросила их приютить меня до приезда моей мамы, которая должна была скоро приехать. Рая с восторгом согласилась. Все это мы проделали очень удачно, и в 9 часов утра я уже была у Раиных родителей, встретивших меня очень нежно. Они накормили нас обеих и уложили спать. Часов в 5 вечера пришел папа. Он долго уговаривал меня вернуться. Но я уперлась и твердо стояла на своем – до мамы я там жить не буду. Он попросил меня проводить его на вокзал, так как он опять уезжал. Мы расстались с ним друзьями. По-видимому, ему вся эта история была очень тяжела. Я прожила у Раи не более 2 – 3 дней, как мне пришлось сказать, что приехала моя мама. Я немедленно вернулась домой. При маме произошло объяснение с бабушкой. Моя мама, всегда очень сдержанная, сказала: «Мария Михайловна, Вы знаете, как я Вас люблю и уважаю, но я должна сказать, что Вы не имели права рыться в столе у моего сына. Ася, конечно, была неправа, и я надеюсь, что она попросит у Вас прощенья за свою грубость», Тут вмешалась бабушка и сказала: «Бог мой, какое прощенье, мы обе хороши, обе наговорили бог знает что, и я не знаю, кто из нас больше виноват.» Я бросилась бабушке на шею и мы заплакали, целуясь.

Вот какой скандал я пережила с бабушкой за два месяца перед историей с этим злобным попом. Вот почему я была убита и боялась, что вдруг бабушка упрекнет меня за легкомыслие, я не выдержу характера и опять понесу черт знает что. Я не решилась вечером сказать ей ничего. Я уже 2 дня скрывала дома, все, что происходило в гимназии. На другое утро я отправилась в гимназию, волнуясь ужасно. Я ждала, что при входе швейцар мне скажет, что я исключена или же в классе мне сообщит это классная дама. Но ничего не случилось. Прошли 5 уроков, и нас даже не вызывали к начальнице. Все девочки ободряли нас и говорили: «Ну, пронесло, вы обе остались». И, действительно, начальница, видимо, не решилась вызвать новую забастовку. Я и Надя продолжали ходить на занятия. Но на первом же уроке закона божьего, стало ясно, что поп меня не простил. Он вызвал меня и велел прочесть молитву за нашего государя-императора Николая II-го. Я знала ее на зубок и прочла так, что девочки только рот разинули. Я прочла ее дикой скороговоркой, без знаков препинания. Получилось – смешно. Он сказал: «Садитесь» - и поставил мне двойку. С тех пор почти на каждом уроке он меня вызывал и неукоснительно ставил двойку. Перед четвертью, классная дама отвела меня в сторону и ласково сказала: «ты уж как-нибудь постарайся, а то он тебе и в четверти поставит двойку». Я старалась, но безуспешно. Я получила двойку в четверти. (Что изрядно затруднило впоследствии мое положение, при сдаче экстерном выпускных экзаменов). Но зато больше ни одного раза поп не говорил на уроках о политике. К лету я опять сильно заболела. Плеврит, температура, кашель. Бабушка совсем потеряла голову и решила отправить меня, а заодно и брата Женю, в Швейцарию. «Хоть этих двух спасти» - твердила она. Ведь бедная бабушка много пережила из-за моего папы, который был в 80-х годах арестован, просидел 3 года в Петропавловской крепости, судился по делу Лопатина, был

приговорен к смертной казни, замененной 15-летней каторгой. Старший ее внук, мой брат Василий, как я говорила, был арестован. Немудрено, что она хотела отправить нас за границу, воспользовавшись моей болезнью.

ВЗРОСЛЫЕ О ДЕТЯХ: ДОКУМЕНТЫ

«Дети революции» 1905 года

1. Письмо директора Санкт-Петербургского третьего реального училища попечителю Санкт-Петербургского учебного округа от 8 февраля 1905.¹

Имею честь при сем представить Вашему Превосходительству рапорт о состоянии вверенного мне С.Петербургского Третьего реального училища за 8 февраля, который ежедневно составляется ко второму уроку.

Что касается хода занятий, то они идут своим обыкновенным порядком и решительно никакого волнения среди учащихся не замечается.

Директор *А. фон Гефтеланг* [?]²

2. Документы, отражающие беспорядки среди учащейся молодежи в г. Пскове

2 а) Письмо директора псковского Сергеевского реального училища Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. 5 февраля 1905³

¹ Со штампом Управл. С. П. Б. Уч. Округа от 8 февр. 1905, № 2149.

² ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235 «О прекращении занятий учащимися и других проявлениях возникшего между ними брожения и о мероприятиях к прекращению волнений и упорядочению занятий». 8 февраля 1905 г. – 18 августа 1905 г. л. 5. Подлинник. Машинопись. На бланке.

³ Со штампом Управл. С. П. Б. Уч. Округа от 7 февр. 1905. № 2143.

Сегодня 5 февраля ученики VI и VII обратились ко мне с просьбой собраться им в училище и обсудить их положение, создавшееся вследствие происшедших в последнее время прекращений занятий в высших учебных заведениях, вследствие чего ученики VII кл. лишены будут возможности поступить на будущий год в высшие учебные заведения. Что бы не остаться вне стен учебного заведения на будущий год, ученики решили обсудить вопрос о добровольном оставлении их на 2-й год в том же классе, прекратив теперь эти занятия. Я обсуждал с ними предложенные вопросы в продолжении 3-х часов и решил прекратить пока занятия в VI и VII кл. на неделю, дав возможность одним съездить поговорить к родителям, живущим сравнительно далеко, а другим, взволнованным забастовкой местных учебных заведений, спокойно обсудить положение. Завтра 6-го собираю совет, 9-го принимаю родителей в общее заседание.

Донося об изложенном Вашему Превосходительству, считаю долгом сообщить о примерном поведении всех учеников, из которых некоторые желают немедленно продолжать занятия. Во всех остальных классах занятия идут нормально.

Директор *Тишкевич* [?]¹

2 б) Газета «Псковский Городской Листок» о демонстрации Псковской молодежи 7-го февраля 1905 г.²

В продолжение нынешней войны, следуя примеру взрослых, и наша учащаяся молодежь интересовалась событиями на театре войны и привыкла к постоянному чтению газет, которые впоследствии приковали интерес учащихся и к разного рода общественным событиям, начиная с трагического падения Порты-Артура до событий последнего времени. Газеты приносили много известий, которые не могли не возбуждать молодежи. Тут прибавилась агитация извне, из столицы в форме разного рода писем, посланий, прокламаций, которыми молодежь старших классов учебных заведений примкнута³ к стремлениям и демонстрациям учащихся высших учебных заведений. Подобные приглашения были лестны для школьников; самолюбие поднялось, сознание пробудилось, что и он гражданин и обязан в пользу отечества проявлять свое мнение, высказывать свои взгляды, -- исполнять свой гражданский долг. Прочитав, что в столицах и некоторых губернских городах молодежь считала целесообразным забастовать и предъявить к учебному начальству разного рода требования, наша молодежь сочла себя нравственно обязанной с своей стороны высказать недовольство настоящими порядками под видом публичных демонстраций. Подпольная агитация неизвестных лиц старалась подлить масла в начавшийся пока скрытый огонь. Возбуждение молодежи замечалось уже с первых чисел февраля; дома много трактовалось нередко в присутствии самих родителей о дурных сторонах учебного и общего государственного строя. В иных домах сами родители своим пессимизмом возбуждали детей. Состоялись мелкие сходки для переговоров с учащимися других заведений, состоялось взаимное соглашение о совместных действиях для достижения нового учебно-

¹ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 21-22. Рукопись. Подлинник. На бланке.

² Демонстрация молодежи; совещания у губернатора и в учебных заведениях // Псковский Городской Листок, 13 февраля 1905. С. 1-3.

³ Т.е. наверно, «попытались примкнуть».

го порядка. Но к специальному школьному делу мало-по-малу примешивались обще-политические желания, искусственно привитые извне; волнение распространилось даже на некоторую часть учеников младших классов, которые поддались внушениям и тоже стали говорить об изменении государственного строя, о конституции и пр. Детский ум изложил себе все по-своему. «Мы требуем конституции» заявили дети одной народной школы. «Да, что такое конституция?» спросил учитель. – «Это то, что имеем право на мундир и такие блестящие пуговицы, как у гимназистов». В III классе одного учебного заведения заперлись мальчишки и ораторствовали о конституции. «Ты согласен требовать», обратился «председатель» по очереди к товарищам. «Да, но я не знаю, что такое конституция?» -- «Да и мы не знаем», присоединились к нему другие. Сам председатель не умел объяснить. Снарядили посла в IV класс, но и там неполне знали суть и значение конституции. Полагали, что конституции есть право отказаться от обучения тому или другому как из необязательных, так и из обязательных предметов. [...] 5-го февраля утром как и все другие лица, так и молодежь была сильно возбуждена ужасным известием об убийстве Великого Князя Сергея Александровича. Во всех школах толковали о прискорбном известии; о спокойном течении учения не могло быть в этот день и речи. В городе же разнесся слух: реалисты уже приступили к забастовке. 6-го февраля, в воскресенье было достаточно времени, чтобы условиться об общей демонстрации. По крайней мере в городе шли слухи, что на следующий день предстоят беспорядки. 7-го февраля во всех учебных заведениях начались спокойно уроки. Около 10 час. близ здания гимназии собралась толпа воспитанников учительской семинарии, ожидавшая выхода гимназистов. Из окна верхнего этажа гимназии последовало извещение «подождите 20 минут». В это время приехал начальник губернии, явились и чины полиции. Последовав увещанию губернатора разойтись по домам, толпа отступила в разные стороны, но несколько времени спустя после отъезда начальника губернии она снова собралась и усилилась отдельными сбежавшими из некоторых классов гимназии, реального и коммерческого училищ воспитанниками и направилась к Паганкиным Палатам¹ с пением революционных песен, при чем выкинула красный флаг. От Паганкиных палат² толпа учащихся направилась по Гоголевской улице, но, не доходя до Землемерного училища, была рассеяна главным образом собравшейся публикой, состоявшей из крестьян, извозчиков и рабочих, часть которой принялась даже бить демонстрантов. Заметив у одного из учащихся финский нож, полиция намеревалась обезоружить его. В это дело вмешался студент Петербургского университета З., уверявший, что полиция не имеет права арестовать ученика (которому в это время удалось скрыться). [...]

О происшествии распространились по городу самые нелепые слухи, злостно вымышленные. Рассказывалось, что демонстранты штурмом взяли запертую женскую гимназию и освободили девиц, которые присоединились к толпе и проникли в кадетский корпус, уговаривая кадет участвовать в демонстрации [...] Городское население, не зная хорошо, что действительно проис-

¹ Паганкины или Поганкины Палаты были построены Псковским купцом Сергеем Поганкиным в XVII веке; в 1900 г. здесь был организован городской краеведческий музей.

² Так, с маленькой буквы.

ходило, было в некоторой тревоге. Действительно, около 7 часов вечера снова начала собираться в разных пунктах центра города учащаяся молодежь. Вместе с тем появилось на улицах много любопытных, преимущественно торговцев, приказчиков и рабочих. Одна из групп молодежи устроила на площади около памятника Императора Александра II шествие с пением революционных песен, несением красных флагов и восклицаниями противоположительного характера. Последнее разгневало часть находившейся близ почтовой конторы публики, которая свирепо бросилась на демонстрантов, угощая их побоями. Случилась порядочная свалка; воспитанники бежали, рассеялись, за ними гнались рабочие и деревенские парни. Полиция старалась приостановить расправу публики; некоторым полицейским чинам удалось освободить из рук разъяренной толпы группу учеников, при преследовании спрятавшуюся во двор Разбегаева. В числе этой группы находились 6 гимназистов, 3 реалиста, 4 землемера и по одному воспитаннику из земледельческой школы и учительской семинарии. Во дворе дома Разбегаева, на темной лестнице, где укрывались воспитанники, найдены были брошенные ими: один кинжал, нож и три палки, одна из которых налита свинцом. [...]

Пригласив к себе прокурора окружного суда и начальника губернского жандармского управления, граф А. В. Адлерберг¹ в 11 час. вечера, вместе с ними, поехал в полицейское управление, где уже городской врач Бялоблочский произвел освидетельствование воспитанников. Иолита фон-Вольский лично убедился в правильности врачебного отзыва, что ни один из препровожденных в полицию воспитанников не оказался с серьезными повреждениями или поранениями; следы побоев у некоторых были видны. В виду обвинения полиции в жестоком обращении с демонстрантами, граф А. В. лично спросил в присутствии прокурора каждого воспитанника о том, не имеет ли он каких-либо претензий на полицию.

Ученики все единогласно заявили, что полиция их только защищала от натиска и свалки рассвирепевшей толпы, в чем был составлен протокол за подписями всех потерпевших, которые затем под прикрытием городских были отведены по домам. [...] Принимая дальнейшую участь молодежи близко к сердцу и в виду распространения по городу самых нелепых слухов, граф А. В. Адлерберг признал целесообразным созвать на общее совещание лиц местной администрации, представителей дворянства, города и земства, директоров учебных заведений и некоторых родителей потерпевших учеников для всеобщего выслушания всех заявлений о происшедших столкновениях и обсуждении мер, принимаемых для предупреждения подобных 7 февраля инцидентов.

Это совещание состоялось 8-го февраля. [...] Педагогический совет совместно с родителями пришел к решению, которое было сформировано г. помощником попечителя следующим образом:

Ученики гимназии должны с следующего за советом дня (8 февраля) аккуратно посещать гимназию; не желающие исполнять этого требования, как не желающие учиться, -- считаются выбившими из учебного заведения. [...]

¹ Адлерберг Александр Васильевич (1860-1915) – тогда псковский, а позже петербургский губернатор.

2 в) Псков в дни 18-19 октября 1905 г.¹

Получив телеграммою текст Манифеста Его Величества², Начальник губернии тотчас распорядился об отпечатании и рассылке Манифеста; в полдень уже весь город знал об издании манифеста, предвещающего новую политическую жизнь народа. Город украсился флагами и по улицам установилось весьма оживленное движение, особенно по распространении известия, что в здании Городской Думы будет собрание.

После обеда масса народа, состоящая большей частью из интеллигентной молодежи устроила демонстративное шествие с красными флагами; многие имели прикреплены к груди розетки и бантики красного цвета. Шествие совершалось совершенно чинно, при пении марсельезы. Демонстранты остановились на городской площади, где произносилось несколько речей, вокруг толпы демонстрантов собралось много публики, рабочие из мясных рядов, приказчики и др.; большая часть публики возмутилась несением красного флага и особенно же требованием демонстрантов, снять шапки перед красным флагом. «Мы только перед иконами снимаем шапки», кричали в толпе, которая нани [наверное, подавалась на них] вперед, чтобы захватить красное знамя. В то время какая то девушка, стоявшая у знаменщика, подняла камень и передала его ученику в форменном пальто с приказанием бросить в толпу антидемонстрантов. Это послужило несчастным поводом, к тому, что антидемонстранты в сильном раздражении бросились на всех, стоявших близ знамени. Последовала ожесточенная свалка, во время которой обе стороны потерпели ушибы, один же из демонстрантов был тяжело ранен [...] Вечером [...] толпа народа в 1500-2000 чел. шла по улицам с факелами, флагами и знаками национальных цветов на груди, при пении народного гимна несли впереди толпы большой портрет Государя Императора в вызолоченной раме. Местами толпа останавливалась, восклицала далеekorазносившееся «Ура» на честь Императора. [...] [Д]емонстранты и антидемонстранты, красные и трехцветные флаги покоились совершенно спокойно. Никаких бесчинств произведено не было.

2 г) В Псковской мужской гимназии³

Ученические волнения и беспорядки, охватившие, к сожалению, значительное число средних учебных заведений нашей родины, отразились и на нашей Псковской гимназии. Отношение учеников к своему делу, к своим наставникам и начальству с одной стороны зависят от агитации посторонних лиц, не гнушающихся для революционных целей пользоваться неустановившимся умом и чувством юношей и детей, а с другой стороны вина, несомненно, падает вообще на ненормальную постановку средней школы, нуждающейся в коренной реформе, а не в заплатах, какими являются временные правила и сотни самых разнообразных циркуляров.

2 д) Ученическая сходка в Пскове в декабре 1905 г.⁴

¹ Псковский Городской Листок. 23 октября. С. 3.

² т.е Манифеста Николая II, объявившего создание Государственной Думы.

³ Псковский городской листок. 14 декабря 1906. С. 2.

⁴ «Псковский голос». 14 декабря 1905. С. 7.

Гимназическое начальство запретило ученикам устраивать сходку без представителя от педагогического совета. Ученики не подчинились этому. Сходка состоялась, и как результат этого, явилось закрытие старших классов гимназий.

2 е) Письмо учеников Псковской мужской гимназии ученикам Псковского кадетского корпуса (ок. 19 декабря 1905)¹

От имени псковских гимназистов четырех старших классов выражаем свое негодование и презрение тем из учеников Псковск[ого]. кадет[ского] корпуса, которые отличились, как сыщики и жандармы. Стыд им и позор за их поступок по отношению к своим товарищам!

Требуем от остальных товарищей-кадетов, несочувствующих им, привлечь их к товарищескому суду и удалить, как сыщиков, из своей среды, иначе мы обратимся ко всей учащейся молодежи г. Пскова с предложением бойкота всех кадетов Псковского корпуса.

Институт старост Псковской гимназии

2 ж) Петарда в классной комнате Псковского Сергеевского реального училища²

Шалости наших учеников начинают не на шутку беспокоить и родителей и учебную администрацию. Так, 15-го февраля в реальном училище после 4-го урока раздался сильный треск. Оказывается, что кем-то брошена петарда, которая разорвалась в зале училища.³

3. Беспорядки среди учащейся молодежи в Царском Селе: Рапорт директора царскосельской Николаевской гимназии И. Ф. Анненского попечителю Санкт-Петербургского учебного округа о неприличном поведении гимназистов-старшекласников и о своем выговоре им 18 февраля 1905⁴

Сегодня, 18-го февраля, учебное время прошло без всяких приключений. В течение второго урока я побывал в каждом из трех старших классов гимназии и, в дополнение к разъясненному мною ученикам на их просьбу вчера, по-

¹ «Псковский голос». 20 декабря 1905. С. 7.

² «Псковский голос». 19 февраля 1906. С. 2-3.

³ Это были далеко не последние волнения среди учеников Пскова. Во время выпускных экзаменов (весной 1906) все было спокойно (и все выпускники гимназии, кроме одного экстерна, получили аттестаты зрелости – см. «Псковский голос». 1 июня 1906. С. 2). Но осенью опять начались тревоги: организация «конспиративной сходки» в реальном училище (см. Псковский голос. 20 октября 1906. С. 2), беспорядки в кадетском корпусе (Псковский голос. 3 ноября 1906. С. 3, 7 ноября 1906. С. 3). 24 ноября 1906 Псковский голос сообщил, что состоялась большая драка между реалистами, гимназистами и кадетами (с. 3).

⁴ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Лл. 97-98. Рукопись. На простой бумаге. Со штампом Управл. С. П. Б. Уч. Округа от 11 февр. 1905. № 2898. Анненский Иннокентий Федорович (1855-1909), преподаватель гимназии, классический филолог, теперь известный больше всего как поэт-модернист, автор сборников «Тихие песни» (1904) и «Кипарисовый ларец» (1910).

яснил учащимся, что меня весьма огорчило, что они обратились ко мне с неуместным своим заявлением, как оказывается, без ведома родителей; я просил их каждого чистосердечно переговорить по этому поводу с своими родителями.

Кроме того я им сказал, что, как бы ни была просьба неуместна, я серьезным¹ проступком обращение ее ко мне, как руководителю и наставнику, не считаю, -- но что² я безусловно недоволен шумом, происшедшим в ближайшую перемену и ставлю его на счет ученикам, которые ко мне приходили: если люди просят, так они должны готовиться к двум ответам – утвердительному и отрицательному, и оба принять сдержанно.

Сегодня настроение учеников смущенное, они как-бы сознают свою вину, (а иные ошибку). Седьмой класс, где я – классным наставником, объявил мне, что все они поголовно возмущены происшедшим и что из них, как оказывается, был у меня только один, да и тот, по-видимому, случайно; класс даже не знал о происходящем.

На четвертом уроке гимназию посетил Г. Окружный Инспектор А. Д. Мохналев, он был на уроке русского языка в 1-м отделении VI класса у преподавателя А. А. Мухина.

В половине 5-го урока была отслужена в присутствии наличных учеников и служебного персонала панихида по Императору Николаю Первому, согласно местному правилу, существующему на этот день с основания Гимназии.

Об изложении имею честь донести Вашему Превосходительству.

И. Анненский

18 февраля 1905 г. 3 часа по полудни.

4. Документы, отражающие беспорядки в средних школах г. Вологды, февраль-март 1905 г.

4а) Телеграмма от Директоров Вологодских мужской и женской гимназий и Реального училища Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа³ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ БРОЖЕНИЕ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ УСМОТРЕНО ОБЩЕЕ СОВЕЩАНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО ПЕРСОНАЛА И РОДИТЕЛЕЙ УЧЕНИКОВ ТРЕХ СТАРШИХ КЛАССОВ МУЖСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ПО ПРОСЬБЕ РОДИТЕЛЕЙ СЕГОДНЯ ДЕТИ ОТПУЩЕНЫ НА МАСЛЯНИЦУ НАСТРОЕНИЕ ТРЕВОЖНОЕ ДИОМИДОВ РЫНДИНА ЯНСОН⁴

¹ Слово «серьезным» вставлено.

² Слово «что» вставлено.

³ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 112. Телеграмма. На бланке. Микрофильм с оригинала. Со штампом Управл. С. П. Б. Уч. Округа от 23 февр. 1905. №... (не указан). С почтовой печатью.

⁴ Вследствие этого обращения ученики были распущены с 26 февраля до 1 марта, и 26 февраля был отправлен в Вологду Помощник Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (см. ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 113, л. 115). Там же, л. 201 хранится документ (без даты, без подписи), который очевидно является черновиком отчета По-

**4 б) Заявление группы родителей учащихся в средних учебных заведениях г. Вологды Помощнику Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа г. Латышеву
(не раньше 21 февраля 1905)¹**

Пользуясь пребыванием Вашего Превосходительства в г. Вологде, мы считаем себя нравственно обязанными высказать Вам наш взгляд на происходящие среди учащихся молодежи волнения, а также и пожелания относительно мер, которые следовало бы принять для успокоения как молодежи, так и родителей, глубоко заинтересованных в восстановлении нормального течения учебной жизни.

Прежде всего мы считаем необходимым остановить Ваше внимание на том обстоятельстве, что возбуждение учащихся носило крайне серьезный характер, достигший наибольшей интенсивности после получения известий об избиении в Курске учащейся молодежи.

Мы тем более считаем тревожное настроение учащихся очень серьезным, что оно было не мимолетной вспышкой после одного курского инцидента, а во первых, следствием целого ряда аналогичных событий в других городах, и, во вторых, следовали несомненно имевших место случаев нападений на молодежь со стороны неизвестных личностей в г. Вологде.

В течение² двух месяцев, как мы – родители, так и все начальники средних учебных заведений, находились под страхом этих нападений и принимали меры предупреждения, выражавшиеся, впрочем, только в рекомендации детям не показываться без надобности на улице.

Это положение мы можем подтвердить целым рядом фактов. Но когда возбуждение молодежи после Курских событий достигло наибольшей силы напряжения и грозило немедленно выразиться в уличных демонстрациях, мы, родители, бы вынуждены перейти к активному образу действий и обратиться к учебному начальству, чтобы своими силами принять меры к успокоению учащихся. Необходимость подобного акта была признана также и поддержана, сколько нам известно, и г. Начальником губернии.

Стоя близко к жизни наших детей, мы глубоко уверены, что только дружный отклик начальников учебных заведений на наше желание и только наше участие в широком обсуждении и внимательном отношении к заявленным нуждам молодежи, внесли некоторое, быть может временное, успокоение в ее настроение, устранив ближайшую опасность уличных демонстраций.

Совершенно бесспорно положение, что это успокоение внесли следующие принятые меры:

мощника. В нем отмечено, что начальники Вологодских школ не должны считаться виноватыми, Городцов «произвел на меня впечатление человека недурного, но неумного и невоспитанного». Причиной всему – действия политических провокаторов, «ученики подвергаются сильному натиску извне». «Сослаться на прокламацию, несомненно не ученического происхожде[ния, не стоит. Нужно] бережно и осторожно освободить их [от] этого влияния».

¹ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 205-206 об.

² Буква «е» поправлена.

1. Предоставление начальникам учебных заведений по соглашению с Губернатором возможности ученикам старших классов обсудить свое положение и донести об этом до сведения начальства.
2. Выражение родителям сочувственного отношения к заявленным учащимися нуждам, проявившееся в соответственных постановлениях родительских совещаний.
3. Обещание начальников учебных заведений родителям не прибегать к мерам наказания учеников за происшедшие события.
4. Постановление родителей обратиться к г. Попечителю Учебного Округа по телеграфу с просьбой о разрешении собрания выборных от учащихся в средних учебных заведениях без присутствия начальства.

Однако и в настоящее время для нас представляется совершенно ясным, что достигнутое в настоящее время некоторое упокоение поддерживается только сознанием учащихся, что родители о них заботятся и будут заботиться впредь совместно с учебным персоналом.

Поэтому мы считаем нравственной обязанностью засвидетельствовать и довести до сведения Вашего Превосходительства, что тревожное настроение учащихся еще не улеглось и требует к себе мягкого и осторожного отношения, которое только одно может гарантировать нас от нежелательных осложнений в жизни учащихся.

К сожалению мы должны констатировать, что в эту дружную работу учебного персонала и родителей резким диссонансом вошло отношение ко всем изложенным событиям и лично к ученикам некоторых преподавателей, из которых наиболее ярко охарактеризовал себя¹ преподаватель Реального училища г. Городцова. Его резкие публичные заявления на собрании нескольких сот родителей о мнимой раздутости событий, явным стремлением придать им политическую окраску, желание обвинить родителей в злонамеренном повороте учащимся, резкое и явно несоответствующее истине и тенденциозное освещение всех принимаемых мер к успокоению, наконец, вызывающее отношение его² к ученикам, имеющее место в настоящее время в стенах учебного заведения – все это способно внести новое возбуждение в начинающую умиротворяться жизнь учащихся и вызвать новые осложнения, грозящие неприятными для всех последствиями.

Между прочим, выражение отношений г. Городцова к текущим событиям можно найти в протоколе собрания родителей и преподавателей 21 февраля.

Ввиду этого, одной из необходимых мер успокоения мы считаем удаление г. Городцова (из Вологды)³ и не сомневаемся, что Ваше⁴ Превосходительство облечены достаточными полномочиями, чтобы сделать это немедленно.

Зная, что в среде лиц преподавательского персонала, кроме г. Городцова,⁵ найдутся лица, также не стоящие на высоте своего положения, мы,¹ для

¹ вычеркнуто «себе».

² слово «его» вставлено.

³ Скобки вставлены от руки.

⁴ Поправлено от «ваше».

⁵ Запятая вставлена от руки.

этого, чтобы жизнь учащихся вошла в нормальное русло и не имела в самой себе поводов к восторжению, считаем необходимым введение в достаточном числе в составе педагогических советов представителей от родителей, что несомненно придаст необходимый авторитет постановлениям Педагогического Совета и будет способствовать правильному течению учебной жизни.

Т. к. тревожное, подобно переживаемому, время является удобной почвой для возникновения вздорных слухов, мы считаем необходимым, чтобы начальники учебных заведений подтвердили по классам свое заявление, сделанное на Собрании

Родителей о том, что никто из учащихся не пострадает за все происшедшее² в настоящее время.

Вместе с тем мы остаемся при убеждении, что просимое телеграммное разрешение собрания учащихся старших классов всех средних учебных заведений, в лице их выборных, является совершенно необходимым для окончательного успокоения умов учащихся и пользуемся случаем подчеркнуть это наше убеждение и просить об удовлетворении возбужденного нами ходатайства.

Ввиду дошедших до нас слухов, что на будущее время предполагается допустить собрания родителей и преподавателей только по классам, а не по учебным заведениям в их целом, мы считаем необходимым высказать наше глубокое убеждение, что таким образом постановления собрания не могут дать ни каких либо осязательных результатов, ни необходимого им морально-авторитета, т. к. для нас несомненно, что решения родителей одного класса неизбежно будут парализованы решениями другого, вследствие³ случайности состава родителей. По-этому сделать какую-либо общую сводку разрозненных мнений не будет никакой возможности.

Вместе с тем мы считаем совершенно непонятным и неправильным исключение родителей учеников младших классов от⁴ участия в происходящих сейчас собраниях, т. к. эти родители нисколько не меньше заинтересованы в правильном спокойном течении учебной жизни.

Доводя об изложенном до сведения Вашего Превосходительства, мы в заключение считаем уместным высказать наше глубочайшее убеждение, что только немедленное принятие всех указанных нами мер может гарантировать полное успокоение учащейся молодежи и наступление нормального течения учебной жизни.

К этому необходимо присовокупить, что настоящее заявление не является выражением мнения только нижеподписавшихся, а составляет глубокое убеждение значительной группы родителей, вполне разделяющих высказанные здесь взгляды, но заспешностью дела не имеющих пока возможности скрепить своей подписью это заявление. Нижеподписавшиеся же лишь взяли на себя труд представить высказанные взгляды Вашему Превосходительству.

¹ Запятая вставлена от руки.

² Буквы с, ш поправлены.

³ Поправлено (от «вследствии»).

⁴ Поправлено (от «из»).

Окружный Инженер Вологодского Архангельского
Горного Округа В. Петров
Помощник Начальника Вологодского Управления
Земледелия и Государственного Имущества Балданов
Димитрий Николаевич Каменев, Вологодский Купец
[и три других]¹

4 в) Из Журнала собраний родителей учеников VI, VII и VIII классов Вологодской гимназии²

14 марта 1905 г.

[...] На этом собрании обсуждались желанья учеников, выработанных на прошедшем в гимназии собрании учеников трех старших классов.

I) Посылка телеграммы в Курск с выражением сочувствия Курским товарищам [...] выяснилось, что телеграмма не была³ послана, и присутствующие родители находят мысль о посылке ее легкомысленной и преждевременной [...]

II) Отмена надзора гимназического начальства за внешкольную жизнью учащихся.

а) Отмена обысков.

[...] [В] Вологодской мужской гимназии обысков не было, но в виду того, что они, по мнению родителей, вообще могут быть, то следует признать их нежелательными.

б) [...] Большинство присутствующих родителей высказались за отмену квартирных журналов [...].

в) [...] [П]рисутствующие родители высказали мнение, что желательно представить родителям свободу в выборе квартир.

г) Свобода посещения всяких общественных собраний, думских, земских, судебных заседаний, лекций, заседаний благотворительных обществ и др.

Вопрос этот вызвал оживленный обмен мнений между присутствующими в заседании родителями и членами педагогического совета [...]. 15 голосов высказались за сохранение старого порядка, т.е. за запрещение посещений всех собраний, а 14 голосов за разрешение посещения всех собраний с ведома родителей.

д) Право посещения театра без разрешения начальства.

Громадное большинство присутствующих родителей высказалось за предоставление ученикам право посетить театры без разрешения начальства.

е) Право сношения с кем угодно без разрешения начальства.

В виду того, что и в существующих гимназических правилах такого запрещения нет и в частности в Вологодской гимназии не приходилось прибегать ни к каким запрещениям, тот этот вопрос

¹ Подписи 3 других нрзб.

² ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 249-252 об. Рукопись. Копия. В заголовке сказано также, что собрания имели место «в присутствии членов педагогического совета».

³ Здесь и далее слова подчеркнуты карандашом.

согласно высказанному родителями мнению оставался без рассмотрения.

ж) Право¹ кружковых занятий с образовательной целью.
[...] [Ч]астные собрания с образовательной целью не запрещались до сих пор.

з) Право неограниченного пользования какими угодно пособиями. По мнению присутствующих в заседании родителей желательно предоставить ученикам пользоваться всеми книгами, дозволенными общему цензурою.

и) Необязательное посещение церкви независимо от места жительства. Присутствующие родители высказались за то, чтобы ученики живущие у родителей посещали церковные богослужения под надзором родителей и родственников, а ученики, живущие на частных квартирах и в интернатах посещали гимназическую церковь; по отношению к ученикам, уклоняющимся от посещения богослужений, следует применять только нравственные воздействия.

и) Представление пансионерам прав учеников, живущих на квартирах. Вопрос этот оставлен без рассмотрения в виду неопределенности. Да и вообще интернат по мнению родителей не может быть приравнен к частным квартирам.

к) Свобода в выборе одежды в внеклассное время. В виду того, что ношение форменной одежды имеет уравнивающее значение, присутствующие родители высказались за сохранение форменной одежды и в внеклассное время [...] [но] чтобы уклонения от ношения форм одежды не наказывались, если оно вызвано уважительными причинами.

л) Право ношения оружия в виду личной безопасности. По мнению присутствующих родителей вопрос этот следует отклонить в виду опасности, которую представляет вообще ношение оружия, а в особенности людьми молодыми и неуравновешанными.

Ш) Школьный вопрос.

А) Право иметь учащимся свои собственные литературные органы – журналы и устройство лекторий при учебных заведениях с правом составления каталога по выбору учащихся [...].

[У]ченикам и теперь не возбраняется иметь свои журналы с ведома начальства учебных заведений [...]. [Ж]елание [об устройстве лекторий] признано заслуживающим удовлетворения [...].

Б) Отмена наказаний вредных для здоровья и унижительных для человеческого достоинства [...]:

1) определение мер наказания для младших классов зависит от совместного собрания родителей, педагогического совета, врачей и представителей старших классов данных учебных заведений.

2) товарищеский суд для учеников 4-х старших классов гимназий.

Примечание 1) Недоразумения между учениками и представителями разрешаются совместным судом педагогов и учеников на равных

¹ Пробел в оригинале.

началах и в равном числе.

2) Отмена отметок по поведению; вместо этого дается характеристика ученика собранием педагогов, родителей, врача и представителей товарищей.

Отмена наказаний вредных для здоровья и унижительных для человеческого достоинства признана весьма желательной хотя в Вологодской гимназии таких наказаний не существовало [...]

[Пункты I, II и примечания] оставить без рассмотрения в виду их практической неприменимости [...].

С) Вежливое отношение педагогического персонала к учащимся.

Присутствующие родители признали вежливость в обращении весьма желательным, с тем, чтобы ученикам внушали путем нравственного воздействия такое вежливое отношение и к преподавателям.

Д) Устройство курительной комнаты для учеников старших классов [...] признано нежелательным, в виду вреда причиняемого организму курением, но многие родители высказались за устройство отдельной комнаты для 3-х старших классов, если будет позволять помещение, кроме того высказано было желание, чтобы лица, замеченные в курение не подвергались строгим наказаниям.

IV Прием во все высшие учебные заведения всех окончивших курс средних учебных заведений [...].

Вопрос этот оставлен без рассмотрения, как не касающийся гимназии, но вообще желательно прием во все учебных заведения всех окончивших курс средних учебных заведений

V Гарантия учащейся молодежи от произвола полиции и организованной ею, черной сотни [...] такая гарантия очень желательна [...]

VI Создание общей сходки учеников всех учебных заведений города Вологда [...]

Родители находят создание такой сходки излишней [...]

VII Выражение порицания лицам, поднимающимся темный народ на избиение учащейся молодежи, в частности священников.

[...] [В]ообще крайне нежелательно, чтобы люди не совершеннолетние высказали свои порицания, так как они могут увлекаться и считать за истину и не достаточно проверенные слухи.

VIII Представление учащимся права свободного заработка

[...] [Ж]елательно разрешить [...] но вместе с тем предоставить педагогическому совету право запрещать вредного в физическом или нравственном отношении занятия.

IX Отсрочка на год воинской повинности кончающим средние учебные заведения, каких бы лет они ни были.

[...] [Т]акая отсрочка признана желательной, чтобы успокоить учеников, окончивших курс, но в настоящее время ходатайство это признано преждевременным.

X Приглашение родителей учеников всех средних учебных заведений и всех классов на педагогическое совещание о сближении школы и семьи.

[...] [Т]акие совещания весьма желательны.

[Следует 20 подписей]
Директор И. С. Диомидов

4 г) Письмо товарища министра внутренних дел министру народного просвещения В. Г. Глазову по поводу беспорядков среди школьников в Вологде
28 марта 1905¹

Секретно

За последнее время в гор. Вологде среди учащихся местных гимназий, семинарий и реальном училище возникло некоторое брожение и по городу стали распространяться слухи о намерении воспитанников старших классов устроить противоправительственную демонстрацию, с избиением, будто-бы, даже должностных лиц. На ряду с этим сами воспитанники опасались, что подобно курским товарищам, они подвергнутся насилиям со стороны простонародья,² которое якобы уже подстрекал к этому в своей воскресной проповеди священник Лоцилов.³ Для успокоения воспитанников Губернатор лично посетил 21-го Февраля учебные заведения и убеждал воспитанников спокойнее.⁴ Однако воспитанники старших классов тот-же день настояли перед своим начальством разрешения им устроить сходку, которая тотчас-же состоялась в здании реального училища и отдельно в женской гимназии в присутствии высшего начальства этих заведений. Результатов этих сходок была посылка телеграммы в Курск с выражением сочувствия учащейся молодежи, затем формулирование порицания священнику Лоцинову за сказанную, будто-бы, им проповедь и Начальнице Женской гимназии за удаление учителя Ускова и составление нижеследующих требований: свободное избирание квартир, уничтожение квартирных журналов, уничтожение обысков, устройство курительной комнаты, вежливое обращение, образование товарищеского суда, уничтожение унизительных наказаний и наложение их не иначе, как по предварительному совещанию педагогического начальство с родителями и депутатами от старших классов, устройство читателен с более широким составом книг, уничтожение обязательного посещения богослужения, свободное ношение оружия, свободный выбор знакомств, свободное посещение театра, право ношения, в свободное от занятия время, партикулярной одежды, свободный выбор учебников и пособий, отсрочка воинской повинности на год для оканчивающих средние учебные заведе[ния,] непрременный доступ в высшие учебные заведения без различия вероисповеданий и национальности и т.д.

¹ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 226. Машинопись. Подлинник. Документ сопровождается письмом от Товарища Министра внутренних дел ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 225, в котором последний говорит «о крайней слабости начальства Вологодских средних учебных заведений, допустившего образование ученических сходок по поводу циркуляровавших в гор. Вологде ложных слухов о предстоящих насилиях над воспитанниками со стороны простонародья», и просит разъяснить, «в какой мере соответствует своему назначению начальствующие лица Вологодских средних учебных заведений».

² исправлено от «простонародия».

³ Подчеркнуто в машинописи.

⁴ Наверное, далее пропущено «вести себя».

Затем уже после этих двух сходов, депутатами от воспитанников мужской гимназии и реального училища было предъявлено новое требование о разрешении соединенной сходки с ученицами женской гимназии, не в присутствии начальства.

В виду такого беспокойного настроения учащихся, опасения которых за возможность быть избитыми простонародьем¹ во время уличной демонстрации разделялись также и их родителями, 21 и 23 февраля были устроены с разрешения Попечителя Округа² Совещания начальства находящихся в Вологде учебных заведений с родителями учеников и учениц; на этих совещаниях было решено, дабы предотвратить устройство учащимися уличной демонстрации, могущей вызвать озлобление против них со стороны простонародья,³ идти на встречу до пределов возможного всем требованиям учащихся и ходатайствовать по телеграфу перед Вашим Превосходительством⁴ о разрешении сходки не в присутствии начальства.

Такой образ действий, обнаруживший перед учениками все бессилие учебного начальства и всю⁵ серьезность тревоги, внесенно их требованиями в среду начальства, вряд-ли не повлечет за собою еще более настойчивые и дерзкие домогательства со стороны учащихся, и поддержание после этого среди учащихся, ободренных слабостью власти, какого-либо порядка станет конечно весьма затруднительным.

Об изложенном долгом считаю сообщить на распоряжение Вашего Превосходительства.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга

К. Рыздзевский

4 д) Посещение окружным инспектором г. Вологды (в январе 1906 г.)⁶

16 января в мужской гимназии присутствовал на уроках окружной инспектор Мохначев. В одном из старших классов он обращался к ученикам «выбросить из головы» все мешающееся занятиям, все «глупости» прошлого полугодия; и работать напряженно усиленно.

Многие ученики едва сдерживали улыбки.

4 е) Избиение вологодских учеников черносотенцами 1-го мая 1906 г.⁷

Накануне 1 мая в Народном доме состоялся митинг, на котором присутствовало много рабочих. Ораторы говорили о том, как празднуется 1 мая в Западной Европе; указывали[,] какое громадное значение имеет этот день, как смотр организованных пролетарских сил и призывали по примеру рабочих всего

¹ исправлено от «простонародием».

² Подчеркнуто карандашом, на полях вопр. знак

³ исправлено от «простонародия».

⁴ подчеркнуто карандашом, на полях вопр. знак

⁵ подчеркнуто карандашом, на полях галочка

⁶ Городская хроника // Северная земля. 19 января 1906. С. 3.

⁷ Городская хроника // Северная земля. 7 мая 1906. С. 1-2.

мира – забастовать на следующий день и выделить его тем или иным образом из среды обыкновенных рабочих дней.

Громадная аудитория шумно приветствовала ораторов: -- наши рабочие, уже не похожие на прежних рабочих, проводивших свой досуг пьяным, беззалаберным образом [...] сами уже задолго до 1 мая обсуждали вопрос о праздновании этого дня и даже делали кое-какие предпраздничные приготовления.

Главным предметом обсуждения – был порядок празднования первомайского дня, и здесь мнения ораторов разделялись. Одни предлагали устроить митинг в Народном доме, другие – во что бы то ни стало хотели устроить массовку за городом. [...] Этот вопрос не был окончательно решен собранием, хотя большинство мнений было на стороне первого предложения.

В Народном доме.

И на другой день – 1 мая, уже с 9 час. утра небольшая кучка рабочих и интеллигентов направлялись с одной стороны в загородный сад (лагерь), а с другой – в Народный дом, на митинг. [...]

На Гостиннодворской площади.

Был базарный день. В городе съехалось много крестьян. Надо заметить, что настоящих крестьян, хлебопашцев, было очень немного, и они, как выяснилось, не принимали участия в погроме. Большая часть приехавших были – деревенские торговцы и лавочники, явившиеся в город закупать товар к предстоящим майским праздникам.

Вот именно эти то крестьяне и были недовольны тем, что закрываются лавки и что они не могут сделать нужные закупки [...] Город к чему то готовился, чего то ждал...

С одной стороны – светлые, праздничные группы рабочих, предлагающих закрывать магазины и приглашающих всех граждан на свой мирный праздник, с другой – искаженный тупой злобой лица пьяных людей, потерявших человеческий образ. [...]

Средние учебные заведения, как семинарии, гимназии и др. уже прекратили занятия, и толпа молодежи направилась в Народный дом. Снова началось обсуждение – остаться ли здесь или идти в загородные лагеря. Один из присутствующих сообщил, что в загородном саду около полуторы тысячи товарищей ждут остальных, чтобы начать там митинг. Этого было достаточно, чтобы большая часть молодежи направилась в лагери.

Шли тихо – без песен и флагов. Ряды молодых увеличивались. В них уже были и воспитанницы местных гимназий, и дети-учащиеся всех школ.

На Гостиннодворской около магазина Мазалева виднелась толпа черносотенцев. При приближении учащихся они схватились за камни и палки. Молодежь остановилась на углу Благовещенской улицы и Гостиннодворской площади. Ее ряды начали быстро редеть; более трусливые и осторожные рассыпались по прилегающим улицам.

И только когда на площади осталась лишь небольшая кучка учащихся – только тогда с пьяным ревом ринулись черносотенцы на них. «Вооруженные вперед!» послышался чей-то молодой голос, но вооруженных среди молодежи оказалось всего два-три человека.

Несколькими выстрелами из револьверов они удержали на момент напор черной сотни, но только на один момент... Один из нападающих был ранен. В паническом ужасе разбежались учащиеся по всем направлениям.

Началась дикая, безобразная сцена избиения. Били всех без разбора и детей, и девушек. За маленькой девочкой из местной прогимназии бежало несколько человек. Летели камни и палки. И только благодаря вмешательству г. Копейкина бедняжке удалось спастись. Вообще г. Копейкин (местный торговец) по отзывам очевидцев вел себя героем. Он вывел из толпы маленькую девочку, ему удалось спасти и еще несколько человек учащихся.

Среди присяжных черносотенцев были и черносотенцы, претендующие на интеллигентность. Из последних особенно отличался начальник технического училища, который с железной палкой бежал за учащимися и немилосердно их избивал. Часть учащихся бросилось обратно к Народному дому.

Весть о избиении учащихся на Гостиннодворской площади поразила громом оставшихся там. Вести митинг при нервном состоянии собравшихся было невозможно, и организаторы митинга предложили публике расходиться. То же самое предлагала и собравшаяся наскоро милиция, не успевшая в должном составе прийти на помощь избиваемым¹.

4 ж) Решение учителей Вологды об отмене экзаменов и похвальных листов Май 1905 г.²

Собрание происходило в здании Успенского училища. Присутствовали – учащие городские и часть – из уездов. Собранием были рассмотрены и разрешены три вопроса: 1, -- об устройстве общей для всех низших школ города библиотеки; 2, об отмене экзаменов и 3. – об уничтожении похвальных листов.

Докладчиком по первому вопросу выступил В. И. Серов. Он ясно и определенно изложил свой взгляд на нынешние маленькие школьные библиотеки [...] Собрание большинством против одного высказался за устройство одной общей библиотеки. [...]

Собрание единогласно высказалось за отмену экзаменов [...]

Из небольшого, но прекрасного доклада об уничтожении похвальных листов, пред присутствующими выяснилась вся не только бесполезность, но и вредность их. С одной стороны похвальные листы возбуждают нехорошее чувство зависти, и гордость, хвастливость – с другой. К тому же – нередко награждается ими случайно отличившиеся на экзамене. Если и оставить награду, то в виде любимых детьми книг и награждать всех «на память о школе».

5. Из письма 14 марта 1905 г. начальникам школ Санкт-Петербургского учебного округа от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о распоряжениях Министра Народного Просвещения в связи с беспорядками в школах Российской Империи³

¹ Далее в статье следует описание пожара в Народном доме, зажженном черносотенцами, избиения интеллигенции, собравшейся там, и т.д.

² Собрание учащихся 19 мая // Северная земля. 24 мая 1906. С. 5.

³ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 120. Машинопись. Подлинник. На бланке.

Г. Министр Народного Просвещения циркулярным предложением от 4 текущего Марта за № 114, уведомил меня, что несмотря на происходящие в последнее время волнения и настоящие стремления со стороны врагов порядка к прекращению занятий в учебных заведениях, нормальное течение этих занятий в большинстве средних учебных заведений не нарушалось. Главную причину сего Его высокопревосходительство усматривает в дружной и единомысленной работе педагогического персонала этих учебных заведений, направленной к достижению важнейшей из тех целей, к которой должна стремиться деятельность педагогов и которая состоит в воспитании юношества в духе веры в Бога, любви к отечеству и преданности исконным началам русской государственности. Однако, к великому прискорбию, в последнее время имели место случаи уклонения некоторых лиц педагогического персонала от пути, ведущего к означенной цели. Такие уклонения не могут быть терпимы [...]¹

6. Письмо директора Пятой Санкт-Петербургской гимназии Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа (от 21 марта 1905) по поводу крамольного поведения гимназистов во время посещения Гимназии Попечителем²

По случаю глубоко опечалившего меня дурного поведения учеников VII-го класса вверенной мне гимназии, проявившего в день посещения Вашим Превосходительством гимназии, 17-го сего Марта, после 3-го урока (физики), честь имею донести, что я в тот же день сделал этим ученикам строгий выговор за допущенное ими неприличие; вместе с тем, я объяснил им, что, если они имели в виду просить чего-нибудь или жаловаться, кто-нибудь из них должен был предстать пред Вашим Превосходительством и в вежливой форме изложить желание или жалобу класса, и что доступ к Вашему Превосходительству им всегда будет открыт и никем не возбраняется.

Директор М. Янко

7. Письмо Министру Народного Просвещения Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о нападении на двух учеников Гимназии Императорского Человеколюбивого Общества от 26/27 августа 1905³

Директор гимназии Императорского Человеколюбивого Общества донес, что в день Светлого Христова Воскресения, 17 тек. апреля, воспитанники означенного учебного заведения Качевский Александр -- V класса -- и Степанов Владимир -- IV класса, проходя днем по Садовой улице, на Сенной площади, были остановлены выпившим субъектом, который с возгласом «А это гимназисты, бей их!» ударил Степанова в бок, после чего удалился.

У Степанова оказалось лишь разбитым часовое стекло.

Об изложении имею честь довести до свидания Вашего Высокопревосходительства.

Попечитель Адлерберг.⁴

¹ Далее следует о пользе родительских собраний и важности тактичного отношения со стороны классных наставников и т.д.

² ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 130. Машинопись. Подлинник. На бланке.

³ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10235. Л. 222. Машинопись. Подлинник. На бланке.

⁴ См. также документ на л. 247 того же дела (от мая 1905, точной даты нет): о ножевом

8. Письмо Директора Гатчинского Реального училища Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа о случае с учеником Гурьяновым¹
30-го минувшего марта ученик VI-го класса вверенного мне училища Гурьянов Орест, возвращаясь после окончания уроков из училища домой, увидел у ворот Приоратского парка агента тайной полиции и, обратившись к шедшему с ним товарищу Руманову, сказал: «это шпион; теперь здесь много шпионов».

Услышав эти слова, агент тайной полиции быстро с бранными словами подошел к ученику, схватил его за рукав и потребовал, чтобы находившийся также у ворот городской отвел его в полицию. Гурьянов предложил свой ученический билет для удостоверения личности, но городской позвал дворника ближайшего дома и поручил ему отвести ученика в полицию. После этого Гурьянов беспрекословно пошел в полицию, а дворник последовал за ним. В полиции записали фамилию ученика и отпустили его.

Донося об изложенном, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что означенный случай произошел недалеко от училища и через 5-10 минут рассказали об этом ученики-очевидцы. Я немедленно по телефону сообщил обо всем Полицеймейстеру г. Гатчины, который очень извинялся за неуместные действия городского и обещал расследовать все дело.

Директор И. Шатровский (?)

9. Письмо директора Санкт-Петербургской Третьей гимназии попечителю Санкт-Петербургского учебного округа (14 октября 1905 г.) о попытке учеников устроить митинг в помещении гимназии²

Сего 14-го Октября, после того как ученики были опущены из Гимназии, в 10 часов утра, в здание 3-ей Гимназии стала надвигаться толпа, главным образом из учащихся различных учебных заведений: гимназий, различных училищ казенных и частных, в том числе было много из учащихся коммерческих училищ, из толпы быстро продвинулось более 100 человек в вестибюль Гимназии, другие стояли на улице. На первой же лестнице я встретил эту толпу. На вопрос мой, чего они желают, получился ответ, «они ждут, чтобы здесь устроить митинг». В вежливой форме я просил их не делать этого, ссылаясь главным образом на то, что помещения Гимназии тесны и что здесь интернат, в котором ученики по преимуществу младшего возраста, спокойствие которых я считаю своим долгом охранять.

В толпе началось колебание и за тем голосование, куда им направиться, в Технологический Институт, или 2-ую Гимназию. Минут 20 спустя, начали расходиться. Оставшиеся же в вестибюле выкрикивали «директора». В это время я был во 2-м этаже, и к ним подоспел г. Инспектор, они просили его

ранении, нанесенном ученику 5 класса Гимназии Императорского Человеколюбивого Общества, когда тот возвращался домой с родителями в 3 часа ночи из театрального зала «Пальма» (который находился «на Вознесенском проспекте, против Казанской улицы»).

¹ ЦГИА-СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. л. 10. Машинопись на Министерском бланке с указанием Санкт-Петербургского учебного округа. Подлинник.

² ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10238. Л. 2. Машинопись. Подлинник.

передать мне, чтобы я отпустил старших пансионеров на митинг. Г. Инспектор на это дал им такой ответ: мы отпускаем пансионеров по билету только к родителям и направлять их на митинг не можем.

Этим все дело и окончилось. Толпа оставила Гимназию.

Директор Н. Козин (?)

10. Беспорядки в г. Грязовец (Вологодской губернии) в ноябре 1905 г.¹

В последнее время в Грязовце произошли события, которые раньше и не снились обывателю. Бастовали пекаря крендельных заведений [...] За крендельщиками потянулись местные приказчики, тоже пошумели, требуя полного праздничного отдыха и тоже успокоились, не достигнув никаких результатов. Самая упорная забастовка была у соборных певчих, которые потребовали прибавки к жалованью, но и эта забастовка окончилась победой соборного старосты и местного протопопа.

Гораздо больше успех имела петиция, поданная своему начальству учениками городского училища.

В петиции ученики требовали:

- 1) Права на участие в педагогическом совете при обсуждении поведения учеников [;]
- 2) Права собираться для суждения своих нужд в помещении училища, но без надзора со стороны педагогического персонала,
- 3) Предоставления для этого училищного зала.
- 4) Вежливого обращения с учениками.
- 5) Отмены обязательного посещения богослужения.
- 6) Отмены посещений учителями ученических квартир.
- 7) Разрешения ученикам пользоваться фундаментальной библиотекой.
- 8) Расширения ученической библиотеки.
- 9) Учреждения товарищеского суда чести.
- и 10) Права выписывать и читать в училище газету «Новая Жизнь».

Петиция подняла на ноги училищное собрание. Собрали родительское совещание. Пришли папаши и мамыши, хотели было свою власть показать, но потерпели поражение.

Два допущенные на совещание представителя учеников горячо и энергично отстаивали свои требования. Педагоги проявили по большинству вопросов уступчивость и вообще шли впереди родителей.

Петиция почти целиком была принята. Только в двух пунктах не уступили папаши и мамыши: первое, чтобы ученики обязательно в церковь ходили, и второе, что-бы начальство посещало ученические квартиры. «Помилуйте, Василий Васильевич (учитель) говорили папаши и мамыши, всегда приходите, мы очень рады даже будем».

Все эти события происходили в ноябре, что по нынешним временам выходит очень давно, а поэтому мы и не останавливаемся подробно на них.

ДЕТИ О СЕБЕ

¹ Письма из Грязовца // Северная земля. 14 января 1906. С. 1-2.

Сочинения Трофима Мехильченкова, I отделения II класса образцовой церковно-приходской школы¹

1.

Мое поступление в начальную школу. 1906 года 26 сентября

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я пожелал учиться и стал просить своих родителей чтобы они определили меня в школу. Время была осенняя, когда начали уже набирать мальчиков для учения. Родители согласились на мою просьбу и через день отец повел меня в училище. Как только пришли мы туда, отец объявил учителю про меня он тот час записал мое имя и фамилию в журнал, а потом веле идти мне домой, а через день приказал мне опять придти. На другое утро я опять отправился в училище. Когда я пришел туда, то там уже начинали служить молебен. Во время служения мы молились Всевышнему и просили у Него памяти и способности к учению. После службы священник окропил нас святою водою. Потом учитель показал место, где нам надо садиться. Мне пришлось сесть на второй скамейке вместе с знакомыми товарищами. После этого он познакомился с нами и показал как надо сидеть в классе, потом как надо ж держать² в школе, и на улице. Затем он бьяснил нам как надо почитать родителей, всех старших и вообще учителя. Таким образом я поступил в начальную школу и провел первый день.

2.

В праздничный день в деревне. 1907 года. 12 [ноября]

Каждый человек, окончивши последний день – рабочий, накануне праздника несколько как бы радуется, что наконец дождался день отдыха – полной свободы от работы³. Как только наступит праздничный день весь народ, кроме стряпух и детей, идет в церковь служить богослужение. Вместе с народом иду и я⁴.

Дома дети, которые не ходили в церковь, встречают своих радостно бегут к ним, желая какой-нибудь гостинец⁵. Когда собирется вся семья, начинают обедать. Во время обеда разговаривают, что было в церкви, как священник служит обедню, и что случилось дома. После же обеда одни идут в гости к соседям, если это пожилые, а если молодежь, то собираются где-нибудь на улице или на высоте и проводят время попусту. Остальные дома спят или хлопчат о домашних птицах и животных⁶. С поступлением же вечера вся семья собирается домой и снова готовится с бодрым духом и свежими силами⁷ к работе на следующий день. В праздник даже и животные как он радуются, также чувствуя, что и для них настанет день отдыха. Везде по улицам бродит народ, в

¹ РГИА ф. 803 оп. 16 д. 2339, лл. 1-2, лл. 30-30 об., лл. 34 об.-35. Рукопись. Подлинник. Местоположение школы не указано, по-видимому, где-то в Донской области.

² Т.е. держаться.

³ Здесь учитель зачеркнул последние четыре слова и вписал, «после долгой работы».

⁴ Это предложение было зачеркнуто учителем.

⁵ Учитель зачеркнул слово «гостинец» и вставил «подарок».

⁶ Эти слова зачеркнуты, вставлено: «о хозяйстве».

⁷ Эти 5 слов вставлены самим учеником.

рабочий же день напротив, на улице не увидишь ни одного человека без дела¹ бродящего.²

3.

Наша классная комната. Декабрь 1907

Комната³ наша находится на восточном стороне всего школьного здания, на краю. В эту комнату ведут две двери: одна с юга, другая дверь с запада ведущая в другие комнаты. Когда человек войдет, которому незнакома наша комната, то взор его невольно остановится на предметах, которых в обыкновенных комнатах нет. Прежде всего ему бросится в глаза кафедра – столик на особом возвышении и стул, где обыкновенно сидит во время занятий преподаватель. На западе от кафедры находится ученические столы. Цвет столов разный⁴ верхняя часть черная, а скамейка и нижняя часть стола желтого цвета. На стенах вокруг столов находятся картинка и географические карты, с целью науки. К югу от кафедры стоит доска из дерева, окрашенная в черный цвет. В этой же стороне находятся два шкапа с книгами. Один из них желтого цвета стоит возле двери и немного ниже другого, который стоит на восток от желтого шкапа и коричневого цвета. Дверки обоих шкапов верхние стеклянные и нижние деревянные. На восточной стороне висят два портрета – Государя и Государыни. Наконец, на северной два шкапа, один большой, а другой маленький висят.

Евгений Деммени. Стихи (1904 г.?)⁵

«Элегия»

За столом, где витает богатство,
Собралась большая семья.
Пышно зало. Нарядно убранство.
Льют рекою шампанское зря.
А в трущобе, на сгнившей соломе,
Без поддержки босая лежит
И вперед, ужасающим взором,
Тихо смотрит и сына манит.

Зезя

¹ После «без дела» зачеркнута описка – повторение «без дела».

² За это сочинение, ученик получил очередную тройку и замечание, «Мысли есть, но написано без всякого порядка.»

³ Учитель зачеркнул «комната» и вставил «классная».

⁴ Учитель зачеркнул, вставил «различный».

⁵ ЦГАЛИ-СПб. ф. 86 оп. 2 д. 12, л. 1, 2-3. Рукопись. Подлинник. Деммени, Евг. Серг. (1896-1969), режиссер, драматург и руководитель кукольного театра. В деле несколько стихотворений разных периодов (судя по стилю и по почерку), единственное датированное – «Чорт» (1913 г.). Первые могли быть написаны в 1904 г., когда Деммени участвовал в опросе детей, проведенном журналом «Задуманное слово» (см. вырезку, л. 19). Там он написал: «Я люблю книги о бедных детях» (для того времени стандартное проявление вкуса, как показывают и другие письма, напечатанные «Задуманное слово»).

«Кавказ»

Какая чудная картина,
Когда Кавказ передо мной
Сверкнул блистательной вершиной
Покрытой чудной пеленой
Куда посмотришь всюду горы
Казбек. Эльбрус. Машук гора,
Откуда серная вода
Берет начало избавляя
Людей немощных от их зла
Я век с тобой бы не растался
Каб не была бы в том нужда
Я бы природой восхищался
Благодаря за то Творца
Зезя

Из почтового ящика журнала «Задушевное Слово» (1906 г.)

1. Письма читателей «Задушевного Слова для младшего возраста»

Товарищи по «Задушевному Слову»! «Задушевное Слово» я получаю второй год, мне сейчас идет восьмой год. Журнал мне очень нравится, и я люблю вторник, когда его приносят. Многие приложения висят около моей кровати: портреты царей из Дома Романовых, Пушкина, Кутузова и дядя Том.¹ Летом я живу в деревне. У меня есть брат Левушка, четырех лет. Осенью я поступлю в школу, а эту зиму я училась с мамой и умею читать, писать, читать по-немецки, по-французски, знаю задачи из Евтушевского. В журнале мне нравится «Бичоджан». У меня есть маленькие книжки рассказов Гоголя с картинками, и мне нравится «Ночь под Рождество». Иногда мне папа читает смешные рассказы Чехова. У нас есть большая река Волга, и один раз я ездила на пароходе в Ярославль. Один раз я была в Москве и ездила на трамвае. Сама я пишу очень крупно, и потому это письмо пишет папа.

Зоя Матвеева
Рыбинск, Ярославской губ.

Милые товарищи по журналу! Я хочу с вами переписываться. У меня есть два кролика. Как мне их назвать? Есть тоже козочка, но не знаю, как ее назвать. Кто из вас знает как по-французски «кролик и коза»? Я знаю, потому что учусь с мамой.

Ляля Будный, 7½ лет.
Буск, Келецкой губ.

Дорогой Коля Лазарев! У меня нет коньков, потому что нет конька. Но зато есть собачка, которая называется Бантик, и две птички из породы колибри.

Сергей Шульц

¹ В оригинале «дядя Пом».

2. Письма читателей «Задушевного Слова для старшего возраста»

Дорогие товарищи! Меня, быть может, больше нежели других читателей заинтересовал исторический очерк о царице Агафии Семеновне, приложенный к «Задушевному Слову», потому что моя фамилия Грушецкий. Род, к которому я принадлежу – дворянский, и герб его совершенно похож на герб тех Грушецких, из которых происходила царица Агафия Семеновна.¹ Но наша семья отнюдь не считает себя состоявшей в родстве с царицею и даже до прочтения очерка, приложенного к «Задушевному Слову» никто в нашей семье не знал о существовании царицы по происхождению Грушецкой.

Я вполне согласна с мнением Ниллы Мисниковой. Я очень мало интересуюсь границей, но ужасно люблю Сибирь и особенно Амур. Я нахожу, что лучше Амура ничего не может быть. Я очень мало путешествовала по Европе, но на Дальнем Востоке была почти во всех городах. Теперь живу в Джамиде. В 120 верстах от Джамиды много приисков. Я была на приисках и с удовольствием опишу эту поездку. Привет всем читателям «Задушевного Слова».

Е. Федотьева.

Глава 3 «Школу должны строить учащие и учащиеся» 1910-1919

Во всех книгах по истории России события 1917 г. вытесняют все другие события 1910-х, но опять-таки в истории детства ситуация иная. Проживая февральскую и октябрьскую революции изнутри, дети часто на них реагировали не как на конец старого мира, но скорее как на некий всеобщий народный праздник. К тому же и другие «внешние события» -- прежде всего, начало Первой мировой войны – были для сознания детей крайне важными. Дети писали письма воинам на фронт, рисовали российские и австрийские войска, включая так называемые «аэропланы» и другие нововведения. Но с реформами образовательной системы 1918 года и введением так называемой «единой трудовой школы» действительно начался новый этап жизни. Робкие попытки поощрять инициативу школьников, предлагаемые планом графа П. И. Игнатьева в 1915 году, были заменены радикально новым видом «школьного самоуправления». Послереволуционные годы также были временем расширения числа т.н. «тотальных заведений» (total institutions) для детей, прежде всего – «детских домов» или, как тогда часто говорили, «детских коммун». Эпоха сводит воедино сословно различные миры детства. В отличие от старых

¹ Рядом с письмом приведена иллюстрация герба.

«приютов», функции которых, как считали, ограничивались опекой и образованием детей наряду с моральным (в частности, религиозным) воспитанием, новые «детские дома» были идеальными утопическими учреждениями, где дети должны были жить свободно и дружно, становясь примерным «сознательным коллективом» нового советского общества. Но на самом деле условия в них часто были далеки от идеала, не только в материальном смысле (хотя голод и разруха тех лет свирепствовали и здесь), но и в психологическом. Дети революции и ранних лет Гражданской войны, глубоко травмированные жизнью на улице, чаще всего плохо годились в «идеальные гражданские» нового советского детского микрокосмоса.

ВОСПОМИНАНИЯ

Сестра

Воспоминания М.А.Чеховой о Соне Чеховой, ее дочери (род.1901?)¹

Но на следующий год я вместе с Богдановской и Кроль поместила в газетах объявление, что предлагаем родителям объединиться для совместных занятий с детьми 6 – 7 летнего возраста. Ко мне в первые же дни явились 37 родителей, и мы устроили не одну, а несколько групп или, как тогда называлось, семейных детских садов, которые все объединились, и таким образом Соня явилась родоначальницей Петербургского общества Дошкольного Воспитания. Сонина группа состояла сначала из 18 человек. Было тесно и слишком многолюдно. Няня и я, мы ежедневно выносили из залы всю мебель и заменяли ее складным низеньким столом и маленькими пестрыми стульчиками кустарной работы. На стену вешали доску, и детский сад готов.

Ровно к 10 ч. приходила фребеличка тетя Рая, милая, добрая, ласковая скромная молодая девушка, которая так любила всех детей, а больше всех Сонечку. Она занималась с детьми до 12-ти, а в 12 ее сменяла я; мы с детьми завтракали, потом я учила их читать и писать по знаменитой тогда книжке Соловьевой и Тихеевой, в просторечии известной под названием «Вот Кот» – по первым словам азбуки. Учила я их в первый раз по американскому методу. Из 18 детей скоро осталось 12, а к концу года только 8. Кто уехал, кому оказалось далеко, кому высоко (мы жили а 4-м этаже), кому дорого. Но все дети научились читать и писать очень скоро, без всяких осложнений. Все был народ толковый и способный. Оставшиеся к концу года 8 чел. были: 1) Соня, 2) Ларочка Глаголева, 3) Юля Массалитинова, 4) Алек Богдановский, 5) Коля Петров, 6) Лева Соловьев, 7) Раичка Кроль и 8) мальчик Пенкевич. Но кто-то из двух последних уехал до конца учебного года, или Кроль в Сибирь, или Пенкевич за границу.

Позанявшись с детьми около часа, я отпускала их играть на свободе, а сама только следила, чтоб не было драк, ссор или членовредительства. Ссоры конечно были, но в общем они играли дружно и очень весело. Потом приходили родители и уводили детей, а Соня до обеда уходила гулять с няней. В 4 ч.обедали; после обеда мы с Сонечкой играли, читали и проводили время вместе до 8 ч., когда няня уводила ее спать, и я сперва никуда не уезжала до этого

¹ НА РАО ф.21 оп.1 ед.хр.500, лл.56-97. Рукопись. Подлинник.

времени. Но вскоре – в 1908-9 г. – я поступила в Педагогическую Академию, и тогда мне приходилось уезжать в 5 ½ часов и уже на весь вечер. Признаюсь, мне очень-очень было жаль наших мирных вечеров с Сонечкой, и я почти исключительно из-за этого на 2-ой год перестала посещать Академию,¹ хотя она меня очень интересовала. – Сонечке наука давалась очень легко. Она прекрасно все понимала, схватывала живо, передавала ясно и толково, прекрасно рассказывала, считала быстро и в арифметике обнаружила большие способности, память у нее была поразительная. Но лучше всего была ее декламация. Даже удивительно было слушать, как хорошо говорила стихи такая крошка. Помню ее первый публичный дебют. На елке, устроенной для Сонечкиной группы, вдруг, совершенно неожиданно для всех, когда дети стали говорить стихи, кто какие знает, Соня встала в позу и произнесла стихотворение «Черногорцы». «Совсем актриса!», - воскликнула Евгения Егоровна Соловьева. На следующий год наша группа, объединившись с другими, образовала детский сад при О-ве Дошкольного Воспитания, при чем мы сняли отдельное помещение и начали занятия с 25 детьми. В дальнейшем у нас было 50 детей, а потом 75.

Школа шла прекрасно, дети чувствовали себя великолепно, учительницы были увлечены своим делом; мы прокладывали новые пути в педагогике и ставили преподавание вне шаблонных рамок. Это было нелегко. Но путем естественного подбора вокруг школы собрался доброжелательный элемент, родители примкнули к нам и более или менее сочувствовали нашему педагогическому течению, а главным образом ценили наше сердечное отношение к детям. Сонечке было хорошо. Там нашла она выход всем своим творческим силам. Мои уроки русского языка были построены целиком на творчестве ребенка. Читали, правда, по книжке, но и только. Прочитанное перерабатывалось не путем механического пересказа, а путем драматизации, к которой часто примешивалась и импровизация; все иллюстрировалось детьми рисунками. Рассказывалось только виденное и испытанное, а рассказ прочитанного допускался только по собственной инициативе, и касался исключительно прочитанных ими на дому книг, содержанием которых они хотели поделиться с друзьями. Писали они сперва самостоятельно придуманные фразы в связи с уроком, а потом и маленькие сочинения, когда на заданную, когда на самостоятельную тему. Некоторые сочиняли стихи, из которых лучшими были Сонины. Они так увлекались этими сочинениями, что, соединившись с другой группой, любители словесности, которых еще нельзя было назвать «молодыми любителями», стали собираться через воскресенье для составления сборника своих сочинений. Этот сборник у меня сохранился. Конечно, в организации этого сборника руководящую роль пришлось принять нам, взрослым руководителям, мне и Настасье Николаевне Черновой, но на долю детей осталось достаточно. Соня написала в сборник два стихотворения и сочинение «Зима», ставшее очень популярным в нашем кружке, благодаря своему заключению. Мальчик Вася скучал в дурную погоду осенью; но вот выпал снег, Вася побежал кататься на санках и тогда он понял «что когда кончается одно хорошее, начинается другое».

¹ Т.е. на второй год пребывания в Петербурге (1909-1910).

По арифметике Соня занималась с Глаголевой, и дети все вычисления производили при помощи измерений, конкретного счета и пр. Это было собственно не уроки арифметики, а уроки элементарной математики; были интересны, живы, новы и дали детям прекрасную первоначальную подготовку, которая пригодилась впоследствии. По естественной истории дети проходили рассказы про животных, а весной им давались сведения по ботанике. Евг.Ег.Соловьева мастерски вела эти уроки, а тетради детей, где записывалось резюме бесед и где были великолепные детские иллюстрации, представляли собой оригинальный и ценный материал. Здесь, при иллюстрациях она впервые, между прочим, применила такой метод: она приносила маленькие вырезные картинки, изображающие то животное, о котором она рассказывала в классе; дети рисовали картинку, характеризующую природу и обстановку жизни животного и принесенную картинку наклеивали на соответствующем месте. По малости лет нарисовать животного они не сумели бы.

На уроках пения у них были, между прочим, уроки слушания музыки и ставились так называемые «музыкальные картинки», напр., катанье на катке. Дети сами устраивали обстановку катка, загородку, флаги, одежду сторожа и детей, а затем с пением разыгрывали сценку на катке из детской жизни. На уроках ручного труда они делали обстановку, костюмы, а затем разучивали музыкальную драматизацию какого-нибудь стихотворения. Ручной труд, рисование, лепка, конечно, давали много в смысле развития творчества.

Но интересно было, что наши преподаватели умели согласовать творчество с техникой и навыками. Сонечка 9 лет вынесла из школы навыки по рисованию, которых ей достало, как она говорит, до конца средней школы. Учительницей рисования и лепки была Александра Максимилианова Кюн, талантливая особа, уже пожилая и опытная, создавшая свою теорию и свой метод. Результаты были поразительные. Учительницей пения была Елена Михайловна Дервиз. Часы слушания музыки и музыкальные беседы вела Лившиц. Однажды ученицами одной музыкальной школы была поставлена в зале Кононова детская опера «Золушка». Зала была полна взволнованными малютками от 4 – 8 лет. Среди действия при появлении принца вдруг раздался высокий голос одного из зрителей: «Мама, это все настоящие короли?» По окончании пьесы, по просьбе организаторов все действующие лица в костюмах устроили под музыку шествие, чтобы дети могли их посмотреть поближе. Некоторые малыши трогали их пальчиком и спрашивали у родителей: «Это настоящие люди?» Оперная музыка вряд ли была доступна собравшейся публике. Между прочим, положительный фурор произвело на этом утре присутствие детского буфета, где за самую скромную цену можно было получить молоко, печенье, бутерброды, чай и гостинцы для детей.

Для старших был введен ручной труд по дереву. Преподавал его Соломин. Он строго держался системы и проводил так наз. «слайд». Соломин был талантливый сторонник слайда в школе. Гимнастику преподавала убежденная лесгафтичка Броун. Ужасно милые все были. К Браун я питала прямо нежное чувство. Помню, как она проводила ежедневную прогулку с детьми. Она вела обычно на большую прогулку для детей всех детей школы на плац I классической гимназии, которая была вблизи нашей школы. Когда собирались дети на

прогулку и когда они возвращались, организованность была полная. По моей инициативе введено было, чтобы старшие ребяточки помогали одеваться младшим, и она проводила этот принцип идеально. Она была редкая личность по цельности натуры, а потому и во всем, что она делала, была какая-то законченность, тоже редко встречаемая. Если прибавить сюда милую, нежную тетю Раю, для которой ее работа с детьми была культом, которому она служила, и вторую энергичную очень талантливую фребеличку Марью Львовну для младшей группы, которая ушла в работу от своего страшного горя – неожиданной смерти мужа, то картинка нашего коллектива будет полная. Нет, не полная. Для старшей группа существовала Елизавета Ивановна Тихеева, ныне знаменитая, а тогда еще довольно молодая, но уже со всеми задатками своей будущей работы. Она была суровая, требовательная, очень нервная, но глубоко честная и чрезвычайно прямая натура. Она подходила к нам с критикой, и недоверчиво ступала на наш, новый для нее, путь. Но не в ее характере было делать опыты, ошибки, колебаться и сомневаться. Опыты делали мы, а она брала из нашего опыта проверенное и имеющее успех и приобщала его в свою сокровищницу. Мы окончили опытами, она создала стройную, хотя и несколько отличную от нас теорию... Была еще молоденькая учительница французского языка, которая мило и живо «по-французски», хотя сама и русская, вела уроки с детьми, главным образом практически, на играх и песнях.

По воскресеньям кроме наших собраний для составления сборников, устраивались иногда лекции для детей, беседы с туманными картинками. Помню беседу о животных преподавателя Никонова¹ и лекцию о воздухоплавании Е.Е.Соловьевой, после которой старшие дети ездили со мной и Тихеевой за город смотреть, как пускали аэроплан и как он поднимался в воздух. Это было тогда еще свежей новинкой. На детей, да и на нас также, это произвело сильное впечатление. Вообще с экскурсиями у нас было слабовато. Уж больно малы были дети, а в Петербурге от всего далеко. У меня осталось в памяти наша первая прогулка с детьми в Летний сад, еще когда у нас была домашняя группа. Мы случайно набрали в нем на домик Петра Великого и пошли с детьми его осмотреть. Мы взрослые, поразились скромностью его обстановки. Для экскурсий незаменимыми членами были Глаголева и Бройде.² Перед Рождеством устраивали чудные елки с выступлениями детей, всегда интересными и оригинальными. Помню, ставился однажды «Зимний Сон», рассказ о том, как девочка во сне увидела, как она попала во дворец дедушки Мороза. Одна из старших девочек, Таня Алексеева, читала стихотворный текст, а дети с восторгом изображали пир в снежном дворце и пр. Декорации (апликации), костюмы, бутафория (кушанья) все было сделано детьми под руководством фребеличек. Однажды, по инициативе Глаголевой инсценировали с пением «Раз в крещенский вечерок». Как милы были дети в русских костюмах и как старательно они исполняли каждый свою роль, несложную роль: клал серьгу, вынимая ее из уха, или колечко с крохотного пальчика «в чашу с свежей водой».

¹ Известный в Петербурге преподаватель естествознания.

² Была экскурсия на стеклянный завод, в зоологический сад, но они были немногочисленны и захватывали лишь старших детей.

Еще у меня в памяти один вечер: Праздник Осени. Это был замечательно хороший праздник. Весь зал был декорирован осенними ветками и листьями; из них была устроена беседка. Дети сперва рассказывали маленькую статейку Ушинского «Осень» из Детского Мира. Говорили по частям, каждый понемногу: осень в природе, среди животных и у людей. Статейка была проработана всем классом, а потому и интересно было для детей ее исполнение. Потом шли стихотворения, тщательно подобранные и разученные мною с детьми и расположенные по известной программе от ранней осени до наступления зимы. В эту программу входили и хоровая декламация, и пение. Роль каждого ребенка была ему посильна и легка, и ансамбль получился замечательный. Никогда не забуду этого вечера. Сонечка, в костюме осени из ярко синей кисеи, с гирляндой осенних листьев на распущенных волосах, говорила свои стихи с большим успехом. А когда все кончилось, и дети уже порядком наигрались и наплясались, после чая вдруг они по своей инициативе вне программы стали всходить на маленькую эстраду под беседкой и опять говорить свои стихи. Сонечка тоже вошла и сказала, но не повторила те же стихи, как другие дети, а сказала совсем другие, но тоже про осень. Ей было тогда 7 л.

Полного единодушия, сговоренности, ансамбля в ведении детского сада не было. Было кое-что постороннее, кое-что новое недостаточно разработанное и обдуманное. Много нужно было такта, выдержки, незлобия и благодушия, чтобы вести это дело. Но оно всеж нас захватывало, это было вдохновенное дело, и мы, взаимно уступая, творили новую, хотя и несколько компромиссную школу. Но она отвечала потребностям момента и пользовалась большим успехом. В нее вложила я часть своей души, да и не я одна. Много из того, что мы создали и установили, вошло в жизнь и теперь уже сделалось азбукой дошкольного воспитания, а никто и не помнит, кроме нас, участников дела, чье безымянное творчество создало это. Кое-кто выделился потом – Тихеева, Глаголева, но все-таки в общем мы остались «бесславными борцами» ...

Из личных воспоминаний Сони Чеховой (г.р. 1901?)¹

Петербург – первое место, которое я помню полностью. От Твери остались две-три картинки в памяти среди как бы черного мрака, в Москве я уже помню себя, свои чувства, мысли, но мало помню окружающее: из людей тогда существовали для меня мама и папа, да еще отчасти мои дворовые подруги. В Петербурге я уже помню много, хотя хронологически я не смогу уяснить, что было когда.

Жизнь моя, главным образом, проходила в верхнем этаже квартиры, в нашей с Катей комнате, где на обоях были ландыши и стояла круглая зеленая железная печка, и в маминой комнате, где у окна стояло кресло – место, которое почему-то я считала принадлежащим Шуру, и забраться туда мне казалось всегда самым приятным.² Там, в этих двух комнатах, находились все мои иг-

¹ НА РАО ф.21 оп.1 ед.хр.500, лл.98-101об. Рукопись. Подлинник.

² Мария Чехова в своих воспоминаниях матери пишет, что в семье существовали забота и присмотр старших детей за младшими, когда каждому старшему назначалась его младшая «пара», а каждому младшему – его старший опекун. Эти пары становились особенно близкими друг другу. Брат Шура, родившийся в 1895 году, был «назначен» своей сестре Соне,

рушки, там мы играли с Шурой. Наверху еще был темный коридорчик, где стояла Шурина кровать и увлекательно интересные места, заваленные корзинами, пыльные и может быть потому чудесные – это темная комната, крохотное окно которой выходило на лестницу парадного хода и [на] палаты, балкончик над лестницей, ведущей в нижнюю часть квартиры. На балкончике стояли корзины, лежали узлы грязного белья, лазить мне туда не полагалось, но это было очень интересно.

Дверь из нашей комнаты в мамину была заставлена шифоньеркой, но ее можно было приоткрыть и в образовавшуюся щелку я могла пролезть. Обычно так и начинался мой день: я вылезала из своей кровати, с которой уже сняли сетку (я уже большая и не упаду), пролезала в щелочку к маме и забиралась к ней на кровать. Тепло, мягко. Папина кровать стояла по другой стенке, напротив, но я ее совсем не помню. Мама ласкает меня, говорит со мной, а иногда они разговаривают с папой, а я лежу тихо, тихо и слушаю какие-то непонятные слова и совсем неведомые вещи, о которых они говорят, пока не придет няня и не унесет меня одеваться.

Потом, после чая и после того, как все уходят, кроме мамы, я принимаю деятельное участие в том, как мама и няня перетаскивают всю мебель из залы в комнату Милы и Ани, как они расставляют столики и стулья.¹ Приходит тетя Рая,² приходят дети, и начинается совсем особая жизнь, деловитая, интересная. Мы клеим, лепим, слушаем беседы и играем в игры на тему бесед, которые придумывает тетя Рая.

Хорошо помню первый день в детском саду. Еще не было маленьких столов, и мы сидели все в столовой за одним обеденным столом, - было много, много чужих детей, несколько чужих мам и некоторым детям было очень страшно, но не мне.

Помню еще как-то к нам в детский сад приходила какая-то чужая тетя заниматься гимнастикой, и как я и еще одна девочка не захотели и забрались в заднюю комнату, где были сдвинуты стулья, диван, столы и куда, вероятно, кроме нас никто не смел бы пролезть. Тогда мне это не казалось плохим, а позднее я долго вспоминала этот случай с чувством раскаяния; мне все казалось, что это не благородно. Вообще, чувство, что надо поступать благородно, у меня тогда являлось очень часто. Помню, как однажды мы лепили с тетей Раей корзиночки из глины и в них клали вылепленные фрукты. Тетя Рая показывала, как надо у глиняной лепешки загнуть края, чтобы получилась корзинка, и у нее края оторвались. Я сидела рядом с ней и сказала: «Слава Богу, что не моя корзиночка». А тетя Рая: «Ты бы должна была пожалеть, что у тети Раи сломалась корзиночка», и все дети стали говорить: «Пусть бы это лучше моя была, пусть бы моя». Я тогда очень ярко почувствовала все неблагородство своего поступка, хотя в глубине души не очень поверила благородным заявлениям других детей.

Потом приходили няни и мамы и уводили всех детей. Позднее всех обыкновенно уходил маленький Яша. Помню, как уже совсем становилось темно, ранние петербургские сумерки прокрадывались в зал, где уже стояли по

появившейся на свет в 1901 г. Соня считалась «его» в семье Чеховых.

¹ Половину дня в их квартире был детский сад.

² «Фребеличка» в воспоминаниях матери.

местам и диван, и кресла, и фарфоровые фигурки на выступе печи и на зеркале, а маленькая, очень худенькая фигурка Яши все еще торчала здесь. Временами он даже начинал плакать. Играть мне с ним не хотелось, чувствовалась усталость от стольких дел, сколько мы успевали переделать в детском саду. Мне бывало его всегда очень жалко.

За обедом, когда няня зажигала над столом висячую лампу, и, стуча тарелками, накрывала стол, я видела всех. Это единственное время дня, когда я помню папу.

После обеда обычно Шура приносил шахматы и они играли с папой, а мне разрешалось забираться к папе на колени, тербить его за бороду, кормить конфетами и вообще всячески ему мешать. Иногда папа мне рисовал картинки – часового за будкой, молящегося монаха, кота спиной и прочие забавные вещи; иногда же целые сцены из жизни нашего детского сада, меня с кошечками, няню в виде трех кружочков с передником, тетю Раю с рожками (у нее в прическе по бокам торчали две роговые шпильки), Леву Соловьева в виде палочки.

После обеда мама мне часто читала, иногда же приходили девочки со двора, и мы играли в куклы, но думаю, что это было не часто, что-то я вообще их совсем не помню. Только помню, как одна из них разбила мне куклу, да еще один случай. Мы играли в темной комнате и почему-то зашел разговор о карманах. Одна девочка, кажется, ее звали Зина, стала божиться, что у нее кармана нет, а в конце концов оказалось, что ее карман полон бирюльками, которые она у меня стащила. Меня тогда поразило неблагородство ее поступка и главным образом не то, что она стащила бирюльки, а то, что она соврала, что у нее нет кармана, да еще побожилась.

Вероятно, еще до начала детского сада в первый год¹, может быть, и позднее, после того, как уходили дети или я приходила из школы, мы играли с Шурой.

Шура бывал почти все время дома. Он сидел обычно на мамином кресле и читал. Иногда он читал и мне вслух те книги, которые ему были интересны: путешествия, приключения, рассказы из журнала «Маяк». Потом мы играли в солдатики. У Шуры была крепость на зеленой картонной горке, с подъемными мостами, и его солдаты осаждали ее. Была еще интересная игра, которую мы часто повторяли. Вся комната представляла из себя море, и нужно было обойти ее кругом, карабкаясь по скалам и не наступив на пол. С кровати залезть на шифоньерку, оттуда на кресло, на стол, на папину кровать и на ручки двери, и переехать опять к маминой кровати. Коврик перед кроватью изображал корабль, и мы ездили на нем по всей комнате.

За все те бесконечные часы, которые Шура проводил со мной, я помню только один раз, как он меня обидел. Я играла со своими куклами в кресле и на окне, которые считались его, и ушла, не убрав игрушек. Когда я вернулась, то оказалось, что он собрал все игрушки и положил ко мне на кровать. Не знаю почему, мне это показалось так оскорбительным, что я до сих пор помню то чувство обиды, которое я тогда испытала. Я, кажется, тогда сильно плакала.

¹ Т.е. приезда в Петербург.

Вечером няня укладывала меня спать. Всегда под подушкой оказывалось что-то вкусное, или пряник, или конфетка, или яблоко, или кусок черного хлеба с сахаром. Спать укладывалась я очень долго. Раздевание всегда было связано с возней, смехом. У нас с няней был свой язык. Кофта у нас называлась туфля, полотенце – скрипушка, черный хлеб – шоколад, сахарный песок – зола, булка – пирожное и т.д.

Особенно приятно было укладываться после ванны, когда меня, чистенькую, разморенную теплой водой приносили закутанную в простыню в чистую, мягкую кроватку и поили молоком в кровати. Тогда и молоко, которое я вообще не любила, а особенно черный хлеб с сахаром казались мне особенно вкусными. Няня мне рассказывала сказки, все одни и те же, - про Матренушку золотой глазок и еще, но всегда одинаково интересные, не менее, чем те, новые из толстых книг с картинками, которые мне читала мама после обеда.

В комнате горела лампа на папином письменном столе, няня уходила, а Катя занималась. Так приятно было лежать в кроватке, видеть только край желтого круга от лампы на полу, зеленую печку в полумгле и слышать быстрое поскрипывание Катиного пера или равномерное бормотание загадочно-непонятных латинских слов, сладко-дремотно, мирно. Все дальше звук Катиного голоса, сливаются тени и полусвет комнаты, и я сладко засыпаю.

ВЗРОСЛЫЕ О ДЕТЯХ: ДОКУМЕНТЫ

Письмо от Председателя Общества попечения об увечных воинах, калеках и брошенных детях С-Петербургскому губернатору 25 июля 1913¹

За последнее время на Общество попечения об увечных воинах, калеках и брошенных детях в Канцелярию С-Петербургского Градоначальника поступают различного рода доносы, заключающие в себе [жалобы на] якобы нечистоту и неопрятность в имеющихся у Общества приютах.

Вследствие сего Совет Общества, в целях восстановления истины, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в Вашем распоряжении о командировании кого Вы признаете нужным лиц, для осмотра приюта на ст. Озерки по Финляндской жел. дор., по Выборгскому шоссе д. №

¹ ЦГИА ф. 254 оп. 1 д. 10180, л. 1. Машинопись. Подлинник. Запятые вставлены от руки. Сверху написано от руки: «Поручено Н. И. Демьяновичу провести ревизию».

18, и тем самым сняли бы с нас всякое нареkanie, восходящее со стороны общественного мнения.

[За подписями]

Председательница Общества

Баронесса

Энгельгардт

Вице-Председатель

Н. Нелавшин (?)

Член Правления

В. М. Смирнов

Секретарь Совета Общества М. Ермолаев (?)

Рапорт статского советника Н. И. Демьяновича о состоянии приюта Общества попечения об увечных воинах, калеках и брошенных детях¹

Во исполнение поручения Вашего Сиятельства я сего числа производил осмотр приюта Общества попечения об увечных воинах, калеках и брошенных детях.

Названный приют помещается в просторном особняке с вполне достаточным количеством воздуха и света; при нем в отдельных зданиях находятся: сапожные и столярные мастерские, лазарет, баня, прачешная и ледник. Все здания содержатся в безукоризненной чистоте, (в столовой столы и пол моются после каждого обеда и ужина).

Администрация приюта состоит из смотрителя и его жены, заведывающей хозяйственной частью приюта, учительницы, фельдшерицы, портнихи, кухарки, прачки и двух прислуг.

Детей призревается в приюте до 160 челов. в возрасте от 10 до 15 лет; все они имеют бодрый, сытый и здоровый вид, одеты все вполне прилично и чисто, некоторый недостаток, объясняемый ограниченностью средств, замечается лишь в обуви; белье как носильное, так и постельное меняют каждую неделю, каждую же неделю все дети моются в бане. Пища достаточная и вполне удовлетворительная, утром дети получают кофе с молоком и хлебом, в час – обед, состоящий из двух горячих блюд, в 4 часа – чай с хлебом и в 7 часов, ужин из одного горячего блюда; в праздник пища улучшается; на варку супа расходуется ежедневно до 30 фун. мяса или около, 1/3 фун. на ребенка.

При приюте есть школа, состоящая из 3 классов; дети в этой школе обучаются от азбуки до истории и дробей включительно, преподает учительница, и фельдшерица [обучает грамоте] при помощи двух дядек.

Познания детей я не проверял, так как это не входило в пределы данного мне поручения, но административно-хозяйственная часть приюта поставлена отлично: на каждом шагу и во всякой мелочи видны любовь к детям, самая нежная о них заботливость и умелая постановка дела – единственный недостаток которого отсутствие достаточных средств. Председательница Общества Баронесса Энгельгардт летом все время живет в приюте, а зимой приезжает еженедельно и проводит в нем все воскресенье.

Мальчики достигшие 16 летнего возраста, а очень часто и ранее, определяются Баронессою Энгельгардт или в мастерские, или же в торговые пред-

¹ ЦГИА ф. 254 оп. 1 д. 10180, лл. 4-5. Машинопись. Подлинник. Скобки и запятыя вставлены от руки.

приятия на особых условиях, обеспечивающих их от произвола хозяев. За этими детьми Баронесса имеет личное постоянное наблюдение, так что и по выходе из приюта дети не лишаются столь необходимого и благодетельного для них надзора и попечения.

Взрослых на призрении в приюте не оказалось.

Советник *Демьянович*

«19» Сентября 1913 года.

Дирекция Народных Училищ С-Петербургской губернии. Сведения о состоянии приютов со сведениями об учениках и ученицах [1912 – отчеты относятся к 1911 году]¹

*В деле в целом 19 отчетов от разных приютов, статистика прибывших, выбывших и оставшихся, информации о болезнях, успехах в школьной работе, о том, что случилось с воспитанниками после покидания приюта, и т. д. Особенно подробно рассказывает о жизни в приюте (хотя здесь нет информации о судьбах воспитанников после приюта) отчет о приюте **Елизаветы и Марии**, где было около 80 воспитанников.*

1. Главные виды болезней и где пользовались:

В 1911 году две воспитанницы были больны в легкой степени инфлюэнцей и лежали в Павловском Придворном Мариинском Госпитале.

2. Выдающиеся проступки детей.

У живущих воспитанниц замечено воровство, порча казенных вещей, ложь и грубость по отношению к старшим: хотя в этом году проступки эти реже повторялись, нежели в 1910 г. У приходящих тоже замечалось, но уже в меньшей мере.

3. Меры взыскания.

Возврат украденной вещи; в случае не нахождения ее покупка на свои собственные деньги. В случае порчи казенной вещи – новой не выдавалось тому ребенку. За неоднократную ложь, грубость и дерзость дети были лишены приема родных, или сладкого, или какого либо удовольствия, смотря по степени вины и раскаяния.

4. Причины пропуска детьми уроков.

Недостаток в одежи и обуви, а затем в большинстве случаев родители оставляют детей дома нянчить меньших братьев и сестер.

а) лень: 2

б) болезни Простудные – 5

в) семейная нужда (болезнь матери или отца, присмотр за младшими членами семьи и проч.)...

5. Годичные испытания были (месяц, число)

26го мая 1911 года.

6. Количество детей предназначенных к выпускному экзамену в 1912 году
7 (мальчиков) 3 (девочек) Воспитанницы (3) Сиротского отделения.

7. Особые явления в жизни приюта (посещение высокопоставленными лицами, юбилей, закрытие почему-либо приюта и др.)

¹ ЦГИА ф. 218 оп. 1 д. 1232, л. 6 об. Рукопись. На печатной форме. Подлинник.

Приют Елизаветы и Марии неоднократно было удостоено посещением Августейшей Попечительницы приюта Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Мавкрикиевны.

**О пособии приюту для малолетних преступников
(20 сент. 1911 г. – 25 авг. 1915 г.)**

1. Письмо Председателя Комитета С-Петербургского Общества Воспитательно-Исправительных Приютов в Санкт-Петербургскую Уездную Земскую Управу 19 сентября 1911 г.¹

Первый СПетербургский Воспитательно-исправительный приют для несовершеннолетних мужского пола помещающийся в собственном доме Общества за Нарвской заставой по Петергофской ул. № 8 имеет целью:

- 1) содержать до 85 мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет в виде меры пресечения, до постановления окончательного по их делам приговора суда. Задачу содержания в приюте этих малолетних является стремлению совершенно устранить содержание малолетних в полицейских частях, где они в общении с взрослыми подсудимыми, в праздности и в безнравственных пороках, получают первую подготовку к преступной деятельности;
- 2) содержать около 15 мальчиков отдаваемых в возрасте от 14 до 15 лет на исправление по приговорам суда.

Общее количество воспитанников рассчитано на 100 человек.

Источником для содержания приюта служат пособия из Тюремного ведомства, пособия из сумм штрафного капитала и пособия иных ведомств по особым о том ходатайствам Комитета Общества.

В этом приюте должны попадать малолетние до 17 лет обвиняемые в совершении проступков влекущих за собою для взрослых тюремное заключение как в Округ СПетербургского Столичного Мирowego Съезда, так и за пределами этого Округа по постановлениям СПетербургских Уездных Мирowych Судей. В большинстве случаев малолетние, совершающие кражи на окраинах и вблизи границы города, судятся также за подобные проступки и в городе. Было бы весьма печально, если бы охранение малолетних от содержания в полицейских частях имело место только при обвинении их в Округе столицы, если бы при совершении кражи за пределами Округа они помещались бы обычным порядком в полицейских частях.

СПетербургское Общество Воспитательно-исправительных приютов приобретаемая с указанною целью недвижимое имущество для приюта имело в виду удовлетворить полностью на первое время требования по предварительному задержанию малолетних. Если бы по опыту оказалось помещение недостаточным, то пришлось бы в ближайшем будущем возбудить вопрос о расширении приюта на больший комплект; наличность площади земли допускает такое расширение.

На приобретение и приспособление приюта Общество израсходовало все свои средства; остался только неприкосновенный капитал в сумме 3 ½ тысяч рублей. На приобретенном имуществе имеется долг в сумме 37.400 рублей, часть которого (11.400) под 10% годовых. Уплата процентов по закладным ложится очень тяжелым бременем на расходный бюджет приюта.

¹ ЦГИА Ф. 224 оп. 1 д. 909, л. 1-4. Рукопись. На бланке. Подлинник.

Так как в большей своей части приют Общества должен обслуживать нужды СПбургского Столичного Судебного Округа, то Комитет Общества Воспитательно-исправительных приютов и обратился в СПбургскую Городскую Думу с ходатайствами об отпуске капитала в 20.000 рублей в пособие на приобретение имущества и о назначении ежегодной субсидии. До настоящего времени приют был всего лишь на 25 человек и получал от города ежегодно из сумм штрафного капитала 3.000 руб.

СПбургское Уездное Земство не имеет своего особого Воспитательно-исправительного заведения и, как показывает опыт, гораздо правильнее земству субсидировать отдельные приюты, чем заводить один собственный; по причинам финансовым и специально воспитательным нельзя в одном приюте совместить все возрасты и все категории воспитанников.

В настоящее время в в СПбурге и его окрестностях мы имеем: 1) СПбургскую земледельческую колонию для мальчиков от 10 до 14 лет помещаемых по приговорам суда впредь до исправления но не далее 18 лет. 2) Первый СПбургский Воспитательно-исправительный приют для указанных выше двух категорий воспитанников и 3) Воспитательно-исправительный приют для девочек от 10 до 17 лет, отдаваемых до исправления но не далее 18 лет при поступлении в возрасте моложе 15 лет, и не далее 21 года при поступлении в возрасте старше 15 лет.

Предполагается еще устройство Воспитательно-исправительного приюта для мальчиков в возрасте от 14 до 17 лет. Этот приют устраивает Мужской Тюремно-Благотворительный Комитет, в 12 верстах от г. Павловска.

Комитет СПбургского Общества Воспитательно-исправительных приютов полагает, что СПбургское Уездное Земство является в значительной степени заинтересовано в существовании приюта Общества и может оказать Обществу пособие как на выкупе Обществом части лежащего на имуществе ипотечного долга, так и ассигнованием ежегодного пособия на содержание воспитанников.

Закон предоставляет Земству распоряжение штрафными суммами лишь для устройства арестных домов и только в силу закона 19 апреля 1909 до 20% ежегодного поступления этих сумм могут быть употребляемы земством на устройство и содержание Воспитательно-исправительных приютов. Кроме того по ст. 16 этого же закона земство имеет право из свободной наличности штрафных сумм выдавать на постройку и ремонт приютов единовременное пособие не свыше 20 тысяч рублей.

Если земство не расходует штрафные суммы по указанному назначению, то в силу примечания к ст. 13 Уст. о сод. под стражей Министр Юстиции обращает эти накопившиеся штрафные суммы на общие нужды по тюремному ведомству. Хотя примечание это и относится до неземских губерний, но примечательно к нему позаимствования Главного Тюремного Управления на общие нужды уже были совершаемы из штрафных сумм, состоящих в распоряжении земств и городов.

СПбургское Уездное Земство поэтому более оградит интересы местного населения, если оно использует предоставленное ему право на посо-

бие местным Воспитательно-исправительным заведениям из штрафного капитала.

Комитет Общества, на основании изложенного обращается к СПбургскому Уездному Земству с двумя следующими ходатайствами:

- 1) Выдать на основании ст. 16 закона 19 апреля 1909 г. СПбургскому Обществу Воспитательно-исправительных приютов пособие на уплату ипотечного долга Общества по приобретенному в собственность Общества недвижимого имущества по Петергофской ул №8 в том размере какой Земское Собрание признает по состоянию штрафных сумм возможным. Ипотечный долг общества равняется 37.400 рублей, на погашение части его испрашивается у СПбургской Городской Думы 20 тыс. рубля.
- 2) Назначить СПбургскому Обществу Воспитательно-исправительных приютов ежегодное пособие из штрафных сумм СПбургского Уездного Земства в том размере какой оно признает возможным, считая годовую стоимость содержания одного воспитанника около 300 руб.
- 3) Комитет Общества обязывается ежегодно представлять СПбургскому Уездному Земству отчеты Общества и наперед изъявляет согласие подчинять ревизии и контролю представителей земства расходование сумм получаемых от СПбургского Уездного Земства.

Обращаясь с настоящим ходатайством в СПбургскую Уездную Земскую Управу Комитет Общества просит Уездную Управу внести его со своим заключением на благоустройство Уездного Земского Собрания.

Приложение: Отчет о деятельности Общества за 1910 г.

Председатель Комитета *Николай А. Окунев*¹

Секретарь *Е. Чичагова*

2. Отчет С-Петербургского Общества Воспитательно-Исправительных Приютов за 1911 год²

Статистические сведения

476 чел. (число на 1 Января 1911 59, Поступило в 1911 476, Выбыло в 1911 г. 447.

471 поступили по определениям судебной власти, 4 по судебным приговорам.

Осуждены в 1 раз 18, в 2 3, в 3 1, вовсе не судились 454.

Возраст: от 10-11 11,

11-12 14

12-13 45

13-14 56

14-15 101

15-16 114

16-17 129

Неизвестно 6

Имели в живых обоих родителей 181

Полусироты 263

Сироты 23

Внебрачные 4

¹ Имя и фамилия восстановлены по Отчету С-Петербургского Общества... за 1911, стр. 3.

² СПб: Паровая тип. Л. В. Гутмана, 1912. ЦГИА ф. 224 оп. 1 д. 909, лл. 13-32. С. 16-20.

Неизвестно	5	
Городских жителей		362
Сельских	72	
Неизвестно	42	
Род занятий родителей		
Работали на фабрике, на заводе, в мастерской, в торговле		187
Были в услужении		159
Занимались земледелием		72
Род занятий детей до поступления в заведение		
Жили при родных	79	
Работали на фабрике или заводе, в мастерской, в торговле	186	
Были в услужении	112	
Нищенствовали и бродяжничали	15	
Православных 454, магометан 1 евреев 6		
Грамотность – грамотных 272, имели свидетельства школы 161		
[...] Проступки, совершенные воспитанниками в заведении в отчетном году		
Побег 55 (добровольно вернулись из побега 5)		
Покушение на побег 9		
Проступки против нравственности 16		
Неповиновение скопом 1		
Грубость старшим служителям	27	
Грубость младшим служителям	137	
Кража и покушение на нее	2	
Курение	337	
Непослушание и отказ от работы	112	
Обман и ложь	31	
Дурное отношение к товарищам	217	
Леность и небрежность	65	
Запрещенные игры	34	
Драка	98	
Нарушение благоговения в церкви и на молитве	2	
Шалости и беспорядки	228	
Умышленная порча предметов	173	
Прочие проступки	28	
<hr/>		
Итого.....	1572	
Выбывшие воспитанники		
Умерли.....	1 чел.	
Переведены в другое заведения...	13 чел.	
Переданы властям.....	33	

Отданы на попечение родителям
и под присмотр попечителей.....400[...]
Сколько времени воспитанник пробыл в заведении
Год и менее года 446
От 1 до 2 лет 1

3. Отчет Директора Санкт-Петербургского Общества Воспитательно-Исправительных Приютов за 1911 год¹

Работа воспитанников должна быть такого рода, что каждый вновь поступавший мог бы сразу приняться за нее; следовательно, она должна быть [не] очень сложна. В этом отношении клеение папиросных пачек вполне удовлетворяет требованиям, но, как и всякая принудительная неоплачиваемая работа, она исполнялась небрежно, приют терял давальцев работ и временно оставался без достаточного количества работы. Пришлось, в виде опыта, ввести вознаграждение за каждую склеенную тысячу пачек. [...]

С октября месяца отчетного года явилась возможность пригласить врача, для осмотра вновь поступающих и лечения находящихся в приюте воспитанников. Данные предварительного осмотра очень помогают большему выяснению личности поступающего воспитанника, дают возможность в будущем иметь в виду его особенности физического и психического склада. [...] Из 133 осмотренных воспитанников только 30 оказались здоровыми, остальные больными тою или другою болезнью, больше всего малокровием. В эти цифры не вошли воспитанники с признаками дегенератизма, которых также значительное число. [...] Всенощные, а также горячие беседы о Бориса о Христе, оставляют глубокое впечатление на воспитанников. [...] Не говоря о безразличном (в большинстве случаев) отношении к преступлениям, совершенным ими вне приюта, между собою у них не видно товарищеских отношений, -- один из главных проступков в приюте – дурное отношение к товарищам. К сожалению, большинство из них не считает проступком обидеть товарища слабее себя. [...] По расчету из всего числа содержащихся в приюте воспитанников бежало около 11%. При этом некоторые бежали по несколько раз. Сравнительно с другими воспитательно-исправительными заведениями процент не очень велик, но, принимая во внимание характер нашего приюта, надо сознаться, что число побегов должно бы быть меньше.

4. Отчет С-Петербургского Общества Воспитательно-Исправительных Приютов за 1913 год²

Краткие биографии воспитанников постоянного отделения, поступивших в 1913 году.

3. И. (без возраста, очевидно ок. 16) Сын проститутки (Тульской губернии); брошен ею семимесячным ребенком. Найден был на железной дороге (в валежном сапоге) чужою женщиной, которая воспитывала его до четырнадцатилетнего возраста. Жили бедно. Вопреки желанию воспитательницы, мальчик ходил по табачным и мануфактурным магазинам и ломал замки. Четыре раза был пойман и отдан под присмотр попечителя. На пятый раз приговорен судьей в

¹ СПб: Паровая тип. Л. В. Гутмана, 1912. ЦГИА ф. 224 оп. 1 д. 909, лл. 13-32. С. 22.

² СПб: Паровая тип. Л. В. Гутмана, 1914. С. 19, С. 22, С. 27.

приют. Скоро был освобожден. В течении 7 месяцев был контрольным мальчиком на пристани. Зимой учился в школе живописи; украл 37 рублей и скрылся, однако сам возвратился и был снова принят в школу, но с условием – если деньги будут возвращены. Половина украденных им денег уцелела и была возвращена, а другая часть уплочена из жалованья за работы в мастерской. Поссорился с хозяином и ушел. Ломал замки и воровал, за что был приговорен к приюту.

В. К. Крестьянин, малоросс, православный. Отец работает на железной дороге. После окончания школы работал с отцом, но скоро столкнулся с воришками, стал воровать и попал в приют. Мальчик с добрым мягким характером, развитой фантазией, хорошими умственными способностями, способен увлекаться. Любит помечтать иногда и поленился. Освобожден досрочно.

Учитель гимназии ударил ученика на уроке

1. Письмо Директора Санкт-Петербургской Первой гимназии Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 15 ноября 1911 г.¹

№2397

Донесение о случае,
описанном в №312
газеты «Речь» за
1911 год

С одним приложением

В №312 газеты «Речь» от 13 сего ноября помещена под заглавием «Дерутся» небольшая статья, касающаяся случая, происшедшего более двух недель тому назад на уроке заслуженного преподавателя Ф. А. Лютера в III классе вверенной мне гимназии. По содержанию помянутой статьи имею честь почтительнейше донести Вашему Сиятельству нижеследующее, в дополнение к докладу моему об указанном случае.

1) Более двух недель тому назад по окончании уроков ко мне явился ученик III^б класса пансионер Григорий Леонтьев и, очень смущенный, стал просить меня простить его за его дурное поведение на последнем уроке немецкого языка, обещаясь впредь исправиться. На соответствующий вопрос мой Леонтьев рассказал, что он в грубой форме отозвался о смерти германского императора Фридриха III, чем вызвал вполне заслуженный гнев преподавателя («Феодор Александрович очень рассердился на меня; я понимаю, что я был виноват» буквальные слова его). Не зная, что именно произошло на уроке, я успокоил мальчика и сказал, что переговорю с преподавателем о происшедшем. В тот день я преподавателя г. Лютера уже не застал в гимназии, а на другой день классный наставник III^б класса С. П. Леонтьевский передал мне со слов нескольких учеников вверенного ему класса, что г. Лютер ударил Леонтьева в классе по щеке. Факт этот, к сожалению, подтвердился, при чем обнаружилось следующее. На уроке немецкого языка шла речь о болезни императора Фридриха III. Ученик Тронов, сидевший на первой

¹ ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 12664 С.Петербургская 1ая Гимназия. лл. 63-64. Машинопись. Подлинник. На бланке.

скамье, засмеялся и, на вопрос преподавателя Лютера о причине смеха, заявил, что Леонтьев (сидевший за ним) рассмешил его, сказав, что «Фридрих издох». Леонтьев же уверял преподавателя, что им сказано было Тронову, что «Фридрих скончался». Видя, что Леонтьев не сознается в своей вине, г. Лютер подошел к нему вплотную и, взяв его за плечи, стал убеждать его сознаться в своей вине, при чем, в виду упорства Леонтьева, ударил его по щеке. Урок продолжался.

Около 5 часов того же дня г. Лютер явился в гимназию и вызвал пансионера Леонтьева, чтобы извинился перед ним за происшедшее на уроке. Леонтьев же, увидя же преподавателя, стал первый извиняться, говоря, что сказал Тронову не «скончался», а «испустил дух». Г. Лютер, со своей стороны, выразил сожаление по поводу происшедшего.

Узнав от классного наставника Леонтьевского о происшедшем, я беседовал по этому поводу с учеником Леонтьевым и г. Лютером. Первый никакого неудовлетворения против преподавателя не питал и признавал полученную им пощечину заслуженною, а г. Лютер выражал раскаяние в своей горячности и признавал свой поступок совершенно недопустимым. В этот же день г. Лютер выразил в классе сожаление по поводу происшедшего.

Что касается отношения других учеников класса к изложенному инциденту, то на другой день после изложенного случая они встретили г. Лютера при входе в класс молчалием вместо обычного приветствия, «Salve magister» (на уроках латинского языка) и «Guten Tag, Herr Lehrer» (на уроках немецкого языка), на следующий же день отношения стали обычными и продолжают быть таковыми до настоящего времени.

2) Ученик Леонтьев 13 лет, сын умершего окружного врача при С. Петербургском Дворцовом Управлении VI класса, доктора медицины статского советника Леонтьева, определен был матерью в августе текущего 1911 года из IV класса гимназии Гуревича в III класс вверенной мне гимназии пансионером. Мальчик живой, шаловливый, не всегда искренний, но прилагает старание вести себя хорошо.

Заслуженный преподаватель Ф. А. Лютер состоит на службе в С.Петербургской 1-й гимназии более 25 лет и, как по степени общего своего образования, так и по знанию предмета своей специальности (древние языки) и его методики и по педагогической опытности должен быть признан очень хорошим преподавателем.

Изложенное имею честь представить
на благоусмотрение Вашего Сиятельства.
Директор Ветнеке

2. Рассказ о конфликтах между учеником и учителем из газеты «Речь»

13 ноября 1911¹

В некоторых частях дерутся...

Дерутся, к сожалению, и в гимназических «частях», не только воинских. И притом, не в Чебоксарах где-нибудь, не в Ловице, а в «мозге России», на глазах газет и высшего контроля, -- в петербургской первой гимназии.

Урок немецкого языка в третьем классе. Мальчик переводит: «Фридрих испустил дух.»

«Не испустил дух, а издох,» поправляет его другой мальш Л.

Этой глупый, но чисто ребяческой выходки оказалось достаточно для того, чтобы привести в ярость преподавателя, и он тут же в присутствии всего класса отпустил мальшу Л. две звонкие пощечины.

Отвратительный сам по себе, поступок этот приобретает особую пикантность от некоторых побочных обстоятельств.

Ученик Л. живет в гимназии пансионером и, следовательно, вдвойне зависим от гимназического начальства. Отца у него нет, а мать не умеет, да и боится протестовать против оскорбления, нанесенного ей сыну.

Какое же продолжение имел этот некрасивый «инцидент», как мягко выражается в таких случаях? Было ли дано хоть какое-нибудь удовлетворение маленькому, назаслуженно-обиженному сердечку?

Да, извинение было, но извинялся не пылкий преподаватель, так сильно задетый непочтением мальчика к Фридриху а... сам потерпевший.

Мальчику пришлось *извиниться*² за то, что он был дерзок... Вот уж подлинно, «просты мене, моя мыла, що ты мене біла,» как говорят малоросы...

Впрочем, извинялся, кажется, и учитель перед битым им мальчиком но сделал это, во всяком случае, частным образом, не в присутствии его товарищей.

Случай для Петербурга, как никак, не обыденный, и по одному этому он не мог остаться неизвестным директору гимназии. Но директору даже прямо сообщили о происшедшем некоторые родители, дети которых учатся в этой гимназии.

Неизвестно, как посмотрел директор на дикую манеру «учить жестами», усвоенную педагогом, но о каком-либо обсуждении «инцидента» на педагогическом совете что-то не слышно.

А между тем, случай произошел уже более двух недель тому назад.

Мы намеренно опускаем имя этого невоздержанного педагога, хотя он — тезка одного великого немца, что само по себе обязывало бы к корректности. Но дело не в этом именно преподавателе и не в данном случае побоев — важно и грустно то, что еще и теперь в Петербурге «в некоторых частях дерутся».

**Письмо Управляющего Санкт-Петербургского учебного округа Директору Санкт-Петербургской 8-й гимназии о неприличном поведении гимназистов на Вербном базаре
8 марта 1913³**

¹ «Речь» 13 нояб. 1911. Вырезка находится в ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 12664, без номера листа.

² В оригинале расстановка.

³ ЦГИА ф. 17 оп. 2 д. 406 Переписка об учениках 1913 г. л. 17. Машинопись, копия.

С понедельника 1 апреля по воскресенье 7-го устраиваются на Малой Коношенной улице и на Конногвардейском бульваре так называемые «вербные базары», куда стекаются воспитанники средних учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения, которые ведут себя нередко крайне неприлично и обращают на себя своею распушенностью внимание.

Вследствие сего и имея в виду, что учебные начальства обязаны принимать все зависящие меры к регулированию внешкольного поведения учащихся, я прошу Вас, Милостивый Государь, откомандировать классных наставников, согласно приложенному при сем указанию, для наблюдения и принятия собственных мер, и прошу о всяком серьезном нарушении вежливости и приличия мне немедленно донести (Стремянная ул., д. № 11 кв. 6). Что касается оказания содействия со стороны местной полиции, в случае необходимости, то я войду заблаговременно в сношение с С-Петербуржским Градоначальником.

Список назначенных лиц прошу Вас, Милостивый Государь, доставить мне.

Управляющий округом *А. фон Гефтман*
Правитель Канцелярии *А. Лаурсон*¹

О результатах осмотра детского приюта в Кадникове

[из доклада В. Кутузова, конец 1918 г.]

«Доклад № 1»²

При осмотре мной *и*³ старшим инструктором *по* организации отделов при Кадниковском исполкоме приюта находящегося в Кадникове, что пришлось увидеть у детей в помещении где находятся дети. В помещении где находится четыре комнаты воздух отвратительный, в трех комнатах поставлены кровати и там дети ночуют, играют и обедают а в четвертой комнате помещается заведующая с надзирательницей. Дети находятся в ужасном положении: худые рваные волосы острижены⁴ *повыхватано ключьями* как овцы. Кровати стоят большие на которых дети спят по 2 человека, матрацы рваные *солома перетертая* простыней нет, одеял тоже нет и дети и покрываются разными лохмотьями. На заданный мною вопрос надзирательнице почему так плохо содержатся дети последняя отвечала, что тут⁵ *ище хуже было*, а относительно постельного белья, то раньше находилось в более худшем положении

¹ Директор ответил на этот призыв усилием надзора над учениками: см. там же, л. 18: «СПИСОК лиц, командированных от СПетербуржской 8-й Гимназии на «ВЕРБНЫЕ БАЗАРЫ» для наблюдения за воспитанниками.

В Понедельник 1-го Апреля 2 ч. – до 5 ч. классный наставник Борис Ефимович Соколов и помощник классных наставников Константин Николаевич Предтеченский.

В Пятницу 5го апреля с 2 ч. – до 5 ч. классные наставники: Сергей Михайлович Иванов и Яков Сергеевич Почека.

Директор».

² ЦГА ф.2554, оп.1, д.17. «Справка о числе учреждений социальной помощи на территории союза коммун Северной области. Доклады об обследовании учреждений соцобеспечения. 28 окт. 1918 г. – 8 авг. 1919 г.», л.205-205об. Машинопись. Подлинник.

³ Здесь и далее слова и фразы, вписанные от руки, приводятся курсивом.

⁴ Зач. карандашом «на голо».

⁵ Зач. карандашом «что тут их мамаш нет».

На вопрос наш надзирательнице сколько она служит, то последняя ответила, что 11 лет а есть-ли у детей какие-либо игры, был ответ, что особенных игр нет а так сами по себе играют на коридоре. И так по моему заключению дети просто представлены сами себе, которых ни чему не учат. По заявлению надзирательницы детей всего около 20 человек от 1-го года до 13 лет девочки и мальчики и служащие: 1. надзирательница, 1.заведующая, 1.няня, 2 прислуги, и все находятся при приюте. [...] Задав вопрос заведующему почему в таком паршивом помещении находятся дети, что, насчет обучения детей они *предпринимают* заявили прямо, что у них нет педагогов и нам их центр не даст, одежи и обуви у них тоже до сих пор не было а теперь достали полотна 1000 арш. и будут отдавать шить платье, а насчет порядка заявили, что Вы бы посмотрели в Вологде что творится в 100¹ раз хуже нашего, я сказал, значит и вы берете худые примеры и так поступаете, “нет” говорят у нас теперь куда лучше Вологодского. В провинции организации предлагают устроить несколько приютов и даже в Кокошиловской волости *и местном приюте* в котором постоянных призреваемых имеется 12 чел. а получающих обеды беднейшее население ежедневно около 30 человек. [...]

Краткий очерк деятельности совета при Комиссаре Социального Обеспечения за время с 1 июля 1918 г.²

[...] О вмешательстве в дела семей в случае жестокого обращения с детьми и эксплуатации их для нищенства [...] В виду того, что случаи жестокого обращения с детьми, а равно эксплуатации их для нищенства весьма не редки, Совет нашел необходимым принять меры к изданию соответствующего декрета о праве насильственного вмешательства Районов в дела семей, в которых замечены жестокое обращение с детьми и эксплуатация их для нищенства.

О детских судах [...] При комиссариате социального обеспечения учреждена особая комиссия по разбору поступков, совершаемых малолетними. Дети по приговорам Комиссии помещаются в особые приюты, которые организуются по прогрессивной английской системе. Для более взрослых имеется особый реформаториум. В виду того, что дети в совершенных ими поступках объективно не могут считаться виновными (т.к. виновно само общество и его уклад), но в то же время субъективно они совершают нехорошие деяния, ближайшей работой является такая постановка приютов для нравственно дефективных детей, которая смогла бы им дать возможность при вступлении в жизнь стать полезными гражданами.

О запрете попрошайничества на улицах [...] Признавая попрошайничество на улицах недопустимым в социалистическом государстве, Совет предпринял шаги к изданию особого декрета, запрещающего нищенство. Для борьбы же с попрошайничеством назначены следующие мероприятия: лиц, замеченных в нищенстве, решено препровождать в отдел Соц. Обеспечения Районных Советов, где должны быть решены вопросы о помещении нищенствующих в работные дома и богадельни и об отправки на родину не желающих работать.

¹ Подчеркнуто карандашом.

² ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2918, лл. 5 об.-6, 19 об.-20 об. Машинопись. Копия.

Вестник Комиссариата Социального Обеспечения (информационная и педагогич. части) от **20. 11. 1918**

О запрещении детям производства уличной торговли и посещения кинематографов

Признавая желательность запретить детям посещать кинематографы, т.к. последние по характеру демонстрируемых картин не всегда могут оказывать благотворное влияние на детей, а также производить торговлю ввиду того, что погоня за наживой и барышом воспитывает в ребенке дурные инстинкты, Совет вошел с этим вопросом в отношения с Комиссариатом Нар. Просв. и Труда для выработки соответствующих мероприятий.

Об учреждении детских коммун...

Советом одобрены практические организации детских коммун, целью которых является развитие в детях и юношах коммунистических идеалов. Таковых коммун назначено к открытию в Петрограде в двух местах: в бывшей Европейской гостинице и бывшем Вдовьем доме. Первая будет носить имя т. Ленина, вторая т. Зиновьева.

И. об. секретаря Совета

При Комиссаре Соц. Обеспечения С. Молчанов. 20. 11. 1918

Протокол № 33 заседания Пед[агогического] совета при Петр[оградском] гор[одском] отд[еле] Соц[иального] Обесп[ечения] 27 авг. 1919 года¹
[...]

Слушали «О побегах детей из учреждений и об отпусках из них».

Председательствующая К. И. НИКОЛАЕВА. За последнее время чрезвычайно участились побеги детей из учреждений. При этом персонал сам не знает о совершенном побеге, а если побег и обнаружится, то персонал все-таки не считает своим долгом оповестить родителей, районный отдел или центр. Когда же приходят родители и спрашивают где ребенок, то получают такой ответ: «Ваш ребенок убежал, но мы думали, что к Вам». Вообще часто воспитатели не знают, где их дети. Вот конкретный пример: когда нам пришлось посетить один приют, то вошла группа детей, заявившая, что они с купания. Между тем воспитатель не подтвердил этого.

Вопрос о побегах детей возбуждался на заседании Совета при Комиссаре 21 августа при чем было внесено такое постановление: «принимая во внимание участвовавшие случаи побегов детей из учреждений в большинстве случаев являющихся результатом крайней невнимательности к детям со стороны воспитательского персонала, признать ответственными за побег детей не только воспитательниц и Заведующих, но весь Педагогический Совет данного учреждения. Предложить Педагогическим Советам принять все меры к прекращению побегов детей».

Член Совета ДЕВЯТИН ставит в связь побеги детей с запрещением им отпусков. Дети потихоньку стараются видаться с родителями. Обычно воспитываемый под предлогом купить карандаш или еще чего-нибудь отправляется в условленное место, где и происходит свидание с родителями. Если же поче-

¹ ЦГА-СПб. ф.2552 оп. 1 д. 2918, лл.16-21. Машинопись. Подлинник.

му либо такие свидания не удаются, дети бегут и родители покровительствуют таким побегам.

Член Совета П. Д. СОКОЛОВ. Побег детей из учреждений можно рассматривать с двух сторон: 1) Отлучка, когда призреваемый через некоторый промежуток времени возвращается в учреждение и побег в тесном значении этого понятия, т. е. когда ребенок покинув учреждение уже не возвращается в него. Отлучка обычно вызвана скукой по родителям, тоской по вольной улице, по вольной волюшке. За побег к родителям и ответственности быть не может. Когда же дети убегают из учреждения совсем, то причины побега в большинстве случаев зависят от строя учреждения. Один мальчик пишет: «простите, что я убежал не посоветовавшись с Вами». Оказывается, ему было скучно и он отправился на работы в Самарскую губернию.

Товарищ председателя Профессор А. С. ГРИБОЕДОВ. Совет при Комиссаре уже обратил внимание на необходимость бороться с побегами детей из учреждений. Так как здесь выясняется, что одной из причин побегов является запрещение отпусков, следовало бы обратиться в Медицинскую Коллегию с предложением еще раз рассмотреть вопрос об обязательности запрета отпусков в смысле отмены такого запрещения[.] Сейчас указывалось на некоторые причины побегов детей. Со своей стороны укажу, что таковой является также желание детей покушать у родителей вследствие недостаточности питания. Что касается скуки, то она указывает на неправильную педагогическую постановку данного учреждения и ее надо устранить путем работ, чтения, туманных картин, клубных занятий и пр. Побег длительный вызывается часто не тем, что в учреждении плохо, а внутренним настроением воспитываемого или каким-нибудь обстоятельством его семьи его родителей. Так как выяснилось, что служебный персонал учреждений часто сам не знает об отлучке детей, необходимо установить в качестве обязательной меры, чтобы каждый уход воспитываемого без разрешения регистрировался. Кто должен принимать меры к розыску скрывшихся детей? Конечно тот персонал учреждения, из которого ребенок ушел.

В Обследовательском Институте Педагогический Совет проводит такую меру с драконовской строгостью.

Можно ли детям ходить одним? Конечно, можно. Ведь в школу дети ходят же одни. Отпустить на 2 на 3 часа можно, вполне спокойно. Затем должен отметить, что бегают из учреждений определенные группы детей. Некоторые воспитанники являются отлучниками, и это является следствием их моральной дефективности, вызванной или предшествующей беспризорностью или болезнью психопатическим состоянием.

[...] Член Совета тов. ХАРИТОНОВА. Что такое воспитатель? Он есть строитель порядка жизни учреждений и потому должен быть все время. Иначе как же дети будут смотреть на воспитателя, если он будет далек от них. В виду этого, я не согласна со взглядом, который высказала тов. Шабад. Что касается ответственности, то последняя заключается в том, что воспитатель должен знать, где в данный момент находится ребенок. В случае побега или вообще пропажи последнего воспитатель должен принять все меры и отыскать про-

павшего, иначе он будет не воспитатель, а просто регистратор. Ответственность на детей возлагается именно на воспитателя.

Именной список воспитанников, воспитанниц “Дома для нравственно-дефективных детей №1” (бывш. Нищенского Комитета), перешедших с 1-го Марта 1918 г. из ведения Особого Присутствия по призрению и разбору нищих в ведение Комиссариата Социальной Помощи, дела которых не разобраны¹

Имена, фамилии, лета, время поступления и документы	Отзыв воспитателя.	Примечание ²
АЛЕКСАНДРОВ Зосим 14 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 1069.	Характер озлобленный, проявляет постоянно недовольство, настойчивость в просьбах, носящих характер требований. Ленив, апатичен, но довольно разговорчив.	Оставить в приюте
АВДЕЕВ Владимир 15 л. приб. 18 авг. 1917 г. дело за № 807.	Довольно испорченный в нравственном отношении. Неоднократно бегал.	Бежал
АЛЕКСАНДРОВ Дмитрий 15 л. приб. 20 авг. 1911 г. дело за № 3040.	Послушный и исполнительный. Немного сварливый характер.	Бежал
АЛЕКСЕЕВ Михаил 16 л. приб. 30 июля 1917 г. дело за № 747.	Упрямый, лентяй и замечен был неоднократно в краже. Не хотел работать и учиться. Несколько раз бегал с уб. м. ³ и в последний раз не вернулся.	Бежал
АЛЕКСЕЕВ Федор 16 л. приб. 26 окт. 1917 г. дело за № 3803.	Непослушный и дерзкий. Забияка. Нечист на руку. Неоднократно бегал.	Бежал
АРТЕМЬЕВ Николай 16 л. приб. 21 дек. 1916 г. дело за № 938.	Хитрый и упрямый характер. Ленив. Непослушан. 2 раза бегал. Надежд на исправление мало.	Бежал
АПФЕЛЬБАУМ Артур 13 л. приб. 20 апр. 1917 г. дело за № 408.	Крайне испорченная натура. Несколько раз бегал из Убежища. Неоднократно попадался в кражах. Упрям, зол и страшно дерзок.	Бежал
АРБУЗОВ Дмитрий 12 л. приб. 20 сент. 1917 г. делоза № 2228.	Неоднократно был замечен в кражах. Шесть (6) раз бегал из убежища.	Временно отправлен в детскую колон. Изварь
АЛЕКСАНДРОВ Илья 13 л. приб. 10 нояб. 1917	Хитрый и дерзкий. Ленив. Предприимчив. Часто пытался бежать.	Скрылся

¹ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.33, л.51-63. Машинопись, рукопись. Подлинник.

² Все примечания заполнены от руки одним и тем же почерком.

³ Убежище для мальчиков. Части приюта, оборудованные для содержания мальчиков (девочек), назывались соответственно «Убежище» для мальчиков (девочек).

г. дело за № 1126.		
АЛЕКСЕЕВ Иван 10 л. приб. 14 мар. 1917 г. дело за № 119.	Упрямый, дерзкий и хитрый характер. Воришка. Надежд на исправление мало.	Скрылся
АНФИМОВ Николай 12 л. приб. 18 нояб. 1917 г. дело за № 1133.	Хитрый, упрямый. Воришка. Неоднократно бегал. Вполне испорчен.	Скрылся
АНДРЕЕВА Татьяна 13 л. приб. 26 авг. 1917 г. дело за № 669 б.	Очень тихая, замкнутая девочка. Ко всем относится с большим недоверием. Очень трудолюбива. Замечена была в небольшой краже, но из-за голода.	оставить в приюте
АЛЕКСАНДРОВИЧ Сара 15 л. приб. 3 нояб. 1917 г. дело за № 2774.	Очень испорченная и извращенная натура. Довольно откровенна. Привыкла к бродячей жизни. Несколько раз бегала. Очень вороватая.	бежала
АЛЕКСЕЕВ Николай 11 л. приб. 16 нояб. 1917 г. дело за № 926.	Способный и хитрый. Не ленив. Неоднократно бегал. Упрям и дерзок.	Оставить в Ремеслен. училище
АЛЕКСЕЕВ Дмитрий 13 л. приб. 16 сент. 1917 г. дело за № 927.	Способный, но ленивый. Наклонность к воровству. Хитрый. Сильно испорчен в нравственном отношении.	Скрылся
АНАНЬЕВ Петр 14 л. приб. 27 окт. 1917 г. дело за № 1033.	Мальчик тихий, как будто-бы тяготящийся прошлого (ночлежки, кражи). Довольно склонный к откровенности, но внушающий мало веры к его искренности. Ленив, малоподвижен.	Оставить в Ремеслен. училище
БАРИНОВ Федор 12 л. приб. 30 нояб. 1917 г. дело за № 1184.	Малообщителен, замкнут, безволен, исполнительен, но ленив, малоподвижен, у товарищей в пренебрежении, сейчас состоит в бегах.	Скрылся
БУЧИН Николай 14 л. 13 сент. 1917 г. дело за № 905.	Веселый, подвижной, болтливый, приветливый мальчик, почти всегда улыбается, неряшлив, ленив, но послушан.	Оставить в Ремесл. училище
БОГДАНОВ Михаил 15 л. приб. 16 нояб. 1917 г. дело за № 154.	Спокойный и тихий мальчик. Малоспособный. Послушный. В воровстве не замечался.	Сбежал
БОГОМОЛОВ Николай 11 л. приб. 24 окт. 1917 г. дело за № 1028.	Неоднократно бегал из Убежища. Хитрый, упрямый характер. Неоднократно была замечаем в мелком воровстве.	Скрылся
БОМБАРУЧКИН Иван 13 л. приб. 20 авг. 1917 г. дело за № 808.	Спокойный и хитрый характер. Ленив, упрям, дерзок.	Скрылся

БОЧАРНИКОВ Георгий 15 л. приб. 18 июня 1915 г. дело за № 2894.	Спокойный и предприимчивый характер. Испорчен в нравственном отношении. Неоднократно бегал.	Оставить в приюте
БАДАЕВ Михаил 16 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело за № 885.	Непослушан и упрям. Наклонность к дракам. Часто бегал. Ленив.	Скрылся
БЕЛОВ Георгий 14 л. приб. 30 дек. 1917 г. дело за № 1222.	Ленивый и малоспособный мальчик. Упрямый и непослушный. Неоднократно бегал.	Отдан на поруки согласно <неразб.> комис.
БОГИЧЕВ Владимир 12 л. приб. 25 июля 1917 г. дело за № 187.	Упрям. Способный. Часто бегал. Ленив. Дерзок. Сильно испорченный характер.	Скрылся
БОГДАНОВ Петр 12 л. приб. 16 сент. 1917 г. дело за № 928.	Тихий, спокойный. Послушан. Ни в чем предвзвездительном замечен не был.	Оставить в приюте
БУБНОВ Осип 11 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело за № 898.	Упрямый и ленивый. Шаловлив. Наклонность к дракам. В общем же поведения удовлетворительного.	Скрылся
БОРМИН Иван 12 л. приб. 18 фев. 1918 г. дело за № 30.	За кратковременное пребывание в уб. д/м. ни в чем предсудит. замечен не был.	Скрылся
БОГДАНОВА Иулита 13 л. приб. 21 мар. 1917 г. дело за № 2815.	Угрюмая, болезненная девочка. Очень упрямая. Ленивая и неподвижная. Периодами бывает груба до невозможности.	оставить в приюте
БАЛАШКИНА Мария 12 л. приб. 27 сент. 1917 г. дело за № 953.	Спокойная, прилежная девочка, но страшно упрямая.	оставить в приюте
БОГДАНОВА Ксения 15 л. приб. 23 окт. 1917 г. дело за № 829.	Извращенная натура. Любит побираться, невозможно вороватая. Любит бродячую жизнь. Груба и упряма. Несколько раз бегала.	оставить в приюте
БОГДАНОВА Евгения 14 л. приб. 23 окт. 1909 г. дело за № 5322.	Грубая, хитрая девочка и очень ленива.	оставить в приюте
ВАСИЛЬЕВ Василий 16 л. приб. 5 сент. 1916 г. дело за № 3776 б.	Наружно груб и дерзок, в особенности в присутствии товарищей. Приразговорах с ним наедине легко поддается влиянию. Ленив. Апатичен.	Оставить в приюте
ВАСИЛЬЕВ Николай 15 л. приб. 5 окт. 1917 г. дело за № 2705.	Упрямый, но способный характер. Ленив. Груб. Вредно влияет на товарищей.	Оставить в убежище
ВОЛОКУШИН Алек-	Грубый, ленивый.	Почти все

сандр 15 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело за № 866.		время проводит в больнице
ВЫШИНСКИЙ Александр 12 л. приб. 2 нояб. 1917 г. дело за № 1075.	Ленив, бегал из приюта. Флегматичен.	Скрылся
ВЕСЕЛОВ Дмитрий 13 л. приб. 3 нояб. 1917 г. дело за № 1074.	Поведения приличного, ленив, грубоват, был два раза в побегах.	Скрылся
ВОЛКОВ Валентин 13 л. приб. 24 дек. 1917 г. дело за № 1135.	Послушный, спокойный, побегов не совершал, учился прилежно, но работать ленился.	Скрылся
ВАСИЛЬЕВА Мария 16 л. приб. 27 июля 1917 г. дело за № 631.	Угрюмая, дерзкая и истеричная девочка, но легко поддается на уговоры. Тяготится жизнью в приюте, т.к. до него работала на фабрике и привыкла к самостоятельной жизни. Зам. в круп. краж. и ряд. мелких.	оставить в приюте
ВАСИЛИЙ 9 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело 24 за 249.	Тихий, послушный характер. Полуидиот. Ничего не может о себе сказать.	Времен. отпав. в детскую кол. Извары
ВИХТ Александр 15 л. приб. 27 сент. 1917 г. дело за № 954.	Болезненный мальчик, проводящий почти все время, то в лазарете, то в больнице, в крат. свои пребывания в Ремесл. учил. ни в чем предосудительном замечен не был.	Оставить в Ремеслен. училище
ГОЛУБЕВ Владимир 12 л. приб. 29 окт. 1917 г. дело за № 394.	Грубиян, совершенно не хотел ни работать, ни учиться, был много раз в побеге замечен в кражах.	Скрылся
ГОРЛИН Павел 14 л. приб. 16 сент. 1916 г. дело за № 3225.	Характера тихого, молчалив, любит чтение, ко всему относится внимательно, вдумчиво. От товарищей держится особняком.	Оставить в Ремеслен. училище
ГУСЕВ Иван 14 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 552.	Наружно послушан, но крайне хитер. Работы избегает, но не ленив. Скрытен. Склонен к воровству, но в кражах не замечался. Везде добивается личной выгоды.	Оставить в Ремеслен. училище
ГЛУХОНЕМОЙ Николай 14 л. приб. 12 окт. 1917 г. дело за № 4831 а.	Прилежен, эксплуатируется товарищами, от которых старается держаться в стороне.	В больнице
ГЕРАСИМОВ Иван 15 л.	Хитер и глуп. Неоднократно попадался в воровстве, действуя по	Скрылся

приб. 31 дек. 1916 г. дело за № 2905.	личной инициативе или под влиянием товарищей.	
ГРИГОРЬЕВ Николай 11 л. приб. 18 нояб. 1917 г. дело за № 434.	Скромный, тихий мальчик, относящийся ко всему довольно равнодушно. С маленькой ленцой. Ни в чем предосудительном замечен не был.	Оставить в Ремеслен. училище
ГИЛЬМАН Федор 14 л. приб. 8 нояб. 1917 г. дело за № 1122.	Мальчик болезненный, ни в чем особенном не замечен.	Скрылся
ГРАФОВ Михаил 16 л. приб. 27 окт. 1917 г. дело за № 1245.	Вор / залез в карнет воспитателя. Упрямый. Несколько раз бегал. Приближается к типу профессионального вора. Влиянию воспитателя не поддается.	Скрылся
ГОРШКОВ Григорий 15 л. приб. 19 сент. 1917 г. дело за № 934.	Упрямый, но склонен к работе.	В больнице
ГРАФОВ Иван 12 л. приб. 27 окт. 1917 г. дело за № 1245.	Воришка. Несколько раз бегал и уносил казенное имущество. Упрямый. Не ленив. Берет взятки порциями с малышей.	Скрылся
ГРАФОВ Алексей 14 л. приб. 27 июля 1917 г. дело за № 1245. ¹	Воришка. Замечен в растрате казенных вещей. Бегал из приюта. Упрям и ленив.	Скрылся
ГЕОРГИЕВ Георгий 12 л. приб. 2 сент. 1916 г. дело за № 3673.	Характер неуживчивый. Часто лжет. Пользуясь своей силой заставляет маленьких работать на себя. Вообще вел себя крайне сурово.	Времен. отпр. в дет. кол. Извары
ГЛАЗОВ Иван 11 л. приб. 30 мар. 1917 г. дело за № 67.	Грубый, ленив, упрямый. Воспит. влиянию не поддается.	Времен. отпр. в дет. кол. Извары
ГУСЕВ Федор 9 л. приб. 5 нояб. 1916 г. дело за № 3761.	Способный, тихий мальчик. Очень трудолюбивый.	Отдан матери на поруки
ГЕРАСИМОВ Александр 10 л. приб. 12 дек. 1917 г. дело за № 1204.	Мальчик с внешней стороны воспитанный, но любит бродяжничать.	Скрылся
ГРИГОРЬЕВА Анна 12 л. приб. 16 авг. 1917 г. дело за № 799.	Очень упрямая, лживая девочка при этом еще и воровата. С подругами неуживчива. Ленива.	Оставить в приюте
ГРУЗДЬ Прасковья 10 л. приб. 26 сент. 1917 г. дело за № 949.	Груба и упряма. Ленива, с трудом поддается влиянию воспитательниц.	Девочка нормальная отдается на

¹ Судя по одному номеру дела, все три Графовых – братья.

		поруки тетке
ГРИГОРЬЕВА Евдокия 15 л. приб. 23 фев. 1918 г. дело за № 2632.	Жестокая, грубая девочка. Страшно недоверчива. Лжива. Была замечена в мелких кражах. Плохо влияет на подруг.	Отправить в приют в Коломягах
ГОРЕЛИКОВ Федор 13 л. приб. 2 нояб. 1917 г. дело за № 1080.	Несколько раз бегал, замечен в краже, ленив, большой шалун.	Скрылся
ГЕРАСИМОВ Михаил 17 л. приб. 14 сент. 1917 г. дело за № 197.	Крайне тяжелый по характеру. Вредно влияет на товарищей.	Скрылся
ДЕГТЯРЕВА Надежда 12 л. приб. 4 нояб. 1917 г. дело за № 1095.	Лживая и вороватая девочка. Мало развита. Быстро кается в своих делах, но также быстро забывает и снова делает то же.	Оставить в приюте
ДМИТРИЕВ Александр 11 л. приб. 11 июля 1917 г. дело за № 679.	Ни чем особым не выделился.	Скрылся
ЕФИПОВ Алексей 12 л. приб. 26 апр. 1917 г. дело за № 390.	Тихий, спокойный мальчик. немножко с ленцой. никаких особенных проступков не совершил.	Перев. в детскую колон. на ст. Разлив
ЕВДОКИМОВ Андрей 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 5820.	Часто болеет. Телосложения слабого, слегка глуховат. Туго соображает. Склонен к бродяжничеству.	Оставить в Ремеслен. училище
ЕФИМЦЕВ Николай 16 л. приб. 5 сент. 1917 г. дело за № 1778.	Поведения дурного. Крайне вредно влияет на товарищей. Неоднократно бегал.	Скрылся
ЕФИМОВ Степан 13 л. приб. 27 сент. 1917 г. де- ло за № 962.	Малоразвитый.	Скрылся
ЕВГЕНЬЕВА Анна 5 л. приб. 19 авг. 1917 г. дело за № 874.	Тихая, болезненная девочка – развита.	Отправить в приют на Разлив
ЕГОРОВА Александра 12 л. приб. 31 авг. 1917 г. Дело за № 836.	Трудолюбивая, любознательная девочка. Во всем у нее проглядывает хозяйственность. <u>Очень хорошо и умело¹</u> влияет на окружающих детей.	Девочка совершенно нормальная. Желательно поместить в <u>гимназию</u> .
ЕГОРОВА Елизавета 2 г. приб. 31 авг. 1917 г. дело за № 837.	Капризный, упрямый, но милый ребенок.	Отправить в приют на Разливе
ЕГОРОВА Мария 6 л. приб. 31 авг. 1917 г. дело	Напоминает собой старушку, вечно всеми и всем недовольную. Грубая	Отправить в приют в

¹ Подчеркнуто красным карандашом.

за № 838.	и неразвитая девочка. Страшно неуживчива и любит браниться худыми словами.	Разлив
ЖУКОВСКИЙ Михаил 13 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 2950.	Ленив, упрям, дерзок. Настойчив в соблюдении его прав, совершенно не признает своих обязанностей. Ко всему относится довольно равнодушно.	Оставить в Ремеслен. училище
ЖУРКИНА Вера 8 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело за № 904.	Тупая девочка.	бежала
ЖУКОВ Марк 13 л. приб. 5 фев. 1913 г. дело за № 615.	Склонен к бродяжничеству.	Скрылся
ЗЕЛЕНКОВ Борис 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 1686 б.	Трудолюбив, аккуратен, исполнитель. От товарищей держится в стороне, взаимно тяготясь общения с ними. Не глуп. Чтения не любит.	Оставить в Ремеслен. училище
ЗОТОВ Георгий 16 л. приб. 6 сент. 1917 г. дело за № 858.	Ленивый, непослушный, болезненный, больших проступков не замечено.	Скрылся
ЗЫКОВ Николай 10 л. приб. 27 нояб. 1917 г. дело за № 1178.	Сведений нет.	Скрылся
ЗОСИМОВА Александра 15 л. приб. 8 мая 1917 г. дело за № 4741.	Развитая, спокойная девочка. Очень трудолюбива. Иногда бывает упряма, но быстро поддается влиянию воспитательницы. Была переведена с Разлива за грубость и небольшое воровство.	Оставить в приюте
ИВАНОВ Александр 16 л. приб. 2 июня 1916 г. дело за № 480.	Избегает работы в классе и мастерской, охотно работает по хозяйству. Любит чтение, в котором проявляет здоровый вкус. Немного апатичен.	Оставить в Ремеслен училище
ИВАНОВ Степан 14 л. приб. 17 авг. 1917 г. дело за № 5478 б.	Работает хорошо в классе и мастерской, но ленив. Немного упрям. Хитер, сообразителен. Временами дерзок. Подвижен. Склонен к праздношатательству.	Оставить в Ремеслен. училище
ИВАНОВ Дмитрий 15 л. приб. 27 июля 1909 г. дело за № 3491.	Крайне тяжел по характеру. Вредно влияет на товарищей. Вор.	Скрылся
ИСАЕВ Александр 17 л. приб. 14 июня 1917 г. дело за № 487.	Растрачивал казенные вещи. Неоднократно бегал. Характер упрямый. Вредно влияет на товарищей.	Скрылся

ИВАНОВ Николай 17 л. приб. 27 окт. 1917 г. дело за № 1031.	Сведений нет.	Постоянно в побеге
ИВАНОВА Ольга 15 л. приб. 31 авг. 1917 г. дело за № 4386.	Скрылась в первых числах марта.	бежала
ИВАНОВА Клавдия 2 г. приб. 22 нояб. 1917 г. дело за № 1181.	Болезненная, отсталая девочка.	Отправить в приют на Разлив
ИВАНОВА Серафима 16 л. приб. 9 янв. 1918 г. дело за № 872.	Очень трудолюбивая, но грубоватая девочка. Музыкальна очень. С Разлива была переведена за грубость и плохое поведение.	Оставить в приюте
ИВАНОВА Анна 14 л. приб. 30 нояб. 1917 г. дело за № 1185.	Была в отлучке, по возвращении лежала все время в лазарете, за буйное поведение по выходе из лазарета отправлена на ст. Разлив.	Отправлена за дурное поведение в приют на Разливе
ИВАНОВ Павел 10 л. приб. 9 сент. 1917 г. дело за № 871.	Упрямый, непослушный и ленивый.	Скрылся
ИВАНОВ Николай 13 л. приб. 4 мая 1915 г. дело за № 736.	Немного ленив. В кражах и других нехороших поступках замечен не был.	Отпр. в дет. колон. на ст. Разлив
КОТОВ Трофим 14 л. приб. 2 июня 1916 г. дело за № 2342.	Живой, подвижной. Избегает работы в классе и мастерских. Всегда старается увеличить свою порцию за счет остальных. Лжив, дерзок.	Оставить в Ремеслен. училище
КОРШУНОВ Федор 14 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 883.	Часто болеет. Работы избегает. На вид крепок и здоров. Проявляет склонность к бродяжничеству. Грубости и дерзости не проявляет.	Оставить в Ремеслен. училище
КОЗЫЧЕВ Григорий 14 л. приб. 9 янв. 1917 г. дело за № 3557.	Настойчив в требованиях соблюдения его прав, не признавая за собой никаких обязанностей. Ленив, глуповат, дерзок и драчлив.	Оставить в Ремеслен. училище
КАЩЕНКОВ Федор 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 752.	Спокойный характер, не тороплив, но и не апатичен. Аккуратен, не ленив, исполнительен. Внимательно относится ко всему. Не глуп.	Оставить в Ремеслен. училище
КАДЕЕВ Василий 16 л. приб. 10 сент. 1917 г. дело за № 982.	Тяжел по характеру. Замечен неоднократно в воровстве. С трудом поддается воспитательскому влиянию.	Отдан на поруки согласно постанов. комис.
КАРДАШКИН Михаил 14 л. приб. 17 июля 1917	Трудно исправимый. Груб. Ленив. Портит своим присутствием других	Отпр. в Белозерский

г. дело за № 1123.	детей.	приют
КАЗАРИНОВ Георгий 15 л. приб. 2 нояб. 1917 г. дело за № 2239.	Мальчик довольно приличного по- ведения, только ленив и упрям.	Оставить в Ремеслен. училище
КАБАНЦЕВ Николай 10 л. приб. 5 сент. 1917 г. дело за № 851.	Способный, развитой мальчик, наклонен к лени. В высшей степени баловник. Понемногу ворует.	Отправ. в дет. колон. на ст. Разлив
КОЗЛОВ Михаил 16 л. приб. 15 сент. 1917 г. де- ло за № 920.	Сравнительно спокойный характер.	В больнице больнице больнице
КИРИЛЛОВ Андрей 16 л. приб. 4 сент. 1917 г. дело за № 842.	Полупараличен. К труду неспособ- бен. Приличного поведения.	В больнице
КОРЕЦКИЙ Михаил 16 л. приб. 16 дек. 1917 г. дело за № 1211.	Тихий, спокойный мальчик. Ни в чем предосудительном не замечен.	Скрылся
КОМАРОВ Иван 15 л. приб. 3 дек. 1916 г. дело за № 1937.	Сведений нет. В больнице Алек- сандровской с 21 февраля.	В больнице
КУРИН Никита 16 л. приб. 2 нояб. 1917 г. де- ло за № 1079.	Был в больнице и бежал.	Скрылся
КРЮКОВ Леонид 15 л. приб. 5 окт. 1917 г. дело за № 121.	Сведений нет. С 2-го марта по 10- ое июня лежал в больнице. 10-го июня скрылся из больницы.	Скрылся
КУЛИКОВ Зиновий 11 л. приб. 24 апр. 1917 г. дело за № 380.	Хитрый, ворует, бегал. Упрямый, ленивый.	Отд. на по- руки соглас- но постан. комиссии
КОРОТКОВ Михаил 13 л. приб. 28 июля 1917 г. дело за № 737.	Хитрый и упрямый характер. Ле- нив. Неоднократно пытался бе- жать.	Скрылся
КНОПКИН Яков 12 л. приб. 4 сент. 1917 г. дело за № 846.	Неоднократно бегал. Сильно ша- ловлив. Дерзок. Способный харак- тер, но испорченный.	Скрылся
КИЧАНОВ Владимир 12 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело за № 884.	Сведений нет.	Отпр. в дет. колон. на ст. Разлив
КОВАЛЕНКО Дмитрий 9 л. приб. 13 окт. 1917 г. дело за № 102.	Способный, но шаловливый маль- чик.	Скрылся
КУСТОВСКИЙ Влади- мир 12 л. приб. 10 дек. 1917 г. дело за № 54.	Ленивый, грубый, совершал много побегов.	Скрылся
КОНСТАНТИНОВА Антонина 12 л.	Тупая, отсталая девочка. Ворова- тая.	Оставить в приюте

приб. 24 авг. 1917 г. дело за № 4831 б.		
КОЛЕБАКИНА Александра 15 л. приб. 9 янв. 1918 г. дело за № 3951 б.	Грубая, но способная девочка. Трудолюбива. С Разлива переведена за плохое поведение и небольшую кражу.	Оставить в приюте
КАРГИНА Анна 15 л. приб. 9 янв. 1918 г. дело за № 3976 г.	Неуживчивая, грубая и упрямая девочка. Очень ленивая. Никогда никем и ничем не бывает довольна.	Оставить в приюте
КОЧУРА Елена 6 л. приб. 12 янв. 1918 г. дело за № 19.	Упрямая, злая девочка. Очень тулая.	Отправить в приют на Разлив
КОЧУРА Вера 5 л. приб. 12 янв. 1918 г. дело за № 19.	Капризная, дерзкая девочка. Любит очень браниться.	Отправить в приют на Разлив
КОЧУРА Елизавета 4 г. приб. 12 янв. 1918 г. дело за № 19 ¹ .	Капризная и отсталая девочка.	Отправить в приют на Разлив
КОРОЛЕВА Мария 12 л. приб. 3 Июля 1913 г. дело за № 4854 а.	Очень хорошая девочка. Способная, трудолюбивая и тихая.	Отдана на воспитание
КОНОВАЛОВ Дмитрий 13 л. приб. 16 окт. 1916 г. дело за № 1003.	Слаб, болезнен, проводит почти все время в лазарете. Исполняет требования всех и каждого, никогда не проявляя своих.	Оставить в Ремеслен. училище
ЛЯНЦЕВИЧ Николай 14 л. приб. 9 сент. 1917 г. дело за № 872.	Апатичен и ленив. Упрям. Характер в общем спокойный. Некоторая склонность к чужой собственности.	Оставить в Ремеслен. училище
ЛОВЦЕВИЧ Феликс 16 л. приб. 2 мая 1915 г. дело за № 893.	Воришка. Хитрый и упрямый характер. Неоднократно бегал.	Перевед. в Белозерский приют
МОТОРИН Алексей 15 л. приб. 13 июня 1915 г. дело за № 4358.	Отличается хорошим, добрым характером. Трудолюбив и трудоспособен. Иногда проявляет деланную грубость, но не дерзок.	Оставить в Ремеслен. училище
МИХАЙЛОВ Михаил 13 л. приб. 31 авг. 1916 г. дело за № 2186.	Задумчив, молчалив, умен. Любит чтение, в котором проявляет испорченный вкус. На вид бледный, не здоровый. Лечения избегает.	Оставить в Ремеслен. училище
МИХАЙЛОВ Александр 15 л. приб. 13 июня 1915 г. дело за № 2587.	Имеет трудно-объяснимое влияние на товарищей, которых эксплуатирует. Проявляет склонность к воровству. Увлекается бульв. литера-	Оставить в Ремеслен. училище

¹ Судя по одному номеру дела, все три Кочуры – сестры.

	турой.	
МАКЕЕВ Александр 16 л. приб. 24 июня 1914 г. дело за № 4082.	Выше всего ценит грубую силу. Увлекается борьбой и борцами. На товарищей влияет плохо. Ленив, дерзок. Держит остальных в подчинении.	Оставить в Ремеслен. училище
МАРТЫНОВ Иван 15 л. приб. 21 фев 1918 г. дело за № 5729.	Ленивый, неуживчивый.	Скрылся
МОИСЕЕВ Федор 15 л. приб. 25 фев. 1918 г. дело за № 32.	Прилежный, попал случайно.	Скрылся
МАРКОВ Михаил 15 л. приб. 3 нояб. 1916 г. дело за № 860.	Дерзок и лжив. Неоднократно бегал из убежища. Ленив. Наклонность к воровству.	Скрылся
МАНУХИН Федор 17 л. приб. 13 авг. 1914 г. дело за № 3013.	Груб. Ленив. Часто отказывается от работ.	Перев. в Белозерский приют
МАРКОВ Григорий 11 л. приб. 17 апр. 1917 г. дело за № 3452.	Ловчится, с ленцой. В особых проступках не замечался.	Перев. в дет. кол. на ст. Разлив
МОДИН Алексей 11 л. приб. 9 нояб. 1917 г. дело за № 1125.	Болезненно-ленивый мальчик. Неспособный.	Скрылся
МИХАЙЛОВ Леонид 12 л. приб. 2 дек. 1917 г. дело за № 1198.	Проступков больших не совершал, послушный, только не любит работать.	Скрылся
МОИСЕНКОВ Николай 11 л. приб. 7 дек. 1917 г. дело за № 1212.	Скромный, послушный, вежливый, старательный и неглупый.	Перев. в дет кол. на ст. Разлив
МИХАЙЛОВ Борис 11 л. приб. 19 сент. 1917 г. дело за № 936.	Сведений нет. Скрылся 27-го марта.	Скрылся
НИКОЛЬСКИЙ Иван 11 л. приб. 4 нояб. 1917 г. дело за № 1093.	Тоже Скрылся 17-го марта.	Скрылся
НИКОЛАЕВ Валентин 13 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 852.	Малообщителен, Ни к чему кроме еды не проявляет особого интереса. Не поддается чужому влиянию. Ленив, временами дерзок и груб.	Оставить в Ремеслен. училище
НИКИФОРОВ Иван 13 л. приб. 16 авг. 1917 г. дело за № 20.	Способный и исполнительный мальчик. Не всегда беспристрастен и справедлив в отношениях с товарищами.	Времен. отпр. в дет. колон. Извары
НЕЧАЕВ Георгий 12 л. приб. 19 сент. 1917 г. де-	Болезненный мальчик.	Скрылся

ло за № 935.		
НОВОПИРСКИЙ Александр 11 л. приб. 14 фев. 1918 г. дело за № 28.	Упрямый, ленивый, бегал. Грубит воспитателям.	Скрылся
НОВИКОВА Мария 4 г. приб. 5 нояб. 1917 г. дело за № 595.	Тихая, болезненная и отсталая девочка.	Отправить в приют на Разлив
НЕСТЕРОВА Валентина 15 л. приб. 9 янв. 1918 г. дело за № 3813.	Способная, развитая девочка, но очень груба. Трудолюбива. С Разлива была прислана за плохое поведение и грубость воспитательницам.	Оставить в приюте
ОРЛОВ Евтихий 13 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 2960 б.	Работает только по принуждению, лени при работе не обнаруживает, характера тихого, ровного, не апатичен. часто опаздывает на ночлег.	Оставить в Ремеслен. училище
ОБОРОТОВ Андрей 16 л. приб. 7 сент. 1917 г. дело за № 873.	Большую часть времени проводит по больницам.	Оставить в Ремеслен. училище
ОСИНИН Алексей 13 л. приб. 30 мар. 1917 г. дело за № 182.	Неиспорченный мальчик, но большую часть времени проводит в больницах.	В больнице
ОРЛОВ Леонид 12 л. приб. 13 окт. 1917 г. дело за № 995.	Любил побег, убогий, послушный и скромный.	Скрылся
ОРЛОВСКИЙ Борис 10 л. приб. 29 апр. 1917 г. дело за № 401.	Бегал несколько раз. Ленился, шалит. Не хочет учиться и работать.	Скрылся
ОРЛОВСКАЯ Мария 13 л. приб. 21 мар. 1917 г. дело за № 39.	Упрямая, лживая и вороватая девочка.	бежала
ОСИПОВА Ольга 13 л. приб. 23 сент. 1917 г. дело за № 943.	Упрямая, грубая и всегда что-либо ворует.	бежала
ПЕТРОВ Александр 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 4778.	Крайне лжив, хитер и ленив. Натура ничем себя не проявляющая. часто отсутствует целыми днями, являясь с опозданиями на ночлег.	Оставить в Ремеслен. училище
ПОРТЯНКИН Яков 12 л. приб. 27 фев. 1916. г. дело за № 134.	Мальчик живой, подвижной. Работы в мастерских и классе избегает, по хозяйству выполняет охотно. Склонен к воровству, в котором однако зам. не был.	Оставить в Ремеслен. училище
ПОЗДРАНКОВ Григорий 15 л. 24 нояб. приб.	Апатичен, ленив, настойчив в своих просьбах, предъявляемых в	Оставить в Ремеслен.

1916 г. дело за № 6766 б.	форме требований, всем и всеми недоволен. Озлобленность отсутствует.	училище
ПАЛТОВ Иван 14 л. приб. 2 янв. 1914 г. дело за № 3628.	Ленив, склонен к воровству и бродяжничеству. Замечался во многих неблагоприятных поступках.	Скрылся
ПЕТУХОВ Михаил 14 л. приб. 22 окт. 1917 г. дело за № 3579.	Тихий, больной мальчик, проводящий почти все время в лазарете. Беспрекословно подчиняется всем и каждому. Речь с недостатком (с вместо ш).	Оставить в Ремеслен. училище
ПОНФИЛЕНКОВ Иван 11 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 253.	Ленив, дерзок, груб, апатичен, умственно отстал, склонен к ниществу.	Скрылся
ПАВЛОВ (АЛЕКСЕЕВ) Александр 11 л. приб. 16 окт. 1917 г. дело за № 7.	Слабый здоровьем, большой неряха, упрям, ленив и груб.	Отпр. в дет. колон. на ст. Разлив
ПЕЗОНЕН Яков 16 л. приб. 25 нояб. 1917 г. дело за № 1209.	Вор. Крайне дурного поведения. Вредно влияет на товарищей.	В больнице
ПАВЛОВ Иван 15 л. приб. 12 апр. 1917 г. дело за № 311.	Ни недостатков, ни достоинств нет особенных.	Скрылся
ПЫХОВ Николай 15 л. приб. 30 окт. 1917 г. дело за № 970.	Незаметный	В больнице
ПЕТРОВ Александр 13 л. приб. 16 сент. 1917 г. дело за № 590.	Хитрый, упрямый, любит эксплуатировать др. восп. Замечен в организации воровства в приюте несколько раз.	Скрылся
ПАВЛОВ Михаил 10 л. приб. 22 нояб. 1917 г. дело за № 1168.	Сведений нет.	Скрылся
ПРИКАЗЧИКОВ Александр 9 л. приб. 11 сент. 1917 г. дело за № 893.	Ленивый, грубый, хотя с ним ладить можно.	Скрылся
ПАВЛОВ Семен 6 л. приб. 2 дек. 1917 г. дело за № 2287.	Капризный, упрямый мальчик	Отправить в приют на Разлив
<u>ПАВЛОВА Вера 8 л.¹</u> приб. 12 дек. 1918 г. дело за № 2288.	<u>Способная, развитая</u> девочка. <u>Очень любознательна, музыкальна и имеет</u> хороший и приятный голос – но упряма.	Желательно дать образование в <u>ср. учеб. заведе-</u>

¹ Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом.

		<u>нии и благодаря ее музыкальной памяти дать музыкальное образование.</u>
ПИП Самуил 10 л. приб. 23 июня 1917 г. дело за № 624.	В больнице все время.	В лазарете проводит все время
ПЕТРОВ Иван 14 л. приб. 30 июля 1917 г. дело за № 178.	Замечен в воровстве.	Скрылся
РЯБИКОВ Михаил 13 л. приб. 28 мар. 1917 г. дело за № 795 а.	Живой, подвижной мальчик с характером не поддающимся чужому влиянию, но и не проявляющимся к влиянию над кем-нибудь. Ленив, на работах бывал редко, скрываясь где-то.	Оставить в Ремеслен. училище
РЯБЦОВ Алексей 13 л. приб. 28 мар. 1915 г. дело за № 663 б.	Попадает на мелких кражах. Всеми мерами старается избавиться от работы. Дерзок, груб при требованиях к нему. При других обстоятельствах учтив, приветлив.	Оставить в Ремесл. училище
РУССИПОВ Федор 15 л. приб. 20 мая 1916 г. дело за № 3208.	Вообще говоря характера тихого, спокойного, склонен даже к проявлению добрых чувств, не ленив, немного хитер. Иногда бывает груб и озлобленно дерзок.	Оставить в Ремеслен. училище
РЕНКЕ Василий 15 л. приб. 29 нояб. 1917 г. дело за № 1182.	Большую часть времени проводил по больницам и лазаретам.	Скрылся
РУМЯНЦЕВ Николай 13 л. приб. 16 окт. 1917 г. дело за № 1004.	Часто совершал побеги, но не особенно испорченный мальчик.	Скрылся
РАПУТИН Денисий 14 л. приб. 24 янв. 1918 г. дело за № 25.	Сведений нет.	Скрылся
СИДОРОВ Николай 12 л. приб. 21 апр. 1917 г. дело за № 3335.	Тихий, спокойный характер, довольно апатичен, склонен к лени, долгое время провел в лазарете.	Оставить в Ремеслен. училище
СЫРОЕЖИН Виктор 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 3642 б.	Мальчик не глупый, любит чтение, временами податлив, временами крайне упрям. Работает иногда с удовольствием, иногда ленится.	Скрылся
СЕМЕНОВ (ПЕРОВ) Иван 15 л. приб. 22 авг.	Крайне ленив, лжив, упрям, нагло лжет, стараясь быть в то же время	Остав. в Ремесл.

1917 г. дело за № 555.	крайне дерзким. Хороших качеств не обнаружил.	училище
СМИРНОВ Сергей 16 л. приб. 18 июня 1913 г. дело за № 3180 б.	Способен. Довольно трудолюбив, но распушен. Сознвая свои обязанности не проявляет достаточной воли к их выполнению.	Оставить в Ремеслен. училище
САЛТЫКОВ Дмитрий 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 2720 б.	Лжив, лицемерен, хитер, ленив, нетрудоспособен, склонен к попрошайничеству.	Скрылся
СМИРНОВ Антон 15 л. приб. 22 авг. 1917 г. дело за № 2924 б.	Вялый, апатичный. Часто болеет. Послушен, не ленив, но не трудоспособен. От товарищей держится в стороне.	Оставить в Ремеслен. училище
СЕЛИВЕСТРОВ Алексей 15 л. приб. 26 авг. 1916 г. дело за № 992.	Временами податлив, тих, временами же дерзок, настойчив, непослушен. Ленив, но не всегда. Неразговорчив.	Оставить в Ремеслен. училище
СКУРАТОВ Виктор 14 л. приб. 2 июня 1916 г. дело за № 1637.	Всегда молчалив. Настойчиво избегает работы. Непослушен, но и не дерзок. Почти всегда на вопросы отвечает молчанием.	Оставить в Ремеслен. училище
СТЕПАНОВ Дмитрий 14 л. приб. 18 нояб. 1917 г. дело за № 2307 б.	Часто убегает днем, являясь с опозданием на ночлег. Работы не любит. Характера тихого, мягкого, в воровстве замечен не был.	Оставить в Ремеслен. училище
СТЕПАНОВ Федор 13 л. приб. 18 нояб. 1917 г. дело за № 1261.	Ни чем не выделялся из общей массы.	Скрылся
САМОИЛОВ Арсений 17 л. приб. 6 апр. 1917 г. дело за № 247.	Тихий, спокойный и относительно честный. Никаких проступков за ним не наблюдалось (за последнее время)	Скрылся
СЕМЕНОВ Михаил 15 л. приб. 7 июля 1917 г. дело за № 672.	Грубиян большой руки. Ленив до крайности. Неряха до невозможности.	Скрылся
СОКОЛОВ Аким 16 л. приб. 13 фев. 1917 г. дело за № 996.	Ленив, но послушен. Поведения удовлетворительного.	В больнице
СТЕПАНОВ Сергей 17 л. приб. 2 нояб. 1917 г. дело за № 1084.	Сведений нет. Вернулся из больницы в мае и через несколько дней скрылся.	Скрылся
СИБЕИКИН Лавр 15 л. приб. 9 апр. 1917 г. дело за № 277.	Исполнительный и честный мальчик. Способный и развитой.	Оставить в Ремесл. училище
СТЕПАНОВ Николай 13 л. приб. 31 окт. 1917 г. дело за № 1054.	Нечестный, непослушный, обижает товарищей, лжет, сквернословит.	Времен. отпр. в дет. кол. Извары

СТЕПАНОВ Петр 9 л. приб. 23 окт. 1917 г. дело за № 1025.	Упрямый, ленив. Не хочет ни учиться, ни работать. В краже и др. поступках не замечен.	Отд. на поруки отцу согласно постанов. комиссии
СУХОВА Ольга 15 л. приб. 21 мар. 1917 г. дело за № 6153 а.	Упряма и ленива до невероятности. Была замечена в кражах и довольно крупных Но ласке поддается и только этим путем можно справиться с ней.	Оставить в приюте
СЫТЮКОВА Мария 14 л. приб. 31 авг. 1917 г. дело за № 2775.	Совершенно тупая, отсталая девочка. Способна только к физической работе, кот. исполняет с удовольствием.	Оставить в приюте
ТЯТЬКИН Петр 15 л. приб. 24 июня 1914 г. дело за № 3927 б.	Поведением не оправдывает своих способностей. Скрытен, хитер, проявляет склонность к эксплуатации более слабых.	Оставить в Ремеслен. училище
ТИЩЕНКОВ Александр 15 л. приб. 12 мая 1917 г. дело за № 4536.	Сведений нет. Убит 30 мая.	
ТИТОВА Александра 7 л. приб. 27 нояб. 1917 г. дело за № 956.	Болезненная и тупая девочка. Благодаря своей тупости очень упряма и воровата.	Отправить в приют на ст. Разлив
ТРУЛИКОВ Василий 12 л. 13 сент. 1917 г. дело за № 896.	Хитрый, несколько раз бегал, ленился, ворует.	Скрылся
УБЕРТ Алексей 12 л. приб. 12 янв. 1918 г. дело за № 22.	Вполне испорченная натура. Мстителен. Лжив. Ленив. Надежд на исправление нет.	Оставить в убежище
ФЕДОРОВ Василий 14 л. приб. 22 авг. 17 г. дело за № 605.	Крайне подвижен. Всегда весел. Избегает работ в мастерских, охотно несет дежурства по хозяйству. Среди товарищей пользуется любовью.	Оставить в Ремеслен. училище
ФЕДОРОВ (ЛОБОЗОВ) Михаил 16 л. 25 июля 1917 г. дело за № 5320 в.	Тяжело исправимая личность. Ленив, лжив, вор. Груб, с педагогическ. персон.	Отпр. в Белозерский приют
ФИЛИППОВ Иван 15 л. приб. 6 сент. 1917 г. дело за № 599.	Поведения удовлетворительного.	Отправ. в Белозерский приют
ФЕТИСКИН Афонасий 15 л. приб. 5 дек. 1917 г. дело за № 1203.	Тихий, спокойный, но уличен в воровстве.	Бежал
ФЕКОЛИЧЕВ Семен 15 л. приб. 17 авг. 1917 г. дело за № 803.	Тихий, немножко ленился. В других предосуд. поступках замечен не был.	Бежал

ФЕДОРОВА Валентина 17 л. приб. 21 мар. 1916 г. дело за № 2980.	Грубая, хитрая девочка, но очень остроумная. С Разлива прислана за грубость и плохое поведение.	бежала
ХОМЯКОВ Алексей 16 л. приб. 26 авг. 1916 г. дело за № 3664.	По годам умственно недоразвит. Работы избегает, но не ленив. Проявляет неудачный попытки схитрить. Любит бульварную литературу.	Оставить в Ремеслен. училище
ХЛЕБНИКОВ Алексей 16 л. приб. 10 сент. 1917 г. дело за № 879.	Хитрый, любит подделываться к учителям, выказывая свое трудолюбие.	Скрылся
ЦВЕТКОВА Александра 9 л. приб. 13 янв. 1918 г. дело за № 23.	Упрямая, неразвитая девочка. Доходит до иступления очень часто и благодаря этому невозможно ее пребывание среди детей.	Необходимо отделить от детей и поручить мед. надзору.
ШЕВЕЛЕВ Иван 14 л. приб. 22 июня 1917 г. дело за № 621.	Исполнителен и послушен. Наклонность к дракам. В общем исправиться может. (Характер воинственный).	В больнице
ШЕРЕМЕТЬЕВ Дмит- рий 12 л. приб. 8 июня 1917 г. дело за № 357.	Способный, развитой, но дерзкий. В краже замечен не был. Один раз бегал из приюта.	Времен. отпр. в дет. колон. Изва-ры
ШМЕЛЕВ Алексей 12 л. приб. 15 сент. 1917 г. де- ло за № 674.	Тихий, скромный мальчик, но болезненный.	отд. на поруки согласно снош.(?) комиссии
ШКАТУЛИН Василий 12 л. приб. 20 окт. 1917 г. дело за № 1885.	Упрямый и дерзкий. Характер испорченный и болезненно возбудимый.	В больнице
ШИРОКОВ Павел 11 л. приб. 1 нояб. 1917 г. де- ло за № 1037.	Послушен и исполнителен. Поведения скромного. Отправлен в деревню.	Скрылся
ШИШАЕВ Владимир 12 л. приб. 20 мая 1917 г. дело за № 1214.	Послушен, склонен к шалостям. Немного ленив. Способный.	Скрылся
ШИШКИН Михаил 13 л. приб. 25 янв. 1918 г. дело за № 27.	Дерзок. Скандалист. Упрям. Ворюшка. Крайне тяжелый характер.	Скрылся
ШИГИН Владимир 13 л. приб. 14 мая 1917 г. дело за № 420.	Поведения удовлетворительного	Скрылся
ШЕНЕС Иван 13 л. приб. 22 нояб. 1917 г. дело за № 1172.	Ленив, упрям, настойчив, ко всему достаточно равнодушен. Оживлен только во время еды, спекулирует среди товарищей, взывая с них порциями.	Оставить в Ремесл. училище

ЩЕРБАКОВ Андрей 10 л. приб. 1 нояб. 1917 г. дело за № 1191.	Ласковый, послушный, старательный мальчик.	Отпр. в дет. колон. на ст. Разлив
ЩЕТНИКОВА Евдокия 6 л. приб. 19 июля 1917 г. дело за № 712.	Спокойная, но туповатая девочка.	Отправить в приют на Разлив
ГРИГОРЬЕВ Василий 3 л. приб. 9 авг. 1917 г. дело за № 366.	Неспокойный с большими глазами, плохо видит, много спит.	Отправ. в приют на Жданов. ул. д № 8.
ГУРЬЯНОВА Нина 2 л. приб. 13 нояб. 1917 г. дело за № 1134.	Спокойная, тихая девочка.	Отправлена в приют Михельсон на Ждановской
НИКИТИН Владимир 3 л. приб. 10 сент. 1917 г. дело за № 985.	Злой, недовольный, много плачет, очень худой, больной мальчик.	Отправлен в приют Михельсон на Ждановку
БАСОВА Елизавета 16 л. приб. 10 окт. 1916 г. дело за № 548.	Тихая девочка, но замечена была в краже. Несколько раз бежала.	Оставить в приюте.
ХОХЛОВА Эльке 16 л. приб. 6 мая 1917 г. дело за № 441.	Определившийся уже тип бродяги. Была замечена несколько раз в краже.	Бежала

Заведывающий канцелярией
и делопроизводством¹

Регистраторша *М. Гучинская*

Примечание: Убежище для девочек переведено с Англ. пр., 36 на Фонт., 164 расширено – на 150 чел. девочек – под назв. “Ремесл. приют для девоч. – нравств-деф.”²

Завед. учр. д. № 1 Мореходов
25 авг. 1918 г.

Из доклада Комиссии по обследованию приютов для умственно-отсталых детей Комиссару социального обеспечения³

6-го Декабря с.г. комиссия в составе гг. Червоняк, Аксельрод и д-ра Тривуса, согласно постановления Коллегии Ревизоров, произвела детальное обследование приюта для умственно-отсталых детей на ст. Удельной, по Ярославскому пр. д.2. Результаты обследования таковы:

1. Общее положение хозяйственного дела самое отрицательное – дров абсолютно не имеется, холод в помещениях невозможный для пребывания в нем детей и служащих. Продуктов, в момент обследования, было приблизительно следующее количество: около 7 фун. сахарного песку, шт. 20 яиц, и до полутора фунтов какого-то жира, немного кофе, чая и боченок селедок. В день

¹ Подпись нрзб.

² Вставлено от руки.

³ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.18, лл. 16-16 об. Машинопись. Подлинник.

обследования на обед был суп или, вернее сказать, какие-то листья, рубленые и отваренные, без мяса или какой-либо приправы, на второе по куску селедки, хлеб вовсе отсутствовал, утром чай также без хлеба (по заявлению заведующей, с хлебом). при опросе призреваемых, дети показали, что заведующая берет сгущенное молоко, масло и хлеб, принадлежащие им, а также мясные консервы, когда эти продукты имелись, для своего пользования; детей за провинности бьют и сажают в карцер, неопрятных, совершенно непонимающих окружающего, сажают в холодную ванну и бьют до крови, эти методы применяются надзирательницей Елизаветой Ведман, няня Толстая, работающая на слабоумном отделении с надзирательницей Ведман, заявляя об избииении детей, говорит, что она не может работать, видя такое обращение с призреваемыми. Означенное лицо работает всего лишь один месяц. Аналогичные показания сделала и вторая няня, работающая в настоящее время в качестве прачки. Надзирательница Ведман, не отрицает факта избииения ею детей, заявляя при этом, что иначе нельзя их учить. На указания няни Гришкиной, что она, Ведман таскала за волосы и била об пол питомицу Нину, Ведман не отрицает и этого факта, говоря, что иного обращения она, Нина не поймет. По показаниям няни Гришкиной и остальных младших служащих, питомица Нина раньше вполне понимала окружающее, но после таких методов воспитания стала совершенно идиоткой; при этом можно подозревать, что заведующая знает об избииении детей и сама применяет такие же методы, так как один из питомцев, Витя, показал, что когда он толкнул своего товарища, то заведующая стала его бить, а когда он оцарапал ей руку, то за это был заперт в карцер. Большинство детей, по заключению врача Тривуса, гидремичны; в слабоумном отделении у детей отеки, у нескольких фурункулез, имеются крайне истощенные. Смертность среди детей большая; за последние два дня три смертных случая.

Среди младших служащих также замечается гидремия, отеки ног и упадок сил.

В феврале текущего года было проведено обследование районным комиссаром Борухиным, доклад о котором и дело находятся в Исполкоме Выб. Района или в Отделе Соц. Обезп. того же Района.

Члены Комиссии¹

12/XII 1918 года

Протокол заседания Педагогического совета Комиссариата социального обеспечения

18 декабря 1918 г.²

Присутствовали: Комиссар Лилина, проф. Грибоедов, Вукотич, Окунев, д-р Фельдберг, Грабаров, Михельсон, Тужилкина, Лашевич, Товбин, Копилевич, Янсон, Шахова, Степанов, Климашевский, Сирогис, Виташевская, Никандрова, Комарова, д-р Вейнгероу, Волкова, Лукашевич, Лагутъенко, Дианова, Харитоновна, Александрова, Баргук, Пылаев, Потехина.

[...]

¹ Подписи нрзб.

² ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2919. Протоколы заседаний Педагогического Совета Комиссариата Социального обеспечения Петрогорсоцвоса, отчеты и др. материалы о работе учреждений для дефективных детей, лл. 7-7 об. Машинопись. **Подлинник**

Тов. Тужилкина говорит о необходимости разделения призываемых по возрастам и отделения больных.

т. Лилина выражает мнение о важности в этом вопросе практических мер, создания общежитий - трудовых коммун, с предоставлением членам и подходящего труда и здоровых развлечений, попутно делает сообщение о том, что комиссариат имеет возможность снабдить беднейшее население теплым бельем, в виду получения в его распоряжение 15 000 шт. теплого белья. Докладчик указывает на вредные последствия помещения детей и подростков в Калининскую больницу, где они подвергаются искушению вернуться к прежней жизни. Проф. Грибоедов, цитируя слова проф. Тарновского, говорит, что проституция даже при изменении социальных условий, даже исчезновении войн, все таки не прекратится в виду широкого распространения психической ненормальности, вызывающей спрос и предложение. д-р. Мушкатин высказывается за своевременность создания ученого института по изучению проституции, венерических болезней и способов борьбы с ними.

Докладчик говорит о вреде для детей посещения безо всякого разбора кинематографических пьес, о желательности введения цензуры таковых и запрещения пускать детей на неподходящие для них сеансы.

Постановили. Принять к сведению, признав желательным проведение в жизнь намечающихся мероприятий в целях борьбы с детской проституцией и отвлечения детей и подростков от пагубного помысла, как то: увеличение штата сестер социальной помощи, устройство особой больницы для минования Калининской, в которой встречи с промышленяющими проститутками подвергают детей и подростков искушению возвратиться к прежней жизни, - организация сети общежитий - трудовых коммун, с мастерскими, предоставлением членам и подходящего труда и здоровых развлечений. – Цензуры кинематографических пьес с запрещением владельцам пускать детей неподходящего содержания.

1. Заслушали

Сообщение тов. Грибоедова о поступившем докладе д-ра Пиотровского об образовании для Глухонемых.

Тов. И Тужилкина высказывается за рассмотрение этого вопроса в соответствующей секции.

Тов. Лилина сообщает об устройстве клуба для глухонемых..

Постановили. Внести в одном из ближайших заседаний вопрос о культурно-просветительской работе среди глухонемых.

Листовка Новгородского Губернского Комитета Р.К.С.М.

К учащейся молодежи

Январь 1919 г.¹

[...] Рабочий класс Российской Республики, свергнув два с лишним года власть помещиков и фабрикантов, предоставил Вам широкую возможность учиться, развиваться и вольно дышать в новой трудовой и единой школе.

¹ ЦДХМО ф.1 оп.23 д.6, л.5. Печатная копия.

Октябрьская революция великого 17-го года явилась вместе с тем и Вашей школьной революцией, навсегда уничтожившей старую казарменную школу учебы, бессмысленной зубрежки, духовной нищеты.

Учащаяся Молодежь, помнящая старую проклятую школу подчинения и рабства, если ей дороги завоевания новой школы, а в месте с ними и завоевания всего пролетариата, не могут оставаться безучастными зрителями развернувшейся грандиозной борьбы отжившего мира с новым, светлым миром коммунизма, и должен принять в этой борьбе самое активное участие. [...]

Листовка Смоленского Губернского К.Р.К.С.М. Тезисы для ораторов в неделю Красной Молодежи [1919-1920]¹

Что такое Р.К.С.М. (его цели и задачи)

I. Молодежь всегда в авангарде.

Молодежь всегда более революционна, всегда идет впереди взрослого поколения. Она более живо воспринимает новые идеи и стремится провести их в жизнь. [...]

IV. Что такое Р.К.С.М.

1. Объединить в своих рядах всю рабоче-крестьянскую молодежь [...] Подготовить новых борцов за коммунизм, будущих строителей новой жизни – основная цель Союза. [...]

2. Молодежь творит новую жизнь... В Союзе Молодежь узнает: где ее друзья и где ее враги [...]

Гранки стенографического отчета 1-го Всероссийского съезда учащихся коммунистов. Апрель 1919 г.²

[...] Тов. Красильников. Действуя только психологическим путем на ту массу учащихся в Единой Трудовой Школе, которая еще не примкнула более или менее к коммунистическим организациям и не давая им определенных директивов мы не создали действительной трудовой школы. Полтора года назад, в октябре, чтобы удержать завоевания революции была объявлена диктатура пролетариата, так и в деле создания Единой Трудовой Школы в интересах Школьной революции необходимо объявить диктатуру коммунистических ячеек.

Далее останавливаясь на внутреннем строительстве Единой Школы товарищ говорит: Коммунистическая Коллектив является руководящим органом в данной школе подчиненной в своей деятельности коммунистическому союзу.

Все представители в Школьный Совет от учащихся проходят от коммунистического коллектива. Тем представителям, которые находятся сейчас в Школьных Советах выразить недоверие.

Объявить полную диктатуру в школах учащихся пролетариев ибо только через это мы придем к школе-коммуне. Если и эта вера не выведет Школу на путь пролетарского развития и не сможет вырвать из лап анархии, тогда Секция вносит в отдел Народного Образования о закрытии всех школ в городе

¹ ЦДХМО ф.1 оп.23 д.6, л.11. Листовка-плакат.

² ЦДХМО ф.1. оп.23. ед хр.5, лл.1-6. Черновой типографский оттиск.

Ярманск, чем будут выкинуты за борт реакционные элементы, которые обратили школу в колыбель контр-революции и дает всем коммунистическим элементам слиться в одну семью.

Говоря о мотивах побудивших высказать такие пожелания, он сказал: Объявление диктатуры пролетариата в Единой Трудовой Школе диктуют следующие соображения. В настоящий момент в школе, особенно во 2-й Ступени, почти совершенно отсутствуют дети пролетариев, а если имеется небольшая группа учеников пролетариев, то они все состоят членами коммунистических ячеек, и объявляя диктатуру ячеек мы тем самым отдаем школу в руки тех, кому она должна служить. Таков взгляд нашей губернии, он расходится со взглядом Комиссариата Народного Просвещения, но это можно объяснить тем, что наша губерния находится в прифронтовой полосе, где бывают часто кулацкие восстания, где кишат белогвардейские шпионы и др. реакционеры. И я подчеркиваю: если для спасения октябрьских завоеваний было объявлена диктатура пролетариата, то для развития школьной революции необходима диктатура ячеек. ...

Тов. Александров [Брянск]. Школьная революция является следствием диктатуры пролетариата. Пролетариат заинтересован в том, чтобы школа развивала личность всесторонне. Выпустила из своих стен людей-граждан, а развитие должно быть всесторонне, то школа должна стоять вне партии.

Переходя к воспитательной идее тов. говорит: мало того, что в школу войдет весь народ, надо чтобы школа развила человека в должном направлении на принципе гармонического развития. Никаких насилий над личностью. ... Школа должна дать не только голые знания, а научить человека жить и работать, а это может достигнуть только тогда, когда учащийся самодеятелен, когда его индивидуальные способности не заброшены в сторону, а получали все время должное применение. Физический труд, физические упражнения также должны получать одно из первых мест.

Анализируя доклад тов. Красильникова товарищ указал, что о диктатуре школы можно говорить, ей можно осуществить только тогда, когда большинство учащихся будет в коммунистических организациях, а пока мы еще не имеем реальной количественной силы, нельзя говорить о диктатуре. По моему лучшим исходом в деле школьной революции является привлечение всего трудового народа в дело строительства Новой Единой Школы. ...

Председатель дает слово представителю орловской коммунистической организации учащихся т. Гудилину.

Т. Гудилин. У нас в Орле взгляд на революцию в школе резко разнится с только что высказанными здесь. Основываясь всецело на принципах коммунизма, наши ячейки приступают к работе, к строительству новой жизни школы, причем на всю остальную массу учащихся мы не глядим, как на врагов, и не отстраняем их от участия в работе, поэтому у нас нет диктатуры ячеек над остальными учащимися. Почти как и везде среда учащихся делится на три части: 1) хулиганская; 2) это те учащиеся, которые не лишены симпатий к коммунизму, но еще не стали на нашу почву, и, наконец, 3) это коммунисты, задачей которых и является главным образом агитация среди учащихся 2-ой группы и укрепление их в коммунизме. И мы смело можем сказать, что в Орле имеется

истинно трудовая школа, школа единая. У нас как-то само собой произошло, что Отдел Народного Образования утвердил положение, по которому делегатами в школьный совет могут быть избраны лишь коммунисты. Мы хорошо видим, что все сознательные учащиеся на стороне ячеек, и у нас нет того пренебрежительного отношения в среде учащихся к т.т. коммунистам. ...

Доклад т.Шлихтера. Я не буду говорить о значении трудовых процессов и трудового воспитания, потому что это сказал очень хорошо до меня т.Познер.

Всякий класс, захватив еще в руки власть, стремится к ее утверждению; для этого он разрушает старые орудия борьбы новыми формами и новыми методами. Школа есть орудие борьбы, т.е. школа при государственном строе общества является классовой и обслуживает интересы господствующего класса. С этой точки зрения мы и должны подойти к строительству новой школы. Октябрьская революция, разрушив основы буржуазного господства, отняла у буржуазной школы ее основу и лишила ее жизненной энергии. Вследствие того, что эта школа потеряла свой смысл и жизненность, она перестала развиваться и прозябала.

Когда государство вступило в период революционного строительства, то в школе тоже были попытки строительства. Но это не было строительством революционным. Новая школа не была коммунистической и пролетарской, ибо строительство не может быть революционным без революционного разрушения. Школа тесно связана с государством, и государственная школа есть классовая, поэтому в настоящее время благодаря диктатуры пролетариата школа должна быть пролетарской, классовой. Так как в настоящее время коммунизма нет, так не и коммунистической школы, и поэтому школа должна быть влита в формы подходящие к школе коммунистического общества. Школа переходного периода должна отвечать 3-м основным требованиям: 1) ее формы должны быть таковы, чтобы в нее могли войти дети пролетариата и крестьянства; 2) так как нельзя поставить трудового воспитания, то в такой школе нужно провести воспитание ремесленно-клубно-рефератное, 3) эту школу должны строить учащие и учащиеся (активно).

Такая школа необходимо должна являться школой коммунистической пропаганды, ибо школа должна служить господствующему в данный момент классу – пролетариату. Такая школа в настоящий момент единственно мыслима в виде школьного городка, отвечающего всем предыдущим условиям. Задачами коммунистов-учащихся является? Расколоть массу учащихся на две части и с той, которая пойдет с ними активно, провести школьную революцию и революционное строительство школьного городка. Та же часть, которая не будет участвовать активно в строительстве, но не будет ему мешать, сможет войти в школьный городок впоследствии.

Успешное осуществление учащимися-коммунистами задач школьной революции требует следующих практических мероприятий: 1) признания ячейки самостоятельной величиной школьного коллектива; 2) реорганизации школьного совета следующим образом: за единицу, доминирующую при пропорциональном отношении, принимаются представительства от учащихся коммунистов, от пролетарских организаций (в сумме), от трудового населения

и от Отдела Народного Образования и к ним добавляются представители школьного коллектива. [...]

Слово для доклада на тему «Отношения к общеученическим организациям» предоставляется т.Медведскому.

Т.Медведский. Ученические организации существовали, ясное дело, нелегально в старой школе и старались, поскольку это возможно, выполнять некоторые функции. Работать усиленно они не могли, так как преследовались администрацией училища и властью старого режима. После февральской революции они сделались легальными и, воодушевленные революционным подъемом, шли навстречу требованиям масс и работали среди них. Эта работа не нравилась старому школьному персоналу, и новым, еще слабым организациям пришлось вести борьбу за улучшение правового положения учащихся. Нередко дело доходило до того, что учащиеся и их организации выгоняли из школ их директоров и инспекторов явных реакционеров. После октябрьской революции этим организациям пришлось вступить с саботажем педагогов, который выявился в школе так же, как он выявился и в тогдашней жизни. Слабые организации сумели пресечь саботаж; в комиссиях по выбору педагогов забаллотировали всех реакционеров и саботажников. Выгоняя из школ старый педагогический персонал и нарушая положения и уставы старой школы, организации тем самым разрушали и ее самое. Все ученические организации возникли на почве защиты профессиональных и экономических интересов, но с течением некоторого времени выяснилось, что учащиеся, как занимающихся определенной профессией, нет, экономическое же положение было улучшено до того, что защищать его уже долее было незачем и не от кого и организации остались без определенных целей впереди, но прекращать свое существование не хотели и стали именуясь аполитическими, вести в школе политическую (контр.-революц.) пропаганду. Аполитичность ученических организаций была внешняя, на самом деле велась политическая черносотенная работа, так как на всех стенах учебного заведения красовались надписи «бей жидов», «долой большевиков» и пр., и аналогичные выражения передавались из уст в уста. В это время было опубликовано положение о строительстве новой трудовой школы, новых трудовых принципов и порядков, которые более передовое ученичество старалось провести в жизнь, чему противилась реакционная часть школы. Передовое ученичество не могло равнодушно смотреть на существующие организации и порядки и решило внести в организации политичность. Политичность выделялась среди учащихся-коммунистов и социалистов, которые решили захватить и захватили ученические организации. Учащиеся-коммунисты при всем своем желании установить диктатуру не могли, так как их объединения возникли сравнительно недавно, были слабы и малочисленны и потому коммунисты вошли в блок с социалистами. Новые организации из коммунистов и социалистов находятся под контролем и идейным руководством объединений учащихся-коммунистов, которые имеют право отозвать и заменить одного члена организации другим, более соответствующим своему назначению. У нас нередко социалисты под влиянием агитации и совместной работы с ними переходили на нашу сторону, и я верю в то, что через некоторое время все социалисты, относящиеся к советской власти сочувственно, станут

коммунистами, а за ними к нам перейдет и вся остальная масса ученичества. Причины существования новых организаций следующие: строительство новой трудовой школы, это революционное строительство смогут выполнить лишь учащиеся-революционеры и, как я уже раньше сказал, установление порядка в школе, борьба с реакцией в ней и развитие среди учащихся идей коммунизма. К этим организациям наше отношение должно быть наилучшим, в то время как к прежде существовавшим оно отрицательно. Такого рода организации мы предлагаем вам создать взамен старых. ...

Т.Логинов. Учащаяся среда, как таковая, коммунистической быть не может, необходимо влить в нее, в школу, рабочий элемент. Кто же должен осуществлять идею новой школы? Конечно, лишь только те, кто симпатизирует ей, только ими может быть проведена революция в школе. Школьные советы не способны к такой работе, и поэтому необходимо реорганизовать их. Все аполитичные ученические организации, не желающие войти в коммунистические ячейки, не могут существовать самостоятельно, вернее – совсем не должны существовать в школе. Работа, которую до сих пор несли ученические комитеты, должна целиком перейти к коммунистическим ячейкам.

Т.Антонов. В настоящее время школы-коммуны нет; я думаю, с этим согласятся все. Необходимо создать классовую школу, которая и приведет нас к школе-коммуне. Отношения к учащейся среде, в большинстве своем мелкобуржуазной, должно быть таковое: ту часть, которая явно проявляет свои контр-революционные взгляды, должно немедленно выкинуть из школы, а другую, еще шатающуюся часть, не лишенную симпатий к коммунизму, должно путем агитации перейти на свою сторону. Крайне подозрительно, с крайней подозрительностью нужно относиться к педагогическому персоналу, который пропитан старым, буржуазным соком. С реакционно настроенными педагогами должна вестись нами организованная борьба. Для более продуктивной работы нужно соединиться с рабочими организациями и совместно с ними вести борьбу со школьным советом. Только диктатура учащихся-коммунистов с представителями рабочих может привести школу к конечному виду.

Заявление заведующей колонии №2 Е. Евдокимовой 13 сентября 1918 г. в Комиссариат Социального обеспечения – заведующему детскими приютами и колониями¹

С 19го Июля сего года, по Вашему назначению, я состою заведующей детской колонии №2 в Дудергофе на даче Общества дешевых квартир. В настоящее время на даче в колонии находится 75 человек детей: приют бывшего Общества дешевых квартир, дети из частных семей и бывшая рукодельная частная школа Акимовой. За последнее время поведение детей резко изменилось. Большинство их стали непослушными, ленивыми, неаккуратными; стали замечать исчезновение разных вещей и продуктов; развилось попрошайничество: дети убегают из дома и у местных жителей выпрашивают хлеба и другой провизии, ссылаясь на то, что их совсем не кормят, что съестные продукты не идут на их питание, а куда то исчезают. У педагогического персонала

¹ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.16, л.5. Рукопись. **Подлинник.**

нет никакой возможности справиться с этим критическим положением. Доводя все вышеизложенное до Вашего сведения, покорнейше прошу Вас оказать мне Ваше содействие в исправлении поведения детей, а равно не отказать в разъяснении служебных обязанностей низшего и педагогического персонала в этой колонии

Заведующая колонией

Е. Евдокимова

Дудергоф. Ореховая долина.

Колония № 2.

13го Сентября 1918 г.

Два заявления выпускниц Педагогических курсов

Е. Антошкиной и О. Соловьевой¹,

проходивших практику в Парголово-ском приюте²

1. Е. Антошкиной, февраль 1919 г.

Парголово 2-ой Парголово-ский приют

Впечатление

Когда я приехала в Парголово-ский приют, там воспитательницы не было, была только заведующая и няни. Ни заведующая ни няни никто за детьми не смотрели. все дети были на лестнице и в душном маленьком коридоре. Около уборной, где воздух был очень тяжелый, дети маленькие были очень милые, а те которые старше 6 лет все время держали себя вызывающе, ругались гадкими словами, ... Меня ознакомили с помещением приюта. Столовая, зала, с развалившейся печкой, почему и не отапливали. две спальни, одна для девочек и мальчиков до 6 лет, вторая для девочек старшего возраста, На другой день мне показали дачу рядом с нашей, в которой спали мальчики от 7 лет. там только была спальня мальчиков, грязь и беспорядок там царили до ужаса, Одежда были полны вшей, на простынях, подушках также, несколько мальчиков спят без простынь и подушек, у тех и в матрасах вши, Когда приносят белье со стирки, на нем всё еще мертвые вши и гниды, Когда я ознакомилась ближе с детьми, Я увидела что все дети начиная с года и до 15-16 лет. у всех полны вшей, головы, рубашки, платья и даже в чулках, Я пошла в спальню для маленьких детей, и посмотрела их постельки, они спят по двое на одной кровати, там можно сказать их был рой, посмотрела головки, и там тоже не меньше. Я спросила гребень что-бы им вычесать головы, мне сказали гребня нет, вот заведующая пойдет в советскую лавку тогда купит гребень, через день я опять спросила про гребень «ответ» еще не купили, это продолжалось две недели с половиной. Наконец гребень принесли, няня стала чесать головы у маленьких детей, они были очень рады, большим гребня не дали сказали что они его украдут, правда крадут все, кто что только может, даже один у другого хлеб крадут, мала того что все заражены вшами, так еще больше половины детей в болячках и язвах, Одна девочка так несчастна у нее все десять пальцев покрыты нарывами, лицо в

¹ Судя по тому, что первое письмо, подписанное Е Антошкиной, содержит множество орфографических ошибок, второе заявление, подписанное обеими практикантками и более грамотное, было написано О.Соловьевой.

² ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.17, лл.33-39. Рукопись. Подлинник.

болячках, и еще на третьей недели моего прибывания у нее открылась рана на ноге, к ране присох чулок, пришлось его кругом отрезать а на ране отмачивали, А почему присох чулок? вот история, заведующая узнала что завтра будет комиссия. Отобрала всех детей с болячками, на голове, лице, руках, ногах и на теле, вымыли во дной воде всех, и отправили на ту дачу где спят мальчики, с ними были две няни, Я туда не могла ходить укладывать детей спать т.-к. укладывала тех которые были оставше на этой дачи, а за теми смотрели няни, дети не раздевая чулок ложились спать, вот по етому у етой девочки открылась рана на ноге не кто не видел, чулок и присох к больному месту,.. утром большие дети не моются, нет умывальной комнаты, а на кухне есть рукомойник, но там их ругают что они выливают много воды, за то дети ходят не умываясь, а тем детям которые до 6 лет. в их спальни ставят воду в маленькую деревянную чашку, они идя пить чай помакнут руки в воду оботрут лицо и готова, Я спросила ходители, вы в баню они говарят, да мы были к Рождеству в бани и нам тогда дали чистые платья, Я спросила, а после Рождества вам платья не давали чистые, дети говорят нет. еще говорили дети их мыли дома в ванной всех в одной воде, а платья мы одели те же, в конце второй недели, моего прибывания детей повели в баню, Я рада была за них да и сами дети радовались, но наша радость была омрачена тем что детям опять одели те-же грязные платья, которые не только грязны сверху, но еще и полны вшей, о дин сдругова дети снимают вшей, Я находилась сними весь день то конечно и меня наградили тем же, часто и сменя дети снимали вшей. . . все служащие обращались с детьми грубо, а особенно груба с детьми была няня Евгения Карпова, била, толкала и ругала их, во время обеда она раздает, воблу и селедки, столы не чем не покрыты, больно смотреть как она им бросает, а не вруки дает, по куску селедки или жариную воблу, если дети попросят соусу от рыбы тогда она кричит на них, что еще все не нажралися все еще вам мала, поговори так я тебя живо выталкаю на каридор. детей кормят очень скверно, не потому что нет провизии, а потому, что заведующая с мужем да другими служащими все получше съедают при приюте есть 6 коров. три из них дают молоко.

Но молоко получают только дети до 2 лет. и еще очень ограниченную порцию больным детям, и то разбавляют кипятком, Остальное же молоко пьют заведующая и на кухни, а не дети, каждый день на кухне пекут лепешки, и дети слыша запах говорят, ай! нам сегодня кобеду лепешки, а те дети которые побольше отвечают, да для нас лепешкито, это для Марии Антоновны т.-е. заведующей. Много таких случаев всего не напишеш, но уже и дети замечают, что получше из продуктов, им не дают. Когда я что либо говорила то конечно, начиная с заведующей и кончая кухней шли против меня, и старались как можно больше сделать не приятного, дети от 9 лет ходили в школу, а с маленькими я играла в подвижные игры, кой кто рисовал, больше занять их было нечем ни каких материалов нет, даже книг нет, было написано требования, и передано заведующей, чтобы что небудь получить чем занять детей, но несмотря на то что я напоминала про ето, она так и осталось на бумаги, в течение месяца нечего не было получино, дети голодные, и холодные все больше жаллись к печке ко мне, да друг к другу, чтобы было тепло. . .

Я и уехала воспитательницы не было в приюте.

Как теперь там бедные дети не знаю.
Е. Антошкина¹

2. Е. Антошкиной и О. Соловьевой, май 1919 г.

В Комиссариат Социального Обеспечения
Товарищу Лилиной.
Заявление

Будучи назначены по окончании Краткосрочных Педагогических Курсов, Комиссариатом для прохождения практического стажа во 2^й Парголово-ский приют, мы обращаем Ваше внимание на вопиющие безобразия и возмутительные порядки царящие в названном приюте. Нельзя равнодушно смотреть, сердце сжимается болью когда мы видим в какой ужасной обстановке, в смысле гигиены и санитарии, находятся дети. Головы, одежда их и кроватные принадлежности сплошь покрыты вшами, что крайне опасно в виду эпидемии сыпного тифа. У некоторых детей от этого образовались раны как на голове так и на всем теле и язвы. Кроме того дети подвергаются грубому, возмутительному обращению со стороны низшего персонала (нянь) в особенности одной. Затем дети не получают причитающегося им питания. Здесь злоупотребления как со стороны заведующей, так и со стороны низшего персонала. Мы полагаем что как заведующая приютом так и местный Комиссар Социального Обеспечения, который довольно часто бывает в приюте и не замечает творящихся здесь безобразий, что заставляет нас думать что он работает в контакте с заведующей, что они оба не отвечают своему назначению. Зная как Вам близки интересы детей, при чем некоторые из них круглые сироты, мы уверены что Вы не оставите без внимания наше заявление и просили-бы назначить комиссию для обследования порядков в приюте, что-бы в дальнейшем жизнь детей протекала в нормальной, здоровой обстановке.

5/11 - 1919.

Ф.Ж.Д. ст. Парголово
2^й Парголово-ский приют

Практикантки:
О. Соловьева, Е. Антошкина²

Временная краткая инструкция братьям и сестрам социальной помощи несовершеннолетним, обвиняемым в общественно-опасных действиях (март-апрель 1919 г.)³

1. По доставлении обвиняемого несовершеннолетнего в Центральный пункт заведующий пунктом, а в случае его отсутствия, его помощник, производит краткий опрос несовершеннолетнего. Врач пункта производит медицинское освидетельствование доставленного и заносит обследования в особую "карту здоровья".

¹ Сверху справа штамп: «Канцелярия Комиссариата Социальной Помощи 21/11 - 1919 года». В верхнем левом углу надписи простым карандашом: «Ревизия» «Срочно Яковлевой 20/III 1919».

² Ниже надписи карандашом. Слева: «Срочно: Тов. Тужилкиной 1919 6/V» В правом углу: «Исполнено».

³ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.28, лл.9-9 об. Машинопись. Копия.

2. По первоначальному ознакомлению с личностью несовершеннолетнего заведующий пунктом назначает, не позже суток, к несовершеннолетнему брату или сестру социальной помощи.
3. Брат (сестра) производит подробное обследование как личности малолетнего, всей его прошлой жизни, его ученья в школе, занятий, ремесла, успехов склонности, его отношение к семье, родным, учителям, лицам, у которых жил или работал несовершеннолетний, так обстоятельства при коих совершено общественно-опасное деяние и мотивов, которыми руководствовался обвиняемый, всегда помня, что важность поступка далеко не всегда определяет личность совершившего.
4. При обследовании непременно не только подробно опросить несовершеннолетнего, но и тотчас же лично навестить родных, учителей, хозяев, лиц, у которых жил или работал и вообще с которыми был в общении несовершеннолетний. Необходимо выяснить ему товарищей, получить сведения о той среде, в которой вращался несовершеннолетний. Вызов нужных для обследования лиц в Центральный Пункт производить лишь в крайних случаях. Принять за правило лично на местах опрашивать лиц, могущих дать полезные сведения. Все полученные сведения, а также свои наблюдения заносить в дело.
5. Брат (сестра) должен обратить особое внимание на состояние здоровья несовершеннолетнего и в необходимых случаях лично обратиться за советом к врачу.
6. Параллельно с наблюдениями братьев (сестер) заведующий пунктом ведет свои наблюдения и заносит их в свой опросный лист.
7. По выяснении всей личности несовершеннолетнего в связи со всей его жизнью брат (сестра) и заведующий центральным пунктом сообщают об окончании дела секретарю комиссии о несовершеннолетних, с передачей ему всего дела. Секретарь после доклада председателю назначает дело к слушанию.
8. В случаях выяснившейся возможности передать задержанного несовершеннолетнего до разбора его дела на попечение родным или благонадежным лицам освобождение производится на основании решения совещания, в которое входят заведующий пунктом, брат (сестра), производившие первоначальное обследование и секретарь комиссии, который не позднее суток доводит об этом до сведения председателя комиссии.

Примечание. Необходимо брату (сестре) не позднее одного, двух дней посетить лиц, коим передан малолетний.

9. При слушании дела в комиссии докладчиком является брат (сестра), оказывающий помощь несовершеннолетнему, а в случаях особо важных или при разногласиях в характеристике несовершеннолетнего дополнительно докладчиками могут являться заведующий пунктом и врач пункта.

10. При докладе комиссии в заключении необходимо узнать форму желательной социальной помощи.
11. По заслушании дело о несовершеннолетнем в случаях, если дальнейшая помощь со стороны братьев (сестер) не признается необходимой, – передается на хранение секретарю комиссии. В случаях же помещения несовершеннолетнего в какое-либо учреждение призрения, копия биографии, характеристика и друг. сведения о несовершеннолетнем посылаются в соответствующее учреждение.
12. В случаях передачи малолетнего под присмотр брата (сестры), брат (сестра) не менее одного раза в неделю посещает несовершеннолетнего, занося все наблюдения в дело. В случаях неустойчивости в поведении несовершеннолетнего брат (сестра) тотчас же лично сообщает председателю комиссии о несовершеннолетних. В крайних случаях брат (сестра) задерживает несовершеннолетнего и доставляет его в центральный пункт.

Советы братьям и сестрам социальной помощи (1919 г.)¹

Посетите мальчика в его доме. Вы не сможете почувствовать к нему действительную симпатию, пока не узнаете той жизни, какую он ведет. Познакомьтесь с отцом, матерью, родными; узнав семью, вы научите ее, как помогать мальчику; вы можете также помогать семье. Посмотрите, что нужно сделать для улучшения домашних условий. Отсутствие хорошего дома часто является причиной недостатков мальчика. Не оказывайте денежной помощи кроме исключительных случаев. Повидайте учителей мальчика, мастеров, у которых работал мальчик, они могут дать ценные сведения. Если мальчик не посещает школы, то прежде всего постарайтесь определить его туда.

Если семья нуждается в его поддержке, то дайте возможность найти хорошую работу в хорошей обстановке. Рабочая организация, Бюро Труда, помогут вам в этом. Узнайте, где мальчик проводит вечера. Большею частью он проводит их на улице. Вы должны отыскать для него более подходящее и более привлекательное (с его, но не вашей точки зрения) место. Попросите врача осмотреть мальчика (золотуха и плохое питание часто являются объяснением извращенности мальчика). Не многие могут быть нравственными героями при физической слабости или болезни.

Приведите его на площадку для игры. Часто мальчик прежде всего нуждается в упражнении своих жизненных сил. Если он не занят гимнастикой или играми на свежем воздухе, он занимается уличными выходками. Пригласите его к себе в дом и покажите ему, что вы рады его посещению. Иногда здесь он впервые увидит «настоящий дом». Пригласите его посетить ваше дело или службу. Он должен знать кое-что из вашей жизни, если вы хотите, чтобы он смотрел на вас, как на брата. Интересуйтесь интересами мальчика. Быть может, он интересуется только какой-либо игрой. Но пока вы не узнаете, что именно ему нравится, вы не сумеете порекомендовать ему что-либо лучшее, что будет для него подходящим.

¹ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.28, лл.10-11об. Машинопись. Копия.

Возьмите его на концерт или на хорошую выставку, – он перестанет немного находить вкус в порочных представлениях. Не морализируйте – быть может, вы знаете и больше относительно добродетели, но мальчик, вероятно, более опытен в искушениях. Доказывайте мальчику те положения, которые вы утверждаете. Рассудительный мальчик не воспримет чужих идей, пока он не проверит их.

Обнаружьте главные интересы мальчика. Если он любит музыку или механическую работу, поощрите его в этом направлении и найдите случай дать развитие его склонности. Найдите для него какую-либо ручную работу, которая может пробудить в нем интерес. Попытайтесь развить в нем привычку к чтению, дайте ему книги и журналы. Внушите ему сознание ответственности и приучите его осуществлять обязанность помощи ближним, оказывать различные услуги, проявлять вежливость. Приучите его писать вам аккуратно и всегда отвечайте аккуратно на его письма.

Всегда сознавайте, что вы брат, что вы сами были мальчиком и потому будьте терпеливы. Ваш мальчик еще не мужчина; вы должны сделать его таким.

Заведующий Отделом Головинский.

О признании морально-дефективных детей

(Из Протокола заседания Педагогического совета Петроградского Городского отдела социального обеспечения, 16 июля 1919 г.)¹

[...] Работы по признанию морально-дефективных детей с 1 февраля 1918 года и до середины апреля того же года протекали при весьма неблагоприятных условиях. На первых порах вновь открытые учреждения приходилось раскрасировать, служебно-педагогический персонал увольнять, а детей переводить в другие учреждения. Почти в каждом учреждении Педагогический персонал в виду несоответствия своему назначению сменялся по нескольку раз. Только в последнее время педагогический персонал стал вырабатываться и мало по малу отвечать своему назначению.

Учрежденная Комиссия по делам несовершеннолетних обвиняемых в особо опасных деяниях, приступая к рассмотрению каждого отдельного случая правонарушения малолетних исходила из того принципа, что дети хотя и совершают дурные поступки, но по существу могут оставаться хорошими. В виду этого, комиссия при слушании дел ставила задачей прежде всего разобраться в личности ребенка. В этом отношении большое значение имеет обследование, производимые Братями и Сестрами Социальной Помощи, которые должны обращать особое внимание даже на мелочи [...]² В ведении каждой комиссии имеется по 4 или 5 братьев или сестер, которые и докладывают дела данным членам Комиссии. Совершивших общественно-опасные действия малолетних можно разделить на несколько категорий.

а/ дети, доходящие до полной преступности, совершающие убийства. Но среди них существуют опять же отдельные градации. Привожу в качестве ил-

¹ ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2919. Протокол № 27 Заседание Педагогического Совета Петроградского Городского отдела Социального Обеспечения, состоявшегося 16 июля 1919 года, лл. 13-16 об. Машинопись. Подлинник.

² Дальше нечитаемая строка.

люстрации такие случаи: Ваня и Маша убили брата и сестру, только за то что благодаря им Ване и Маше не оставалось лишней порции каши. Убитых дети закопали в саду. На следующий день другие дети нашли убитых, увидев торчащие из песка ноги. При опросе детей, они сознались в убийстве и видно было, что они не отдают себе полного отчета в совершенном деянии. Ясно, что в данном случае мы имеем дело с детьми отсталыми и слабо развитыми.

Другой пример. Сын профессора, юноша 16 лет, убежавший много раз из учреждения. Им совершено 16 вооруженных грабежей, убил старушку, разломив ей голову, когда она проснулась. Убийство было совершенно в целях скрыть следы преступления грабежа. Не были пощажены даже слепые, которых он ограбил. При беседе с ним, юноша пришел на словах к тому, что, пожалуй, слепых не стоило обижать. Но в душе он этих слов не признавал. Из всего этого можно сделать вывод, что в данном случае перед нами страдающий моральным идиотизмом.

Разные другие причины, часто психологического характера являются основанием для совершения правонарушений. Сюда же следует отнести и патологический (?) аффект. Далее следует категория преступников, делающихся таковыми из-за неправильного понимания правовых отношений. Например, мальчик берет сапоги взамен 400 рублей, которые ему должен хозяин. Есть среди малолетних до некоторой степени профессионалы, которых можно разделить на профессионалов и перекидчиков. Одни из несовершеннолетних, совершивших ряд преступлений равнодушно отвечают на угрозы, что его могут расстрелять, что его не напугаешь, Точно так же его не пугает и порочная жизнь, так как болезни у него уже все есть. Есть среди нравственно-дефективных дети-фантасты, которые воруют для того, чтобы отправиться в путешествие. Эти ищущие дети новой жизни и совершающие во имя этой новой жизни даже проступки, обыкновенно бывают с хорошей волей. Нельзя не упомянуть детей бандитов, но не смотря на название, на самом деле эти дети начитавшиеся детективных романов, или воспринявшие воровские приемы, демонстрируемые на кинематографическом экране в каких-либо картинах, как «Черная рука», «Сашка семинарист» и пр. Побочные интересы могут играть в их поступках известную роль, но очень небольшую. Одной из многочисленных групп являются дети эмоциональные. У эмоциональных детей доминирует чувство переживания и стремление достигнуть их. Воля в таких детях обычно хорошо развита, умственные способности так же. Вообще, следует сказать, что эмоциональные типы детей весьма интересны потому, что дети этой категории очень деятельны. Они являются¹ художниками, артистами, музыкантами и т. д. Владеть волей таких детей достижимо только путем сублимации, переноса их интересов, низших эмоций в новые творческие области на создание социальных ценностей. Следующей категорией являются дети слабобольные абуличные, умственно часто слабо одаренные, совершившие правонарушения при первом соблазне под влиянием товарищей.

В распоряжении комиссии для малолетних обвиняемых имеется для мальчиков:

¹ Следующее слово нрзб.

Детский Дом № 1	135 детей
Детский Дом № 2	48 детей
Детский Дом № 3	100 детей
Детский Дом № 4	125 детей
Детский Дом № 5	141 ребенок
Детский Дом № 6	66 детей
Детский Дом № 7	86 детей
Детский Дом № 8	35 детей

Реформаторий, помещающийся на Мытнинской улице 3, 7 Приемно-распределительных пунктов в разных частях города, каждый из них рассчитан на 20 мальчиков, Приемно-распределительный пункт (в здании бывш. Духовной Академии) на 300 мальчиков.

Для девочек.

Детский дом № 1	65 воспитанниц
Детский дом № 2	40 воспитанниц
Детский дом № 3	120 воспитанниц
Детский дом № 4	19 воспитанниц

Имеются приемные пункты на Мытнинской набережной № 1 с 70 воспитанницами и на Пушкинской № 2 на 40 воспит.

Теперь перейдем к характеристике детских домов.

Детский дом номер 1 находящийся на станции разлив для детей обоего пола, рассчитан на 40 призреваемых. Это учреждение поставлено далеко не удовлетворительно. Нет отопления и был момент, когда дети голодали. Воспитание в доме смешанное, для мальчиков и девочек. Никаких эксцессов не было.

Детский дом номер 2 находится в Детском Селе. Он рассчитан на 40 воспитанников. Введено самоуправление детей. Дети наблюдают за чистотой в доме, моют полы, производят другие работы. Состав детей довольно ослаблен по физическому здоровью. Возраст приблизительно школы I и II ступени. От устройства детского суда пришлось частью отказаться, т. к. дети не судят, а мстят. Я лично обсуждаю поступки детей с воспитываемыми. О системе воздействия не могу говорить, т. к. жизнь чрезвычайно разнообразна. Каждый проступок должен влечь за собой определенные следствия. Одной из мер воздействия является помещение буйных детей в постель. На истеричных детей это производит впечатление. При доме № 2 имеется небольшой оркестр из 10 человек и совершаются экскурсии. История Детского Села изучается с Ледникового периода. Педагогический совет заседает каждый понедельник. Ведется личный дневник каждого питомца, куда заносятся все проявления характера, и на основании записей составляется характеристика. Подобная система вводится и в других учреждениях для дефективных.

Детский дом №3 помещается в имении «Извары» на станции Волосово на 100 детей. Дом представляет собой Земледельческую колонию.

Детский дом № 4 помещается на Васильевском Острове во дворце Шереметьева. Это один из лучших Детских Домов для Нравственно-дефективных детей. При нем есть сад, мастерские, издается очень интересный журнал, созданный исключительно дарованиями воспитанников. В числе педагогическо-

го персонала состоит несколько студентов, которые дежурят в доме и по ночам в виду гомосексуальных поползновений, имевших место среди воспитываемых.

Детский дом № 5, бывший приют Белозерской, находится в помещении весьма неудовлетворительного характера. При доме имеются мастерские. Этот дом находится на правильном пути улучшения дела, раньше было много недостатков. Намечен перевод в новое помещение.

Детский дом № 6. Бывший реформаторий, переведен из детской тюрьмы. Следует отметить замечательное, теплое отношение к детям со стороны воспитательского персонала. Есть сад и большие огороды, малолетние здесь 14-ти и 17-ти лет, более трудные.

Детский дом № 7 поставлен пока не совсем удовлетворительно. При нем имеются хорошие мастерские. Но воспитательские дела требуют улучшения.

Детский дом № 8. Только вновь организуется в Детском Селе на 40 человек.

Реформаторий представляет из себя своего рода Арестдом. Там находятся в большинстве случаев налетчики. Только что организуется, обстановка довольно мрачна.

Что касается женских учреждений, то поставлены они весьма удовлетворительно, и настроение там теплое и очень милое. Своим терпением педагоги делают много хорошего, например, в распределительном пункте. Свидетельство – дневник одной из воспитанниц.

Комиссия о несовершеннолетних обвиняемых с 22 февраля 1918 по 1 янв. 1919 рассмотрела 4 700 дел. 5 450 обвиняемых, а с 1 января по 1 июля с. г. 3300 дел. 5 050 обвиняемых. Каждой воспитательнице-обследовательнице ежемесячно приходится обходить приблизительно 40 малолетних и принимать под свое наблюдение от 25-40 человек.

Комиссар социального обеспечения З. И. Лилина. Еще полгода назад мы знали, что требовалась энергичная чистка воспитательского персонала, но за последнее все изменилось к лучшему. Интересно знать, изменился ли состав педагогов или самая система и восторжествовал принцип: «возлюби ближнего как самого себя» и «будь честен в работе».

Так называемые нравственно-дефективные дети – это даровитые дети и в воспитатели им следует назначать лиц, любящих детей. Профессор БЕЛЬСКИЙ. Последнее время были приглашены в воспитатели молодые учителя, которые обращаются очень корректно с детьми и учат их тем истинам, о которых Вы говорите. В заведывающие подыскана молодежь, очень энергичная. Это еще не специалисты, просто хорошие и добрые люди имеющие и педагогический опыт.

Проф. А. С. ГРИБОЕДОВ. В прекрасном докладе некоторой отрицательной стороной является то обстоятельство, что благодаря излишней скромности докладчика не достаточно и не во всем объеме обрисовано то дело, которое здесь делается. В деле призрения несовершеннолетних несомненно проявляется большое творчество и образовалась своя система воспитания. Все учреждения организованы не случайно, а каждое из них является звеном одной цепи, тесно связанным с остальными звеньями. При распределении воспи-

танников придерживаются определенных принципов сортировки. Дело воспитания и призрачения несовершеннолетних обвиняемых поставлено так, что оно превосходит частью постановку его в Западной Европе. Конечно, до совершенства все-таки далеко. Строй жизни в учреждениях для морально-дефективных детей не похож на строй жизни в учреждениях для нормальных детей. Например, призываемые в этих¹ учреждениях ходят в школу Нар. Просвещения, а воспитанники учреждений для нравственно-дефективных должны посещать свои школы, чем они избавляются от бесцельного и вредного пребывания на улице и возможного уклонения от посещения. Усиленный надзор воспитателей и изучение нравственной личности ребенка [...]

Докладчик сказал, что воспитательский персонал состоит не из специалистов, но следует отметить, что секция сама вырабатывает их, подбирая соответствующих лиц, постоянно их инструктируя и устраивая очень часто совещания по всяким педагогическим и административным вопросам, выпустив соответствующее издания, читая курсы, и принимая участие, наконец, в создании специального факультета.

Но отмеченные в докладе болезненные преступные, аморальные типы несовершеннолетних, именно те, для которых организовано воспитательное заведение для мальчиков. Ясно, что в дальнейшей планомерной работе следует проделать тоже для девочек. Эти дети нуждаются в особых условиях воспитания и лечения. Позволю себе отметить особо энергичную работу секции и пожелать ей дальнейшего организационного успеха.

У нас имеется Детский Обследовательский Институт (Каменный остров, Большая аллея д. 13), куда поступают дети, которых нельзя сразу назначить для приема в учреждение. В этом институте в течение примерно 2 недель дети обследуются. Если обнаруживается умственная отсталость, то несовершеннолетних отправляют во вспомогательную школу для Умственно Отсталых или в один из приютов для умственно отсталых. Если он оказывается морально-дефективным, то направляется в учреждение для морально-дефективных детей. При проявлении несовершеннолетними морально-патологических явлений, когда он нуждается в дружном содействии врача и педагога, несовершеннолетний помещается во Врачебно-Воспитательное Учреждение при Психоневротическом институте

Проф. ФАЛЬДБЕРГ. Мне пришлось посетить несколько интернатов Комиссариата Народного Просвещения и впечатление от них получилось весьма неблагоприятное. В одном из бывших женских институтов увидел как мальчики с метлой мели дорожки в саду. На заданный вопрос по поводу работы, они ответили, что работа дается им в наказание. Когда не наказания, то дети блуждают по саду, ничего не делая по сути. Когда я обратился за разъяснением к воспитателю, тот сказал, что к такой форме наказания приговорил детей суд, и воспитатель не нашел нужным объяснить детям, что труд не есть наказание. Вот как понят трудовой принцип воспитания. При посещении детского клуба в другом интернате (нрзб.) я заметил, что дети находившиеся там, испугались моего прихода. Оказалось они были заняты рисованием тайком, так как в это время им полагалось быть в саду, где они ничем не были заняты и

¹ Следующее слово нрзб.

скачали. Рисованием с ними вообще не занимались в саду, столов не было, и дети, желая рисовать, сознательно толкались на ложь, что будто бы им нужно по собственной надобности находились под угрозой наказания за слушание.

Все воспитывавшиеся в бывших женских институтах, признанные почему-либо нежелательным элементом¹ направляются в бывш. Епархиальное Исидоровское училище, обстановку хуже которой трудно себе представить в гигиеническом и педагогическом смысле. В случае разговоров детей в дортуарах, после укладывания спать, провинившихся ставят в коридор часа на два. И это называется методом изоляции. К сожалению, приходится констатировать, что наши педагоги оказались несостоятельными когда [...] школа предъявила им свои нормальные требования. И нам нужны учреждения не только для подготовки педагогического персонала, но и для его переработки.

Комиссар соц. Обеспечения З. И. ЛИЛИНА. Для нашей работы требуются здоровые люди со здоровым пониманием. Специалистов мы сами вырабатываем и годовой опыт показал, что мы не ошиблись, намечая масштаб работы в деле воспитания так называемых морально-дефективных. [...]

О детях, страдающих недержанием мочи

(Из протокола Педагогического совета при Петроградском отделе социального обеспечения, 27 августа 1919)²

Слушали: О создании специального учреждения для детей, страдающих недержанием мочи.

Доложено, что Советом при Комиссаре в заседании от 21 августа по журналу за №28 постановлено: «принимая во внимание 1) отношение детей явно недружелюбного характера к детям страдающим недержанием мочи 2) равно – санитарно-гигиенические требования признать необходимым открыть одно центральное учреждение для помещения вышеозначенных детей. Организацию этого учреждения предоставить центру».

Член Совета Девятин указывает, что при недержании детьми мочи, как показал опыт, помогает, между прочим, перемена места спанья детей. Таким путем удалось излечить 5 воспитываемых из 9.

Тов. Председателя профессор А.С. Грибоедов. Вопрос о детях, страдающих недержанием мочи очень важен, желательно принять какие-либо практические меры к их оздоровлению. У нас не имеется очных сведений о распространенности этого явления среди призываемых детей. Но следует отметить, что число страдающих колеблется от 5 до 10 процентов. Вношу дополнение, недержанием мочи страдают больше мальчики, чем девочки. В Обследовательском институте на 50 воспитываемых приходится 10 мочащихся. В Центральной Вспомогательной Школе, находящейся в заведывании А.Н. Граборова процент страдающих недержанием мочи достигает довольно значительной цифры, приблизительно 20%. Обычно с подрастанием детей это явление исче-

¹ Следующее слово нрзб.

² ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.14. Протокол №33 Заседания Педагогического Совета при Петроградском Городском Отделе социального обеспечения, состоявшегося 27 августа 1919 года, лл. 48-53об. Машинопись. Подлинник.

зает, и призывному возрасту страдающих недержанием остается значительно менее 1%.

В наших интересах, однако, не ждать естественного хода окончания болезненного явления, а скорее излечить его.

Страдающих недержанием мочи можно бы разделить, по причинам заболевания, на несколько категорий:

1) Категория нервно-больных, имеющих недержание на почве поражения нервных центров определенным мозговым заболеванием – сравнительно небольшое количество детей.

2) Категория функционального недержания мочи как общий симптом недоразвития, а часто и вырождения, подобно недостатку речи и проч. Наиболее многочисленная группа.

3) Категория, страдающих заболеванием мочевого аппарата в виде воспаления его шейки и т.д.

4 и 5 Категория – при неправильном обмене веществ и малокровии. Дети этой категории излечиваются от недержания мочи, как только попадают в благоприятную обстановку.

Борьба с недержанием мочи производится разными способами 1) не давать детям много пить на ночь, 2) будить их несколько раз ночью и предлагать помочиться, 3) подкладывать деревяшки под ножки в ножном конце кровати, чтобы мочевой пузырь изменил свое горизонтальное положение.

4) Применять чисто психическое воздействие, как например перемена места сна, особые постели, плакаты над кроватью и т.д.

5) наконец лечение различными медицинскими средствами: стрихнин, белладонна, Роис аромат и проч., а также ванными, гимнастикой и проч.

б) местное лечение в необходимых случаях.

7) Создание определенной санитарно-гигиенической обстановки.

Теперь подойдем к самому вопросу, подлежащему нашему обсуждению: следует ли организовывать специальные учреждения для детей страдающих недержанием мочи, или ограничиваться лечением их на местах. Мне кажется рациональнее выделять детей, страдающих недержанием мочи и определять в особые учреждения, организованные в каждом районе. В данном случае мы будем иметь дело с организацией не простого приюта, а учреждения, поставленного в особые гигиенические условия, где должно быть усиленное питание детей, должны применяться гидротерапевтические меры, а также производиться исследование самого призываемого. Если же лечить детей на местах, то это будет как бы ставить их в особое положение, хотя бы в смысле питания. что конечно не особенно желательно, так как может вызвать и соответственные подражания среди других детей в целях получения питания. Это конечно не исключает необходимости образовать и особое центральное учреждение, типа санатория-лечебницы для особо трудных, требующих специального лечения детей, страдающих недержанием мочи. Во всех вышеупомянутых учреждениях должна быть поставлена на должную высоту педагогическая часть, дабы дети, лечась, продолжали свое образование. [...]

Материалы по делу о разращении воспитательницей Детскосельского приюта двух воспитанников¹

1.

Показания КРЫЛОВОЙ.

В.Н. Крылова показывает, что КУДРЯВЦЕВ Петя пришел в комнату вечером часов в 8. Пришел поговорить с мальчиком братом другой воспитательницы БИРЖАКОВОЙ. Заснув в пальто на диване и проспал до утра. Заведывающей об этом не было сказано. Он бывал несколько раз и ранее и оставался ночевать. Принимала его воспитательница потому, что он очень хороший мальчик и она его обожает ночевали у воспитательницы также и ЛАПИН страдавший припадками, КОНЯЕВ и другой КУДРЯВЦЕВ также Борис БИРЖАКОВ брат воспитательницы БИРЖАКОВОЙ. Заведывающая предупредила всех воспитательниц, что она будет наказывать детей которые будут долго засиживаться у воспитательниц. Тов. КРЫЛОВА когда зашла в комнату то дети спали и с ними никто из воспитательниц не разговаривал. Владимир КУДРЯВЦЕВ воспитанник с Дерновки (лет 14-15).

Подписано: КРЫЛОВОЙ

2.

Приют имени Ленина.

Детскоселск. 24.

В ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОСКОВСКОГО РАЙОНА.
ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу председателя Педагогического Совета взять из приюта имени Ленина Детскосельский 24 Воспитательницу Веру Никифоровну КРЫЛОВУ, в сказанное время так как находившись у детей очень вредная для воспитания тем более мальчиков.

Заведывающая Приютом НАУМОВА 1919 года 29-го Ноября

3.

Из расспросов выяснилось, что воспитательница НИКИФОРОВА вела с воспитанником КУДРЯВЦЕВЫМ ночью у себя в комнате развращающий ребенок разговор на тему о половых отношениях с целью соблазна. Разговор был случайно услышан ночью в 12-ть часов тов. НАУМОВОЙ. Мальчик пробыл всю ночь у воспитательницы НИКИФОРОВОЙ. Тов. НАУМОВА добавила, что случаи ночевки у воспитательницы НИКИФОРОВОЙ были наблюдаемы ранее с воспитанником КОНЯЕВЫМ который исчез. В виду изложенного предлагаю: 1) Воспитательницу НИКИФОРОВУ отстранить немедленно от должности. 2) Передать дело о ней в трибунал с принятием мер пресечения. 3) Затребовать от НАУМОВОЙ объяснения о каждом случае.

Председатель Районного Педагогического Совета: СОБОЛЕВ

4.

Показания Заведывающей НАУМОВОЙ.

¹ ЦГА-СПб. ф.2554оп.1 д.16, лл. 46-50об. Машинописные копии собранных свидетельств и решения, принятого по этому делу. В этих документах нужно обратить внимание на путаницу в фамилиях. Воспитательница, обвиняемая в соблазнении мальчиков, – Вера Никифоровна Крылова – в первом из двух документов, подписанных Соболевым, названа Никифоровой.

29-го Ноября около 3-х часов ночи проходя по спальням услышала разговор из комнаты воспитательницы, воспитанника Петю КУДРЯВЦЕВА с В.М. КРЫЛОВОЙ. Подойдя поближе, я услышала разговор с Петей КУДРЯВЦЕВЫМ: А что это у тебя спрашивает КРЫЛОВА – П. КУДРЯВЦЕВА. А это у всех бывает у папы у братишки и у меня. – А почему у меня нет – Я не знаю почему у Вас нет. после этих фраз я ушла. Не вошла в комнату так как не ручаюсь за себя. Мальчик остался в комнате ночевать. Утром Петя пришел ко мне за накладными. Я спросила где он ночевал, он ответил, что у Веры Никифоровне КРЫЛОВОЙ. На вопрос почему он там ночевал – ответил, что было холодно на вопрос же на чем он спал, стал сбиваться смутился и покраснел, ответив сперва, что на акушетки, а потом сказал, что на стульях. До этого я наблюдала несколько случаев, когда другой воспитанник КОНЯЕВ бывал у КРЫЛОВОЙ в комнате и даже войдя в ее комнату вместе с ревизором тов. СВЕЧНИКОВОЙ нашли его на кровати КРЫЛОВОЙ под одеялом распрашивать его ни я ни тов. СВЕЧНИКОВА не стали так как тут же находились воспитанники. Был также случай, когда я осматривая с доктором помещение застала КОНЯЕВА в комнате КРЫЛОВОЙ на ее кровати под ее голубым одеялом. В это время другой воспитанник нес КОНЯЕВУ, по распоряжению КРЫЛОВОЙ тарелку супу. На неудобство прибывания мальчика в комнате воспитательниц я указывала КРЫЛОВОЙ неоднократно и непосредственно и через председателя Педагогического Совета тов. МАЛЕЕВУ. У меня всегда получалось впечатление, что мальчики ходили к КРЫЛОВОЙ, а не к БИРЖАКОВОЙ. Об этом я заключила из того уже, что мальчику я заставляла на кровати КРЫЛОВОЙ, а не на кушетки БИРЖАКОВОЙ. Конечно последняя не могла не знать, но на все указания по этому поводу отвечала уклончиво.

ЗАВЕДЫВАЮЩАЯ: НАУМОВА. 30 – Ноября 1919 года.

5.

Заведывающему Отделом Социального Обеспечения Московского Района.
Доклад П.П. СОБОЛЕВА о Воспитательнице КРЫЛОВОЙ.

Заявления НАУМОВОЙ сводятся к тому, что в комнате, занимаемой воспитательницами КРЫЛОВОЙ и БИРЖАКОВОЙ подолгу, иногда днем, иногда ночью находились воспитанники КОНЯЕВ и ПЕТЯ КУДРЯВЦЕВ, и притом не оба вместе, а поразнь: сперва КОНЯЕВ до его исчезновения из приюта а затем Петя КУДРЯВЦЕВ. Приглашала того и другого воспитательница КРЫЛОВА, которая приближала к себе сперва одного, а потом другого мальчика – в столь недопустимой для воспитательницы форме, что есть основание заподозрить преступную цель сближения – соблазн и развращение малолетнего. Об этом можно заключить из того, что мальчика КОНЯЕВА заставляли в комнате КРЫЛОВОЙ под ее одеялом на ее кровати, а также из подслушанного тов. НАУМОВОЙ разговора КРЫЛОВОЙ с Петей КУДРЯВЦЕВЫМ о половых органах. Воспитательница БИРЖАКОВА, если и не была соучастницей КРЫЛОВОЙ, то была попустительницей ее деяний.

Заявление НАУМОВОЙ нашли себе подтверждение в показаниях председателя Педагогического Совета воспитательницы А.В. МАЛЕЕВОЙ. По их¹

¹ Вписано от руки.

наблюдениям, воспитанники ГРЯЗНОВ и еще какой то (я не записал его фамилии) еще в самом начале, когда КРЫЛОВА только начала приближать к себе КОНЯЕВА спорили между собой о том, сколько раз КОНЯЕВ был у КРЫЛОВОЙ: один раз или два. Несомненно дети в прибывании КОНЯЕВА у КРЫЛОВОЙ с самого начала увидели что то особенное... Недопустимый характер сближения КРЫЛОВОЙ с ПЕТЕЙ КУДРЯВЦЕВЫМ: видела и сама тов. МАЛЕЕВА, указавшая мне что болячки и сыпь, которые были на нижней губе и подбородке КРЫЛОВОЙ передались и Пете КУДРЯВЦЕВУ: и у него на тех же¹ частях лица появились такие же болячки. Это сближение сделалось, известным и в среде прислуги и было встречено с явным резким осуждением. Одна из уборщиц, войдя случайно в комнату КРЫЛОВОЙ и застав КОНЯЕВА на ее кровати под одеялом с негодованием говорила об этом² тов. МАЛЕЕВОЙ.

Самого Пети КУДРЯВЦЕВА я не допрашивал, не желая обнаруживать цели своего прихода и не желая лишний раз допускать его³ (вписано от руки – А.П.) к той нравственной грязи в которую окунала его КРЫЛОВА, преставленная к нему и другим детям в качестве воспитательницы. Поэтому предпочел форму простой беседы с детьми и стал у них спрашивать, как фамилия того мальчика, который исчез из приюта, хорошо зная наперед, что исчез только один КОНЯЕВ и дети принялись непрерывно⁴ рассказывать, как убежал КОНЯЕВ. Особенно словоохотливым оказался КОЛЯ ПЕТРОВ, которого по его словам КОНЯЕВ, выйдя вместе с ним из школы, просил сказать о том, что он больше не придет в приют, ВЕРЕ НИКИФОРОВНЕ (КРЫЛОВОЙ). На мой вопрос, почему КОНЯЕВ просил сказать о том что он больше не придет в приют не заведывающей НАУМОВОЙ, а Вере Никифоровне, КОЛЯ ПЕТРОВ несколько смущенно ответил, что он был с нею хорошо знаком. А разве другие мальчики не были с нею знакомы, спросил я – Нет были, да только они не ходили к ней в комнату, а КОНЯЕВ и ПЕТЯ КУДРЯВЦЕВ еще часто ходили.⁵ Вести беседу дальнейшую с детьми на эту тему после сказанных мальчиком БЕЛОВЫМ слов я не считал возможным и нужным. Ясно было и так как воспитывала детей воспитательница КРЫЛОВА. Я перевел разговор на другую тему, благо подвернулся под руку мальчик, указывая на которого дети стали со смехом говорить: «месяц, месяц» Действительно улыбающееся до ушей круглое и добродушное лицо мальчика удивительно было похоже на месяц в стадии его полнолуния. Во время моего разговора с детьми вошла в столовую воспитательница БИРЖАКОВА. Ее окружила толпа более взрослых мальчиков которые несколько свободно и фамильярно хватили ее за пальто, и один из них, мальчик 13-ти лет, поцеловал ее прильнув к ее губам. Я посмотрел в это время на воспитательницу МАЛЕЕВУ, желая знать, как она отнесется к этому. Та покраснела и в смущении отвернулась. На мой вопрос, принято

¹ Вписано от руки.

² Последние два слова вписаны от руки.

³ Последнее слово вписано от руки.

⁴ Видимо, имеется в виду – наперебой.

⁵ Здесь поставлен приблизительно такой знак вставки. Внизу страницы дописано от руки: ^{x)} При этих словах один из участников моего разговора с детьми мальчик Белов, с вдумчивым выражением лица, считал необходимым вставить: “ну я то никогда к ней не ходил”.

ли у них, чтобы взрослые мальчики в губы целовали воспитательницу, с негодованием заявила, что никто этого до сих пор не позволял.

На основании изложенного я прихожу к следующим выводам: 1-ую воспитательницу КРЫЛОВУ за выделение из среды детей двух мальчиков и приближение их к себе в недопустимой для приюта форме, в форме лежания на ее кровати под ее одеялом, хотя при этом и не преследовались какие либо преступная цель вопреки запрещениям Заведывающей и Председателя местного Педагогического Совета – уволить от должности без права быть воспитательницей в других приютах. 2) Воспитательницу БИРЖАКОВУ за попустительское поведение КРЫЛОВОЙ, жившей с нею в одной комнате – уволить. 3) Объявить тов. НАУМОВОЙ, Заведывающей приютом и тов. МАЛЕЕВОЙ, председателю Педагогического Совета, того же приюта в письменной форме выговор за то, что они ограничивались только замечаниями и не приняли более решительных мер и не сообщили своевременно в Отдел об изложенном выше поведении Воспитательницы КРЫЛОВОЙ.

Приложения заявление Наумовой
показания Крыловой¹

Подлинно подписали:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОВЕТА: П. СОБОЛЕВ.
РЕВИЗОР ОРГАНИЗАТОР П.Г.О.С.О.: К. СВЕЧНИКОВА.

Личное заявление П. Гольдберг, матери мальчика из приюта на Большом проспекте В[асильевского] О[строва], комиссару призрения (не позже 20-го марта 1919 г.)²

Гр. Петроградской губ. Гдовского уезда, Тупичинской вол., дер. Пустошь Барская Грива Паулины Карловны Гольберг В.О. 11 линия 56/30, кв. 14.

Настоящим прошу Вас назначить ревизию которая бы проверила бы все ясли, приюты и санатории Василеостровского района. Мой сын находится в приюте по Большому пр. 10^б, кв. 15. Этот приют хуже помойной ямы, там все те дети оборванные и грязные. Я взяла домой от своего мальчика белье и там полно вшей. Я стала говорить заведующему и он стал мне угрожать, что закрою двери и не буду пускать. Детей не во время укладывают спать и не дают маленьким детям обедать до 4 часов. В приюте страшный холод и не топят, говорят что дров нет, так как им не дают денег на дрова. Настоящим прошу чтобы ревизия осмотрела кровати и матрацы, потому что там полно паразитов. Когда мы приходим то никогда не застаем детей чистыми, а на них тратят по 12 фунтов мыла. Когда нет доверия матерям и детям то есть люди, которые есть и могут доказать. В этом приюте всю грязь может доказать няня Поля. Настоящим прошу не

¹ Эти пять слов вписано от руки.

² ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.17, лл.55-55об. Рукопись. Подлинник. Штамп: «Отдел Социального Воспитания и Обеспечения К.С.О. Вход № 2250 20/III 1919 г. Надпись карандашом: «Исполнено» Надпись чернилами: «тов. Аксельрод». Надписи карандашом: «Сведения неправильные в заявлении» «ревизия» «архив».

оставить мою просьбу и назначить как можно скорее ревизию и чтобы они шли по черному ходу, тогда они увидят всю приютскую грязь. Я это прошу не для себя и не для своего ребенка, а вообще для всех бедных детей, которые томятся и теперь хуже чем при царском режиме, а может быть и эти заведующие старые чиновники. Пусть осмотрят ту, комнату в которой спят больные дети, которые делают под себя. Я все это могу доказать и показать белье, которое носят дети. И прошу видеть Вас лично.

За неграмотную П. Гольберг расписался¹

ДЕТИ О СЕБЕ

Рассказы Маруси Кричевской (1911 г. р.), записанные ее матерью (1915)²

О хлебе

Я знаю, как растет хлеб. Когда мы приехали в деревню летом, рожь на поле была зеленая и не очень высокая. Потом она выросла и стала желтеть. Тогда в ней появилось много васильков. Потом [...] жали рожь серпами. Я это видела. Мама тоже жала и порезала себе палец серпом. Потом на поле стояли снопы. Их положили на телеги и повезли на гумно. На гумне мы с Ваней³ прятались. Там очень удобно прятаться. Там снопы развязали, положили на пол и стали молотить. А Васька⁴ один раз влез в ригу, там было темно. Молотят вообще, когда темно, тогда горит маленькая лампочка и очень интересно. Потом зерно чистили машиной, а зерно сыпалось на пол такими мелкими зернышками, а мы их ели; это было очень вкусно. Потом зерно положили в мешки и увезли на мельницу. Там из зерна мука ржаная. Из этой муки сделали хлеб и стали продавать в лавках. А в деревне пекут его сами.

Грибы

Мама режет грибы вареные, когда они мягкие, а когда Ньюша принесла их из лавки, они были очень крепкие сушеные. Летом в деревне Алешка и Ваня приносили нам много грибов. Это были свежие грибы, только что сорванные. Они очень приятно пахли.

Язык

Сегодня мама варит «коровин» язык. Его взяли из коровы, не из живой, а из убитой.

Море

Сегодня мы ходили на море – я и мама. Когда мы туда подходили, подул с моря ветер, он был очень приятный и пахнул водой. А море еще не совсем растаяло: у берега вода, а потом полоса льда, а за ним снова вода. Я сказала: «Лед – это точно нос, а вода – два глаза, потому что две воды, а один лед.»

Я думала, что Боженька только в небе на земле, и удивилась, что Он и в море тоже.

Галя Б—ц (1898-1911)

¹ Следует подпись.

² Е. Кричевская. Моя Маруся (записки матери). М: Тип. т./д. «Р. Шварц», 1916.

³ Примечание Кричевской в скобках: «NB приятель Маруси, деревенский мальчик».

⁴ Примечание Кричевской в скобках: «другой приятель».

Воспоминания¹

Минута отдыха настала
Мой дух усталый отдыхал,
И целый ряд воспоминаний
Теснился над моей главой.
Казалось мне, что стал я крошкой,
Что перенесся в старый дом,
В наш Мстиж – туда,
Где жил я прежде,
Где я родился, где я жил,
В нас старый Мстиж
Я переместился. И стало грустно, грустно мне.
Наш старый дом, и шум, и счастье
Все, все вставало предо мной.
Мне слышались звуки рояля
Крики детей, веселый шум,
Раскаты соловьев из близкой рощи,
И серебристый свет луны...
Наши веселые рассказы,
И смех, и шум, и болтовня
Все, все, что было мне так близко –
Все, все вставало предо мной.
Я перелетел в наш мир земной
И стало скучно мне и страшно
И захотелось мне... домой.
(21.X.1910).

Анонимный старшеклассник²

Из тем мне та была всегда милей,
Что всех несложнее и пишется скорей,
Над коей не корпел при лампе педагог,
В которой меньше б ошибок сделать смог.
Ведь не по смыслу ценят сочинения,
А за грамматику, за почерк и терпенье.
Покорный ваш слуга имел всегда лишь двойки
(Словесники всегда на эти шутки бойки)
А в классе потому писал я дребедень,
А дома написать всегда мешала лень.
А потому в Совете ходит мненье,

¹ И. М. Соловьев. Литературное творчество и язык детей школьного возраста. М-Л: Московское Акционерное Издательское Общество, 1927. С. 70. Здесь приводятся биографические данные Гали (род. 30.VI.1898 - ум. от скарлатины в возрасте 13,5 лет в 1911 г.).

² Вестник воспитания, 9 (1916), цит. по: И. М. Соловьев. Литературное творчество и язык детей школьного возраста. М-Л: Московское Акционерное Издательское Общество, 1927. С. 8.

Что я пишу не важно сочиненья.
Коль вы хотите верить, чтоб трудились дети,
То уничтожьте вы проклятые отметки.

Из ученического журнала Первой Санкт-Петербургской Гимназии «Неопытное перо»¹

РАЗВИТИЕ ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ В РОССИИ

Еще не так давно в России существовало мнение, что русский народ не интересовался воздухоплаванием, но это не совсем правильное мнение. Еще в стародавние времена русский человек хотел покорить себе воздушную стихию. Мы имеем интересную, старинную рукопись, посвященную этому вопросу. Она называется «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.» Вот некоторые выдержки из нее:

1699 г. «Стрелець Рязанский Серов дьлалъ въ Ряжске крылья, изъ крыльевъ голубей великие, и по своей обыкности хотель лететь, но только поднялся аршинъ на семь, перекувырнулся и упалъ на спину, но небольно.»

1729 г. «В сем Ключе, недалеко от Ряжска кузнецъ Черпакъ, Гроза называвшийся, сделалъ крылья из проволоки, надевалъ ихъ, какъ рукава; на вострыхъ концахъ надеты были перья самые мягкие, какъ пухъ из ястребковъ и рыболововъ, ихъ по приличию на ноги какъ хвостъ, а на голову как шапка съ длинными мягкими перьями; леталъ такъ, мало дело не высоко не низко, усталъ и спустился на кровлю церкви, но попъ крылья сжегъ, а его едва не проклялъ.»

1731 г. «Въ Рязани при воеводе подъячій Нерекшець Крякужной фурвинъ сделалъ как мячъ большой, надулъ дымомъ поганымъ и вонючимъ, отъ него сделалъ петлю, сель въ нее и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударила его о колокольню, но онъ уцепился за веревку, чемъ звонять, а остался тако живъ. Его выгнали из города, онъ ушелъ в Москву и хотели закопать живого в землю или сжечь».

Из этого примера понятно, что тот летун Нерехтец хотел подняться на аэростате. Из вышеприведенных выдержек видно, что русские уже давно интересуются воздухоплаванием, но этим выдающимся людям нельзя было продолжать своих опытов, которые привели бы их, может быть, к замечательным результатам, так как невежественный, темный народ относился к ним в высшей степени недоброжелательно и даже угрожал им смертью. После такого отношения народа к воздухоплаванию, опыты должны были прекратиться. Наконец после долгого бездействия в этой области, начинают снова появляться, люди интересующиеся воздухоплаванием. В 1805 году появился первый

¹ ЦГИА ф. 139 оп. 1 д. 12664. С.Петербургская 1ая Гимназия. «Сведения о преподавательском составе, учениках и низших служащих. Отчет об аттестации зрелости. 31.1.1911-12.12.1911». С. 48-51, л. 24 об.-26. Весь текст журнала занимает лл. 12-27 (Неопытное перо. № 2. 1910 г.: На обложке: виньетка лаврового венца и колонны). На л. 11: Письмо директора СПб. 1-й гимн. Господину попечителю СПб. учебного округа, «Вследствие предложения от 31 декабря 1910 года за №31407 имею честь представить Вашему Сиятельству при сем №5 журнала «Неопытное перо», ответственным редактором которого состоит преподаватель русского языка А. И. Сидоров.» (Апреля 19 дня 1911). Мимеографическая копия. Машинопись.

русский воздухоплаватель, это был штаб-лекарь Кашинский. В 1884 году были приобретены первые аэростаты: «Орел» и «Сокол».

Итак, воздухоплавание было принято в России официально. Одновременно с этим у нас стали изобретать управляемые аэростаты. Первый проект дирижабля был сделан Костовичем, он первый предложил жесткую оболочку и его изобретением воспользовался граф Цепеллин. За этим пионером в области воздухоплавания следует Циолковский и наконец доктор Данилевский построил очень интересный аппарат. Он состоял из баллона и нескольких плоскостей, как у современных мультипланов. Этими планами, которыми пилот управлял ногами, повиновался баллон и двигался по тому направлению, какое было угодно управляющему им. В 1893 году был построен алюминиевый дирижабль по проекту австрийца Шварца, но при опытах оказалось, что газ выходит в поры склепанных соединений. Поэтому пришлось ввести баллоны, в алюминиевую оболочку. Но потом оказалось, что дирижабль не поднимается, так как его тяжесть не соответствует подъемной силе газа $/2800 \text{ m}^3/$. После этой неудачи правительство не строило дирижаблей и к русско-японской войне у него были только сферические и змейковые аэростаты. После удачных полетов во Франции дирижаблей братьев Лебоди /в 1907г./, Россия заказала им первый управляемый воздушный корабль русского флота и приняла его под именем «Лебедь». Чтобы закончить отдел о дирижаблях, можно сказать, что Россия теперь обладает 6-ю дирижаблями и в 1911 году принимает Парсевалю и двух Зодиаков. Смелые полеты на аэропланах неустрашимых авиаторов заинтересовали русский народ и Россия стала организовывать воздушный флот из аппаратов тяжелее воздуха. Первый аэроплан был приобретен осенью 1909 года. Почти в это время Ефимов демонстрировал полеты в Одессе. В 1910 году приехал из за границы Лебедев со званием пилота-авиатора. Развитию флота содействовал «комитет по созданию воздушного флота на добровольные пожертвования», ими были приобретены 6 аэропланов /по два Фармана, Блерио и Антуанет/. Затем было куплено два Райта, но полеты на них были отложены из-за катастрофы с Поповым, который был приглашен инструктором. Более хорошо пошло дело с Фарманами, на них выучилась летать несколько офицеров: Руднев, Горшков, Ульянин и др. К осени 1910 года приобретено еще два аэроплана: Фарман и «Aviata». В этом же году открылась «Воздухоплавательная школа», в которой обучается 30-ть офицеров. Лучшим доказательством успеха воздухоплавания в России служит «Первая авиационная неделя» и в особенности «Всероссийский праздник воздухоплавания», на который стекались десятки тысяч народа, и это лучше слов показывает, как относятся к воздухоплаванию русские люди.

Пилот.

**Положение о самоуправлении учащихся
I-ой Единой Трудовой Школы II ступени г. Твери (1918)¹**
Глава I
Основное положение

¹ Положение о самоуправлении учащихся I-ой Единой Трудовой Школы II ступени г. Твери. Тверь: 1-я Государственная Типография, 1918. С. 1-7.

§ 1. Весь внутренний строй школьной жизни должен основываться на сознательном и разумном отношении учащихся к делу и к своим обязанностям и на взаимном уважении учащими и учащимися друг друга.

Глава II

Самоуправление учащихся

§ 1. Главным органом самоуправления является Совет Учащихся Школы.

§ 2. Совет Учащихся есть организационный, контролирующий и распорядительный орган среди трудящихся. [...]

§ 5. Совет Учащихся выделяет из своей среды Исполнительный Комитет.

§ 6. На обязанности Исполнительного Комитета лежит проведение в жизнь постановлений Совета.

§ 7. В каждом отделении из представителей класса в совете и столько-же кандидатов образуется Классный Комитет. [...]

Товарищеский суд

§ 12. Для разбора недоразумений, ссор и проступков среди учащихся учреждается товарищеский суд.

§ 13. Товарищеский суд бывает: а) покласный и б) общешкольный.

§ 14. Товарищеский суд, кроме разъяснения, поднимает меры внушения, порицания – явного или тайного, лишения избирательного права, активного или пассивного, на некоторое время. [...]

Глава III

Права и обязанности учащихся

§ 1. Каждый учащийся является равноправным членом Единой Трудовой Школы, принимающим прямое или косвенное участие в управлении Школой.

§ 2. Каждый учащийся может состоять в любой организации, любом обществе, клубе и т. п., как в школе, так – вне ее, лишь бы работа в этой организации не мешала учебным занятиям.

§ 3. Труд как умственный, так и физический является обязанностью всех учащихся.

Примечание: Ввиду того, что Школа – трудовая, участие в занятиях считается для всех учащихся без исключения обязательным. При этом регистрацию и контроль отсутствий должны вести классные комитеты.

Манкировки занятиями считаются недопустимым явлением, и на Исполнительный Комитет и Классные Комитеты возлагается обязанность бороться с ними решительными мерами.

§ 4. Выше всего среди учащихся ставится товарищество; оно соблюдается всегда и выражается не только в материальной, но и в моральной поддержке.

§ 5. В обязанность учащихся входит: следить строго за порядком, чистотой и сохранностью, как самого здания, так и всего школьного инвентаря.

§ 6. Учащиеся, нарушившие этот пункт, кроме предания товарищескому суду, подвергаются денежному взысканию или принуждаются своим трудом восстановить порядок.

§ 7. Каждое отделение следит за чистотой своего класса, части корридоров, зала и уборной.

Примечание. Для этой цели назначаются три дежурных смотрителя.

§ 8. Трое дежурных выметают, вычищают и проветривают свой класс и совместно с дежурными других отделений убирают корридор, зал и прочее.

§ 9. За неисполнение этого (пункт 8), дежурные привлекаются к товарищескому суду.

§ 10. По отношению к педагогам учащиеся должны быть всегда вежливыми.

§ 11. В лице педагогов учащиеся видят своих старших товарищей и руководителей.

Примечание: Поэтому педагоги имеют право совещательного голоса на всех открытых заседаниях организаций учащихся, а по решению учащихся имеют и право решающего голоса.

§ 12. Всякая группа учащихся школы беспрепятственно может устраивать спектакли, вечеринки и пр., назначая ответственных распорядителей и за несколько дней предупреждая Совет Учащихся Школы и Школьный.

§ 13. После всякого спектакля, вечера и пр. помещение должно быть приведено в надлежащий порядок.

§ 14. Плата на спектаклях допускается лишь на нужды Совета Учащихся Школы, Кассы взаимопомощи Учащихся Школы, Клуба Школы и вообще с благотворительной целью.

Глава IV

Дисциплина

§ 1. Дисциплина в Школе должна основываться на сознательности учащихся. Следить за дисциплиной должны сами же учащиеся.

§ 2. Нарушение товарищеской дисциплины рассматривается товарищеским судом.

§ 3. Никто не имеет права мешать чужой работе, и всякие выходки, мешающие другим, считаются недопустимыми.

§ 4. Также считаются недопустимыми никакие ссоры, брань, а тем более клевета и оскорбление личности.

Председатель Сов. Учащ. *А. Троицкий.*

Товарищ Председателя *М. Фадеев.*

Секретарь *Н. Сазонов.*

Учащийся *Н. Кошелев.*

Глава 4 «Мы дети пионеры, мы дети всем примеры» 1920-1929

Двадцатые годы часто называют наиболее важным и плодотворным десятилетием во всей истории русской педагогической мысли XX века. Это – вре-

мя расцвета «свободного воспитания» и «педагогической антропологии». Эпицентром новых направлений служили так называемые «опытные станции» Наркомпроса, где под руководством таких выдающихся фигур либерального отношения к детям, как С.Т.Шацкий, создавались фундаментально новые программы школьного обучения, поощряющие творческие способности детей. Эта «революция» продолжалась недолго – уже в 1925 году появились первые централизованные программы, пока что с «рекомендательной» силой, но в 1927 году – уже первые обязательные программы. В первую половину 1920-х гг. в классах (или, как тогда говорили, «группах») советских школ детское творчество расцветало. Дети писали сочинения, дневники, автобиографии, тексты для «живых» и стенных газет, агитки, доклады и выступления, рисовали картинки на все темы, от новых праздников до деревенского быта. Наша подборка текстов в этой главе – хотя она неизбежно более обширна, чем в других главах книги, – только частично выражает огромное разнообразие детского «производства» тех лет. Во многом очевидны следы идеологического воспитания тех лет (например, в лозунгах, заполняющих сочинения и рассказы), но оно вполне воспринималось детским сознанием во многом как игра.

ВОСПОМИНАНИЯ

Анатолий Иванович Ульянов (1915-?)

Воспоминания о периоде 1921-1928 гг.

1933. Москва¹

1921 год. Поступление в школу.

«Ну, Толя, завтра идем в школу!» - заявила мне мама. Я, имевши страшное желание учиться, не мог дождаться следующего утра. Побежал похвалиться «национальной» мелкоте.² Топка Фомин задрав нос кверху заявил: «Что радуешься, я уже два дня хожу в 5ую школу...» Но я неугомонно продолжал носиться по коридорам, громогласно заявляя на каждом углу и этаже. Забежал к Кольке Ксенофонтову, ему уже шел шестой год. Но он был моим другом, и я с ним поделился.

Наступило долгожданное утро. Моросил дождь, постукивая мелким бисером по окнам. Я не мог спокойно есть подгоняя все время мать!

«Мамка! А мы не опоздаем, А!...» - «Ешь, Толя, и не болтай. Успеем!» - вразумительно успокаивала мама. Но разве можно было ее слушать...

Дождь не большой, но холодный заставил влезть нас в трамвай...

Вышли у Никитских ворот. Пошли по переулкам в школу. Все-таки далеко!

Это была 4-я школа ХОНО [Хамовнического отдела народного образования]. Серое здание 2 этажа. Узкие как в церквах окна. Суровые темные коридоры действовали неприятно на меня. Я думал встретить такой же блеск, как и в «Национале». А увидел лишь темноту, да сероватые проблески лета через

¹ ОР РГБ Ф.442 карт 1 ед хр 3, л.3-24. Рукопись; школьная тетрадь. Подлинник.

² Такое название потому, что все семьи, откуда были дети, живут в гостинице «Националь», приспособленной под служебные квартиры видным партийным работникам.

матовые стекла дверей... Школа разочаровала меня.. Мне казалось, что эта не-хорошая школа и мама меня в ней не оставит....

О том, что я был достаточно для своих лет хулиганист, говорить нечего!..

«Мам! А ты меня здесь оставишь! Мне страшно тут!»

Мамка улыбаясь гладила голову и приговаривала:

«Ничего, Толенька, здесь не так уже плохо!» Я, видя, что от мамы мне не будет поддержки, решил выкинуть что-нибудь, чтобы только не быть здесь!

Наверное, и учителя злые как собаки, казалось мне...

Меня ввели в класс, здесь усадив на дальнюю парту рядом с какой-то курносой девчонкой. Мне не понравились ее жидкие косенки, и через какую-нибудь минуту я потянулся к ним; девочка завизжала. А учитель, высокий сутулый старик с проседью на висках, подскочил у кафедры и закричал оттуда:

«Эй! Мальчик – как фамилия!?!»

Я повернулся и побледнел... У него грозно сжались огромные поседевшие арки бровей... Глаза по волчьей уставились на меня. «Мое?... мое фамилия Ульянов.»

- Ты что же шалишь, нельзя во время урока баловаться, надо слушать. Иди к доске!

Я присмирел, но однако же не пошел... Я уткнулся в тетрадь, в которой успел нарисовать пузатого дядьку с необычайно худыми ногами...

«Я кому говорю? А! Ульянов к доске». Я сидел перепуганный, бледный, но упрямо не хотел слезить со своего места.

Учитель недоуменно посмотрел на меня. Потом на остальных новичков. А затем встал и направился ко мне...

Его огромная фигура нагнулась над моим ухом!

«Ну ты что ж! Пойдешь, когда тебя зовут! А, да ты художник. Но в классе этими вещами не занимаются... Ну к доске...» Бледность сменилась яркой краской.

Я вышел к доске...

«Ну, отвечай мне! Писать умеешь?»

Я мотнул головой и по примеру других учеников взяв кусок мела написал на доске ... «Злой»

Учитель прочел, слегка нахмурился. Он понял что это относилось к нему...

«Написал верно, но не аккуратно! Почему слово Злой. Это ты про кого же?» Я поднял голову и не моргнув глазом ответил: «Это я про вас дяденька!..»

«Это почему же то!?! Разве я злой? Не зови меня дяденька – меня звать Александр Василич.»

«Кричите здорово! А батько говорил, что тот, кто кричит, тот Злой¹, и ему нельзя доверять детей!..»

«Гм!» - учитель смутился на мгновение, но сейчас же переменял тему разговоров. «Ну ка, прочти... «Вороне где то бог послал...»»

«Не буду читать!»

«Что!»

«Не буду почему? Потому что бога нет, говорила мама, и про него нечего читать!»

¹ Так, с большой буквы.

«Что за наказание... А ну ка, скажи, что ты любишь читать».

«... Пушкина!»

Ответ учителя огорчил! Я конечно не знал, кто такое Пушкин. И просто соврал первым попавшимся словом, какое слышал в семье...

«Фу! Какой шалун, иди сядь на место!» Не знаю, что было после урока. И какой происходил разговор учителя с мамой, но я видел, как мама размахивала руками и не решался подойти. Наконец мама окончила разговор и заканчивая словами «Это безобразие! Так орать на детей!», - обратилась ко мне после: «Толичка! Пойдем во Флеровскую школу». Я радостно подхватил ее руку...

Но в школу Флерова оказалось идти поздно, и мама раздосадованная, идя пешком и ведя меня за руку, выговорила: «Толя, ты не исправим! Зачем ты не послушал учителя, почему не захотел подойти, зачем написал «Злой»?»

Я молча шел за ней и не говоря ни слова ждал, когда придем домой. Дома, почувствовав свое родное жилье, я у двери разревелся уткнувшись мамке в подол.

«Он Злой, мамка, он Злой. Он кричит!» Мать улыбаясь принялась уговаривать. «Не плачь Толятка, пойдем в другую школу...» Прошло два дня... Перед уходом в новую школу мама заранее прочла нотацию. «Не мудри, когда спрашивают, отвечай честно и правду, а не выдумывай.» Она одела мне новый ранец... Мы вышли из дома... Страшно волновалось мое нутро... Но страннее всего казался мне ранец, который поблескивал у меня сзади своими дешевенькими клеенчатыми стенками. Путь оказался позавчерашним, в Мерзляковском переулке подходя к белому 3х этажному зданию, мама поглаживая голову мягко сказала:

«Будь умником, Туля¹, вот твоя гимназия!..» Я с трепетом всматривался в эту белую громаду камней, мы вошли опять как и в первый раз в темные неприветливые коридоры, еще пахнувшие политой карболовкой для дезинфекции.

Мама еще вчера, когда покупала ранец, уже оформила прием, так что меня она сразу же усадила в какую-то группу. Я косо оглядывался на ребятшек, пришедших в бархатных блузах с белыми воротничками, на девочек, наряженных в детские пышные и пестро-попугаистые платья, на их браслетки, висевшие то на шеях, то на руках. В голове пронеслась мысль, что таких бедных, как я, мало, что мои заплатанные желтые штанишки не позволяют мне подходить к этим «барчукам». Странная была это мысль, но она была первой, которая сознательно созрела в семигодовалой голове сорванца.

Пошли серые однообразные дни. Эти скучные уроки не имели уже той прелести, которая была у меня в начале. Так начиналось воспитываться во мне любовь к коллективной жизни и труду.....

Наконец ввели этот знаменитый дальтон-план. В переводе на язык учеников «Бегом план». Преподаватели еще сами не понимая того, что хочет от них МОНО², носятся вместе с нами по кабинетам... или упрямо высидивают в каком-нибудь классе, ожидая прихода нас. Я уже в 4 группе... толстый ребенок-хомячок, хулиганист, буферник, и забияка... Еще летом мне уже исполнилось 11 лет... Я был низок и толст... Когда подымался спор, у меня брюз-

¹ Так в тексте. По-видимому, это внутрисемейное имя.

² Московский отдел народного образования.

жала от избытка мыслей слюна, язык не успевал ворочаться за словами... Напишу несколько картинок из этого года.

В один день у меня произошла забавная история... Я поссорился со своим другом Витькой Сапожком (Сапожниковым)... Дело началось с простой чернильницы, которую мы швыряли вдоль длинного стола из угла в угол... Мне нравилось это гладкое движение чернильницей... Но вот кончилась перемена. Задрезжал этот противный звонок, чтобы закончить игру. Я поднял злосчастную чернильницу и с размаха швырнул ее в стену как раз недалеко от доски... Только тогда, когда огромная клякса от чернил блистая фиолетовыми оттенками медленно поползла по стене к полу, я вспомнил, что сейчас войдет «Цыганка»...

«Витька! Ты не говори... слышишь», - успел я крикнуть Сапожку, побледневшему и стоящему в углу... «Толька, что ты наделал... Вот так наде журили...» Некогда было рассуждать, в проветренный класс уже рвались ребята из-за стеклянных дверей уже выглядывало лицо «Цыганки»... Послышался стук. Я дрожа открыл дверь... Со смехом и шутками ввалились ребята. Они¹ это пятно у доски... Неонила Ивановна прошла к кафедре... Маленькая и толстая, бегущая в развалку, она от девчат получила кличку «Утя». А от ребят за ее огромные цыганские серьги – «Цыганка». Злая нервная женщина, она всегда приводила ребят в трепет... Ее шипящий рот был страшнее самого директора гимназий баркова...²

Начался урок... И только после того, как она закончила «Вещего Олега», она машинально посмотрела на стену... У меня и Витьки екнуло что-то внутри... Вдруг узнает... Цыганка замолчала...

«Кто это сделал!...»

Тоскливое молчание... Ребята некоторые уже знали, но молчали и предлагали мне выпутываться самому...

«Я спрашиваю, кто это сделал?.. Староста...»

Встает Каплан... «Я, Неонила Ив.³, не знаю!...»

«Говори, кто! Ты должен знать!»

«Но я не знаю...»

«Ах, не знаешь!...»

Началась кутерьма... Цыганка запела романс «Не бей кота по животу»... Т.е. начала отчитывать...

Она проговорила почти целый час, близился конец... Мы думали, что дело кончится на этом...

В конце своих изречений, что все мы проходимцы с большой дороги, а не дети, что мы какие-то маленькие черти, которые кроме драки ничего не хотят знать, снова вопрос: «Ну! Есть ли среди вас хоть один смелый! Который бы мог сказать!...»

Встает Павлик... «Нет! Среди нас нету ябед...» «Что! Что! Славянский «ябед», что, что за слово... Ябеда это фискала! Который говорит про товарища... Нет, говори ты!»

¹ Следующее слово нрзб.

² Так, с маленькой буквы.

³ Сокращение здесь и далее автора.

«А я не знаю!» «Не знаешь?» «Нет!» «Хорошо, после урока пойдешь к директору...» Павлик был уверен в себе, он знал, что чернильницу не бил... И слегка побелев сказал:

«Хорошо, Неонила Ив., я пойду!»

«О, это! Не группа! Это свод хулиганов, сегодня же буду ставить вопрос, чтобы группу расканировали, ну, а таких, как Ульянов, Сапожников (нрзб.¹ слово) исключить...»

Кончился урок. Витька вскочил и побежал за Цыганкой!

Нагнав ее в коридоре, он сказал ей что-то тихо...

Он открыл секрет!.. Накляузничал на меня... Когда вышел в коридор, то увидел, как успокоенная Неон.Ив.гладила этого паймальчика по голове... Я вбежал в класс, взял... Зойкину чернильницу, полную чернил... и снова был в коридоре... Месть быстра... Я подошел к Витьке... «Говори, что ей говорил...» Он заикаясь! Начал... «Я!я!не хочу уходить из школы...»

«Ах, так на!..» Я наклонил над головой чернильницу, потекло чернило, стекая струйкой на голову... Начался бой... Витька рассвирепев хлопал вперед себя по голове... и измазав руку в черниле мазал ею мне морду, шею, руки, рубаху...

Я бил спокойно, приговаривая: «не фискаль, гад, не трепись.» В этот момент мне было все равно... Пусть исключат, я не оставлю камня на камне... А кляузнику Витьке будет плохо...

Собравшиеся наши ребята и ребята других групп окружили нас тесным кольцом. Кто-то из девчат побежал за Неонилой Ив. ...

У меня и у Витьки, у обоих уже были разбиты сопатки... Тяжело дыша мы все еще кидались друг на друга. Вырваться из тесного кольца ни мне, ни ему не удавалось. Большинство ребят были на моей стороне. А те, что призывали сторониться шума, приветствовали каждый замах Витьки... Я уже не помню самого себя. Кровь смешалась с чернилами. Чернота моих рук. Измазанная во многих местах новая рубаха привели в неопишную ярость. Витька струсил, он сжался комком, я сшиб его с ног и начал пихать носками своих сапожек!... Большинство радовались... Витька начал выть!

«Сдаешься!...» И из-за хлюпающего носа, из-за¹ причмокивающей разбитой губы я услышал: «сдаюсь!»

Бой выигран! Весь перемазанный извалявшийся я встал... В это время кольцо разъединилось и в середину вошла Неонила...

«А, Ульянов! Так ты не только лентяй, но и хулиган». Она больно... ущипнула меня за ухо. Я, еще неостывший, ткнул кулаком в бок... «Вы, вы! «Цыганка», не имеете права меня трогать...» Рассерженная Неонила Ив. схватила меня за шиворот и без дальнейших разговоров повела вниз в директорскую...

Когда я очутился у него в кабинете, я почувствовал злой ядовитый взгляд... «Ах, комиссарский сынок... На кого вы похожи...» Истеричная Цыганка просила Ал.Ив.: «Его надо выкинуть из школы, я не могу так работать...» Не знаю, почему, но кровь перестала течь... Все тело ныло от недавних побоев, ухо горело от щипка этой чертовой Цыганки...

¹ Следующее слово нрзб.

Он не стал меня о чем-либо спрашивать: «Ульянов! Вы исключены на 2 недели... Если завтра не придет мать, можете не приходите 14 дней...» Я встал с дивана... и направился к двери... «Ну и ладно! Буду гулять...»

В коридоре уже ждали ребята, я молча пошел в уборную умыться... Но чернило не смывалось... Выйдя в коридор, я встретил Неонилу... «А это твоей мамаше...» Я молча взял записку... Мамы дома не было, она лежала в больнице...

Я начал прощаться с ребятами. Павлику я пожал руку... «Ты славный друг... Мы еще увидимся...» Витька мылся на другом этаже...

Дома меня ждала одна бабушка... «Где же это ты, Толинька, был?»

«В школе, - говорю, - бабушка... Облился чернилами...» Она недоверчиво покачала головой. К вечеру я был чист и причесан... За чаем... когда собрались все: я, Зоя и Костя, я сказал: «Бабушка, завтра меня не буди, меня отпустили на каникулы...»

Старуха, уже забывшая утреннюю сцену, радовалась за меня... «Ну вот и хорошо, Тольчика, погуляешь».

Зойка завистливо смотрела на меня... Прошло 4 дня. Я не ходил в школу и боялся только одного, что придет мать... из больницы... Ее тиф уже прошел, и дома все чаще и чаще я слышал слова о скором приходе матери...

Наконец, пришла она. Худая, остриженная, еще слабая... и первое, что спросила, почему я дома... Я заикаясь сказал: «Мам! У меня каникулы...» Она чувствовала по тону, что я вру! Но ничего не сказала... Когда сели обедать, она начала просматривать почту... среди них была повестка...

Мама встала... «Одевайся, сынок!..» Я оделся. Пошли в школу... Мать пошла к директору, я пришибленный стоял у двери и ждал... В школе шел урок, как-то тоскливо стало на душе... Неужто Барков не возьмет меня... Эх, зачем я дрался...

Наконец, вышла, красные заплаканные глаза... «Иди, Толичка...» Я дрожа пошел за дверь... Хмурый, какой-то далекий взгляд... «Ну, будешь! Хулиганить...»

«Я не хулиганил, на меня наябедничал Витька, а чернильницу я разбил просто так...» Он как и в тот раз не стал меня спрашивать... «Иди в класс и занимайся... Смотри!..»

Я вышел, мама ждала у дверей. «Не балуй, Толичка.» Она поцеловала. Я, успокоенный, пошел.

В классе сидел Федор Борисыч...¹ «Ребята! Толя! Ульяничик, Ульянов пришел.» Я был водворен на свое место... Снова пошли дни...

* * *

Дальтон-план своей неуклюжей громоздкостью делает из нас лентяев и ничего (не) делающих. Непонятно одно, как можно нам 11-13 летн.ребятам доверить свою учебу на нашу²[...]

Я, конечно, как и многие из лентяев, слоняюсь из кабинета в кабинет.

¹ Следующее слово нрзб.

² Следующее слово нрзб.

А еще больше сижу в труд.классе, где возимся с разными вырезками, моделями и всякой прочей мурой. Труд отвлекал меня от учебы и от этих противных хождений по коридорам из класса в класс.

Но обязанность учить уроки заставляла иногда заходить в лоно других кабинетов. Как-то раз, когда мне вздумалось побыть на математике, [...] я принес с собой игрушку, «прыгающую лягушку» [...]

«За кулисами галстука»

Ему¹ исполнилось 10 лет. Толстый, розовощекий мальчуган ввалился в пионерский клуб, держась за ручку своей сестрицы, 8летн.карапуза. С тех пор прошло очень и очень много... Сейчас он сидит у своего друга «Скворца» за столом и раздумывает о том, что бы написать... Мысленно он перебирает свою жизнь, факты веселых дней...

Это была зима. Я помню, сестра моя, взяв меня за руку, сказала: пойдём... Я запишу тебя в отряд пионеров! Я шел и дрожал, мне жутко было идти в эту многочисленность. Но мать подсобила сестре, и мне ничего не оставалось делать, как исполнять желание матери и сестренки...

Перед дверью клуба мне вдруг сделалось чрезвычайно страшно... Как это так? Как я могу войти? Но сестра, хоть и молода, но умела настоять на своем. Пойдем и точка...

Меня обступили многие пионеры, как и всегда это случалось, когда после к ним приходили новички... Мягкий товарищеский подход успокоил мои натянутые нервы. Я сразу же был взят в работу.

Большой длинный Гераська Володин бесцеремонно всучил мне лист бумаги... и красочки. Эта бесцеремонность никак не вязалась в той элегантностью, с тем интеллигентным языком, которым он меня еще больше удивил...

-«Про вас мне говорила ваша сестренка, что вы рисуете... Не окажете ли помощь нам, будьте добры...» Я молча уселся за плакат, ошеломленный всем происходящим, и начал писать... Только бы не опозориться. Надо рисовать получше!...

Помню, как тщательно, как старательно я выводил каждую букву...

Но вся моя работа пошла прахом. Я, новый ленинец, опозорился написать имя Ленин с маленькой буквой, что было моя первая неприятность. Старшие начали надо мной смеяться, а Гераська мокнув кисть в чернила мазал мне по щеке, произнося: «Во имя! Отца и святого духа окропляю тебя, божья тварь, в пионеры...»

Я был горяч. До этого был хулиган, маленький проказник, который проводил каждую свободную минуту только на улице... И тут я оказался бессилён...

Я заехал в живот этому длинному дураку и хотел бежать. По пути встретил старого пионера, фаворита дворовых ребят Петьку Глупенка. Он больно ударил в меня коленкой. Я крикнул и заревел. И так я был принят в отряд... Толстый и неуклюжий, я приводил многих в смех. Вечно моя фигура, мое жирное, расплывчатое и вдобавок глупое лицо вызывало грохот голосов, который не передать на бумаге... Но постепенно привык к своему положению, по-

¹ Зач.: «Мне». В начале следующего предложения зач. «Я». Очевидно, автор решил начать о себе в 3м лице, как бы посмотрев на себя со стороны, но потом вернулся к «я».

лучив кличку «пузырь». Я начал работать в редколлегии. Начал писать стишки и протянул однажды в них старшего пионера:

Есть у нас Миша Иванов
Из породы болванов
За уши он всех дерет
И работы не ведет.
Всем мешает он работать,
Всех толкает он всегда.
Не мешало бы большому
Приниматься за дела...

Это было первое мое печатное стихотворение. Я подписался под ним «свой». А Мишка Иванов приписал «дурак», и получилась простая оскорбительная шутка «свой дурак». Но стереть я не мог [...]

Я был сильно впечатлителен, мало говорил и еще меньше делал сам... Во мне говорило мое бурное рождение, и я затаил злобу на многих моих обидчиков... Но обстоятельства мешали мне вылиться во внешние действия. Над группой наших оскорбителей, Юзика и меня, поднялась огромная незабываемая заваруха...

Только Седов и Мишка Иванов пытались изнасиловать Клавку Столковскую. Они проводили ее до дому, а там в ее коридоре хотели совершить свою гадость, о которой тогда я еще не понимал.

С помощью Вербовецкого, нашего нового вожатого, над этими ребятами состоялся суд... Их исключили. – Этим закончился учебный год и мои три месяца работы в отряде. Я уехал на дачу¹. Осенью того же года я снова приехал в Москву и снова начал посещать отряд, снова откликаться на кличку «пузырь» без обиды и лишних разговоров...

Я уже стал своим, правда, посмешищем ребят... но все же своим!

Помню, мы собрались в комитете и² комсомолец нашей ячейки проводил физкультуру. Какая-то девушка, которая после оказалась Мусей Казачок, рассказывала о монашеской жизни, о жизни девочек монахинь... Этот рассказ у меня до сих пор сохранился в голове...

Помню, что вскоре после этого было торжественное обещание пионеров нашего отряда, нам преподнесли³ знамя, горн, барабан [...], в который я тщетно после пробовал горнить и разочарованный бросил его. К черту. Вскоре после этого меня чуть было не исключили из отряда за бузу. В это время нам уже снова переменили вожатого, поставив Миллера, которого невзлюбил с первого же дня, как его увидел. Мне не нравилась его резкость в обращении с ребятами. Это крикливое надзирательское лицо, со своими почти грубыми шутками и выходками. [...] Настало лето 1927 года. Мне исполнилось 12 лет. Я свободно мог говорить себе 15. Так был высок и не по летам груб, снисходителен. Пионеры просветили меня в темниках жизни, рассказали мне о девушках, об щекотливом ощущении...

¹ Мать в тот год еще по малолетству не пустила в лагерь, об этом автор говорит в другом месте воспоминаний.

² Следующее слово нрзб.

³ Зач. слово «карточку».

Не помню, какого числа мы въехали в лагерь [...] Школа, в которой мы должны были жить, находилась от станции (Фирсановка) в пяти верстах. Подходя к лагерю, нас встретила ударная бригада. Койки наши уже заранее были распределены. Я был пуглив и труслив, мстителен и зол. Мне назло сделали плохо кровать, дали плохое место. Ну а я подлизался к Виктору Шеину, будучи не глупым на голову, сделал его своим покровителем!... Теперь это смешно, но это было так...

Благодаря моему близкому знакомству и Витькиному пронырству, я заделался санкомом¹. Для меня это тогда было многое. Я перевязывал порезы [...] ранки, прописывал по своему усмотрению порошки [...] Лечил больных и здоровых (симулянтов). И вот вспоминаю... Мне до черта понравилась Дуська Федорова. Я бредил ею во сне. Мне казалось, что я ее любовник. Мне снились жаркие, горячие поцелуи, я потерял равновесие. Я начал деятельно следить за каждым ее шагом, за каждым движением. Нужно не забыть: ей было 16 лет, мне было 12...

Лагерный режим резко сказался на моем жире. Я был в начале маменьким сынком. А теперь трудная непосильная работа превратила меня в каких-нибудь 2 недели в щепку. Да! Извини! Я отошел от рассказа... Итак, я бредил Дуськой... Однажды идя в уборную я заглянул в девичье окно. И увидел Дусю в костюме Евы. Красивые девичьи почти развитые груди, округленный стан, узкая талия сильно потянула меня... Я вскрикнул. И этим выдал себя. Меня чуть не отправили в Москву. Надо мною долго смеялись. Хотя и многие ребята ходили нарочно смотреть голых девчат, которых я видел (Дусю, Полю и Нину Е.) случайно... Но я был мстительный и злой, упрямый до мозга костей. Я уже тогда не привык перед чем-нибудь отступать.

А теперь я зашел далеко [...] И вот однажды сидя у девчат в комнате, конечно, около Дуси. Она писала свой дневник. У меня давно чесались руки его поглядеть, но я не смел. Но вот Дусю позвал Миллер.

Я увидел, что дневник остался на месте, где она его писала. Я быстро его схватил и жадно начал читать... Перелистывая на ходу листы, я выискивал более важные места. О себе я не нашел ни одной строчки! О как я был глуп. Не смотря ни на что! О! В каком я дурацком положении оказался, если соперники мои любимые оба Дусей были пионервожатыми. Я злился, я ревел что почем. Но это не было выхода из этого положения. В этом дневнике я прочел столько похабного, столько гнусного разврата, о котором мне никогда до сих пор не приходилось слышать и читать...

Какими глубокими пропастями оказались души вожатых и Дуси Федоровой, и я в них окунулся... Но вот фронт переменился. Я нашел обычное свое равновесие, то есть обычно стал груб со всеми... Ведь я же был «уличным» мальчишкой, воспитанником тогдашней школы. Мне снова пригрозили отправить домой. Если я не сбавлю тон...

В это время формировалась первая из первых отрядная баскет-больная команда. Как тщетно я хотел играть нападение, но Витька этого не хотел, он сумел уговорить ребят поставить меня на защиту. [...]

¹ Т.е санитарным комиссаром.

[Автор вспоминает успехи в «баскет-боле» и как он стал соперником в этом своего бывшего покровителя Шеинина, которого теперь «послал к черту», и т. д.]

Вскоре после этого мы перебрались в Москву. Зажили по-новому. Меня нельзя было оторвать от отряда. Я полюбил его, хотя и получил от него только одни неприятности и побои.

Дома мать не раз драла меня за то, что я пропадаю ежедневно по целым вечерам в клубе... Чем объяснить то, что я имел эту неопределенную тягу к отряду? Но важно то, что я любил его и не мог обойтись... и начал понемногу завоевывать себе авторитет помощника вожатого второго звена и художника. Худоба помогла только мне, и я начал жить припеваючи, ни о чем не думая, ничего не зная... Постепенно прошла зима. Зиму провел очень весело. Катались на маленьком катке Рудметаллторга. В клубе у нас жил наш приемыш Гришка Логинов, тихий мирный парень. Я познакомился Рубиком Файнбергом, сделал его почти своим другом и узнал его тайну. Он «стрелял» за Розкой Турек, но она обращала на это 0 внимания. Мне жалко было его и я подделал письмо Розы и передал его Рубику, сказав, что нашел его в галоше [...] Рубка верил. Я умел лгать, безошибочно и точно, этому меня отлично научил отряд [...]

Интервью с Александрой Васильевной Беловой¹

АВБ: [...] Мама у меня петербурженка. Она родилась в Петербурге, и хотя она из простой семьи, и трудное было детство, но, видимо, в этом есть какой-то – вот сам Петербург, вот всё, среда была рабочая, но какая-то более культурная что ли. Не в смысле культуры, в смысле вот быта, каких-то правил поведения, отношения к людям. Поэтому она была человеком и добрым, хорошей хозяйкой. Никогда в долг не занимала. Это был принцип. К ней прибегали занимать, понимаете? Папа, ну это двадцатые годы, папа – рабочий. И денег так уж много не было. А она домохозяйка. И нас двое детей – я и брат. Она сама всё нас обшивала, что можно было. Двадцать пятый год был легкий вот, когда там НЭП-то начался. Вот тогда какие-то они пальто зимние купили, осенние они приобрели, что-то еще такое. Потом эти пальто, когда была студенткой, я перешивала на себя уже в ателье. Но, вы понимаете, это было – почему я была хорошо одета, говорили? А это такой порядок был в семье – всегда всё приготовлено, всегда вовремя, понимаете? И это всё, ну кроме того, папа приходил вовремя. Он выпить мог, когда-то изредка приходил подвыпивший. Они иногда с большой полочки ходили в пивные, рабочие. Иногда к нам даже придут человека три свои. Они работали с дореволюционных времен на этом заводе. Завод, на котором папа работал, авиационный, был в одиннадцатом году открыт. Раньше их не было. И вот как раз на этом, на Неве, вот я говорила, вдоль

¹ А. В. Белова, 1916 г.р., родилась и выросла в Ленинграде, родители – рабочие. Образование высшее: семь классов школы, фабзавуч, рабфак при Ленинградском государственном университете, математический факультет университета. Работала учителем средней школы в Кызыле; во время войны – директор ленинградского блокадного детского дома в Свердловской области. После защиты кандидатской диссертации – преподаватель математики Ленинградского государственного университета. Запись – 5, 17 февраля 2003 года. Интервьюер – А.Пиир.

Невы тут – я даже не знаю, он и сейчас он какой-то авиационный завод есть, за академией этой Крыловской. И вот они так мирненько утречком ходили на работу. Раньше приходили, сидели у Невы, ждали, когда откроют ворота, шли на завод. [...]

И была очень какая-то мирная жизнь, понимаете? Во всём вот такое. А мы жили на берегу Невы, напротив ЦПКиО. Значит, всё связано с Невой. Воду [брали] на Неве. Мама стирает, полощет на Неве – значит, мы тут причастны. Двор большой, поэтому эти все игры, всё это детство было. Мальчишки были довольно хулиганистые такие, но в обычном, простом смысле, понимаете? Но как-то отношения были девчонок, мальчишек дружеские. Вот сейчас об этом говорят. Если играем, в лапту когда играют, то и нас берут. Хоть от нас толку мало – чего мы там попадем по этой. Но бегаем туда-сюда. То есть это как-то была компания, всё время всё-таки. Ходили из квартиры в квартиру. [...]

Внизу у тети Маши, значит, [дочка] Валя у ней там: «Валька, чего Шурка делает там?» Или что-нибудь там, ну как это, сведения всё это. Так что. Домик был небольшой, он трехэтажный. Там жильцов было не так много. И поэтому все были как-то очень дружные. Но были и более интеллигентные, вот там эстонцы жили. Он капитан был. Потом брат его был женат – она бухгалтер, он тоже инженер. Но они взяли племянников к себе, сестра у них умерла старшая, они на воспитание взяли двух племянников. Ну всё равно, и эти девочки тоже, приходила вот одна маленькая к нам, мы с ней дружили. Я туда ходила. Я показывала вам – открытка тридцатого года. Это вот эта девочка мне и подарила, маленькая. Так что как-то всё было очень мирно. А постарше уже подрастали, лодка у нас своя была. Папа сам сделал. И даже две. Одну сделал, а потом вторую. На этой лодке мы, значит, садились. Мальчишки – буксиры ходили тогда – пройдет буксир, и мальчишки, если мы сядем к ним в лодку – прямо под буксир на волну. Мама кричит, а мы тоже! [*смеется*] То есть все плавали. То есть как-то много было хорошего, понимаете? Потом все катались на коньках. Нева замерзала, и поэтому всё расчищали, снег расчищали, и у нас был каток свой. Через него мы ходили пешком – позже уже, когда постарше – пешком ходили в ЦПКиО, там был каток. Пешком идем туда на своих коньках-снегурках, привинченных к валенкам. И катаемся. [...] Ну а мама, мама всё заставляла меня делать с детства как положено, чтоб я хозяйничала, чтоб то. Заставляла, даже заставляла – раньше прачечные были, рядом такой у нас был кирпичный одноэтажный дом, топили плиты там, бак с водой, и каждая хозяйка шла туда стирать. Она сказала: «Поспишь, встанешь, приходи стирать».

АП: Это с какого возраста?

АВБ: [*смеется*] А Бог его знает. Может быть, лет и с десяти. Я приду, она даст мне либо чулки, либо мои распашонки. А я страшно не любила этого, самое неинтересное. Ну постираю, постираю – она говорит: «Ну иди домой». То есть она просто заставляла это делать, понимаете? Понемножку всё. [...] То же самое, поскольку она сама шила, ну самодельно она шила, нас обшивала – я научилась шить.

АП: На машинке?

АВБ: Да. Я все блузки всю жизнь шила себе сама. [...]

АП: А в этом доме были отдельные квартиры или коммуналки?

АВБ: Да это вообще была бывшая богадельня, полежаевские дома. Вот он трехэтажный кирпичный, а рядом были деревянные дома – тоже как богадельня что ли? Там жили вот рабочие – двухэтажные четыре дома стояли. Потом там по Приморскому проспекту туда – баня. А вперед сейчас на Приморском проспекте, если выйти у милиции, там где раньше кольцо тройки было, и выйти на набережную, да даже с моста, если выйти вот с Нахимовского моста и пойти по левой стороне Невы – домов нету. Потом появится громадный дом красный – его называли «американка», потому что во время гражданской войны американцы там помогали детям или столовая, что-то такое было. Потом, значит, пройдешь – там был деревянный дом один, потом был наш, вот эта богадельня и рядом эти деревянные (тоже, может быть, была богадельня), потом еще один деревянный дом – баня. Дальше с левой стороны опять Нева до Приморского проспекта идет. Так что вот несколько и домов-то было таких вот расположено. Ну а в свое время, после революции рабочим предлагали занимать квартиры в разных домах. Квартиры чуть ли не с мебелью все с этой. А я очень люблю безделушки, всё. И мама рассказывала, что вот они ходили, смотрели, один их товарищ (ну он потом был председателем завкома, такой более деловой), он занял там квартиру какую-то. А папа, было время – в каком там, не знаю, в девятнадцатом что ли году – авиационный завод, на котором работал папа, был эвакуирован. Когда Юденич подходил к Ленинграду, этот авиационный завод эвакуировали на Урал туда, в Сарапово такое, это самое... городишко маленький. Я уж помню, мы уже бегали туда, значит, туда на завод, обратно. А вернулись в двадцать первом году. И вот тогда предложили им как рабочим: пожалуйста, квартиры выбирайте. Было свободно. Ну папа походил, походил, но у него не лежало сердце к чужим квартирам. [смеется] И к чужой мебели. И поэтому он решил вот этот, где-то в этом районе недалеко они жили раньше. Где-то у Черной речки или где-то. И вот он тут выбрал. Была комната, во втором этаже была квартира трехкомнатная, и вот большую комнату он занял. А на третьем этаже уже там жили. А на третьем этаже жили какие-то знакомые, друзья. Причем он из более таких, нерабочих был, кто-то этот. И потом он переехал в какую-то квартиру и предложил сам вот эту квартиру занять папе. Вот заняли. Причем там было две комнатки по десять метров, одна была тридцать пять примерно. Ну, потом была возможность – на площадке, значит, вот эти эстонцы налево жили, мы направо. А тут была дверь и какая-то комната. И поэтому предложили просто вот... мы отдали, папа, чтоб нам нормальная была комната – двадцать метров [смеется]. Зачем нам тридцать пять? И те тоже отдали, и получилось новая квартирка, куда въехали жильцы – вот эта средняя комната, так что образовалась новая квартира. А у нас стала нормальная: двадцать или двадцать два метра большая комната, два по десять, кухонька. Никаких ванн там, конечно, не было. Был водопровод. [исправляется] Еще не было даже, воду с Невы брали. Первое время это, я помню, что за водой, так сказать, [ходили]. А потом уж нам водопровод, так сказать [сделали]. Отопления никакого парового, конечно, не было. И печное отопление. Так что квартира была, да, вся она была окнами на юг, на юго-запад окна – солнечная квартира, так что... Но холодная. Конечно, надо печки было топить. [...]

АП: Получается, [квартира] на четверых, да? Вы жили с папой, мамой и с братом, вчетвером?

АВБ: Да, сорок метров.

АП: То есть бабушек не было, да?

АВБ: Нет. Одна в девятнадцатом году [умерла] бабушка, а дедушка умер в двадцать четвертом или в двадцать пятом году. Вот этот. Потому что он завел себе какую-то женщину, но пришел, правда... он тоже разругается с ней, придет, этот. И пришел как раз тоже, значит, поругавшись, и с ним случился инфаркт, и умер он у нас дома. Я помню, как умер дедушка, всё при мне было. Уж я всех хоронила.

АП: А мама не работала, она собственно детьми и занималась, да?

АВБ: Хозяйничала дома, да. Хозяйничала дома и всё.

АП: А как у вас вот эти три комнаты [распределялись], у каждого по своей? Одна была родительская, и у каждого было по своей комнате?

АВБ: Да. Да, да.

АП: То есть у Вас была с детства своя отдельная комната?

АВБ: Да, да, да.

АП: И у брата тоже?

АВБ: И у брата.

АП: А брат насколько Вас старше?

АВБ: На три года.

АП: Понятно. А расскажите, что было в Вашей комнате?

АВБ: [...] А что у меня было? Кроватка, наверно, железная была. Потом мне купили, такие [были], кушеточка. Это, ну это уж, наверно, постарше я была. Были такие кушеточки с такой штучкой. Без стенки, без всего. Столик стоял у меня перед окном. Но это я больше помню старше... И такой типа кухонного столика, ну потому что с дверцами, стоял у стеночки. Там у меня были тетрадки, сочинения мои. Я всё это берегла всегда и всё. Так что вот так было. Занималась я, наверно, в начале-то в кухне, наверно. У нас в кухне тоже стоял большой стол такой кухонный.

АП: А почему в кухне, а не у себя в комнате?

АВБ: Теплое самое место, наверно. Печное отопление.

АП: А, холодновато?

АВБ: Я так думаю. Поэтому много лет я там, это самое, [занималась] [*смеется*]. А это уже больше взрослая, когда тут уже так жили. А в комнате остался вот буфет хороший. Это вот те жильцы, которые уехали, [оставили]. Ведь мы приехали после тоже... с Урала-то без всего. Вот осталась кушетка такая, и остался этот буфет. Это уж они как бы подарили. А потом вот кровать была железная тоже, раньше железные ведь кровати были. [...]

Вот когда мне было уже лет, может быть, даже лет семь-восемь даже, мы – тогда также существовала торговля на базарах, сидела старушки, продавали какие-то вещи. И я каждый раз, когда мы с мамой, если она брала меня, тогда я сказала: «Мама, чего-нибудь такого красивенького». Вот. У меня не было... а две или три штучки было безделушки. [...] У нас был портрет папин. Большой висел. Мамин. То есть эти портреты висели. Понимаете, я всё это бросила, уезжая уже во время войны. В большой комнате висел папин портрет, мамин

портрет. Но особенно больше, наверно, ничего не висело. В кухне икона была, и в коридоре где-то за шкафом – уже времена были современные. У нас такой... квартира была: длинный коридор, значит, вход в эту комнату, вход в кухню, эти две комнатки, вход в ту комнату, тут было два входа, вот это отделили мы, значит, вот так тут в ту комнату вход, и там стоял шкаф, и за шкафом на стене висела их свадебная икона. Раньше когда... так и висела всю свою жизнь.

АП: А родители были верующими?

АВБ: Мама и папа не любили церковь и не ходили в церковь. И это, естественно, по всей России было, потому что эти священники у нас, советские очень часто жили хорошо слишком, понимаете, для себя. А у них было такое трудное детство – и у папы, и у мамы, что они не могли, им не хотели верить. Но! У нас была молочница – там Старая Деревня, Новая Деревня, а там Старая Деревня вот сейчас она. Там крестьяне жили. И была молочница, которая приносила нам молоко. Хорошая женщина. Два раза в неделю. И мама с ней были уже друзья, понимаете? И всегда, когда надо поминать чего-то или кого-то, мама писала записочки, и та относила. А мы сами ходили в церковь. У нас вот, когда идешь к Елагину острову, вот как раз от нашего дома, потом там (сейчас деревянные снесли) бани есть, и потом вот уже берег, я говорила, где ничего нет. А здесь стояла церковь. Вот эту церковь недавно восстанавливали ее. Она мне не понравилась восстановленная. Мое впечатление не такое, понимаете, о ней. Там действительно было очень маленькое кладбище. Очень дорогие памятники мраморные стояли. По-видимому, вот это дворянское гнездо – хоронили там вот этих. И мы туда ходили. Ходили куличи святить, понимаете, этот самый. Огоньки, я не знаю, это когда... уже не с куличами, наверно, а когда-то огоньки – свечку несли, огоньки домой. Надо было тут, ребятами мы, значит: погаснет, не погаснет? Погасим – опять несем. Так что туда мы ходили, бегали на это кладбище смотреть. В Серафимовскую эту самое, церк[овь], кладбище – у нас там все похоронены, на Сера[фимовском]. Оно знаменитое теперь стало кладбище такое, понимаете? А там была похоронена вот первая девочка, Зиночка¹. Причем могилку мы долго посещали эту. Потом там была, значит, похоронена бабушка в девятнадцатом году. В двадцать пятом дедушку мы похоронили. [...] Приходили родственники, которые тоже там двоюродные мамыны, все шли толпой на кладбище, всех нас ребят с собой брали, все могилки мы знали. Это был как ритуал – с детьми ходить на кладбище. [...] Причем была еще такая вот, я не знаю, цела ли она, когда [...] с Каменного острова выезжаете, вот тут стояла такая Красненькая церковь. Вот есть ли она сейчас или нет, не знаю. Она называлась «Красненькая», потому что там священник был красным². Она Красненькая, потому что кирпичная красненькая, но и священник там был, понимаете, который как бы на советскую власть работал. Там тоже разделение такое было. Ну, в общем, мама у меня не ходила в церковь. [...]

АП: Мама не ходила в церковь, но, тем не менее, свечки приносили?

¹ Сестра информантки, умершая в раннем детстве.

² Работал на советскую власть.

АВБ: Да, да. Это всё было. И вот когда меня эта женщина, она ходила в церковь – и в Красненькую, и в эту – и с удовольствием меня с собой брала. То если я шла по коридору, а в кухне сидела папа, я видела, что он косо на меня смотрит, что, значит, я пошла в церковь. Он был недоволен тем, что я [хожу в церковь], понимаете? Не просто. Так они относили[сь], считал, что это... он был беспартийный, так что тут не было партийности. Ну, это быстро отошло, как я походила. Я брезгливая. Когда я как-то, помню, один раз увидела, как эти старушки идут, целуют сначала вот эту... где Иисус Христос лежит [смеется]. А потом целую руку священнику, то мне так стало противно, что я перестала ходить [смеется]. Я, так сказать, помню вот это ощущение своё, понимаете, брезгливость. Ну и всё, на этом кончилось.

АП: А ходили в детстве в церковь просто потому, что интересно?

АВБ: Да полагалось, наверно, что ли иногда сходить в церковь. Но это изредка было. Но, по-моему, даже мама ходила... ходила ли мама, я не знаю. Может быть, и ходила иногда. Но вообще они, так сказать, это как-то не любили. А мы, девчонки, ходили. Потому что ходили эти вот – Лидочка, еще кто-то, как-то было более интересно.

АП: Просто за компанию, да, вот как-то ходили вместе?

АВБ: Да. Ребята. Мы, ребята, все ходили... свечи. Но как там надо – какой-то праздник, когда зажигают свечи и несут домой этот огонёк. И вот мы все и бежим, и погаснет – зажигаем. А потом выстраиваем вот все кулички свои, там мама кулички напишет [напечет], и надо, чтоб выстраивать свой какой-то куличик. А там кропят этот куличик. [...]

АП: А Вы крестик носили в детстве?

АВБ: Да. Да, да. Крестик у меня был, конечно. Причем у меня были еще сережки золотые, которые мне дарили всякие тётушки, это и московские. И каждый раз терялась одна всё [время]. То ли [потому, что] меня девчонки любили причесывать – в общем, терялись каждый раз сережки, и потом добавлялась другая, потом другая. А крестик был, был крестик. Куда он делся, я не знаю. [...]

АП: А в школе, вот когда Вы учились, не было антирелигиозной пропаганды?

АВБ: Нет, нет, нет.

АП: Никогда такого не было? То есть это было настолько в 20-е годы обычно или привычно для всех, что...

АВБ: Да. Причем я думаю, что и учителя многие в душе веровали вот так. Хотя они были... вот эта Анна Владимировна Брусак – ну Бог ее знает, какая религия. Или Лидия Александровна – это немка была, немецкий преподавала. Географию моряк преподавал бывший. А Евгений Осипович, математик, чудный был, совершенно изумительный. Я думаю, он в церковь тоже не ходил, так себе. Ну так как человек русский, веровал, наверно, просто вот так же, понимаете? Ведь русские большинство не ходило тогда тоже в церкви. Церквей-то столько не было. Сейчас, наверно, я не знаю, понастроили. Потом закрыли [в те годы многие церкви]. Бог их знает, не знаю, кто ходил. Религия была так, параллельно она шла как-то, религия, так. [...]

АП: А расскажите про ваш двор. Там вообще что было? Вот ваш дом был каменный, а были еще деревянные дома какие-то, Вы сказали?

АВБ: Да, там было несколько деревянных домов. Немного. Это очень кусочек небольшой вообще. [...] А рядом был опять просто зеленый массив, а потом стоял деревянный домик, и там тоже зелень. И у красного большого дома, там тоже зелень. Так что здесь было пространство. Причем впереди... дорожка из дома шла к Неве, впереди кусты сирени, то есть жасмина, а за ним сирень, сирень, сирень шла. Потом дальше шли тополя вдоль Невы посаженные. Там был забор даже. Потом это всё обвалилось. Забор исчез, потому что размывается Нева. И потом и топол[ей], по-моему, не стало. А вот этот участок сейчас зарос травой вот такой, и никто там не ходит, и никому он не нужен. [...] Да, и вот тут, когда идешь этой дорожкой к Неве, и сирень – тут были сараи деревянные и наш в том числе. В этом деревянном сарае, кстати говоря, была и бочка с соленой капустой, бочка с солеными огурцами, которую осенью родители все запасали, так что все были. Потом у нас там полуподвальный первый этаж, полуподвальный, вот на таком [*показывает – у самого пола*] расстоянии от земли окна были, они были пустые. А потом заселились, позже, когда уже стало в Ленинграде трудно, заселились тоже всеми людьми вон там всё этот. [...]

АП: А вообще вы играли и гуляли во дворе, дети?

АВБ: Во дворе.

АП: То есть там было много места, да?

АВБ: Много. Еще было так... вот так места – сколько хочешь. В лапту играли, в прятки играли. И что. Потом позже уже, в наши времена где-то, я не знаю, до войны или после войны, в этом соседнем [дворе] уже горки строили. Чтобы катались ребята с саночками. Так что всё там было.

АП: А в детстве Вы вообще с братом дружно жили или ссорились, как мальчик с девочкой, часто?

АВБ: Он, конечно, был хулиганистый мальчишка. Обижал меня. Но я, так сказать, а я такого характера: вот сяду и молчу. А он ходит и говорит: «Ну что молчишь как сова?» Почему-то он считал, что я смотрю как сова. С одной стороны, он меня защищал, у меня была защита от внешних мальчишек. Потому что знали, что такое, понимаете, брат. А с другой стороны, конечно, обижал. Причем, когда он вертелся около мамы, надоедал, она ему поддаст подзатыльник. Он и убежит на улицу. Придет – опять хоть бы что. Но если мама, ну не поддавала мне, но если чем-то так обидит или скажет, я уйду в туалет и сижу. [...] Я из тех, кто обидчива была и молчала. Так что такой вот характер. [...]

АВБ: Вот я помню, у нас родители нас не целовали. Мы никогда не целовались. Вот Вы подумайте. [...] Вот могла крестная.

АП: А как можно приласкать своего ребенка?

АВБ: А я не знаю, как, не знаю. [...] Очень обыденная жизнь как-то. Обыденная и всё. И вот я помню один раз, когда папа вечером что-то такое себя вел как не надо, так сказать бузил, а я спала в своей комнате. Он пришел утром потихонечку и меня поцеловал. А я сделала вид, что я сплю. Но я помню это, понимаете?

АП: То есть это как бы событие, да?

АВБ: Да, да, да. Это сдержанность такая. Но я любила его причесывать. Вот сяду, он очень любил, когда сядет в кухне, это всё тепло, а я его поглажу, причешу, там всё, понимаете? Ну и маму я могла приласкать тоже самое: «Давай я тебе расчешу волосы». Она тоже такую вот ласку любила, да.

АП: А вот обнять или погладить по головке, такого не было?

АВБ: Нет. [...] Наоборот, я вот, видите, когда девчонкой была, вот я и гладила, я и вот это самое. [...] А вот эта внизу, вот эта, которая Валя моя, та могла и, значит, мать ей могла и поддать, и «Валька такая» [т.е. обругать], и Вальку целовать, наверно. Но мама говорила «деревенские» – она их называла. Они в девятнадцатом году приехали в Петербург. С точки зрения их это были деревенские. Вот отец там пьяница, всё, понимаете? Вот так. Но там хороший мальчишка был. [Он] стал летчиком известным таким очень, это самое. А Валя была интересная девчонка! Она как женщина была интересная. Она рано увлеклась мальчишками, за ней ухаживали мальчишки. [...]

АП: А папа с мамой друг по отношению к другу себя также сдержанно вели? То есть они не целовались при детях, или вот чтобы они сидели обнявшись, такого [не было]?

АВБ: Не-ет, не-ет! Никогда ничего похожего даже не видела [*смеется*]. [...] Вот только бывало, что он действительно выпьет, придет, кулаком стукнет. Но в основном это были вопросы производства. «Ах, подлецы, вон такие...» – там то, сё, что-нибудь не так. Но к старости лет стали ведь, – всё-таки советская власть – молодцы, стали их, стали обучать этих рабочих, математику преподавать. [...]

АП: А в угол детей ставили?

АВБ: Нет, нет. Да вообще мер таких не было. Да не было необходимости. Ну не было необходимости. Чего там было всё.

АП: То есть Вы не помните, чтобы вас наказывали?

АВБ: Нет, никогда. Ну а чего же? Я ходила в школу, училась в школе, сидела училась, хорошо училась, учителя меня хвалили.

АП: А брата тоже не наказывали?

АВБ: А брата – поддавала мама только ему. Как она могла поставить? Он бы убежал и всё. А папа вообще не касался к этому.

АП: А поддавала – это подзатыльник или как?

АВБ: Под попку обычно. [*смеется*] Она вообще ему так поддаст.

АП: Шлепала?

АВБ: Может быть, даже и подзатыльник. Ну чтоб он не вертелся около нее. Вот он будет лезть, она готовит, а он то, он сё, понимаете? Всё. А так, чтобы это вот там, чтобы знали, что наказали Мишку, еще чего-то – не было как-то такого. Ничего подобного.

АП: А на самом деле, наверно, бывали ситуации, когда провинился. Просто ругали?

АВБ: Не ругали. Мать скажет, наверно, один раз сказала: «Что это, - говорит, - такое?» Вот я говорю, было один раз в дневнике написано: «Шурочка ведет себя хорошо, а Миша плохо в школе», - да и всё. Вот та же учительница понимала, что Миша не такой уж плохой, просто он елозит и мешает урокам и, понимаете, еще чего-нибудь там этот самый.

АП: То есть вроде как не было особых поводов для наказаний?

АВБ: Не было. Нет.

АП: А Ваших сверстников тоже не наказывали? Или все-таки Вы слышали, что там кого-то дома, я не знаю, ремнем выдрали?

АВБ: Нет. Даже этот пьяница бил свою жену, но ребят он не трогал. Но старший сын его не любил. И старший сын оттого, что он старший, что-то там было тяжело, или материально тяжело, он такой был замкнутый, какой-то обделенный. [...]

АП: А ситуации, когда родители сердились за что-то на Вас или на брата?

АВБ: На брата, наверно, злость бывала, наверно, что-нибудь: «Мишка, что ты в самом деле такой-такой!» – вот так примерно.

АП: Но это на словах всегда выражалось, да?

АВБ: Да.

АП: А вот какие-то поощрения тоже не помните?

АВБ: Вот на день рождения, когда мне сколько-то лет исполнилось, помню, нам с Валькой захотелось очень платье. Голубые что ли? Или что-то, какие-то. И вот нам... мне купили маркизет, чтобы посимпатичнее, а ей купили там какой-то другой материал. Вот так вот. Это вот [делалось]. Крестная привезла мне тоже что-то такое [на] платье.

АП: И мама шила, да, потом?

АВБ: Да. Но у нас собирались, вот в этой большой комнате собирались родственники. И вот тетя Нюша с мужем, приезжал вот этот дядюшка, понимаете? Или приезжала из Москвы Елена Михайловна.

АП: На праздники, да?

АВБ: Ну Бог его знает. Когда приезжали случайно из Москвы. Вот собиралось, много было народу. Причем... с работы эти приятели отца приходили выпить просто, и мать принимала. Усаживала их там троих. Несла – они капусту очень [любили], говорят: «Васильевна, капуста у тебя, понимаете, какая-то особенная». Вот она им этой капусты, они, наверно, на се[бя], думаю, поллитра, наверно, приносили. Вот она их кормила. [...]

АП: То есть Вас воспитывали, я так понимаю, не очень активно?

АВБ: Нет. Школа воспитывала. И пионерская организация. [...]

АП: Вы не помните каких-то маминых наставлений?

АВБ: Никаких не было. Никаких наставлений. Вот только сошьет мне, чего там надо одеть, наверно, мне. И всё. [...]

АП: А когда мама готовила, была какая-то детская еда? Когда детей кормили чем-то одним, а взрослых [другим]?

АВБ: Детской не было. Мы очень любили крутиться около мамы, когда она готовит. Что-нибудь тут попробовать, что-нибудь поделаться. Мы знали, что потом можно поджарить эти самые кусочки хлеба на сковородке, там чего-нибудь на это. Любили это самое. Потом мама готовила жаворонки, это. И мы пробовали готовить жаворонки. Обязательно. Если пельмени, то тоже пробовали. Тут делали пельмени. То есть участвовать, вот в этом смысле мы – да. И даже брат крутился. Ему нравилось. Ну потому что что-нибудь съесть, что-нибудь тут, это самое.

АП: А жаворонков ведь готовят в определенные какие-то дни? Или мама просто...

АВБ: Да, нет, нет. Это какие-то дни есть, да, когда жаворонки, считается, что тепло и что они прилетают или что¹.

¹ Жаворонки – печенье в форме птичек; часто готовят в день Сорока мучеников («Сороки»); считается, что в этот день прилетают первые перелетные птицы.

АП: А [когда] мама готовила жаворонков, дети должны что-то делать с этим печеньем? Не было, [чтобы] с ним куда-то бежали дети, где-то подкидывали?

АВБ: Не помню, не помню. Но готовили – вот стол, помню это, да, тут эти жаворонки. И вообще крутиться, когда мама готовила, я любила. Вот крутиться. Потом тоже самое, когда блины пекли – тоже самое. И я чего-нибудь тут свои на своей сковородочке попеку, там еще чего-нибудь. [...]

АП: А жаворонки были похожи на птичек? Они как выглядели?

АВБ: Да. Они как птички делались. Как-то так, как птички, да. [...]

АП: А Вы часто болели в детстве?

АВБ: Наверно, болела. Ну не так чтобы, но болела, в общем. Я была хиленькая какая-то очень. Все соседки говорили. Такая мама всегда приходила и говорила: «Господи, вы, - говорит, - [у Вальки], там едят одну картошку!» Тогда считалось это: «Мне за вас же стыдно, как будто бы я вас не кормлю», - понимаете? И молочница всё-таки приносит молоко, и то, и сё. Наверно, я ела плохо. Я многое чего не ела. Я помню этих соседей, когда они мне дали бутерброд с икрой попробовать, я его спустила за сундук и что-то еще, потому что не могла этого есть. Попробовала и всё. Такой едой мы не избалованы были, такой, понимаете? Еда была простая. Вот.

АП: Но, тем не менее, не одна картошка. Там, наверно, и мясная была еда какая-то?

АВБ: Нет, у нас так всё было. Но она говорила на тех, кто одной картошкой кормят. Они здоровые, понимаете? Ну вот это, где отец был пьяница и всё таки трое ребят. Ну они могли нажарить эту картошку на масле. Но с маминой точки зрения: что это такое? Картошка, видно, считалась, что это такое... еда. Она тут и макароны запекала, молоком зальет и в духовку. Макароны зальет. И тыквенную кашу делала, тоже заливала. И блинчики делала. Когда мы с ней вдвоем уже жили, это папа уезжал в отпуск, я думаю, она скажет: «Что же нам поесть вечером, Шура?». На керосинках же тогда. Ну возьмет сырую картошку, значит, селедку как-то она делала, и вот затушит в сковороду селедку эту. И вот там с картошкой вместе чем-то зальет, всё это потушится такое: «Вот мы с тобой и поедем. А вот там винегрет у нас остался, поедем». Так вот как-то, очень всё просто было так вот. А так всегда борщи, щи. Очень она разбиралась в сортах мяса. Говорила: «Ой, хотела сегодня свежие щи, мясо совсем не подходящее, но придется варить, там, кислые щи или борщ». Я-то ничего до сих пор не понимаю. А она понимала во всех сортах мяса, какое надо. Она была хорошая хозяйка. Но папа ловил рыбу. Причем он рыбу любил это – лодка своя, а в залив туда уедет, рыбу привезет. Причем любил угощать других. Я помню, вот такую щуку один раз поймал, и утром, значит, пока[зывал], всем показывал. Потом разрубил, всем разносил. А мне щучку маленькую – обязательно что-нибудь мне. А потом также на охоту. Они ездили на охоту, чего-то там уток набьют еще. И вот маленький дупель, есть такой. Я даже помню: «А вот это тебе». Это, видно, редкая птичка. Так что он любил что-нибудь мне такое. [...]

АП: А вот если кто-то из детей болел, врача вызывали?

АВБ: Наверно. Да! У нас было два врача в Новой Деревне. Шварц и... а второй-то, Господи, забыла. Короче говоря, Шварц – еврей, а второй – немец.

Сакс, по-моему, такой немец. Это с этой и с этой стороны. Так вот больше мы не в поликлинику ходили, а приглашали на дом. Бесплатно. И они обслуживали. [*смеется*] Жизнь была какая-то совсем другая, понимаете? Придет, посмотрит. У меня горло болело часто. То же самое. ЗамахOVER был такой – это зубной был врач. Но правда, кажется, в поликлинику [к нему ходили]. [...] Вот коклюш и ветряная оспа – это всё мы перенесли. Как полагалось. Когда, где – не знаю, в каком возрасте. И всегда писали [в карточке]. [...]

АП: А мама вам читала в детстве книжки, не помните?

АВБ: Не знаю. Вы знаете, вот Жене она читала, вот этому [моему] племяннику. Сидит в своих очках, там что-то читает, понимаете?

АП: Но это уже внуку?

АВБ: Да. Это... да, это уже внуку, да. А мы сами быстро научились, наверно. Миша в школе скорей, наверно, всё-таки... они [родители] не такие же грамотные – с тремя классами. Книжек, наверно, не очень и было тогда, в то время, понимаете? В двадцатые годы. Где там книжки! Это сейчас кажется – книжки. А так в школу. Вот брат пошел в школу. Я вот удивляюсь, за этим кухонным столом он делал уроки, а я сидела рядом. Как я, чему я научилась? Я вообще не знаю. Но меня приняли во второй класс. [...] Я не помню, чтобы меня проверяли там. Наверно, они поговорили чего-нибудь, посмотрели. И приняли во второй класс. Почему я так и пошла моложе всех, и как-то у меня так всё сложилось. Наверно, я просто... любознательность такая чего-то. [...] Может быть, детскую книжку когда-нибудь кто-нибудь принес, но тогда мало очень издавали. В каком я году пошла? Шестнадцать... значит, двадцать третий. Я в двадцать третьем году пошла в школу. [...]

АП: А потом уже, когда Вы ходили в школу и научились читать, вообще любили читать?

АВБ: Любила. Читала, читала. Во-первых, у нас преподавательница литературы была прекрасная. Она нас приучала читать. Она нас заставляла и сочинения писать, и всё. Анна Владимировна Брусак, она такая важная, красивая. И вот она обратила внимание, например, что я в библиотеке начала брать книжки. Взяла книжку Кервуда. Там север, любовь – чего там мне уж понравилось, что всё очень красиво. И я стала брать книжки Кервуда. И вот она, видно, ходила и смотрела, что я смотрю. И тогда она мне то ли подарила, то ли что, книжку Кервуда «Гризли», о медведях. Чтоб сбить мне [*смеется*], что он не только такие [про любовь] пишет, понимаете? Ну вот, потом она устраивала нам – стихи мы сочиняли на конкурс. И вот я получила премию как бы первую. На самом деле она мне подправила мое стихотворение, оно не было интересным. Мне казалось, что она хотела меня приучить к чему-то. И, видимо, она понимала, что во мне хранится много чего-то такого, что надо разбудить. И вот, значит, на конкурсе мне присудили этот. На выступлениях – у нас была и самодеятельность – вот венгерский танец Брамса мы вдвоем с девочкой танцевали. Опять, понимаете, меня тоже... Потом какую-то постановку ставили, она мне там роль сунула. Ну не подходила – я замкнутая очень для этого, но всё равно я что-то выступала, потому что она меня совала куда-то всё время, чтоб что-то – пробовала выяснить мои таланты. [...] Но способности оказались в математике.

АП: А с родителями Вы ходили вот куда-нибудь? Ну вот, ЦПКиО там рядом.

АВБ: А в ЦПКиО ходили. ЦПКиО тогда был открытый парк. Совершенно заросший зеленью. Приезжала та же тетя Нюша с мужем или вот какие-то двоюродные сестры, и всей компанией – родители с детьми – шли в ЦПКиО. Брали с собой еду, брали это. Целый день там располагались. А кроме того вот, даже когда я была студенткой, вот уже пожилые наши родители очень часто вечером сидели у Невы тут на пригорочке и пили чай и прочее. [...] Ну потом во дворе, вот сирень когда расцветет, никто так не ломал, а мы ходили все вместе, чаще папа, срезали эту сирень, разделяли, почему-то – какой-то был период, когда девять было нас в квартирах – на девять кучек. И потом вытаскивали. И каждый тащил себе букет. А вот жасмин уже разрешалось – пожалуйста, можно и рвать. Но у нас наш участок был огорожен забором. Здесь была дорожка к Неве, которая... с других районов, улиц, с Новой Деревни ходили купаться. Парнишки. А тут вот эти деревянные дома четыре стояли тоже. Также забором огорожены. Всё огорожены. И поэтому мальчишки шли оттуда, мальчишки, которые, мы считали, что это вот такие мальчишки – хулиганистые. Мальчишки просто из простых семей сапожников там были. И пели «Позабыт, позаброшен... с юных лет...» – вот эти песни. Нам казалось, что это уже мальчишки никудышные, понимаете? Хотя потом напротив были какие-то огороды, [в] которые наши мальчишки, наверно, бегали вытащить морковку.

АП: А во дворе были огороды прямо, да?

АВБ: Не в нашем, а через улицу какой-то был двор большой. Что там было, не знаю. Вот мальчишки иногда, значит... и нас поставят: «Девчонки, стойте». Как там называлось – стойте как бы на страже. Да. Но это был такой очень редкий случай, такие вот... бывали такие.

АП: А у вас во дворе никаких не было огородов?

АВБ: Нет, не было. Это были вот сирень, жасмин. А вот эти тополя стояли, так отец сделал качели. Причем высоко, такие большие и большую деревяшку. И они сами на них катались. Взрослые. И нас сажали, держали вот так немножко. Скамеечки все тут где-то среди сирени, и на берегу. Папа делал скамеечки, во дворе. [...] Так же как лодку сделал, так, пожалуйста, катайся на лодке, если [хочешь]. Но некому особенно было. А уже после войны вот эти приятели брата в соседних домах тоже стали рыбаками, завели все лодки, все ловили рыбу. То есть как-то это перешло даже. И брат ловил рыбу. [...] А так потом при школе сделали каток. Так что школа была тоже хорошая. Я не знаю, кто был директор школы, но учителя удивительные. Вот идет математик этот всегда, уже он начинал преподавать с пятого класса или с шестого, этот, все знали, что такой Шутихин вёл. Идет, остановит и скажет: «Ну, сколько пятью пять?» – «Двадцать пять». – «Пятьдесят пять», - он скажет и пойдет дальше. Мы стоим как огорошенные. [...] Понимаете, учителя-то были удивительные, это были дореволюционные. И они, видимо, очень радовались революции, тому, что простой народ пошел учиться. Только так я могу понять их, почему они так много нам внимания оказывали. Географ – он не просто географию преподавал. Рассказывал путешествия, обо всём на свете. Математик говорил: «Если вы будете хорошо учиться, я вам потом расскажу в конце». А он птиц любил. И действительно расскажет целый урок о птицах. Мы уже ждали, как этот. И

вот так, как-то каждый учитель дополнительно что-то давал такое, понимаете, это? Потом был один еврей, появился, историю преподавал. Такой худенький, маленький. Он всё так интересно что-то рассказывал он нам. Мы все тоже к нему очень хорошо относились.

АП: А вы с родителями ходили куда-нибудь в кино, в театр?

АВБ: Было кино у нас в Новой Деревне. Вот там с Мери Пикфорд, еще там какой второй [фильм] или какой-то тоже был, – смотрели эти кино. С родителями или без родителей. Наверное, с родителями, что ли ходили. Ходили. Там это было маленькое кино. Но это уже всё-таки попозже было.

АП: А в театр оттуда было, наверно, далеко добираться?

АВБ: Нет, в театр не ходили. В цирк ходили, в цирк! [...]

АП: А вот были какие-то праздники? Вообще какие праздники праздновались?

АВБ: Пасха, Рождество. [...] У нас была своя пасхальница, которую сделал папа большой, с рисунками. Он же у нас сам специалист. Поэтому пасочница была, и мама делала пасху и куличи, всё. Так что.

АП: То есть это были праздники, к которым готовились? И яйца, наверно, красили, да?

АВБ: Да, красили яйца. Потом мы, ребята, бегали, и друг другу били, колотили – вдруг у кого разобьется. Потом была даже вот у этой... там соседки, у ней такая была штучка, по которой скатывались яйца. И тоже чего-то бились там.

АП: А еще какие праздники праздновались?

АВБ: А дни рождения, наверно, может быть. И то скорей наши – не мамыны, не папины, как ни странно. Такое впечатление.

АП: Или именины? Или [все-таки] дни рождения?

АВБ: Да, или именины.

АП: Не помните, да?

АВБ: У меня день рождения 5-го мая, а именины 6-го мая. Меня назвали специально родители Александрой, потому что это двадцать... значит, третье апреля что ли тогда было – это был государственный праздник, императрицы Александры Федоровны. И они решили при своей бедной жизни, назовем меня Александрой, пусть у нее будет праздник в этот день. Но на этом и кончился. Его отменили. И поэтому мы оказались с мамой Александры Васильевны две. Было это неудобно, но... но они решили так.

АП: А вот на эти праздники – на дни рождения или на Пасху, на Рождество – приходили гости?

АВБ: Да, приходили вот эти двою[родные] – тетушка такая, ее сестры. Вот одна крестная в Москве жила, вообще на праздники мы ходили. Причем так: к нам приходили, и мы ходили. Три дня праздновали. Значит, либо к этой тете Ньюше нашей вот ходили, там это, к ее сестре. Либо к бабушке Ирише. Она жила с двумя дочерьми у себя. Они еще тогда были обе девушки, девочки. Вот ходили к ним. Либо ходили к одному из ее сыновей домой тоже. Но это, значит, нерегулярно – даже трех дней не хватает. Один год к одному, другой к другому, третий к третьему. Но к нам и к бабушке ходили чаще. Потому что как бы старшие. Вот так. Всегда были праздники. Собирались. [...] Я помню, как я бывала в тех праздниках. Моя мама русские танцы танцевала хорошо,

как ни странно. Когда папа подвыпивши [*изображает, как папа стучал по столу*], чтобы она танцевала, а она не любила. А потом меня уже стали, чтобы я танцевала. Ну и я танцевала. Ну и тетя Ньюша у нас танцевала. [...]

АВБ: Я вот вспоминаю, в комнате что у меня могло быть. С семи лет я училась в школе, прямо ничего не было такого особенного. Ну, чашечку, может, могла мне тетя Ньюша какую-нибудь подарить. Могла. Мы дарили маме, например, на день рождения – вот я сейчас вспомнила – чашку красивую дарили. Брат это уже дарил, постарше когда стал, понимаете? Так что было принято, значит. Но вот я, как ни странно, я вот, Вы знаете, честно признаюсь, я не помню дня рождения мамы и папы. Значит, оно не было вдолблено как-то, понимаете? То есть считалось, что мы – центр, а они, может, по-своему как-нибудь так. Она напекла пирог, а мы так себе – нормально и ладно. Ну вот так как-нибудь. Как дети.

АП: А елка на Рождество?

АВБ: Обязательно. Елка была обязательно. Игрушки мы клеили сами. Всё делали. Елка была большая. Так что Рождество и елка у нас были всегда. [...] И вот бабушка Ириша и прочие там, вот они нас научили клеить игрушки, которых мы не умели. Вот, например, возьмете яйцо съеденное, раскрасите лицо какое-нибудь, книзу сделаете клоунский воротник, наклеите и повесите. Вот такое. Это у них были такие игрушки. Они были очень изобретательные, бабушка Ириша – это вообще. Ну та была другая семья. Бабушка Ириша – муж был повар в господской семье, и поэтому там они росли все по-другому. Там было три сына, три дочери у нее. И вот в последствии ее дочери тоже имели. Вот старшая дочь имела трех дочерей и сына, понимаете? Ну следующая – двух. Вот это те, которые московские еще родственники сейчас. Ну и вот там немножко еще осталось вот это. [...]

АП: А вот на советские праздники – 1-е мая и 7-е ноября – что происходило? Какие-то демонстрации были, на которые ходили родители?

АВБ: Ходили. Еще бы! Такое развлечение было – все эти демонстрации.

АП: Это папа брал с собой на демонстрации?

АВБ: Нет, они не ходили. Это те времена, ну до тридцать шестого года, в тридцать шестом году – какое! Он уже был пожилой человек и больной, работал еще. Но они... не до демонстрации. [...] А тем более, чего – двадцатые годы. Работали. Ведь это трудная жизнь была. Ходил он, наверно, завод ходил. Но ходили ли более молодые? Я не помню.

АП: А Вы сами ходили на демонстрации?

АВБ: А мы ходили, студентами когда были уже. Так это было удовольствие.

АП: А детьми не ходили? Когда в школе учились, не ходили на демонстрации?

АВБ: Понимаете, мне как-то трудно с этим. Мне много... я всё равно где-то участвую. Я пионеркой была, меня сразу этот самый, пионерский руководитель (такой парень был взрослый), он меня повсюду таскал. Он, например – в свое время приезжал из Америки Гарри Айзман, был такой пионер какой-то, за что-то он выступал, против войны чего-то. И вот он приехал в Петроград, и этот потащил меня на встречу с ним. А потом потащил в какой-то дворец, где тот выступал. Так что меня вот так таскали куда-то [*смеется*]. Так я еще это

всё – школа-то семилетка, значит я была в общем-то небольшая. Мне было лет тринадцать-четырнадцать. А уж потом, когда в фабзавуче училась, я была комсоргом группы – на всякие комсомольские конференции. И там собирались всегда в больших Домах культуры, и я везде бывала и всё видела. Меня как-то, эти старшие всегда меня выбирали. За какие качества? За обязательность, наверно. И за то, что я отлично училась, – было у них основание, понимаете? Больше комсорга группы я не подымалась, по рангу. [...] Хотя однажды в фабзавуче был случай. Там были группы, где там третьеклассники учились. Так вот комсоргом меня назначали еще и трех групп, чтоб я, так сказать, старшая среди этих комсоргов. Вот я этих мальчишек, хулиганов, понимаете, просвещала, чего-то ходила уговаривать. А те мальчишки сидели, хулиганистые [смеется]. Считалось, что я могу, наверно, чего-нибудь.

АП: А получалось?

АВБ: Не знаю. Вот помню, что один мальчишка рожи строил, строил, строил, потом встал и вышел. Страшные рожи строил. Понимаете, какой-то [смеется]. А были мальчишки ничего, с которыми я дружна была. [...]

АП: А вот в семье, в детстве 1-е мая и 7-е ноября как-то отмечали?

АВБ: Нет, отмечали, отмечали.

АП: А как отмечали?

АВБ: А не помню. Как праздничный день. Ну чего-нибудь приготовят, пирог спекут. Чего там. Может быть, в этот день и приходили в гости даже. Я не могу сказать. Может быть. Но вообще в гости не так часто тогда ходили, понимаете? Это было событие всё-таки. [...]

АП: А где вы проводили лето? Там же?

АВБ: Всё, да.

АП: То есть не было такого, чтобы вы с семьей куда-нибудь уезжали вместе?

АВБ: Нет, нет, нет. Один раз меня в деревню свезли. Два раза я была в деревне. Один раз у родственницы, к какой-то поехали. Чуть я не осталась на станции – я выбежала из поезда собирать цветы. Почему-то поезд остановился. А он пошел. И вот тут, значит, моя сопровождающая в окно кричит, а тут кто-то меня подхватил, посадил на поезд – [он] медленно двигался. А второй [раз] я уже поехала с мамой в деревню туда. Но это было трудно. Крестьянская работа была тяжелая. Работали они очень много. [...] Тогда вот выделяли участки, вот там три сотки или сколько под рожь, предположим. Значит, надо туда было вот им ехать. Но при доме большой огород. И поэтому пока те где-то в поле, а мама тут работает. Она не любила деревню, это не отдых был, потому что она должна была помогать этим, понимаете? И я с ней тут в этом огороде тоже кручусь.

АП: То есть это получался не отдых летний, а вот такие работы?

АВБ: Да. Но вот ходили в деревню соседнюю, вот где брат был второй, в гости. По дороге все старушки меня целовали, а я страшно брезгливая, я страшно это [не любила]. [...] Но, помню, нас усадили за стол. Яиц целую гору, всё. А ребята сидели так, на полу вот. А у него тринадцать ребят было, у этого дядюшки. И смотрели, разглядывали нас как городских. Так что это такой отдых. Это другие времена. [...]

АП: Вы говорите, что во дворе была не очень большая компания. А сколько всё-таки было детей?

АВБ: Ну вот у нас было – я с братом. Пониже была Валя и два брата. В соседнем, значит, вот эти эстонцы – у них эта маленькая была племянница, а потом они взяли, правда, и брата, и сестру, когда старшая сестра умерла, они еще взяли двоих. Но они уже были немножко дальше для нас, потому что они не росли с нами. Постарше. Ну всё равно. И потом там еще один, в одной семье был парень. И потом родился помоложе Сергей. Он неплохой был, но как-то с ним мать плохо обращалась, всегда кричала «Сережка, Сережка!» И все возмущались – как будто другого имени нет. [...] И потом внизу вот эта девочка была. И потом та семья, которая поселилась, там была вот эта Нина одна, красивая вылезла, а Анечка была такая некрасивая, такая она какая-то. Семья простоватая. Ну и вот два брата, Коля и Иван. Но это они уже пришли, когда мы были... позже. Как-то так мы просто были дружны, в хороших отношениях, но мы уже взрословатые были, чтоб такая дружба установилась. [...]

АП: А Вы с кем больше дружили? У Вас была любимая подруга?

АВБ: Вот эта Валя была подо мной. Потому что просто это мы жили в одном доме. Вот эта Валька, Валька, Валька и была. Вот когда у меня... не знаю даже. [...]

АП: А ваши родители высказывали какое-то свое отношение к вашим друзьям? Кто-то им, может быть, нравился больше, а кто-то меньше?

АВБ: Да нет. Скажет: «Ну, Валька вон прибежала».

АП: То есть Вы не обсуждали свои дружеские контакты с родителями?

АВБ: Нет, с родителями – нет. Нет, нет, нет. Ничего не касалось. Только жалели вот этого Сережку, которого мать звала всегда «Сережка», и говорили: «Какая же она злая, эта самая мать». Вот так рассуждали.

АП: Никогда не было такого, чтобы Вам говорили, что «не дружила бы ты с вот этим»?

АВБ: Да нет. Ну чего папа, мама понимали с тремя классами! Чего дружить! Я уж скорей понимала больше их. Да им и не пришло бы в голову. Это видимо, не принято было в тех кругах. Понимаете? Это вот более интеллигентные семьи могли так рассуждать, как и сейчас вон. А обычные семьи они не могли. [...]

АП: Вы говорили, что брат всегда защищал Вас, или, если были какие-то хулиганы, то они знали, что Вы сестра его.

АВБ: А у нас было вот эти, когда мы ходили в школу, а там вот сапожники жили, всё это была, так сказать, деревенская эта [среда]. Мальчишки там в школе, как правило, или не учились, или в переростках школы. И вот мы идем всегда – главный дом, а мы идем по их [территории], мимо них, в свои дома к набережной – всегда побаивались их. [...] Мы побаивались, потому что, ну они то ли толкнут, может быть, то ли что-нибудь, снежок бросят, понимаете? Ничего особенного такого не было, уж такого хулиганства. [...] Ну могли вот бросить снежок, они могли. Ну и этот самый, и говорили: «Брось, брось ты, это Белкина¹ сестренка». [...] На катке когда мы катались около школы, там были посторонние тоже мальчишки. Но это уже зависело от выдержки. Вот бывало

¹ Вероятно, от дворовой клички брата «Белка», производной от фамилии Белов

как-то, я помню, мы выбежали в перерыв, это я запомнила, из школы на улицу. И потом нам надо бы возвращаться в школу к урокам, а там мальчишки в нас пробуют снежками бросать. И вот мы стоим с девчонкой – ну-ка пройти через этих трех мальчишек, когда они тебя снежками! Страшно. А несчастье у меня было платье клетчатое, и тут на кнопочках было [застежка на груди]. И я думаю: вот они меня дернут, и кнопочки расстегнутся. Вы понимаете? И больше всего я это переживала. Хотя было всё же спокойно. Но, в конце концов, я плюнула и пошла прямо. Пошла и ничего. Мальчишки перестали бросать сразу, и мы прошли в школу. Но они знали меня немножко, в общем. Хотя это были другие. Не наши классные мальчишки, а так... немножко похулиганистее. [...]

АП: А [помните] первый день в школе, когда Вы пошли в школу?

АВБ: Ничего не помню.

АП: А вообще ощущение, что вот Вы повзрослели, пошли в школу, теперь школьница?

АВБ: Я была маленькая в школе-то. Я сидела на первой парте тут же, понимаете? Я говорила, что у меня в день рождения вот учительница пришла и поцеловала меня [смеется].

АП: Но в школе Вам было интересно учиться с самого начала?

АВБ: Меня любили учителя. Я хорошо училась. Поэтому, так сказать, я как-то себя всё очень защищенной чувствовала. Мне повезло в этом смысле. А учителя были хорошие. В жизни вот дальше я много встречалась с плохими. Но сейчас еще с плохими врачами, что для меня трагично. [...]

АП: А любимые предметы были какие-то?

АВБ: Ну математику вот, надо сказать Вам, вот у нас была учительница, кажется, она была и в пятом классе, я не любила ее. Не очень любила. Мария Яковлевна, по-моему. Это пятый класс трудный – решение задач и всё. Не умела ли она объяснять? Почему мне это было трудно, что ли, и почему я не любила? Но в шестой класс, когда я попала к Евгению Иосифовичу, это было чудо, конечно. И он уже меня похваливал. Немецкий мне тоже, учительница была хорошая, я нормально училась. Литературу, Вы знаете, как ни странно, вот я говорю, что она меня просто пробовала туда, сюда пристроить, Анна Владимировна. Но я как-то это... Потом, по-моему, вела другая учительница какая-то литературу. Я уж ее и плохо помню. Но я стала грамотная. Давно грамотная, понимаете? Значит, они нас так научили, что мы с самого начала. [...] Преподаватель физкультуры ко мне хорошо относилась. Я ходила на занятия, ну все дополнительные занятия или секции, чего там в школе. И тоже выступали мы, какие-то танцы. Лошадок танцевали на каком-то вечере. Они всё время устраивали, учителя какие-то, понимаете, праздники нам и выступления. И литературу, и постановки, всё время. Каждый учитель что-то старался дать. Это всё-таки были дореволюционные учителя, русские, которые хо[тели], радовались, что русские дети из простых семей учатся. Вот это я так понимаю. И что они могут помочь. Хотя они были совсем другого происхождения, понимаете.

АП: А вот эти постановки – это вообще по каким-то литературным произведениям? [...]

АВБ: Из классики что-нибудь такое. Небольшие. Но это было один или два раза – постановка. Потом были танцы вот также один-два раза постановка. Потом был вечер, когда физкультуру организовали – тоже вот эти лошадки мы, понимаете, поплясали. Но и в фабзавуче я ходила на секцию физкультуры. У меня очень преподаватель физкультуры любил. Так что я там и дополнительные занятия ходила, в фабзавуче, тоже была секция физкультуры. [...]

АП: А были вечера с танцами в школе?

АВБ: Ну в школе семь классов было. Так что не помню. Может, и были даже что ли вот такое. Но это было б тогда совсем что-то по-детски поставлено. Не просто так танцы. Никаких танцев с мальчиками – я не помню, чтоб я танцевала танцы с мальчиками. Вот именно вот была постановка, я говорю, что вот как там танцевали эту тройку¹, понимаете. Поставила там учитель физкультуры. Это в большом зале сидим, и вот там сколько-то пар, вот кого-то выделяет, вот мы, значит, танцуем. Как выступление. [...]

АП: А родительские собрания, что-то бывало такое?

АВБ: Не знаю, не знаю. [...] Были книжечки, где писали «хорошо учиться», «плохо учиться».

АП: Это в дневниках писали?

АВБ: Такая книжечка обычная. Ну просто книжечка, тетрабочка обычная, только маленькой формы для нас была. Обычно в линейку куплена, и вот она там писала.

АП: Учительница писала родителям, да?

АВБ: Да, раз в неделю, что ли, там писала или когда.

АП: И оценки ставила туда?

АВБ: Нет. Нет. «Хорошо учиться», «плохо учиться».

АП: То есть вообще оценок Ваши родители не видели?

АВБ: А у меня за семь классов нет оценок. Как я кончила, когда. Не ставили. Только написано, что у меня вот есть это. Только написано, какие предметы, и всё. Причем учитель математики, хотя он очень хорошо относился, он всё-таки ставил четверки всё равно, и у меня была четверка. А потом он меня встретил и сказал: «Вот, там, Белова, (или как он меня назвал), я Вам и Замаховер (вот дочке этого) поставил “отлично”». Но на самом деле нигде в документах у меня этого нет. Он всё-таки решил, что надо поставить «отлично» по математике. Я удивилась, у меня есть какой-то документ, где действительно абсолютно нету никаких оценок.

АП: А вообще оценки ставили в тетрадки, где [вы] писали?

АВБ: Они там, в журнале у себя ставили.

АП: А, журнал у них был, и там были оценки всё-таки?

АВБ: Наверно, в журнале было. А у нас, ничего нам не давалось. Только в эту книжечку напишут «хорошо» или «плохо учиться». [...]

АП: А у вас был дружный класс?

АВБ: Хороший класс. Вообще классы все были хорошие. Но у меня было так. У нас внизу были классы, так сказать, в первом этаже, сразу как войдешь – комнатка, где учились переростки. То есть те, которые уже на два-три года старше, которые не учились. И они обучались, уж не поймешь, в каком классе.

¹ Т.е. лошадок, о чем информантка рассказывала выше.

Вот там были действительно такие парнишки, ну, которые вот, например, снежками на перемене [могли] забросать или еще что-нибудь вот так. Но около школы они не хулиганили. Хулиганили другие, которые вообще не учились. Были и такие тогда.

АП: А было много таких детей, которые совсем не учились?

АВБ: Это были крестьяне, крестьяне в Новой деревне жили, понимаете? Основные дома – это рабочие. Тут и учились, всё было нормально. А там где-то уже были такие – сапожник, у которого ребята – ну вот этот, еще кто-то так. Вот такие ребяташки. Конечно, не так много было, но они были – домов-то было тоже немного. А в школе все нормальные у нас. А мальчишки, конечно, жаловались. Их учитель мог выставить за то, что он вертится, вертится, вертится, болтает, болтает. Или не слушают, или еще чего. Из простых семей были, полукрестьянские были вот в классе, из семей рабочих в основном. Вот так – район-то был. Интеллигенция была – несколько человек. Семья Петровых такая. У них вот младшая сестра учила нас. Она почему-то латынь знала. Кружок вела, танцевать нас учила. А старшая – художница, вот она умерла. Вот Шура эта была, дочь врача, еще одна семья – тоже девочка была какая-то более-менее интеллигентная. [...]

АП: А разве тогда не следили за тем, чтобы все дети обязательно ходили в школу? То есть родители могли не отправить своего ребенка в школу?

АВБ: Могли, конечно. Я думаю, что не следили. Говорили, приглашали, всё с радостью. Наоборот, с радостью тащили. И только некоторые семьи вот такие, понимаете, которые как-то связаны, они не отправляли.

АП: А с чем это связано? Нужно было, чтобы ребенок помогал по дому, работал?

АВБ: Просто прошла революция. Пошло всё наново, всё началось, Вы же понимаете. Ну что ж, двадцать третий год, двадцать четвертый, двадцать пятый. Ведь жили все неважно, тут какие-то были дела. Старались отправить. Но ребят было не так много. Школа была на весь район. Но вот эта школа переростков была. Я один раз – такой случай – ехала в вагоне в трамвае. И увидела мальчика, который впервые мне понравился. Он был из школы переростков. И я ему нравилась. И вот снежками один раз пробовали как-то всё забрасывать, пока, значит, идешь. А я там каталась, каталась на коньках. Ему нравилось, что я каталась, и то, и сё. И он стоит внизу, посмотрит, – и больше никаких у нас и не было. Но симпатия была у него. И как не странно, и мне он – так, любопытство какое-то девочки. Я же кончила [школу, мне] четырнадцать было. Так что [тогда] было лет двенадцать-тринадцать. И вот стоит этот мужчина в рабочей куртке. А я в шубе. А я еду с университета. Мне так хотелось подойти и сказать: «А Вы знаете, ведь Вы мне нравились». Я подумала, он меня матом пошлет [*смеется*]. Не потому, думаю, что он сам ругается, а его как раз может обидеть и задеть. И думаю, а ведь приятно было бы мне сказать: «Вы знаете, Вы ведь мне нравились в детстве!»

АП: А вообще какие-то ситуации, когда мальчик и девочка нравились друг другу – это в чем выражалось?

АВБ: На какой-нибудь скамейке сидим, толкаемся. Сегодня вон один нравится, через две недели, может быть, другой понравится. У нас несколько мальчиков было так вот это.

АП: То есть каких-то таких ухаживаний со стороны мальчиков или чего-то такого в школе [не было]?

АВБ: Нет. Вот эта же Валька – не в школе, это всё было во дворах. А во дворах это было всё – игра в лото, игра в прятки, это плаванье, понимаете? Вот я два раза тонула. Вероятно, первый раз я плавала, купалась, а мама сидела на скамеечке. Тут Нева. Тут лодка. Наверно, мне лет шесть было, не больше. И я, значит, отошла, держалась за нос лодки вот так ногами. Вдруг у меня руки сорвались, и я уселась на дно. Сижу и думаю: «Вода надо мной, а мама не видит. Она сидит там». Потом то ли волной что-то меня подняло, там бревно, и я оказалась на бревне, и лицо мое вылезло. А мама себе спокойно сидит. Это первое. А второй уже было вообще похуже. Серьезней. Сколько мне было лет тогда? Наверно, лет девять, вряд ли меньше – отпустили бы меня в восемь! Но пошла соседская девочка, вот у эстонцев девочка. А у них были стальные сани, обитые бархатом, они нам дали эти сани, и потом пошла – внизу такие позже появились жильцы – девочка. Она, значит, наверно, года на два старше ее. А я, наверно, еще на год, на два старше. И мы с ней вот там, где церковь стоит, там спуск к Неве, напротив ЦПКиО, и вот катались на саночках так вот. Ну они недалеко прокатывались. Потом [я] говорю: «Ну сейчас я прокачусь». И хотела я посадить эту девчонку себе на спину. Потом я говорю: «Подожди, сама я прокачусь». И я прокатилась далеко, и лед провалился. И я провалилась в Неву. Хорошо, что я повернулась – в зимнем пальто – повернулась как-то, сумела лицом вот всё-таки туда. И вот так я за лед цапаю, он у меня обламывается, обламывается. А потом – цап, и он не обломался. Я вылезая, а с горы бежит эта Нина с этой маленькой, которая эстонская девочка. И они бегут, и та кричит: «Шурочка купается! Шурочка плавает!» А Шурочка выскочила, и мне больше остановки домой надо было идти. Я иду уже, ну ничего, вода не течет, потому что всё впиталось в меня. Пришла домой, говорю: «Мама, мама, значит, это...» А потом весь дом ходил на меня смотреть [*смеется*]. Все бабки. Мама, конечно, чаем накормила, всё. Но, в общем, могло всё очень просто кончиться. Так что жили мы все так свободно, всё могло быть, понимаете? [...]

АП: А у вас внутри класса были какие-то отдельные компании?

АВБ: Вы знаете, ну были группы. Вот эта Валя, которая подо мной жила. И недалеко такая – она спортом [занималась] – Тоня. [Она жила] ближе к нам, ну могла забежать тут во дворе. Остальные где-то подальше жили. Но хорошие отношения были, например, вот с этими девочками, вот с этой Шурой, там еще такая была. Все хорошо относились. Но там немножко ближе, вот я говорю, Замаховер, [я к ним] ходила домой – врач, понимаете? [...] Потому что Шурочка такая вот тихонькая [была]. А эти находили между собой [общий язык]. [...] Они разные вот были. Среди них были более интеллигентные вот такие. Но они тоже ко мне мало относились, потому что они где-то жили в другом месте, довольно далеко. И что я туда к ним пойду? Ну да, Шурочка, они все ко мне всегда хорошо относились, как [к тому, кто] хорошо учится. А так-то я тоже для них неинтересная была бы. Эти девочки мои, которые поближе, были

неинтересны, потому что они мальчишками очень увлекались. Их разговоры всё о мальчишках. Я думаю: «Господи, что они всё... мальчишки!» Понимаете? Причем я на свою вот эту Валю удивлялась. [...] В трамвай войдем, кто туда входит вроде молодого человека, как моя Валя уже совсем по-другому [себя ведет]. А я на нее таращу глаза [*смеется*]. [...] Вот Валя эта, например, она довольно способная была девочка, но средне занималась, конечно. Списывала с меня. А потом сердилась, почему мне поставят «пять» за контрольную, а ей «четыре». Преподаватель, видно, знал [*смеется*].

АП: То есть преподаватель знал, что она списывает, и ставил ей ниже оценку?

АВБ: Наверно. Мне «пять» было, а ей «четыре с плюсом». Или мне «четыре с плюсом», ей «четыре». Так на пол бала как-то бывала разница. Изредка, я помню, она так недовольная, а я думаю: «Ну что еще, списывает, да еще недовольна!» Понимаете, так что.

АП: А вообще часто списывали?

АВБ: Трудно сказать. Парты на двух человек ведь всегда отдельно. Преподаватели внимательные были, так что... Как-то когда посмотришь, может, парты эти низкие что ли теперь, или что – как-то можно списать. Вроде не списывали так. Но, наверно, можно было. [...]

АП: А всякие шпаргалки – таким пользовались?

АВБ: Вот и не скажу даже. Я не помню. Но поскольку столько вообще и в кино, и везде всё показывают – были у нас шпаргалки у кого-нибудь или не были? [...] Скорее, почему-то мне кажется, были или в университете либо где-нибудь выше, наверно. Когда что-нибудь надо вытащить, формулы или что-нибудь. И были у нас студенты толковые, но которые что-то готовили [т.е. писали шпаргалки] вот так вот. А по школе как-то я не помню. Главное, что очень учителя были умные и внимательные. Настолько, что они каждого знали. И классы, наверно, не очень большие были всё-таки. Ну наверно человек там, может, шестнадцать. Вот так я думаю.

АП: А вот Вы хорошо знаете, кто у Вас в классе был из какой семьи. То есть дети знали вообще, кто из какой семьи?

АВБ: Да.

АП: Это видно было в классе? Различались дети?

АВБ: Нет. По одежде нет. По одежде нет.

АП: А почему? По тому, как человек себя ведет, отличались?

АВБ: Они сами по себе, а Шура Замаховер сама по себе сидела, да она еще горбатенькая. Папа у ней врач зубной был. У ней брат младший был. Потом пошел в матмех даже учиться. Ну была Лиза такая. В деревянном доме они жили, таком полукрестьянском. Простенькая-простенькая на фотографии. Мы хорошо к ней относились, но в друзья как-то себе не брали, потому что другой у нее образ жизни, наверно. Наверно, у них и корова были, и всё. Но училась она неплохо. Неплохо. Но, наверно, разговаривать было не о чем, что ли. Мы-то между собой как-то много о чем болтали. [...]

Тогда не было детских домов, по-моему. Они если были где-нибудь, то были где-то далеко. Мы их и не знали, где они. Ничего о них не знали. [...] Другое дело, что не все в первый класс пришли. Потому что позже приехали, понимаете, из деревни он приехал вот позже, он не отдает еще ребенка полгода – по-

том, попозже. Такие были. Вот они по возрасту отличались. Или в школу переростков попадали.

АП: А классы, в которых учились переростки, были менее дисциплинированные?

АВБ: Наверно. Вот они там что-то и шумели. Может быть, даже курили – не курили, не знаю. Там мальчишки были все. Там девочек не было.

АП: То есть это был целый класс мальчишек?

АВБ: Мальчишек, мальчишек. Они были постарше, были помоложе, но все были переростки, как их звали. [...]

АП: А вот представления о любви, они сложились откуда? Из книг, из кино или из каких-то разговоров с друзьями?

АВБ: Нет, по-моему, они просто так возникают сами по себе, о любви. Посмотрел – понравился. А дальше оценивать начинаешь. Так сказать, человек в чем-то понравился, а вдруг что-то он сделал такое, что тебе не понравилось. Это такие отношения вот так складывались, я считаю.

АП: А какие-то представления о том, как нужно себя вести девушке?

АВБ: Это ничего не говорилось. [...] Ничего. Ну о чем там говорить! Папа с мамой, господи! Что они там с тремя классами своими! У них отношения: раз, женились – всё. Сосватали, женились. Дальше... дальше живи и хозяйничай.

АП: То есть мама с Вами не разговаривала о каких-то женских правилах поведения?

АВБ: Нет! А когда ей разговаривать? Когда я уже переросла настолько! Так что не о чем нам было разговаривать. Уже когда я из седьмого [класса] пошла, я пошла в восьмой, когда совершенно другая публика, это другое. Когда эти – переход со школы в школу, из школы в фабзавуч, с фабзавуча опять куда-то. Потом на рабфак. Я решала всё время свои дела, в которых мама ничего не понимала. И папа ничего не понимал.

АП: А с подружками как-то обсуждали?

АВБ: Девчонки делились очень. Эта моя Валя. Кто ей понравился, что ей понравилось. Я знала, что она сошлась даже раньше времени с мальчиком¹. Потом вышла за него замуж, родила.

АП: А вот такая информация, как интимные отношения между мужчиной и женщиной – это вообще не обсуждалось?

АВБ: Нет. Об этом, это не только [мы], и мама не знала ничего. Я думаю, выходя замуж, ничего не понимала. Уж папа откуда понимал! Ну так, наверно, как всегда естественно в природе раньше и бывало, сами разбирались. Как курицы с петухом, понимаете, кто их обучает? Так что на эту тему никаких никогда разговоров. Это теперь возвели секс во что-то. Мы слова этого даже не знали раньше.

АП: Ну, а откуда берутся дети, знали?

АВБ: Ну знали. Так детям же всегда говорили, вот там «аист принес» или там еще «мы подарили». [...] Это вот в этих интеллигентных [семьях] рассказывали про аистов, у нас так просто не рассказывали. Пошла мама в больницу, принесла ребенка – и всё. А нас это не интересовало. Это нормально. Это другая жизнь была, понимаете? Нормально. Как по тринадцать ребят. Вот у дяди

¹ Т.е. до свадьбы.

моего тринадцать ребят было. Ну так он[а] уйдет, опять принесет и опять. Брат, сестра растут. Кому какое дело. Тогда эта область не касалась детей! Это касалось родителей. Вот если нас тринадцать ребят у родителей, чего с этим рассуждать. Один родился, второй растет, третий брат растет. Вот они все. [...] Дома все рассуждали просто так, обо всем на свете. Я говорила, вот папа расстроился, когда троцкистская демонстрация в двадцать седьмом году была. Мне одиннадцать лет было, значит. Я вот увидела его расстроенным. Ему не понравилось, что эта была демонстрация. Ну он рассказывал, что в двадцать четвертом, что ли, в двадцать третьем году Ленин выступал – у нас вилла Роде такая была, там где Черная речка. Вот что Ленин там выступал на митинге. Они все ходили слушать его. Это он мне с удовольствием это рассказывал. А работали ведь они, вот я говорю, в одиннадцатом году завод открылся. А до этого они в частных мастерских работали. А мама работала, как они говорили, у них четырнадцатичасовой был рабочий день на фабрике с сестрой. Они уходили в восемь, а приходили когда, там уж я не знаю. В шесть уходили вернее, а приходил в восемь, наверно. Потому что семья была бедная. Вот они обе пошли на фабрику работать. А на них смотрели как на фабричных, даже несколько вот так свысока все фабричные-то. Но потом, ну они, так сказать, девочки были хорошие, все это знали, маму мою выдали замуж. Сосватали папе. Когда ему двадцать пять лет, когда он стал зарабатывать деньги. Хозяева решили, что надо, пора его женить. Чтобы он не сбивался с пути. А он стал в бильярд играть ходить. Тогда считалось это, понимаете, уже такой признак, как бы такой несерьезной жизни. Потому что человек может этот самый, он увлекался бильярдом. [...]

АП: То есть хозяева решили женить и сами это организовали?

АВБ: Да. Сосватали просто ему, отцу. Сказали, что надо жениться, уж пора жениться, двадцать пять лет, слава Богу. Подыскали маму девятнадцатилетнюю. Понравилась. Сосватали. Так что счастья особо такого, как Вы бы хотели узнать, там не было. Женились, так женились и жили. И дальше мама работала и знала, что должна семья быть, хозяйка, порядок. Она действительно хорошая хозяйка. Не зря ему подсватали такую, которая могла бы действительно вести хозяйство. [...]

Учили хорошо нас. И в рабфаке. Вот в рабфаке блестяще учили. А бригадный метод когда был в фабзавуче, математику сдавала я, там русский язык сдавал другой. Там бригада вся.

АП: Как это, бригадный метод?

АВБ: А вот бригада. Все мы разбиты на бригады. Вот мы подбираемся, девочки более-менее. В общем, там и мальчишки – кто попадет. Ну кто по желанию, наверно, кто без желания, уж как там попадет. А потом училась тема какая-то по русскому языку. Преподаватель вот, пожалуйста, спрашивает нас. Спрашивает. Сажает всех за стол.

АП: Одной бригадой?

АВБ: Одной, да. И задает вопросы. И кто-то берется отвечать. И вот он отвечает за всю бригаду. Оценка ставится всем.

АП: То есть получается так, что если в бригаде кто-то знает математику, то остальные могут, в общем, особо не напрягаться. А если кто-то хорошо знает литературу, то остальные опять-таки могут не напрягаться?

АВБ: Да. Да-да. И поэтому те, кто чего знал, так и пошли учиться туда, куда [могли]. А тот, кто не собираться учиться, он так себе кончил, да и ладно, спокойно, с этими оценками. Чего ему! И в этом смысле вот этот, я подумала об этом вот, ну аттестате. Может быть, правильно они делали, что не выставляли оценки. Потому что ясно, что после этого мы идем в восьмой класс. И пусть, не надо нам характеристику уже давать. Пусть там учитель начнет разбираться, вместо того, чтобы ему преподнесут вот такие оценки. Может, это справедливо. [...]

АП: А в пионерский лагерь Вы ездили в детстве?

АВБ: Нет, не ездила. Но папа у меня был, как старый рабочий, он был прикреплен. Значит, у нас было, на Кировском проспекте был дом, где организация пионерская районная была. [...] И там действительно такие работники комсомольские, там они были. Там пионеры с других школ что ли ходили, занимались там – что-то было. А папу моего, как старого рабочего, его почему-то произвели в почетные пионеры, и он туда ходил как рабочий. Туда вот, к ним. И лагеря были. У нас были в Петергофе. В Старом Петергофе эти лагеря. И папа опять тоже должен был туда всё-таки ходить, смотреть. А я в лагерь не ездила! Я вообще из таких девчонок – нет, в лагерь меня не отправляли. Наверно, они и знали, что меня не за чем в лагерь отправлять. Чего мне там в лагере делать?

АП: Ну всё-таки на лето поехать за город.

АВБ: А я тихонькая девочка всё-таки была, понимаете? Что мне там с ними делать? Так что вот с папой я как-то отправилась туда. Поехала, посмотрела, чего там, как там, понимаете? С папой же вернулась обратно. Так что они боялись, наверно, меня [отправлять]. [Или] не хотели пускать, так сказать, в эту среду. Наверно, правильно и делали. Какие там – Бог их знает. Но что он ходил, всегда говорил: «Ну, иду опять, значит, к своим пионерам». И я с ним ходила в это здание, действительно. А что они там делали, чего-то я и не знаю. Потому что я туда особенно и не ходила. [...]

АП: И Ваши друзья, одноклассники, не было такого, чтобы они ездили куда-то на лето?

АВБ: Нет. На лето ездили. Но это, так сказать... ну, во-первых, некоторые там знакомые как дачу снимали. Это которые получше [жили]. А вот из тех, кто уже был со мной в рабфаке, они пришли из другой школы. Там была собрана интеллигенция. Врачи, учителя, все. Они вообще были другого плана. На рабфаке-то я вот почувствовала сразу, что вот я насколько от них как бы отстаю. Они и музыку немножко знали, они литературу больше знали, они язык где-то учили, не только как в школе. Так у них, им родители снимали дачи. Коллективные. И они человек по пять, по шесть жили. И мальчики, и девочки. Летом. Меня вот это поражало, что вот так дружили. Уже довольно взрослые, им тоже лет по пятнадцать, по четырнадцать. Они жили на этих дачах.

АП: То есть они без родителей там жили?

АВБ: Без родителей. Может, родители и приезжали. Вот одна жена это ректора была, другая стала полковником медицинской службы. Третья тоже кем-то. В общем, все, все они вышли в крупные ученые. Вот кончив рабфак. Это наша группа, можно сказать, группа удивительная была. Все почти либо кандидаты, либо доктора. И вот там как раз... оттуда более интеллигентная публика, в рабфаках. А я опять-таки чувствовала себя от них, что я меньше знаю, чем они. Понимаете? Что вот уровень мой меньше, такой культуры. То, чего они знают, я не знаю. Они знали о литературе, Стендаля «Красное и черное» они все читали, а я нет. Я, значит, должна была прочесть. Они в филармонию ходить стали, когда студенты – я тоже стала ходить. И многие из них перестали ходить, а я ходила в филармонию до конца. Так уж получалось, что я, так сказать, если уж приклеилась, я приклеилась. Причем они умели рассуждать о музыке, о концерте. А я и до сих пор не умею. Я только слушаю музыку – понравилось, не понравилось. Но наслушавшись всяких лекций, циклов в филармонии, я, конечно, тоже могу чего-нибудь порассуждать. Я догнать хотела. Узнать то, чего они знают. И я по возможности догоняла. Но я в какой-то степени понимала своё, что я в стороне от них. Они, у них своя компания просто была большая в нашей группе. А я-то со стороны. Но они ко мне хорошо относились, потому что я отлично училась.

АП: То есть если человек не из интеллигентной среды, но хорошо учится, к нему относятся хорошо?

АВБ: Конечно.

АП: А если он и учится посредственно, то к нему будут плохо относиться?

АВБ: Ну не плохо, а просто он сам неинтересен им будет и всё.

АП: А когда Вы почувствовали, что стали взрослой?

АВБ: Ну детство-то, я не знаю, где оно кончилось. Наверно, в фабзавуче всё-таки. Там уже слесарем я же стала, я – слесарь четвертого разряда. [...] Когда мы кончили, то очень большую часть мальчиков на заводе устроили, а девочек не брали, потому что переизбыток кадров. Сначала наготовили, потом сказали: «Кадры лишние». Их оставили работать в цеху, на Судомехе¹. Пять тысяч было в фабзавуче, представляете? Пять тысяч было ребят! Это на площади Труда по Красной улице дойти туда, где Судомех такой завод у Невы. И там уже я научилась немножко отругиваться, там были хулиганистые мальчишки. Ну-ка пять тысяч – всяких! И для того, чтобы к тебе не привязывались, надо было что-нибудь обозвать его как-нибудь и пойти важно, понимаете? Уже это я усвоила. Там я в секции физкультурной занималась. Меня очень преподаватель физкультуры хвалил. То есть я вообще везде, где можно было заниматься в каких-то секциях, я занималась. Не зря я альпинизмом первая начала [заниматься] с нашего курса. Видимо, мне всё хотелось знать как можно больше. До нас трамвай шел с площади Труда, на мост лейтенанта Шмидта и вот на Красной улице я здесь прыгала в трамвай на ходу. Всегда все посмотрят, что на ходу прыгает. [...] Но где-то появилось вот такое чувство своё, понимаете? В рабфак уже мы шли, поступали тоже девочки тоже более интеллигентные с соседних групп. Они подали, значит, на третий курс (рабфак три года было), а мы с подружкой [...] хотели подать заявление на второй курс. Но, узнав, что

¹ Судомеханический завод

они на третий, мы решили: чем мы хуже? Тут же переписали заявление на третий курс. И сдали экзамен также на третий курс. [...] В рабфак на любой [курс] подавай заявление, куда хочешь. Но экзамен был какой-то. Но мы могли на второй сесть, но лишний год был. А так мы на третий.

АП: Раз Вы стали себя чувствовать взрослой уже в фабзавуче, то детство кончилось вместе со школой, лет в четырнадцать-пятнадцать? И потом уже Вы считали себя взрослой, не ребенком?

АВБ: Да фабзавуч-то я кончила уже в семнадцать.

АП: То есть фабзавуч – это всё-таки еще детство?

АВБ: Но уже чувствуешь себя уже человеком, повзрослевшим. В смысле отношений, так сказать. В смысле, что ты можешь мальчишку отшить и что хотите, понимаете, уже ничего. Раньше не надо было, нигде этого не было. А здесь поневоле, обстановка была такая, что надо было уже. Хотя там тоже хорошо учили и всё как следует. Но слишком – пять тысяч людей, ребят – значит, надо было уметь себя, так сказать, уже отстаивать. Вот это. А рабфак – потом опять сели заниматься. Все вот, все эти пришли, интеллигенция – опять новая совсем вот для меня эта публика. Там надо было опять учиться. [...] В рабфаке было много таких великовозрастных рабочих, интеллигентных. У них где-то тоже вот прошло это время, да еще они не сумели чего-то, так что старше нас. Причем талантливых. Некоторые стали крупные ученые. А некоторые не смогли. Кончили, но не смогли в институте заниматься, ушли. [...]

А куда деваться-то нам? Чего делать-то нам после [фабзавуча]? Некуда идти-то. Завод, заводы забрали, себе отобрали мальчиков. А девочки остались. Ну вот, это организовали цеха, в которых работали девочки. Слесарем я работала, всё. А весной нам уже даже секретарша вот прямо там в этих технических говорит: «Девочки, уходите пока можно, уходите пока можно». Потому что, может быть, потом бы тоже не просто было бы уйти. Опять бы потребовалось. Мы и ушли. [...]

АП: А что действительно потом пригодилось в жизни из того, чему Вас учили в школе?

АВБ: Ну то, что культуру надо знать всё равно. Надо же знать литературу. Надо же всё-таки в курсе дела быть. Поэтому мне легко было нагонять. Я, во-первых, абсолютно грамотный человек. У меня «четверки», «пятерки» были. Кто учил? Когда научил? Я не знаю. Но они нас выпустили грамотными людьми. А еще этот преподаватель литературы в рабфаке, который как-то нас поднял вообще очень высоко всех. Так что я не чувствовала такого отставания в общем-то. Я в спор о литературе не буду вступать, я в этом деле не настолько соображаю. Но я грамотный человек. И у меня всё равно будет своя оценка. [...]

АП: А когда Вы учились в школе, патриотизму учили учителя?

АВБ: Да нет, этой проблемы не стояло. Жили мы в стране какой-то своей, в своем мире. Жили как жили, зачем мне патриотизм? Какое мне [дело]? И географию-то не очень знали ту, тех стран, как они живут внутри. Вот этому же не учили – учили географии. Страны, природа, какие страны, какие национальности. А история – это в общем где-то уже в университете могла быть только. Нас никто не учил истории. И интереса [не было]. [...]

АП: А просто про советский строй, отличие его от западного, наш образ жизни в отличии от западного образа жизни – что-то такое тоже не рассказывали?

АВБ: Значит, люди никогда ничего не говорили. Они живут сами по себе, мы сами по себе. Но мы старались, действительно, свой строй [построить], мы верили в то, что мы строим. И потом наши папы так тут тяжело жили до революции, вот из таких семей, что они, конечно, все одобряли.

ВЗРОСЛЫЕ О ДЕТЯХ: ДОКУМЕНТЫ

Заявление В. Верхоустинской о положении в интернате №3 им. Добролюбова Петроградского района (бывш. Институт св. Елены)¹

Помещается в нем 260 человек дети возраста с 7 л. до 17 л. Старший элемент состоит из бывших кадетов и институток крайне распущенных и не поддающиеся никакой дисциплины. Старшие дети обижают маленьких, развито прислуживание младших старшим напр. маленькие подают в кровать завтрак большим, которые встают после 12 часов за послушание их избивают. Спальни у маленьких и старших общие, а так что есть где кадетам бывшим проявить свои кадетские замашки ночью от спящих маленьких уносятся их одеяла простыни, ложаться они в 2 часа ночи врываясь в спальню начинают с дебоша, ... площадная ругань не умолкает. Продовольствием так же маленькие дети обделяются, так как оно в руках старших детей. Одеждою снабжены старшие, малыши ходят рваные без сапог. Комиссар боится старших детей и с его стороны чувствуется к ним какое то подложивание. Маленьких детей никто интересы не защищает, а если и есть среди младших служащих таковые, то они до комиссара добраться не могут.

Надо отметить что маленькие дети это элемент пролетарских детей и вновь принятые, большинство из них очень хорошие дети испорченных совсем нет, но последнее время начинает площадная ругань и к ним прививаться.

Вся работа грязная ведется нянями, дети за собою совершенно не убирают даже девочки остались те же барышни институтки.

В. Верхоустинская

6/II 1920 г.

О детской дефективности

Доклад Давыдова 1922 г.²

ПРОТОКОЛ Заседания Комиссии по Социальному воспитанию Секции отдела Народного Образования Петросовета от 17 февраля 1922

Председатель С. И. Шитикова

Секретарь Э. И. Грассэ.

Присутствовали. Члены Петросовета: т. Югенбург, В. К. Иванов, т. Андреева, Р. Р. Борок, т. Дмитриева, т. Томасова т. Шабад, Левин, Добычин, М. М. Шитикова, т. Фельдберг, т. Челюсткин, Князева, Давыдов.

¹ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.12. «Комиссариат соцобеспечения: Документы по социальному воспитанию. 1919-20 гг.», л.80-80об. Рукопись. Подлинник.

² ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2919, лл. 55-60. Машинопись. **Последние две фамилии списка присутствовавших вписаны от руки.** Подлинник.

Порядок дня

1. О детской дефективности.
2. О Школьно-Хозяйственных советах
3. О прикреплении учреждений к фабрикам и заводам
4. Об использовании членов Совета.

I. СЛУШАЛИ: Доклад.....Давыдова¹.

Давыдов сообщает, что в число дефективных детей включаются те дети, которые не могут посещать школу. Причины непосещения школы бывают различные: дети с физическим недостатком, дети – маленькие преступники и дети трудно-воспитуемые.

Таких детей Комиссия о несовершеннолетних определяет в соответствующее детское учреждение после предварительного выяснения в какое учреждение его поместить и как к нему подойти, чтобы выработать из него способного к жизни человека.

Всех вообще детей до 18 лет, которые нуждаются в опеке в области юридической, или вернее социально-правовой помощи, социально охраняет Отдел Правовой Защиты детей.

Беспорядочность растет с каждым годом и как одной из причин такого роста можно считать распад семьи.

Прежде всего такие дети начинают с торговли, а потом шаг за шагом вследствие тяжелых экономических условий, вработываются маленькие правонарушители. Но есть дети с такими дурными наследственными задатками, которые при хороших условиях могли бы быть парализованы. Нельзя к таким детям относиться с предубеждением, нельзя сказать, что они не достойны большого внимания, так как между ними бывают очень способные.

Труднее, конечно обстоит дело с глубокой наследственной дефективностью.

За два последних года число случаев детской преступности уменьшилось, но зато зарегистрированные случаи указывают на ее более тяжелый характер.

Поэтому Отдел Правовой Защиты детей не должен ослаблять своей деятельности в борьбе с детской преступностью, тем более, что 60-70% дефективных детей вырабатывается в хороших граждан.

Останавливаться перед этой задачей нельзя и работа Отдела должна вестись с такой же интенсивностью, как велась до сих пор. По предложенной к рассмотрению диаграмме определяются следующие цифры:

	1920	1921
Общее число несовершеннолетних	9106	7902
задержаны за торговлю	1907	787
задержаны за убийство	9	26
задержаны за разбой, грабежи	142	264
Кражу	4374	4429
Итого	6432	5506

Иванов спрашивает, как составлялись эти диаграммы, т. е. выражают ли они собой действительный облик дефективных детей или же являются обыч-

¹ Оставлено место между словами «доклад» и «Давыдова», но туда ничего не вставлено.

ным результатом собирания статистических сведений, т. к. с уверенностью можно сказать, что цифра указывающая детей торговцев должна превышать цифру, характеризующую воровство.

По разъяснению Давыдова, диаграмма составлялась на основании регистрации, он согласен, что детская торговля не уменьшилась, и объясняет отсутствие сведений недостаточным вниманием милиции к таким торговцам. Это явление считает он крупным пробелом во всей работе.

Далее, Давыдов указывает, что приходится применять к детям-преступникам сравнительно суровые меры, как напр., приставлять к ним усиленную охрану, в окна помещений вделывать решетки и т.п. Все это применяется к тем детям, которые безусловно должны быть изолированы ради общественной безопасности.

ШИТКИНА предлагает Князевой пополнить доклад Давыдова сведениями о положении детей в детских домах.

По этому поводу КНЯЗЕВА сообщает, что состояние детских домов, ввиду недостатка предметов первой необходимости самое плачевное, и говорить об этом излишне, так как все это говорилось неоднократно и все присутствующие об этом великолепно осведомлены.

Судя по деятельности розыска о детях, можно заключить, что дети в сравнении с прошлым временем убегают из детских домов гораздо реже.

Происходит это не потому, что дети стали лучше или что увеличено количество служащего персонала, а потому, что весь персонал более соответствует своему назначению относится к своим обязанностям с максимальной добросовестностью.

Упорная борьба с бегством детей необходима: убегая из детского дома они встречаются с другими нежелательными элементами и знакомятся со всеми новыми видами преступности.

Преступность замечается между детьми не только города Петрограда, но и разных губерний.

Между ними много учеников школ и детей, вышедших из детских домов.. Поэтому необходимо увеличить надзор в школах и озаботиться о тех подростках, которые выйдя из детского дома в действительности оказываются выброшенными на улицу. Попадают также дети из интеллигентных семей и даже сыновья бывших князей, которые именуют себя налетчиками.

ЛЕВИН предлагает ознакомить присутствующих на данном заседании с методами перевоспитания т. к. Невским был брошен упрек Соцвосу в том, что в детских учреждениях вделаны решетки и детям применяется телесное наказание.

КНЯЗЕВА разъясняет, что решетки никак нельзя считать методом наказания: эта мера вызывается только крайней необходимостью и применяется к детям преступникам, безусловно опасным для общественной жизни, как напр., совершившим три квартирные кражи в течение одного дня. и т. п. Вместо того, чтобы отдавать их под надзор тюремный, они содержатся в детских домах, за решетками при чем воспитательский персонал прилагает все усилия для оказания нужного влияния на них. Результатом этого часто бывает, что через год они оправляются в нравственном отношении, и более старшие могут быть определены на службу.

Преобладающим числом детей являются 12-летние, о содержании которых в тюремной обстановке, конечно, не может быть речи, и поэтому естественно, что они, во избежании рецидивов остаются в детских домах более продолжительное время..

Что же касается телесных наказаний, то если в отдельных случаях их применения и были, называть это методом, конечно, нельзя. К сильно возбужденным детям применяется их изоляция от других детей.

Все дети содержатся в детских домах первые три месяца без права отпуска домой, с таким расчетом, что за этот срок ребенок привыкнет к учреждению. В течение этого времени проводится обследование семьи ребенка.

Тов. ШАБАД просит разъяснить, что такое организованная опека и что может опека фактически сделать.

Давыдов сообщает, что опека проявляет заботу о детях, помещенных в тот или иной детский дом, назначает опекуна над имуществом покойных родителей, причем опекуном может являться не только родственник ребенка, но и любой гражданин, составляет опись имущества. Все это производится с помощью обследователя опеки. Опека не может назначаться над ребенком старше 14 лет.

тов. ЮГЕНБУРГ спрашивает, каким материалом пользуются районные обследователи.

Районные обследователи, говорит КНЯЗЕВА, знакомятся прежде всего с семейным положением ребенка. Если для Комиссии и обследователя ребенок является загадкой, тогда он помещается для изучения его в детский дом, которым заведует проф. Грибоедов..

ДОБЫЧИН спрашивает имеются ли дома для дефективных дошкольников?

КНЯЗЕВА отвечает, что из числа дошкольных детей дефективных не бывает, т. к. дефективность начинает проявляться у детей от 9-летнего возраста.

В виде исключения имеются у Грибоедова четверо детей дошкольного возраста, которые проявляют некоторую ненормальности поэтому помещены к нему для изучения их.

Проф. ФАЛЬДБЕРГ говорит, что он как старый работник при Отделе Социального Воспитания, должен сделать некоторое добавление ко всему здесь сказанному.

По сообщениям из уездов, контингент дефективных в уездах всегда составляет бежавшие из г. Петрограда. Этим и объясняется отчасти уменьшение дефективных в Петрограде.

На самом же деле в связи с экономическим положением и закрытием школ, дефективность увеличивается

Борьба с дефективностью, по сравнению с границей, поставлена у нас хорошо.

По схеме программ все дети направляются прежде всего в особые распределители, а оттуда помещаются в тот или иной детский дом, смотря по степени дефективности.

Если можно бы было к каждым двум детям назначить одного воспитателя, то, конечно, не было бы необходимости в решетках. Но теперь, когда идет голо-

вокругительное сокращение штатов, приходится применять меры ограждения. Как метод перевоспитания является изоляция перевозбужденного ребенка, отвод ребенка от общества детей, лишение ребенка пищи, в том случае, если он отказывается работать, проводя принцип: «Кто не работает, тот не ест».

Когда настанет время и ворота в Западную Европу откроются, мы сможем показать нашу работу, ибо в нашей работе мы опередили другие государства.

Вся наша работа должна находить поддержку со стороны других учреждений. Необходима также специальная детская милиция, и тогда можно было бы бороться с еще большим успехом.

Сокращение штатов меньше всего должно коснуться детских домов для дефективных.

Нет сомнения, что процент детской дефективности уменьшится, когда семья будет семьей, улица улицей и школа – школой..

ИВАНОВ просит выяснить, являются ли работники в детских домах для дефективных специалистами своего дела?

В утвержденном случае нужно оставлять преступных детей в этих домах, если же там простые рядовые работники, то не лучше ли будет передавать таких детей в ведение другого учреждения

ЧЕЛЮСТИН говорит, что учреждения для дефективных детей находятся в тесной связи со школами. Многие школьники попадают в детские дома для дефективных.

Работа с дефективными будет доведена до минимума, если в школе будет надлежащий надзор. Поэтому нужно стремиться к сокращению детской дефективности за счет оздоровления школы.

ЛЕВИН предлагает привлечь все учреждения на помощь в борьбе с детской дефективностью.

ЧЕЛЮСТКИН предлагает привлечь не только учреждения, но и всех граждан.

Если до сих пор удалось победить уличных воришек, то еще до сих пор не побеждены быв. кадеты.

В ответ на вопрос Иванова, КНЯЗЕВА объясняет, что штат работников в детских домах подобран соответственно своему назначению, доказательством этому служит уменьшение числа побегов детей. Часть детей настолько оправилась, что может быть определена на работу в Совхоз и другие учреждения.

Для уменьшения дефективности она предлагает теперь, как и на съезде в Москве, обратить главным образом внимание всего Соцвоста на школы и нормальные детские дома, покидая последние 16-летние подростки оказываются совершенно без помощи. Если это будет достигнуто, то и преступность уменьшится.

Далее КНЯЗЕВА предлагает использовать помощь членов Совета в деле обследования милиции, комендатуры, вокзалов, а также и тюрьмы. Целью такого обследования должно стать скорейшее извлечение попавших туда детей, чтобы не дать им возможность сталкиваться с преступным элементом.

В целях борьбы с детской преступностью и использовании членов Совета ПОСТАНОВИЛИ:

1. В Виду того, что вопрос детской преступности, беспризорности и общей дефективности, а также и меры борьбы с ней мало известны широкому насе-

лению, Комиссия считает желательным поставить этот вопрос на Секции Петросовета.

2. Просить Секцию Петросовета принять конкретные меры для привлечения всех граждан и учреждений к борьбе с детской дефективностью.

3. Для защиты интересов несовершеннолетних предлагается Членам Совета периодически делать обход комендатуры при всех петроградских вокзалах, куда больше всего поступает детей, задержанных на самих же вокзалах и железных дорогах, а также посещать все районные комендатуры и уголовный розыск.

4. Обследование тюрем с целью выяснения, при посредстве тех же членов Совета, не находятся ли там дети, которые должны быть оттуда изъяты.

II *Слушали*. Об Использовании членов Петросовета.

Постановили:

1. С целью ознакомления широких масс населения с жизнью детских учреждений предложить членам ПЕТРОСОВЕТА обследовать детские учреждения, поставив обследование в самом широком масштабе, предоставив обследователям право присутствия на заседаниях педагогических советов и различных комиссий школ.

2. Ввиду того, что подавляющее число членов секции по Народному Образованию являются работниками народного Образования внести предложение об использовании при обследовании членов Петросовета вообще, а не только членов Секции

3. Поручить членам Секции Народного образования произвести в первую очередь обследование общежитий для голодающих и детских больниц и предоставить в ГУБСОЦВОС свое заключение, а также обследовать помещения в районах дровяной компании.

4. Кроме того, предложить членам Петросовета предпринять борьбу с нищенством детей, сообщая о всех замеченных в нищенстве детях в Губсоцвос с обследованием условий, в которых находится ребенок

5. Выработать инструкцию для обследования.

III *Слушали* Вопрос о прикреплении учреждений к фабрика и заводам.

ПОСТАНОВИЛИ: Рассмотрение этого вопроса отложить до следующего заседания для детального его рассмотрения.

Председатель (подпись)

О беспризорности и детской социальной инспекции

Циркуляр Главсоцвоса от 2 марта 1922 г. № 3953¹

РСФСР/Наркомпрос/ГлавСоцВос/ 2.3.1922/№3953.

Циркулярно

Всем Губсоцвосам

Целый ряд п/отделов правовой защиты несовершеннолетних в своих отчетах, докладах, телеграммах отмечает все увеличивающийся рост детской беспризорности и связанной с ним дефективности, особенно усилившейся с момента наступления голода. Это усиление одинаково коснулось и губерний урожай-

¹ ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2918, л. 49. Машинопись. Копия. Главсоцвос – Главное управление социального воспитания и политехнического образования Наркомата просвещения РСФСР. Функционировало в 1921-1930 гг. Имело отделы на местах, включавшие подотделы правовой защиты несовершеннолетних.

ных в виду того, что масса бездомных, голодных, покинутых и осиротелых детей самотеком двинулись туда в поисках хлеба и пристанища.

Усилению детской беспризорности способствует, конечно, и сокращение количества детских учреждений.

На вокзалах, пристанях, дорогах десятками и сотнями бродят беспризорные дети, умирают с голоду, осаждают милицейские участки, совершают правонарушения, соединяются в отряды и банды малолетних громил и т. д.

Все указанные явления требуют усиления помощи и надзора детской социальной инспекции.

Для осуществления этого надзора вблизи всех вокзалов, пристаней должны быть созданы приемники, где дети должны пробывать необходимое для их дальнейшей отправки время, в течение которого сотрудники детской Инспекции должны получить документы, билеты, продукты. Там же находят себе приют заблудившиеся дети, потерявшие на вокзалах своих родителей до розыска последних.

Члены детской социальной инспекции в течение круглых суток несут дежурства на вокзалах, осуществляя надзор за проходящими поездами, эшелонами, эвакуирующими беженцев, для своевременного направления едущих больных детей в соответствующие учреждения Наркомздрава, заблудившихся – в вокзальный приемник, беспризорных – в детские учреждения и т. п., согласно циркуляру № 9165/13 – I/XI/20г.

Дежурные члены Детской Инспекции обходят все вокзальные помещения, залы, буфеты, приемные покои, служебные помещения, для изъятия оттуда беспризорных несовершеннолетних. Дежурные члены детской инспекции должны давать справки и указания всем нуждающимся в них несовершеннолетним для облегчения им продвижения к месту назначения в соответствующих справочных столах на вокзалах.

Работа детской инспекции охватывает еще новую область в связи с учреждением нового института частного патронирования, каковой возможен только при самом усиленном надзоре детской инспекции.

В связи с вышеуказанным Детская инспекция должна напрячь все силы для выполнения своей работы; чрезвычайная важность ее была признана на Всероссийском Совещании Компомголов [Комитетов помощи голодающим], принявшем следующее постановление: «В виду усиления на почве голода детской беспризорности и связанной с ней детской дефективности, проституц. и проч. усилить повсеместно, а особенно в голодных местностях Работу детской Инспекции».

Сообщая об этом ГлавСоцВос предлагает всем Губсоцвосам, а особенно Соцвосам губерний, постигнутых голодом, усилить деятельность детской Социальной Инспекции: принять самые срочные меры к увеличению кадра братьев и сестер социальной помощи, и надлежащей их подготовке, а при невозможности найти надлежащее количество работников, желающих посвятить себя всецело деятельности Детской Социальной инспекции, надо обращаться 1) к школьным работникам с предложением нести обязанности братьев и сестер социальной помощи по совместительству,

2) Просить Женотделов и Союзы Коммолодежи выделить из своей среды лиц, способных нести обязанности Детской Социальной инспекции

О мерах приняты в исполнение настоящего циркуляра, необходимо представить подробные сведения в Отдел Правовой Защиты Нес-х Нар-са [Несовершеннолетних Наркомпроса], непосредственно каждому усоцвосу /копия в губсоцвос/ с указанием вокзалов, пристаней и др. пунктов, где будут установлены дежурства, число дет. социальных инспекторов, число приемников и их пропускную способность.

Нарком А. Луначарский

Зам. Главсоцвосом – Н. Иорданский.

Зав. От.. Прав. Защ. Нес-х \ С. Копелянская

Зам нач. адм. орг. части Главсоцвоса /А. Пчелко

Отчет о работе Отделения Социально-Правовой охраны несовершеннолетних за 1924 г.¹

Работа Отделения за минувший 1924 год велась в области профилактики беспризорности детей, работы с беспризорными детьми и борьбы с беспризорностью их, а также охраны и защиты прав несовершеннолетних. В первой области работа выразилась в создании кадра добровольческих дружин детских социальных инспекторов. Дружины эти были организованы в первой половине 1924 года впервые и проводят свою работу до настоящего времени. В состав их входят члены РЛКСМ, члены женотдела, а также привлечены студенты ВУЗов. Численность работников этих дружин в настоящее время для Ленинграда достигает 200 человек.

Органом борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних как последствиям беспризорности, являлась Комиссия по делам о несовершеннолетних.

Из сопоставления статистических данных за 1923 и 24 гг.², надлежит отметить увеличение количества несовершеннолетних, прошедших через комиссию³.

	1923	1924	1921	1922
Общее число нес.	2939	3759	7902	4520
Из них до 14 лет	1443	1881	⁴	
От 14-до 16 лет	1496	1878		
помещены в дет. дома	1121	1394	1428	1109
Оказана соц. помощь	111	266	226	35

В отношении остальных были приняты как в 1923 так и в 1924 году меры педагогического воздействия (как то: выговор, внушение, беседа на Комиссии, оставление у родителей с установлением надзора воспитателя обследователя.)

В ведении отделения в 1922 году находилось 52 учреждения с числ. 4638, в 1923 году находилось 49 учреждений с наличностью 3985 ч., в среднем, при

¹ ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2919, лл. 88-90. Машинопись/рукопись. Подлинник.

² От руки вписано «1921» и «1922 гг.», и все данные об этих годах, которые приведены ниже, так же вписаны от руки.

³ От руки вписано «по сравнению с 1923 гг. (нрзб.)»

⁴ Неразборчивое примечание от руки, по-видимому, дает отсылку к возрасту указанному тогда в УК.

колебаниях этой цифры по месяцам года. В 1924 г. сеть учреждений сокращена до 43, с наличностью на 1 января 1925 года 4351 ребенок.

В 1924 году несколько учреждений выезжавших на лето в колонии проводили летнее время по оказанию содействия сельскому населению. Принимали участие в полевых работах, устраивали спектакли, а в детском доме для девочек, находившихся в Лужском уезде, были организованы ясли для крестьянских детей.

В области охраны прав несовершеннолетних надлежит отметить работу Института Опек. Работа его на 1924 г. по сравнению с 1923 увеличилась значительно, что видно по следующим статистическим данным:

	1923	1924
число дел	238	390
опекунов	307	401
подопечных	313	424
основания для назначения опеки		
сиротство круглое	173	243
Полусироты	93	113
безвестное отсутствие родителей	24	19
Подкинуты	7	20
отданы матерям	16 ¹	29
Всего	313	424

О детских домах Ленинграда в 1924-1925 учебном году²

Как достигается дисциплина?

52 Детский дом	Путем влияния детских организаций и воспитательского воздействия
67 Детский Дом	Самоуправление и воспитательское влияние, организованный труд.
69 Детский Дом	Подробно по этому вопросу указано в годовом отчете 46 сов. школы.
101 Детский Дом	1) Товарищеское влияние самих детей, как на общем собрании так и через комиссии 2) соответствующие беседы и наблюдения воспитательского персонала
111 Детский Дом	Путем морального воздействия административно-педагогического персонала, детской организации, органов самоуправления, групповых собраний, пионер-отряда и влияния детей друг на друга.

¹ Цифра плохо разборчива.

² ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2866: «Сведения по детским домам Ленинграда согласно отчетности 1924-25 уч. год.», лл. 4-8. Приведенный ниже текст является результатом составленной кем-то компиляции. Основой для компиляции послужили отчеты об учебных учреждениях в 1924-25 гг., присланные в ОНО и выполненные в форме ответов на вопросы, содержащиеся в разосланной стандартной форме. Отчеты подписывались директорами детских учреждений. Вид документа такой: сверху написан номер вопроса, его содержание, а ниже номера дет. учреждений и краткий ответ. Машинопись с поправками от руки. Подлинник.

157 Детский Дом	Только чисто товарищескими отношениями, через пионерорганизацию и только в отдельных случаях приходилось принимать более строгие меры и вызывать воспитанников для личных бесед на собрание Совета или перевести воспитанницу в другой дом
195/209 дет. дом	Поддерживается воздействием товарищей (общие собрания) и педагогов, явно дефективные переводятся в другие дома
217 детский дом	Обсуждением всякого рода правонарушений на общих детских собраниях, индивидуальными беседами и некоторыми мерами воздействия через старост
233 Детский Дом	Серьезным и правильным подходом к детям при определении в выработке рефлексов
Детский дом при колонии им. В. Г. Короленко.	Работой воспитателей в полном контакте с самоуправлением

Заметно ухудшение или улучшение и их причина

52 Детский Дом	Изменений в худшую сторону нет. В лучшую – организация мастерских, подбор более квалифицированного персонала, стройность в проведении единого плана, укрепление самосознания уч[ащих]ся и их организаций, персонал и подростки втянуты в интенсивную общественную работу.
67 Детский Дом	Ухудшений нет. Улучшение – хорошее поведение воспитанников, большие успехи в ремесленном обучении, лучше прилежание, внимание и привычка к труду. Причины – воспитание основан[о] на серьезном ответ[ственном] труде, возраст.
69 Детский Дом	Ухудшений нет. Улучшения см. отчет 46 Сов. Школы.
101 Детский Дом	_____
111 Детский Дом	Достижение заключается в вовлечении трудновоспитуемых в школьную работу, в работу по самоуправлению
157 Детский Дом	_____
192 Детский Дом	Изменения в худшую сторону наблюдались в более частых уклонениях от порядка дет. Дома, вызвавшихся выходом на производство и фабзавуч ¹ Улучшение – повышение... посещ. школы, усиление активности детей и расширение кругозора.
195/209 Детский дом	Ухудшение заметно в том, что после слияния мужского и женского д. домов развился антагонизм между детьми ² . Улучшение – посещение... посещаемости школы и в расширении активности детей и их кругозора.

¹ Слова «выходом в фабзавуч» подчеркнуты и помечены на полях.

² Эта фраза подчеркнута и помечена на полях.

217 Детский дом	Постановка педагогического дела изменилась в лучшую сторону. Увеличилась кружковая работа, а именно: был организован и хорошо работал 1) переплетный кружок, 2) кружок обществоведов 3) цветочный кружок. Улучшилось поведение в школе и появилось к ней больше интереса
233 Детский дом	Изменился в лучшую сторону, потому что изменился возрастной состав, кроме того существует организация юных пионеров и комсомола.
Детский дом при кол. им. В. Г. Короленко	Лучшее – более широкое вовлечение воспитанников в активную работу в классе, мастерских, на с\х работах, сознательное отношение к делу.

Есть ли отряд пионеров и комсомола

52 Детский дом	Группа пионеров есть, комсомола – нет
67 Детский дом	Группа пионеров есть, комсомола – нет
69 Детский дом	Группа пионеров есть, комсомола – нет
101 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – есть
111 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – нет
157 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – нет
192 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – нет
195/209 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – нет
217 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – нет
233 Детский дом	Группа пионеров есть, кол. ЛКРСМ – нет
Детский дом при кол. им. В. Г. Короленко	Группа пионеров есть.

Как проводят воскресные дни?

52 Детский дом	По особому расписанию сост. культ. просвет. секцией детского самоуправления (экскурсии, доклады, посещ. театров, ходят в отпуск) ¹
67 Детский дом	Отдыхают, ходят в отпуск.
69 Детский дом	Совершают прогулки, читают, занимаются разными играми, посещают клубы, ходят домой
101 Детский дом	Нет
111 Детский дом	Уходят в отпуск, посещают кинематограф ВМУ, устраив. прогулки, чтение с туман[ными] картинками.
157 Детский дом	_____
192	Уходят в отпуск, играют и гуляют в саду при Детском Доме, читают, ходят в кино, устраивают спектакли.
195/209 Детский дом	Устраивают экскурсии, бывают в кино, ходят домой, занимаются в клубе
217 Детский дом	Уходят в отпуск, прогулки на остров[а] и в город.
233 Детский дом	Уходят в отпуск, на прогулку, вечером играют в подвижные игры или сидят в читальне.

¹ Слова «по особому расписанию» подчеркнуты и помечены на полях «NB!».

Детский дом при кол. им. В. Г. Короленко	Уходят в отпуск, устраивают вечера, посещают театр, чтение с туманными картинками, коллективное чтение.
Как понимают задачи учреждения?	
52 Детский дом	1) Подготовить строителей новой жизни, борцов за пролетарские идеалы. 2) Дать подросткам трудовые навыки к самостоятельной жизни.
67 Детский дом	Привить воспитанникам трудовые навыки, дать твердую грамотность и соответствующее общее политическое развитие.
69 Детский дом	Поставить в основу своей педагогической работы практическую подготовку детей к жизни с уделением еще большего внимания на общественно-политическое воспитание.
101 Детский дом	1) Органическая слитность в работе школы и детдома как единого учебно-воспитательного учреждения 2) Усиление работы по линии РЛКСМ и (нрзб.) в органической увязке ее с уч[ебно]-воспитательской задачей новой советской школы
	Привлечение в школу и детдом широкой общественности и осуществление лозунга лицом к деревне.
111 Детский дом	Обогатить ум ¹ детей знаниями, культивирование чувства общественности и политического самосознания и (нрзб) эстетическое удовлетворение.
157 Детский дом	_____
192 Детский дом	Воспитать трудовые навыки в детях и подготовить к жизни и общественно-политической работе.
195/209 Детский дом	Сплотить массу, <i>нивелировать ее для совместной социальной жизни</i> и приучить учиться в школе (состав воспитанников был набран из разных домов ²)
217 Детский дом	1) Выпустить в жизнь воспитанника со средней квалификацией по избранной им специальности. 2) Дать коммунистическое воспитание. 3) улучшить свое материальное положение.
133 Детский дом	_____
Детский дом при кол. им. В. Г. Короленко	Детский дом поставил себе задачей постепенную передачу отдельных отраслей хозяйства колонии в непосредственное ведение детского коллектива под руководством старших руководителей ³

Отчет о работе Интерната при 2-й Детскосельской школе

¹ Это слово плохо разборчиво.

² Выделенные слова подчеркнуты в тексте.

³ Весь текст помечен на полях волнистой линией.

за 1924-25 учеб. год¹

1. Интернат 2-й Детскосельской школы для переходного возраста, г. Детское Село, ул. Коммунаров д. № 12.
2. Помещение занимает не специальное, но вполне достаточное и требует частичного ремонта.
3. Отопление печное, требует частичного ремонта.
4. Водопровод имеется, но не исправен.
5. Освещение электрическое, исправное
6. а) Снабжен мебелью достаточно, но мебель не всегда пригодна.
б) имеются 2 рояля, требующих настройки
в) физических приборов и учебных пособий не имеется.
7. Подсобных учреждений не имеется
8. В первом полугодии 1924\25 уч. года имелось на лицо 3 рядовых воспитателя и одна старшая воспитательница
9. Приходящих руководителей кружков не было.
10. Дежурства распределялись по часам
11. В интернате имелось 3 группы, распределялись по классам А, Б, В.
12. В группе А - 31 чел.
В группе Б – 26 чел.
В группе В – 5 чел.
Не посещавших школу – 3 чел.

Материальное положение интерната

§ 1 - снабжение

1. В продолжении зимы обувь была выдана всем воспитанникам, но с опозданием
2. а) Постельного белья имеется одна полная смена, вторая почти не пригодна, для девочек имеется 2 смены платьев, для мальчиков 2 см. костюмов В феврале частично выдан материал для мальчиков, который почти не использован.
б) Пальто имеется у всех, часть из них не пригодна.
3. Дровами снабжает Гор. Отд. Мест. Хоз. из расчета 7 куб саж. на 6 зимних мес. и 1 и 1\2 куб саж. на 6 летн. месяцев.
4. Температура в спальнях в зимние месяцы держалась от 8 до 18 град. по Реомюру и в дневных комнатах от 10 до 12 гр. по Реомюру.
5. Учебниками интернат не снабжен и дети пользовались учебниками, выдаваемыми школой. Учебные принадлежности выдавались, но в минимальном количестве.
6. Не удовлетворялись совсем учебными пособиями, учебниками, детской литературой, материалами для игр и занятий.

§ 2. Питание.

2. Регулярно интернат получал питание только от ГОРОНО. Шеф интерната 48-й полк давал в течение 20х недель \ по 1 ф. хлеба на ребенка\ и продукты в день принятия шефства. Последнее объясняется, тем что шефство было принято полком в начале мая месяца, причем полк вскоре ушел в лагерь
3. Питание было не достаточно и однообразно.

¹ ЦГА-СПб. ф. 2552 оп. 1 д. 2866, лл. 68-72 об. Машинопись. Подлинник.

Утром выдавался чай, сахар, хлеб \ 1 ф. на день\
Обед – из двух блюд: мясной суп и каша или картофель
Вечерний чай – хлеб с маслом
Ужин одно блюдо, состоящее почти всегда из каши.

4. Для достаточного питания не хватало овощей и жиров.

§ 3 Медицинское обслуживание.

1. при интернате имеется изолятор на две кровати.
2. Врач посещал интернат через день и вызывался по мере надобности
3. В санатории дети отправлены не были, в госпиталь отправлено 4
4. В амбулаторию дети водились крайне редко и учет не велся

В течение года не считая незначительных недомоганий, имелись:

1 случай воспаления легких,

1 случай кори и

2 случая скарлатины

5. Как указано выше заразных заболеваний было 3 : 1 корь и 2 скарлатины
6. Случаев смерти и калечения не было
7. Врачом периодические медицинские обследования проводились ежемесячно
8. Работа врача выражалась в санитарном состоянии дома, в школьных советах принимал участие школьный врач.

раздел 3 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЯ.

§ 1

1. Интернат поставил себе задачей на летнее время самое близкое знакомство детей с жизнью крестьян, с каковою целью была намечена соседняя подшефная деревня «Большое Кузьмино»
2. План занятий как зимней так и летней работы при сем прилагается
3. 2-ю Детскосельскую трудовую школу, дневную
4. Мастерские не посещались
5. Свободное время дети имеют и проводят его в самостоятельных играх и прогулках
6. В отпуск по воскресеньям ходят постоянно 2 чел. В исключительных случаях 3-4.
7. Воскресный день проводят в играх и прогулках.

§ 2. Физическое воспитание.

1. Особых занятий гимнастикой нет
2. Каждодневные гимнастические упражнения систематически не проводились
3. Прогулки проводились каждый день, причем одна группа самостоятельно, остальные с воспитательницей.
4. Заготовка дров и мытье полов производится старшими детьми \ мальчиками и девочками \ с помощью технического персонала, уборка помещений производится всеми детьми вместе с тех персоналом.
5. В баню ходили в 2 недели один раз.
6. Носильное белье менялось еженедельно, постельное в 2 недели один раз.
7. Подвижные игры проводились постоянно для всего состава интерната и заключались в пионерских играх, в играх по партиям и т. д.
8. Спортом дети не занимались

9. Врач обследовал физическое состояние детей.

§.3 Общественно-политическое воспитание.

1. Самоуправление выражалось общими детскими собраниями и распределением труда по дому самими детьми. Полное самоуправление проводилось частично, соответственно возрасту детей
2. В районной комиссии по самоуправлению дети участия не принимают.
3. При интернате имеется группа пионеров и октябрят. Руководят этими группами представители РЛКСМ. Связь с другими группами имеется. Пионерская группа является руководящей в интернате. Согласованность пионерской работы с общей работой в интернате не совсем налажена.
4. и 5. При интернате среди детей членов РЛКСМ не имеется (малый возраст)

§. 4 Учебная Работа.

1. Учебный день в школе продолжается в классе А - 3 часа в день, в классе Б и В по 4 часа в день, на проработку учебного материала в интернате отводится по 1 – 1½ часа.
2. Характер занятий в интернате заключался в проработке детьми под руководством воспитательниц учебного материала, даваемого школой.
3. и 4. продленный день не проводился.
5. План работы в интернате составлен воспитательской комиссией, заседавшей регулярно. В состав этой комиссии входили как воспитатели интернат, так и классные наставники и преподаватели тех классов, в которых обучались дети интерната, то есть классы А., Б, и В. План утвержден школьным советом.
- 6, 7, 8, 9. В интернате кружковые занятия не велись.

10. Экскурсии велись двоякого рода:

а) экскурсии связанные с планом работ школы и под руководством школьных работников, и

б) связанные планом работ интерната под руководством воспитательниц. Эпизодические экскурсии проводились под руководством воспитательниц

в экскурсиях принимали участие все дети

Проработка экскурсионного материала выражалась в письменных работах, составлении гербариев, составлении уголка живой природы, зарисовках и проч.

11. Количеству и характеру экскурсий учет не велся.

12. Доклады, характера лекционного в интернате не проводились, но применительно к возрасту проводились беседы по плану в связи с текущим моментом, и на темы, выдвигаемые самими детьми.

13. В продолжении зимнего периода дети старшей группы посещали театр ГОРПОЛИТПРОСВЕТА 5 раз.

14. Материал прорабатывался в беседах и рисунках

15. Кинематограф ГОРПОЛИТПРОСВЕТА дети посетили 5 раз. Программа более или менее соответствовала их пониманию. Кроме того, дети 5 раз были в кинематографе у шефов, программа была не подходящая к возрасту детей.

16. 17. кружковые занятия не проводились.

18. Студии дети не посещали.

19. В детском доме были отмечены : годовщина смерти В. И. Ленина, выразившаяся в торжественном заседании, праздник первого мая, и принятие шефства...
20. Концерты не посещались.
- 21, 22. Ремесленные навыки пока еще не проводились в виду малого возраста детей.

§. 5 Работа педагогического коллектива.

1. Ввиду слияния школы с детским домом под названием школы и интернатом отдельного педагогического совета в интернате не имелось, но взамен его организован воспитательский совет в составе воспитателей интерната, заведующ. учреждением, классных наставников и преподавателей школы класс А, Б, В.
2. Воспитательский совет начал свою деятельность с фактического слияния детского дома со школой, то есть со второй половины учебного года. Заседания велись регулярно по средам до начала летних каникул. Заседаний проведено 12 . Протоколы ведутся.
3. В заседаниях воспитательского совета принимали участие также технический персонал, врач, представитель детей и шеф.
4. Основными вопросами заседаний служили: выработка инструкций дежурным для установления общешкольного порядка, содержание работы дежурных воспитательниц по интернату, распределение работы всего педагогического коллектива интерната, роль технического персонала в воспитании детей, взаимоотношения детского коллектива, работа в интернате представителя от шефов, увязка работы вожатого пионер-ядра с воспитательской работой.
5. и 6. Повседневный учет, характеристики и дневники не велись, но сейчас вводятся.
7. в Отчетном году была проведена выставка работ детей в помещении школы вместе со всей отчетной выставкой. Выставку посетили как представители администрации города и уезда, так и представители Союза РАБПРОСА, общественных организаций, педагоги других школ и детских домов, родители и граждане города.
8. Дисциплина поддерживалась через детские собрания.
9. работники принимали участие в районном педагогическом совете, представляли в Женотделе, МОПРе, обществе «Долой неграмотность» делегировались в профорганизацию. В общественную работу был втянут весь педагогический и частью технический персонал.
10. Обследование на дому педагогами проводилось и имело большое воспитательское значение.
11. Воспитательский персонал участвовал на курсах по переподготовке в Ленинграде, работали в кружках краеведческом, педагогическом

§ 6 Связь детдома со школой и другими учреждениями.

Интернат помещается отдельно от школы

Интернат находится со школой под общим управлением. Формально слияние произошло в с начала учебного года, но в связи с перемещениями внутри детдома слияние с интернатом можно считать установившимся лишь со

второй половины учебного года. Руководящая учебно-воспитательская линия принадлежит школе и проводится путем еженедельных воспитательских советов, но ближайшее выполнение заданий воспитательского совета принадлежит старшей воспитательнице интерната.

Воспитатели интерната в школе не работают.

Преподаватели школы в интернате не работают.

Школьный совет объединяет как интернат, так и школу.

а) В школьном совете присутствует вест педагогический состав интерната

б) В воспитательском совете интерната присутствуют преподаватели и классные наставники классов А, Б, В.

Совместные праздники устраиваются в школе

Школа предоставляет свои кабинеты и учебные пособия по мере надобности детям интерната наравне с остальными детьми.

В прошлом учебном году, когда интернат представлял собой самостоятельный детдом, связь со школой была очень слабой. Но в текущем году в связи со слиянием и общим воспитательским советом связь становится все сильнее и сильнее.

Связь с другими детскими домами очень слабая.

Связь интерната с шефом мало налажена в виду того, что шефство было принято 48 полком в начале мая месяца. Вскоре полк ушел в лагерь.

Связи с производством не имеется.

Налажена связь с населением ближайшей деревни «Большое Кузьмино». Но дальнейшей работе мешала сильная эпидемия скарлатины в деревне.

интернат является шефом деревни «Большое Кузьмино».

О работе проводимой в деревне см. план летн. работы. [...] ¹

3 а) Ремонт в интернате не проводился

б) Количество обуви немного увеличилось.

4. В худшую сторону по сравнению с прошлым годом постановка педагогического дела не наблюдалась.

5. Постановка педагогического дела в лучшую сторону наблюдается, благодаря более тесному сотрудничеству школы с детдомом, которое выразилось в регулярных заседаниях воспитательского совета.

6. Изменения в худшую сторону физического, умственного и морального облика детей не наблюдалось.

7. а наоборот наблюдается изменение в лучшую сторону.

Приложение 1.

Примерное распределение дня в интернате.

7 час. Утра. Встает дежурный по кухне (затапливает кипяtilьник, выдает продукты), дежурный по ключам (собирает всю посуду, которая просыхает ночь на плите, считает ее и сносит в буфет) и дежурный по топке печей.

7 ½. Встает дежурный по столовой.

8 ч. Встают все дети (моются, отстилают постели и проветривают спальни).

9 ч. Пьют чай.

9 ½. Застилают постели.

9 ¾. Идут в школу.

¹ Пропущен раздел об образовательных успехах воспитанников.

12 ½. Приходят из школы.

С 12 ½. 2 часа гуляют в саду.

2-3 ч. Обед.

3 – 5 ч. Одна группа детей идет на самостоятельную прогулку, другая гуляет с воспитателем в саду.

5 – 5 ½. Дети пьют чай.

5 ½ - 8 ч. Все дети готовят школьное задание, закончив их, производят необходимую и доступную для них починку верхнего и нижнего белья. Проводят организованные и подвижные игры, читают, рисуют, проводят коллективные беседы.

8 ½. Ужин.

9 ч. Ложатся спать.

10 ч. Все дежурные ложатся спать.

Приложение 2. План работы в интернате, утвержден воспитательским советом.

Воспитание детей должно базироваться на трех принципах: труд, общество и природа.

Труд. Для разработки этой темы необходимо детей привлекать к самообслуживанию. В этом направлении большое значение имеет технический персонал, который должен оказывать помощь воспитательскому персоналу, разъясняя детям трудовые процессы.

Общество. Для развития общественности необходимо ознакомить детей с учреждениями, которые тесно соприкасаются с жизнью интерната, чтобы дать детям полное представление о всех средствах, обеспечивающих их жизнь.

Наряду с этим знакомить детей со всеми общественно-политическими событиями,

в степени развития детского понимания. Особое внимание обратить на взаимоотношения детского коллектива между собою, умение каждого жить в обществе.

Природа. Изучение природы должно выражаться в наблюдениях; как то – времени года, наблюдения над погодой, значение солнца, ветра, облаков, осадков. Элементарные понятия о воде и воздухе.

План работы в детском доме далее связать со школьной работой, для чего предложить воспитательницам посещать уроки в классах А, Б и В.

И. д. Заведующ. Школой и интернатом (подпись).

5 августа 1925

Е. Бибанова. «Как готовить из ребенка в возрасте до 3-х лет будущего строителя новой жизни» (1927)¹

Поговорим об игрушках. Тут родители делают много ошибок. Они считают, что игрушкой является только то, что покупается в игрушечной лавке,

¹ Е. Г. Бибанова. Как готовить из ребенка в возрасте до 3-х лет будущего строителя новой жизни. М-Л: Московский рабочий, 1927. С. 21, с. 30, с. 52-53.

специально сделано для детей. Это неверно. Игрушкой для маленького ребенка может служить личные предметы из домашних вещей. Малыши этими предметами часто интересуются гораздо больше, чем покупными игрушками. В лавке вообще мало подходящих игрушек для маленьких детей. Поэтому родители часто совершенно напрасно тратят свои трудовые деньги – ребенок купленными предметами не интересуется. Приблизительно с 10 месяцев ребенку можно давать куклу, но не такую, каких много в магазинах. Куклой для маленьких детей может служить палочка, завернутая в тряпку, или же тряпку скрутить наподобие куклы. [...]

Ребенок не ест кашу, а нам нужно, чтобы он съел ее. Мы ему говорим: «Ешь, а то собаке отдам.» Ребенок не хочет надевать башмаки, ему говорят: «Надевай, а то Коле отдам, вот он идет и возьмет у тебя башмаки.» Часто такой прием удается. Ребенок спешит съесть кашу, надеть башмаки. Но такими способами воздействия взрослые с ранних лет развивают в ребенке жадность, желание все захватить для себя, чтобы никому другому ничего не досталось. Это в ребенке остается и *на всю жизнь*¹. [...]

Приучать ребенка к горшку следует начинать уже с того времени, как он может сидеть. Для этого необходимо купить суднышко [...]. Никогда не следует сажать ребенка на горшок насильно. Если ребенок упирается, не хочет – подождите немного. Если есть другие дети, пусть они сначала сядут, покажут пример [...]. Чтобы ребенок скорее привык к аккуратности, не следует оставлять его мокрым. Не следует также оставлять в комнате луж, так как он обязательно будет их размазывать. Не следует стыдить ребенка, если он намочил свое платьице или белье. Но следует похвалить его, когда он сел на горшок, и указать, что у него сухие штаны.

Дети играют «в свадьбу» (1927)

(Дуня, 8 л., дер. Подкорье, Калужской губ.)²

– Давайте в свадьбу, – предлагает Дуня. Девочки соглашаются, выбирают невесту – Матрешу, покрывают ее ее же платком. Бегут к наблюдательнице с возгласами: «И я, и мы будем в свадьбу играть, в свадьбу.»

- Ну что же играйте, - говорит наблюдательница. Дуня смотрит на наблюдательницу, слегка наклонив голову вперед:

– Ня,³ а жених-то кто будет?

– Вы хотите мальчиков позвать? – в свою очередь спрашивает наблюдательница.

– Да, нянь, а они не идут, – сообщает Дуня. Наблюдательница призывает мальчиков. Из них соглашается быть женихом Коля Т., 7 л.

– Вот Коля будет женихом, – предлагает наблюдательница. Дуня смотрит на Колю, на наблюдательницу, быстрым взглядом окидывает всех детей.

¹ Курсив в оригинале.

² Е. С. Михлина и Н. И. Никитенко. Игровая деятельность крестьянского ребенка // Е. О. Зейлигер (ред.). Крестьянский ребенок: материалы к его изучению. М.-Л.: Госиздат («Библиотека педагога»), 1928. С. 55-59.

³ «Ня» - сокращенное слово «няня», так обращались дети к руководительнице. (Прим. издателя).

- Ну, пойдёмте в класс, там и сесть есть где, вечеринку устроим, – предлагает она и бежит в класс. Все дети бегут за Дуней в класс и там сговариваются. Петя и Федя (семилетки) будут лошадьми, а остальные гостями и сватами. Затем Дуня берет Матрешу (невесту) за руку, ведет ее ко второй парте в среднем ряду и говорит:

– Ну, невест, садись, жених, садись, – Оглядывает всех детей. – Гости, садитесь, – добавляет она.

Дети усаживаются. Дуня оглядывается, взгляд ее падает на Катю, 6 лет.

– Эй, свах, садись, – обращается Дуня к ней.

В это время в класс входит Ваня Т., 7 л.

– Сват, сват, сюда садись, – сейчас же обращается к нему Дуня. – С женихом. Вань, иди, садись, - приглашает она.

Все «гости» усажены за столы, сидят, улыбаясь, переглядываются. Дуня быстро повертывается и говорит:

– Счас (сейчас) угощать будут.

Бежит в коридор и сейчас же возвращается, неся в руках песочницы. Ставит песочницы на стол и оглядывается на наблюдательницу. Замечает стоявшего тут же Ваню М., 9 л.

– Иди, сват, садись, – обращается она с улыбкой к мальчику. – Ешьтя, ешьтя, – угощает она. Гости с улыбками делают движения, как будто едят.

– Нужно самогоночки принесть, – говорит Дуня и убегает в коридор. Быстро оттуда возвращается, неся кеглю и цветы, которые кладет на парту. Кеглю наклоняет над песочницей, делая вид, что наливает «самогонку».

– Пейте, пейте, – угощает она. Ставит кеглю на стол перед детьми. Берет цветы и, обрывая лепестки, кладет их в песочницы со словами:

– Ешьтя, ешьтя.

Маленький трехлетний Коля берет из песочницы лепестки, кладет их в рот и жует. Дуня, увидав это, быстро делает к нему шаг и громко говорит:

– Колька, плюнь, что ты делаешь, плюнь. Плюнь еще, еще раз плюнь.

Ваня М., один из «гостей», берет песочницу, делает вид, что пьет из нее, и, морщась, произносит:

– Ня, дюже крепкая самогонка.

Дуня, улыбаясь, смотрит на него, на наблюдательницу.

– Ого, подноси, матушка, самогоночки, – продолжает Ваня.

Дуня улыбается и наклоняет кеглю над песочницей. Быстро ставит кеглю на стол, поспешно повертывается.

– Пойтить (пойти) самовар поставить, лошадям надуть дать, – озабоченным тоном замечает она и быстро отходит к Пете и Феде, изображающих лошадей и привязанных поэтому к углу класса к ножке парты.

– Счас венчаться поедем, – улыбаясь заявляет Дуня, вернувшись к «гостям». – Невест, вылезай; сват, вылезай.

Дети выходят из-за парт, а Дуня идет к «лошадям» - Пете и Феде. Между тем те успели уже запрячься, т.е. обвязаться вожжами – веревкой. Дуня берет край «вожжей» от лошади-Пети и подает его трем детям, берет сама другой от лошади-Феди, рядом с собой ставит Матрешу и дает ей тоже взяться за

вожжи. Образовалось две «подводы». Лошади бегут. За ними с криками «но» бегут дети по всему классу между рядами парт.

– Но, эй, эй! – кричит Дуня и бежит вместе с детьми. К бегущим присоединяются остальные дети и все бегут между рядами парт.

– Эх-эх, на трех подводах свадьба-то, – слышен чей-то восхищенный возглас. Обежав раза три, дети останавливаются:

– Приехали.

Дуня оставляет лошадь.

– Иди, невест, – зовет она Матрешу. Матреша также оставляет лошадь и идет к столу. Дуня идет за ней. Но затем говорит:

– Счас с постелями поедем, – убегает быстро в коридор. Сейчас же оттуда возвращается и подходит к столам:

– Садись. Ешьте, молодые. Кушайте. Счас с постелями приедем, – улыбаясь, говорит она, глядя на молодых. – Счас с постелями поедем.

Затем обращается к Васе – он теперь третья лошадь и стоит рядом с Петей и Федей.

– Вася, лошадь, иди скорей, давай вожжи, Федь, идитя.

Вася подходит и подает вожжи. Дуня берет вожжи:

– Молодая, эй, молодая! – зовет она Матрешу. Та подходит. – Иди садись, молодая, – говорит Дуня и берет Матрешу за руку левой рукой. В правой держит вожжи. Лошадь-Вася рвется вперед. Дуня сдерживает лошадь:

– Тпру-у, тпру-у-у! Ну, готовы. Поедим (так!), эй!

Дети вскакивают из-за парт и бегут по классу. За ними бежит Вася-лошадь. Дуня, улыбаясь, бежит за ним, держа в правой руке вожжи, а в левой руку Матрешу. Бежит вприпрыжку, глаза блестят, лицо оживлено. Матреша бежит медленнее, задерживая Дуню. Дуня бросает руку Матрешу:

– Невест, оставайся, – говорит она, а сама бежит дальше. Обежав два раза класс, сдерживает «лошадь» при приближении к Матреше, которая стоит в углу возле печки.

– Садись, – быстро говорит она и схватывает Матрешу за руку:

– Но, пошел, но! – Дети сдерживают своих лошадей:

– Приехали! – Дуня бросает вожжи, смотрит на детей:

– Слезайте, – говорит она, – идитя, садитесь, – а сама быстро подходит к столам, где еще сидят маленькие.

– Ну, теперь величать надуть, – говорит она. Сама прислонилась к парте, сложила руки так, что кисть правой поддерживает локоть левой и наоборот, и обращается к тут же стоящим мальчикам:

– Ребят, и вы пойте.

Петя громко начинает: «Гей, мы ребята, мы пионеры». Дуня улыбается, переводит взгляд на «молодых», на наблюдательницу. – Теперь журавля, – предлагает Петя. – «Соберемтесь же, друзья», поет он. Поют и другие дети. Дуня, продолжая стоять в той же позе, поет, улыбаясь и слегка раскачиваясь: «Жура, жура, журавель». Все дети подхватывают песню.

– Ну, а теперь плясать давайте, – предлагает Дуня, отбегая в середину класса. Дети выходят из-за парт, идут за Дуней. Дуня останавливается посреди класса, складывает руки и, весело поглядывая, поет: «Ой ли, ой ли, лешеньки».

Петя поет: «Прутер-гетер-ре-те-те-те» - веселый мотив (мелодия русского), делая вид, точно играет на гитаре. Дуня выбегает в середину класса, руки слегка сжав в кулаки, оперла в пояс, топчется на месте. Лицо ее серьезно, сосредоточенно. Иногда, встречаясь взглядами с улыбающимися взглядами детей, улыбается и сама, но сейчас же опять улыбка сходит с лица, и она с тем же серьезным лицом продолжает плясать.

– Ну, теперь хоровод давайте водить, – говорит Дуня и берет за руки Настю и Катю, стоящих ближе. Девочки, взявшись за руки, образовали хоровод. Поют: «Ой ли, Лели, лешеньки». Дуня, улыбаясь, идет, слегка покачиваясь, громко поет: «Ой ли лешеньки, Лели». Девочки весело, дружно поют песню, начатую Дуней, водя хоровод. Дуня вдруг запекает:

Подруженьки-то, со мной
Пойдем за водой!
Из колодца вода льется,
Надо мной милой смеется,
Ой ли, ой ли,
Из колодца вода льется,
Надо мной милой смеется.

Дуня останавливается, слегка наклонившись, что-то шепчет девочкам, затем быстро запекает:

Невысоко, недалеко, только милаво видать.

Девочки поют: «Невысоко, недалеко».

Дуня что-то быстро шепчет девочкам. Все запекают:

Цыпочка Розочка,
Выйди на крылечко,
Подари колечко.

Потом запекают: «Все лампадочки горят».

Дуня громко поет:

Все лампадочки горят,
А моя погасла,
Все по парочкам сидят,
А я не согласна.
Выйду, выйду на город,
Черемушкой пахнет,
Брошу милова любить,
Пушай его чахнет.

– Ну, уже будя, – говорить кто-то из старших детей. Девочки расходятся. Дуня опускает руки, оставляет девочек, тихо идет к наблюдательнице.

Останавливается, смотрит, как пишет наблюдательница.¹

О работе сельских школ Калужской губ. Первой опытной станции Наркомпроса²

¹ Наблюдательница в то же время исполняла обязанности руководительницы. (Прим. издателя).

² НА РАО Ф.1.оп.1.ед.хр.294, «I Опытная станция по народному образованию Наркомпроса РСФСР Материалы Дошкольного отдела в деревне. Сельские детские сады Первой Опытной Станции Наркомпроса (1919-1935 г.)», лл.3-30. Машинопись. Подлинник.

[...] [М]ы начали изучение детей, начав с их физического состояния; результаты были далеко не радостными; оказалось, что дети нашей местности [в Калужской губернии] оставляют желать очень многого в отношении своего здоровья; среди них оказался большой процент малокровных, рахитичных, с пониженным питанием и много перенесших различные инфекционные болезни. Когда же мы познакомились с их бытовыми условиями, то увидели, что они живут в тесных и душных избах и многие из них перегружены домашним и даже кустарным трудом; бывали такие факты, что даже пятилетние дети в тех семьях, где существовал ткацкий промысел, сидели по 7-8 часов за мотанием шпуль.

Мы отметили также их ограниченный кругозор наряду с хорошим знанием окружающей их жизни; к этому надо еще прибавить утилитарные наклонности и очень добросовестное, почти недетское, отношение к исполнению своих обязанностей.

[...] На первое место встала борьба за освобождение детей от непосильного труда; затем – заняться улучшением их здоровья путем педагогической пропаганды и путем создания подходящих условий в детском саду. И то и другое было довольно трудно; деревня в 1919 и 1920 годах голодала, а у нас тоже не было возможности кормить детей так, как было для них нужно. Выход из этого положения мог быть найден только в том случае, если бы родители поняли нас и согласились работать вместе с нами. Довольно скоро мы поняли, что скрытыми мотивами сопротивления с их стороны была боязнь, что мы будем брать с них деньги за детей и снимем с них кресты. Надо указать, что среди населения около половины было старообрядцев, особенно ревностно державшихся за свои религиозные традиции. Но мы не складывали оружия и не ограничивались пропагандой в семье, а постепенно захватывали более широкие круги населения. Число наших противников, хотя и медленно, но все же сокращалось. Так, начав в 1919 г. с двух, к 1922 г. мы имели только три детских сада, охватывавших лишь 7% детей дошкольного возраста данных деревень; а в 1926 г. мы хотя и имели 7 детских садов, но они охватывали все же только 19 % детей дошкольного возраста. Значительную роль в привлечении родителей на нашу сторону сыграл тот факт, что с 1924 года наши детские сады на лето превращались в площадки с понижением возраста детей и открывались дополнительные площадки в тех деревнях, где не было детских садов; в 1929 г. их число дошло до 23 с охватом почти 80% детей в возрасте от 2 до 7 лет. [...] Женщина была всегда дома зимой и не нуждалась в удлиненном детском саде; другое дело летом, когда им целыми днями приходилось бывать в поле [...] Таким образом, у нас возникли летние ясли-площадки, работавшие не менее 12 часов, а иногда и целые сутки.

...Формы жизни, общественные отношения в деревне (мир, сход), простота их, делавшая их доступными для понимания детей, способствовала тому, что дети приходили в детский сад уже с некоторыми зачатками общественных навыков. Привыкнув играть вместе на улице, дети приходили к нам целыми группами и довольно быстро поддавались организующему влиянию детского сада. [...] [С]ам уклад деревенской жизни способствовал привитию детям некоторых общественных навыков. Это сказалось особенно ярко тогда, когда мы

перешли от организации жизни внутри детского сада к установлению связи с окружающей средой.

Надо себе представить жизнь деревни в те годы, чтобы понять, насколько это было сложной задачей; деревня была возбуждена и разделилась на два лагеря: один за Советскую власть, другой – против. Дети часто приходили в детский сад взволнованными всем, что происходило и говорилось в деревне: изъятием церковных ценностей, открытием избы-читальни, первыми Красными праздниками, всевозможными слухами, приходящими из Москвы и т.п. Надо было успокоить их, объяснить все события в доступной для них форме и сделать ростки новой жизни приемлемыми и радостными для них. Мы начали с наблюдения и осмысливания всего нового, что появлялось постепенно в деревне: делали экскурсию в избы-читальню, электростанцию, на крахмальный завод; когда началась коллективизация сельского хозяйства, ходили на колхозную ферму, колхозные поля, смотрели первую коллективную уборку и молотьбу хлеба, красные обозы и много другое. [...] Большим стимулом для проявления общественности служило празднование дней Красного календаря, как в детском саду, так и вместе со школой. В дни выборов мы пользовались детьми для агитации за посещение родителями предвыборных собраний; после предварительной беседы дети рисовали и уносили домой плакаты с воззваниями: «Папа, мама, идите на выборы». В таких случаях дети оказывались иногда лучшими агитаторами, чем взрослые. [...]

Большую и глубокую работу пришлось провести в вопросе антирелигиозного воспитания детей; это было длительной и трудной работой, требовавшей большой выдержки и такта, принимая во внимание почти поголовную религиозность населения. Приходилось иметь дело не столько с детьми, сколько с их родителями, которые и так были взволнованы успешной антирелигиозной пропагандой, проводившейся в то время в деревне. Что касается до детей, то для нас была важна борьба с их религиозными настроениями постольку, поскольку церковные праздники противопоставлялись советским, и дети, таким образом, отгораживались от советской общественности; в церковные праздники дети к нам не приходили, и дело доходило до того, что некоторые родители вначале не позволяли им праздновать с нами такие дни, как 1-е мая, годовщину Октября и т.д. Что касается до бога, то ребяташки относились к нему довольно равнодушно. Нельзя было заметить, чтобы утверждения взрослых о всемогуществе бога, о том, что он может наказать за дурное поведение, накладывали какой-нибудь отпечаток на их психику или на их поведение. Только один раз удалось услышать, как один ребенок сказал другому, сделавшему ему какую-то неприятность: «Вот бог бросит в тебя камушек и убьет тебя». Зато дети верили от всей души в леших, домовых, колдунов, боялись их, верили в рай с его ангелами и в ад с его чертями, верили в различные чудеса. Вот с этим необходимо было вести борьбу. Мы использовали для этого природу.

Деревенские дети, конечно, прекрасно знают окружающий их животный и растительный мир, но делают часто совершенно неправильные выводы из своих наблюдений; отсюда – смесь реализма с чистейшей фантазией. Надо было устранить из их психологии все, что мешало им правильно оценивать природные явления и заменить их более трезвым взглядом. С этой целью

пришлось «внести природу» в детский сад, несмотря на богатое природное окружение. Дальнейшее показало нам, что дети, наблюдая за растениями и животным миром в этих искусственных условиях, часто делают такие открытия и задумываются над такими вещами, мимо которых они проходят при случайных встречах. [...] Путем длительных наблюдений удалось разбить такие предрассудки, как то, что карканье вороны предвещает несчастье; собака воет – к покойнику и т.д. и уверенность в том, что на воде бывают пузыри оттого, что в реке водятся черти. Вспоминается один мальчик, который после внимательного наблюдения за растениями и животными в аквариуме сказал: «Вот пузыри есть, а чертей нету». ...

То новое, что вошло в жизнь деревни после Октября, должно было быть освоено детьми; надо было [...] познакомить их с нашими вождями и прежде всего с Лениным, о личности которого в деревне распространялись разные легенды...

[В конце 1920-1921] Я взяла букварь, по которому обучали детей грамоте, и проверила его доступность в отношении словаря на двух группах семилеток, которые должны были с осени обучаться по этому букварю. Оказалось, что 17% слов, его составлявших, были незнакомы деревенским детям, и между ними такие слова, как рис, клюв и др. Этот опыт довольно ясно доказал, что нужна значительная работа по обогащению детского лексикона до начала грамоты, во-первых, и что для деревенской школы надо создавать специальные буквари, во-вторых. [...]

В те времена (1924 г.) еще не было колхозов и не было почти никаких средств на содержание площадок. Дошкольный отдел Опытной станции мог обеспечить их только работниками, да и то не полностью. Все остальное – питание, белье, деньги на покупку того, чего они не могли принести из дома, давали родители. Сумма взносов на питание равнялась в первые годы 1 – 1,5 руб. в месяц на ребенка; кроме того, платили по 1 р. сторожихе за готовку обеда. Матери откладывали часть своих зимних заработков на летние ясли. «Зимой нам легче отложить копейку», - говорили женщины. Постепенно стоимость содержания детей повышалась; но родители в силу разных причин не протестовали против этого; так в 1926 г. они уже вносили по 6-7 руб. на ребенка; в этом году каждый ребенок обошелся в среднем 8-9 руб. в месяц, включая и то, что вносили родители. Взрослое население и подростки во главе с комсомолом помогали в доставке дров, оборудовании площадки; летом матери по очереди приходили стирать, мыть полы, исполнять другую техническую работу по мере необходимости [...]

[...][С] самого начала нашей работы мы приступили к изучению детей; их интересов, знаний, умения владеть материалами и инструментами и т.д. При этом мы отнюдь не претендовали на научные выводы, для этого мы не имели никакого основания; это делалось для того, чтобы научить неопытных работников наблюдению за детьми и умению делать из этого педагогические выводы. Один зарубежный педагог, говоря с учителями, выразился так: «Изучение ребенка важно прежде всего для самого учителя, потом для ребенка и только случайно для науки». [...]

Карточки обследования семьи школьника и дошкольника калужских школ Первой опытной станции Наркомпроса¹

Белкино. Дет.сад *площадка*

Время обследования: год *1929* месяц *август* чис *18*

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕБЕНКЕ

1. Фамилия, Имя, Отчество ребенка. *Анна Константиновна Синюгина*
2. Пол. *Женский*
3. Год, число и месяц рождения *1924 г.*
Возраст: *лет 5...*
4. Место рождения *в селе Белкино*
5. Национальность: отца
матери *Великороссы*
6. Который по счету ребенок *5*
7. Где прожил раннее детство *в белкино*
8. Настоящее место жительства *село белкино*
9. С какого времени ребенок посещает данное учреждение и где учился
дальше *с 1927 года*
10. Находится ли ребенок на учете диспансера и посещал ли консультацию
Нет
11. Как семья добывает средства к существованию
 1. *Константин Сем.* Возраст *41* трудоспос. *Трудоспос.* Грам. *Грам.* Занят.с.х.не земл.зараб. *с/х и самотеком* Место раб. *Белоусово* Место жит. *С.Белкино*
 2. *Дарья Тим.* Отношение к главе семьи *Жена* Возр. *39* Трудоспос. *1* Грам. *Неграм.*
 3. *Пелогоя* Отношение к главе семьи *Дети* Возр. *19* Трудоспос. *Трудоспособны²*
 4. *Евдакия* Возр. *15* Грам. *грам.*
 5. *Анна* *5*
 6. *Петр* *4*
 7. *Анастасия* *3*

2. Состояние сельского хозяйства

А. Земледелие.

пашни 4 десятины

луга $\frac{3}{4}$ десятины

Севооборот 4х польный

Травосеяние Нет

Какие приемы улучшенной техники применяются в земледелии. *Обработка производ.плугом, сортировка семян*

Какими машинами пользуется, где их берет. *Плугом – свой. Сортировка – обществен.*

Б. Животноводство

¹ НА РАО Ф.1.оп.1.ед.хр.294, лл.173-185. Ответы вписаны карандашом внутрь напечатанной на машинке анкеты. Подлинник.

² Относится к Пелагее и Евдокии.

Количество лошадей 1 коров 1 овец 3 поросят – кур 10

Есть ли теплый двор *нет*

Есть ли кормушки *нет*

Применяется ли корм. по весу, жмых, отруби, мука и др. сильные корма
Нет

В. В чем состоит связь хоз. с С.Х.кооперацией *Нет*

Г. Применяет ли хозяйство наемный труд *Нет*

Д. Сдаст ли в аренду землю, в наем рабочий скот, машины *Нет*

Ребенок

В каких с.х.работах участвует ребенок в течение года *Нет*

Отношение к с.х.труду (любимые и нелюбимые работы) *Нет*

3.Промысел (Кустарный, ремесло)

Название *промыслово-кустарная артель*

В каком помещении производится работа *В избе*

Перечислить главные орудия производства *Стан*

Где достает сырье *Из артели*

Кому сбывает *В куспром*

На кого работает *на пром.куст.артель*

Применяет ли наемный труд, раздачу работы от себя *Нет*

Ребенок

1. Отношение ребенка к работе в промысле *Проявляется интерес*

2. Участие ребенка в промысле, в каких именно работах *мотать шпульки*

III. Бюджет семьи

Рожь зерно Высев 8 п. Сбор 40 п. Расход На семена 15 п. Остается в расп.¹
хоз-ва 25 п. На потребление семьи 25 п.

Рожь сол. Сбор 10 воз.

Овес зерно 7 п.

Картофель 10-12 п.

Молоко 5

Баранина 3 бар.

Шерсть 8 ф.

Кожи 3 к.

Яйца 300 ш.

Живой скот 5

IV. Быт семьи.

A.Помещение

Изба *деревянная*

Занимает ли семья отдельную избу, часть избы, угол *Отдельную*

Своя изба или наемная *Своя*

Размер занимаемой площади *10 ½ x 7*

Число постоянно живущих взрослых *4*

Число постоянно живущих детей до 14 лет *3*

Площадь комнаты, где спит ребенок *10 ½ x 7*

¹ Т.е. «в распоряжении».

Число спящих в этой комнате взрослых *4 чел* детей *3 чел.*

Изба теплая, средняя солнечность, средняя сухость, малая опрятность

Ребенок

1. Есть ли у ребенка свой уголок в избе. Как он обставлен. *Нет*

2. В каком порядке содержит его ребенок –

Убранство, обстановка бедная, убогая, средняя, разнообразная: *бедная*

Количество окон в избе *5 окон*

Есть ли форточки *Нет*

Достаточно ли проветривается помещение *Нет*

Производится ли в комнате, где спит ребенок, готовка пищи *нет* стирка белья *нет* сушка белья *нет* ремесленные раб.(какие) *работа на стану*

Есть ли паразиты *клопы, блохи, вши*

Освещение *керосиновое*

Сколько ламп *Две лампы одна семи др.5 лин[ейная]*

Отопление *Русская печь, железная лежанка*

Есть ли уборная *Нет*

Есть ли в избе больные: *туберкулезные, немая¹*

Ребенок

3. Где ребенок учит уроки, рисует, пишет, читает. Удобно или неудобно.
За столом. Удобно.

4. Участие ребенка в работах по уходу за помещением и по украшению его. *Подметает, развешивает рисунки, карточки.*

Держат ли животных в избе, каких *Овец, телят, поросят*

Как часто моют пол *еженедельно*

Метут сухим или сырым способом *сухим больше*

Как часто стирают пыль *еженедельно*

Заботы об украшении жилища. *покупают рисунки, картинки. оклеивание.*

Б.Питание

1. Регулярность питания взрослых (указать часы завтрака, обеда, чая, ужина) *7-8 завтрак, 12 часов обед, 3-4 ч. чай, 9 ч. ужин*

2. Порядок и опрятность во время еды *нет*

Ребенок

1. Перенес ли ребенок недоедание, голодание, в каком возрасте. *Нет*

2. Время приема пищи *Вместе со взрослыми*

3. Сколько раз в день ребенок получает горячую пищу *4 раза*

4. Обычное меню: завтрак *лапша, картофель, каши и чай*
обед *щи, суп, каша, картошка, мясо не всегда*
ужин *щи, суп, каша, лапша, картошка*

5. Достаточно ли пища (подчеркнуто) *да*

6. Как часто получает мясо *редко* рыбу *редко* сливочное масло *нет* рыбий жир *средне* молоко *ежедневно* яйца *редко* овощи *редко*

7. Ест ли ребенок из отдельной или общей посуды *Из общей*

8. Порядок и опрятность ребенка во время еды *опрятно*

9. Таскает ли ребенок куски хлеба не во время *Таскает, но редко*

¹ Слово «туберкулезные» подчеркнуто на формуляре, слово «немая» вписано (очевидно, относится к первой дочери).

В. Одежда, белье, обувь.

1. Равномерно ли распределяется одежда и обувь между членами семьи *Равномерно*
2. Опрятность одежды и обуви, уход за ней и место и порядок хранения одежды и обуви *Ухода нет. Одежда висит на стене, обувь лежит под стеной/столом в ящике*

[Ребенок]

1. Достаточно ли у ребенка одежды, обуви *достаточно*
2. Одет ребенок *грязно, холодно*¹
3. Есть ли нижнее белье *есть*
4. Сколько смен белья у ребенка *2 смены*
5. Как часто сменяется белье *еженедельно*
6. Во что ребенок обут *Туфли и чулки*
7. Что делает ребенок для поддержания чистоты и порядка в одежде и обуви (подчеркнуто) смазывание обуви (вписано) *стирает платок, рубашку*
8. Есть ли определенное место для верхней одежды и обуви *есть*

Г. Личная гигиена и режим дня.

1. Опрятность и навыки личной гигиены членов семьи *еженедельно моются дома*
2. У кого лечатся члены семьи *В Белоусовской больнице*
3. Есть ли режим в жизни взрослых *есть*

[Ребенок]

1. Где моется ребенок *корыто*²
2. Как часто моется *еженедельно*
3. Моется ли ежедневно до пояса *нет*
4. Чистит ли дома зубы *нет*
5. Моет ли руки перед едой *моют*
6. Умывается ли на ночь *нет*
7. Имеет ли отдельное полотенце *нет*
8. Имеет ли отдельную постель *нет*
9. С кем спит *с сестрой*
10. На чем спит *на постели*
11. Если есть постельное белье и как часто меняется *есть, меняется очень редко*
12. Спит одетым или раздетым *раздетым*
13. Есть ли определенный режим *нет*
14. Что мешает проведению его *работа*
15. Когда ребенок встает *7 1/2 часов*
16. Приходится ли его будить *приходится*
17. Когда ложится спать *в 9 часов*
18. Сколько часов проводит на воздухе летом (не отвечено) зимой *на воздухе зимой не бывает*

Д. Культурная жизнь семьи

1. Партийность: профсоюз *без*

¹ Подчеркнуто на формуляре.

² Подчеркнуто на формуляре.

2. Участие в общественно-политической жизни (указать, кто и где работает)

На Белоусово

3. Выписывают ли газеты, журналы, какие *нет*

4. Берут ли книги из библиотеки *нет*

5. Есть ли дома книги, кто собирает *нет*

7. Есть ли музыкальный инструмент. Кто играет, поет. *Нет*

8. Есть ли радио. *Нет*

9. Как заполняется в семье досуг: чтение вслух газет, книг, слушание радио, посещение клуба, кино, докладов и т.п. *отдых; сон, еда*

прием гостей, хождение в гости *один раз в год*

Музыка, пение, игры, карты *нет*

Ребенок

1. Состоит ли в пионерорганизации (под чьим влиянием поступил) *нет*

2. Участие в общественно-политической жизни *нет*

3. Выписывает ли газету, журнал (под чьим влиянием) *нет*

5. Берет ли книги из библиотеки *нет*

6. Главные интересы ребенка *куклы*

7. Есть ли у ребенка свои книги *нет*

8. Есть ли музыкальный инструмент *нет*

10. Каковы основные интересы семьи. О чем главным образом разговаривают. *О своих недостатках, о нужде*

11. Пьянство. Кто в какой степени. *Пьет отец, редко*

12. Курение. Кто. *Курит отец*

13. Религиозность: кто, как проявляется. *Мать и отец ходят редко. Евдокия и Нюра в церковь ходят чаще.*

14. Взаимоотношения членов семьи между собой *Дружелюбное*

Демократичность или деспотизм в семье [подчеркнуто первое]

Взаимоотношения с соседями *хорошее*

Педагогика семьи

1. Кто главным образом занят домашним воспитанием ребенка. *Мать*

2. Высказывают ли родители свои взгляды на воспитание, каковы они. *нет*

3. Отношение к ребенку отца, матери [подчеркнуто] ласковое (другие варианты: жестокое, строгое, нервное, спокойное, заласкивание)

4. Выделяют ли среди других детей. Чем. *Нет.*

5. Какие меры воздействия применяют к ребенку. *Уговор, телесные меры воздействия*

6. Какие инструменты и материалы дают ребенку. *Нож, молоток.* Как относятся к его детским работам *ругают¹*

7. Как относятся к играм и игрушкам ребенка, что дарят (подчеркнуто) сласти. Какие игрушки есть у ребенка *Меч, карзиночки, чашечки (или гаршечки? Нрзб), куклы*

8. Есть ли у ребенка лыжи, санки, коньки. *Самодельн. лыжи, санки.* Позволяют ли родители на них кататься. *Позволяют кататься около дома.*

9. Досуг ребенка: чем занят ребенок дома *рисованием, просмотрением картинок в книгах, играет в лошадки* чем занят ребенок на улице *катается, в грязи*

¹ Подчеркнуто.

- играет* С кем ребенок проводит досуг *С сестрами и братом* Знают ли родители товарищей, с которыми ребенок проводит досуг. *Незнают*
10. Заставляют ли пить, курить, или запрещают *Запрещают*
11. Берут ли ребенка в кино, клуб, в гости и т.д. кто, как часто. *Нет.*
12. Дают ли ребенку деньги. Как часто, сколько, на что. *Дают редко по 10 копеек на покупку конфет, пряников*
13. Заставляют ли молиться и ходить в церковь *Нет*
14. Интересуется ли семья работой детского учреждения *Нет*
15. Принимает ли активное участие в работе дет.учреждения *Нет*
16. Выполняют ли указания педагогов, врача *Нет.*

О работе среди детей

Тезисы к Тверскому губс"езду Р.К.С.М. (1923 г.)¹

I.

1. Задача революционного воспитания подрастающего детского поколения в современных условиях, когда старые «нормы» и методы воспитания изжили себя, а новые устои еще не получили (в отношении быта) достаточно широкого распространения, является одной из важных задач партии и Комсомола.

2. Современная массовая школа не достигает основной задачи – воспитания детей в новом коммунистическом духе. Семья так же не является общественно-воспитательным учреждением. Дети часто предоставлены улице. Это создает для детей, в силу противоречий экономики и остатков старого быта (религия, пьянство, хулиганство и т.п.), опасность получить антиобщественные зачатки, в дальнейшем могущие препятствовать подготовки из них классово-сознательных строителей нового общества.

3. «Природа» детей, характерная своей подвижностью и восприимчивостью не может, при широко развитой общественной жизни, не искать для себя определенного места в ней. Стихийная тяга детей к работе в комсомольских ячейках, как в городе, так и в деревне (участие в кампаниях на вечерах, стремление организовать дет-кружки, выпуск стенных газет) показывает на необходимость дать определенную форму организации детей.

4. Получившие за последний год широкое развитие, детские ком.группы «юных пионеров» в городе (в губернии 5000 чел.) является наилучшей и единственной формой организации детей, завоевавшей себе авторитет, не только среди м-жи, но и среди взрослых рабочих, в особенности работниц.

Этот факт приобретает для партии и союза колоссальное политическое значение.

II. Состав «юных пионеров».

5. Имея целью охватить своим влиянием всех детей, однако в данный момент, исходя из имеющихся в наличии сил и средств в первую очередь должны быть обслужены и организационно объединены дети рабочих, в то же время нужно стараться максимально расширять социальный базис организаций, обращая особое внимание на деревню.

¹ Тверь, Гублит № 1934. Гостипография им.Карла Маркса. Отпечат.200 экз.; б/даты, по подшивке – 1923 г.; печатный оттиск из типографии. ЦДХМО ф.1. оп.23. д.132, лл.11-12.

6. Возраст «юных пионеров» исходя из приема в Комсомол с 16 лет, устанавливается от 12 до 16 лет. Кроме того при «отрядах пионеров» создаются группы «майчат» в возрасте от 9 до 12 лет. В силу различий возрастов и интересов в работе пионеров и «майчат» должны применяться различные методы работы.

7. Структура и методы работы детгрупп по всей губернии должны быть однообразны, за исключением учета городских и деревенских условий. Необходимо вести борьбу с внедрением вне-классовых понятий, с применением непригодных для нас методов бой скаутизма (индивидуализм, индейщина, вонщина, и т.д.), излишествами в отношении физкультуры, с другой стороны самым решительным образом не допуская мероприятий не учитывающих запросы детей в частности уклона в «политиканство» и «засушивание».

III. Пионеры, Партия и Комсомол.

8. Партия осуществляя свое влияние на детей, главным образом через Комсомол, однако не может не стоять близко к детскому движению. Партийные ячейки должны быть хорошо знакомы с жизнью работой пионеров. Члены партии посылая своих детей в отряды пионеров, принимают активное участие в родительских собраниях, в о-ве «Друзья детей» и т.п. Особенно важно выделение в дет. группы старых партийцев как «рассказчиков» о прошлом.

9. Детские группы «пионеров» являясь наилучшей формой коммунистического воспитания детей, и резервом для Комсомола, требуют от последнего установления ряда организационных мероприятий сохраняющих постоянное руководство детгруппами и тесную связь с ними.

10. Комсомол осуществляет свое руководство и связь путем:

а) подбора руководителей

б) через прикрепленных от ячеек

в) через Губ. и Уезд. дет. бюро

г) через комсомольцев-пионеров работающих в группах.

Основным звеном в отношении связи должны быть производственные ячейки, при которых организуются детотряды, или прикрепляются существующие. Отряды участвуют в проводимых партией и союзом кампаниях, демонстрациях, праздниках.

IV. Руководители.

11. В связи с расширением организации, Уезд. и Губ. Дет. бюро надо превратить в действительно руководящие органы, укрепив их комсомольскими и партийными силами.

Губдетбюро помимо организационной должно вести и методическую работу, удовлетворяя растущие запросы местных работников.

Повести постоянную подготовку детработников, чтобы выработать определенный кадр их. В частности нужна организация Областных, Губернских и уездных краткосрочных курсов, с расчетом выпуска их к зиме текущего года.

При подборе руководителей надо исходить не только из желания отдельных комсомольцев работать но и из качества самих членов, подбирая самых лучших, безупречных во всех отношениях.

Особое внимание при подборе обратить на выделение девушек.

12. Одним из важных источников для подготовки руководителей дет.ком.движения являются комсомольцы учащиеся, особенно педагогических уч.заведений, поэтому необходимо вовлекать их в работу, среди пионеров, организовав для подготовки соответствующие семинарии.

V. Пионеры и учительство.

13. По отношению к учительству, надо найти «общий язык» с наиболее передовым, советски настроенным учительством, оказывая ему самую активную поддержку в школьной работе и вовлекая в работу отрядов и форпостов (проведение бесед, участие в экскурсиях). Произвести учет всех ком-цев и коммунистов-учителей, для подготовки из них руководителей отрядов. Среди учительства совместно с ОНО и Рабпросом поставить на обсуждение ряд вопросов пионерского движения.

VI. Пионеры и семья.

14. По отношению к семье повести линию широкого знакомства родителей с работой и жизнью пионеров, привлечения их в о-во «Друзья детей» созывая их на специальные собрания, привлекая на вечера устраиваемые пионерами, выставки и т.п.

В случае столкновений пионера с родителями, руководитель сам принимает меры к ликвидации недоразумений. Особенно осторожно и тактически надо вести линию в религиозном вопросе. Пионер, как и везде приводит в семье свои лозунги, он украшает квартиру своей семьи, устраивая уголок Ленина, пионера, флота и т.п.

VII. Детдвижение в деревне.

С осени 24 г. приступить к оформлению и расширению детдвижения в деревне. Основными пунктами в деревне является:

- а) поселки, ф.з.пункты [фабрично-заводские], станции жел.дорог.
- б) волостные центры и крупные села.

Детские отряды организуются при ячейках, к работе в них привлекается передовое учительство и наиболее развитые комсомольцы. Последние привлекаются на организуемые уездные курсы. Наиболее важной работой дер.отряда является работа в школе.

VIII. Работа дет.групп.

16.¹ При определении методов работы пионеров необходимо исходить из: а)задач детского движения, состоящих в необходимости приобщения детей к жизни и борьбе своего класса и его организаций. б)психологии детей, тяготеющих к подвижности, интересующихся новым, небывалым, героическим.

17. Вся работа в отрядах идет по этапам, причем исходным моментом является проведение праздников, которые тесно переплетаются с мероприятиями общественного характера, Одним из важных методов во всей работе является коллективное соревнование.

18. Принять решительные меры к созданию к зиме пионерских клубов, организуя в них мастерские, библиотеки, читальни и т.д. Одним из существенных способов вовлечения пионеров в общественную работу будет организация детского кооператива.

¹ Пункт № 15 отсутствует.

19. При школах 1 и 2 ступени и семилетках организуются форпорсты пионеров, и майчат которые участвуют в жизни всей школы. Пионеры проводят свои лозунги среди всех детей, организуют уголки, библиотек[у], читальню, участвуют в самоуправлении учащихся и т.п. Надо достигнуть того, чтоб пионер был примером для всех остальных (и по учебе).

В целях усиления внимания к школе и пионерской организации, и оказания им материальной помощи, как со стороны организаций, так и всего населения (в городе и деревне) пионерами проводится «неделя школы», заканчиваемая к началу школьных занятий, большим детским «праздником школы». Участие в этой кампании принимают все общественные организации, как то: партия, РКСМ, профсоюзы, кооперация, соворганы.

20. Работа в отдельных отрядах должна быть тесно связана как между собою, так и с организациями других нац республик, губерн. городов и деревень и заграничных детских организаций. На этой связи надо научить ребенка пониманию основных фактов политической жизни (единство класса, смычка города и деревни, союз республик, интернациональность). С этой целью нужно широко развить переписку, обмен фотографиями, рисунками, журналами. В городе устраиваются конференции детгрупп, экскурсии, посещ. вечера. Один раз в год созывается Губ. дет. конференция.

IX. Пионеры и беспризорные дети.

21. Наличие в городах значительного кадра беспризорных детей-одиночек ставит перед дет. организацией задачу вести работу по оказанию материальной помощи беспризорным. На ряду с этим организуются (из беспризорных) специальные отряды пионеров.

X. Материальное обеспечение.

Имеющее место плохое материальное положение детработников и скверных материальных условий для работы пионеров, необходимо изживать. Надо добиться включения в штаты ОНО всех детработников, улучшения их материального положения, и включения в смету расходов по работе в пионерских организациях (клубы и пр.). Однако имея в виду недостаточность государственных ресурсов нужно привлечь к оказанию материальной поддержки общественные организации, как то: профсоюзы, хозяйственные органы, кооперация и т.д. в виде шефов над отрядами и звеньями.

Помимо шефства организовать специальное общество «друзья детей», которое наряду с помощью беспризорным, должно иметь целью материальную поддержку работе пионеров.

XI. Литература.

23.¹ Учитывая, что работа среди детей не может идти без литературы, приняты меры к изысканию средств и снабжению таковой, как детгрупп, так и руководителей, создав специальный, литературный фонд.

Губком РКСМ.

Результаты обследования учеников школы Фабзавуча при бумажных фабриках “Сокол” и “Печаткино” Вологодской губернии по данным санитарных карт [1923]¹

¹ Пункт № 22 отсутствует.

Обследование проводилось при школе 16-17 Октября с.г., при чем оказалось:
1/ Общее число учащихся = 61 чел., в том числе 50 мужчин и 11 женщин, все в возрасте 14-16 лет.

2/ Социальное происхождение. У 2 подростков родители крестьяне, у остальных служащие и преимущественно рабочие (главным образом ф-к «Сокол» и «Печаткино»).

3/ Детство провели в городе 21, на указанных фабриках 16 и 24 в деревнях (преимущественно района этих же фабрик).

4/ Занятия в школе начались 1 ½ месяца тому назад и состоят из практических (2 часа) и теоретических (4 часа), применительно ко всем отделам бумажно-целлюлозных фабрик.

5/ Лишь 3 подростка до поступления в Фабзавуч работали по найму, остальные обучались в школ. I ст. (49 чел.) и II ст. (12). В настоящее время помимо занятий, связанных с Фабзавучем, других не имеют.

6/ Проживают на частных квартирах 16 чел., в казармах – 2, в детских домах 4 и остальные в квартирах фабрик. Неудовлетворительные жилищные условия у 31 человек. Питаются все достаточно: 3 в общественной столовой, остальные в семьях.

7/ Спорт в полном загоне (лишь 2 чел. занимались им прежде, а в настоящее время только 7 человек).

8/ 2 ученика дали сведения о туберкулезной наследственности. 21 человек перенесли инфекционные заболевания, в том числе 5 по два и 5 учен.воспаление легких. В настоящее время обнаружено у 5 учен.припухание лимфатических желез, у 1 фурункулез, у 4-х незначительное малокровие, у 1 трахома, у 1-го незначительная близорукость и у 1 чесотка; соответственно этим результатам медицинского осмотра 4 учен.предложено амбулаторное лечение.

Состояние здоровья у остальных вполне удовлетворительное. Измерения роста дали среднюю цифру для 61 учен.= 148,5 см. Взвешивание дало среднюю цифру – 40,5 клгр.

Санитарный Инспектор *Лурье*

Октября 1923 года.

Вологда.

Протокол № 1 торжественного открытия ячейки «Юный Спартак» при ком'ячейки Союза Домовых Рабочих Лыбеди от 30.IX – 1923 года²

ПРЕЗИДИУМ БЮРО ЯЧЕЙКИ «Ю.С.»: Кира ЕВДОКИМЕНКО

(Председатель) Степа ВИНАРЬ

(Секретарь) Женя ВИНАРЬ (член)

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕЗИДИУМ: ДЕДУШКА ВСЕХ СПАРТАКОВ ВЛАДИМИР

ИЛЬИЧ ЛЕНИН, Предсоюза РКХ т. РАДИ-

ЛОВСКИЙ, Секретарь Ком'ячейки т. ШЕРЕ-

МЕТ, Председатель к-та Домовых Рабочих т.

ВИНАРЬ, Предкульта Дома Домовых Рабочих т.

¹ ЦДХМО ф.1 оп.23 дело 165, л.57, машинопись, копия.

² ЦДХМО ф.1, оп.23, д.168, л.24. Машинопись. Подлинник.

ШАХБАЗЬЯН, Руководитель-организатор
ячейки «Ю.С.» т. Толя МОРДУХОВИЧ

1/Цели и причина открытия ячейки «Ю.С.» при Союзе Домовых Рабочих тов.КИРА.

2/Доклад о Спартаке, о целях и задачах «Ю.С.» т.Броня.

3/Доклад о проделанной работе т.Степа.

ПРИВЕТСТВИИ [так!]: 1/От Ком'ячейки т.ШЕРЕМЕТ, преподнесение знамени с лозунгом «Дрожи буржуазия, мы растем».- 2/От Райкома «Ю.С.» т.ПУТИЛОВ. 3/От Райкома Домрабочих т.ВИНАРЬ, 4/От Культкома Домовых Рабочих т.ШАХБАЗЬЯН, 5/От УКСМ т.Зарецкий, 6/ От профорганизации Молодежи РКХ т.ОВРУЦКИЙ, 7/ От ячейки «Ю.С.» № 5 т.ШЕВЕЛЕНКО, 8/От рабочих Лыбеди т.ЖАРКОВ, 9/От Печерской Организации «Ю.С.» т.ЕВДОКИМЕНКО, 10/От Женотдела т.РИЗ.

ОТВЕТЫ НА ПРИВЕТСТВИЯ – т.КИРА: - Товарищи «Юные Спартаки» это знамя, которое нам дали наши славные отцы «Коммунистическая Партия», будет всегда реять над нашими головами по пути нашего шествия к светлому будущему «КОММУНИЗМУ». Товарищи «Юные Спартаки», мы все ответим нашим славным отцам, что ихнее знамя попало в надежные руки и в нас Вы найдете достойную смену.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНДЕТДВИЖЕНИЕ НА ВСЕМ ЗЕМНОМ ШАРЕ.

УТВЕРЖДЕНИЕ почетных членов ячейки «Ю.С.» при Союзе Домовых Рабочих Лыбеди и раздача почетных значков:

1/Дедушке всех Спартаков Вл.Ил.ЛЕНИНУ, 2/Предсоюза РКХ т.РАДИЛОВСКОМУ, 3/Секретарю ком'ячейки т.ШЕРЕМЕТУ, 4/Пред.к-та Домовых Рабочих т.ШАХБАЗЬЯНУ, 6/[5 пропущено в документе ВБ,КК] Руководителю Организатору ячейки «Ю.С.» Толи МОРДУХОВИЧУ, 7/Руководительнице-организаторше ячейки «Ю.С.» т.МАТУЗОВОЙ, 8/Руководителю т.ЕВДОКИМЕНКЕ, 9/Представителю рабочей молодежи т.Грише МОРДУХОВИЧУ.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (подпись)

СЕКРЕТАРЬ (подпись)

Отчет о положении детского движения Юных пионеров Томской губ. [1923]¹

МАРИИНСК

Всего по Мариинску насчитывается пионеров 120 человек из них девочек 30 человек – 4 отряда. 2 отряда из городских детей и 2 отряда из детей детдомов. Платных работников всего по городу 4 человека. Шефство проведено над всеми отрядами.

За истекшее время было проведено в отрядах следующая работа. Физкультура, футбол, гимнастика, игры, проведение бесед, один пионерский вечер, занятие происходят ежедневно. Организована штаб квартира куда входят работники детского движения: Прокуда, Азиков, Илясов, Зыков, Кабатник. Из этого числа два работ-

¹ Протокол и материалы Совещания Губработников Дет.Движения в Сибири, 7 сент.1923; ЦДХМО ф.1, оп.23, д.168, лл.34-35. Машинопись. Копия.

13. Если есть, в чем выражается
14. Не приходилось ли личным трудом (и каким) добывать средства к существованию
15. Политическое и антирелигиозное развитие
16. Мироззрение, его устойчивость
17. Общественные навыки
18. Умение вести собрание, делать резюме, выводы, составить резолюции и т. д.
19. Знание из политграмоты
20. Знакомство с советской конституцией
21. Знакомство с основными положениями марксизма
22. Участие в работе коллектива
23. Отношение к коллективу
24. Отношение к коллективной работе
25. Активность в коллективе
26. Участие в органах самоуправления
27. Организаторские способности
28. Товарищеские отношения
29. Деловые навыки: умение вести деловые бумаги, почтовые адреса, корреспонденции, вести деловые книги, знакомство со счетоводством и канцелярской работой
30. Что приобретено из практических навыков как результат уклона школы
31. Начитанность в какой области
32. Знакомство с литературой по политическим вопросам
33. Знакомство с пролетарской литературы
34. Наклонности дурные и хорошие
35. Черты характера
36. Здоровье

Зав. губсоцвосом

Заведывающий N-й советской школой II-й ступени

Помощник зав.

Члены

Делопроизводитель

№

_ июня 1924 г.

**Отчет о проделанной работе отряда пионеров №1
им. тов. Зиновьева Тавдинского района Ирбитского Округа
с 7-го по 20-е Мая 25 г.¹**

Заседаний совета вожатых проведено 1. Где поставлены следующие задания о проработке в звеньях на недельный срок. 1/ Оформить звеньевские уголки. 2/ Повести подготовку к дню Моряка. 3/ Здвинуть выпуск отрядной газеты.

Уголки не оформлены в виду отсутствия канцелярских принадлежностей.

Проведение дня морфлота и участок пионеров в нем следующее: поставлено силами комсомола и пионерами спектакли. Деньги вырученные в

¹ ЦДОО СО ф. 1245 оп. 1 д. 12 л. 44. Рукопись, пурпурные чернила. Подлинник.

пользу Морфлота. Поставлено силами пионеров декламация, хор, коллективная декламация и т. д. на тему о дне моряка.

Отрядных газет выпущено 1. к дню Морфлота.

Отрядных сборов проведено 2. Где поставлены следующие доклады. Что такое день морфлота и что такое коминтер.

Звеньевых сборов проведено 1. Работа в звеньях идет слабо в виду неопытных руководителей звеньев. Но на первом совете вожатых будет поставлен вопрос о практических занятиях с вожатыми и помощниками звеньев.

Проведены похороны октябрёнка. Где заслушан доклад. Старые и новые похороны.

Посещаемость пионеров слабая 20% 25% в виду школьных занятий, а так же наступающих весенних работ.

Рост слабый в пионерорганизации в виду слабой работы в отряде. Прибыло 1 чел. Убыл за хулиганство до исправления 1 чел.

Вожатый отряда «Красный Октябрь» *Жидков*.

«Как устроить ребенку дома праздник 1 Мая»:

Образец памятки для «уголка выставки в избе-читальне»

(Вторая половина 1920-х гг.)¹

Родители, сделайте 1 Мая праздничным днем для ваших детей.

Уберите квартиру.

Украсьте уголок ребенка флажками, цветами.

Подарите ребенку портрет вождя.

Купите ему новую игрушку.

Пригласите к нему товарищей.

Поведите ребенка в детский сад на праздник.

Из письма Н. К. Крупской о дне рождения ребенка (1929)²

Конечно, никакой контр[революции в праздн³овании рождений нет. Но делать этого по моему не следует. Все рассуждения насчет физического роста и др. никакого значения не имеют, для ребенка они останутся пустыми фразами, которые он может повторить, как попугайчики. Но воспринять их он не может. Останется что? вы[пячивание] его личности, противопоставление его личности коллективу. Надо, чтобы ребенок поменьше думал о себе, не мыслил себя вне коллектива, поэтому надо избегать всех моментов, которые сосредотачивали бы его внимание на себе. Поэтому я против празднования рождений. Празднование детским садом хуже даже, чем празднование дома, ибо торжественнее. Мы против наград и наказаний, против всего, что развивает повышенный индивидуализм, какими бы коллективными словами это не прикрывалось. Но я не знаю, можно ли [так прекратить] празднование рождений [чтобы] не было обид детских. Надо постепенно, незаметно, без лишних разговоров свести празднование рождений на нет.

¹ НА РАО, ф.1, оп.1, ед.хр.286, л.277. Машинопись. Копия.

² РГАСПИ ф. 12 оп. 1 д. 833 (переписка Н. К. Крупской). Подлинник. Автограф (голубыми чернилами). Фрагмент письма без адресата и без даты, предположение архивиста – 1929 г.

³ Здесь и далее восстановлены места, стертые в оригинале.

О семейных проблемах русских, проживающих в эмиграции¹

Письмо матери 7-летнего мальчика воспитателю русской гимназии, Шумень, Болгария:

Ваню я хочу на это лето оставить в гимназию. Не удивляйтесь этому. Сейчас объясню, и Вы наверное согласитесь со мной. Ваню не видел лета в прошлом года. Дома страшно плачет, оставаясь один, так как я с утра до вечера ухожу на фабрику; хозяйка жалуется. И чтобы не было неприятностей, я брала его с собой на работу. Будила в 6 час. утра; конечно, слезы. На фабрике жара, вонь. Шалит, бегает между машинами... Я его ищу. Опять неприятности – отрываюсь от работы. Стала запирает его у знакомых на чердаке; опять неладно, кричит, стучит в двери. Так я мучилась целое лето, и не могла дождаться, когда отправила его в гимназию. Если мне придется взять его, то повторится та же история, или целый день он будет с уличными детьми. И чего только эти дети не знают, а я не буду иметь времени во время увидеть и остановить. И его пребывание в гимназии за лето все пропадет. Шлепать его и наказывать за шалости? Да и виноват ли он? Ему нужны дети его возраста, нужен присмотр; ничего этого дать не могу. Если надо, могу за лето за него даже платить, лишь бы не смотреть.

[Письмо отца детям по поводу того же воспитателя]:

Дорогие Кирилл и Толя. Уж давным давно получил от вас поздравления, и только теперь собрался вам ответить. Я знаю, чего вы с моим ответом ждали и ждете, подобно всем несчастным беженцам, -- это денег; я вас понимаю, эти деньги вам очень нужны; но вы уже не маленькие и отлично понимаете мое тяжелое положение, благодаря которому мне пришлось официально отказаться от вас в чужие руки, а именно Николаю Ивановичу. Как это ни тяжело, но пришлось решиться на такой шаг. Когда вы подрастаете и поумнеете и начнете разбираться в изнанке жизни, тогда вы поймете мой шаг, на который решился из-за вас, дети. Официально я отказался от вас, но нравственно я остаюсь вашим должником. Не вините меня, и не сердитесь на вашего отца-неудачника.

О «денационализации» русских детей, живущих за рубежом²

Забывая язык, нации забывают свое прошлое, перестают понимать связь и преемственность с ним своего настоящего, меняют свое мировоззрение, т. е. *денационализируются*. [...] Денационализация молодых эмигрантских поколений с каждым годом растет и растет. Факт бесспорный: большой процент молодого поколения перерождается в иностранцев по духу и по языку. [...] Как характерен образец быстрой утраты под влиянием иностранной средней школы чутья языка и всякой вообще «национальной традиции», приведем одну «русскую» работу «русского» юноши, пробывшего всего только три последних старших класса в иностранной гимназии.

Орфография исправлена:

¹ А. Р. Дехтерев. Новое в отношениях семьи и школы в русской эмиграции // Русская школа за рубежом. № 24 (1926). С. 703-704, 705.

² «Старый Педагог». Национальная традиция и школа // Русская школа за рубежом. № 28 (1928). С. 521-522.

«Киев один из самых великих городов России и был прежде жилищем славянского идолопоклонения. После он сделался гнездом христианства в этих окрестностях. Он поставлен по правой стороне Днепра и он построен на довольно отрывистых холмах которые (исправл.: перевозывышают реку) царствуют над рекой. Наиболее еlegantная (так!) улица, которая соединяет разнообразные части города, называется собой Кречатник. Она (исправл. окружена, обордирована) установлена большими готелями и шикарными магазинами. Живописное состояние и позолоченные купола множественных церквей придают Киеву особую энтантку. Печорск самый знаменитый монастырь; он замечательный своими поземельными часовыми. Киев центр продукции сахара, и коммерция семенов тоже очень значительна.»

Таков этот «человеческий документ». Можно себе представить как горюют, пишут и чувствуют свою родину русские дети, пробывшие в иностранной школе по восьми или десяти лет.

ДЕТИ О СЕБЕ

Личное письмо т. Лилиной, народному комиссару социального обеспечения, воспитанника 1-го детского дома калек в Петрограде 1920 год 16 дня января¹

Дорогая тов. Лилина пишу я Вам о своей жизни из I^{го} Детского Дома Калек, конечно писать я буду правду.

Во первых я прошу Вас прощенья в том-что я и мои тов. ходили в кладовую и взяли оттуда хлеба и сахару потому что меня и моих тов. заставил голод, так что прошу я Вас за все это прощенья и так-же за своих тов.

Дорогая тов. Лилина теперь я Вам сообщаю о том что меня заставила нужда бежать а из за чего потому что мне надоела эта жизнь да упреки и смотреть как все равно на преступников. Пишу я Вам один факт что когда мы занимаемся о на учном(так!) деле то наша начальница говарит что идите и пилите дрова ну чтож идем пилить дрова а сама и говорит что почему мы ни чему не занимаемся и все на нас кричит и все нас ей хочется нас куда нибудь выжить, конечно как мы еще дети другой раз что нибудь напраказишь, то она на нас сейчас же закричит ты такой и сикой и называет еще и так Бог наказал что ползаем то и сиди наместе. И до того нам опративила эта жизнь что другой раз сидишь, задумаешся да и заплачишь.

Да еще есть у нас бывшая начальница она сейчас секретаршой и нечего ей делать а сидит просто как барыня, книги например которые ей поручины ей надо убрать а она так и не убирает, так что они валяются а заведующая молчит. Да! вот еще я опишу Вам то что когда наступали белогвардейцы то у нас эта секретарша распускала ложные слухи, после этого прошло время, тут опять стали наступать и что же то тогда стали говарить еще хуже и вдобавок учили детей, а дети как еще глупы потчинялись и кричали далой(так!) коммунистов и что коммунистам будет веревка а им – моя булки и еще говорили что онипро нас скажут когда придут белыя и нам попадет и так далее а заведующая молчит как-бутьто-бы так и нужно

¹ ЦГА-СПб. ф.2554 оп.1 д.12, лл.134-134об. Рукопись. Подлинник.

Дорогая тов Лилина мы к кому только не обращались и все мы оставались виновны, вот только единственные поддерживали тов. Дерянкина и завед. отделом Соц. Обес. Пенник да просим прощенья и у них потому что мы им много солгали что ни ходили в кладовую

Тов. Лилина я всетаки убегаю из этого приюта потому что мне надоела такая жизнь. Убегаю я к своим милым героям на фронт я хотя и калека хожу на одном кастыле но я люблю нашу Советскую Россию и рад за нее умереть, конечно я буду помогать нашим красным героям

Да здравствует III коммунистически[й] Ин[т]ернационал все трудящихся(так!) стран рабочие которья бьются за свободу

Досвиданье воспитанник

Иван Варламов

Автобиография неизвестного мальчика ок. 17 лет, написанная в детприемнике в б. Знаменском монастыре в Москве¹

ГОЛОД

Родился я не в очень богатой семье.

Я очень рано потерял свою мать. Мне еще не было семи лет, а я уже не знал ласки матери.

Отец мало обращал внимания на меня, и я рос без призора до начала революции.

В 1917 году у меня умер отец, и вот я очутился на улице, не умея работать, и началась для меня жизнь, полная ужасов братской войны.

Голод и холод гонял и меня с места на место.

В 1919 году я поступил на свеклосахарный завод, проработал два месяца на газовой машине, потом завод стал.

Я уехал в Сибирь, и вот в Сибири меня застал голод.

Дорогие товарищи, я опишу вам, что произошло со мной во время голода. В Сибирь я приехал совершенно случайно и попал в город Омск, где мне пришлось провести несколько дней ужасного голода, который не изгладится из моей памяти.

Приехал я в Омск поздно ночью и лег на вокзале спать. Ночь была ужасно холодная, и я не мог заснуть.

Утром у меня появился такой аппетит, что я пошел в город, но, признаюсь, что у меня денег совсем не было, я надеялся на добрых людей.

Но, войдя в город, я ужаснулся: люди попадались такие утомленные, что мне стало жутко. Но все же я пошел, и мне в первый раз в жизни стало казаться, что я один во всем свете. Люди мне казались злыми и отвратительными, все они спешили на базар как скорее стать в очередь.

И в этот день я остался голодный.

И ночью у меня в животе как будто кот бегал по всем кишкам.

На утро я заболел.

Дорогие товарищи, не дай бог вам когда-нибудь так болеть.

Меня поместили в первый сибирский лазарет.

¹ Анна Гринберг (сост.) Рассказы беспризорных о себе. М.-Л.: Молодая Гвардия, 1925. С. 35-37.

И вот в этом проклятом лазарете я пролежал два месяца. Эти два месяца я буду помнить, наверно, всю свою жизнь.

В этом лазарете было нас всего человек девяносто. Но, боже, нам давали есть всего два раза в день и давали в первый раз, то-есть утром, четверть фунта пеклеванного хлеба. Если вы не знаете пеклеванный хлеб, то я вам объясню. Это хлеб, который нельзя приравнять ни к белому, ни к черному, это просто средний размол белого хлеба.

И в четыре часа нам давали ложек по пяти супа без картошки, пшена и овощей, с одним кусочком мяса.

Дорогие товарищи, описывать эти два месяца не стоит: они были похожи один на другой, кроме одного дня, в который я наелся, как говорится, до отвала.

Это было в воскресенье. Пошел я на кухню и украл фунтов шесть хлеба и кусок сала. Я признаюсь, что я в то время не рассуждал, и мой ум работал лишь об одном: где достать кусок хлеба?

И вот в один прекрасный день, число я не помню, меня выписали из лазарета. Мне дали три фунта хлеба и сорок золотников сахара, и поехал я в Самару, надеясь там найти своих родных.

Не буду описывать езду до Самары: всем, кажется, известна езда на буферах.

Только один раз меня арестовали на станции Кириллино, где после отхода поезда меня отпустили.

На следующий поезд я залез под вагон в ящик и спокойно доехал до Самары.

В Самаре родных не оказалось, и я поехал на Харьков. Признаюсь, что я ел или через день или совсем не ел.

Из Харькова я поехал до Полтавы, где я в первый раз наелся досыта. Мой живот так раздуло, что я чуть не умер, и в тот же вечер начался понос.

Меня забрали в холерный барак, где у меня открылась холерина. Я ужасно похудел и не мог ходить. После болезни у меня явился ужасный аппетит голодного волка.

Но я не умер, хотя я желал смерти.

Стихотворения Н.Торопцева¹

Новая жизнь

Я был беспризорным, давно-ли
Ночлегом служил мне бульвар?
И сердце сожмется от боли,
Как спомню про этот кошмар.
Всегда на базаре пинками
Торговки кормили меня
Привык я ходить с синяками
Без этого не было дня. —
Зима — это враг был смертельный,
Не надивал даже пимов. . .

¹ ОР РГБ ф 367 карт 23 ед хр 13, лл. 44-46. Машинопись. Копия.

Морозы терпел я, метели,
И стал навсегда нездоров.
Недавно, не больше недели
Меня поместили в детдом.
Как миг дни несчастья слетели,
Начал я учиться потом.
Запрыгало сердце сильнее,
Забилось отрадней в груди;
Пусть кроет покрепче, скорее
Мотором в груди загудит.
Надел я рабочую блузу,
Надел я штиблеты, штаны,
Я стал гражданином союза,
Сознательным членом страны.
Николай ТОРОПЦОВ. Сибкрай. Новосибирский округ. с.Рдынск. 25/VII 1929

Городки

Солнце с неба полтинником смотрит,
На мальчишек, занятых игрой.
На две партии (в партии по три)
Разделились они меж собой.
Два квадрата наметили чинно
С расстоянием в двадцать шагов.
В десяти начертил половину
Главный деятель – Шурка КРАСНОВ.
Принесли городки и шаровки,
Жребий кинули – нам зажигать –
Крикнул Мишка, шаровкою ловко
Замахнулся «Постой, где нога?»
Закричали противники разом –
«Вишь, за линию выступил ты,
А то так, подошел бы, да смазал,
Частокол с половинной черты».
Ладно, все равно, выбью фигуру.
В подтверждение сказанных слов,
Он прицелился, брови нахмурил..
Раз!... Помазал – «Ну, как, повезло?».
Звонким смехом смеются ребята,
Вышибают легко городки
Вот фигура: старуха горбата
Ждет шаровку из ловкой руки.
Вот звезда, колбаса,
Вот бутылка.
Вот стоит без паров паровоз.
Ветер знойный бродяга и пылкий
Мальчуганам прохладу принес.

НИКОЛАЙ ТОРОПЦЕВ – 15 лет. Сибкрай. Ново-Сибирского округа. С. Ординск.
1929?

**Автобиография Коли Гулютина
(сына рабочей на Трехгорной мануфактуре А. А. Гулютиной)¹
МОЯ БИОГРАФИЯ ЖИЗНИ**

Родился я в 1918 г. в июле месяце в дер. Прудки Зарайского района Московской области. Я маленький жил, по рассказу моей мамы, хорошо. Я помню, когда мне было 3 года, в 1921 г. сидел я в деревне и играл с Васей² в коробочку. Потом, я не помню в какой года это было, но все-таки мне мама сказала в 1923 г. я на санках въехал в окно; в это время все обедали, и меня мама хотела побить, но бабушка не дал меня бить. В 1924 г. я приехал в Москву с бабушкой. Меня мама хотела оставить, но я не знаю почему, я уехал в деревню. В 1925 г. в декабре месяце я приехал в Москву. Мне в Москве понравилось. Я стал учиться ходить по Москве. С 1926 г. я пошел в школу. В первой группе я учился ничего. Во второй я не любил читать, но в третьей группе мне понравилось читать, и я стал читать.

Я купил план Москвы и изучил его. Я так тогда говорил, то и сейчас говорю: сейчас меня заведи в любой уголок Москвы – я оттуда выйду. Мне в 1928 г. папа купил коньки, и я стал кататься. Я с 1926 г., как начал жить в Москве, по 1929 г., ездил в деревню. В 1927 г. я помню, как мы 7 ноября проводили X годовщину Октября. Там выступали ученики со стихотворениями. Вот когда я учился в первой и второй группе, то мне моя сестра рвала мои тетради. Я начал читать газеты с 1927 г. В 1928 г. я прочел и услышал, что возникает какой-то великий план, план пятилетки. В 1928 г. в июле месяце я в газете «Правда» стал следить за походом ледокола «Красина» и «Малыгина».

В газете было писано, что летчик Амундсен полетел спасать дирижабль «Италия» и не вернулся. В 1929 г. я в июле месяце услышал, что на Дальнем Востоке у нас китайские бандиты отняли КВЖД и хотели захватить Сибирь, но наша Красная армия под руководством нашего неуклонного бойца т. Блюхера отогнала китайцев вглубь страны. Но китайцы бежали до самого Мукдена. Красная армия не хочет захватывать чужие земли. Правильно сказал т. Сталин: «Мы не хотим захватить чужие земли, но и своей ни пяди не отдадим.» В 1929 г. я в «Правде» прочел постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) об ударничестве.

В четвертой группе я в 17-й школе не доучился и в 5-й школе доучился, перешел в пятую группу. Я изучился в 1931 г. немецкому языку. В 1930 г. летом после четвертой группы я поехал в пионерский лагерь. Я в 1930 г. после приезда из лагеря, стал читать следующие газеты: «Правда», «Рабочая Москва», «Комсомолка» [«Комсомольская правда»], «Пионерка» [«Пионерская правда»].

¹ О. А. Чаадаева (ред.-сост.). Работницы на социалистической стройке. М.: Партийное издательство, 1932. С. 173-174.

² Муж сестры моего папы (Прим. автора).

В 1930 г. мы окончили второй год пятилетки и успешно вступили в третий год.

1931 г. наступил.

В 1931 г. в СССР вступают 518 новых фабрик и заводов (из передовицы 1 апреля газеты «Правда»). 5 марта открылся VI съезд советов. На этом съезде было рассмотрено много вопросов. О колхозном строительстве, который я прорабатывал. 1 мая я провел хорошо. Ходил со школой на Красную площадь. Я пионер с марта 1929 г., член воинствующих безбожников с декабря 1929 г.

Про Ленина я слышал очень много, и про него читал много книг. У меня с папой есть все 25 томов сочинений Ленина. Есть книга о покушении на Ленина, «Ленин маленький»¹. Про Ленина у меня много литературы.

6 февраля я в «Правде» прочел речь Сталина на совещании хозяйственников.

Когда я был в лагере в 1931 г., в полусанаторный лагерь я был послан, потому что у меня болели легкие, в «Комсомольской правде» я прочел шесть условий победы Сталина. У меня есть Красный уголок. В нем есть портреты вождей, большая географическая карта и бюст Ленина.

Я люблю и побужить со своей сестрой, с папой и мамой. Я сочиняю стихотворение. Вот отрывок из стихотворения «9 января».

Пишу стихотворение,
О том, что было
В кровавое воскресенье,
В Петербурге смыло.
Целые тысячи людей.
Народ пошел просить хлеба,
Но тогда офицер скомандовал плей
И рабочие вскричали пальба.

Я люблю читать книги о Ленине, о Сталине, Ворошилове и вообще про вождей.

Я умею рисовать. Рисую вождей, карикатуры из газет и др. Я слушаю радио, выпускаю стенные газеты. Сейчас я читаю «Правду», «Рабочую Москву», «За индустриализацию», «Технику» и др. Я люблю смотреть кино звуковые и революционные. Мне понравились «Златые горы», «1-я Конная», балет «Красный мак». Мне хочется, когда я буду большой, бороться за коммунизм!!!

За Всемирный Советский союз!!!

Я слежу за тем, что делается за границей, за успехами, которых достиг Советский союз. Сейчас мне 13 лет, я учусь в школе.

В 1933 г. я поступлю в комсомол, а в будущем буду коммунистом.

Гулютин 19/1 1932 г.

Жизнь Мани Гулютиной (10-летней сестры Коли Гулютина), написанная с ее слов²

¹ Я ее читал своей сестре Тане (Прим. автора.)

² О. А. Чаадаева (ред.-сост.). Работницы на социалистической стройке. М.: Партийное издательство, 1932. С. 174.

В 1924 г. я приехала в Москву. Ленина хоронили, много народу шло, все шли на тротуар; мне было три года; я выходила из ворот и все видела: зима была холодная. В 1925 г. я уже больше стала, и мама мне купила книжки, я картинки перевертывала и смотрела, а если не понравится, то рву. Очень интересная была книжка про Ленина: Ленин в гробу и Крупская около него сидит. Папа играл в шахматы с крестным, а я за стол села и со стола полетела и большой синяк посадила. В 1926 г. папа учился на курсах, у него было много тетрадок, и я стала писать, всю тетрадку исписала: баловалась. В 1927 г. брат пошел учиться в нулевую группу, он мне стал показывать, как рисуют, он мне книгу читал про Ленина: как Ленин маленький был и куклы ломал; а другую книгу про трех медвежат: два медвежонка залезли на дерево и заснули, мать им кричала, кричала: потом они исчезли. В 1928 г. брат все учился. В 1929 г. я пошла учиться в нулевую. Мы задачи до пяти решали, писали, азбуки читали; читали, как девочка одна нянчила ребят, и один ребенок с печки упал. В этом году я поступила в пионеры. Раньше меня не брали: мне было мало лет. А я просилась: все в галстуках ходят, маршируют и мне хотелось. Летом я была в лагерьях, и там мы флаг поднимали.

Мы в школе все время говорили про колхозы. Нам учитель сказал, что если у кого родные в колхоз не вступают, то надо все силы нажимать, чтобы вступили. Вот дедушка к нам приехал, я ему говорю: «ты всходи в колхоз». В колхоз потому надо идти, что все вместе будут. И тракторы будут. А то на нас буржуи настанут. А буржуи это (не могу выговорить) – социал-демократы, они за границей у нас наступать хотят. Недавно я купила книжку «Таня революционерка». У нее была революционер папа, и она, как солдаты прошли, спрятала бумаги и патроны в молоко. И я буду комсомолка и коммунистка.

Читать я средне люблю. В церковь я ходила, когда в деревне жила. Потом нас мама каждый год в деревню отправляла, и меня причащать подносила, а я ложку вышибла.

Крестный дядя все спорит со мной. Я написала в тетрадке: «Долой попов и шаманов! Они обманывают народ», а он говорит: «Да здравствуют попы и шаманы». А я ему говорю: «Ты все наоборот говоришь, так нельзя; а вот не будешь в колхоз вступать, тебе хуже будет». Я и ему и дедушке говорила, «Не ездите к нам, у нас папа коммунист, мама коммунистка, а вы в колхоз не идете.»

С Колькой мы часто ссоримся.

Детские дневники конца 1920-х гг.¹

¹ НА РАО ф.47 доп.оп. ед.хр.9, № 5, лл.28-42; № 7, лл.1-202. Рукопись. Подлинник. Дневники детей Н.А.Рыбникова представляют собой достаточно редкое явление фиксации повседневных действий детей младшего школьного возраста. Дневник ребенка, исполняемый им как домашнее задание, включал в себя то, что ребенок в пространстве письменного (и устного) сообщения со взрослым членом семьи считал важным отразить на бумаге.

1. Тетрадь дневника Ади Рыбникова за 1926 год

Суббота 12 марта. В школе не ходил потому что сегодня праздник. Неизвержение¹ самодержавия. Ходил узнавать не идет-ли чтонибудь подходящее но ничего подходящего не оказалось. ...

2. Тетрадь. Для дневника. Уч. III групп. Б I ступени 33 шк.

Рыбниковой Ляли

Пятница. 4/I. 1929 год.

Ходила в школу. В школе было рисование. Мы рисовали два плаката: один называется «Да здравствуют Советы», а второй «Наука победит Религию». У нас во дворе есть большая, ледяная гора. Ходила в аптеку за лекарством. Коталась с горы. Была у нас Ирина. Ходила гулять.

Суббота. 5/I.

Ходила в школу. В школе меняли книги. Мне дали книгу она называется «По следам». Я ходила за тетрадью и за резинкою. Я с мамой ходили за покупками, а мама мне купила матроску и валенки. Был дядя Вася и подарил мне краски.

Воскресенье. 6/I.

В школу мне надо было идти в одиннадцать² часов. Утром мы ждали, ждали дядю Васю идти на лыжах, а он не прешол. Так мы и поехали одни. Я ходила в 34 школу на спектакль. Была у нас Шура.

Понедельник. 7/I.

В школе писали повестку. У нас в III-х группах будет немецкий язык. Был у нас Сергей Михайлович. Читала книгу «По следам». Делала уроки. Ходила гулять. Был у нас Гудилин. Я ходила за орехами. Ходила гулять во двор. Коталась с ледяной горы.

Вторник 8/I.

В школе мы писали Повестку. Пришла из школы не одна. Я пришла с подружкой. Ей надо было делать уроки, а у ней нет книги. Была у нас тетя Надя. Она принесла пошеколадке. Ходили гулять. Ходила с мамой за покупками. Читала книжки. Гуляла.

Среда 9/I.

Ходила в школу. В школе была проверочная работа. У нас был Сергей Михайлович. Спала два часа. Мишу я послала за тетрадью, а их негде нет. Он мне где-то нашел – купил. Зажигали бенгальские огни.

Четверг 10/I. 1929 года.

Ходила в школу. В [ш]коле раздавали тетради с проверочной работой. У меня пять штук. Делала уроки. Был дядя Вася. Рисовала. Писала плакат «Да здравствуют Советы!». Гулять я ходила и коталась с ледяной горы. Убиралась у птички. Убиралась в уголке. Писала дневник.

Пятница 11/I.

Ходила в школу. В школе было рисование мы рисовали, мы рисовали Мовзалей Ленина. Я нарисовала его большим и вообще он у меня получился. Ходила

¹ Так в тексте, т.е. «низвержение».

² Здесь и далее особенности правописания и пунктуации – как в оригинале.

гулять. Играла и каталос с горы на санках, с горы на коньках кататься нельзя она не катается. Ходила гулять. Делала уроки. Рисовала. [...]

Четверг 7/ ноября 1929 года.

В четверг нас отпустили и я с мамой поехали на Сходню¹. Там было очень холодно. Мы топили печку. На другой день приехали папа с Адей. Я и Адя рубили дрова и я вижу что идут дядя Илюша и Жек. Приехала Тамара. Приехал Колюсик и сказал что завтра преидет Ирочка и Топка. У нас было соц.соревнование между мальчиками и девочками кто больше елок посадит. И не кто не выиграл.

В субботу 9 приехали Ирочка и Топа. У нас тут были еще Колюсик, Тамара и Жек. Пришел к нам играть Митя. Мы играли в щетку, в плоточек, в жмурки, в шарады, сломали кровать хотели ее поченить, но ни чего не вышло. В воскресенье утром я, Тамара, Ира и папа сожали елки с линии. Приехала тетя Зина. Тетя Зина, я, Тамара, Ира, Адя, Жек играли в олейбол. Нам привез Денисов три воза земли черной при черной. ...

26 октября (1930).

Утром убиралась. Мама ходила [с дачи] на Сходню [станцию]. Рисовала. Сегодня льет дождь весь день. Читала книжку «Птицы, звери и гады России». Рисовала.

Работа 27 октября².

Утром с поездом 10 ч.32 мама уехала в Москву, а с поездом 10 ч.31 приехал Адя. Убиралась. Играли в карты. Поджаривали на лам(п)е семечки. С поезда 6(?) 50 приехала мама.

Работа 28 октября 30 года.

Утром рубила капусту. Укладывала дрова. Занималась по математики. Приехал дядя Вася. Чинили антенну, а вообще радио. Играли в карты. Рысовала подарки. Убиралась.

29 октября.

Утром убирались. Сегодня мы празднуем папино рождение и мамины именины. Мама мне подарила гребенку. Приехал папа. Приехал дядя Илюша. Ходили гулять. Приехала дядя Вася. Потом пришли дядя Леша с Клавдией Алексеевной уехали с поездом 10ч. 34 м вечер. Папа, дядя Вася и Адя. Дядя Люша ночевал.

30 октября.

Утром дядя Люша и мама вставляли стекла в рамы. Уехал дядя Илюша. Приехал Адька. Убিরались. Читала книжку «Северные школьники – герои», она мне очень понравилась.

31 октября 30 года.

Утром я с мамой ходили на колодец за водой. Ходили за малиной. Мама ходила за малиной и флэксами. Пришли дядя Леша с Клавдией Алексеевной, она приносила пяток роз. Сажали малину. Приехал и уехал Джек. Занималась.

1 ноября. Утром мама уехала в Москву. Я осталась одна. Читала «Ташкент город хлебный». Приехала мама привезла яблок.

¹ Сходня – подмосковный дачный поселок к западу от Москвы, там находилась дача семьи Рыбниковых. Ныне в черте города.

² Так Ляля указывает на писание дневника в качестве задания.

2 ноября. Утром мыли окна, потом примеряли вторые рамы, а потом – вставляли их. 1 стекло разбили потом опять его вставили. В столовой мы приклеили: красной бумаги в папиной комнате: желтой, в нашей: голубой, а в маминной: розовой.

3 ноября. Убиралась. Я и мама сажали малину. Ходила к Марье Михайловне за молоком, а она не дала. Рисовала. Занималась.

4 ноября. Утром мама пошла на Сходню, а от туда в Москву. Я осталась одна. Убиралась. Читала книгу «Голуби». Она мне очень понравилась, только в конце очень жалко. Приехал Миша.

5 ноября. Утром уехал Миша. Приехал Адька. Убиралась. Ходила гулять. Ходила встречать маму. Уехал Адька. Приехала мама.

Работа 6 октября¹. Утром занималась. Убиралась. Читала книжку «Юная Россия». Мама ходила на сходню. Гуляла. Гладила. Читала «Юная Россия».

Работа 7 ноября. Утром около дырочки в конце участка я встретила папу. Читала книгу «Юная Россия». Мне в ней больше всего понравился рассказ «Рыцари Красного Креста». [...]

Сочинения учеников калужских школ Первой опытной станции Наркомпроса (1922-1930)²

1. Из методологических комментариев учителей ПРЕДИСЛОВИЕ³

[...] Детям есть о чем писать, и они пишут легко и свободно. Язык их непосредственный, свежий, живой, яркий и радостный. Для сборника выбирались те сочинения, где проще детский язык и где отчетливее рисуются картины деревенской и детской жизни. ... Сборник не представляет из себя обработки с выводами, это – подобранный материал для обработки. Подбор делался из детских школьных тетрадей всех 14-ти школ Опытной Станции, сданных на педагогическую центральную выставку Калужского Отделения Опытной Станции за 20/21, 21/22, 22/23 уч.год. Тетради за первые два года сдавались не полностью, по 3 тетради от каждой группы (лучшего, среднего и худшего

¹ 7 ноября, в дате ошибка.

² НА РАО ф. 1. оп 1. д. 241, д. 242, д. 243, д. 244.

³ НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 241, л. 2. Машинопись. Копия. Авторы информации - А.А.Меленчук и А.Дмитриева; они готовили это предисловие к сборнику сочинений школьников, который должен был быть издан в 1924 г. В истории российского детства XIX-XX вв. было несколько периодов, когда взрослые обращали особое внимание на сочинение детьми рассказов о своей жизни, рассматривавшихся в качестве школьных сочинений. 1920е гг. богаты не только на подобного рода эксперименты, но и на архивирование (издание) их результатов. Темы дети нередко выбирали сами, чаще – их назначали; но ограничений в содержании работ не было (чаще всего сочинение писалось сразу после излагаемых в нем событий). В НА РАО хранятся весьма пространственные списки тем, на которые писали сочинения дети в Калужской области. Мы выбрали несколько тем и привели в оригинальном, «непричесанном» виде сочинения по ним детей из различных школ, следуя первоначальному замыслу составителей, готовивших их к публикации в 1920е гг. В начале каждой темы она проставлена в квадратных скобках; подзаголовки, выделенные полужирным шрифтом, относят сочинения к разным архивным собраниям. Общее обилие материала и его «живость» привели к тому, что третий раздел в этой главе неизбежно получился объемным.

участника). За 22/23 год поступили все детские сочинения. [...] Текст всех сочинений сохранен полностью, исправлены лишь грамматические ошибки.

Все сочинения в сборнике разделены на семь отделов:

- 1) В природе.
- 2) Зимние забавы.
- 3) Сказки и рассказы.
- 4) Стихи.
- 5) За работой.
- 6) Отношение детей к исключительным явлениям деревенской жизни.
- 7) Из пожеланий детей.

2. Сочинения о деревенской жизни¹

[В природе]

ЛЕТО

Подходи скорее лето. Мы будем бегать разутые и раздетые. Будем играть в ловички и курки. Хорошо летом, вечером гуляешь куда хочешь догуляешь, а потом пойдешь домой. Только ляжешь спать, заснешь и петухи запоют. Хорошо летом, приезжают цыгане. Мы побежим смотреть, как гадают цыгане, они за нами с кнутом.

Кобищинская школа III гр. Ньюша Захарова. [...]

СКВОРЕЦ

Скворцы прилетели. Все стали ставить скворешники. А один мальчик сделал скворешник такой расписной, что скворцы за него подрались, а мальчик стоял и думал – в другой раз еще сделаю, опять скворцы подерутся.

Белкинская шк. III гр. Гриня Кутырин.

СКВОРУШКА

Скворушка, милый мой, спой мне песенку самую хорошую. Скворушка за твои песни всяк тебя похвалит. Твои песни хороши. Ну-ка встань, прокричи. Скворушка, ты говорят можешь петь по-разному. Для тебя скворушка все люди почти делают скворешники.

Белкинская шк. IV гр. Абрамова [...]

[Зимние забавы]

КАТАНЬЕ НА ГОРЕ.

Как мы катались на Гавриловой горе.

Мы взяли санки и пошли на Гаврилову гору кататься. Больших ребят на горе сначала не было. Кататься без ребят было хорошо. Мы шибко носились на санках. Пришли большие ребята, стали отнимать у нас санки и драться. Разбегутся ребята – хлоп на санки. Затрещали санки, завертелись, а мы в снег кубарем. Пришел Парашин брат Сережа и стал за нас заступаться. Уж и попало тут большим ребятам – довел он их до слез.

Добринская шк. III гр. Кононова Ирина.

¹ НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 241, л. 5, 7, 9, 11, 13, 14, 17, 20-27, 37, 41. Машинопись. Копия.

КАТАНЬЕ С ГОРЫ.

Я ехал с горы; у меня дух занимался. И качусь, словно пух перебираюсь. Вася трусит, кричит, а Павлуша сидит и кричит, и кидается в сторону. Потом я слетел с саночек; мне было смешно.

Тряская шк. II группа. Павел Значков. [...]

[Сказки и рассказы]

САМОЕ СТРАШНОЕ, ЧТО Я СЛЫШАЛА.

Один раз мне рассказал папаша, а ему рассказывала бабушка, как одни мужики пошли ловить рыбу. Наловили рыбы и стали развешивать сети. Развешали сети и сели отдохнуть. Вдруг стало темно и жутко. Вдруг откуда не возьмись бежит черная собака. Они как закричат, и собака пропала. Они испугались и скорей пошли домой. Пришли домой и рассказали. Это было дело на Кургане. Там стало жутко ходить вечерами и утрами. Рассказывали, что на кургане часто показываются разные страшные вещи.

Пяткинская шк. IV гр. Клейменова Поля.

САМОЕ СТРАШНОЕ, ЧТО Я СЛЫШАЛ.

Вот один раз под новый год пошли гадать к вдовой бабе. Только они стали гадать; гадали, гадали, и вдруг одна девка уронила карту и стали посылать под стол за картой. А с ними сидел парень – половина человек, а половина нечистый: ноги у него собачьи и хвост собачий. Эта девка за картую все не лезла, а потом одна девка полезла и видит там внизу какие-то ноги собаки и хвост собаки, а половина туловища человека. Она тогда скорее побегла домой. Это был нечистый. Тогда на другой день пришли в эту избу с иконою, все начали молиться Богу, а там не было ничего. Это был нечистый, он обратился половина черт, а половина человек.

Пяткинская шк. IV гр. Павлова Сережи. [...]

ШАЛОСТЬ ДОВОДИТ ДО БЕДЫ.

Вот уж пригнали скотину, и она разбрелась по деревне. Вдруг из одного дома выбежал мальчик Ваня; в руках у него был кнут. Ваня подбежал к одной корове, схватил ее за хвост и давай стегать кнутом. Корова вырвалась и побежала, а Ваня тоже побежал за ней, но не догнал ее. Ване очень понравилось стегать скотину, и он опять побежал, чтобы поймать какую-нибудь корову, но ему попался под руку черный бык, и только Ваня хотел стегнуть его, как бык обернулся, да как бросился на Ваню и повалил его. Отец Ванин увидел это и скорей бросился спасать его, а тут еще сбежался народ. Отогнали быка, подняли Ваню, но он был уже мертв – у него была проткнута грудь.

Угодско-Заводская шк. V гр. Белов А. [...]

МОЙ СОН.

Мне один раз приснился сон такой страшный, что я даже орал – караул. Вот я уснул, два разбойника взошли в избу со штыками и начали меня резать. Я орал, орал, да как проснулся и сказал – и где же разбойники. А потом про себя думаю, - да ведь это два шутушка.

Передольская шк. Яша Золоногов. [...]

[Стихи]

Месяц по небу гуляет
И народ спать укладает.
Ах ты, месяц золотой,
Что случилось с тобой
Отчего ты нынче не встаешь
Спать ты нас не укладешь.
Заслонили меня тучи
И не светят мои лучи.
Засыпайте без меня...

Кабицинская шк. III гр. П.Ю.Глебов.

[За работой] [...]

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ.

Рано утром встаешь бывало. Проводишь скотину, позавтракаешь и идешь со своими на гумно. Там я расстанавливаю снопы ржи по всему гумну, чтобы красное солнышко обсушило их и тоже будет рожь легко обмолачиваться. Становится жарко и на гумне быть не хочется. На лице выступает пот, себя чувствуешь неловко. Тогда попросишься у родителей сходить на речку искупаться; они отпустят меня и скажут: «Ну ладно, иди уж, только смотри, приходи к обеду, - после обеда мы будем молотить» - «Ладно», и я бегу к своим товарищам и вместе с ними на речку. Вот речка. Мы раздеваемся и с разбега с крутого берега прыгаем в воду. В воде плаваем, ныряем, бегаем, валяемся, брызгаемся, смеемся и т.д. Скоро обед, а я на речке все. Уж я позабыл, что мне наказывали, да и уходить не хочется оттуда. Накупаемся досыта, вылезем из реки, посидим на горячем песке, поговорим. Глядь, приходит новая толпа ребят, и мы вместе с ними опять начинаем купаться. Обед прошел. Я вспоминаю о приказании родителей и бегу домой. Дома меня только поругают, да только и всего. Я иду прямо на гумно. Наши уже молотят. Я беру свой цеп и вместе со своими начинаю молотить в четыре цепа, только и слышишь – таты-латы, таты-латы.

Дело подходит к вечеру. Солнышко садится, стало свежо. Мы начинаем убирать обмолоченную солому и рожь. Потом я бегу встречать скотину, а то после не найдешь ее. Пригоню всю скотину, попью чаю и уже вечером бегу на улицу к ребятам. Мы собираемся большой толпой и ходим и поем песни, играем и т.д. и часов в 11 расходимся по домам.

Угодско-Заводская шк. V гр. Бородинов М. [...]

СТОРОЖЕНИЕ САДА.

Летом в самый покос уже поспевают яблоки. Вот раз мне и говорит товарищ: «ты, брат, пойдем ка нынче в саду постережем яблоки, а то очень обрывают». Я согласен. «Ну так значит пойдем» - «Пойдем» - «Ну так давай пять». Я дал пять, трепнули ладонь о ладонь и пошли по домам. К вечеру мы собрались, сговорились в какие часы идти. Сходили домой, после пошли сад стеречь. Вот сидим час, сидим другой, третий, лежим, шептушком говорим. Вдруг по траве шуршит. Я глянул в окошко. Гляжу идет под яблоньку Тимош-

ка. Я и говорю: «Погоди, сейчас получишь рычага. Ну-ка ты, Колька, приготовь какое половчее поленце. Мы сейчас с тобой его отучим от яблок, чтобы он больше не ходил сюда». Только он подошел, яблоню стал трясти, мы взяли по полену и вылезли из шалаша, стали подкрадываться, уже близко подошли, а я как крикну: «Кот-яблочник Тимошка». Он и убежал. Меня товарищ ругал, зачем я говорил. «Да мне его жалко стало, если тебя так сдвоить в два полена, станет больно, так и ему станет больно». Мы с ним ругались, ругались, до того добранились, что он меня ударил, а я ему сдачи, так и пошла драка, до того надрались, что встали, посмотрели друг на друга, у того синяк, и у другого синяк. «Ну», я говорю, «помиримся давай-ка, брат, не все сердитым ходить». Помирились. Он и говорит: «Все-таки ты мне товарищем в страже не годишься, кота-Ваську упустил, Тимошку – яблочника».

Кобицинская школа. III гр. [...]

[Отношение детей к исключительным явлениям деревенской жизни]

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ.

Праздник у нас в деревне бывает очень хорош. А вот почему бывает хорош, сейчас я вам расскажу.

К празднику у нас моют полы, стены, потолки и т.д. Вот оттого, как придет праздник, и он похож на праздник. В праздники мы снаряжаемся и идем гулять или катаемся с горы. Матери наши тоже идут куда-нибудь посидеть и поговорить с другими матерями; вот они и сидят там бормочут; а наше дело – кататься себе с горы, да кататься. Вот я раз и прокатал урок. Катался я с Тимохиным Васей с крутой горы. Я и говорю ему: «а нам задали урок учить». Он и говорит: «Задали». Я побег домой, было уже темно. Вбег в избу и стал раздеваться. Разделся, взял книгу и стал учить урок.

Пяткинская школа IV гр. Михайловичев Гриша. [...]

СВАДЬБА В ДЕРЕВНЕ.

У нас в среду была свадьба. Приехал жених, а невесту еще не благословляли. Потом ее посадили за стол и стали петь песни. Им кричат: «Девочки, девочки, вылезайте» - «денег мало дали». «Ой да как мало, миллион-то», говорит дружка. «Конечно мало» - «Ну, шут с вами, на-те еще двести». «На Лыкове за пятьсот продали». А девки говорят: «В Лыкове, а то в Величкове, давайте больше». «Ну, хватит с вас полтора миллиона». И девки все вылезли, пошли домой. Гости пообедали и уехали к венцу. На другой день Машуха плясала русского снаряженной курицей¹. Немного погодя пришли усадьбенские и стали плясать. Одна баба снарядилась мужиком. Ее звали Евлаха. Когда сели за стол, все старики кричали молодым «горько». Все молодые стали целоваться. Потом целовались и старики. За столом были шутки и смех.

Величковская шк. III гр. Овчинникова. [...]

[Из пожеланий детей]

КАКУЮ БЫ Я ХОТЕЛА ИМЕТЬ ОДЕЖДУ И БЕЛЬЕ.

¹ Имеется в виду, что она была переодета, «снаряжена» курицей.

Плисовое бы платье, шелковое, батистовое, тканевое. И я бы одежду носила хорошую. Саки были бы у меня плисовые да плюшевые, и я ходила бы в будни чистая, благородная. Обувь – белые баретки, полсапожки с длинными голенищами и были бы у меня ботики.

Пяткинская шк. III гр.

Поповкина Ньюша.

КЕМ БЫ Я ХОТЕЛ БЫТЬ

Мне очень хочется быть крестьянином и жить с матерью и отцом и чтобы крестьянствовать. А у меня сейчас отца нет, и я очень скучаю без отца. Потому что мне хочется крестьянином, чтобы быть богатым и много держать скота: овец держать штук двадцать, коров штук пять, лошадей штуки три, коз штук пять, кур штук сорок; а для чего. Чтобы все вдоволь. А коз, чтобы на них интересоваться, как они будут по крышам лазать. И много иметь земли – рожь сеять, пшеницу сеять, ячмень, Гречиху, горох сеять, чтобы жить богатым, богатым крестьянином и иметь большой сад.

Белкинская шк. IV группа. Дудкин Степан. [...]

Я представляю себе Москву большую, красивую, большие дома в несколько этажей; большие чистые улицы, и много разного народа. Там по улицам ездят на трамваях, на автомобилях.

Москва – это большой город, с красивыми башнями, теремами и церквями. Я хотел бы в ней увидеть зверей – медведя, слона, тигра, льва и т.д. Всех больше мне хотелось увидеть льва; мне потому хочется увидеть льва, потому что я про них читал много разных случаев – как на них охотятся и т.д.

Но ни одних зверей мне хочется увидеть, но и птиц. Мне хочется влезть на какой-нибудь этаж на 5-ый или 6-ой и посмотреть вниз. Всех больше мне хочется посмотреть Кремль. Мне хочется ездить на поезде. Мне хочется увидеть корабли или пароходы или еще лучше на них ездить, т.е. кататься.

Величковская школа. Колюшкин. [...]

[Из раздела «Деревенские суеверия». Нет сведений об авторах и школе]

Иду я дорогой и вижу, нагоняет меня мужик. Мы с ним разговорились и даже подружились. Идем мы, и я стал чувствовать, что начинаю мерзнуть, а он говорит, давай посидим. Сели, отдохнули, я ему говорю: «пойдем». Прошли мы еще немного, и я стал чувствовать, что замерзаю. Он опять говорит: «давай посидим». Сели опять, и меня начало ко сну клонить, но я все-таки встал и пошел. Доходим до бани, он опять приглашает меня посидеть. Я прилег и начал засыпать, мне стало тепло и чудится, что я на печке, но вот я опять пришел в чувство. Опять силы возвратились и я пошел. Увидев огни фабрики, я направился сюда, когда вы мне открыли, то спутник мой полез на чердак. Когда мы легли спать, то ночью над станом дяди Федора, на потолке громыхал чем-то демон. Уж очень жалко ему было, что он упустил из своих рук душу. [...]

Рассказ матери

«Мой отец», говорила мне мать, имел корову, она была очень молочная. И вот ни от того, ни от сего корова почти совсем не стала давать молока. Все стали думать, что молоко отняла колдунья. Дело было зимой, корову доить перестали

ли, она стояла на дворе и по целым дням ревела. Когда корова отелилась, то на пленке, в которой находился теленок, были замечены какие-то мясистые клубки, тогда говорили, что нужно взять эту пленку, зайти на чужое поле, зажечь костер и сжечь пленку. Все говорили, что кто наворожил на корову и отнял у нее молоко, тот должен притти к костру и просить прощенье. Мой отец так и сделал, взял пленку, спички, лучины и пошел.

3. О праздниках¹

24/ХП

Свободное сочинение

«Как я провела Николин день».

19 декабря был Николин день. На первый день Николы шел снег и было мокро ну все-таки мы гуляли. Пели песни и водили хороводы и было весело (нрзб.1 слово) вечер девки ушли ставит спектакль. Мы сняли у Семена I квартиру за дрова пришли разделись только что стали веселится как нас тетка Варвара стала выгонять нас. Мы ушли осерчали и пошли к школе и стали баловаться. Зинаида Петровна вышла на крыльцо руками замахала закричала если вы не уйдете то я припомню к собранию я перепугалась и пошла домой и больше не выходила на улицу.

24/I

«Свободное сочинение».

Как гадали.

Было дело под Новый год вечером девушки собрались годать. Пришли к нам в избу стали гадать на табуретке. Встали четверо вокруг табуретки положили руки на нее. Сидели на коленях полчаса. Когда прошло полчаса. Саша стала спрашивать табуретку. Ну табурет скажи кто будет суженном моим. Перво она годала Фроси ей выгодалось что суженый будет Иван. Вот так она всем спрашивала. Потом они стали выезжать на тоборетке кто куда выехал. Потом они пошли на улицу считать тын и бросать лапоть через сарай. Потом сходили за водой. Когда наступил двенадцатый час стали гадать на воде потом на курицы одну курицу она от них убежала они поймали другую она закричала они пошли ловить третью ее не поймали.

4. Как я провел отпуск²

Кривошеино. Никитин.

¹ «Образцы детских сочинений младших групп школы (1922-1924)». НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 242, лл.68об-69об. Машинопись. Копия.

² «Детские сочинения учащихся школ I-ой ступени на различные темы (1924-1930)» НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 243, лл.3, 5, 6. Машинопись. Копия. Слово «отпуск» являлось в те годы синонимом к слову «каникулы».

«Как я провел отпуск»

Приехав домой... я большей частью занимался чтением, еще исполнял некоторые дела по хозяйству. Каждое утро я ездил кататься на лыжах. Дома у нас есть маленькие ребята, которым я каждый день рассказывал сказки и стихи (это им очень нравилось и они каждый вечер просили чтобы я им рассказал что-нибудь). Девочка, которой идет пятый год, даже научилась сама рассказывать сказки и даже некоторые стихи. Советское Рождество в нашей деревне Кривошеино никто не праздновал, а все праздновали старое Рождество. В нашей деревне нет ни клуба, ни читальни, так что вся молодежь снимала для себя избышки и там проводила все вечернее время. В избышках нашей деревни занимаются старыми танцами и песнями. Иногда также поют и революционные песни. Под новый год в нашей деревне молодежь исполняла все старые обычаи, как например: гадание (состоявшее из выливания свинца, таскания счастья, бросания в воду платка и смотрения на воду). Гаданием у нас занимаются только девушки, парни же собираются и все вместе таскают от каждого дома сани, телеги, снопы из сараев, белье и помещают все это посреди улицы или же к какому-нибудь дому. Во время празднования старого Рождества у нас очень много народа ходит в церковь и все принимали к себе в дом попа, давая ему белых пирогов и денег. [...]

Угодский Завод. Ананьев Т.В. 17/ XII -28 г.

«Как я провел зимние каникулы»

Зимние каникулы я провел плохо. Днем я все больше сидел дома, а вечером часов с 6 и до 10 находился в избе-читальне. В избе-читальне я играл в шашки, читал газеты. Еще я три раза смотрел кино и один раз спектакль. В субботу смотрел живую газету «Угодский агитатор». Газета «Угодский агитатор» мне понравилась, потому что в ней протаскивали кулаков, попов за избиение батраков. Еще протаскивали пьяных, которые хулиганили. После этой газеты им было неловко, и они перестали хулиганить. Еще я был на членском собрании, на котором выбирали женщин в члены совета и на всеволостную женскую конференцию. Еще было собрание от сельскохозяйственного кооператива, на которое приезжали делегаты от всех деревень нашей волости. На этом собрании Молоканов сказал: «Если в деревне большинство хочет сеять сортированным зерном, то туда надо дать машины, а если меньшинство, то не давать». Теперь я опять перейду к кино и спектаклю. Кино я смотрел такие: «Капитанская дочка», «На разных берегах», «Зарэ». Кино «Капитанская дочка» мне не понравилось. Потому что там много изменений. В кино мне Швабрин больше понравился, а Гринев нет. В повести Швабрин описывается подлизой, злодеем, а в кино он показан лучше, чем обрисовывается в повести. Спектакль я смотрел такой: «Песнь горя». Этот спектакль можно назвать трагедией, так как там кончается тем, как одна отравилась, а ее отец хотел убить одного хозяина, у кого жила его дочь. Еще по географии была дана работа, сделать дома альбом или собрать все сведения для альбома. Этот альбом надо было составить на тему: «Изучение нашего села». Я собрал сведения только на то, сколько у нас земли и жителей. Потом когда я стал делать диаграммы, то они у меня не выходили, и я за них принимался раза четыре и никак не мог сделать. Раз у меня диаграммы не выходили, то я дальше по заданию ничего не мог делать и по-

тому дома не выполнил задание. Еще было дано организовать ребят и провести беседу, но это не удалось, так ребята все время находились в избе читальне, читали газеты, играли в шашки и шахматы. В селе я очень часто слышал о войне. Один раз меня позвала старуха и спросила: «Правда говорят, что весной будет война». Я сказал, что это неправда и в газетах об этом не пишут. Она и сказала: «А что вы газеты читаете?» - «Да». Она опять сказала: «К вам газеты ходят не такие, какие к нам к вам детские. Но я сказал, «газеты все одинаковые, какие у нас, такие и у вас» и в конце концов я ее убедил. Еще я узнал дома, как произошел Угодский Завод и историческое его значение. На этом и заканчиваю. [...]

Тарутино. Кондратьев Ваня. 17/1 – 29 г.

«Как я провел зимние каникулы»

Уезжая на отпуск мы захватили с собой куклы и хотели поставить у себя на селе две пьески. Еще мне было дано задание из Кабинета Географии. Потом я решил дома поставить радиоприемник. Поставить нам «Петрушку» не удалось из-за того, что нам не дали помещение. На второй день отпуска я поставил радио. По радио я слушал три пьесы: 1. «Бронепоезд». 2. «Любовь Яровая». 3. «Аммундсен». – «Бронепоезд» я не понял. Мне понравились остальные две пьесы и я их понял. Слушал интересные рассказы, концерты и новости. Мне очень понравилось, как пел хор Пятницкого. Ко мне много крестьян приходило слушать радио и всем очень нравилось, а особенно концерты. Задание из Кабинета Географии я на дому не выполнил, а взял только нужные сведения из сельсовета. Я участвовал в пионерском спектакле. Смотрел кино «Тарас Шевченко» две серии. В этом кино показано вся жизнь Шевченко с рождения до самой смерти. Мне очень понравилось. Катался на коньках, ходил в школу.

5. Советские праздники¹

17/II-30 г.

Как прошла детская конференция [*в Кривошеинской школе I-й ступени делегатское собрание школьников Угодского района; от каждой школы, вероятно, 2-7 человек*].

На нашей детской конференции было много народу и было весело. Говорили доклады. Мы будем собирать кости, бумагу и железо и стекло, будем ненужных кошек тоже сдавать, чтобы их обдирать на воротники. Мы летом будем работать на цветниках и делать игрушки для яслей. Потом каждая школа показывала диаграмму как посещали школу в декабре и январе, а потом Евгения Васильевна говорила, какой школе дали премию за подписку на 3-й заем. Две школы делали представление: Михайловская и Величковская. Больше понравилось как представляли Величковские. Заводские пели хором и потом отдельно по три человека пели частушки. Из Стрелковской школы двое ребят плясали. Так хорошо мы провели весь день. Разошлись в пять часов вечера. I звено. Таня Добычина. [...]

¹ «Детские сочинения учащихся школ I-ой ступени на различные темы (1924-1930)» НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 243, лл.12, 38об, 44об. Машинопись. Копия.

Величковская школа IV гр.

Манюхиной Шуры

14 марта

«Как мы провели день женщины».

Мы начали готовиться к дню женщины еще за неделю до праздника. Мы начали учить стихи, доклады и пение и в воскресенье мы сделали вечер, посвященный дню женщины. К нам приехали Угодско-Заводские 4 учительницы, одна из Кабицина и Елизавета Осиповна. Сперва мы перед началом вечера спели Интернационал. Народу на вечере у нас было очень много. Мы говорили доклады и стихи. Первый говорил приветствие от нашей школы Коля Милючихин. Потом сказали стихотворения и доклады о старой жизни женщин, а потом о новой жизни и о коллективных хозяйствах. Мне понравилось, как из учительниц говорила Александра Степановна и комсомолка Валя Кулагина о коллективной жизни. Мы провели этот праздник, я думаю, что хорошо. [...]

Угодско-Заводская шк. IV гр.

«Как мы осматривали колодцы»

Мы сперва решили постановить на собрании при Сельсовете осмотреть все колодцы в нашем селе: мы эту работу затеяли сами, а санитарная секция решила сама сделать, потому что мы сами не можем. Пошло на обследование колодцев 8 человек – два врача, трое из школьной санитарной комиссии, одна учительница III гр. и двое из Сельсоветской санитарной комиссии. Мы пошли сперва к святому колодцу, там сидела женщина. Прежде чем сделать ремонт колодца, нужно собрать деньги, кто берет из него воду, ему нужен такой ремонт. ... Дальше пошли к Никольскому колодцу № 1. На этом такой ремонт [...]

6. Советская власть¹

Угодско-Заводская школа I ст.

Коля Золотов III гр. 1929 г.

Мама спросила у коммуниста, почему недостаток всяких продуктов в потреббилровке. А он сказал, вот почему. Раньше в одной деревне ели мясо 5 чел., а 200 чел. не ели мясо. А теперь при советской власти из 200 человек едят все до одного и много берут. А почему нет обуви. Раньше в обуви ходили только к попу в церковь перед всем народом похвалиться да по деревне пройтись, а дома разувши и пахать разувши, а теперь везде ходят в сапогах, а летом также ходят в обуви. Теперь вырабатывается больше и носится больше, все в миллионах. А теперь мама, бабушка и я сам хорошо знаем, что теперь все больше привозят и все разбирают, а говорят на год валенок не будет и все обувь заготавливают это очень плохо и государство не наготовится. [...]

23 ноября 30 года.

Величковская школа. III гр.

Валя Жанухина

¹ «Детские сочинения учащихся школ I-ой ступени на различные темы (1924-1930)» НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 243, лл. 79, 95. Машинопись. Копия.

Заветы Ленина за просвещенную, сытую и здоровую жизнь – проводятся на деле. Заветы Ленина на деле выполняются. Теперь строятся колхозы, а в колхозах есть машины: рядовые сеялки, молотилки, жнейки и косилки. От этих машин урожай улучшается. Теперь за просвещенную жизнь строятся разные школы, проводят много радио, выписывают газеты. Нам еще сказали родители, что прежде радио совсем не было, газет выписывалось мало, изб читален было 2, а теперь 4 постоянных, 18 передвижных, прежде клубы были, но только в городах, там буржуи в карты играли, а теперь клубы при каждой фабрике. Больниц теперь стало много и больницы новые, прежде в нашей больнице был один врач, а теперь два врача.

В этом году в СССР нашлись вредители, сперва их нашлось 50 чел., а теперь 2.000 человек. Эти вредители хотели подорвать Советский Союз и вооруженным восстанием выступить вместе с буржуями других стран против большевиков, а их поймал ОГПУ и осудил кого на расстрел, а кого в тюрьму. Теперь буржуи других стран отложили войну на 31 год, но рабочие других стран тоже за нас, они каждый день выходят с демонстрациями против своих капиталистов. Капиталисты каждый год хотят идти на войну, но боятся, что рабочие ихних стран поднимутся против них и смахнут их прочь.

7. Детские игры¹

Потресовская шк. II гр.

«Наши прозвища»

Дуня – карзубка. Гриша – косой. Андрияша – белка. Мумлец – щенок – белогубый. Ньюша – Жавка – Крыса водяная. Сема – Годя – Чернокожий. Ваня – Тум – Горбатый. Шура – Греч. Саша – Гудулиха – Циганка. Шура – Зверь – Щука зубастая. Даша – Вашиха – Сусая. Ариша – Сова глазастая – старуха. Ньюша Т. – квашня. Матреша – Тяптя. Маша – балаш состроенный шалаш.

1/ХII Продолжение

Вася – Яц-Ез, Слаткае баранки. Вася Ос. – Куцый. Леня – Далбец, Орел. Федя – Жмурец. Юша – Латынец. Егор – Куцый, Татар, Хоршика. Вася Дрю, Балаш, Доктор. Балашевич. Ваня – Баба, Ваня Гор. – Ушан. Дудкин Ваня – Каул, Хряк. Вал. – Киска. Ваня Хр. – Софрон, Кузя. Крошкин Коля – Хром, Колчак моршенный. [...]

19 ноября 1923 г.

Передольская шк. III гр. Вася Гусяков.

Мои любимые игры

Вот я приду в Передоль и много мальчиков собралось. Я говорю Ленке и Пашке: давайте играть какая познакомее игра в догонялку, вокруг иструба [*патруб-ба?*]. Мы стали считаться. Вот меня взяли и поставили в угол, они побежали и крикнули: эй, пошел. Я побег и поймал Пашку. Пашка поймал Леньку. Ленька меня, и мы не стали играть в догонялку. Перестали и пошли по деревне. Вот Ленька побег домой, и я у него на крыльце сел. Он вышел, и пошли за Ваней и за Петей, за Пашей и за Петей и к речке пошли. Паша говорит: пойдете белку

¹ «Детские сочинения на разные темы (1923 – 1929)». НА РАО ф. 1 оп. 1 д. 244, лл.2, 3об, 5, 7об, 9об, 12. Машинопись. Копия.

гонять. Мы пошли гонять белку, мы загоняли и поймали ее и убили, и кошке отдали, и все. [...]

17-го III 26 года /Величковская школа [?] [Аноним]/

Что я видел с колокольни

16го февраля мы пошли уч [еники] IV гр [уппы] на колокольню. Пришли в церковь, отперли и полезли на колокольню. Когда влезли там было холодно. Потом мы стали рассматривать где какие деревни. Вперед мы смотрели так потом стали по очереди в бинокль смотреть и записывать, где какие деревни. Вперед стали смотреть на Восток. Там я увидел Угодку и лес. На Юге поле кустики и деревни Костинка, Стрелковка, Огубь, реки Протва, Трубино, Ивашкивичи и Федоровск. Стрелковку было не особо видно потомушто она стоит на низком месте. На Юго Западе я видал Росляковки и Глубокий¹. На Западе Дувровку и Лаптевку. На север лес. На север восток имение и лес. [...]

[1926 г.]

Трясск.шк. III гр.

Козлов Леня.

Сочинение: «Наши игры»

Я пришел к Игнатову Павлику, он мне сказал – «давай уберемся в избе и уговоримся во что будем играть». Убрались в избе и стали уговариваться я сказал в телефон – ба да проволоки нет. А потом Ваня сказал – у нас есть проволока. А я сказал – неси, сейчас сделаем. Ваня принес и пошел делать к сараю и там прицепили за угол. Протянули от угла к яблоне, от яблони в дом и там приделали за гвоздь, поставили ящики. От самовара привязали крышку за ящик и слушали. Потом меня мама позвала пить чай и я ушел. Попил чаю и опять пришел, а там уже ничего нет. [...]

Кабицинская шк. IV группа. 19/XI – 28 г.

«Как мы ходили на реку»

Вот раз в Воскресенье мы пошли на реку, нас было 6 человек и Тима Горлов взял ружье. Они все стали ловить рыбу, а я стал караулить белье. Наловили рыбы много, покупались, пошли домой, взял Тима стрельнул прямо в платок и разорвал его. А картечь вонзилась прямо в ольху и ее вытащили ножом. Пошли домой дальше зашли к колодчику, там услышали, что змея зашипела. Тима зарядил ружье и стрельнул в змею, она завертелась и удрала куда-то. Ее не нашли и пошли дальше, пришли в деревню, сговорились, что каждый принесет ложку и по два яйца и хлеба. Гриша Кулагин принес большую сковородку воды налили, еще принес дров и хворосту, разожгли огонь. Сварилась уха начали есть. Съели все и пошли по домам. [...]

Угодско-Заводская школа 1 группа 28 г.

«Наши игры на улице весной»

Мы играем дома в:

1. Пряталки.

¹ Следующее слово неразборчиво.

2. Казаки-разбойники.
3. Лапту.
4. Лапшу.
5. Ловички.
6. Ярки.
7. Об стенку.
8. Футбол.
9. Прыгалки.
10. Краск.
11. Телефон.
12. Лягушки.
13. Подарки.
14. Учительницы.
15. Столбик.
16. Третий лишний.
17. Городки.
18. Попа-загонялу.
19. Присядки.
20. Кандалы.
21. Горелки.
22. Жгуты.
23. Курочки.
24. Коты-мышки.
25. Иголочку с ниточкой.
26. Невод.
27. Наперсток.
28. Клен.
29. Волки.
30. Уголки.
31. Ключи.
32. Вьюн.

[...]

Из тетради уч. IV гр. Белоусовской школы 1 ст.

Иванова Васи. 1928-29 год.

4-го февраля 1929 г. «Как я видал лисицу и чо она делала».

Однажды я шел в Белоусово и увидал лисицу. Сначала я испугался, думал волк, потом подошел поближе, смотрю лисица, она мне очень понравилась. Шерсть на ней была желтая, сама большая, а хвост длинный пушисты. Я остановился и стал смотреть, что она будет делать, она долго ходила около кустика, потом стала играть, играла она так хорошо, что я засмотрелся: то ляжет на спину, и начнет своими лапками царапать за хвост, потом встала и начала прыгать через куст, то ляжет растянется, как будто к кому подкрадывается. Потом она встала, схватила в зубы хвост и начала кружиться, а хвост все не бросает. Я смотрел, смотрел, потом как крикну, как она бросится в лес и убежала и я пошел куда мне надо, а как домой пришел и своим рассказал.

8. Школьные сочинения и рисунки к темам программы школы Юй ступени (1926-1929)¹

Величковская школа 3-я группа Паша Золотайкина.

17-28 марта 1923 года.

ЧТО Я ПОМОГАЮ ДЕЛАТЬ ПАПАНЬКЕ.

Я подсобляю папаньке кой что хлопья перебераю, нитки в иголку вдеваю, когда настелаю вату и покрываю ветошкой, развожу утюг. Папанька все время работает хотя и старый, а нужно работать, потому что одним сельским хозяйством не проживешь. Мне хочется в портняжное ремесло поступить. Как кончится учење тогда папанька станет учить. меня. Сперва буду тряпочки сшивать, краит и так научусь работать хорошенька. Подучусь, сперва себе сошью потом в Москву поеду там и научусь портняжному ремеслу. [...]

Тряская шк(ола). IV гр(уппа). Осипов Петя. 20/ХП-28 г.

«Что я хотел узнать и видеть в Москве».

Когда я ехал на лошади на станцию, ехал на поезде в Москву, и все думал, что будет кино, про Москву, про Зоологический сад, про мавзолей Ленина, но мои думы прошли совсем зря. Кино совсем не было, а было совсем другое. Еще я думаю, что мы пойдем на фабрику шоколадную, которая называется «Красный Октябрь». И я думал, что мы там увидим, как делается шоколад и из чего он делается, как он делается, как перетирается, на каких машинах, как называются машины, но мы на шоколадную фабрику не ходили, ходили на совсем другую фабрику, которая совсем не похожая на шоколадную. [...]

Белкинская шк. III гр. Соч[инение] индив[идуальное].

«Какую пользу приносят книги»

Книги приносят нам пользу. Мы там читаем про все и как заводить хороших коров, и чем их кормить, и там написано, как устроить машины и разные больницы, клубы, избы-читальни. А еще пишут, какие в других деревнях и в городах наводнения или засухи, а еще пишут, скоро начнется война, а еще пишут, в судах кого убили и их присудят сколько месяцев сидеть в тюрьме или сколько платить. Книги и газеты связывают людей между собой. Мы знаем про книги, что они связывают людей между собой. [...]

Белкинская шк. III гр. Соч(инение) индив(идуальное).

«Какие удобства в Москве»

В Москве есть много кооперативов, там всего больше и все дешевле, есть в каждом доме электричество, воды сколько хочешь, отвернешь кран и вода польется, бани хорошие, не как у нас, есть вода теплая и есть холодная. В Москве не выльешь помои около дома, есть такие трубы, и туда выливают помои, а если выльешь помои, то с тебя штраф, мусор тоже высыпают в ящики, и нет такого безобразия, как в деревне, а если какой забузит, то его в милицию арестуют и наложат штраф. В Москве есть очень большие дома по 8-9 этажей, на них взбираться очень трудно, тогда сделали подъемные машины, в Москве те-

¹ НА РАО ф.1. оп.1. ед.хр.245, лл.38, 84, 86, 89, 107. Машинопись. Копия.

лефоны есть, по ним можно передаваться за много верст. В Москве не стирают, как в деревне, не сдирают руки, а носят в прачечную.

[...]

План на четыре дня.

«Что мы будем узнавать о жизни деревни».

1. какие главные работы осенью в деревне.
2. кому больше всех приходится работать осенью.
3. какие продукты запасает наша деревня.
4. какое было лето в этом году.
5. какой был урожай в этом году.
6. у всех ли крестьян бывают одинаковые урожаи.
7. вычислим – хватит-ли нашей деревне хлеба.

Какие книги прочитать: «Ясное утро» стр.82, 416, 436, 442, 443, 445.

«Новая деревня» - стр.17, 18, 20.

Будем пользоваться списками сельсовета о посевах.

III гр. Кабицинской школы. 3 октября 1929 г.

Работу выполнила Кустова Клавдия.

9. Деревня и город¹

МИХАЙЛОВСКАЯ ШКОЛА

III ГРУППА.

ЧТО Я ЗНАЮ О ГОРОДЕ.

Я БЫЛ В ГОРОДЕ, ТАМ Я ВИДЕЛ АВТОМОБИЛИ, АЭРОПЛАНЫ, ПУШКИ, ТРАМВАЙ, ЧЕГО В ДЕРЕВНЕ И СЛЫХОМ НЕ СЛЫХАЛ. МНЕ ПОНРАВИЛСЯ ГОРОД, ТАМ МНОГО КОЕ ЧЕГО ИНТЕРЕСНОГО. А ПОТОМ КАК ПОЖИЛ ДВА МЕСЯЦА И ЗАСКУЧАЛ О ДЕРЕВНЕ. И ПОЕХАЛ Я В ДЕРЕВНЮ НАДОЕЛО ЖИТЬ В МОСКВЕ.

РЕБЯТИШЕК ТАМ Я ВИДЕЛ ТРОИХ: ВАНЮ, ВИТЮ И КОСТЮ. СПЕВА МНЕ БЫЛО ИНТЕРЕСНО, А ВСЕ-ТАКИ ПОЕХАЛ В ДЕРЕВНЮ. ПРИЕХАЛ Я ИЗ ГОРОДА, СОРВАЛ ОГУРЧИКА, МОРОКОВОЧКИ, БУШЕМКИ ПОДСОЛНУШКА И СТАЛ ЕСТЬ. ПОШЛИ В ЛЕС РВАЛИ ЯГОДЫ, ПТИЧЕК ГЛЯДЕЛИ.

/1924?/ [...]

ПЕРЕДОЛЬСКАЯ ШКОЛА

III ГРУППА.

ЗДОРОВЬЕ НАШИХ УЧЕНИКОВ.

У НАС В КЛАССЕ ШЕСТНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК УЧЕНИКОВ: У ДЕВЯТИ ЧЕЛОВЕК ГНИЛЫЕ ЗУБЫ, У ДВУХ ЧЕЛОВЕК КАШЕЛЬ: У АНДРЮШИ И У СЕРАФИМА. У ПЯТИ ЧЕЛОВЕК БОЛЯТ ЧАСТО ГОЛОВЫ. У ТРЕХ ЧЕЛОВЕК ЧАСТО БЫВАЮТ ГЛИСТЫ. У ДВОИХ ИЗ УШЕЙ ТЕЧЕТ ГНОЙ.

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ПАША ЕМЕЛЬЯНОВ: ПУД ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ФУНТОВ. САМАЯ ЛЕГКАЯ «ВОРОБЕЙ». В НЕЙ: ПУД ДЕСЯТЬ ФУНТОВ.

¹ «Детские сочинения на разные темы I, II, III и IV групп (1924-1930)». НА РАО ф.1. оп.1. ед.хр.246, лл.15, 18, 31, 34, 39, 109, 114-114об, 115об, 118. Копия. Машинопись, в том числе большими буквами. Вероятно, отражает то, что данные сочинения были написаны печатными, а не письменными буквами.

[1924?] [...]

ТЯССКАЯ ШКОЛА

IV группа

Об огороде и поле.

МЫ САЖАЛИ КАПУСТУ БУШМУ СВЕКЛУ МОРКОВЬ РЕПУ. МОРКОВЬ МЫ НЕ РАЗУ НЕ ПОЛОЛИ И ПОТОМУ У НАС БЫЛА ОНА МЕЛКАЯ. СВЕКЛУ НАМ НАДО БЫЛО ПРОДЕРГИВАТЬ. НАВОЗУ НА ОГОРОД ВОЗИЛИ ПОМАЛУ. МЕНЯ ЗАСТАВЛЯЛИ ПОЛОТЬ Я ОЧЕНЬ НЕ ЛЮБИЛА ЭТУ РАБОТУ. МНЕ БЫЛО СКУЧНО, СКУЧНО, КТО ПРИДЕТ ЗА МНОЙ КУПАТЬСЯ, Я БЕГУ ОПРОМЕТЬЮ И СИЖУ ТАМ ЦЕЛЫМИ ЧАСАМИ, МНЕ БЫЛО ОДНОЙ СКУЧНО. В ДЕРЕВНЕ МАЛЕНЬКИЕ РЕБЯТА КРИЧАТ И МНЕ ХОЧЕТСЯ ГУЛЯТЬ. ПОЛИВАЛИ: Я, СЕСТРА И БРАТ. В ПОЛЕ БЫЛА РОЖЬ ПЛОХАЯ И У НАС БЫЛА 1 ПОЛОСА. КОГДА МАМА ИЛИ СЕСТРА БЫЛИ В ПОЛЕ, А КОГДА ПРИХОДИЛИ ДОМОЙ, ТО ОНИ ЛЯПНУЛИСЬ (?), КАК МЕРТВЫЕ. [...]

КАБИЦИНСКАЯ ШКОЛА

IV ГРУППА.

КАК ПРОШЕЛ НАШ ВЕЧЕР.

3 ФЕВРАЛЯ 1924 ГОДА У НАС БЫЛ ВЕЧЕР, ВЕСЕЛЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК. МЫ СОБРАЛИ К ПРАЗДНИКУ ДЕНЕГ ПО 250 РУБЛЕЙ. СОБРАЛИ ЕЛКУ, КРАСИВУЮ, УВЕШАННУЮ БУСАМИ. ПОТОМ СОБРАННУЮ ЕЛКУ МЫ ОСТАВИЛИ В ПОКОЕ НА ОДИН ЧАС, ПОЕЛИ И ВЗЯЛИ С СОБОЮ СТАКАН, И ПОШЛИ, ПРИШЛИ И МАЛЕНЬКИЕ ТОЖЕ ПРИШЛИ. МЫ ИХ СТАЛИ РАЗДЕВАТЬ И СТАЛИ ВЕСЕЛИТЬСЯ. НАЧАЛИ РАЗЫГРЫВАТЬ СТИХИ. ПОТОМ НАСТОЯЩУЮ УЖЕ СКАЗКУ, СНЕЖИНКИ. ПОПЕЛИ НЕМНОГО РАЗНЫЕ ПЕСНИ, ПОИГРАЛИ: У ДЕДУШКИ ЯКОВА СЕМЕРО ДЕТЕЙ, ПОТОМ ЕЩЕ ВОРОБУШКА, ПОТОМ ТЕРЕМОК, И ПОШЛИ ЧАЙ ПИТЬ. ПРИШЛИ, А ТАМ МАЛЕНЬКИЕ МЕСТА ЗАНЯЛИ. МЫ ИХ ДОЖДАЛИ, ОНИ НАПИЛИСЬ ЧАЮ И МЫ СТАЛИ ЧАЙ ПИТЬ. ЧАЮ НАПИЛИСЬ И ОПЯТЬ ПОШЛИ ГУЛЯТЬ. ВЕСЕЛО ГУЛЯЛИ МЫ, ВЕСЕЛЫЕ И СВЕЖИЕ. [...]

Школа Трясь, III гр.

Якушин Ваня.

ГОРОД ЛЕТОМ.

Шум и треск идет,
по улице поднимая
пыль. Мчатся трам-
ваи с автобусами,
а за ими автомобиль.

Плохо жилось рабо-
чим летом.

Каждая пылинка
идет им в рот.

Тр э тэ тэ тэ

тррррр. Вдруг ве-

чер наступил.
Столбы все освети-
лись.
Народ все ходит
взад, назад,
а утром на
базар. [...]

Высчитай, во что обходится празднование рождества всей деревне Самсоново. В деревне Самсонове 38 хозяйств, каждый домохозяин дает попу за молебен в среднем 30 к., христославам 20 к., на водку с закуской тратит 10 р. и терпит убыток от простоя стана 3 дня по 2 рубля.

З а д а ч а

Крестьянин с.Белкино аккуратно записывал свои расходы. По этим записям видно, сколько семья середняка тратит на религию за год (не считая праздничных угощений).

крещение – 50 к.

постовая молитва – 50 к.

говенье – 1 р.

пасха – 50 к.

2-го мая престол – 75 к.

рождество – 50 к.

поминовение усопших – 1 р.

Свечи – 1 р.

Молебен об урожае – 20 к.

Борис и Глеб престо - 75 к.

Молебен боголюбимой – 75 к.

Харчи духовенству – 25 к.

Высчитайте по этим данным цифрам, сколько в среднем тратит на религию в год д.Самсоново, если здесь имеется 38 хозяйств.

[...]

В деревне Самсонове 38 хозяйств, каждое хозяйство в среднем потратило на Николу – 10 бутылок вина. Бутылка вина стоит 1 р. 60 к. Сколько можно было бы на эти деньги купить валяных сапог бедным детям, если пара сапог стоит 17 р.

Задание 3.

Прочитайте «Родниковая водичка помогла» Лихой (из сборника экономической секции)

Напишите ответы на такие вопросы

- 1) Есть ли у вас в деревне знахари.
- 2) Опиши случай вредного действия лечения знахарем.
- 3) Как надо вести борьбу со знахарством.

Задание № 3.

Прочитай «Ванька и Колдун» стр.131 хр[естоматии] «Школа и деревня».

Ответь на вопросы:

- 1) Что ты слышал или читал про знахарей.
- 2) Как нужно вести борьбу со знахарством.

Задание № 3.

Прочитай «Деревенский знахарь» «О больнице» из хр[естоматии] «Красные Зори» стр.103-112. Ответь на такие вопросы:

- 1) Что ты читал или слышал про знахарей.
- 2) Как надо вести борьбу со знахарством.

Мы ходили заниматься на все церковные праздники, только 2 девочки пропустили по 2 дня. У нас все сняли кресты. [...]

«Какое участие мы школьники можем принять в колхозном строительстве в нашей деревне и в посевной кампании»

I.

- 1/ Собрать все сведения, что говорят в деревне про колхоз.
- 2/ Разобрать эти сведения и выяснить:
 - а) кто идет против колхоза
 - б) какие слухи они распускают
 - в) как советская власть борется с кулаками
 - г) почему советская власть не пускает в колхоз попов и кулаков.

II.

- 1/ Нужно ли идти в колхоз.
- 2/ Какую выгоду крестьяне получают от колхоза в с/х.
- 3/ Как мы можем бороться с ложными слухами:
 - а) разъяснять и доказывать крестьянам, что эти слухи ложные,
 - б) распространять с.х. книги и газетные вырезки
 - в) доказать крестьянам выгоду от коллективного хозяйства решением задачек
 - г) вывешивать плакаты и диаграммы про с.х. в красном уголке или в избе-читальне.
 - д) повесить на стене карту волости и отмечать на ней флажками, где организован колхоз.
 - е) экскурсия в колхоз.

III.

1. Какую работу мы можем взять на себя в колхозе «БОЛЬШЕВИК».
 - а) Уход за садами
 - б) Развести питомник ягодный
 - в) Организовать дет.сад и ясли.
 - г) Сделать игрушки
 - д) Приготовить игры с ребятами дошкольниками.
 - е) Выработать меню.
 - ж) Сшить фартуки.
 - з) Собрать золу
 - и) Собрать утильсырье
 - к) Вырастить рассаду цветочную и томатов
 - л) Посадить картошку с золой
 - м) Повторить опыт с минеральными удобрениями

- н) Починка с-х.инвентаря и сделать новый
- о) Проводить санитарию как в колонии, так и в деревне
- п) Выложить камнем около колодца и сделать сток.

Коллективное хозяйство выгодно тем, что в коллективе легче, чем в одиночку, потому что в колхозах земля обрабатывается машинами и обработка земли машинами стоит дешевле, чем руками. Еще если купить одному хозяйству машины, то будет ему невыгодно, потому что оно только себя обработает землю и машины стоят весь год, а он купил за дорогую цену и не выручит деньги сколько стоила машина. Если же купить машину в колхозе, то будет выгодно, потому что в колхозах земли много.

Самост[оятельная] работа уч[ени]цы IV гр[уппы]. Морякова Настя.

[...]

14/III-30 г.

Что говорят о колхозе.

Собираются бабы у колодца, говорят о колхозе, что там мы будем сидеть не евши и будем работать по 12 часов и тогда не будем есть свое молоко, а дадут тебе половино с водой и хлеба четвертую часть фунта. Еще собираются мужики говорят, что будем работать под плетками, как станешь отдыхать, получишь сто розг и будешь до ночи пахать не отдыхая. [...]

17/II-30 г.

Как проводят мои сестры время.

Когда я был тот год дома на отпуске, то моя сестра ходила в детсад. Она очень боялась там жить, потому что было мало игрушек и не доставалось ей играть. Ее обижали другие ребята. Когда бывает обед или чай, то больше всего белого хлеба доставалось тем, что ухаживал за детсадом. Мыли ребят вех в одном тазу, от этого в д/саду заразились ребята и не стали после этого ходить в д/сад. Стали говорить: мы на надеемся, а дома лучше, чем там. Дома картошки много наешься. И сейчас в моей деревне хотят устраивать детсад, а малыши говорят, там болячки. Я думаю, что теперь за детским садом будут ухаживать другие.

Баранов.

10. Детские сочинения по темам программы ГУС'а за 1926 г.¹

КРИВСКАЯ ШКОЛА

II группа

«О здоровье».

В школе мы больше работаем умом и глазами. Для глаз надо больше света. Свет нужен слева и спереди. Вредно для глаз читать книги плохо напечатанные.

Для здоровья нужен чистый класс и свежий воздух. Уму нужно отдыхать, и мы ходим гулять после второго урока. [...]

КАБИЦИНСКАЯ ШКОЛА

II группа.

Сегодня мы говорили о чистоте и здоровье человека.

Летом мы чистоту наблюдали плохо, было некогда, то растрясали сено, крапиву рвали и рубили, дома разговоров о чистоте не было, а вот пришли в

¹ НА РАО ф.1. оп.1. ед.хр.247, лл.1-7. Машинопись.

школу и начали говорить о чистоте. В школе мы уговариваемся и делаем, а дома жили кто как. [...]

ПЕРЕДОЛЬСКАЯ ШКОЛА

3 группа

В КАКОМ ДОМЕ НАДО ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЗДОРОВОМУ БЫТЬ.

МЫ ЖИВЕМ В НЕЗДОРОВЫХ ДОМАХ. ОНИ ПОЧТИ У ВСЕХ У НАС МАЛЫ, А НАРОДУ МНОГО, ОТ ЭТОГО ТЯЖКО ДЫШАТЬ, НЕ ХВАТАЕТ ЧИСТОГО ВОЗДУХА. БЛИЗКО К ИЗБЕ ДВОР, А СО ДВОРА ПОПАДАЕТ В ДОМ ВОНЮЧИЙ И ЗАРАЗНЫЙ ВОЗДУХ.

ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ДОМ НУЖНО СТРОИТЬ ОТДЕЛЬНО ОТ ДВОРА КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ МЫТЬ ПОЛ, В ОКНАХ ДЕЛАТЬ ФОРТОЧКИ, КОГДА МЕТЕШЬ, НУЖНО БРЫЗГАТЬ, ТОГДА БУДЕТ ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ И ДУШАТЬ БУДЕТ ЛЕГЧЕ.

Желобовский И.А. Работа со стенной газетой. Методическое письмо (1927-1929). Передовая стенной газеты в одной из московских школ¹

О нашей дисциплине

До сих пор вопрос о дисциплине наших учащихся не сходит с повесток заседаний больших и малых.

До сих пор еще многие учащиеся смотрят на дисциплину и школьные порядки как на нечто без цели и нужды навязываемое администрацией.

Так ли это. Конечно, нет.

Всякая организация может продуктивно работать только тогда, когда в ней есть определенный правопорядок, когда в этой организации есть дисциплина, коллективная, цельная. Когда присматриваемся к нашим учащимся, то создается впечатление, что не у всех есть ясное, полное понятие того, что такое школа, зачем они ее посещают и как надо вести себя в школе.

Школа, ребята, учреждение, где человек духовно формируется, превращается из раба в господина природы и вообще получает все знания и навыки, без которых совершенно немислимо продвижение вперед.

Школу надо ценить и ценить не меньше, чем каждый из нас ценит самое дорогое и важное для себя.

Как же надо вести себя в школе. Всякие знания и достижения в работе приобретаются только путем упорного труда, который требует, прежде всего, определенной его организации и потом и глубоко-сознательного к нему отношения. Учащийся в школе должен всегда помнить, что малейшим неподчинением школьным порядкам подрывает их основу, малейшим нарушением школьной дисциплины выводит из творческого состояния весь коллектив, неподчинение или игнорирование преподавателя подрывает у него любовь к учащимся, веру в ценность своей работы и только широко этим способствует разложению всей творчески-трудовой установки.

Эти элементарные понятия о школе и ее порядках должны всегда господствовать в сознании учащихся над разными плохими пробуждениями. Выработать твердую волю, настойчивый и упорный к труду характер, конечно, труднее, чем разболтать себя, сделать безвольным.

¹ НА РАО ф.5.оп.1.ед.хр.135, лл.31об-32. Машинопись. Копия.

Идти всегда труднее вверх, чем вниз, и не надо забывать, что человек с твердой волей, образованный и дисциплинированный есть строитель своего общественного благополучия.

Ребята, наша власть ожидает от вас достойную смену.

Нам необходимо бороться для этого с нашими недостатками. Теперь несколько слов о том, с какими недостатками.

1. С опаздыванием. 2. Уход без спроса преподавателя. 3. Неподчинение воле группы и т.д.

Ребята. Давай сбросим все то, что лишне нашей работе и дружеским взаимоотношениям. Будущее требует от нас спаянности, дисциплинированности, твердой воли и знаний.

Это основная задача нашего времени и школы в частности.

Глава 5. «Меня мучает моя судьба» 1930-1939

1929-1932 годы – время разгара коллективизации и самый жесткий этап так называемой «культурной революции». В воспитательном процессе акцент начал переходить от самоуправления и ролевых игр на дисциплину и борьбу «за новый быт». В рамках коллективизации не только сельского хозяйства, но утверждения общественных ценностей вообще, правильно действо-

вать значило - «ставить интересы партии и рабочего класса выше своих личных интересов», как было сказано в репортаже 1932 г. «Пионерской правды» об убийстве Павлика Морозова. В 1932 г. также была упразднена «бригадная система» в школах, и пионерская организация превратилась из движения детских активистов в инструмент школьной дисциплины и в школьный и внешкольный клуб, предлагающий условия для заидеологизированного досуга детей (через организацию «кружков», спектаклей, игротек, библиотек и ряда других мероприятий). Если в ранние годы пионерской организации в нее впускали лишь самых «сознательных» ребят, то начиная с середины 1930-х было принято записывать в нее практически всех детей подходящего возраста, за исключением самых отпетых «хулиганов» и двоечников.

Пионерское движение стало массовым, но это еще не значило, что идеология все победила. Правда, с ростом культа Вождя, во всех школах уже висели портреты «родного товарища Сталина», которого дети регулярно благодарили за их счастливое советское детство. Однако возрастал также авторитет рядовых взрослых – родителей, учителей, пионервожатых. Правила поведения для школьников 1935 года подчеркивали, что дети должны относиться с уважением к старшим – прошло то время, когда можно и нужно было убеждать отца, что опаздывать на работу плохо и что не надо выпивать. Не мудрено, что в эти годы резко упал интерес к детскому творчеству как к специфическому явлению, особенному виду искусства. Журналы вроде «Юный художник» и сборники детских текстов, например, «Стихи счастливых» (1936) печатали рисунки, стихотворения и рассказы, созданные по канонам классического «взрослого» искусства. В то же самое время, дневники и устная история дают понять, что за пределами учебников и за стенами классных комнат детский фольклор продолжал свое существование, игры остались во многом теми же, как и раньше. С другой стороны, документы этого времени рисуют гораздо менее ободряющую картину жизни бывших беспризорных, чем официальные публикации этого времени. И даже у «семейных» детей счастье ощущалось на фоне значительных трудностей того времени – недоедания, дефицита промтоваров, включая детскую одежду и игрушки, и не на последнем месте – исчезновения родных вследствие арестов и казней периода Большого Террора.

ВОСПОМИНАНИЯ

Детство в диаспоре

Интервью с Мариной Николаевной Феннель¹

[Одной из характерных особенностей предвоенного детства россиян была его дискретность. Детство детей в русскоязычных семьях проходило как внутри Страны Советов, так и за ее пределами, в странах, принявших эмигрантов. Мы помещаем поэтому одно интервью, раскрывающее некоторые аспекты жизни российских детей в Манчжурии и во Франции.]

МФ: Я родилась 8 июня 1925 года в Харбине. Это по новому стилю, конечно. В Харбине, куда мои родители приехали после ужасного путешествия через Сибирь, в теплушке. Они путешествовали в теплушке приблизительно три с половиной года. Они сели в теплушку в восемнадцатом году, в Тюмене, их поезд был прицеплен к поезду Колчака. И они ехали очень долго, и были разные инциденты, так что это все очень долго тянулось... иногда их вагоны просто становились... оставляли их стоять, потом Колчака арестовали из поезда, и все это страшно было медленно, длительно, очень трудно. [...] Потом они переехали границу из Сибири в Манчжурию, в двадцать втором году, и там родилась одна моя сестра, которая до сих пор жива, и после этого они переехали в Харбин, потому что там была дальневосточная железная дорога, и конечно многие русские стремились туда, потому что всегда можно было найти работу. Мой отец был юрист по профессии, так что он нашел работу, и покамест это все оставалось в руках Манчжурии, все было хорошо, а потом это все-таки довольно стало страшно: и Мао надвигался, а позже и японцы. Вот как. И я родилась в Харбине, в русском Харбине. Русский Харбин был огромный. Огромный, огромная была эмиграция. [...]

КК: Остались у Вас какие-нибудь воспоминания про Харбин?

МФ: Вот Харбин... единственное, что я помню, очень, знаете, очень, очень так туманно... просто, там, где мы жили, в каком доме мы жили. Вот это скорее отдельные сцены. Знаете, это очень трудно говорить о воспоминаниях очень раннего детства, потому что ты никогда точно не можешь сказать, правда ли это воспоминания или же это когда-то такое кто-то вам рассказал...

КК: Да, внушали...

МФ: Да, может быть это внушение, может быть это... Но я помню такие инциденты, например... В общем странно, в общем какая-то передняя, там какие-то стояли сундуки, Вы знаете, у всех русских всегда были сундуки, и сундуки приехали с нами из Москвы, то есть с моими родителями, и как я прыгала с этого сундука на пол, это я помню. Потом я тоже помню -- это я уверена, что

¹ Интервью было проведено 17.02.2006, 4.03.2006. Дата рождения информанта: 8 июня 1925. Место рождения: Харбин (семья в 1929 г. переехала в Кламар, под Париж). Отец – юрист, в эмиграции занимался коммерцией, потом занимал мелкие служебные должности; мать – в России не работала, в эмиграции работала экономкой, потом в благотворительном деле. Образование: Училась во французской начальной школе, потом в Парижской русской гимназии; университетское образование по *assistance sociale*. Работала до замужества год попечителем малолетних преступников при суде. Семейное положение: вдова, двое детей, два внука. Интервьюер – К.Келли.

я это помню, потому что никто не мог мне про это сказать -- я помню лучи солнца, и знаете, как бывает пыль в этом... Это я страшно помню. Потом я тоже помню огород, и как я с одним из моих братьев, у нас было три брата и три сестры, с моим любимым братом, мы были на огороде и я вытаскивала морковь, и чистила ее маленьким осколком стекла, который я подбирала и ела ее. Вот это я очень, очень ясно помню. [...] У меня была няня, это я тоже знаю, потому что у меня тоже есть фотографии, няня Женя, которая осталась в Харбине, она не поехала, и потом у меня была другая няня, которая совсем была специальная, и очень, очень большую роль играла в моей жизни, и которая проделала все путешествие с нами... [...] Когда мой отец решил, что надо уезжать, потому что опасно, он очень мудро сделал, потому что у нас, у моих родителей были уже родственники во Франции, один из них был очень, очень состоятельный, он был дядей моего отца, то есть он был мужем родной тети моего отца, то есть сестры моей бабушки. Были русские, у которых были деньги за границей, большей частью это те, которые служили в дипломатической службе. Его фамилия была Бутенев [...] и он прислал просто деньги на наш выезд, потому что нас было уже девять человек: родители, шестеро детей, и моя же няня, которая с нами поехала. Она самое большое влияние была в моем совсем раннем детстве. Она была карлица, знаете, совсем миниатюрная... Она не была деформирована, у нее было все очень маленькое, маленькая голова, маленькие руки, совсем маленькие такие ручки. Ножки такие маленькие. И она с нами прожила. Потом когда я замуж вышла, она со мной поехала в Англию, когда мой сын родился. Я ее прозвала Лили, все мы ее звали Лили, Елизавета Ильинична Савина ее полное [имя] было. У нее был очень сильный характер, она была очень умная, теперь я понимаю, какая она была умная, и она меня всему научила, и воспитала меня, потому, что в конце концов, когда уже в 30-м году приехали во Францию, обоим родителям надо было работать. Так она меня воспитывала. Но она с нами проделала это огромное путешествие, из Харбина мы должны были поехать в Шанхай, из Шанхая мы должны были где-то такой сесть на пароход, доехать до Хонг-Конга, и там сесть на пароход, который уже шел в Америку. Вы представляете себе, какое путешествие? Через весь Тихий Океан. Так что это очень много времени заняло, это было огромное путешествие. Причем вот этот пароход, кажется, я смогу назвать даже имя его, Эльвуд, это был американский cargo boat, мы были единственные пассажиры, так что нас страшно баловали, капитан и все матросы были исключительно милы и приятны. Даже построили качели для моей сестры и для меня, на палубе. Так что мы совершенно удивительно просто [проводили время]. Конечно, были ужасные бури... Но мне сказали потом, я этого совсем не помню, что когда мы вот ехали из Китая, потом в Хонг-Конге, нам пришлось там довольно долго оставаться, потому что никак деньги не приходили на путешествие... Потом в конце концов это появилось, деньги появились. И это самое, самое яркое воспоминание в моей жизни, это путешествие и то, что мой бедный отец протерпел, Вы знаете, было очень, очень ему трудно. Не только ему, всем было трудно, кроме меня, кроме меня и Тани, мы просто блаженствовали, потому что у нас все было, мы очень веселились. Но когда они ехали

через Сибирь, вот это было ужасно. Потому это была одна теплушка, отец мой был единственным мужчиной, и там была его мать... [...]

[Жила семья под Парижем, рядом с родственником, Григорием Трубецким, который купил маленькое имение рядом с Парижем с потрясающей красоты домом, огромным садом и т.д., и построил самую первую эмигрантскую церковь, маленькую деревянную. Вся семья поселилась вокруг, но не на самом имении, а в обычных домах и квартирах.]

КК: И праздники были, естественно, главные Пасха и Рождество... И как они праздновались?

МФ: Рождество? У нас Рождество было всегда одинаковым, потому что этот дядя, вот о котором я говорила, который все это создал, он тоже умер от припадка сердечного, накануне Рождества... знаете, наше Рождество 7-го января?

КК: Сочельник, да...

МФ: И он умер от припадка 6-го, когда мы, наша семья, Лопухины, причалили в Le Havre, так что моя мать никогда уже его не застала в живых. Но всегда после этого сделалась такая традиция, что в день сочельника, после всенощной, которая была очень длинная и очень поздняя, конечно, не для маленьких, а для более взрослых, была огромная елка, у Трубецких. Честно говоря, никакого русского обычая здесь нет, потому что это была просто светская традиция, но потому, что это было рядом с церковью, конечно, это был [также и] церковный праздник. [...] Огромные подарки, но никаких ни танцев, ни водки, ничего, потому что это, знаете, канун Рождества, это очень постный день. Так что всегда были определенные вещи, например, я так помню. Потом одна моя тетя умела делать это мятные пряники. Вы знаете, что это такое? Это просто потрясающе, я никогда больше нигде этого не видела. Такие были маленькие белые, страшно легкие, я знаю, у меня есть рецепты, но никогда ничего у меня не вышло, и это абсолютно постное, совершенно. Можно было веселиться, потому что елка была такая огромная, у них очень была красивая гостиная и столовая, так что она до потолка была, и висели вот эти, и потом грецкие орехи висели, золоченные грецкие орехи, мандарины, вообще такие вещи как финики, все это было постное. [...] Детей принимали в другой день.[...]

[Семья самой информантки сначала жила в маленьком домике, потом, когда стало хуже с деньгами, они переехали на квартиру.]

Инф.: Была одна комната внизу, это я точно помню, одна большая комната, это была гостиная и столовая и спальня моих родителей, и маленькая кухня была. Так... мы входили, и так надо было подниматься по ступеням, и был маленький-маленький спереди садик, и шел вокруг и сзади просто маленький цементный дворик, где можно было вешать белье, и все. А наверху было, значит, две комнаты [...], и потом такой большой чердак, знаете, который отапливался такими огромными блоками, которые были сделаны из опилок, под крышей, я помню, там было и тепло, и прохладно, я знаю, там жили мои два брата, а вот старший брат Сергей, вот у него была просто такая малюсенькая комнатка, как... знаете просто... как шкаф..

Соб.: Чулан...

Инф.: Да, чулан, но там все-таки было окошко... Но так как он был старше, ему все-таки дали эту привилегию. Но там, правда, мы не очень долго остава-

лись, потому что было очень приятно, было тихо, наверно, там было дешевле, потому что я знаю, были и другие русские...

[Например, рядом жил знаменитый богослов Владимир Лосский, информантка помнит, как родился у него сын, напротив были князь и княгиня Путятинны. Сестра отца и двоюродные родичи жили неподалеку.]

Соб.: Так что у вас была, так сказать, своя детская компания?

Инф.: Ой, да, масса! Вы не можете себе представить, какое количество у нас было! Потому что в то время у всех было много детей. Я должна сказать, что у нас было шестеро, потому что моя мать родила старшего сына и двух следующих, они были близнецы, это они еще родились до войны в России, потом один брат родился в Тюмени, когда отец сидел в тюрьме, Таня родилась уже в Манчурии и я родилась в Манчурии. А кроме этого было пять человек, потом вот четыре – это все были двоюродные и троюродные, и мы все росли, в общем, вместе. Это было очень хорошо.

Соб.: Да, я думаю, что да. А какие игры были у вас? Были ли какие-нибудь любимые игры?

Инф.: Нет, Вы знаете, потому что, во-первых это все было регулировано школой, потому что до войны во Франции четверг был свободный. Поэтому постепенно повсюду в Париже начались четверговые школы, для изучения русского языка. И одну такую школу начала моя тетя по матери, которая потому стала просто очень очень очень хорошей учительницей, и она в общем с нас начала, начала эту четверговую школу, она нас учила писать, читать по-русски, и нам первые [дала] знания литературы... Мы, Лопухины, были воспитаны на чтении вслух, отец нам всегда все читал вслух все классики, и это была такая, знаете, база всего нашего воспитания, мы всех знали классиков, и он совершенно удивительно был одаренный в этом отношении, очень театрально было, когда он читал; это было страшно ярко, знаете. А эта тетя, тетя Тоня, она нам вообще давала такую, если хотите, такую историю литературы, знаете, потом мой дедушка по матери стал священником, он нас учил закону Божьему. Потом вся эта группа, вся эта четверговая школа более или менее состояла только из двоюродных и троюродных. Был один или два человека из Кламара, потому что в Кламаре было много русских, кроме нас, так что были отдельные лица, с которыми мы тоже росли, в общем, фактически. В смысле игр, я не могу сказать, чтобы были... Вы знаете, когда был перерыв в четверговой школе конечно, мы играли в прятки, в жмурки, я думаю, что скорее если Вы хотите насчет игр, надо думать скорее о рождественских елках, я Вам сказала про одну, ну в общем у всех были елки, и тут конечно во-первых вели хорошоды, вокруг елки, одна из моих тетей была совершенно гениальна, брала гребенку и покрывала ее очень тонкой бумагой, знаете, такой папиросной бумагой, она могла просто каким-то образом мелодию создавать... Это замечательно! Я как это хорошо помню, как это делалось! Потом всегда приходил Дед Мороз... Конечно, подарки были самые такие маленькие, но просто было невероятно весело, самым простым образом. Мы все были очень избалованны. Единственное, чем мы были избалованы, это семьей, присутствием семьи, очень сильной семьи, и такое чувство принадлежности к семье, это колоссальное, для эмигранта это очень важно.

КК: Да. И вот, например, именины праздновались?

МФ: Праздновались, конечно. Именины праздновались гораздо больше, чем рождения.

КК: Да, конечно, это же традиция.

МФ: А теперь это совершенно пропадает, к сожалению. День ангела. День ангела... мы в семье почему-то это выражение не употребляли, мы говорили именно об именинах. Знаете, у нас есть такие просто разговорные разницы с некоторыми. Например, мы не говорим *ма́ма* и *па́па*, мы говорим *мама́* и *папа́*... это звучит очень снобистично, но я не знаю, почему это так, но я просто никаким образом не могла бы свою мать называть «*ма́ма*», я даже, когда про нее говорю, я говорю «*моя мать*», чтобы не шокировать и не сказать «*мама́*». [...]

КК: Да. Но родителей, Вы их все-таки называли на ты, да... [...]

МФ: Конечно...

КК: Я просто знаю, что были такие семьи...

МФ: Я знаю, я знаю, я честно говоря, я в своей семье, даже самой такой просторной, никогда таких не встречала... Я не помню, Вы мне напомните, в «Войне и мир», Мария Волконская своему отцу говорит «Вы» или...

КК: Да, по-моему да¹.

МФ: Ну, я просто этого никогда и никогда не встречала.

КК: Да. Но моя мама помнит... ну вот, я говорю не о русских, но она жила два года в Париже, и в близости была одна семья из обедневших аристократов-французов, которые тоже так общались с детьми, и даже, по-моему, они к детям обращались на вы.

МФ: На вы? Как это странно! Вы знаете, единственный пример, но это было просто очень странное явление, это уже с стороны моей матери, знаешь, она рожденная Осоргина, ее мать была княжна Трубецкая и так далее, а он, Михаил Осоргин, единственный сын, между прочим, они очень были состоятельны, Осоргины, он был лицеист, знаете...

КК: Да, да...

МФ: И сделал очень очень блестящую карьеру, он кончил губернатором, и у него, у дедушки с бабушки, было, значит, три сына, и четыре дочери, семеро, из коих две дочери, последние две дочери, Тетя Мария, это художница, вот все эти вещи она сделала, это все ее рисунки [*указывая на стену*], и тетя Тоня, Антонина Михайловна, это она была нашей учительницей, потом она под конец жизни она стала монахиней, и они абсолютно неразлучны, совершенно, абсолютно неразлучны, и просто обоготворили друг друга, и они друг друга называли на вы.

КК: Да, да.

МФ: Но это просто такое... можно сказать, чудачество какое-то, потому что это ни на что [*не похоже*]... А вот именно, вот кого бы я не взяла, я не разу в жизни не встретил кого-то, который называл бы своих родителей на вы.

КК: Да, да. А с родителями отношения были близки, наверно, да?

МФ: Да, да...

¹ Так и есть; а князь Болконский обращается к дочери то на вы, то на ты («Идите, княжна Марья. Иди и скажи Лизе. Я приду», т. 2. ч. 1 гл. 7).

КК: Несмотря на то, что, конечно, воспитывала няня...

МФ: Да, да, конечно... Но все равно это присутствие... И моя мать имела на нас колоссальное влияние, колоссальное влияние... И мой отец, тоже отец, я вам сказала, он нас воспитал в смысле культуры, и потом, когда мы стали немножко подрастать, особенно во время оккупации, когда было очень холодно, голодно, безумно холодно, и ужасно страшно, потому что у меня один брат сидел военнопленным, и потом это уж было вообще жутко, он ставил разные пьесы, и все развлекались тем, что всегда что-такое было. Когда мы были еще детьми, тетя Тоня нас приучила, потому что мы разыгрывали на Рождество, у нас, значит, в четверговой школе был специальный праздник, и мы готовили такое... что-то такое из русской литературы. Например, я помню как она с помощью моего отца поставила и мы разыгрывали это, «Приезд Лариных в Москву», из «Евгения Онегина»... Вот я просто наизусть все это знала, я играла эту старуху, которая принимала гостей Татьяну и ее мать... И потом «Пиковую Даму» мы ставили, и страшно было весело и интересно... Мы так переживали, волновались, и потом вот во время оккупации это уже было огромное предприятие, потому мой отец поставил целую оперетку... [...] Когда мы были совсем маленькие, когда мне было шесть-семь-восемь лет, скажем, весь Кламар стоит на опушке леса, и мы просто абсолютно безбоязненно, мы все ходили играть в лесу, знаете, в прятки, это самое... потом в казаки-разбойники, в самые такие сорви-голова, если хотите... Но всегда было весело и абсолютно безопасно [...]

Было принято только один раз исповедоваться в год, теперь это абсолютно все иначе, но это колоссальное имело значение и было обставлено совершенно особенно, и это я очень ярко помню, это было как раз именно до войны... По традиции дети начинают исповедоваться, значит, это уже начало сознательного детства, в семь лет, и первый раз, значит, причастие, вообще приносят детей причащаться как только они крещены, после, когда угодно и сколько угодно, а тут это было совершенно что-то особенное, и я так помню, как... это говение в доме, это всегда было на Страстной Неделе, знаете, неделе до Пасхи, всегда было в Великий Четверг, в Великую Среду мы исповедовались, и потом... почему-то... [наверно] потому что мы довольно жили на отлете жили, может быть было не так, но почему-то моя мать всегда всегда всегда нас всех забирала в лес, и почему-то я так это ярко помню, что это было и очень как-то страшно, потому что мы все конечно исповеди все боялись, про себя говорить, какая ты была нехорошая, что это было плохо так сделали, при чем что священники нас всех так хорошо знали, под конец это был мой собственный дедушка, но все равно это присутствие Христа, и как-то это было все обставлено с большим сосредоточием, и нас мать уводила в лес, и мы как-то попали на дерево, дерево которое упало, и мы всегда вот приходили к этому дереву, я до сих пор тоже могу Вам просто ощупью его описать, знаете, такую вот эту кору, которая была вот мхом покрыта, но никаких не позволялось бурных [игр] там... беготни, никаких игр, мы просто сидели очень мирно и очень просто, и разговаривали, и почему-то такое моя мать нам давала такие что-то вроде сэндвичей, мы их называли бутерброды, с сардинками, вот абсолютно

вот... я могу тут, вот точно вкус я сейчас чувствую, и это всегда было, всегда... [....]

[После окончания начальной школы в Кламаре поступила в русскую гимназию.]

МФ: Русская гимназия была совершенно изумительное место. Конечно, мы были страшно привилегированны, потому что у нас такие были изумительные учителя, у нас были учителя, которые по-настоящему должны были бы работать в Сорбонне, некоторые были профессорами в Сорбонне, все-таки, такой Лозинский, например, был, он был невероятно [блестящий]... Мочульский¹, например, он у нас тоже был в гимназии... Невероятно ... Кто там только не пребывал... Но мы там массу, конечно... страшно веселились, мы балаганили жутко, но мы все оставались дружными. Это был такой расцвет гимназии до войны... [....]

[Летом она всегда отдыхала в лагерях Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Девочки и мальчики отдыхали отдельно, на юге Франции, на берегу; в первый раз она рыдала, так как никогда не уезжала из семьи, потом «веселилась от души».]

МФ: Это был целый месяц такой природной, но очень дисциплинированной жизни. Знаешь, в какой-то определенный час мы все вставали, потом была какая-то гимнастика, потом мы, конечно, мылись, одевались, шли в церковь, всегда была палатка церковная, и шли в церковь, потом были утренние молитвы, потом шли пить кофе, не кофе, а первый... хлеб там с маслом или вареньем, я не знаю, чай, вряд ли детям давали кофе. Очень равномерно у нас такие были занятия, у нас был русский, у нас были занятия законом Божиим, потом мы все шли на пляж, и после пляжа мы все возвращались и был, значит, обед, и после этого был тихий час, когда мы все должны были лежать и молчать, конечно это не очень [получалось]... [смех] А потом был свободный час, и это было страшно приятно, особенно когда мне было одиннадцать-двенадцать лет, мы тогда ходили, тут же начинались эти холмы, знаете... Alpes Maritimes... которые были покрыты соснами, с кедровыми орешками, знаете? Боже, какое это было наслаждение! Мы собирали шишки, потом возвращались туда, где мы все жили, и разбивали эти орешки и ели кедровые орешки... это просто было наслаждение. Потом опять, если хотели, вот второй пляж, это было необязательно, кто хотел, можно было опять ходить купаться, и так как лагерь всегда был не на самом берегу, а довольно далеко, километра два, так что некоторые, конечно, ленились и не ходили, тогда какая-то руководительница оставалась с ними. Большие были эти лагеря... Потом у нас тоже была церемония всегда, поднятие флага, поднятие и спуск флага... И в это время, когда поднимали, мы все стояли в рядах, и мы пели «Коль славен Бог», Вы знаете, это настоящее... it's a hymn, это не молитва, но это всегда, значит, полагалось петь. И вот спуск флага, это уже, знаете, уже смеркалось, и потом южные вечера, это такая красота, я так помню, возвращались, когда мы как возвращались из палатки, где была церковь, это южное небо, которое прямо над вами

¹ Т.е. Константин Васильевич Мочульский (1892-1948), автор известных работ о Достоевском, Белом и пр.

висит, со звездами... До чего это все было красиво! Мы правда в этом отношении были так избалованы... Такой природой, такой красивой природой...

КК: А флаг какой спускался? Это был русский?

МФ: Да, русский как раз. Абсолютно ничего французского. По-моему, уже потом, когда я была замужем... Лагеря же продолжают, они должны иметь французский флаг, он никогда не спускается, он всегда, а русский всегда спускается и поднимается. И всегда так было. Французский флаг, в начале его не было. Как-то... Это, может быть, одна из плохих вещей, вот это, в эмигрантской жизни, вот когда я теперь думаю, уж такая настойчивость на нашей русскости, знаете, которую очень было трудно сохранить, и потом я совсем не уверена, хорошо ли это было, потому что это нас отгораживало от населения, и мы чувствовали, что мы не такие, как другие, я никогда никогда никогда не смогла себе сказать, что я француженка, это абсолютно невысказуемо, так же, как я не могу сказать, что я англичанка, а какая я русская, если я поеду в Россию теперь, все говорят, что я замечательно говорю по-франц... по-русски, но, но, но... у меня же, я даже не родилась... так что фактически у вас нету почвы. Эта беспочвенность очень плохая вещь... [....]

Не было никаких болезней, не было никаких... Знаете, люди умирали от старости. Я помню, прекрасно помню смерть моей бабушки, Лопухиной, когда мне было восемь лет, как меня подняли, как мать нас подняла рано утром, это было, как раз только что было ее годовщина, в феврале, подняла Таню и меня, и говорила, девочки мои, бабушка умерла, мы должны идти на панихиду. Это в первый раз я видела мертвого человека, знаете, никому, никому не пришло в голову меня предупредить, что будет, как это будет, и так далее, и обычно дети довольно так естественно относятся к этому, а я безумно испугалась, но я никогда не могла этого сказать, мне как-то было стыдно этого факта, что вот что я боялась, но тем не менее это огромный шок... И потом это так запечатлелось на меня, все что касалось ее, я даже написала об этом, кстати, маленький рассказ, именно о ее смерти и о ее похоронах, потому у меня это так врезалось в память [....]

КК: И сколько Вам тогда было лет?

МФ: Восемь.

КК: Восемь. Ну, все-таки да... Так что, наверно, какой-то перелом в жизни?

МФ: Это был огромный перелом, но к сожалению это оставила такой осадок, что у меня... мне очень трудно до сих пор... я может быть сотни видела мертвых, но я... у меня первое такое... хуп! [*издает слабый крик ужаса*], *hour de souer*, как французы говорят [...] Меня это преследовало, у меня было такое... ужасная вещь, когда мы уже тогда жили не в маленьком доме, мы уже успели переехать. И на квартире, и меня вечером очень часто... знаете, ни у кого не было ледников и так далее, и все покупалось тут же, меня как младшую всегда посылали купить молоко и масло, и знаете такие были бидончики, бидоны, для молока, так что я шла тогда за молоком, и все эти магазинчики были открыты допоздна, и потом я должна была возвращаться туда, где мы жили, и тут прямо предо мной – я обходила, и тут прямо начиналась лестница, мы тут жили на третьем этаже, и со стороны лестницы, вот лестница была здесь, совсем близко было дверь подвала, и вот мой страх – каждый вечер я была уверена, что от-

кроется дверь и выйдет мертвая бабушка... И знаете, я просто видела, я знаю, что это неправда, но вот сейчас я Вам говорю, я просто это вижу. Я неслась по лестнице – просто неслась! Но никогда никому не сказала об этом. [...]

КК: Но что касается хозяйственных дел... например хождения с бидоном и так далее, ждали от детей, чтобы они помогли?

МФ: Все помогали! Все помогали! Конечно! Вот моя маленькая Лилиша, вот такая малюсенькая, она же на всех готовила, и она так... плита, знаете, газовая плита, ей сделали, у нее была такая маленькая скамеечка, она стояла на скамеечке и вот такие вот огромные кастрюли, она всю нашу ораву, знаете, и конечно, мы приходили, надо было мыть посуду, мы все помогали, еще бы! Господи! Да не было... не было разговора даже... [...] [*Одна она из всех братьев и сестер принадлежала Движению (т.е. РСХД).*]

МФ: Я страшно была привержена. Потом у нас каждое воскресенье были собрания, знаете, мы собирались мы... опять с какими-то занятиями, никогда не собирались просто, чтобы играть [*пробел в записи, описывает, как читали, играли на гуслях и т.д.*]. Но что-то всегда была с подкладкой культурной, а потом, конечно, у нас были перерывы, мы играли там в волейбол, и мы играли, играли, вообще, бесились... как-то, знаете, у нас было масса энергии у всех. Но на всех этих собраниях мы должны были одеваться в форму. И поэтому все это было очень подтянуто, знаете. И всегда на фоне этого, всегда была церковь. Знаете? Абсолютно всегда. И как... это все отдает совершенно другое измерение. Не потому что я говорю, что мы были какие-то святые дети. Совсем нет. Мы совсем были несвятые дети. Мы шумели, и мы себя плохо вели в церкви, наверно, определенно, я уверена, но тем не менее это всегда было присутствие. Большое присутствие.

КК: Да. И наверно не было ощущения каких-то подростковых конфликтов и так далее? Потому что... ну вот этот процесс дистанцирования от родителей просто не случался...

МФ: Нет, нет, совсем нет... Нет, я должна сказать, что когда я помню, когда я вспоминаю, и понимаю, что действительно, по сравнению с тем, как я жила замужем, когда полный достаток и удовольствие, и я воспитывала своих детей, у которых все было, у меня ничего не было, но честно говоря, я думаю, что я была счастливее, намного. Потому что это именно было такое... такая какая-то... твердая... вы знаете... когда... вы себя чувствовали в защите, знаете, это... я думаю что сейчас это, как-то, в маленьких семьях, которые как-то потеряны в каком-то море, вот это у нас никогда не было. Я говорю про себя, знаете, вот если бы Вы стали спрашивать мою сестру Таню, которая сейчас в Париже, то есть во Франции живет, я думаю, что у нее были бы совсем другие воспоминания, она не так легко дружилась, во-первых, с людьми, она не так легко училась, как я... у нее как-то все, все, все иначе у нее складывалось, но все-таки вот чувство семьи, и так далее, это конечно безусловно, абсолютно такое же, такое же. Мои братья мне трудно сказать, потому что старший брат все-таки на одиннадцать лет меня был старше, знаете, он очень был застенчивый, и он ужасно меня любил, но он ужасно меня любил, вот все братья меня дразнили, вот я очень много от этого пострадала... [...]

[Следует рассказ о работе родителей – у отца случилась беда с нечестным сотрудником, который вовлек его в свои дела, после того ему было трудно устроиться на работу, а мать сначала работала у богатых американцев.]

А потом она стала работать гораздо более интересно, потому что... Вы может быть слышали, что была такая семья Зерновых?

КК: [кивает головой]. Я знаю, да.

МФ: Это было такое исключительно одаренное четверо. Их было две сестры и два брата. Один брат, который был здесь, он начал все эти... St Gregory and St Macrina, Fellowship в Лондоне и так далее. Младшая из них была такая Софья Михайловна Зернова...

КК: Слышала, да...

МФ: которая была совершенно поразительный человек. Она была страшно энергичная, страшно... очень видная... она была высокая, очень умная, и она начала такие дела, как... Во-первых, она открыла бюро, именно для эмигрантов, чтобы им помогать не только находить работу, знаете, когда Вы были эмигрантом во Франции, это было ужасно тяжело, потому что у Вас не было права работы, если Вы это не получали в префектуре. Для этого надо было предоставлять кучу бумаг, надо было стоять или сидеть в очереди почти целый день, и бедные русские, которые... я не говорю про мою семью, потому что они все говорили на языках, но все русские, которые приезжали, и которые были просто не очень культурные, они безумно страдали, они ничего не могли сделать, и все это шло к Софье Михайловне, и в конце концов она настолько стала известной, что французские власти стали с ней очень считаться, и она просто помогала тысячам, и вот моя мать с ней работала.

КК: А, да.

МФ: И потом Софья Михайловна начала... вот моя тоже... Софья Михайловна, вот она начала дело приюта, и потом она начала дело также для стариков, но главное приюта, это было самое его большое дело, это было под Парижем, о... это называлось Villemoisson, это по дороге... [...] Потом она начала устраивать поездки для детей в Швейцарию и в Англию, так что вот... И моя мать всегда с ней работала до самой войны. Но после войны все вообще стало очень трудно, и мои родители никогда после этого не работали, я думаю, что это было очень мудро, потому что не было никогда никакой политики в нашей семье, я думаю, что это был такой способ самосохранения, думаю, у моего отца, так вот это печально, безумно нуждались... Но к счастью у нас не было долгов, это счастье. Сначала, конечно, мои родители заложили все золотые вещи, конечно их потеряли, потому что они не могли их выкупить, но жили, все-таки, все-таки жили...

КК: Но они никогда не приняли советского гражданства, естественно...

МФ: (ослышавшись, поняла «французское гражданство») Моему отцу, вообще, это было исключено, ему бы не дали, а нет, как ни странно, как ни странно, они не приняли, потом моя мать тоже не хотела от своего имени, если ему не дадут, зачем ей иметь? Моим братьям, конечно, потом предложили гражданство, потому что их призвали на войну, хотя были еще passeports Nansen, мне предложили гражданство, когда я получила уже английское гражданство... [смех] [...]

Соб.: Я знаю, что организовались в Париже такие Дни памяти русской культуры...

Инф.: Ой, еще бы! Дни русской культуры, это было только до войны, после этого [таких] не было. Нанимался огромный зал, недалеко от Porte de Saint Cloud, я так помню, и все организации, русские организации, детские организации, и для молодежи, все принимали участие. До войны очень была сильна организация Соколов, они отличались физкультурой, было поразительно, Вы знаете, вот на брусках и так далее, гимнастика... Принимали участие какие-то спортивные, какого-то рода спорт... Потом... Я не помню, чтобы были бы пьесы, но декламации, или хор. Вот такие. Но это позанимало целый день, и всегда очень-очень много, всегда была масса народу, но как ни странно, моя семья абсолютно этим не интересовалась, я принимала участие, потому что я была в Движении, там, мы там маршировали и так далее, но они совершенно не интересовались. Мой дедушка, который приехал из России год после нас, он с большим подозрением относился к Движению, считал, что это немножко как Opus Dei или Зоё¹ в Греции, знаете, это церковь внутри церкви, я думаю, он ошибался, честно говоря, но он поэтому как-то... мало было интереса к этому. А я ездила, потому что было всегда страшно весело, страшно весело, и вообще... играли, и на балалайке, знаете, были балалаечные оркестры, потом все пели такие марши или русские песни, было вообще очень весело. Именно это называлось «День русской культуры».

КК: Да, да, да. И наверно там особенно отметили юбилей Пушкина, да? В 37м?

МФ: Да, да, но это не Дни русской культуры, это было совсем отдельно, да, это совсем отдельно. Конечно, мы все учили наизусть Пушкина, и все декламировали Пушкина, как я рассказала Вам, моя тетья, которая потом кончила монашкой, начала эту школу с нами, она нас учила русскому языку, читать-писать, вообще русской культуре, и ставила маленькие пьесы, маленькие сцены из Пушкина, особенно из «Евгения Онегина». И потом из Гоголя тоже, между прочим, масса была, мы всегда играли Гоголя, я помню, как я должна была играть Коробочку. [Смех]

КК: Это хорошо! Лет в 14 Коробочку!

МФ: Это было замечательно... Так это все было весело! Знаете, как нам мало надо было, и как мы много от этого получали! Поэтому, конечно, мы гораздо... Вот настолько... Вы знаете, иметь сразу два языка, какая это привилегия!

КК: Конечно, конечно...

МФ: Так что Вам... знаете, вся французская литература... все открывается, весь французский мир, и потом... а русские, с которыми Вы все время растете, вообще, с этим... Это колоссальная вещь, колоссальная. [...]

КК: Еще два вопроса, так сказать, общих... Вот первый вопрос, это такой вопрос, который мы опять-таки задаем всем информантам... ну... Мы можете рассказать про первое событие, не связанное со семьей, которое Вы помните?

МФ: Что?

КК: Первое событие, не связанное со семьей.

МФ: Не связанное?

¹ Т. е. благотворительная организация греческой православной церкви.

КК: Не связанное...

МФ: Первое событие? Ну, конечно, это начало моей жизни в Движении, когда я стала ездить в лагеря. Это абсолютно не семейное, это что-то совсем другое, и это безусловно огромную роль сыграло в моей жизни, потому что все мои друзья потом оттуда пошли. А потом, кроме этого, знаете, когда... в конце концов, война началась, когда мне было пятнадцать лет, и это сыграло огромную роль, потому что [...] мы выехали последним поездом из Парижа. С целой колонией детской, как раз колония Софьи Михайловны... из Villemoisson... и после этого взорвали все мосты на Луаре, и мы приехали, основная вся эта масса беженцев, и детвора и так далее, и это очень большое было столкновение вне семьи, в общем-то это было имение, которое принадлежало одной француженке, принадлежала ей, потому что она была вдова, чья-то, но была замужем за русским, который когда-то такой, каким-то образом работал в Villemoisson, и знал Софью Михайловну Зернову, поэтому он уговорил свою жену, которая страшно его любила, и поэтому все делала, и все эти просто сотни кинулись на них... Замечательный был помещичий дом, Вы знаете, просто очаровательный, который был совершенно превращен Бог знает во что, вроде, такие чудные, знаете, старинные французские гостиные, расписанные огромные потолки, все это было разделено на такие комнатухи, весь приют туда поселился, эта самая, моя бель-сер, у нее было прозвище Треша, она крещенная Александра, но почему-то ее называли Треша, Трешу с ребенком и меня поселили в малюсенькую комнатуху под крышу, это было еще лето, и было очень хорошо, потом нас всех переселили, вселили к нам еще кого-то... А мои родители остались в Париже, а потом решили, что... немцы надвигаются, и надо уходить. И какой-то дядя или двоюродный брат довез их на машине до этих самых мостов знаменитых, уже что-то было сделано и можно было перейти Луару, и потом они пошли пешком, и они шли пешком, пока они не дошли до нас, и мы были около Limoges... [...] и мой отец, во-первых прекрасно знал географию Франции, а потом они шли маленькими дорогами, и было... мои родители, была, значит, моя старшая сестра, которая теперь умирает, и другая сестра Таня, которая на четыре года меня старше, и моя маленькая бедная карлица, знаете, няня, которая совершенно изнемогала, совершенно, знаете, ноги натирала, башмаки натирала, было жарко, маленькими дорогами, потому что все беженцы шли по большим дорогам, и было ужасно, потому что их обстреливали сверху итальянцы, знаете... Которые были союзники немцев... Они шли абсолютно невредимые, ночевали там какие-то... на сеновалах, и так далее, и в конце концов дошли до нас. Вот это было столкновение абсолютно вне семьи, это было что-то невероятное. И потом мы жили на какой-то старой ферме, в одной комнате, колоссальной, знаете, такие бывает во Франции и наверно в Англии то же самое, весь нижний этаж это одна комната, и вот мы в такой поселились, огромный был камин, где можно было готовить, знаете, так что на этом, потом... и тоже... в это же время вся французская армия отступала... знаете... ужас! Какая... Боже, какой позор! И мы были окружены солдатами, которые ... значит, они нам стали помогать, они даже нам построили стол, [...] и скамейки они нам сделали, так что мы... И с одной стороны было сено, так что мы покрывали это чем-то такой, там ночевали мои

родители, и была маленькая занавесочка, где можно было мыться, а с другой стороны были все мы, значит, моя няня была, потом обе сестры, и потом еще к нам присоединилась одна родственница, и мы так все вповалку ночевали. [...] Это было какое-то чудо сороковой год, до этого, тридцать девятый год до сорокового года, это была какая-то война-не война, а после этого это началось серьезно, так что вот это вот большое, это огромное было, вот для меня, все-таки я была совсем девчонкой вот, это колоссальная вещь. И потом я в первый раз начала работать, потому что нас кормили, поили, я должна была что-то делать, мы смотрели за детьми, и потом, кроме всего прочего... потому что мы жили на ферме, мы должны были с Таней стеречь баранов.

КК: Да??? [смех]

МФ: Ха-ха-ха! Какие... Боже мой, какое это глупое животное! Главное, их стеречь, чтобы они не шли в какое-то поле, где они могли есть какую-то траву, которая страшно была для них вредна. Так что у нас были какие-то хлыстики, и мы абсолютно никогда в жизни такими вещами не занимались, поэтому они голову упирались, знаете, в живую изгородь, и так стояли, все... Потом иногда мы должны были работать, знаете, на огородах, знаете, все сорные травы, это по-русски называется полоть, полоть все грядки, так что работали, ну очень хорошо, слава Богу, что бы мы еще делали? Ходили по грибы, конечно, когда началось, когда уже стало приближаться к осени, уже грибы пошли, ходили за грибами, работали, потом вечером возвращались, сидели все за столом, и солдаты очень хорошо к нам относились, они постарались помочь, как-то... так что... Это большая была страница моей жизни, большая.

КК: Да. А как было там с питанием там, ну...?

МФ: Ну, там, конечно, было гораздо лучше, чем в Париже. Потом, когда Франция была разделена, это оказалось в так называемой Свободной Франции, конечно, все было абсолютно пронизано этими нацистами, безусловно, но тем не менее... это все только были фермеры, у них были все-таки всех коровы, все были, так что делали сами сыр, потом делали свое масло, свой сыр, творог... так что это было в изобилии, просто в изобилии... И потом у всех были огороды. Там огород. Конечно, стали пропадать вещи, постепенно стало труднее с сахаром, знаете, вот такие вещи, которые не растут, соль никогда не пропал, но продолжали печь хлеб. В конце концов, после... я не помню сколько недель, все-таки пришлось моему отцу [вернуться] [...] и мо[ей] няне тоже... двинулись возвращаться обратно... [...] Это было очень сложно, потому что надо было проходить зону, такую буферную, которая была между Свободной Францией и Занятой Францией, там даже поезда не шли, надо было уйти пешком, так что мы спускались с поезда и шли пешком, и тогда проверка всех документов и так далее. Так что они уехали, и через какое-то время моя мать тоже уехала, потому что старалась конечно наниматься на работу, потом что деньги иссякли совсем, и оставила Таню, мою сестру и меня вот в этом... вот их фамилия была Хлоповы, она была француженка милейшая, совершенно, милейшая. И мы остались с Таней, и это было совершенно просто потрясающе, потому что мы росли, росли, и мы жили там как в общем, как их дочери, и мы ездили с ними на базар, мы ездили на огромной ярмарке, потому что они начали дело, они стали искупать уток и куриц, во-первых, чтобы воспитывать их,

чтобы продавать, и кроме всего прочего, чтобы... Не знаю, что они тогда делали, может быть, тогда уже были какие-то морозилки, я не помню, я помню, как надо было эти перья вынимать из этих куриц, которые уже были убитые, и масса была маленьких блох, знаете...

КК: О Боже!

МФ: Это ужас! И мы сидели в какой-то маленькой комнате, у нас перья были прямо так вот! [*показывает*] И оттуда скакали эти блохи, о Боже! [*Смех*] Мы все это делали... И потом, что было очень, очень приятно, все делалось на лошадях, потому что лошади остались после армии, знаете, потому что французская армия же совершенно не имела никакого, не было тогда настоящей артиллерии, как мы теперь понимаем, все было на лошадях, всех лошадей реквизировали, и потом они их оставили, так что мы запрягали лошадь в колясочку, старую, вдвоем, а все-таки... Тогда мне уже минуло 15... нет, мне все-таки пятнадцать лет было, и мы ехали, сами правили этой лошастью, и ехали продавать масло в следующий маленький городок, и там масса была беженцев, которые просто на нас бросались, потому что все хотели этого масла, в городах его уже не было, потом, значит, мы привозили все деньги обратно, конечно, уже возвращались без масла, но мы управляли этой лошастью, больше никогда в жизни это не делали! Это поразительно. [...]

КК: Ну, было ли такое, что вот там проверяли документы, например?

МФ: Нет. То есть... Никто никогда не приходил. Не разу не было проверки, но когда мы с Таней должны были потом возвращаться одни в Париж, вот тут была проверка всех документов все время. Было очень неприятно. Я должна сказать, что для меня... я не знаю, как Таня, так как я никогда не спросила. Она к тому времени приобрела себе маленькую собачку, и совершенно настойчиво везла ее в Париж. Так и приехали с собачкой. Но у меня был ужасный шок, когда я увидела всех немцев. Как это! Хотя я была не француженка, и никогда себя не чувствовала француженкой, но это просто было страшно. Все страшно с ними, вот такие были молодые, очень корректные, очень милые, но такое было омерзение к ним, совершенно. [...]

КК: Так что Вы все время общались с русскими, и говорили все время на русском?

МФ: Дома не было вопроса об этом. Все время на русском. Тем не менее, мы все владели прекрасно французским.

КК: Да.

МФ: Может быть... Я помню, когда [был] последний лагерь РСХД, Русского Движения. Это было в 39 году, как раз, когда мы были в лагере, объявили войну. Вот тогда уже стал вопрос языка. Потому что я помню, что нас наказывали или какие-то у нас были штрафы, если мы говорили по-французски, мы должны были выучивать какое-то длинное стихотворение по-русски, и вставать и говорить это во время ужина, например. Это было неглупое наказание!

КК: Ха-ха-ха!

МФ: Так что это уже началось. До этого ничего не было ничего, все говорили по-русски. Все.

КК: Так что то же самое в студенчестве, в молодежные годы?

МФ: Да, да, да. А так мало-помалу, конечно, из-за того, что... из-за школ, французских, и так далее, конечно...стал появляться французский, и теперь это.. по-моему это просто до того грустно, потому что... Например, дети моих племянников, они вообще не говорят по-русски, хотя у них тоже оба родителей, с той и с другой стороны русские. Так это странно! Потом они идут, поступают в лицей, и там начинают учиться русскому! Это какой-то абсурд такой! Все-таки это каким-то образом это возвращается, в какой-то момент начинает возвращаться, когда они начинают проявлять интерес к России, начинают ездить туда, что-то начинает просыпаться...

Тетрадь по графомании бывшего ученика 1-10 классов шести разных школ Москвы, Омска и Колосовки

Автобиографические записки¹

План: (написано 16 декабря 1949)

Пролог.

Часть первая.

Кое-что из дошкольной жизни. (22/V 1931-9/X 1939). ...

(п[исано] 16 дек. 1949)

Хронологическая таблица автобиографии (составлена по памяти, ненадежной и короткой, т.к. я не вел дневников и многого не помню).

29 мая 1931, 6 ч. утра Родился

лето 1932 на даче в Баковке

лето 1933 в Весьегонске

лето 1934 на Сходне

лето 1935 на Клязьме

с 16 мая 1935 – болезнь скарлатиной и пребывание в московской сокольнической больнице до конца июля; август и сентябрь на даче.

6 мая 1936. Переезд на новую квартиру (на 1-й Мещанской)

лето 1936 дача на Клязьме

весна (март) 1937 – попытка отдать меня в детсад.

лето 1937 – в Конотопе у бабушки.

первая половина лета 1938 Лубны, у теток.

вторая половина лета 1938 – путешествие (Горький – Сталинград) по Волге (до октября)

первая половина 1939 – Лубны, у тети Кати.

конец июля – начало августа 1939 Путешествие по воде от Киева до Херсона, от Херсона до Одессы, от Одессы до Батуми, от Батуми до Феодосии.

6 августа 1939 – приезд в Феодосию (у дяди Володи)

1 октября 1939 – отъезд в Москву.

9 октября 1939 – поступил в первый класс 268 шк. Москвы. ...

¹ Оригинал рукописи находится у автобиографа; составители выражают глубокую признательность автору воспоминаний за любезное разрешение на их публикацию. Текст расшифрован и набран М.В.Виноградовым. Зачеркнутые фрагменты частично выведены в примечания, частично помещены в квадратных скобках в тексте (в том случае, когда они теснее связаны с фразой).

17 XII [1949]¹ Начнем с того, что я родился. Произошло это удивительное событие 29 мая 1931 года, в шесть часов утра, в родильном доме между Арбатом и ул. Воровского (б. Поварская) в Москве (а жили мы тогда на Смоленской площади, в большом пятиэтажном доме, занимавшем половину квартала между Смол[енской] Площадью 2-м Смол. Переулком и Сенной ул. Дом этот и теперь [зани]мает видное место; всякий, проезжавший мимо, вероятно, знает его). В день и час моего рождения маме стукнуло 34 года. Не помню, кто в преподнес ей букет цветов. Персонал родильного дома вдвойне поздравлял именинницу: «Удивительное совпадение!». Виновник события находился далеко, в доме отдыха близ Звенигорода: Он ничего не знал о происшедшем и вообще был далек от всяких перспектив семейной жизни.

Когда мама, проклиная судьбу, очнулась после адских родовых мук, ей напомнили о новорожденном. Поднесенный заморыш, [родившийся – зач.]² хилым и слабым (из-за недостаточного питания беременной), показался ей отвратительным. «Уберите эту гадость! Это не мой ребенок! Не нужно мне вашего ребенка! Для чего я мучилась!..» и т.д. И она расплакалась. Когда спустя некоторое время опять принесли меня кормить и я раскрыл свои [громадные в то время – зач.] широко голубые глаза, к-рых мама еще не видела, материнское чувство проснулось сразу. И мама опять заплакала. Ну а далее все шло своим порядком. Папа вернулся в Москву, принял к сведению совершившийся факт. Я был первым и единственным реб-ком у отца и у матери. Поэтому запоздавшее отцовское чувство проснулось сразу. Папа тоже рыдал у моей «колыбели». Началась семейная жизнь. Продали кое-какие вещи, отнесли в торксин единственную серебряную ложечку. «Все для Бориньки».

Когда меня спустя несколько дней понесли в консультацию, еще раз взвесили и пощупали, доктор внушительно сказала: «Запомните, мамаша: ребенок это бесформенный кусок мяса. В вашей воле сделать из него, что угодно. Опасайтесь его испортить». И еще: [сказали отцу – зач.] «Этот ребенок вырастет высоким и тонким». Оба предсказания сбылись.

Отец и мать занимали по комнате в двух разных квартирах [одного – зач.] пятого этажа, выходявших на одну лестницу. Обычно мы пользовались черным ходом, дверь на парадное открывалась редко. Помимо лестничных площадок обе квартиры изнутри соединял длинный коридор. Я целые дни носился по этому коридору, возил табуретки и был причиной скандалов с соседями. [Обыватели не выносят детского крика! – зач.] Мамина комната, где я спал выходила окном во двор, с трех сторон ограниченный домом. С четвертой стороны, в которую глядело окно маминой комнаты, [(на юг), где я спал –

¹ Данная и последующие такого рода даты обозначают время записи следующего за ними фрагмента текста.

² При публикации данных воспоминаний составители отошли от обычной практики настоящего издания приводить зачеркнутый текст в примечаниях. Особенностью стиля рассматриваемого автора является простое зачеркивание частей уже сформулированных фраз часто без замены текста на какой-то другой. Вывод всех зачеркнутых фрагментов в примечания, как нам кажется, в данном случае больше нарушил бы единство восприятия текста, нежели сохранение некоторых из них внутри него с соответствующим обозначением с помощью квадратных скобок и отметки «зачеркнуто». Фигурными скобками отмечены гипотетически восстановленные в тексте слова.

зач.] открывался [...великолепный ... – зач.] вид. [Как сейчас помню, эти бесчисленные крыши малоэтажных домов – зач.], вид на юг: кварталы между Садовым кольцом и Плющихой, вдаль, до Воробьевых гор и Хамовников. Где-то далеко взлетали дирижабли. Аэропланов я тогда видел мало, зато дирижабли часто летали над Москвой. В папиной комнате, также площадью метров 18-20, имелся помимо окна, балкон, выходящий на север, вид был еще лучше: Москва-река, Новинский бульвар, Трехгорка. С этого балкона я впоследствии швырял игрушки на голову прохожих в Смоленском переулке.

Воспитание мое с самого начала было уродливым. Вместо того, чтобы отдать меня в ясли, мама¹ за скудные деньги нанимала няnek. Няньки нас обкрадывали. В конце концов мама бросила фабрику, где работала, и безвозмездно погрязла в пеленках. Папа, актер драмы, веселый 44-х летний юноша (на вид ему не давали больше 25-30) переходил из театр в театр, работал и во МХАТе, затем в театре ВЦСПС, в Колхозном и т.д. Половину этого времени он провел в гастролях, объездив более двухсот городов СССР между Архангельском, Ленинградом, Крымом и Зап. Сибирью.

Первое мое впечатление – Москва с ее улицами, переулками, крышами, тротуарами, тумбами для привязи лошадей, трамваями, извозчиками, навозными яблоками на бульжнике, Новинский и Зубовский бульвары, от Кудринской (Восстания) пл. до Крымского моста был изъезжен мною вдоль и поперек в колясочке. Отец часто возил меня по отдаленным закоулкам. Помню берега Москвы-реки, крытый Крымский мост (несколько лет спустя я наблюдал с него строительство нового, теперешнего «висячего» Крымского моста), сутолочный Арбат, трамвайную кашу на площадях, Дорогомиловскую заставу, бульвар на Можайском шоссе, Арбатский крытый рынок и бульвары возле Центра Москвы не помню, кроме Лубянской площади с Китай-городской стеной. Остальная Москва была для меня *terra incognita*. Помню первый пуск троллейбуса в Москве, если не ошибаюсь, весной 1934. В это теплое, солнечное утро мы с мамой были еще в постели, когда вошел папа и предложил посмотреть троллейбусы. Мы оделись, вышли и стали на углу смотреть троллейбусы. Москвичи толпились на улицах, глядя, как темные коробковидные машины величественной вереницей выплывали с Арбата.

Эти первые троллейбусы были не такими, как нынешние. Всюду прямоугольные, необтекаемые, они не имели автоматических дверей. Водитель не был отгорожен от пассажиров. Теперь этих троллейбусов нет и в помине, они бесследно исчезли году этак в 1937. А автобусы были еще хуже. Неуклюжие, высокие, громоздкие, воняющие бензином и тряские заграничные машины, подобно трамваям, красно-желтые и красно-зеленые. Они так же исчезли одновременно со старыми троллейбусами. Помню и старые московские светофоры, также теперь не существующие. К поддерживающему поперечному канату/проводу подвешена на перекрестке коробка с четырьмя боковыми пятиугольными гранями, застекленными и разделенными на четыре цветных сектора каждая. По сторонам два желтых, сверху и снизу зеленый и красный. По ним равномерно по кругу вращается закрепленная в центре белая стрелка. Как только стрелка перейдет на желтый цвет, автомобили и извозчики насторажи-

¹ Зачеркнуто «за последние деньги наняла».

ваются. Вот стрелка перешла на зеленый - все срываются с места, идут и едут; стрелка так же равномерно переходит на другой желтый сектор – машины останавливаются, а пересекающие их путь трамваи готовятся тронуться; водители кладут руки на контроллеры, и в то время, как наша стрелка и стрелка с противоположной стороны возвращаются на красный сектор, две другие, на боковых гранях, идут на зеленый. Теперь двигаются трамваи, а машины стоят. Светофор работает автоматически.

На других перекрестках стоят милиционеры – регулировщики в белых перчатках. Стоят они на круглых возвышениях, «розетках» с застекленными боками. По вечерам розетки загораются ярко розовым светом. Жезлов у регулировщиков не было. До моего рождения они были (еще Маяковский упоминает в поэме «Хорошо»: «Жезлом правит...»), но потом их упразднили, а впоследствии опять ввели перед Отечественной войной.

До чего же быстро меняется Москва! За мою короткую жизнь она стала совершенно неузнаваемой. Когда теперь иду по улице Горького, не верится, что малышом я ходил по ней, Тверской, во времена, когда она была не шире Сретенки (через несколько лет и это сравнение устареет).

Еще в моей памяти мелькают карусели пони и верблюды на бульварах, сквер между Пироговской и Плющихой, многочисленные ларьки и будки на площадях, переводчицы стрелок на своих стульях, колесо смеха в и вышки в ЦПКиО. Там же, в Парке Культуры, я впервые был в кино, видел кинофильм «Веселые ребята». Вообще же я за всю жизнь в кино был так редко, что все виденные кинокартины могу перечислить по пальцам: «Веселые ребята», «Чарли Чаплин», «Цирк», «Под крышами Парижа», «Карл Брунер», «Водолазы», «Профессор Мамюк», «Амангельды», «Чапаев», «Суворов», «Свинарка и пастух», «Леди Гамильтон», «В старом Чикаго», «Джюльбарс», «Доктор Айболит», «Три поросенка, Кот в сапогах, Зол. Ключик, Концерт Бетховена», «Семиклассники», Нашествие, «Ленин в 1918 году», «Ал. Невский», наконец «Если завтра война», «Клятва» - последний кинофильм, в июле 1946. Прибавим к этому списку несколько кинохроник и киножурналов, цветных и мультипликационных фильмов, и несколько других, названия к-рых не помню. Вот пожалуй и все, не более 30. Помню я и похороны В.В. Куйбышева траур. маршы, процессии. Помню первую поездку в метро (тогда около нас была конечная станция – Смоленская).

Помню веселые и яркие первомайские демонстрации, знамена и транспаранты, красные галстуки и платки, национальные костюмы, медь оркестров, громадные барабаны и литавры, красноармейские шлемы и каски, карикатуры чемберленов на палках, стаи резвых детей...

А у меня детства не было. То есть тогда [еще я этого не замечал – зач.] этого никто бы не заметил, потому что вначале так резко не отличался от других. Однако еще в пеленках я был слегка оригинален. Так, я никогда не кричал просто так, как все дети, а обычно был нем, как вареная рыба, даже грудным младенцем, так что встревоженные соседи, когда мамы не было дома заглядывали в замочную скважину: не умер ли я? Никогда я не играл со своими сверстниками, не умел даже мяча подбросить, не то что поймать; до сих пор я не умею кидать, как все мальчишки, а как-то по-женски кидаю; напр., камни,

брошенные мною теперь, в возрасте 19 лет, летят втрое короче брошенных семилетними мальчиками. Никогда в жизни не делал я стоек, ни разу не перевернулся через голову, так и не научился плавать, бегаю медленно (впрочем, теперь я совсем не бегаю), ни разу не подтянулся на турнике, не залез на дерево, ни с кем не подрался, никого не прибил... Да что говорить! У меня никогда не было естественной потребности пошалить, побегать, порезвиться. Вернее, была, но в жалкой степени. Впоследствии я, если и играл с детьми, то часто выходил из игры, когда дело доходило до быстрого бега или борьбы, не желая ни с кем состязаться в ловкости (все равно, мол, они меня обгонят, так уж лучше я уйду, чорт с ними), и я отходил в сторону и глядел, надувшись. В дошкольном возрасте я был вредным, капризным и черствым ребенком. До школы я никогда не был ни в каком коллективе, ни капли товарищеских чувств во мне не было. Я был способен бросить игру и побежать жаловаться родителям, если меня толкнули или сделали больно, и, что хуже всего, родители принимали во внимание такие жалобы и ругали чужих детей, которые меня «портят» и «обижают»! К счастью и несчастью такие случаи были редки. Начиная с десятилетнего возраста я оставил эту манеру и просто перестал сообщать родителям о своих товарищах. Но глубоко нетоварищеское отношение к товарищам во мне осталось, наоборот, со временем я становился все гаже и гаже.

Я еще не упомянул о том, что каждое лето, начиная с 1932 г. отец отправлял нас с мамой на дачу. Заработать на эту роскошь было трудно, денег непрактичные родители не умели откладывать, а проедали сразу (т.е. я проедал, ведь все для меня!). Первая дача была снята в Баковке (Моск. обл.) ценой продажи какого-то шкафа. Вторая (1933) близ г. Весьегонск, где мы жили в собственном доме одного бывшего помещика, знакомого папиного знакомого. Помещик этот только что построил на последние деньги, с огромным трудом, великолепный дом. Супруги было вознамерились устроить тихое семейное счастье. Но вот грянула революция. Всеми правдами и неправдами они удерживали дом при себе. НЭП принес некоторое облегчение. И вдруг коллективизация. Помещица вступила в колхоз. Дворянка, окончившая гимназию, рубила дрова, ходила в ватнике, огрубела. Она была колхозницей. Муж где-то работал. Дом они пока удержали, но не надолго. Впоследствии его все же отобрали. Третья дача была снята весной 1934 на ст. Сходня по Окт. ж.д. Все эти впечатления яркие и разнообразны, но я не буду докучать воображаемому читателю, как я впервые был в лесу, на речке, с разными детьми играл, как лежа в гамаке на руках у мамы, смотрел в фотоаппарат, ожидая вылета пресловутой птички, как папа объяснял мне, трехлетнему, расположение созвездий на небе. Все его знания ограничивались Б. и М. Медведицами, я же и теперь не отыщу на небе полярной звезды. Природы я не любил и не люблю. Чорт знает почему теперь я люблю ходить в лес. Ни птиц, ни деревьев, ни цветов не различаю, соловья не слышал.

Приближался 1935 год. В СССР возобновили обычай устраивать новогодние елки. Я еще тогда не знал, что это такое. Мне решили сделать сюрприз. У соседки был куплен старинный набор заграничных елочных игрушек. Несколько дней меня не пускали в папину комнату (там сидел страшный дядя с железной ногой, какой-то людоед!) но потом впустили однажды вечером, и я

увидел доселе невиданное зрелище. Горели свечи. Пригласили тетю Марфу, мамину сестру, с мужем и с сыном Игорем. Еще кто-то был. Я прочитал стихи о Днепрострое: «Человек сказал Днепру: я стеной тебя запру» и т.д. В устройении елок принимали участие лишь родители, так повелось и в дальнейшем: устраивали для меня, а я смотрел равнодушно и капризничал. Елочные игрушки эти и теперь есть у меня. Часть из них погибла, разбившись, пополнение было незначительное. Помню, как однажды, оставшись со мной наедине, папа стал передо мной плясать и прыгать на одной ножке, должно быть, подавая пример мне, с елки сорвалась и упала груша. ...

Игрушки у меня были; в младенчестве не мало; маленькому мне часто покупали игрушки не по возрасту сложные – автомобильчики, конструкторы. Я их ломал, не умея и не желая употреблять по назначению, а в последствии их мне уже не покупали. Ломать игрушки – обычная и закономерная потребность у детей; нужен правильный подход, подходящие игрушки. А то, конечно, жалко было смотреть, как я с остервенением дробил молотком игрушечные часы, швырял с балкона большие деревянные паровозы и автобусы. Помню еще, особенное удовольствие доставляло мне подпрыгивание стоя на кресле или на диване, катание на папиной «лысине», т.е. на шее. Он подносил меня к абажуру, я срывал с абажура висевшие на нем по окружности граненые стеклянные шарики. Папе эти забавы сыночка доставляли удовольствие. Шарики я после дробил молотком. Стекло могло попасть в глаз. В 1936 г. от абажура остались одни лохмотья. Купили новый, теперешний, хуже. Любил я рассматривать многочисленные фотографии (~300) изображавшие жизнь и приключения моего отца среди актеров. В снегу, по шею в воде, верхом на верблюде, сидя на дереве, на лошади, - везде он фотографировался. Это были живые сценки под открытым небом, съимпровизированные для фотографа. Вот, например, фотография: крутая гора, ветер качает деревья, мрачная обстановка. Свирепый «разбойник», схватив вырванное с корнем дерево, замахивается на упавшую на землю женщину; у женщины выражение смертельного ужаса и отчаяния. Вот-вот она будет растерзана. Другой мужчина, мой отец, тянет изо всех сил эту женщину за руку, спасая ее от злодея. Другое фото изображает, как мой отец с труппой актеров проваливается под лед вместе с лошадью и санными. Оно так и было: стали проваливаться, воспользовались случаем, фотограф выскочил на лед и «запечатлел». Лица у всех веселые, довольные. Много еще было фотографий. Вот папа с товарищами ворует молоко у крестьян, хлебает на сене какое-то хлебово из ведра, лепит снежного медведя с метлой в руках, чистит шваброй палубу парохода, играет в индейцев (это в 45 лет!); замаскировали листьями настоящие трусы, так что кажется, что и трусов нет, а одними листьями прикрыты, босоногие, голые, а в волосах мусор, ветки, в руках дубы.

В начале 1935 года папа подарил мне новенький букварь. Учиться грамоте было слишком рано, и сначала я не обратил на букварь внимания, но потом спустя год, пришло время и я научился читать. Но об этом после. Тогда же мне купили акварельные краски на картоне, семи цветов. Я пробовал рисовать и устраивал мазню на бумаге. Рисовать я так и не научился. Не будет преувеличением, если скажу, что до сего дня я почти не подвинулся в этой области.

Было у нас и радио. Вначале была черная коробка – прикрывавшаяся крышкой доска, на которой были натянуты кое-какие провода и торчали катушки. Все вместе напоминало схему примитивнейшего детекторного радиоприемника, какой я видел впоследствии, таковым, по-видимому, и было первое наше радио. Слушали через наушники. После и у нас появилась трансляция через репродуктор.

На улицу меня одного не пускали, только в 1936 г. я гулял один на дворе в поле зрения мамы, наблюдавшей из окна. Помню соседскую девчонку, тринадцатилетнюю Натушу, к-рая нянчилась со мной добровольно, возила в колясочке и сопровождала меня на прогулках с мамой хотя ее об этом никто не просил. Она очень привязалась ко мне. Однажды она зазевалась, опрокинула меня вместе с коляской на бульваре. Впрочем, все обошлось хорошо. Квартирные склоки были обычным делом. С Натушиной матерью, Марьей Федоровной Овсянниковой и сестрой последней, Ксенией Федоровной, ругались и дрались. Была еще старуха «Свечка» (Свешникова), лютая врагиня моей мамы, буйные Большуковы, интеллигентная Александра Петровна, старый друг мамы, дававшая ей всегда советы. Я фотографировался до 1937 г. три раза, мама – один. Семейных фотоснимков у нас не было. Я не любил сниматься, теперь особенно не люблю. Были еще две сестры, интеллигентные Марья и Ольга Петровны. Муж одной из них, итальянец Маранди, говорил с женой по-французски и ел макароны во всех видах.

Ходя по магазинам, мама таскала меня с собой. Я подолгу стоял в магазинах и у дверей с очередями. Меня тогда очень кутали, заматывали в платки и тряпки. Вместо пальто на мне была какая-то рвань, впрочем теплая и удобная: так, однажды, когда я стоял у дверей булочной, какая-то баба подала мне огрызок баранки, я не взял. Тогда еще (до 1935) были карточки. Приезжала бабушка, приезжал один раз дядя. Смотрели Москву, метро. Помню первые автоматы для продажи билетов и ирисок. Однажды дядя сунул мне, трехлетнему, в рот горящую папиросу: «Кури, ты уже большой». Я обиженно откашливался. С тех пор я не курю. Детей дядя не имел и не любил, он был груб с ними, как со своими щенками, которых муштровал ногойкой.

Что касается моего физического развития, то я тогда еще не очень отличался от других детей внешним видом. Наоборот, я даже удивительно рано научился ходить и говорить, рано прорезались зубы. Но рос я вялым и капризным! Никогда во мне не было той резвости, живости, того очаровательного веселья, одним словом, всех тех качеств, свойственных детям, за что их, т.е. детей, называют живыми цветами жизни. Весной, а именно 16 мая 1935 г. мы выехали на дачу близ ст. Клязьма по Северной ж.д. Впервые я прокатился на электричке. На другой же день по приезде я заболел скарлатиной в самой тяжелой форме. В жару и бреде отвезли меня в Москву и поместили в Сокольнической детской больнице (кажется, она называется Русаковской; многочисленные корпуса среди зелени садов рассеяны по нескольким кварталам Сокольнического поля, близ Стромьинки и Яузы). Нечего говорить, как переживали родители, ибо вскоре произошло пагубное осложнение на уши. Сделали операцию. Много более часу пролежал я под полным наркозом, оставившем навеки след в моем здоровье. «Тюк-тюк» - долбили доктора череп с двух сто-

рон за ушами, вытягивая, выковыривая и вылуцивая поврежденные кости. По окончании операции врачи решили, что с меня больше нечего взять, объявили умирающим и вызвали родителей. Забинтованный, я лежал с температурой выше 41, не узнавал никого. Приготовились меня хоронить, но «Бог судил иначе». Другие дети с такой операцией поумирали. В эти дни мне исполнилось четыре года.

Прости, о воображаемый читатель, что я осложняю и без того растянутое повествование лирическими отступлениями. Дело в том, что смерть тоже весьма разборчива в выборе людей: плохие и ей [тоже – зач.] не нужны. Хорошие люди часто ... [*отсутствуют 2 листа*]

Что за манера писать! К каждому звену ржавой цепи своей убогой биографии (моя биография – не становление человека, а его распад, маразм) привешиваю хвостике лирических отступлений!

Вернемся к фактам. Почти три месяца провалялся в больнице. Поправлялся медленно. Уши так и не зажили, глухота, впрочем, оказалась незначительной, лишь впоследствии я оглох чуточку больше, но это не беда и сейчас, не в этом дело. Есть у меня другая глухота, страшнее: моральная. Глухота к проявлениям жизни. Упорно заложил уши ватой и за все 19 лет не дал в свою душу проникнуть «живительным слухам». А ведь я рос в СССР, учился в советской школе, среди хороших людей я был! (Убить тебя надо за это – говорит вообр. читатель). Остаток лета доживал на даче, на Клязьме. Слабость после болезни прошла быстро, но след остался. Вспоминать тогдашнее мое детство нельзя без отвращения. Пичкали с ложечки; в семье крики и гвалт, я буквально гадил на голову родителям. С ремнем, со слезами проглатывал каждый кусок. Брр! Но меня никогда не били по-настоящему, ни дома, ни вне. Я не знаю, что такое настоящая физическая боль, что такое страдание, что такое голод. Оттого я черств и во мне не выработалось ни капли человеческого достоинства, которое так рано пробуждается в детях. Ни к себе, ни к таким я не имею уважения. Совесть моя грязна, как стоячая лужа. {Зима} 1935-1936 прошла однообразно. Водили на перевязку, показывали врачам поликлиники, но «к профессору» не сводили. Прописывали капли, все [шло] своим порядком. Ежегодно один раз болел гриппом и ангиной. Дифтеритов, коклюшей, аппендицитов и воспалений легких не было. Легкие очень слабы, но благодаря здоровой наследственности туберкулез меня не берет, а держит около. Два месяца назад (сент. 1949) я было заболел воспалением легких, выкупавшись в реке, приготовился к смерти, но на второй день все прошло бесследно благодаря вовремя поставленным банкам.

9 мая 1936 мы переехали на новую квартиру (1-я Мещанская, 47, 17), обменяв две отдельных комнаты на две смежных. Мещанская тогда уже была заасфальтирована, трамвай сняли, но в остальном реконструкция только началась. На моих глазах росли новые дома. Помню старый Троицкий виадук до постройки нового, Крестовские башни, сквер возле Виндавского вокзала (он же Ржевский, Балтийский, Рижский и т.д.).

Лето 1936 провели на Клязьме, на даче у других хозяев. 29 мая 1936 г. я, сидя под столом, научился читать. Кто-то, должно быть папа, показал мне раньше буквы (не сам же я научился!), но до чтения я дошел весьма быстро и

во многом самостоят[ельно], так что взрослые удивлялись. Пригодился прошлогодний букварь. И вот в день моего рождения из-под стола, за которым сидела приехавшая тетя Марфа с сыном и еще кто-то, слышались звуки. Это я впервые при посторонних читал вслух из букваря стихи о Красной Армии, которых раньше не знал наизусть. Писать я тогда мог только печатными буквами, с семи лет стал [различать – зач.] употреблять знаки препинания и заглавные буквы. Умея читать и писать, я в то же время мог считать только до двадцати, а часов не различал до восьми лет. На шестом году я как-то сразу, в один день, научился считать «до скольких угодно». На восьмом году постиг алфавиты латинский и греческий, писал ими по русски, придумывая тарабарские языки с невиданными алфавитами. Тогда же постиг мудрость римских цифр до MMMMDCCLXXXVIII (4888). Я и теперь дальше не знаю. О¹ шарообразности земли узнал на седьмом году, географ. карту постиг на восьмом. Этим мое дошкольное образование и исчерпывалось. Тогда же, 29 мая, меня впервые угостили мороженым.

Отчего это я с детства так болезненно люблю железную дорогу? Паровозы, вагоны, рельсы, шпалы все это с раннего детства сидит у меня где-то внутри. С колыбели до сих пор чуть-ли не каждую ночь вижу железную дорогу и себя то пассажиром, то сторонним наблюдателем. Где бы я ни гулял, маленьким и большим, всегда меня какая-то неведомая сила, как лунатика, тянет к полотну железной дороги. Выбежать на пригорок, проводить восторженно-грустным взглядом мчащийся поезд! Нет для меня приятнее благоухания, чем еле заметный, какой-то родной запах угля и паровозного дыма, специфический запах железной дороги. Как то сладко слышать далекий гудок паровоза, видеть дымок, исчезающий в голубой дали. Если оттого, что я вообще люблю поездки и путешествия, то почему же я равнодушен к аэропланам, автомобилям, парходам, даже морским! Я даже не различаю марок автомобилей и теперь (Впрочем, я и системами паровозов не интересовался очень). Я не люблю техники, равнодушен к моторам и машинам вообще, ничего никогда не мастерил руками, не люблю математики и физики. Но отчего же такие прозаические понятия, как шпала, светофор, бандаж, реборда, петарда, кондуктор, {буферстокер}, каукетчер, колея (я и не очень то видел эти предметы) вызывают во мне, что я не могу передать словами? Не наследственное ли это, ибо все мои предки были железнодорожниками? Но сам я далек от мысли быть им, теперь больше, чем когда бы то ни было, да и не по мне все это. («А что же по тебе»-[спросил] вообр. читатель?» - «А хрен его знает!»). Отец надеялся, что я в него пойду, т.е. буду актером, но я даже в театре почти не был (за всю свою жизнь я и десяти раз не смотрел театральные спектакли, а в настоящем театре был лишь два раза).

Зимой 1936-1937 в нашем доме на Мещанской домоуправлением и домашними хозяйками устраивалась художественная самодеятельность из детей и для детей, которые на нашем дворе и на других, соседних.

20 XII 49 [автор отмечает дату записывания воспоминаний – ВБ,КК]. Одна девятилетняя девочка чудесно исполняла «Песню о Родине». Помню один такой концерт в доме 2/5 по Орлово-Давыдовскому пер. Она была очень

¹ Зачеркнуто «круглоте».

хорошей в это время. Ее звали Галей, жила она в нашем доме. Мне тогда шел шестой год. Я вообразил себя влюбленным (sic!) в нее и написал длинное любовное послание – целая страница крупными [печатными] буквами. Имелись там слова: «Галя, я люблю тебя» и приглашение на новогоднюю елку к нам. Когда-то она была у нас на елке. Все это забыто давно; она и теперь живет в нашем доме, но я ее не узнаю и вообще с тех пор не видел. А «Песню о Родине» я тогда знал наизусть и часто распевал сам. Это была моя любимая песня. В художественной самодеятельности я ни дома, ни в школе никогда не участвовал. Самая первая песня, которую я помню – это дальневосточная... ну как ее? «По долинам и по взгорьям». Мне ее пели родители еще совсем маленькому. А теперь я и ее наизусть не знаю. Куда я гожусь после этого, воображаемый читатель...

Водили меня гулять в Ботанический сад, на сквер у {Грохольского}. Помню первые выборы в Верховный Совет СССР, митинги, демонстрации, гулянья на площадях.

Но к чему я все перечисляю? {нрзб.} Не эта глава основная в сих записках. Дальше, дальше... Нельзя пройти мимо одного знаменательного факта. В марте 1937 года, моим родителям, наконец, вспала на ум похоть «отдать меня» куда-нибудь в детский сад; должно быть, они сообразили, что домашнее воспитание меня калечит. Это была благоразумная, хоть несколько запоздавшая мысль. Но что из этого вышло! Нашлась какая-то детплощадка, человек на пятнадцать, занимавшая одну большую комнату в помещении для гаража. При детях одна руководительница. Но и это не плохо. Договорились, определили меня на эту площадку. Я наотрез отказался ходить туда. Первый раз меня завлекли обманом. Кое-как с грехом пополам я просидел целый день. Ребята дразнили меня, но не очень, и вообще мне там было не плохо. За обедом я обратил внимание на салфетки, доселе мной невиданные. Водили нас гулять по улице и на сквер (эта площадка – около Астраханского переулка). Потом ребята уселись за стол рисовать и вырезать что-то ножницами, какие-то силуэты из цветной бумаги. Я сидел сложа руки и хлопал глазами. Один мальчик научил меня рисовать... знаете что, о воображаемый читатель? Дым! Пусть это жалкий урок, ничтожный дым, но побудь я там дольше, я бы не только дым рисовать научился. А рисовать я и теперь не умею. На днях попробовал нарисовать кошачью морду, один силуэт, одними линиями, в анфас, и ничего не вышло! Это была моя первая попытка нарисовать животное; это в 19 лет!!!

На другой день на площадку меня тащили насильно. Сначала скандалили дома, затем отец и мать тащили меня за руки, шлепали и кричали по дороге. Я цеплялся за двери, за перила на лестнице, за мостовую, за тумбы. Кончилось тем, что я уцепился за ворота того двора, где детплощадка, и орал благим матом, как недорезанный поросенок. Мой крик всегда действовал на родителей. Я закатил настоящую истерику. Кончилось тем, что меня отвели домой. Но попытки водить меня на площадку продолжались еще дней девять. Иногда удавалось меня отвести, но чаще так и не могли вывести меня из дому. За все девять дней я был на площадке не более четырех. Упрямство и строптивость мои росли. «Борьку Ткачева ведут!» Ребята с криками толпились, наблюдая сцену. Кончилось тем, что родители сдались. Я думаю, теперь воображаемому

читателю потребуется немного воображения, чтобы представить, каково было мое воспитание. Поэтому в дальнейшем я не буду упоминать так часто о семье и родителях. Скажу только, что методы до сих пор те же.

Лето 1937 провели у бабушки в г. Конотопе (ныне Сухумской обл.) на Украине. Долго и излишне рассказывать, что за люди были наши родичи, это интересно, но не относится к делу. Впечатления столь дальней поездки для меня были весьма ярки. В поезде дальнего расстояния я всегда просыпаюсь в шестом часу утра и до послезакатных сумерек не отрываясь, гляжу в окно. А то высунусь в окно и подставляю лицо встречному ветру, пока не засорю глаза углем паровоза. Дальше, дальше! Не это лучшая пора моей жизни – тусклое, душное детство под родительским гнетом. Скорей, уваж[аемый] вообр[ажаемый] читатель, не будем отставать от поезда.

В Конотопе [летом – зач.] я «влюбился» в пятилетнюю Ниночку, соседнюю девчонку, носил ее на руках и¹ предлагал маме: «Возьмем ее с собой в Москву, а там я подрасту и мы поженимся». Ха-ха! Бабушке это не нравилось, мама смеялась. Дальше, дальше!

О зиме 1937-1938 не стану распространяться. Весной 1938 приехали к родственникам мамы в г. Лубны, Полтавской обл., где теперь, одиннадцать с половиной лет спустя, я кропаю эти строки. Много воды утекло с тех пор, жизнь расцветала и росли люди, а я погрязал, погрязал и погряз.

Тогда же я прочитал несколько книг интересного содержания. До этого много было огромных несколько детских книг, журналов. В это время я уже свободно читал книги и не детские, но доступные моему пониманию. В Лубнах мы провели первую половину лета 1938. В начале лета 1939... [два листа отсутствуют – ВБ,КК] Ходили по городу, купались на пляжах и около баржи катались на лодке, обедали в ресторане «Утес», что стоит на высоком, крутом берегу близ Кремля, над самым обрывом, оттуда открывается чудесный вид на Волгу и мириады песчаных островков, поросших кустами ив в середине; - синеют заволжские леса на горизонте, слева виден многопролетный, недавно выстроенный жел. дор. [железнодорожный ВБ,КК] мост через Волгу.

Навсегда остался в моей памяти тот особый колорит приволжских городов, тот своеобразный, знакомый каждому речнику запах снастей и канатов, дебаркадеры, мосты, сваи, баржи, пыль и сутолока, грузчики, чайки над водой... Наконец, мы поплыли.

Артисты были веселы, по вечерам на верхней открытой палубе танцевали, играл патефон, пели люди и пластинки, устраивали репетиции или концерты для команды и пассажиров буксирующего или абордирующего нас парохода. А мимо, под звездным небом, проплывали на наших глазах цветущие незабываемые волжские берега, холмы и леса. Виды сами плыли в глаза, как рыба в невод, страна мелькала перед глазами.

Целые дни я проводил на палубе, смотрел на Волгу. Забыл я сказать, что баржа была сделана в Москве и на ее спасательных кругах стояли буквы М.О.Р.П. (Московско-Окское речное пароходство). В одном из этих спасательных кругов меня сфотографировали. Сижу, как глиста, длинный, червеобразный и зубы скалю. Все же лучше, чем теперь. Баржа имела рулевое управ-

¹ Зачеркнуто «говорил».

ление, которым, впрочем, пользовались лишь тогда, когда нас вели на длинном буксире, да и то не всегда. Шкипер, его жена Августа или кто-либо актеров вертел штурвал. Мне тоже давали повертеть, когда не было нужды в управлении. Баржа слабо виляла в стороны. Помню громадные рули грузовых барж, их мне, кажется, не удавалось сдвинуть с места. Однажды, когда мы плыли в караване порожних мучных барж, я перебрался на одну из них, перескочив через борты, но потом баржи разошлись более чем на полтора метра и я долго не мог вернуться домой, пока наш художник не выручил меня, пересадив через перила, когда борты немного сошлись. Он, этот художник, в то время рисовал для стенгазеты. Была и специально юмористическая газета, из одних карикатур и шаржей. Иногда он давал мне остатки своих красок. Однажды, уже в Сталинграде, я рисовал сидя на палубе, дом (ибо ничего, кроме домов, я не умею рисовать), но порыв ветра подхватил мою мазню, и, несмотря на усилия смеющейся команды стоявшего рядом парохода, над головами которой пролетал листок, рисунок поплыл в Каспийское море.

Речные пароходы мне очень нравились. У меня было два любимых, самых больших волжских пассажирских парохода: винтовой «Карл Либкнехт» и колесная «Одесса». Наше плавание продолжалось два месяца и одни и те же знакомые пароходы встречались часто. Когда такой пароход брал нас на абордаж, к нашим услугам предоставлялись его рестораны и самого первого класса. Любовь к пароходам, вернее к водным путешествиям, укоренилась во мне с тех пор.

О Казани мне сказать особенно нечего, ибо в ней я не был, а две недели жил на воде у берега, но Ульяновск хорошо помню. Мама была домоседка, выходили мы редко, но в Ульяновске побывали в домике, где жил В.И. Ленин. Домик стоял на водоразделе Свяги и [Волги] (чудачка эта Свяга: течет параллельно Волге на протяжении многих десятков километров, но в обратную сторону, а ведь близко течет, да водораздел высок). От этого посещения осталась у меня купленная у входа книжка-путеводитель «Дом-музей В.И. Ленина». Ульяновск расположен на высоком правом берегу; помню знаменитую лестницу, ступеней полтораэта или около того (трамвая тогда не было). Вид великолепный, особенно приятен моему взору тамошний железнодорожный мост, один из самых длинных в СССР.

Помню я все эти мосты; мы проезжали под ними днем; при приближении к мосту шкипер загонял нас по каютам, так что на палубах не оставалось никого, кроме команды. Такова была инструкция. С мостов зорко и строго смотрели часовые. В каждом городе мы старались увидеть основные его достопримечательности и посещали историко-краеведческие музеи. Я, конечно, плохо помню их. Но не странно ли, о воображаемый читатель, что я, москвич, был в музеях десятка разных городов СССР, а в московском историческом музее не был?

Куйбышев показался нам неприятным, пыльным. Мы осматривали его мало. Помню куйбышевский трамвай с открытыми (без боковых стен) прицепными вагонами и оригинальными стрелочными переводами: справа от стрелки, у самого пути, невысокий шкаф с рычагом сверху. Подойдя к стрелке, вожатый приостанавливает вагон и, просовывая руку в правое окно передней площадки, поворачивает рычаг.

В Куйбышеве мы с папой отправились кататься на лодке, попали в водоворот и с трудом, выбиваясь из сил (выбивался из них папа, а я смотрел) вернулись, когда за нами уже выслали спасательную лодку. На другой день папа заболел и несколько дней лежал в больнице при смерти. Хотели уже [ехать дальше без него, но] в последний момент его выписали и он медленно поправлялся в отдельной каюте нижнего этажа.

Саратов нам понравился; зеленый, чистый, заасфальтированный. Помню ресторан при гостинице «Астория», знаменитый крытый [рынок], поездки на трамвае по городу и за город, толкучий рынок, пляж на острове.

Мне хотелось съездить к немцам в Энгельс, но как-то не собрались. В одном из магазинов мне купили пенал и линейку. Этот единственный пенал мне дорог как память, я носил его в школу и храню до сих пор. В этом возрасте игрушками меня не баловали; дарить к праздникам и ко дню рождения у родителей обычая не было. Так, перочинный ножик мне впервые купили в этом году, 18-летнему, по случаю окончания школы, а до этого я их и в руках не держал. От восьмилетнего возраста сохранился у меня металлоконструктор. Я бы и сейчас с удовольствием поиграл, да винты и гайки растерялись, а один ролик проглотила наша собака, а впрочем, мое детство и без игрушек было счастливым.

Плыли к югу, все больше степных пространств, все жарче и суше воздух, все чаще встречаются верблюды в городах. Стояли две недели в городе Балаково, между Саратовым и Сталинградом. Издали видел виноградники. Довоенный Сталинград знаком мне лишь в прибрежной и привокзальной части. Купили мы там лампу «синий свет» в универмаге, в подвале которого впоследствии был взят в плен фельдмаршал Паулюс. Подобные покупки были редки, так, на память от путешествий 1938-1939 у нас остались один перламутровый веер (Лубны), один деревянный (куплен на пароходе), пластмассовый браслет (Саратов), вышеупомянутые пенал и линейка (там же), несколько пуговиц и застёжек, ракушечная коробка (Феодосия), немного тряпочек. В 1940 г. отец разбогател и купил первый раз карманные часы, но желудок через месяц и их съел. Было бы брюхо сыто да шкура прикрыта, а все прочее – роскошь!

Первоначальный план – плыть до Астрахани был отменен и в сентябре мы все отбыли из Сталинграда в Москву поездом; Каспия я так и не видел. Дождливая осень; все три дня гляжу в окно вагона, а перед глазами все плывут одни и те же бесконечные, унылые распаханые черноземные поля. От Казанского вокзала домой последний раз в жизни ехали на извозчике (1938). Мелькают вагоны, паровозы, водокачки.

Весной 1938 [года] в Рыбинске отец в темноте наткнулся глазом на проволочный остов бутафорской пальмы. Сначала казалось, прошло бесследно, но осенью глаз заболел; сразу же по приезде поместили в глазной больнице по ул. Горького. Оказалось – саркома. Сделали операцию – удалили для спасения жизни левый глаз. Оперировали лучшие глазные хирурги СССР, всемирно известные профессора. Предсказали, что, если в течение ближайших десяти лет саркома не даст себя знать, после десяти лет можно не опасаться за жизнь. Прошло 11 лет, отец все жив.

Для воображаемого читателя это не имеет никакого значения. Но я советовал ему пропустить эту длинную главу. Моя жизнь так убога и бедна впе-

чатлениями, что даже такой факт¹, как единственная в жизни поездка на легковом автомобиле ЗИС (это была моя последняя поездка на легковом автомобиле), для меня целое событие, которое стоит нескольких месяцев однообразного прозябания. Произошла она в январе 1939 года, когда вернувшийся из Эссенуков папа прокатил меня на экипаже от вокзала.

Это и про меня сказано: «Он растет боясь мороза, у папы с мамой на виду, как растение мимоза в ботаническом саду» (Михалков). Но мимоза – цветок, а я, как плесень или грибок в подвале, вырос среди четырех стен, под материнской юбкой. Не было у меня детства и всегда мой образ жизни был тот же, что и теперь.

Дальше, дальше! Скоро ли доберусь до школы? Но вот, наконец, пришла весна, отец повел меня за ручку в 268 школу, что против Ботанического сада на углу 1-й Мещанской и улицы Дурова, и, поговорив с кем-то в канцелярии, объявил мне, что осенью я пойду сюда учиться. В эти годы (1938-1940) родители решили сочетаться законным браком. В связи с этим было решено снабдить меня отцовской фамилией вместо материнской – в школу должен был пойти не Ткачев, а Родоман. Соображения были такие: во-первых отцовская фамилия как-то приличней и так принято у большинства людей, а, во-вторых, Родоман красивее и благозвучней: Родоман, барабан, чемодан, баран... - не то что Ткачев: тк, чк; чф тьфу! Пагубных последствий этого они не ожидали. Так, когда осенью 1939 в школе я впервые услышал слово «жид» в применении к себе, то родители были изумлены не менее меня. И хотя никто из моих предков и родичей, равно как и никто из всех Родоманов, когда либо рождавшихся и живших на нашей планете, таковым не был ни на один процент, но кто же этому верит? Эта фамилия будет лежать на мне пожизненным клеймом, проклятием рода, которое мне гадило и еще нагадит в жизни. Иногда обидно думать, что для многих окружающих я ничто иное, как еврей, и таковым они меня считают, что я сразу вижу по выражению лица и тону разговора.

Первую половину лета 1939 опять провел в Лубнах. На {Суле}, катаясь на лодке, научился я грести и править. Когда десять лет спустя, в авг. 1949 я на этой же дистанции прокатил на лодке своего девятилетнего двоюродного брата, и он тоже научился грести и править, горестны были мои мысли и сравнения...

Те немногие дети, с которыми я тогда играл, давно выросли, немногие книги, которые я тогда читал, давно забыты. Помню заглавия четырех из них: «Джузеппе Гарибальди», «Штабс-капитан Рыбников», красная, старинная, с множеством картинок, этнографическая книга «Народоведение» и, наконец, «Подводная лодка Z-1». Последняя произвела на меня особенное впечатление. Автора ее я не помню, не помню, какой стране принадлежала эта подводная лодка и когда была построена. Но помню трагическую гибель ее команды. Лишенная управления и возможности всплытия остается где-то на дне эта лодка; люди, заживо погребенные под водой, задыхаются. Когда всякая надежда на спасение извне иссякла, решаются на последнее средство: открыть люки всплыть наверх без скафандров (а скафандров у них, насколько я помню, не было). Оказывается, известны случаи, когда кратковременное действие во-

¹ Зачеркнуто «событие».

дяного давления не успевает убить человека и когда таким образом спасались с подводных лодок, но это бывает редко. Они всплыли и все погибли.

Один из них, некто Соьер, был подобран каким-то кораблем еще живым. Что-то очень долго лежал он не подавая ни малейших признаков жизни, но наконец один глаз его слабо открылся, что-то отдаленно похожее на сознание мелькнуло во взоре, и он умер, унеся с собой тайну гибели лодки.

Если спросить меня теперь, много ли книг прочел я за свою жизнь, я отвечаю: мало! Так мало, как не прочел ни один из моих сверстников. Любой городской школьник, если он учится, например, в пятом классе, имеет на своем счету впятеро больше прочитанных книг, чем я на 19 году. Я понимаю, тебе, о воображаемый читатель, трудно поверить, что я читал мало, потому что у всех, знающих меня, почему то составилось противоположное мнение, а родители даже говорили, что я читаю «запоем». Не верь им! Все книги, которые я прочитал, можно вместить в список, который вряд ли займет более двух страниц, да что там, гораздо меньше. Достаточно сказать, что Горького я читал впервые только в этом году, «Мать» зимой, а «Детство», «В людях», «Мои университеты» - летом, т.е. только после окончания десятилетки!!

Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», равно как и остальных его произведений, кроме «Войны и мира» и нескольких повестей и рассказов, я тоже не читал. Да что говорить! Кто поверит мне, что даже «Обломова» Гончарова я не читал, не говоря уже о прочих его романах?! И с Достоевским я впервые познакомился на днях, а Герцена, или, там, Брюсова, Блока, Бальмонта – и не нюхивал! Разумеется, и «Что делать» Чернышевского я полностью не читал. [Об Островском, Тургеневе, С. Щедрина умолчу чтобы не огорчать – зач.]

Но вправе спросить меня воображаемый читатель, может быть, с иностранной литературой я знаком лучше? Что ж, по одному роману Сервантеса, Дефо, Свифта, Додэ, О'Генри, романа по два-три Гюго, Золя, Жюль-Верна, Диккенса, Мопассана.

Но читал ли я Флобера, Бальзака, Стендаля, Э.По, Уайльда.

Одним словом, чтение мое было ограниченным, бессистемным. Самых элемен

1 I 1950 тарных, самых распространенных и необходимых книг, которые читает каждый советский школьник, я или не читал, или читал не по возрасту поздно или рано, и поэтому не произвели на меня надлежащего впечатления. А какое впечатление производили на меня книги, я скажу позже. Пусть воображаемый читатель мне напомнит, когда впоследствии пойдет речь о книгах, я расскажу ему, как ни одна из прочитанных книг, ни на ноту не сблизила меня с жизнью, не снабдила меня ключами к ее пониманию, ничему, решительно ничему не научила меня.

Летом 1939 папа все еще работал в театре Водного транспорта и имел право на бесплатный¹ билет второго класса на все речные и морские суда СССР. Жалко было бы упустить такой случай: если б не это, не видал бы я Днепра и Черного моря. Нам же приходилось платить только за плацкарту и питание. Чудесное путешествие по Волге еще живо было в нашей памяти и маме нравилось

¹ Зачеркнуто «проезд».

и вот в середине лета 1939 отец взял отпуск и заехал за нами в Лубны с тем, чтобы, побыв там несколько дней, прокатить нас по Днепру и морю от Киева до Батуми и заехать в Феодосию к брату моей мамы, В.М. Ткачеву.

23 I 1950 В моей жизни, бедной впечатлениями, один день такого путешествия дает больше радости и приятных воспоминаний, чем год обычного существования, и это не преувеличение. Вот почему мне так приятны всякие поездки и путешествия, даже самые маленькие, например, в пределах Москвы; а несбыточные мечты о путешествиях куда-нибудь подальше не покидают меня и до сего дня если только можно назвать мечтой такую слабую надежду еще увидеть в жизни что-нибудь яркое. Поэтому я и упоминаю в записках о девятидневном путешествии летом 1939 больше, чем это следовало бы, исходя из пропорциональности исписанных страниц времени, которое они охватывают.

Скудные материальные средства и ограниченный отпуск отца не позволял нам задерживаться в пути. В Киеве мы были всего восемь часов. До этого я только проезжал мимо в поезде (Здесь делали тогда пересадку на Лубны). Так что при слове Киев у меня в первую очередь предстает перед глазами тот вид, который я видел из окна подъезжающего поезда: Днепр и мост через него, горы, хаты в зелени садов, Подол и Печерск, лавра, синие вагоны трамвая. Сразу же с вокзала мы сели на троллейбус и приехали на пристань, где, сев на вещи, стали ждать парохода. Мама терпеть не могла прогулок для осмотра незнакомого города, сама не ходила, и отца не пускала, а я был слишком мал для того, чтобы гулять самому, и по этой причине мы так мало видели города Поволжья [и Киев – зач.] и те, которые посетили в 1939. Все же нам с папой, которому вообще не сиделось на месте, удалось вырваться, оставив маму стеречь вещи, страдать, беспокоясь за нас, и прокатиться вверх на фуникулере постоять на Владимирской горке возле статуи св. Владимира. Перед вечером прибыл пароход (название забыл), мы сели и поплыли.

Для мамы водное путешествие всегда было райским блаженством, потому что только на пароходе могла она отдохнуть от вечных забот о потреблении хлеба насущного. Воображаемому читателю трудно представить, что значат вечные, круглосуточные заботы исключительно о приготовлении пищи. Гости к нам не ходили, одевались в рвань, ни на что, кроме еды, денег не платили и питались хуже всех, ни в театры, ни в кино, ни в гости мама не ходила, книг не читала, вся Москва виденная ее, ограничивалась рынком и близлежащими магазинами. У нас в квартире газ, Москва дает массу удобств, и в то же время вечно, все 20 лет, круглые сутки (днем дела, ночью мысли) – приготовление пищи, кормление, заботы о еде, страшная грызня с мужем из-за денег, адская мелочность и скаредность хуже жидовской, ибо бессмысленна даже с самой жидовской точки зрения, непрактичность ужасная, убожество дикое, насильственное кормление сына с ложкой в левой руке и ремнем в правой – да обо всем этом я напишу после, в специальной главе, хотя знаю, что и воображаемый читатель не поверит даже фактам, о которых я ему расскажу. Не поверит возможности такого чудовищно нелепого семейного уклада, сложившегося в семье «интеллигентного актера» в СССР. Жуткие факты, небезынтересные, как анекдоты в духе Мюнхгаузена, хотя и не смешные. Но об этом после, не будем нарушать ход повествования о лучших днях моей дошкольной жизни.

Днепровские пароходы меньше волжских: таких двухэтажных пассажирских пароходов, из которых состоял волжский флот, здесь было меньше, чем пальцев на руке. Наш пароход, как большинство, одноэтажный; в кормовой и носовой части первый и второй класс, расширенный коридор между каютами служит столовой с табльдотом во всю длину; на самой корме и на самом носу маленькие салоны, а пассажиры низжих классов ютятся в средней части судна. Вдоль бортов, как водится, палуба с навесом, и на верхнюю палубу пускают, в отличие от двухэтажных пароходов.

Опять повеяло на меня знакомым речным воздухом, опять незабываемая¹ гамма ощущений, связанная с путешествием по реке, вошла мне в душу. Опять знакомый запах и плеск воды. Лодки и пароходы, береговые знаки и на воде (такие же буи и бакены, да еще какие-то веники, «ген-ген» торчали из воды). Зайдет солнце. Ночь... Огни рыбацких костров и мигающие цветные огоньки бакенов («то потухнет, то погаснет, то потухнет, то погаснет...»).

Красота! Но что понимаю я в красоте. Убожество! Язык моих описаний так же скуден, как и понимание красоты, и ничего не говорят эти описания вообр[ажаемому] читателю. Если бы мог я раньше понимать, что такое красота жизни и людей, и в природе, что для людей, разве жил бы я так? Я бы сразу бросился в воду, или, что гораздо вероятнее, спал бы, как все дети, да разве смог бы я сам себя планомерно воспитывать, в противовес родителям, с самого рождения? Вздор! 18 лет глушили во мне все естественное, человеческое, глушили и убивали {волю, настойчивость} и наконец убили, а то что осталось, умеет лишь красиво болтать, а от жизни уже ничего не ждет хорошего. «Ну, полно чепуху молоть!»

1950/1951 Зато верхняя, открытая палуба открыта для доступа пассажиров, чего нет в двухэтажных пароходах, и это большое удобство: можно обозревать сразу все стороны света, а не один борт. Название парохода я безнадежно забыл (что ж, 12 лет!) В общем, конечно, Днепр оставил у меня меньше впечатлений, чем Волга, ведь плыли мы всего три дня.

Видел я на высоком берегу домик у могилы Шевченко. Это было на следующий день после отъезда. Тогда же вскоре после полудня мы прибыли в Днепропетровск и причалили у правого берега метрах в трехстах ниже замечательного двухэтажного моста через Днепр. Интересный мост! Нижний этаж несет на себе железнодорожные пути (то и дело проходят поезда), а по открытому верху – уличное движение, снуют трамваи. На самой середине что-то вроде подъемного или раздвижного моста, должно быть для пропуска высоких пароходов.

Тогда же проезжали Кременчуг. На дебаркадере было написано «Кременчук», помню как я удивлялся, почему. Поражало обилие дешевых фруктов. Блюдце абрикосов стоило 10 копеек. В то лето я особенно много ел абрикосов.

Наш пароход стоял долго. Папа немедленно отлучился на берег и долго пропадал в городе, где прошло несколько лет его детства.

К великому нашему беспокойству папа всегда убегал на остановках, а часов у него не было. Вернулся он, как водится, перед самым отплытием, не с пустыми руками, конечно. Я же, пока пароход стоял, скучал, слонялся по па-

¹ Зачеркнуто «колорит речного путешествия».

лубе, поглядывал на удивительный мост, а потом забрался в прохладную комнату, лег и почему-то заснул (обычно я не мог спать днем). Проснулся я с высокой температурой. Оказывается, заболел, чем – неизвестно.

А пароход подходил к самому интересному месту путешествия, к Днепрогэсу. Мама закутала меня в одеяло и вынесла на верхнюю палубу. Пароход стоял уже в верхнем шлюзе как сейчас помню все подробности этого зрелища. На палубе толпился народ. Мама держала меня на руках до тех пор, пока пароход вышел из последнего шлюза и пошел мимо мола, отделяющего нижний бьеф шлюзов от остальной воды, только что спавшей с плотины, что справа от шлюзов я увидел ту самую плотину, которая так знакома мне по моим давнишним детским книжкам (стихи: человек сказал Днепру: Я стеной тебя запрю и книга Минорина «Не может быть»). Но я не успел ее рассмотреть. Мама отнесла меня вниз, а пароход вскоре причалил к левому берегу. Это было Запорожье. Я выглянул в окошко. Позади виднелась плотина. Из воды торчали большие камни.

Тотчас же в каюту явился врач и, осмотрев меня, сказал, что нет ничего особенного. Повидимому я съел много абрикосов, и то ли от того, что они не мыты или не чищены, то ли оттого, что в волокнах их кожуры содержится какое-то особое вещество, я и заболел. Был уже вечер, я вскоре заснул, и проснулся на другой день совсем здоровым. Кругом был широкий Днепр и бескрайние степные просторы на берегу – длинная, розовая полоса песка и маленький дебаркадер. «Что это» - спросил я. – «Каховка» - был ответ. Так вот она какая, воспетая в песне Каховка! Я любил эту песню. Часто слышал ее (в те годы песни о гражданской войне были наиболее популярны). А вместе с ней приходили на память и другие такие же песни, вроде таких, как «Орленок» или «Партизан Железняк». Кстати, ведь он где-то тут, этот партизан Железняк, в степи под Херсоном.

А через несколько часов и мы прибыли в Херсон. В первой половине дня покинули пароход. Здесь нам предстояло пересесть на морской пароход и плыть в Одессу.

В Херсоне два водных вокзала – речной и морской. Они совсем рядом, тут же на берегу сквер. Парусники – это и все, что видел я [пребывая на земле – зач.] в Херсоне. Напившись чаю в ресторане речного вокзала, мы перебрались с вещами в морской вокзал и стали ждать парохода, который должен был прийти ночью.

Сидя на мягких диванах в зале второго класса, читали газеты. В одной из московских газет мама прочитала большую статью о горном инженере Полине Ткачевой, работавшей в Джидострое в Бурят-Монгольской АССР, у самой монгольской границы. Это была мамина сестра (моя тетя).

Было поздно, мне хотелось спать. В полночь пришел пароход «Новороссийск» и забрал нас. Это был небольшой (как мне казалось, по сравнению с теплоходом, на котором мы ехали позже) пароход, рассмотреть который мне совершенно не удалось из-за кратковременности пребывания на нем. Во втором классе не нашлось полагающихся нам «по чину» мест. Поэтому папе предоставили койку в каюте первого класса (в палубе) а нам с мамой в трюме у левого борта, в детской комнате (комната матери и ребенка для пассажиров

низших классов с детьми). Я плохо спал из-за детских криков. Ранним утром, часов в пять, мама, увидев, что я проснулся, сказала: «Боренька, смотри, мы уже в море». Она взяла меня, закутанного в одеяло, на руки, и поднесла и иллюминатору правого борта. В километре от нас виднелся невысокий берег. «Почему море, - сказал я, - может быть, это еще Днепр или лиман?» Но тогда мама поднесла меня к иллюминатору левого борта и я первый раз в жизни увидел настоящее, безбрежное море, огненное от восходящего солнца. Этого момента я никогда не забуду. Не знаю, люблю ли я море. Но с тех пор, как я его увидел, стоило мне подумать о бескрайних просторах нашей страны, всегда, подобно тому, как электрическая лампочка приковывает взор человека, лежащего на диване, мысль мою притягивало безбрежное море и вообще те страны, где природа величественна и красива. Что же касается моря, то я, не в пример другим детям, не могу сказать, чтобы я когда либо в детстве хотел стать моряком (кажется, я тогда уже понимал, что не годен для этого; интересно, что до 13 лет я мечтал стать океанографом. Конечно, это нельзя ставить в какую либо связь с теперешним выбором профессии. Боюсь, что я не годен и в океанографы).

Я с восхищением глядел в иллюминатор, а потом мама отнесла меня на каюту досыпать утро. Проснулся я поздно. Мы вышли на верхнюю открытую палубу, где нас уже ждал папа. Тут я как следует разглядел море днем. Мы уже плыли ввиду большого города. Это была Одесса, «жемчужина у моря». Мы покинули пароход.

Это город я узнал несколько больше, чем Киев: мы провели в нем два дня. Ночевали два раза в гостинице. В первый день, пока устроились, ходили по городу, обедали в ресторане, смотрели магазины. Мама долго рассматривала в ювелирном магазине какой-то браслет (бедная, она всю жизнь мечтала носить на руке браслет; эта скромная мечта так и не сбылась). Потом мы вышли на сквер, что был вблизи, и тут я за небольшую плату смотрел в телескоп на солнце. На что я смотрел, я так и не понял, но помню, что солнце было зеленое (зеленый светофильтр, дабы не так в глаза светило). Гуляли на берегу. Одесский порт поразил меня обилием судов, видел я издали мол и все прочие. Но связно описать свои впечатления я сейчас не смогу. Гораздо лучше помню Одесский фуникулер. Как железнодорожник в душе, я никогда не оставался равнодушен к трамваям в разных городах и всегда был наблюдателем в этой области. Иногда я даже доходил до того, что бросался с растопыренными пальцами мерять окна и сиденья. Одесский фуникулер значительно отличался от киевского и был хуже первого. Киевский фуникулер длиннее чем в два вагона, они выкрашены в голубой цвет с желтым верхом, а одесский короче, однопутный с водителем в открытом тамбуре. Выкрашен в зеленый цвет и выглядит очень старомодно. Цена билета – 10 копеек. Еще более старомодны были вагоны городского трамвая. Снаружи – обычного типа, красно-желтые, восемь окон, две оси, конечно, снаружи не такие, как в Москве. Изнутри 16 мест и самое интересное – сиденья. Размеры их такие же, как и в Москве, (40 см.) но спинка не [сплошная, а только одна доска сверху, как в домашних стульях ...]

Интервью с Натальей Ильиничной Рублевой¹

[В начале информантка рассказывает о репрессии родителей, о том, как она потеряла своих братьев и сестер и как она оказалась в услужении у поляков в сибирском городе Канске]

НИР: Тогда же они меня нашли. Я же была у них потерянным ребенком. Я маленькая была. Отца, когда забрали, это в тридцатые годы. Я до сих пор помню. Народу было много. В каком-то дворе их согнали, всех мужчин. Там негде было сидеть даже, они все стояли. И вот, значит, я пришла, сестры пришли к нему. Как бы они пришли поговорить, видно, и меня с собой взяли. Я пришла и у него за коленку держалась. Какая я была, не знаю. Я вот за коленку держалась, и прижалась головой к нему, вот к этому месту. Я вот такая была. Вот держалась к нему, вот так держалась. Он разговаривал со старшими, я тут держалась, он меня гладил по голове.

СС: А как Вы вообще потерялись?

НИР: Так, братья. Один брат сбежал. Как? Раскулачивали. Он сбежал к сестре в Канск, ну, как, в город. Потом и меня сестра забрала в город. Я у нее пожила. Но брат-то не жил у нее. Я не знаю, где он и жил. Старше меня, но младше всех он был. Саша. И жил он, пришел к сестре, в стоге сена, пришел зимой. Я на улицу вышла, маленькая была, говорит: «Принеси мне хлеба». Я захожу и говорю сестре: «Нянька, Шурка хлеба просит, он есть хочет». «А где он?» Я говорю: «Он в стогу сена, во дворе». Не знаю, почему он скрывался. Видимо, чтобы его не забрали, не угнали.

СС: А ему сколько тогда лет было?

НИР: Ну, лет пятнадцать. В таком возрасте, может четырнадцать, пятнадцать. Я не знаю, с какого он года. На сколько-то лет он меня старше был. Ну, я не знаю, потом где он жил. Но уже если его не было. Потому что он сбежал, чтобы не работать. [...] Сестра [Клава] рассказывала, что их [старших братьев] угнали на лесоповал. А родителей-то в Хакасию угнали. Мы не знали, где их... А я, я как осталась одна-то? Со старшей сестрой-то. Муж уговорил ее ехать на Игарку. Тогда на Игарку молодежь, комсомольцев, да кого командировали осваивать Север. Вот это я сейчас поняла. Они поехали на Игарку и меня взяли с собой. [...]

СС: Сколько лет Вам тогда было?

НИР: Ну, шесть или сколько? Маленькая я была. Это тридцатые годы. Где-то так. Тут раскулачивали, а те уезжали. Вот. Они поехали, у них своя девочка Лида была. И меня вот взяли. Четверо мы туда приехали. Сестра-то [старшая моя] там умерла. А приехала к зятю, к мужу сестры, его мать. И она летом ме-

¹ Родилась в Красноярском крае, 1924 г. В семье было 11 детей, мать рано умерла, Н.И.Рублева ее не помнит. Когда респондентке было примерно шесть лет, отца репрессировали. Девочка попала в услужение к полякам. Затем отец ее нашел и она жила с ним в Хакасии, где отец работал на рудниках. Училась в средней школе и жила в интернате. В 1937 году отца повторно репрессировали. Н.И.Рублева уехала в г. Пермь. Здесь в 1945 г. вышла замуж. Имеет дочь и сына. Работала контролером на заводе. Запись: август 2005 года. Собиратель – Светлана Сиротинина. Оригинал записи находится в Оксфордском архиве устной истории России, шифр Oxf/Lev P-05 PF 28 (A,B).

ня увезла в Канск. Вот в город, где сестра-то с этим мужем жили. И она меня туда увезла. Ну, тут ближе к родственникам, вроде. Родственников-то нигде никого не нашла. [А мать зятя] надела на меня такой мешочек, дала горсть сухариков и говорит: «Вот тебе сухари и больше в этот дом никогда не приходи».

СС: Почему она так сделала?

НИР: Ну, выбросила. Хорошо, что она меня в воду не бросила, когда еще на пароходе ехали. Рыбам не скормила. Это свекровь моей сестры старшей.

СС: Но сестра [старшая] об этом не знала, да?

НИР: А так она умерла. Ее не было уже живой. [...] А Хакасия, там же лес один сплошной. Там они золото добывали. В шахтах работал отец. В мороз, или в какой, все в шахтах работали. Это я помню. А брат работал в кузнице кузнецом. Ну, для шахты-то надо было делать кому-то. А там, это же рудник, это далеко. Знаете, это через несколько гор в глуши. Если только зимой туда дорога была. Летом туда дороги нет. Ни туда, ни оттуда летом дороги не было. Так их туда загнали. Вот они там и жили. И у нас был, около бани жил дед... Да, вот она меня выгнала, я пошла к этому дедушке. Когда из бани ходили, заходили к нему. Я знала, что это родственник какой-то.

СС: Ваш родственник, да?

НИР: Родственник по отцу или по матери, ничего не знаю. Ну какой-то родня его называли. Родственник какой-то. Когда я, мне сухарей-то дали, выгнали из дома меня. Я поняла, что больше не приходиться, я пошла к этому дедушке. Я знала, где он живет. Пришла, а они меня даже не пустили. Был же голод сильный. Они меня даже не впустили. Говорят, значит, это... Сразу же даже дверь... Вышел... Выгнал, выгнал, выгнал тоже. Я потом по рынку ходила. Ну где что помню. Ходила, вот и все. И где спала, не знаю. И сколько я там ходила? Летом это все было, раз на пароходе приехали. Как пароходы пошли, так сразу приехали.

СС: То есть Вы ни с кем не общались в это время?

НИР: А я никого не знала, с кем общаться мне. Привезли меня туда, с парохода выбросили. А мне что? Маленькая была. Какое мне общение? Никакого. Так, где-то ходила. Спала на завалине. Где спала еще, я совсем и не помню. Потом, в конце концов, я еще раз пришла к этому дому и легла спать. Мне негде было жить-то. Негде. Может, уже холода настали. Я в конце концов тоже к этому дому пришла. Раз пришла, нашла его, откуда меня выгнали. А там, дом-то в аренду, видимо, отдавали. Когда сестра [старшая] с мужем уехали в Игарку-то, то они, видимо, какого-то квартиранта пустили на жительство. Квартирантов пускали. Видимо, они там и жили. Там полдома их мать занимала, и полдома сестра с мужем занимали. Ну, она та-то домой приехала и все. Вот это я помню. Теперь, значит. Потом-то я к этому дому пришла и уснула. Тоже на завалину легла. Мне больше негде спать. А утром очутилась у порога в доме. Видимо, ночью положил. Шел мимо и занес он.

СС: Кто занес?

НИР: Хозяин-то, кому сдавали. [...] Это дом был матери зятя. И сестра с ним жила. Видимо, сестра-то замуж вышла к ним же в дом тоже. Поэтому я там чужая была. Вот. [...] Меня на Игарке брали в дети, но что ребенок. Я говорю, я с Митей буду, чужие вы. Я не пойду к вам. Вот. Не соображала ничего. Хо-

дили, на платья показывали. Это уже я потом стала вспоминать немножко, как там было на Игарке-то. Все плакали обо мне, что я осталась сиротинка. Что с зятем вот. У него своя Лида была. Ну, и потом я зятя не видела. Он там на Игарке остался, а его мать меня вывезла и выбросила. Выгнала. Я ей не нужна была потому что. Она что, старая уже. Не молодая. Я не знаю, с кем она жила. Я в тот дом и не заходила. И не знаю, где и как, с кем она жила. А вот, к тому дедушке-то, который возле бани жил, я к нему зашла, он не пустил. Я думаю, он как-нибудь, может, видел, где я ходила. Может быть, помнил меня, что я скаталась никчемная. Не знаю я. [...] Ну, везде по городу-то ходила. Я по всем улицам ходила. Может, заблудилась, может как? Ходила где-то. Все равно где лягу и усну. Утром солнышко пригреет, встаю, да и опять иду по городу. Не больно подавали куски-то, голод был. Да и меня никто не съел. Я вот диву даюсь, что меня не съели в такой голод. Я на рынке ходила. Может, кто-то и подавал. Может, чем-то и жила. И около... а детдом-то был огорожен. Там много ребятишек было. Как он назывался, я не знала. Это я сейчас догадываюсь, что это был детский дом. Мальчишки, девчонки там были. Подошла женщина, говорит: «Ты чья, откуда?» Я говорю: «Вот такая-то». «А где у тебя?» Я говорю: «Нет, никого у меня нет». «А документы есть?» «Нет у меня никаких документов». Видимо, у Пырихи были. У нее были документы на меня, наверное.

СС: А Пыриха - это кто?

НИР: Пыриха - это которая меня выгнала. Мать этого, как его? [Зятя.] Свекровь старшей сестры. Может, у нее были документы, я ничего не знаю. Откуда у меня могут быть документы. И потом меня взяли поляки. Им нужно было... Как бы в дети они взяли, но я у них не как бы... им было по шестьдесят лет. Видимо, уже старые они. Тоже на побегушках надо кого-то. Я все у них в винополку бегала. Водкой торговали где. Это винополка называлась тогда. Ну и вот. В винополку. Они пьют, а я бегала за вином. Все в винополку. Потому что быстро бегаю, молоденькая, принесу.

СС: То есть в детдом Вас не взяли, потому что документов не было?

НИР: Я же про себя ничего не знаю. Что я могла сказать? Откуда, кто я и что я?

СС: А про родителей Вы могла бы сказать, куда их отправили? Не знали, да?

НИР: Я, знаете, до пятнадцати лет не знала, как мою маму родную звали. Я имя своей матери не знала. Мне никто не говорил. И только я в ЗАГСе, когда поехала свидетельство о рождении получать, вот там район, где я родилась. Мне нужно было свидетельство о рождении. Я поехала, а там написано Б. Т.В.¹ Я в первый раз узнала имя своей матери. Это шестнадцати лет сестра меня послала, в пятнадцать лет. Скажи, что ты с двадцать четвертого года. Чтобы тебя записали, чтоб год меньше приписали, чтоб раньше меня на работу вытаскивать. Все от меня избавлялись [*смеется*]. А я выжила.

СС: Как Вы попали к этим полякам потом?

НИР: В дети им надо было кого-то взять. Ну они взяли просто, видимо, кого-то. Да меня взяли, может быть, это...они меня взяли. Я у них жила года три, наверное. Не знаю. В школу ходила. А в школу я сама записалась. Они меня дома закрывали. Уходят, дома закрывают меня. А стекла-то одинарные были летом. Там записывать ходили школьные годы. Сейчас ведь не ходят, не пере-

¹ Фамилия, имя и отчество матери информантки не публикуется.

писывают. Сейчас дома высотные, не найдешь никого. А тогда переписывали всех вот этих беспризорников. И меня в том числе. Ну и вот, я сказала, как меня зовут, что я Рублева Наташа. Таля меня звали. Рублева Таля. И потом взрослые стали звать Рублева Таля. Вот я записалась. Ну и потом, видимо, в школу не пришла, к ним пришли, и стали меня требовать в школу. Они меня и отдали в школу. Я в первый класс ходила учиться. И во второй ходила там учиться. [...] Да, меня никто не учил. Меня никто не учил нигде ни одной буквочки. Я все там училась читать и писать в школе. Когда научилась я писать, вот уже во втором классе я писать умела. Хотя с ошибками. Вот сейчас-то думаю, были ошибки. Как-то тот дед, видимо, разыскал отца моего. Как-то и все. Приносил письмо, похоже. Сюда, где вот я в детях-то жила. Вот я так думаю, что он что-то принес и сказал. И я написала письмо. Написала всю свою жизнь, что и как. Они там по всему руднику это письмо читали и все плакали. И отца отпустили домой.

СС: Ага, то есть, Вы написали отцу.

НИР: Да. А он по всему руднику ходил. Они же сосланы были тогда. Ссылные. И вот мое письмо все читали. В каком я положении осталась. Они узнали, что я живая.

СС: А как Вас этот человек нашел? Который письмо передал?

НИР: Так я не знаю. Ну, я же по городу-то ходила. А, может, и через Муравьеву. Потому что Муравьев-то туда приехал. Лида-то Муравьева, вот эта дочь-то моей сестры, она была такая же бедная и грязная, как я. И я один раз увидела ее на улице, Лидку-то. А жили, видимо, мы не далеко друг от друга. Я ее увидела, и мы пришли к нам. И вот эта женщина, мать-то...

СС: Полячка?

НИР: Да, полячка. Увидела. Это как меня отмывали. Когда меня принес этот хозяин-то домой, ну куда он меня положит грязную, вшивую?

СС: Он Вас с улицы взял?

НИР: С улицы, с завалины он меня домой принес сонную. А я проснулась тут, вижу, стирает хозяйка в корыте. А когда она меня в эту грязную воду посадила, отмочила. Сначала замочила, выстирала, в чем я была одета. Я не знаю, не помню ни одежды, ничего на себе. Что на мне и было? Она мне выстирала, видно. У нее двое детей было. И тоже я не долго была тут. Вот, я запомнила, что она меня вымыла в корыте в этом же. [*Смеется*]. Ополоснула водой и все. И я чистенькая была. И накормили они меня. А потом стали, видимо, меня куда-то девать.¹ И взяли поляки меня, и я у них жила. Во втором классе уже училась. Ну, года четыре, наверное, я у них жила.

СС: Как они к Вам относились?

НИР: Ну, как относились? Там же в Сибири холодно очень. В четыре часа утра они меня разбудят, чтобы я истопила печь. А когда они встанут, чтобы в доме было тепло. Вот это моя обязанность. И ведро картошки начистить.

СС: Но Вы тогда еще маленькая были совсем.

НИР: Ну, конечно. Еще и в школу не ходила ведь я тогда. Это моя обязанность была. Дальше мне надо было воду из колодца черпать, в бочки наливать воду. Это моя обязанность была. И зимой и летом я около колодца. А ноги за-

¹ То есть пристраивать.

мерзнут, я чечетку отбивала. А этот поляк увидел, ну, он старый был. Ему шестьдесят три года было. Говорит: «Зови нас мама и папа». Я не могла себя долго переломить. Если не будешь нас так называть, тогда уходи от нас. А мне уходить некуда. Я переломила себя. Было очень трудно. Это я помню все. И я их папа и мама звала. Но я у них работала. Вот. Ну, все делала. Полы мыла. Все, все, все делала. Печь топила, картошку чистила. Ведро картошки начистить надо было. Они делали голубцы какие-то, они их называли по-польски колдуны. Из сырой картошки галушки делали. Потом их варят, и потом уже их с маслом кушают. Такие галушки. На них надо ведро картошки начистить.

СС: Они хорошо жили?

НИР: Ну, нормально. Они меня кормили. Нормально жили. Они не работали. А там тоже перепродавали как вот сейчас. Где-то он ездил куда-то. Недалеко съездит привезет то селедку...поштучно продавали, то чулки какие-то продавали. Ну, вот также как сейчас. Ну, выживали. Вот так. И у них еще была корова, по-моему. Свиньи были. Ну, видимо, чтобы продавать вот это все. Чем кормили? Как? Я уже это не помню. На мне было везде наливать воду. Свиней поить, да все такое. Помню, еще разговор был, что свинья чуть не бросилась на мать-то. Она ее веревкой или чем-то. А у них клыки такие были большие. Вот. Сено покупали. Сенвал был у них.

СС: А как-то с Вами играли? Как-то с Вами занимались они? Разговаривали?

НИР: Нет, нет, нет. Ну, как? Разговаривать-то разговаривали что-то о чем-то. Но больше я в работе была.

СС: А Вы как-то играли с другими детьми? Там были?

НИР: Они меня не выпускали на улицу-то. Нет, у меня никаких друзей не бывало. У меня детства не было вообще. Я не играла никогда. Ни кукол, ничего у меня никогда не было. Этого не было. Ну, вот я так и жила.

ВЗРОСЛЫЕ О ДЕТЯХ: ДОКУМЕНТЫ

Бюджеты времени у деревенских подростков (Воронежская область, 1930)¹

12.VIII [1930]

М. Аксюша, 15 лет, единоличница

Встала в 5 час., избу подмела, воды принесла, позавтракала; с 8 час. начала веять; веяла часа 2, потом белье стирала до обеда. Обед в 12 час., после обеда часа в 2 поехала на покос. Сгребала сено, на воз подавала. Работала до вечера, часов до 7, дома «малость» отдохнула и пошла на пункт ОЗД² в 9 час. вечера, легла спать в 10 час.

14.VIII [1930]

П. Митя, 14 л., колхозник

Встал в 5 ч., позавтракал, пришел на пункт ОЗД для исследования, оттуда в 6 ч. 30 м. выехал в поле пахать. Пахал до 11 ч., обед в 12 ч. После обеда не отдыхал, был в колхозе и на пункте, в 3 ч. 40 м. выехал на поле. Пахал до 7 ч. С по-

¹ Место опроса: колхоз на расстоянии 28 км. от областного центра (г. Воронеж). Опубликовано: Охрана здоровья детей и подростков. М-Л: Гос. мед. изд., 1931. № 1. С. 61.

² Охраны здоровья детей и подростков.

ля вернулся, напоил и выкупал лошадь, поставил в конюшню и пришел на пункт на исследование. Спать лег в 10 ½ ч.

Доклад т.Перлиной Н.И. «К вопросу о плановом руководстве детским чтением» (1930)¹

[...] Вопрос о чтении классиков претерпел несколько фаз. Сначала после революции классиков совсем сбросили с корабля современности, потом их стали понемногу привлекать к чтению детей, но в этом вопросе не соблюли меры и внезапно обнаружилось резкое и недопустимое преувеличение. Классиков по школьным программам стали давать очень рано и в неумеренном количестве. Теперь вопрос о классиках опять стоит очень остро. Жизнь и психология старого буржуазного и дворянского общества так чужды нашим детям, что читать классиков просто так уже не в плане работы становится невозможным. У нас был случай, когда девочка, взявшая «Войну и мир» по школьному заданию, на второй же день вернула книгу и с негодованием сказала: «Я про графов и князей читать не намерена».

Итак, все острее и серьезнее становится вопрос о классиках. И нам представляется, что только путем продвижения классиков вместе с критической литературой или, по крайней мере, вместе с популярными, ясными и четкими предисловиями может вестись работа. Тогда останется вся неизмеримая польза чтения классиков в смысле воспитания эстетических навыков, литературного стиля и литературного вкуса без опасности неправильного освещения эпох, лиц, событий. [...]

Борьба пионеров за трудовую дисциплину [1930]²

Из плана работы 6-го отряда

...8. Выделить двух пионеров в пост тревоги.

9. Работу по выявлению прогульщиков поручить 11-му звену.

Из рапорта в пост тревоги:

11-е звено за день сделало следующую работу:

1. Написано 8 плакатов и вывешено в цехе.

2. Проверили приход рабочих на работу утром и с обеда. Выявлен 1 прогульщик—Троянов Сергей Иванович, раб. № 3805. Опоздали двое: Тихонов Николай, раб. № 3901, и Потехин Андрей Степанович, раб. № 3862.

3. Проверили нагрузку станков. На сборке два раза был простой по 10 минут: не было детали № 271. Потехин 6 раз уходил курить и был, кажется, выпивши. У него браку больше всех (по словам мастера). Иванов Петр, комсомолец, уходил два раза курить, уходил по 15 минут. Его рабочий № 3860.

4. Работали из звена 9 человек (все).

Звеновой Ковалев

Из дневника 3-го звена 9-го отряда

С прошлого сбора сделали доску соцсоревнования. Иванова Н. и Фомичева каждый день меняют материал. Материал получают в poste тревоги.

¹ НА РАО ф.5.оп.1.ед.хр.174, л.73-74. Машинопись. Копия.

² Кулябко Ю. Разве ты не победишь? Первые шаги перестройки Ленинградской пионерорганизации. М.-Л., 1931. С.16-17, 25-26.

Сделали шесть черных и красных досок и взяли над ними шефство.

Написали два письма семьям прогульщиков и послали.

Заключили девять договоров с родителями...

ДОГОВОР О СОЦСОРЕВНОВАНИИ

между пионером Александром Быковым

и рабочим 1-й сборочной В. Г. Быковым

Пионер А. Быков обязуется:

1. Аккуратно следить за черной и красной доской 3-й ленты.

2. Не иметь ни одного неуда.

3. Исправиться по физике — к 25/IV.

4. Не кататься на колбасе.

5. Быть активным в отряде.

Рабочий В. Г. Быков обязуется:

1. Снизить процент брака до 0,2.

2. Ходить на все производсовещания.

3. Не курить во время работы,

4. Не прогуливать. В пасху работать как во все дни.

5. Не входить и не сходить на ходу трамвая.

Если пионер А. Быков не выполнит своих обязательств, он сам заявляет на совет отряда о снятии с него галстука на 1 месяц.

Если не выполнит В.Г.Быков, - сам себя заносит на черную доску в мастерской и в завкоме.

Договор будет проверен 1 мая.

Обследования сел и находившихся в них детских садов¹

Описание села Белкина и проводимой там антирелигиозной работы.

А.Тулякова (воспитательница детского сада в с. Белкино) 12/V/30 г.

С.Белкино имеет дет.сад, работает уже непрерывно 4 года. В селе церковь, которую посещают большей частью зажиточная часть населения. Женщины, за исключением актива работников комсомолок и молодежи, посещают церковь все. Религиозно настроены старухи, а другие ходят по привычке – так заведено (быт). Мужчин в церкви бывает очень мало. Матери любят с собой брать детей, но школьный возраст уже в этом им не подчиняются. Дошкольники – маленьких водят, но 7летки уже отказываются многие. Обряды выполняются исключительно женщинами как причастие. Свадеб же много совершается без обряда, только роспись. Это входит в быт. Хоронят, совершают обряд церков[ный]. Крестят тоже всех. Суеверий много еще, но тоже среди женщин и особенно старух, котор[ые] являются главными храните[лями] всяких обычаев и суеверий: молятся о дожде, во время пожара обносят дом иконою. Раньше носили икону чудотв[орную], но это связано с некотор[ыми] убытками и потому в этом году отказыв[ались]. Женщины и старухи верят в чертей, в [с]глаз, леших, в порчу и много, много других.

В Белкине сектантов и др.веров[аний] нет, но рядом деревни с старообрядческим населением. Служители церкви имеют влияние особенно на женщин, они

¹ НА РАО, ф.1, оп.1, д.294, лл.193-224. Рукопись.

выступают активно среди населения, собирают подписи среди верующих агитируют за открытие церкви, с их стороны ведутся запугивания антихристом, кончиной света. Среди населения находятся личности, действующие с духовенством вместе. Такие личности имеют особенное влияние на женщин. Они противники всего нового. Всякое несчастье видят в новом и только от него. Духовенство, многие женщины и старухи враждебно относятся к организациям пионеров, комсомола, вели большую борьбу с молодежью и передовую часть населения, когда выносился приговор о закрытии церкви. Во время подъема коллективизации церковь была закрыта постановлением большинства общего собрания граждан населения, предварительно подготовив передовую часть населения, как комсомол[ьской] молодежи, женделегаток и др. граждан. Усиленная пропаганда об открытии церкви ведется и в настоящее время и о возвращении из тюрьмы арестованного священника. Антирелигиозное воспитание молодежи и пропаганда нового быта и идей ведется упорно все время. Эту работу проводит школа, дет.сад, ячейка безбожников, комсомол и члены ВКП. Проводятся антирелигиозные компании антипасха-Рождество.

II. Общественная и общественно-педагогическая работа.

Учреждение принимает участие в антирелигиозных компаниях, ведет постоянные беседы с родителями детей, входит в каждую семью, знает ее настроение со стороны политической и религиозной, знает каждую мать с обрядовым и против[обрядовым].

Учреждение агитирует среди каждой семьи за посещение клуба, школы во время докладов и лекций по антирелигиоз[ным] вопросам. В антирелигиозных компаниях выступает на собраниях школы I и II ступени. Тем на доклады и вопросов со стороны населе[ния] не имеется и восстановить трудно.

III Работа с детьми.

Учреждение ставит главной своей задачей воспитать в ребенке критическое отношение к выполнению всех религиозных обрядов, суеверий, праздников, служителям культа, основываясь на фактах, подводя его к материалистическому пониманию явлений природы.

Работа эта проходит при помощи бесед, детских собраний, частных бесед и ответов на детские вопросы.

Антирелигиозная работа входила в организующий момент «Зимний праздник», котор[ый] совпадал с праздником местным Рождества. В организующий моменты Октябрьской революции, Ленина дни, 8ое марта и Майский праздник входили работа о классах, как буржуазия, рабочие, их борьба. О служителях культа выяснялись вопросы с детьми, какой класс поддерживают служит[ели] культа, с кем и за кого они идут. Выяснялся вопрос о папе римском, с кем он идет и за кого – за буржуев или рабочих. Дети живое участие принимали о закрытие церкви, нужна она или нет и зачем. Так же живо откликаются и на деревенские разговоры об открытии ее. Часто создаются 2 лагеря за и против, смотря как настро[ена] его семья. К зимнему празднику дети сочиняли и придумывали сами лозунги как «долой старые праздники», «долой пьянки, драки», «Мы дошкольники за новую жизнь», за науку мы будем учиться и т.д. Также выяснялись вопросы, во что верят коммунисты, комсомольцы в науку или бога и почему в науку.

Разбирались как проводятся старые праздники... В антипасхальную кампанию были проведены с детьми беседы как духовенство относилось к ученым, суд над учеными, сожжение их на кострах, показывались иллюстрации. Цель беседы показать детям, как духовенство относилось реакционно и относится к науке. Вывод перед детьми духовенство защищает темноту и гонит светлое. С детьми устраивались договоры: как мы будем проводить антипасху, праздновать или нет. За что пойдет дет-сад, за старую жизнь за темную или они хотят новой жизни, быть учеными, верить науке. В связи с антирелигиозной пропагандой идет с детьми работа по природоведению. В посты дети отказывались есть постное, говеть и причащаться, и многие не ходят в церковь, не крестятся дома перед обедом и после, осмеивают предрассудки религиоз[ных] стариков, снимают кресты. Особенно такое настроение господствовало во время колхозного движения, потом началась реакция, которая продолжается и в настоящее время.

10)С детьми ведется работа о силе природы, дождь, гром, туманы – почему и отчего они и к чему тут сводится роль бога, наказания за грехи и т.д.

11)В беседах о заразе говорим с детьми о причастии одной ложкой и больных, и здоровых, целования всеми креста, чудотворн[ых] икон, христов[ания], крещения холодной водой и в одной купели всех и т.д. Выясняем какой вред от этого и что бывает.

13)Для антирелигиозной работы учреж[дение] по возможности старается использовать все моменты: как местные праздники, закрытие церкви и др. моменты как разговоры, вопросы от детей о чудесах, боге, обрядах, постах, о церкви, святых, разных чудесах.

14)Организуемый момент + антипасхальный – связанный с майской подготовкой.

Беседы.

1)Беседы с детьми о перемене в природе, о ее рождении, пробуждении от зимнего сна, природа воскресла и как этот момент был использован в воскресение Христа [легенды, сказания]. Раньше люди праздновали воскрес[ение] природы.

2)Как празднуется в деревне этот праздник: пьянки, гулянья, объедение, болезни и т.д. т будем ли мы праздновать старые праздн[ики], пойдут ли в церкву или устроим что-либо в дет.саду. Вызвать критич[еское] отношение к праз[дникам].

3.Составление программы с детьми как использовать пасху в дет.саде. Предложение руков. о подготовке в 1му мая.

4.Выработка программы 1го мая вместе с перваками. ...

А.Тулякова 12/V 30 г.

Добринский дет.сад. Обследование по вопросу антирелигиозного воспитания дошкольника

I.Общие условия

1.Детский сад в деревне.

2.Религиозное окружение.

А) 2 церкви правосл. и 1а правос-старообрядческая (Всего 3).

Б) посещаемость по класс(овому) составу – одинаковая; по полу – больше женщины; по возрасту старики и по большим праздникам молодежь (девушки) и дети.

В) Школ в домах у населения не имеется. Праздники религиозные все соблюдаются. Посты соблюдают взрослые и дети только очень редко. Обряды выполняются гл(авным) образом крестины и похороны (свадьбы очень редко церковные – больше «красные»).

Г) регулируются, но не всеми и не всегда. «Покос – после Петрова дня», жатва с «Ильина». Рассадку сажают на Арину рассадницу – (последнее выполняют немногие).

Д) прибегают к лечению, но редко, более распространен заговор зубной боли. Религиозные суеверия в быту мало заметны, по словам их нет, а так за это время не наблюдалось.

Е) народные суеверия сохранились только у старух и некоторых отсталых женщин. Верят почти все в «нечистую силу».

Ж) сектантов в деревне не имеется.

З) активность служителей культа не была замечена.

И) детских религиозных организаций нет.

3) Антирелигиозное окружение района.

Приговор о закрытии церкви исходил от комсом[ольской] ячейки и дерев[енского] схода, но после через 2 месяца церковь была опять открыта.

Б) не имеется.

Г) антирелигиозная работа ведется школой и учительским коллективом. Ячейки безбожников нет в деревне. Охвачено антирелигиозной работой дет.сад, школьники мальчики-подростки и частично взрослая молодежь (парни).

Д) проводится (антирождеств., антипасхальн.) Вовлечение населения еще слабое (%% 5 или 8). Отношение скрыто враждебное и частично равнодушное.

I. Обществ. и общ-педаг. работа.

4) Участие дет.сада в антирелигиозных кампаниях, доклады руков-цы на родительском собрании и в кружке по дошкольному воспитанию.

5) Церкви посещаются населением гл[авным] образом на очень большие праздники, дошкольников берут туда редко. Иконы кроме 2х семей на деревне все имеют. Большой активности вовлечения исполнения обрядов детьми не наблюдалось.

б) По антирелигиозному воспитанию масс – учреждение ведет работу: - добиваться от родителей не внушать детям различ[ных] религиозных верований, исполнений обрядов и пр. и не задерживать их дома, когда д/сад занимается. Путем докладов, выставки по антирелигиозному вопросы (из колонии «Бодрая жизнь») и личных бесед. ...

Вопросы были о святых книгах, почему все исполняется, что там написано. Почему и ученые верят в бога? Говорили: «нас уже не переучишь а детей как хотите учите. Как же мне отвечать ребенку, когда он видит зажженные лампы и спрашивает, зачем они и что такое бог, где он? Конечно, я отвечаю так, как сама верю». «Никто не может доказать, что бога нет!»

В) Был только недавно антипасхальный вечер для всего населения: 1) Был доклад от партячейки на тему. 2) Химические опыты, объясняющие некоторые чудеса. 3) Кинопостановка «Герой домны».

Г) Не было.

Д) Демонстрация была только школьная. На 1й день рождества – был лыжный пробег в соседнюю деревню с различными лозунгами.

II. Работа с детьми. ...

8. ... в) В беседах – на примерах, кто ходит в церковь. Проведена мысль – что только старики да богатые любят ходить в церковь – а все коммунисты, сам Ленин и учителя – в церковь не ходят, икон не имеют и пр.

г) Специально антирелигиоз[ных] утренников и праздников не было. Было только на эту пасху 20/IV антирелигиозная экскурсия из деревни на луг, где и были антипасхальные выступления 2х школ и 1 дет/сада. ...

9. Беседы со старшей и средней группой.

А) привлечь детей к антипасхальной экскурсии.

Б) давнишнее желание детей пойти на луг, к реке.

В) вопросы руков-цы: что делается в праздник на деревне, хорошо ли детям. Что мы покажем, если уедем почти на весь день.

Г) дети кроме одного мальчика (отстающего Кузм. 7 л.) вели себя вполне организовано и решили и дома сказать, что и праздновать не будут, пойдут в дет.сад, а оттуда на реку.

Д) Руков-ца направляла беседу в нужное русло, не давая ей отвлечься в другие стороны.

Е) школьники-пионеры предложили сделать плакаты на грудь: “Вон из деревни, где празднуется пасха” и др. Приняли для старших детей. ...

З) дети как один пришли в 1й день пасхи и провели демонстрацию. ...

15.а) и б) Рук-ца: ребята, вы давно меня все спрашиваете про рождество, почему мы в д/с-у его не празднуем. Я вам расскажу это сейчас. Люди, когда мало учились, мало что знали и верили в то, чего и не было, и не могло быть. Верили там в Христа, что вот он родился и спас людей всех. Когда люди стали более ученые, они поняли, что это не могло быть, и значит зачем же праздновать чего нет? Зачем нам праздновать рождение Христа, которого м.б.вовсе и не было, и который хотя бы и был, нам ничего хорошего не сделал. Вот мы и не празднуем это рождество, а его празднуют лишь старые люди, темные люди. Мы будем свои праздники устраивать, понятные нам. Дети: А почему лампадки зажигают на рождество? Почему до звезды не дают поесть? Рук-ца: Лампадки – так принято у старых людей, как праздник по-ихнему, то зажигать. По нашему не надо. Мы зажжем фонарики. Про звезду тоже так люди старые верили, что нельзя есть (далее зачеркнуто: т.к.звезда появится значит и христос скоро родился). ...

16. Список книг. Книжная полка безбожника-активиста (Глон)

“Мысли Ленина о религии” (под ред. Научного Общества “Атеист”).

“Почему ребенок становится суеверным” (Иохансон) ...

Трудности работы гл(авным) образом это та среда, которая у ребенка рождает обратное представление с тем, что мы ему говорим. И если бы не среда – сам

по себе ребенок вовсе не религиозен и суеверен и легко и до(ольно) твердо воспринимает ясно или ярко преподносимые понятия. (Самая большая трудность в нас самих, в нашей неподготовленности из-за недостатка времени.)

Руков-ца Добринского дет.сада [подпись]

27 / IV 30 г.

Обследование семьи в религиозном отношении¹

Февраль 1933 г. Коммуна им.Сталина

Обследов[ала] Васькова

Карахановой Витя

В коммуне состоит с 1931 г. Русский.

1. В комнате образов нет и креста не носят.

2. В церковь не ходят никто.

3. (Как часто) нет

4. (Соблюдают ли религиозные обряды при свадьбах, похоронах) Сама мать венчалась и разводилась, а после выходила замуж безовсякой свадьбы. Похорон своих не было но на похороны ходила к родным и брала сына.

5. (Отмечают ли религиозные праздники внешним образом, в одежде) В коммуне религиозных праздников не заметно но праздник справляет ходит всюю деревню откуда она пришла в коммуну и берет своего сына. Но редко это было летом с лета ище ничего не наблюдалось. Когда ходит к празднику и одевается по праздничному.

6. В домовых лешев и чертей она сама не знает, что оне есть или нет. Говорит никогда не видала.

7. (Прибегают ли для лечения к знахарям, кто) Личиться она здесь никуда не ходила но сама говорит, что не куда нехожу кроме больницы.

8. Крест ребенок не носит.

9. (Говорят ли ему о боге, домовых, леших) О боге домовых чертей и т.д. мать ему не чего не говорит и о этом не знает не чего ребенок.

10. (Рассказывают ли ему волшебные сказки) Сказок волшебных ему не рассказывает потому, что мать сама не чего о этом не знает.

Выводы. Мать этого ребенка нерелигиозная совсем но полурелигиозная она сама не знает, что есть бог или нет и верит всему кто ей что скажет. Верет она это все потому, что она сама не грамотна но в ребенке ее религиозности несколько нечувствуется.

Угодский завод 1930 г. Обследование материала по вопросу антирелигиозного воспитания дошкольника²

[...] 9. В старшей группе (6-7 летки) перед пасхой стали возникать разговоры о подготовке домашних к празднику, о посещении церкви и т.под. С целью ослабить влияние семьи в этом направлении, проведены беседы (разговоры о пасхе вели гл.обр. 3-4 чел. недавно начавшие ходить). Проводилась она в форме простого разговора во время свободного рисования. Роль руководительницы заключалась в том, чтобы втянуть в разговор ребят, настроенных антирелиги-

¹ НА РАО, ф.1, оп.1, д.294, лл.193-224. Рукопись. Подлинник.

² НА РАО, ф.1, оп.1, д.294, лл.193-224. Рукопись. Подлинник.

озно, и дать разговору определенное направление, чтобы осветить бессмысленность молитвы и материальную заинтересованность в молитве служителей культа. Что такое бог? – Икона, в углу висит, – был ответ. Другие возразили: икона – доска, ее всякий нарисовать может. Тогда защитники религии сказали – бог на небе. – А что такое небо? – Воздух, облака. – Где же там бог? Старые дошкольники сказали – бога нет, на небе аэропланы летают, и никто там никакого бога не видел. – А как же батюшка молится? Спросили защитники религии. Путем наводящих вопросов выясняется, что когда батюшка молится, ему дают полтинник, в селе двести домов, обойдет их – двести полтинников – сто рублей. Одна из защитниц церкви полусмущенно, полуобиженно улыбаясь, говорит: я скажу мамке, чтобы ему больше не давала.

...16. Никакой детской антирелигиозной литературы в детсаду нет. Рассказы брались из жизни, или приспособлялись рассказы для взрослых.

Частушки взяты из школы: Я на бочке сажу ножки свесила, мы без бога стали жить очень весело. Стал поп звонить, влез на лесенку, с кумаком поет одну песенку, и т.под.

М.Хондзынская.

Отчет о работе Угодско-Зав[одского] детсада за II квартал 29-30 года¹

[...] План работы детсада на II квартал проведен в жизнь частично.

По I организующему моменту. Агитация за колхозное строительство, развернувшаяся в декабре м-це, настолько захватила как организации, так и массы граждан, что все другие интересы были забыты; таким образом, выделять вопрос о юбилее детсада оказалось несвоевременным.

Работа по II организующему моменту была начата как с детьми, так и с родителями. С последними проведена антирелигиозная беседа, в результате которой вынесено постановление – не пускать детей христославить, не устраивать елок, заменить последние общим детским праздником, на который родителям собрать денег. Удачно начатая работа была сорвана эпидемией свинки, начавшейся в конце декабря. Посещаемость упала до 4 – 5 чел. в день, и детсад постановлением врача был закрыт до 15/I. Во время этого вынужденного перерыва по распоряжению центра оп[ытной] ст[анции] была реорганизована группа семилеток: семилетки были распущены, и в детсад зачислены дети граждан, первыми записавшихся в коммуны (в количестве 24 хоз.). Так как вновь принятые ребята были преимущественно малыши, то и характер работы с ними был иной, нежели намечался ранее по плану на III орг.момент. С 22/I по 1/V были зимние каникулы. С 1/II по 5/II детсад по предложению РИКа переехал в другое помещение, и занятий с детьми не было. Благодаря этому IV организующий момент выпал целиком. С 5/II занятия пошли регулярно, но так как и дети, и помещение, и окружающая его среда были новыми, то 5ый организующий пришлось заменить таким: участие детей в организации жизни группы. С момента реорганизации детсада работа с родителями принимает, в значительной части, характер агитации за посещение детьми детсада, и агитации, надо сказать, безрезультатной. Дело в том, что в списки занесен ряд семей, слабо заинтересованных детсадом. Часть из них составляли служащие, не

¹ НА РАО, ф.1, оп.1, д.294, лл.193-224. Рукопись. Подлинник.

предполагавшие долго оставаться в нашем селе и потому не спешившие закрепить связи с детсадом, часть местные крестьяне, всегда и раньше пассивно относившиеся к дошкольному воспитанию (Их детей только временами удавалось привлекать в детсад). Цифры говорят следующее: 12 человек за два месяца (февраль – март) дали 61 посещение вместо 514, если исключить 72 пропуска по болезни, все же остается еще 381. Большинство детей хорошо обуты и одеты, часть похуже, но все же на улицу ходят. В то же время кругом было много ребят, рвавшихся в детсад. Чтобы хоть несколько сгладить создавшееся противоречие и не дать пустовать детсаду, все приходившие по своему почину дети принимались, но как “временные”. Это повысило посещаемость, но не дало удовлетворения ни “временным” детям, ни их родителям, ни руководящему персоналу. Первые и вторые не чувствовали себя твердыми членами дошкольного коллектива с определенными правами и обязанностями и это подрывало их интерес (некоторые прямо говорили: “временно” я посылать ребенка не буду: это только дразнить его), благодаря чему получилась текучесть состава группы, что в свою очередь затрудняло педагогическую работу. Надо добавить, что запись в коммуну во время реорганизации и после нее продолжалась, и к концу января все село числилось в коммуне, так что предпочтение семьям, не посылавшим детей в детсад, ничем не оправдывалось; изменить же такое положение мог только центр.

Та же волна колхозного движения, на которую указывалось выше, смыла и работу кружка матерей. Последние, захваченные новизной открывавшихся перспектив, занятые чуть не ежедневными собраниями, не могли остановиться на углубленной проработке педагогических вопросов. Зато другой момент, и раньше волновавший родителей, теперь приобрел особенно острый интерес – это вопрос о восстановлении II группы детсада. После многочисленных обсуждений этого вопроса с Советом сада, с представителями организаций, с К.С.О., от последнего в конце февраля получено определенное обещание дать работника.

Работа по ликбезу велась с группой малограмотных женщин в 10 чел. в деревне Угодке. В январе занятия шли усиленным темпом (почти через день). Занимались и на первый день рождества. Распространялась антирелигиозная литература. В феврале из-за недостатка времени пришлось временно прекратить занятия.

Работа с неорганизованными дошкольниками все время срывалась заболеваниями детей. Эпидемия свинки, ветрянки, отдельные заболевания скарлатиной то и дело заставляли настораживаться и воздерживаться от объединения детей детсада со школьниками и неорганизованными. Эпидемический характер имела скарлатина в Коммуне им. Сталина, и это лишило нас возможности сблизить детколлективы обоих садов, как предполагалось в начале года.

Участие в колхозной кампании выразилось в освещении вопросов колхозного строительства в занятиях с группами малограмотных, в беседах с родителями, в участии в учете имущества хозяйств, входящих в коммуну.

М. Хандзынская.

Заявления дочери об отказе от отца. Незаконченная история¹

Председателю Веряевского с/с

гр-ки У. Евг. Ал-др.

Прошу с/совет выдать мне справку о том, что я порвала связь с отцом — служителем религ. культа в с. Веряеве гр. У. А. В. Раньше меня, как несовершеннолетнюю, удерживали дома родители, отчасти не могла уехать из с. Веряева из-за неполучения паспорта.

В настоящее время достигнув совершеннолетия и порвав связь с семьей я стану в ряды трудящихся и буду работать для Советской страны

12/V.1935 г. подпись

№ 59-72 19/VI-1935 г.

Председателю Веряевского сельсовета

На основании того, что гр-ка У. Евгения Александровна порывает всякую связь с своим отцом священником У. Александром Вас. предлагаю ей выдать об этом справку, т.к. о разрыве связи У. опубликовала в райгазете от 13/VI-35.

Вр. И. О. Прокурора Пителинского р-на М.О. подпись Кириллов

На обороте документа имеется резолюция:

Выдать справку о социальном положении на получение паспорта.

15/VI-35 г. Пред. с/с подпись

В Пителинский Президиум РИКа Московской области

гр-ки с. Веряева Пителинского района

Московской области У. Евгении Александровны.

Заявление.

Прошу Пителинский Президиум Р.И.К.а рассмотреть мое заявление в нижеследующим: так как неоднократно я обращалась в Веряевский с/совет и представляла все данные на получение мне справки, о том, что, я порываю связь с отцом священником У. Алек. Василь., но с/совет до сего времени не выдал, чем задерживает моего выезда из Веряева от отца, а посему прошу Пителинский Президиум Р.И.К.а взайти в мое безвыходное положение, вынести свое постановление что бы с/совет выдал мне вышесказанную справку, при сем представляю объявление районной газеты от 13/VI-35 года, заявление в Веряевский с/совет и предложение Прокурора за № 59-72 /от/19/VI-35 года о выдаче мне справку

19/VI-35 года К сему подпись

На заявлении имеется резолюция:

Объявление в газете не является еще подтверждением порыва связи и кроме того с/сов. незачем давать об этом справку так как для этого служит объявление в газете. 3/VII-35 г. подпись

На заявлении имеется угловой штамп:

Сасовский межрайонный коллектив защитников Пителинская юр. консультация

Составил чл. кол. подпись

¹ Государственный архив Рязанской области. Ф.Р-32, оп.4, д.12, лл. 28-30; опубликовано Г.К. Гольцевой в журнале «Карта», 26-27, 2000; фамилия автора заявлений не указана из этических соображений.

Положение о детдоме для физически-дефективных детей 21 августа 1935 г.¹

I. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

1. Детский дом для физически дефективных детей является учреждением, обеспечивающим детям овладение определенной профессией, на базе общего образования и коммунистического воспитания.

2. Детдома для физически-дефективных детей организуются отделами СО [социального обеспечения] и находятся в их ведении.

3. В детдом для физически-дефективных детей принимаются физически-дефективные дети в возрасте от 4-16 лет, при чем, в первую очередь, принимаются беспризорные и безнадзорные дети...

ПРИМЕЧАНИЕ: Отделы СО по утверждению Исполкома могут принимать детей, имеющих родителей с оплатой содержания детей за счет родителей в соответствии с их заработком.

4. Отбор детей в детдома производится Комиссией при Краевом, Областном Отделе СО, в составе врача, представителя Детдома, Отдела СО (пред. Комиссии) и других специалистов в случаях необходимости.

Комиссия руководствуется при решении вопросов о приеме детей в детдома установленными НКССО показаниями и противопоказаниями, с учетом особых условий работы данного детдома, утвержденных Отделом СО.

5. Детдома для физически-дефективных детей содержатся на средства, ассигнуемые Краевыми, Областными и Городскими Отделами СО. Каждый детдом имеет самостоятельный бюджет, утвержденный соответствующим органом СО.

ПРИМЕЧАНИЕ: К материальному участию в организации детдома для физически-дефективных детей могут быть привлечены Д.Т.К., страхкассы, добровольные общества и родители.

6. Детдом имеет свою печать и штамп.

II. УПРАВЛЕНИЕ ДЕТДОМОМ.

7. Непосредственное заведывание детдомом и руководство всей учебно-производственной и административно-хоз. деятельностью возлагается на Зав. Детдомом, который, руководя на основе единоначалия, несет полную ответственность за состояние всей воспитательной учебно-производственной работы в детдоме.

8. Зав. Детдомом назначается и увольняется НКССО по представлении местными отделами СО. Зав. Детдомом назначается из лиц с педагогическим стажем не менее 3-х лет с подготовкой не ниже педтехникума.

9. На Зав. Детдома возлагается:

а) Руководство всей деятельностью детдома, наблюдение за выполнением учебного плана и производственной программы.

¹ ЦГА ф.2554, оп.2, д.115, лл.1-3об. Ленинградский городской отдел социального обеспечения. «Положение о детдоме для физически-дефективных детей». Сверху «НКССО 15-2-01 21/VIII-35 г. Утверждено Нарком С. О. И. Наговицин 31/VIII-35 г.» Машинопись. Копия. Ниже надпись красным карандашом: «Верно» и подпись.

б) Укрупнение [опечатка вместо «укрепление»] трудовой дисциплины работников и воспитанников детдома, а также создание всех условий для развертывания соцсоревнования и ударничества.

в) Распоряжение в пределах сметы кредитами, отпускаемыми на содержание детдома, представление в надлежащие органы смет и финансовых отчетов.

г) Несет полную ответственность за сохранность имущества детдома и за всякого рода хищения и пропажи отвечает по закону, как за расхищение социалистической собственности.

д) Несет ответственность за учебно-воспитательную работу.

е) Приглашает и увольняет техперсонал.

ж) Отвечает за работу подсобного хозяйства.

10. За санитарную и лечебную часть учреждения отвечает врач, который утверждается отделами СО по представлении Зав. Детдомом. Врач также ведет наблюдение за обще-физическим состоянием каждого воспитанника и осуществляет контроль при занятиях физкультурой.

11. Штаты в детдомах утверждаются органами СО по представлении Зав. Детдомом, на основании утвержденных штатов для детдомов физически-дефективных детей.

Оплата и условия труда регулируются специальными постановлениями органов профсоюзов и Правительственными Постановлениями о преимуществах работников Детдомов.

12. В целях обеспечения помощи и постоянного общественного контроля за состоянием детдомов при детдомах организуются специальные наблюдательные советы, которые создаются и работают на основе Положения НКССО о наблюдательных Советах.

13. В каждом детдоме в целях учета детей, работы и материальных ценностей детдома в обязательном порядке должны быть следующие книги и документы по учету:

а) книга движения детей,

б) личная учетная карточка воспитанника детдома,

в) книга распоряжений Зав. детдомом,

г) производственный план детдома,

д) классные журналы для школы и мастерских,

е) книга учета движения и использования кредитов,

ж) материально-продуктовая книга,

з) инвентарная книга,

и) книга учета питания воспитанников,

к) постановления и распоряжения вышестоящих организаций.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РАБОТЫ.

14. Детский дом для физически-дефективных детей имеет своей задачей:

а) Дать общеобразовательную подготовку в объеме неполной средней школы.

б) На основе производственного обучения дать законченную профессию в соответствии с утвержденными НКССО видами труда при данном доме.

в) Всей системой организации детдома, учебно-воспитательной работой и всеми доступными медико-педагогическими средствами решает задачу раскалечивания физически-дефективных детей.

15. Для осуществления задач, указанных в пункте 14, при детдоме организуется:

а) школа, б) учебно-производственные мастерские, в) сельско-хозяйственное производство.

ПРИМЕЧАНИЕ: Мастерские и сельск.-хоз. в детдомах должны быть организованы по различным профессиям и видам, с учетом местных условий и преобладающих форм калечества детей, воспитывающихся в доме.

16. Для малограмотных переростков должны быть организованы группы, в которых они по ускоренным программам должны получить знания в объеме 4-х летки и производственную подготовку, обеспечивающую последующее их трудоустройство.

17. При наличии в детдоме детей дошкольного возраста организуются специальные группы, работающие по положению о детсадах.

18. В целях лечебных и наилучшего обеспечения учебно-производственного процесса с физически-дефективными детьми, рабочие места последних, детдом обеспечивает специальной мебелью и соответствующим оборудованием.

19. При распределении детей и подростков по классам, необходимо учитывать возраст, физическое и интеллектуальное состояние, форму инвалидности, школьную подготовку и данные педагогического обследования и профотбора, принимая во внимание, по возможности, склонности детей.

20. Распределение воспитанников по производствам и дозировка нагрузки учебной и производственной работы производится совещанием которое состоит из врачей, педагогов и инструкторов.

21. Успеваемость воспитанников устанавливается на основе текущей индивидуальной систематической проверки по теоретическому и производственному обучению. В конце года устанавливаются проверочные испытания, а для старших классов и квалификационный зачет по производственному обучению, принимаемый специальной квалификационной комиссией в составе: Завдетдомом, врача, представителей общественности, партийных и профорганизаций, педагогического коллектива и инструкторов соответствующего производства.

Окончившие обучение воспитанники снабжаются удостоверением о проведенном стаже и квалификации и трудоустраиваются органами СО в соответствующих учреждениях вне детдома.

22. Для воспитанников, успешно-выполнивших на основе соц. соревнования и ударничества учебно-производственный план, устанавливается премирование из спец. средств детдома.

23. С целью стимулирования производственной работы воспитанников старших классов, может быть введена система отчисления из прибыли от реализации продукции детдома для указанных воспитанников. Порядок расходования этих сумм устанавливается Зав. Детдомом.

24. По достижении 16-ти летнего возраста воспитанники детдомов СО, в зависимости от состояния здоровья и степени освоения ими знаний¹ и овладения

¹ Следуют буквы «ит», очевидно опечатка.

профессией, направляются для работы через соответствующие отделы СО в УПМ, Профтехшколы, или Техникумы НКСО, или артели инвалидов.

Те же из указанных воспитанников детдомов спец. назначения, – СО, которые в состоянии работать в предприятиях Госпромьшленности, Промкооперации, в совхозах и колхозах, а также обучаться в общего типа техникумах и рабфаках направляются через Отделы в перечисленные предприятия и учреждения.

Направление на работы и дальнейшее обучение должно производиться на основании предварительной договоренности с соответствующими предприятиями, учреждениями или учебными заведениями. Дети, направляемые на работу и обучение, должны обеспечиваться жильем и содержанием, а также должны снабжаться при выпуске из детдома обмундированием и бельем.

В случаях наличия договоренности Зав. детдомом может направлять детей для работы непосредственно в предприятия, поставив немедленно в известность об этом отдел СО. Дети, не могущие, вследствие инвалидности работать в каком-либо из перечисленных предприятий [или] учреждений, или продолжать дальнейшее образование направляются в дом инвалидов. Детский дом обязан этой категории детей, в период прибывания их в доме обеспечить усвоение по крайней мере одного из видов умственного или физического труда в соответствии с характером инвалидности ребенка.

IV. СОВЕТЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ.

26. Для правильной постановки учебно-воспитательной работы при детдоме создается методико-педагогический совет, в составе Зав. Детдомом, врачей, педагогов, инструкторов, представителей от партийных и проф. организаций.

27. Методико-педагогический Совет созывается [я] Зав. детдомом для обсуждения следующих вопросов:

- а) производственного плана работы и распределения работы между отдельными работниками детдома.
- б) Вопросов, связанных с улучшением профобразования.
- в) Вопросов, связанных со школой, которую посещают воспитанники.
- г) Повышения качества воспитательной работы.
- д) Выпуска воспитанников.

V. РЕЖИМ РАБОТЫ ДЕТДОМА.

28. Теоретические и практические занятия чередуются, согласно программы нормальной школы: продолжительность занятий в школе и в мастерских – 40 мин.

В отдельных классах и отдельных случаях допускаются изменения в сторону уменьшения.

29. Начало и конец учебного года – обычны, как и в нормальной школе, продолжительность перерывов и летних каникул могут быть установлены на местах, соответственно контингенту детей.

30. Примерный режим детдомов для физически-дефективных детей устанавливается следующий:

Подъем	в 7 час.
Гигиена	7 – 7 ч. 30 мин.
Линейка, физкультзарядка	7 ч. 30 мин. – 7 ч. 45 мин.
Чай	7 ч. 45 мин. – 8 ч. 15 мин.

I-й урок	8 ч. 30 мин. – 9 ч. 10 мин.
Перемена	9 ч. 10 мин. – 9 ч. 20 мин.
II-й урок	9 ч. 20 мин. – 10 ч.
Перемена	10 ч. – 10 ч. 10 мин.
III-й урок	10 ч. 10 мин. – 10 ч. 50 мин.
Перемена	10 ч. 50 мин. – 11 ч.
IV-й урок	11 ч. – 11 ч. 40 мин.
Мытье рук	11 ч. 40 м. – 12 час.
Обед	12 час. – 12 ч. 30 мин.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ:

Для старших классов

Перемена 12 ч. 30 мин. – 13 ч.

V-й урок 13 ч. – 13 ч. 40 мин.

Перемена 13 ч. 40 мин. – 13 ч. 50 мин.

VI-й урок 13 ч. 50 мин. – 14 ч. 30 мин.

Перемена 14 ч. 30 мин. – 14 ч. 40 мин.

Примечание: От 13 ч. до 14 ч. 30 мин. 3-й и 4-й классы – свободные от занятий подготавливают уроки, занимаются др. самостоятельными работами под при-
смотром педагога.

Для дошкольников и 1-2 классов

Перемена 12 ч.30 мин. – 12 ч. 45 мин.

Мертвый час 12 ч. 45 м. – 14 ч. 30 м.

Перемена 14 ч. 30 мин. – 14 ч. 40 мин.

Чай 14 ч. 40 мин. – 15 час.

Прогулка 15 час. – 16 ч. 30 мин.

Лечение 16 ч. 30 мин. – 17 ч. 30 мин.

Ужин 18 ч. 30 мин. – 19 час.

Свободное время 19 час. – 20 час.

Сон от 20 ч. 30 мин.

Чай 14 ч. 30 мин. – 15 час.

Мертвый час 15 ч. – 16 час.

Прогулка 16 час. – 17 ч. 30 мин.

Лечение 17 ч. 30 мин. – 18 час.

Ужин 18 ч. 30 мин. – 19 час.

Кружк. работа 19 ч. – 20 час.

Свободное время 20 час. – 21 ч. 30 мин.

Сон от 21 ч. 30 мин.

31. Примерный режим дня на летний период:

Подъем

Гигиена

Линейка и физкультзарядка

Чай

Солн. ванны

Прогулка и занятия с/хоз

Обед

Мертвый час

Прогулка или занятия с/хоз	14 ч. 30 мин. – 16 час.
Чай	16 час. – 16 ч. 30 мин.
Лечение	16 ч. 30 мин. – 17 ч. 30 мин.
Кружк. работа	17 ч. 30 мин. – 19 час.
Ужин	19 час. – 19 ч. 30 мин.
Своб. время	19 ч. 30 мин. – 21 ч. 30 мин.
Сон	21 ч. 30 мин.

Примечание: Дошкольная группа и 1-й класс, Свободное время – 19 час. 30 мин. – 20 ч. 30 мин. Сон от 20 час. 30 мин.

VI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТДОМА.

31. В детдоме для физически-дефективных детей организуется детское самоуправление на основании положения для детдомов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Пионерработа в детдоме для физически-дефективных детей организуется, согласно указаниям ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса о пионерработе в нормальных детдомах.

VII. О ДИСЦИПЛИНЕ.

32. В целях поощрения детей должны быть применены различного рода педагогические мероприятия по отношению к детям, обнаруживающим старание хорошо учиться в школе и в мастерских и отличающимся примерным поведением. К поощрительным мероприятиям относятся – премирование билетом в театр или кино, книгой, спортивным инвентарем, экскурсией и т.п. Равно допускается лишение удовольствий детей, умышленно неподчиняющихся требованиям педагогов и нарушающих порядок дня и режим учреждения.

33. Воспитанники, систематически нарушающие режим колонии, упорно не поддающиеся воспитательным воздействиям, исключаются из детдома и помещаются в детучреждения для трудновоспитуемых.

Исключение производится Зав. Детдомом на основании заключения педагогического совета.

Зав. группой д/д _____ Слободянский

Стенограммы выступлений на совещании в ЦК о работе комсоров 28/IV 37 г.¹

Тов. Коган (Ленинград, Володарский район, школа № 25)

Наша школа находится на окраине города, в районе Нарвской заставы против «Большевика». Рядом с нашей школой имеется церковь. По праздникам там бывает полно народу, причем большей частью молодежь. Среди них много учащихся. В церкви выступает хороший хор, который забьет наш районный школьный хор, а он у нас считается хорошим. В этом нам можно у них поучиться. А мы, комсомол считает, что все благополучно и антирелигиозная работа совсем заброшена. Нам в школе приходится вести чрезвычайно большую антирелигиозную работу, особенно за последнее время.

Недавно школьный совет обсуждал вопрос о связи антирелигиозного воспитания с учебными предметами. Наше совещание должно натолкнуть нас на улучшение и усиление антирелигиозной работы.

¹ РГАСПИ ф.17 оп 120 д.237, лл.51-61. Машинопись. Подлинник.

Мы получили не так давно письмо ЦК ВЛКСМ о развертывании оборонной работы. У нас в Ленинграде было специальное совещание по этому вопросу. Но нашу работу в этом направлении не контролируют. Мы создали очень интересный кружок танкистов для 9-го и 10-го классов. В этот кружок пошли и девушки.

ГОРБУНОВ – Директор школы 329 Москва. Я не могу сказать про своего комсорга, что все было хорошо. В первое время у меня были большие осложнения и, если бы я не начал тихую тактическую работу с комсоргом, то может быть у нас были бы такие разговоры, как здесь говорил товарищ из Киева. Зазнайство есть. Комсорг так отделен, что комсорга критиковать негде. Вот была районная педагогическая конференция, там должны бы были присутствовать комсорги, а там из 19 школ присутствовал только один комсорг. Следовательно, где может учительство дать оценку комсоргу? Нигде. И поэтому комсорги очень часто принимают на себе несвойственные им функции. Мало бывает открытых комсомольских собраний. Открытые комсомольские собрания проводятся почти исключительно для приема в члены комсомола. Общение с несоюзной молодежью, воспитательная работа – недостаточны. Собрали мы общее собрание 8-9-10 классов по вопросу о плохой успеваемости в старших классах. Хотя о собрании мы с комсоргом условились заранее, но он несерьезно подошел к его подготовке. После доклада никто из учащихся не выступил.

Из 1140 чел. учащихся 70 чел. комсомольцев, правда, мы три года тому назад не имели этого, когда на 1500 чел. мы имели 5-6 комсомольцев, но и сейчас могло бы быть больше, если бы была больше развернута массовая работа.

Комсорг парень неплохой, с которым можно работать, но на это нужно потратить много времени.

Здесь говорили о настроениях и как на эти настроения реагирует райком комсомола. Лишь только что-либо случится начинают «прорабатывать». Вот в школе у меня имел место случай антисоветского разговора, выяснилось, что говорил тот, у кого родня сослана. Только, что вчера узнали, мы сегодня делаем распоряжение, а приходит вожатый из райкома комсомола и говорит: «нас уже там прорабатывают». Там и РОНО заявляет: «опять... Горбунов!» И так директору приходится скрывать кое-какие случаи, чтобы не говорили, невозможно, чтобы каждый сморчок превращался в большое политическое дело. Ребята дома разные разговоры слушают, вместо того, чтобы раз'яснить им тот или иной вопрос, мы сразу его отталкиваем.

Из протокола заседания бюро Оренбургского обкома ВКП(б) о немецких школах¹

Строго секретно 23 июня 1938 г.

[...] Враги народа, орудовавшие в органах народного образования, вопреки желанию трудящихся немцев, всячески стремились отгородить немецкие школы от русских, превращая их в очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей.

Практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке,

¹ Из истории оренбургских немцев: Сб. документов. Оренбург - Москва, 2000. С. 212-213.

преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях (из Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 января 1938 года).

В целях ликвидации последствий вредительства и учитывая желание трудящегося немецкого населения Оренбургской области, бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Представить на утверждение ЦК ВКП(б) следующие мероприятия по реорганизации преподавания в немецких школах области:

а) начальную школу поселка «Цветная пустошь», начальную школу поселка Погромное Павловского района, начальную школу села Вознесенского Сакмарского района, где учащиеся владеют русским разговорным языком, перевести на русский язык с начала 1938/39 учебного года;

б) ввиду того, что учащиеся всех остальных начальных школ Люксембургского, Кичкаского, Буртинского, Соль-Илецкого, Сакмарского и Ак-Булакского районов плохо владеют разговорной русской речью, или же совсем не знают ее, реорганизацию этих школ провести постепенно, увеличив количество часов русского языка за счет немецкого на 600 часов. Преподавание русского языка начать с первого года обучения, с тем чтобы к 1940 учебному году подготовить школы к полному переводу их на русский язык;

в) перевести преподавание на русский язык с нового 1938/39 учебного года во всех неполных средних и средних немецких школах Кичкаского, Люксембургского, Буртинского, Ак-Булакского и Соль-Илецкого районов.

2. Обязать отдел школ обкома ВКП(б) и ОблОНО просмотреть весь состав преподавателей немецких школ с целью установления возможности оставления их в школах, а освободившихся из этих школ учителей — немцев — использовать в качестве преподавателей немецкого языка в русских и нерусских школах. Обеспечить эти школы вовремя и полностью соответствующими учебниками и учебными пособиями.

ДЕТИ О СЕБЕ

Стихотворение Клавдии Глухих

Колхоз «Гигант», с.Елань, Школа колхозной молодежи, 1930¹

Собрались вокруг стола

Весело ребята

Все читают в первый раз

О китайских хатах.

Долго слушали читали

Как в других землях живут

Обо всем надпоминали

Как и там дела идут.

Вот в Китае тоже дети,

Но у них ведь там не так

Их не учат только мучат

Хуже дурных всех собак

¹ НА РАО Ф.5.оп.1.ед.хр.180, лл.4-5. Машинопись. Копия.

Увидал бы китайчат, расспросил о жизни,
Нет их долго не видать при моей отчизни

Если б я была большая
Всех увидела бы я
Ведь они же нам братишки
Они все ведь нам друзья

Это все воображаешь

Если слушаешь когда

Когда буду я большая
Всех увижу не беда

Жалко бедных детей китайчат

Как их там пугают

Эх помог бы им ребятам

Этим бедным китайчатам

Слушать интересно

Но ведь не видать

Эх бы это диво!!!

Все мне повидать

Ах как очень интересно

Научиться сочинять

Но по правде я не умею

Все же буду начинать

Вот примерно б здесь Москва

А в Москве как будто я

Но ведь это ж все отгон

Это снится мне ведь сон.

Ответы детей при обследовании семьи в религиозном отношении¹

Самсоново. ... 1930 г. ...

Посылаю три наиболее характерные карточки обследования детей по вопросу «религия»: Кости Ильина, Тани Жучковой и Клани Конфеткиной.

Карточка обследования по вопросу «религия» Клани Конфеткиной / 5 л
10 мес Колхозница беднячка отца нет дядя канд.ВКП(б).мать православно.веров. не религиозна

[первая страница документа в оригинале сделана таблицей в три столбца «Вопросы», «Ответы», «Примечания» - ВБ,КК]

1. Откуда произошли земля, небо, луна, звезды. Было ли время, когда их не было. Что было тогда.

Произошло не знаю откуда. Такого времени никогда не было. Все всегда было.

2. Почему солнце, луна и пр. не падают на землю.

Потому они там держатся.

3. Что такое небо. Всегда ли оно было. Как образовалось.

Небо всегда было.

¹ НА РАО, ф.1, оп.1, д.294, лл. 224-236. Рукопись. Подлинник.

4. Есть ли бог.

Есть. Он старый, ничем не занимается, ничего-ничего не делает на небе.

5. Нужно ли молиться богу.

Нужно. Он накажет, чтобы молились.

6. Ты молишься.

Нет. Я от попа прячусь под печку. Он мне крест дает целовать, а я прячусь и не молюсь.

7. Все ли люди верят...

Все. А я не верю. Прячусь и молиться мне очень не хочется.

8. Откуда иконы.

Из церкви, а там попы рисуют.

9. Есть ли черти, лешие...

Есть. Меня пугают. Я его очень боюсь. Он черный в норке живет. Ничем не занимается. Черта бояться нужно. Он укусит. Чтобы не укусил, нужно прятаться.

[В столбце «Примечания»:] Девочка в своем развитии очень недалекая. С большой возбудимостью. Нервная. Малокровная. Большая фантазерка. О небывалых вещах рассказывает с увлечением. Пример о черте.

Что такое душа Клани не знает.

Анкета обслед. семьи на обороте сего.

Обследование семьи в религиозном отношении Клани Конфеткиной. Дер.Доброе. ... Семья у Клани весьма неопределенная в религиозном отношении. Искренне никто не верует, но придерживается всех почти обрядов потому что делают [делали?] так другие.

А.Пышко.

Карточка обследования по вопросу «религия» Кости Ильина (7 лет. Середняк, не колхозник, отец в Москве, мать женоделегатка, старообрядка верования, не весьма религиозная)

1. Костя, ты видал солнце, луну, звезды, знаешь землю. Откуда это произошло?

Само произошло.

2. Было ли время, когда всего этого не было?

Всегда было все.

3. Почему Солнце, луна, звезды не падают на землю?

Держатся на небе.

4. А что такое небо?

Не знаю я... Да небо.

5. Есть ли бог?

Нет. Бога нет.

6. Почему ты думаешь, что его нет?

Потому что я ему не верю, и он меня не наказывает.

7. Нужно ли молиться богу?

Нет. Я и не молюсь, его ведь нет.

8. Все ли люди верят в бога и которые тебе больше нравятся, которые веруют или которые не веруют?

Не все веруют. Вот ты не веруешь. Мне нравятся те, которые не веруют. Я ведь и сам безбожник.

9. Откуда взялись иконы?

Дома, которые у мамы, она их купила, а иконы рисуют люди и попы.

10. Есть ли леший, черт, водяной? Что знаешь про них, Костя, расскажи.

Костя спрашивает: А что это такое? Я про них ничего не знаю.

11. Знаешь ли ты, что такое душа?

Нет, не знаю. А что это такое?

12. А почему ты живешь?

У меня сердце бьется. Попробуй.

13. А что если твое сердце биться не будет?

Как оно остановится, я и умру непременно тогда.

1. Потом ты можешь жить?

Нет, я уже весь умру и меня закопают.

[Примечание] 1. Костя мальчик вообще очень развитый. Весьма антирелигиозно настроен. Заявляет: я безбожник, как меня мать не ругай... 2. Все ответы записываются в детской редакции так, как ребенок отвечает. Анкета обследования религиозности семьи Кости прилагается.

29/III-30 года.

Обследование семьи Кости Ильина в религиозном вопросе

Фамилия Ильина деревня Доброе

1. Есть ли в доме иконы. Есть.

2. Кто ходит в церковь: отец в Москве рабочий не ходит, мать бывает только в большие праздники и то очень редко.

3. Как часто – Очень редко на рождество, пасху и др. великие дни.

4. Говеют и кто. Никто не говеет.

5. Соблюдают ли посты и кто. Никто не соблюдает.

6. Принимают ли священника – Да, но только потому, что стыдно перед миром отказать.

7. В сельхозработах религиозными суевериями не руководствуются.

8. Мать верит в то, что могут сглазить и знает приемы лечения от глаз. Ребенок у нее болеет припадком уже второй один умер, а другой болеет. Она считает что сглаз.

9. Ребенка мать потихоньку возит к бабкам и попу, когда бывают приступы.

10. Костю в церковь не водит.

11. Ни молиться, ни говеть Костю не заставляет мать.

12. Костя креста не носит (он сказал, что я его сам снял и запрятал).

13. О боге Костя не говорит.

14. Сказок не рассказывают.

Костя мальчик 7 л. Самый антирелигиозный в детском саду. Все зло религии он видит в попах. На рождество во время отсутствия матери попа не пустил, закрыл дверь и сам в окно смотрел и кричал: я попов не принимаю.

Просил денег у матери на книжки и игрушки вместо того, чтобы давать деньги попу. В рисунках Костя высмеивал попов, как они по деревне побираются.

Мать и отец старообрядцы, но обрядов почти никаких не выполняют.
А.Пышко.

Карточка обследования по вопросу «религия» Тани Жучковой (7 л. мало-мощный середняк не колхозник. Отец и мать – дома, домашняя обстановка ужасная бедность, неряшество, грязь. Мать и отец православные. Бабка старообрядка).

1. Откуда произошли Земля, Солнце, луна, звезды. Было ли время, когда ничего не было и что было тогда?

Откуда не знает. Было время, когда ничего не было. Были одни звери. Держались они на небе.

2. Что такое небо? Всегда оно было?

Не знаю. Да, небо было всегда.

3. Есть ли бог и т.д.

Бог говорят на небе. Но бога нету, я думаю. Наказывать он может за все. Его надо бояться.

4. А вот я не верю, что есть бог – он меня наказать может?

Нет. Потому что ты не старая. Это старые бояться.

5. Богу молиться нужно?

Нет, не нужно.

6. Все ли верят в бога и т.д.?

Нет, не все верят, и мне нравятся которые не верят, потому они не молятся, а мне тоже не хочется молиться. Меня заставляют как-то говорить, я не помню.

7. Откуда иконы...?

Иконы взяли из церкви, а в церкви их батюшка нарисовал.

8. Что ты знаешь про черта...?

Я про них ничего не знаю. Черт может наказывать людей. Его надо убить.

9...душа...

Душа я не знаю что.

10. Когда ты можешь умереть?

Когда сердце застынет.

11. А после как умрешь жить хорошо?

Нет. Я умру и жить не буду, потому никто не живет, как умрет.

Таня очень тихая, скромная, забитая девочка. У этой девочки бабушкой воспитано уважением к попу, она его называет «батюшка». О боге ей говорят, молиться заставляет бабушка. Уверенности ни в том, что, что бог есть, ни в том, что его нет, у Тани не созрело. Она колеблется и даже стесняется говорить о боге. ...

Антипоминальная Компания¹

Рассказы ребят

1. Шура Терентьева – 8 л.

Пришел к нам поп. Стал молитвы петь. Я ругаюсь стою тихонько – батя пришел, только наследил. Стал мне он крест давать, я как дуну, а Манька за ка-

¹ НА РАО, ф.1, оп.1, д.294, лл. 224-236. Рукопись. Подлинник.

душку села, боится, плачет. На вопрос – почему убежали – не хотели деревяшку целовать. После мать жаловалась, что они убежали, осрамили ее перед помом.

2. Валя Евстропова – 5 ½ лет, единоличн.

Поп пришел. Сначала Ваня взошел к дьячку. Машка сказала – «Мы не принимаем». А Ваня говорит: «Я сам взошел, сам и выйду». Спрашивали у матери – верно.

3. Кланя Горелова – 7 лет. – ед.

Коля Евстропов стоит у нашего крыльца. Поп к нам идет, а он кричит – они в бога не веруют и попа не принимают. И он пошел дальше. Справлялась – рассказ верен.

4. Шура Петрунина – 7 лет – колхозница.

Я стою, а поп подходит. Я говорю, куда, бать, идешь? Он говорит – к вам. Я говорю: «Мы в бога не веруем». Он посмотрел на наши окна.

5. Нюша Кабанова – 9 лет – колхозница.

Поп шел. Мы заперли калитку, а сами под лавки сели и мамка тоже. Он постучался и пошел дальше. (Спрашивали у матери – вся семья спряталась. «Сказать совестно, а уж отвыкать стали»).

6. Миня Петрунин – 5 – новый колхозник.

У нас поп был. Пел. И я хрест целовал.

7. У Шуры Филатовой – никогда не бывает.

8. Таня Смолина – 7 лет – новая колхозница.

Наши все ушли. Ленка с Кланькой на кровати сидели. Папанька в фабрике был. Он, поп постоял, постоял и ушел.

Жалоба от учеников Тавдинской школы массовых профессий Обьбюро ВЛКСМ Тавдинского района на условия в общежитие школы (Февраль 1930)¹

В ОБ'БЮРО В.Л.К.С.М. Письмо.

Добрый день здравствуйте наши друзья Шлем мы Вам свой горячий привет и желаем Вам всего хорошего, но Вы нам хорошего сделать не могли.

Дорогие товарищи нам здесь очень жить плохо, потому что, Вы нас послали сюда учиться, но ничего абсолютно нам хорошего не сделали, во вторых нам для Лобвинских ребят нужно общежитие отдельно, а то если нам жить в месте с другими, что ничего не будет хорошего потому что, там около тридцати человек из Тюмени и ребята все взрослые, а мы маленькие, но и вот они нас обижают, Домнина Виталия уже побили два раза и Кузовника один раз, а ночевали в общежитии только еще одну ночь и то уже пришлось нам от них потерпеть, да еще говорят, что если будите с нами жить, то говорят мы Вас зарежем. Во вторых ни чего оставить не лзя если оставили и ездём куда ни будь то оне залезают в ящик и чего надо ни оне возьмут, а если заругаешься, то в морду да в морду, притом оне очень матерятся и т.д. да еще заставляют играть в карты, а если не будем играть, то сейчас же у тебя отберут деньги и еще на бьют.

¹ ЦДОО СО ф. 1245 оп. 1 д. 13 л. 107, 128. Рукопись. Подлинник.

В третьих общежитие очень холодное, да и это не общежитие, а просто барак в роде тюрьмы.

Так вот дорогие товарищи, нас не теряйте и помогите нам во что быто не стало.

Так вот, а сейчас мы перешли жить пока к Куришину Леониду потому что нам жить не возможно, так вот дорогие товарищи не успели Вы нам не помогите, ведь мы не хотим хулиганить, а хотим учиться, но не придется если только мы будем с этими ребятами в месте. Ну помогите, помогите!

А сейчас расскажем как приехали:

На станцию Тавда мы приехали 27 Февраля, значит мы когда поехали, и до Свердловска мы ехали без пересадки, а в Свердловске мы с 9-ти часов утра и до 9-ти вечера просидели на станции Свердловск, потом сели вечером и приехали в Туринск уже 26-го Февраля утром в 8 часов и на станции мы сидели до 8 часов утра 27 Февраля, ну пока друзья досвидание.

Письмо Ответственного Секретаря Лобвинского Обьбюро ВЛКСМ Куришина в Тавдинский РК ВЛКСМ по поводу жалобы учеников школы массовых профессий (Февраль 1930)¹

Лобвинское обьбюро ВЛКСМ обращается к Вам и требует немедленного разбора, этого гнусного дела которое творится в общежитии ребят школы массовых профессий /...../ дабы мы могли сообщением успокоить и разбить те не хорошие мысли ихних родителей, которые узнав это дело, что сделалось с ихними детьми сильно беспокоятся и требуют так-же проверьте Тавдинский ФЗК. Союза дерево обделочников, что будет предпринято с ихней стороны на посланную нами копию письма еще раз просим и требуем Вашего вмешательства в это дело, а так-же напишите письмо по адресу родителей Лобвинских учеников.

С комсомольским приветом Ответственный Секретарь

Шила в мешке не утаишь Сочинение ученика 5 класса, 1932 г., г.Москва²

Гл.1.

Ранний вечер. Богато убранная гостинная. Посредине небольшой круглый стол, покрытый синей с цветочками скатертью. Большой диван, обтянутый кожей и заваленный подушками, два кресла того же типа, еще диван поменьше бархатный с узорами и курочкой на яйцах, шкаф густо застекляненный, пианино, и портреты предков знатной фамилии составляли главную обстановку комнаты.

За столом потягивая из большой широкой чашки, сидел довольно толстый человек, очень аккуратно одетый, прилизанный, приглаженный, в большом пестром галстуке, узком пиджаке, и сильно приглаженных брюках. Напротив него в скрипящих шелках и бархатах тоже тянула чай, только из еще

¹ ЦДОО СО ф. 1245 оп. 1 д. 13 л. 107, 128. Машинопись. Копия.

² Пол автора неизвестен, сочинение анонимное. ОР РГБ ф.367, картон 23, ед.хр.12, лл.131-134. Машинопись с правкой чернилами и карандашом. Копия (?).

более широкой чаши, его жена. «Господи! Где же это наш Юрочка. Ведь его эти варвары съедят».

«Ничего Катя не плачь. Надо же Юре числится. А так ведь жить нельзя. Лишенец будешь».

Молча продолжали пить. Вдруг в соседней комнате послышался звук двери, шуршание и нетерпеливое пыхтение.

«Юрочка пришел» прошептала мамаша, и приподняв юбку, мелким шажком побежала к двери. На-встречу ей вошел молодой человек, лет шестнадцати, очень хорошо и элегантно одетый, но забрызганный грязью и с большими каплями пота на лице. Вид у него был совсем детский.

«Милый мой, да что с тобой случилось!» кинулась к нему мамаша.

«Мама, дай мне чаю послаще».

«Ну, Юра, устроился ли ты, а. Ну, ладно, ладно, попей чайку. Катя, дай ему еще сахара».

Напившись и вдоволь наевшись сластей Юра кинулся на диван, полежал, и вдруг начал дрыгать ногами и руками и по детски хныкать.

«Папа, меня не приняли».

«Неприняли?! О эти хамы!¹ эти негодяи! эти!!!»

«Папа, они не принимают без производственного стажа».

«Производственного стажа!! Они хотят, чтобы мой Юра работал с этой чернью, с этими вшивыми гадинами!!! Но придет же когда-нибудь время свободы! Имеешь добро – так надо его прятать, а не то отнимут! Не век же им править Россией!!! Господи, смилуйся над нами живущими в аду!»

«Миша, а что же будет с Юрочкой», - вставила мамаша.

«Ну, что же делать, Юра, придется тебе пойти поработать на заводе, а потом учиться».

«Папа я выучусь и буду заведующим или директором».

«Ну хорошо, хорошо Юрочка, иди спать, завтра ведь ты идешь работать, как взрослый».

Юра послушно ушел, а отец подсел к письменному столу.

«Миша, напиши прошение, и напиши, что мы с тобой служащие по первой категории».

Гл.2

Завод. Рабочий кружок на общественно-обязательной работе. Один из активнейших Юра Трубочкин. Пишут стен-газету.

Петька Чернильников, парень лет двадцатипяти, широкоплечий, сильный, могучий, друг Юры, обратился к нему:

«Трубка, а Трубка, пиши лозунг «Да здравствует 5ти-летка в 4 года».

«Даты, что уклонист ты этакий! Пиши 5ти-летка в 3 года.» Ну чего рот раскрыл, пиши». Ребята остановились и переглянулись, а Юра продолжал разглагольствовать

¹ Зачеркнута запятая, поставлен восклицательный знак. Восклицательные знаки во всем тексте проставлены **карандашом после того, как сочинение было отпечатано на машинке**. Восклицания, с точки зрения подростка-автора, придают всему рассказу большую убедительность.

«Ребята, напишем лозунг: «На продовольственный кризис ответим упорной работой», ну пишите».

Гл.3

Со времени поступления Юры на завод, прошло пол-года. Юра не много изменился, повзрослел, возмужал. Его отец, Михаил Маркович Трубочкин, каждый день, лениво отправлялся на службу, лениво возвращался, садился и до ночи потягивал из большой широкой чашки чай, под акомпанимент лениво зудящего граммофона. Так и сейчас он сидел и тянул чай, а напротив него сидела его жена. Они ждали Юру, который должен был приехать в отпуск.

Вдруг в комнату не предупредив вошел тот, кого они ждали. Мамаша сначала оторопела, потом вскочила, подбежала к нему, и принялась усердно его лобызать.

«Ну, что с..., ну как..., как..., ну что... Да ты не хочешь ли поесть? Сядь покушай, а потом рассказывай».

Юра ел, а мать его до того подчивала, что он досыта наевшись повалился на диван.

«Ну, а теперь, Катя, ты ступай отдохни, а мы с Юрой поговорим.»

Мамаша послушно удалилась. Отец подсел к сыну и, опершись на спинку мягкого бархотного кресла спросил:

«Ну, как Юра. Как ты на заводе устроился. А.»

Юра рассказал все происшедшее за последнее полу-годие, проведенное им на заводе. Между прочим он рассказал как они писали стен-газету, как он кричал и разорался.

«Ну, а как ты с рабочими, поладил».

«Ну как же, у меня есть друзья!»

«Да. Ну вот я как-раз хотел тебе один случай рассказать. Послушай».

«Был у меня товарищ, и его арестовали эти негодяи! Ну так вот ты слушай хорошенько. И был у него сын, такой как ты, так точно как ты у меня. Звали его Яша. Ну, так этот Яша, как и ты, пошел на завод работать. Ну, ты хорошенько слушай. На заводе Яша объявил себя ударником и стал работать лишнюю ночь. Ты только подумай, ведь бесплатно. А когда работал то потерял винтик. Так эти разбойники, обвинили его в том, что он вредитель, и нарочно вынул винтик. И они его арестовали, и его отца, моего друга. После того я поклялся им отомстить. И я хочу чтобы ты мне помог».

«А это трудно?»

«Не-ет, это не трудно».

«А это не опасно?»

«Да нет же, нет. Ты что боишься».

«Нет, нет. Я не боюсь! Только меня не арестуют?»

«Да не бойся! Вот я тебе скажу, что надо делать. Ты вот как он, запишись в ударники и работай лишнюю ночь. А там, если никого не будет, только ты хорошенько смотри, чтобы никого не было! тогда ты и вынь пару винтиков, и скорей домой! А тут мы тебя с Катей припрячем. Понял. Ну, а если кто там будет, так ты ничего: отработай и оставайся там. А в другой, раз, возьми и проработай лишнюю ночь. Когда сделаешь это и придешь домой, то на завод больше не пойдешь. Понял.»

«Да» - испуганно прошептал Юра. Он был рад убежать из дома, и не исполнять требования отца, но он не смел его послушаться:

«Ну, а если найдется надежный товарищ, возьми его с собой: в двоим-то легче».

Гл.4.

Общее собрание завода. Директор завода выступает с речью:

«Товарищи! Намечен громадный план выпуска обуви! Наш завод объявил себя ударным! Товарищи! Наш завод взял на себя обязательство выпустить за последующий месяц 50 000 пар обуви! Это значит: в два раза больше предыдущего месяца! Товарищи! Добьемся выполнения нашим заводом 5ти-летки в 4 года!»

Раздался гром аплодисментов. Председатель зазвонил.

«Товарищи! В виду того, что наш завод объявил себя ударным, все должны взять ударные само-обязательства! Кто просит слова».

На трибуну вошел Юра:

«Товарищи! Я объявляю себя ударником! Я вызываю на соц.-соревнование Сычкова! Мы в качестве общественной работы будем работать сегодня ночью бесплатно!»

Нескончаемые аплодисменты потрясли стены здания.

Ванька Сычков, парень небольшого роста, рыжеволосый, с маленькими бегающими глазками, и Юра подписали договор.

Гл.5.

Ночь. В ярко освещенной¹ заводской зале, копошатся двое: Юра и Ванька Сычков. Сычков тихонько подбежал к Юре:

«Трубочкин, смотри, никого нет. Я уже три винта вынул.»

Некоторое время молчали.

«Сычков, ты сколько вынул.»

«Пятьдесят один.»

«Ну ладно, хватит. Спрятал.»

«Спрятал.»

«Ну пошли.» - сказал Юра.

Сычков протянул руку к выключателю..., как вдруг раздался голос:

«Сычок и Трубка, это вы?»

Оба остолбенели, а в комнату вошли несколько человек рабочих во главе с Петькой Чернильниковым.

«Вы куда это собрались?» - спросил Петька.

«Спать. А вы зачем пришли?» - спросил Сычков.

«Мы вас проверить! Так вам же пять часов работать! куда-ж вы идете?»

Ударники замялись, как вдруг Сычков кинулся к двери, и скрылся за ней.

Юра тоже было рванулся, но сел посреди цеха и заплакал как ребенок.

«Э-э-э, да здесь что-то не ладно.» - сказал кто-то из ребят – «Ребята, держите Трубку!» - Он подошел к машинам. – «Петька, смотри здесь винта

¹ По всему рассказу огромное количество штампов, формул из взрослого языка, что показывает действительно достаточно юный возраст автора, самостоятельность работы.

нет., и здесь., и здесь., и здесь., и... Петька, смотри, - ведь семь машин сломано!!!»

Юра повалился на пол, начал дрыгать руками и ногами, и реветь на весь завод. Чернильников побежал к машинам. По дороге он случайно задел ногой кучу обрезков. Парень, стоявший у машин, заметил в куче что-то блестящее. Он подбежал к куче, и принялся ее ворошить.

«РЕБЯТА. Да вот они, винты-то...» - воскликнул он подпрыгнув от радости.

«Ну, ребята, пошли в канцелярию, а от-туда в милицию: там разберем.»

Юра замер на месте, потом вдруг вскочил на ноги и закричал:

«Да чтоб пошли вы все к орту с вашими машинами! Человек винтик потерял, так его сразу в милицию!..»

«Ударники винтов не теряют. Да это и не винтик:, а семь машин с Сычковым сломали!»

Юра¹ сел, потом опять встал, опять заплакал, потом стал на колени, опять встал и подошел к Чернильникову.

«Петя, по старой дружбе, по знакомству, Петя отпусти, ПЕТЯ!» - И опять лег на пол и заревел сильнее прежнего².

«Ну, ладно, пойдем! Ребята, берите его за руки, и пошли!»

«Петя, по старой дружбе, Петя, отпусти!»

И опять задрыгал руками и ногами.

МЕЩАНСКАЯ НАТУРА В ОДЕЖДЕ КОММУНИСТА ВСЕГДА ВЫЛЕЗЕТ НАРУЖУ

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ

Письмо учеников ФЗС ст. Шимерля Московско-Казанской железной дороги Н. К. Крупской (начало февраля 1933 г.)³

Дорогая Надежда Константиновна. Мы ученики Шумерлынской школы ФЗС 3 группы Б решили вам письмо написать. Мы много читали про вас и читали, что вы писали в газете «Пионерской правды» и «Клич пионера». Еще мы изучаем о жизни Владимир Ильича Ленина и как он любил детей и что он детям наказывал делать. Мы читали как Прошка Ленину письмо писал. Нам Анна Семеновна все про вас говорит. Теперь у нас весь класс вас с Владимиром Ильичом любит. Чтобы все знали, что мы вас любим. Мы стараемся, что вы пишете все выполнять. Мы вам напишем, как мы учимся. Нас с Октября месяца учит Анна Семеновна. Учила нас Вера Александровна. Нас разделили на две группы. Наша группа была из всех плохих учеников. Мы плакали не шли к Анне Семеновне. Потом она нам сказала будем стараться и хорошо учиться, бу-

¹ Помещено в скобки и зачеркнуто «замер на месте».

² После слова «прежнего» автор, разбежавшись, тоже сначала поставил восклицательный знак, но потом его зачеркнул.

³ РГАСПИ ф. 12 оп. 1 д. 751 лл. 16-18, 19. Рукопись. Автограф. Подлинник. На письме инвентарный номер №844 и дата 13.2.33 приписаны секретарем Н. К. Крупской.

дем хорошие ученики. Мы почти все были хулиганы. Устроили мы комиссии в группе, стали они хорошо работать. Мы стали соревновать с 3 гр. А, соревнуемся в своей группе. У нас у всех есть договора. Каждый месяц их проверяем. Нам объяснили постановление ЦК-ВКП(б) чтобы наладить работу в школе. Мы и давай стараться. Стали все выписывать газеты «Пионерскую правду» и «Клич пионера». Стали там все читать. Читали про Павлика Морозова и Коли Мяготина. Прочитали и все классом сказали Анне Семеновне и мы будем такие как они. Если на заводе что увидели там и заявили в пионер отряд или в завком. Мы знаем, бабы ругаются в очереди и ругают партийцев, потому что они о партийцев ничего не знают. Есть в партии которые залезли вредить, но за это нельзя ругать всю партию. Мы будем помогать партии, когда узнаем кто вредит из партийцев. Мы теперь все в классе пионеров, и 20 ударников нас. Мы помогает отстающим. Маруся Кондратьева помогла Ефимовой и она стала учиться хорошо. Мы дружно живем теперь с девочками. Мы ведь все ученики одинаковы товарищи Мы читали как вы писали как мы должны относиться друг к другу. Мы в перемену организуем игры Из каждой группы есть затейник игр. Стало у нас в перемену можно разумно отдыхать. Мы после уроков коллективно катаемся на лыжах или коньках. Раз Вася Лукичов уехал далеко, от нас, а у Коли Губанихина от лыжи отвязался ремешок, мы Васе закричали. Помнишь что Анна Семеновна велела, друг друга ждать и помогать. Он и вернулся к нам. Мы еще делаем модели разные. Мы приподнесли районному слету ударников модель аэроплана и автомобиля. Мы модели делаем собираемся бригадами дома. У нас в школе нет мастерско/й/. Любим мы школу. Любим мы Вас Надежда Константиновна. Вы не красивы на портрети, но вы очень хороши. Еще нам больно жалко Владимир Ильича. За дело рабочего класса и за заветы Ленина всегда готовы. Мы это письмо посылаем тихонько от Анны Семеновны.

Адрес Ст. Шимерля Московско-Казанской Железной дороги Школа ФЗС ученики 3 гр. Б. Захаров Е. Крашенников Шиганов Н. Шапожникова Злыднева Егоров Китаев нас 20 человек еще
На конверте:
г. Москва
Центр Кремль
Надежде Константиновне Крупской

Ответное письмо Н. К. Крупской школьникам ФЗС ст. Шимерля, Московско-Казанская железная дорога¹

Шимерля Московско-Казан. ж.д.
Школа ФЗС Ученикам 3-й группы Б.

Дорогие ребята, большое спасибо за письмо, оно мне доставило много радости. Я рада, что вы стали хорошо учиться, много читать, что Вы хотите стать настоящими ленинцами, заступаетесь за партийцев, что вы дружно живете, стали ударниками учебы, делаете модели. Кланяйтесь от меня очень Анне Се-

¹ РГАСПИ ф. 12 оп. 1 д. 751 л. 28. Машинопись. Копия. Карандашом две приписки секретаря: сверху налево «Почта школ», и ниже, «Послана брошюра «Переписка с пионерами» Н.К.»

...17 сентября. Вчера на комсом[ольском] собрании меня выбрали в комитет.

Выборы были тайные: из 20-ти присутствующих - 18 за и 2 против. ...

19. IX. В школе идет обыкновенная жизнь. Занятия, перемена и снова занятия. На улице греет сентябрьское солнце. Все млеют. На одну парту, которая стоит в тени, сбивается по несколько человек, Ключарев и Мельчуков, как и в прошлом году стреляют хлебом из трубок и это всем действует на нервы. Чувствуется, что многим хочется сидеть спокойно; мечтать о чем-то далеком и туманном. Многие волнуются. Педагог вытягивает незнающих урока к доске. Жарко и душно. Сидеть надоело, хочется прыгать и бегать. Все с нетерпением ждут звонка. "Перец, сколько осталось?" - спрашивает Андрос.

«Семь минут точно!» - отвечает Перецман, вертя в руках часы.

Каждая минута тянется как час. Некоторые считают до шестидесяти и ставят палочки на полях тетради. Вот уже получилось семь палочек, а звонка нет. Значит очень быстро считал.

"В школе часы вперед" - говорит Эмма.

"Может быть" - отвечаю я.

И все расчеты прерывает звонок, раздавшийся в коридоре.

Многие кидаются с мест, но учитель сажает обратно.

Все разбежались.

Мне надо идти к Евсееву..., а я стою и разговариваю с Кислициной.

-"Ты зачем сказала Пискуновой, что я ел на уроке кефир?"

"А что это неправда" - с удивлением спрашивает она.

"Правда то правда, но нехорошо ходить и разбалтывать всем".

В разговор вмешивается Морева:

"Нехорошо выносить все за пределы класса" - говорит она.

"Ты, Нина, не права", - говорит Захарова, худая и длинная как пожарная кишка.

«Может быть» - поводя плечами говорит Морева.

"У вас такие понятия, - говорю я, - что если вступил в комсомол, то надо ходить херувимом".

"Ничего подобного, но нужно вести себя скромно", - возражает Кислицына.

«Значит он прав» - говорит Морева.

"Его вообще трудно убедить и переспорить".

Я молчу: мне забавно как активно эти две комсомолки рассуждают в классе, напротив, на комсомольском собрании они лишаются языка. ...

Идет урок черчения.

Учитель объясняет у доски.

Никто ничего не понимает.

Вот он идет по рядам, многие только что вынимают инструменты. Останавливается около Еланского. Долго смотрит и говорит:

"Где чертеж?"

«Вот смотрите».

«Это лист бумаги. Почему не по линейке?»

"Я на черновик".

"Где чертеж? Сейчас "плохо" поставлю" - кипит до сих пор тихий учитель.
"Нет" - улыбаясь и глотая досаду, говорит Еланский.
Учитель идет к столу.
"Он отличник" - кричит класс.
"Ничего не знаю. Подать чертежи".
Учитель отыскивает пальцем фамилию в журнале и ставит «плохо».
"Что за дурак" - говорит Еланский.
Класс затих.
Учитель идет дальше по рядам.
"Нам надо идти к врачу" – кричит Ремизов и все разом встают и кидаются к двери.
"На место!" - кричу неистово я.
Все останавливаются.
«Подумаешь комсомолец» - цедит сквозь зубы Ремизов.
Я молчу, но злоба плывет по телу. Оскорбление; не прощу. Все садятся на место и начинают упрекать меня.
"Ал. Павлович не велел ходить" - говорю я и сурово смотрю на класс.
В перемену подходит Ремизов и говорит:
«Вчера ездили на охоту».
"Ремиз не забывай, что ты будешь поступать в комсомол" - говорю тихо я.
«А чего?».
Подходит Морева.
«Буду голосовать против» - говорю я ей и она смотрит на меня недоумевающе, но потом соображает и говорит:
"Вызывающе держит себя". [*это о Ремизове ВВ, КК*]
После уроков приходит в класс Иг. Кузмич. Требует договор соцсоревнования.
«Нет времени, надо остаться и отработать».
"Поручим Моревой" - говорю я.
"Нет лучше ты сам".
"Ладно. Завтра". ...
26 – IX – 38 год. Что-то начинаю забрасывать я дневник. Потерял систему жизни. Стал позабывать о многом главном. Живу настоящим днем. День прошел и хорошо, а что будет завтра не мое дело.
Вчера в семь часов вечера погас свет и я воспользовавшись этим случаем, лег спать. Читал книгу, т.к. лег в постель прежде, чем напился чаю.
Приблизительно в 8 часов пришел Славка. Я оделся и мы пошли "бродить" по городу. Слушали лекцию на тему "Шекспир" в читальне, потом засели в кафе и распивали кофе с ликером. Домой я пришел ровно в час ночи.
Быстро прошла ночь.
Утро.
Меня будит бабушка в школу.
Ужасно неохота вставать.
На улице холод, в комнате тоже и я с головой залезаю под одеяло. Бабушка будит еще рад.

"У нас первый урок пустой", - говорю я и подбираю концы одеяла под себя, чтобы холодный воздух не проник к телу.

В школу пришел когда уже начался второй урок.

Вошел в класс.

Игнаша разговаривал насчет дисциплины.

"Старосты не было и дисциплина шатнулась", - сказал он, когда я сел за парту.

В перемену Э. сказала:

"Мирка, увидав, что тебя нет в классе, взяла у меня от дома ключ и ушла".

С дисциплиной вышла действительно неприятность. На первом уроке, когда я спал дома скрываясь от холода под одеялом, Абакум и Андрос играли в "орла". Шум и крик.

Н.Морева делала замечание, но никто не обращал внимания. Тогда она в перемену оскорбленная репликами Абакума сказала все Игнаше и он в начале своего урока геометрии, когда пришел я, философствовал на эту тему. Пересажены на другую парту был Ключарев и было предложено пересест Абакумову.

На третьем уроке я сидел с Нинкой. Говорил всякие глупости, а она истерически смеялась и этот смех был приятен мне, он заставлял забыть все, а забыть было много надо чего.

Ремизову дали кличку «Братец кролик» и когда Н. услышала, то стены задрожали от того как она фыркнула.

К концу уроков пришел Славка и мы зашли все к Эмке в надежде найти там Мирку.

Но напрасно.

Ее там не было.

К пяти часам надо идти в школу - собрание агитаторов.

13 октября. Можно сказать, что я совсем бросил писать дневник.

Но нет, я не намереваюсь его бросать, но совершенно нет времени. Каждый день то комитет, то старостат, а из этого исполнение всяких поручений. Главное уроки, которые меня очень беспокоят, но я не беспокоюсь.

...Начну с сегодняшнего дня, а те дни пропали.

На второй перемене был митинг на котором говорилось, что в школе будет проводится химический месяц. Каждый класс будет 60 минут сидеть в противогазах не исключая и учителя. Получится забавная вещь. Завтра контрольная по геометрии - ничего не знаю. Слаб я в математике. Сегодня в классе все играли в волейбол - разбили окно. Когда я стал спрашивать: «Кто разбил окно?» Все как будто бы умерли или замерзли. Толком ничего не добившись я плюнул на это дело.

Потом узнал, что разбила Эмка Бордаус.

14. Вечер. Вчера в 11.30 я лег спать. Как обыкновенно взял книгу в руки и читал. Чтение мое прервал звонок. Открывать вышла бабушка. Вскоре на лестнице раздались тяжелые шаги и звонкий, но грубый смех. В комнату ко мне ввалились Славка и Левка Щербаков. С Левкой я учился до шестого класса. Приятель детства. Прошлый год он учился в девятом классе - его взяли в военную школу. Теперь он приехал в отпуск. Совсем военный человек. Военщина сидит и внутри и наруже. Разговор весь военный, форма дополняет все

это и позволяет окончательно убедиться, что перед собой видишь «Скалозуба». Живет он вобщем прекрасно. Школа в гор. Вольске. Город маленький. Блядей много, что людям военным необходимо.

...16 октября 1938 года. Вчера начался химический месяц. На первый урок тригонометрии принесли противогазы.

Сегодня первый в жизни раз

Одел весь класс противогаз.

И после этого/.

Распахнулись с шумом двери

И глазам никто не верит.

На пороге словно в сказке

Наш Игнат явился в маске.

Сидеть на первый раз нужно было 10 минут. Невытерпела первой сняла З-ва потом Морева. Мы проиграли 8 очков. ...

20.X. Форменным образом нет времени писать дневник.

16 и 17 - два дня подряд были перевыборы руководящих комсо[мольских] органов. Переизбирали комитет. В новый комитет вошли: Я, Гаврилов, Гарбер, Цукерман, Калник, Либединский, Клебанова. Сегодня на комитете выбрали третьим¹ секретарем комитета.

25 октября на лит[ературном] кружке школы будут обсуждать мое творчество. Сейчас всеми силами пишу стихи к этому дню.

Уроки почти не учу. Вчера целый день провалялся на постели с М. Разговаривали о половом вопросе. Мишка прислал письмо.

Завтра в 9 А классе нужно провести выборы комсорга. Работы, работы, чорт ее знает сколько. Как начну ловить "плохо" так все и срежется. А по геометрии уже зашил. Весь ряд списал у Пеньковской, а она ошибку сделала - ну и Игнат догадался конечно. Теперь устно придется отвечать, а я ни хера не знаю. Ох эта математика для меня нож в спину и в грудь одновременно.

По немецкому получил "плохо".

Перецман тешит весь класс игрой на своем носу. Он подражает гавайской гитаре. Получается ничего. С какой гордостью он стоит и играет фокстроты и песни, а все хохочут у него перед глазами - он и не думает обижаться, а больше только старается сыграть.

Мы с Еланем изобразили его играющего на носу и написали.

От «дождь идет» «Москвой» кончает «майской»

И служит нос ему гитарою гавайской.

и т.д.

На каждом уроке математики сидим в противогазах. Многие нашли метод в легком отделывании от этого дела. Отвинчивают трубку от очистительного баллона и становится легко дышать.

26.X.-38 г. Вчера в пять часов пошел в школу, где должны читать мои стихи. На улице малец-сорвиголова кинул в грязь камень. Брызги прямо мне в лицо. Обозленный до этого я пиннул его. К этому придрался какой-то пьяный и я попал в милицию. Особенного ничего. Начальник кричал на этого сорванца и рассказывал случай как разбили фару милицейской машине. ...

¹ Зачеркнуто «после Гербера».

В "Будь готов" за 29 октября мое первое стихотворенье. Это должно быть начало большого пути. Дата знаменательная. 20 лет комсомола.

2 ноября. ...Я, кажется, подружился снова с Борисом Абакумовым. Вчера ходили в театр смотреть Арбузова "Таню". Замечательная реальная вещь. От нее у меня осталось: "Нельзя быть равнодушным даже к себе". А у меня это равнодушие иногда проскальзывает. С тех пор как я полюбил Миру: я совершенно забыл друзей и товарищей. На всех¹ я смотрю как непосредственные необходимые, но ненужные мне вещи. Кроме того я забыл всех. Для нее я готов сделать все, но для других я считаю необязанным. Я думал, что любя ее должен на все смотреть как на обыденные явления ненужные мне. Друзей можно оставить и забыть. Все время отдать только ей и ее любви. Все неприятности и все радости можно делить только с ней. Но нет! Эта пьеса сломала во мне эти установки. "Нельзя быть равнодушным даже к себе".

Я люблю ее и буду любить, но потерять из-за этого друзей, уходить в собственные интересы, откалываться от масс я не должен, ибо отходя из любви к М. от массы я делаю преступление. Я равнодушен ко всему... даже к себе.

Но это надо оставить.

Правда в этой области верх берет она. Я не намерен был откалываться от массы, но имея любовь к ней я должен был принять ее мнения и поддержать ее сторону, а именно отхода от массы в личную, мелкую жизнь. Я люблю ее, но я должен, я обязан остаться в рядах массы, ибо откалывание от нее поведет к равнодушию к себе. ...

Мира начинает выставлять свое "я". Очень нервирует, я прихожу в бешенство, но люблю ее не на шутку. Только это обстоятельство стирает неминуемую ссору. Что я конечно никак не желаю. Но думаю, что ее выставление "я", которое заключается в просьбах напоминающих приказы, прекратится и снова жизнь пойдет своей чередой. Но ничего, только из-за любви можно стерпеть все. С тех пор как я полюбил ее, чувствую заметную перемену в своем характере. Я стал мягче по отношению к ней, но эта мягкость проходит за счет суровости к другим.

7 ноября. Сегодня XXI годовщина Октябрьской революции. По этому случаю вчера и позавчера я попал на два рода вечеров. Передо мной прошли две компании, две группы людей. Остановлюсь на первой группе. Аб. Борис организовал этот вечер. Так как не было помещенья у нас, то его пришлось сделать у одного знакомого ему паренька. Паренек этот, как я узнал после, работает в гараже. Все было организовано. Собраны деньги /вечер был складчина/. В 8 часов я пришел к театру, где меня ждал Л.В. /наш ученик/. Вместе с ним мы направилась на вечер. Попали в небольшую рабочую комнату. Стол, на котором больше грязи чем закуски, помятые кровати и грязный пол. Малокультурная семья - неграмотная мать, пьяный отец и аскеты дети. Вперед я хотел уйти, т.к. перед увидел не свою компанию. Три здоровенных парня протянули мне руки. Поздоровавшись я сел в углу на сундук и сидел там до тех пор пока не пришел Борис, который и открыл вечер-попойку, посадив меня рядом с собой и поставив мне под стул целую канонаду бутылок водок и лике-

¹ Зачеркнуто «дево»

ров. Начали с водки. Половину стакана выпил я. Потом налитый мне ерш вылил в стакан, который поставил под стол, чтобы сливать туда вино. После первого стакана водки поднялся один дурак и говорит мне "А ты пьяный". Но я был еще трезвый, а этот дурак уже захмелел. За вторым последовал третий, за третьим четвертый и т.д. От водки переходили к пиву, от пива к ликеру, в конце концов все напились вдрызги. Из-за портвейна произошел скандал. Борис мне налил целый стакан и один паренек забузил, наотрез отказался пить дальше. Тогда я, чтобы усмирить его поднес ему целый стакан того ерша, который у меня стоял под столом. Он выпил махом и замутился. Заиграла гармонь, грянула песня. Пели так, что невозможно было разобрать слов, сплошной стон. Вдруг вошла девчонка - Борис схватил ее в объятия – слезы и крик. Пляска потрясла стены, пошатнула полы. Появился папаша, стуча в грудь заорал: "Я дал вам свободу". Одного рвет, другого поливают холодной водой, третий лежит стонет. Вообще кошмар. Железняков /парень из нашего класса/ и я решили идти домой, Борис лежал в компрессах - решили его оставить. Около школы меня начало драть, Кое как добрался до дому, вошел в кабинет и лег спать. Полчаса снимал сапоги, полчаса рубашку. На другой день утром лежал в постели и стонал. Казалось, что голову разрубили на куски и каждый кусок болит по-своему. Пришла Мира. Кое-как встал. Пошли к Моревой. От нее покупать подарок О.Пичугиной, которая приглашала к себе на именины. Вечером попал к Пичугиной. Другая противоположная компания. 6 девиц и 4 мальчишки. Преобладание отличниц – тихой и скромной публики. О вине нельзя было и думать. Нинка, я и Мир. пришли к половине восьмого. Т.к. из-за своей застенчивости на вечер еще не прибыли некоторые, то я и Нинка М. пошли за ними. Ради шутки купили какого-то кавказского вина. Без труда пронесли бутылку в отдельную комнату. Все в сборе. Началась игра в мнения. Больше всех, кажется, досталось мне. Говорили, что М. держит меня под каблуком, что я забыл все и всех ради нее. Скучная, однообразная игра надоела.¹ Леля попросила к столу. Мы удалились в комнату и распили наш запас. Куда деть бутылки? Нинка открывает форточки и бутылки одна за другой летят вниз, только слышен легкий звон от упавшей в грязь бутылки. Весь остальной вечер прошел в чае, т.к. после чая все разошлись. Мира ушла раньше меня - ее сильно трогает Нинка. Чудачка! Нинка мне хороший товарищ и больше ничего. Из дома мы ушли самыми последними, когда пришли мамаша и папаша задуревшей Лели. Нинка и я, после тихо сказанного: "до свидания" пошли посмотреть иллюминацию. Домой пришел в три часа ночи.

P.S, На вечере был один интересный тип /потом опишу/.

Юрий Фомин - сын хороших знакомых Ольги.

Год рождения - 1923.

Школа № 33.

Класс 7.

Имеет велосипед "пензу", который не выходит из починки. С черными щитками и никелированными ободьями. Имеет никелированный багажник, неведомо для чего употребляемый. Роста среднего. Шатен. Волосы гнутся все-

¹ Зачеркнуто «Сели к столу».

гда лохматые. Глаза карие с сероватым оттенком. Нос прямой - чакучкой. Губы средней толщины. Близорук. Всегда в роговых очках. Имеет часы. Неизвестной фирмы. Живет в доме с садом. Имеет собаку неизвестной породы, желтого цвета. Происходит от суки Норки и кобеля Марсика. Имеется кошка дымчатого цвета - по имени Муська. Учится английскому языку. Имеет свою комнату, односпальную кровать. Этажерку с книгами. Дубовый стол, фотоаппарат "Фотокор". Имеет душ, который принимает ежедневно. Брюки средней ширины. На велосипеде ездит в «гольф». Любит подражать американцам. Походка не слишком выразительная. Имеет маменьку, папеньку, бабушку, которую зовет "бабелька". Некурящий. Официально не пьет - маменька запрещает.

Из записей Н.М./

9 ноября. Я коротко описал два домашних вечера на которых имел счастье быть. Но не было времени описать вечер, который состоялся 7 ноября в школе. Обыкновенный школьный вечер. Публика - школьники в большинстве тихий и смирный народ. Но, как говорит наша отечественная пословица, "в семье не без урода!" Много заявилось пьяных людей. Сегодня был комитет и разбирали некоторых. Я остановлюсь на одном, как раз на Борисе - бывшем друге моем. Правда я и сейчас якобы дружу с ним, но по сознанию моему мне кажется, что это уже не дружба, а просто некоторые, может быть ярко выраженные, товарищеские отношения. Так вот перед вечером Борис хватил, что называется "как следует".

P.S. Буду писать коротко, т.к. пришла М. и нет времени рассусоливаться. На вечере он разругался с Игнашей из-за того, что тот его стал выгонять. Потом оскорбил Ан. Сем. В конце концов Борис "вышел из себя". Нервничая вышел из школы и на улице разбил ногой три окна подряд. Проходивший милиционер бросился за ним вдогонку. Но увы !!! Из пьяного Бориса сделался совершенно трезвый новый Борис, которого я еще не видал, вернее не его, а его способностей. Несколько выбежавших милиционеров остались стоять дураками, когда Борис прошел мимо них с поднятым воротником, конечно, уже трезвый по настоящему.

8-го числа получилось тоже не совсем приятное дело. Мы с Борисом купили бутылку коньяку и пришли к Н.М., которая нас приглашала к себе в гости, говоря, что у ней не будет никого дома. Мы пришли. Дома сидят отец и мать и еще гости. Мы все, в том числе и Н., пошли ко мне. Когда Борис хотел дать всем по рюмке Нинка вырвала у него бутылку и стала выливать в цветок. Я у ней вырвал и тем бы дело кончилось. Но Н. начала Бориса называть пьяницей, спрашивать сколько он может выпить и вообще подкалывать. Бориса я проводил домой и когда он стал подниматься по лестнице в комнату я, стоя внизу, слышал как он сел на ступеньку и залился слезами.

Конечно обидно!

10 ноября ...Сегодня, вызывали в Райком. Меня утвердили вторым секретарем комитета. Цукерман комитет не утвердил. 13.XI - будут довыборы комитета. Многие рады, многие нет.

12 ноября. ...Вчера в школу приходил один паренек из Обкома комсомола, справлялся насчет отношения учителей к ученикам. Долго спрашивал меня об Иг. Куз. Тих. Я как-то растерялся и ничего конкретного сказать не

смог. А ведь именно Тихонов играет большую роль в школе и именно он останется в моей памяти как никто. Иг. Куз. я узнал первый раз в 6 классе, когда сел на второй год. О тех годах почти ничего не помню. Смутные воспоминания о том, что он был слишком добр и слишком весел. Однажды на улице заиграла музыка - шли красноармейцы. Ученики бросились все к окну не обращая внимания что идет урок. И.К. стоял у доски. Никто из учеников не обращал на него внимания, только некоторые, не забыв о его существовании, крадучись тянулись к окну. Вдруг на глазах всех Иг.Куз. также бросился к окну и даже залез на подоконник. Все, конечно, обратили на это внимание. Он постоял минуты две и спокойным голосом сказал, слезая с окошка:

«А теперь заниматься».

Вот и все, что я помню о нем. Потом два года я учился у Доброхотова - замечательного математика и странного человека. Оставшись в восьмом классе на второй год я снова стал учиться у Иг. Кузмича. Да, за эти два года я узнал его хорошо! Говорят, что он когда-то был артистом! Можно поверить! Объясняя урок он весь живет и кажется что он не урок объясняет, а играет Шекспира. Короткими, но быстрыми шагами он носится по классу. Машет руками стараясь этим лучше вдолбить ученикам, которые к сожалению мечтают, да мечтают, но только не о математике. Его чуб то поднимается, то опускается. Виски пляшут. Голос - рев голодного льва. Черная измазанная в мелу куртка и короткие брюки служат дополнением к его образу.

У доски стоит ученик, а Игнаша /так его зовут, еще по другому Игнат/ распинается перед ним по вопросу нравственности. Обыкновенно здесь летят его любимые фразы: «Миленькие мои», «Горе, горе», Горе наше, «Диву даешься», «Лес темный» и т.д.

Идет собрание. У стола стоит Иг.Куз. и ругает всех кого попало. /Он очень редко хвалит, а когда хвалит, то очень неудачно. Если расхвалит плохого ученика давшего хорошие успехи, то тот на другой же день получит «плохо».

М.п. [мне порой?] очень трудно понять, что он хочет, чтобы мы учились хорошо или наоборот. Человек со странностями. О нем, конечно, «ни сказок не расскажут, ни песен не споют», но он многим войдет в память и многие будут вспоминать его, может быть, так же как и он работая в школе. Я в шутку говорю, что Игнаша распинается для того, чтобы получить серебряную дощечку на портфель, которую он получил три года тому назад за хорошее воспитание детей. Думаю, что он ее получит!

Игнат ложась в постель

Плывет с улыбкой в день

И видит во сне он портфель

На нем золотую медаль.

Надпись гласит на ней

"Тихонову за воспитанье детей".

16 ноября, 3.30. В 5 часов на закрытом комсомольском собр[ании] делаю доклад на тему: "Обмен комсомольских документов". Тяжело - первый раз.

14.XI было классное собрание и Игнат от родителей собрал все сплетни. Ему известны все вечера, все попойки и все, даже мелкие, кажется, секретные

дела, которые происходила в стенах комнаты и никогда не выносились вне ее. Кто мог сказать?

У меня было много подозрений, но все разговоры до того меня поставили в тупик, что я не зная точно не могу записать сейчас кроме этого нечего.

Мне кажется только одно, что Игнат беседуя с нашими девчатами, ловит их на пушку, и они по глупости своей легко поддаются этому методу. Нужно прибавить, что комсорг наш Захарова в тесной дружбе с Игнашей и разевая рот от удивления "откуда он может знать все" только поддакивает ему и тем самым дает повод ему, чтобы убедиться в правильности его предположения. К тому же имеют длинные языки, как Михалевская, которая во все вопросы посвящает свою мамашу, а та ходит и славит везде. В конце концов Мирку Игнат хочет отсадить от Эмки. Но я бы на ее месте принципиально не пересел. Вообще Игнат выходит из рамок своего действия. К моей его характеристике надо прибавить:

Идет собранье. И вот две
стороны класс и Игнат.

На собраньи как-то раз
Бушевал девятый класс.
Вот стояла суматоха
Получили восемь "плохо".

И Игнаша от тревоги
Бегал быстро у доски.
Как тростник сгибались ноги
Дрожью прыгали виски.
Руки вскинувши за спину
От окошка до стены
Он летал с свирепой миной
И подтягивал штаны.
Сразу все на миг притихли
Закусили языки
Час тому гонял не их ли
Сам Игнаша у доски.
Сам поставил восемь "плохо"
Он дрожащею рукой
Оттого и суматоха
Оттого и шум такой.
— «Ах вы детки, детки, детки
Прямо диву ведь даешься
"Плохо" лишь у вас отметки
И «отлично» не добьешься.
Ведь в ученье толк огромный
Вы должны давно понять.
Лес, для вас ученье, темный,
Вы ж не детки - нужно знать».

Словно лев Игнат летал
И бросался как шакал.
Каждый сердцем замирал
Думал, как сюда попал.
Подтянул портки свои
Он тихонько в стороне:
"Ах вы, милые мои
Что же делать с вами мне?!"

22.XI – 38 г. Я всегда описываю с некоторым опозданием. Но ничего! "Лучше поздно, чем никогда". Вернемся немного назад и попадем на урок химии.

Нина Сергеевна - учительница по химии, которая заменяет Ал. Федоровну /она болеет/ ходит по классу и неприятным визгливым голосом, кажется что едет телега и скрипит колесо, она объясняет урок. На доске висит таблица Менделеева. Разговор идет о ней.

"Нина Сер., а почему в таблице есть пустые графы" -спрашивает кто-то.

«Это¹ сделано потому, что по закону Менделеева здесь должны быть элементы, а их еще не открыли, так вот графы и сейчас пустые".

Застоявшийся воздух в коридоре потряс раздавшийся звонок.

Началась перемена.

Н.Морева придумав элемент, который смог бы заполнить одну из пустых граф, подходит к доске и пишет крупными буквами придуманный элемент. Под общий хохот она выводит на доске: Перецманий. Тут же начинают придумывать свойства нового элемента, у доски много народу и каждый кричит свое. Формулу Pr Гуткина переправляет на Pz и добавляет несколько свойств. Вскоре на доске появляются:

Pz – перецманий.

Атомный вас 62 кг.

Активно разлагает воду. Обладает аморфными свойствами.

Pz образует ангидрид PzO₅.

Перецманиевая к-та H₃PzO₅ активно соединяется в темноте, причем со взрывом.

И много другой лабуды появляется на доске. Все смеются и ликуют. Немного затихло. Нинка и Ирка Горина списывают свойства с доски на чистый лист бумаги.

- Но ведь есть еще графы! – говорит Ирка.
- Да! – задумчиво восклицает Нинка.
- Рахилий! – произношу я.
- Вот правильно! – кричат все.

На листке Нинка пишет реакцию между Перецманием и Рахилием. Рахиль Гуткина это та, которая до этого стояла у доски и смеясь ворочила мозгами вместе со всеми, а сейчас она сидела на своей парте и слушала подтрунивания своих услужливых соседок. Как-то молниеносно с ней случилась истерика и все девчонки кинулись ее² уговаривать. Но напрасны были уговоры. Полетела эта сука в кабинет директора, а оттуда к Гаврику помчалась. Ну и дело зава-

¹ Зачеркнуто «оставлено».

² Зачеркнуто «усмерять».

рилось, словно каша из крупы. Оказались мы, конечно, бессердечны и глупы. Комитет заседает по этому поводу. Затем в класс приходит директор. Потом для внушения меня, Нинку и Ирку оставляет после уроков Игнат. И снова комитет и сам черт не разберет.

Приписали шовинизм. Глупая игра привели к крутому обрыву.

После этого я только усвоил, что "Говори и делай, а сам оглядывайся". -

«-«-«-«-«-«-«-

Есть у нас в школе некто Жиров, доньше он славился хулиганством и пьянством. Позавчера на комитете слушали нашу вожатую, которая сумела как-то расположить этого Жирова и он ей открыл всю свою историю существования, почему я не говорю жизни, так я это не называю жизнью, так под словом «жизнь» мы стали понимать что-то светлое и ясное, полезное и разумное. Он оказывается состоит в какой-то организации. В школе у него подпольный старостат, при помощи которого он срывает звен[ьевые] сборы и подрывает дисциплину в школе. Нина - наша вожатая передала это дело в НКВД. Да, серьезное дело. -«-«-«-«-«-«-

...30 ноября 938 г. Жизнь летит.

Ее не остановишь.

Месяца два тому назад появился в нашей школе один тип. Шло комсомольское собрание. Я был председателем собрания и на мою долю выпало счастье писать анкету сего типа. Разрезая словами тишину, я читал:

"Бдиль, Владимир, национальность еврей, приехал из города Ульяновска, происходит из семьи кустика одиночки в прошлом и кустика-артельщика в настоящем. Мамаша домохозяйка. В Ульяновске был принят в кандидаты.

На вопрос: почему?

Отвечает:

По политическим вопросам.

Это была уже моя вторая встреча с Бдилем. Первый раз я его встретил на лит[ературном] кружке. Меня познакомил с ним Марк Гарбер. Принявши тогда его за порядочного человека, я назвал вчера его сволочью. Нет, это не потому, что он объяснялся в любви Мирке. Это не потому, что он ее провожает домой и восстанавливает против меня некоторых, которые к сожалению у меня и авторитетом не пользуются. Тогда невольно становится вопрос: Почему же я Бдила называю сволочью? Я не знаю почему, но слово "сволочь" я с него не сниму и никто меня не заставит снять его. Вообще я отвечаю за свои слова. Да, я отвечаю!

Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, мы возьмем его образ.

Низкий, коренастый, с заметно начинающим расти брюшком; голова имеет форму шара и немного не соответствует туловищу. Уши, как у кролика, торчат в стороны. Плутливые, быстро бегущие глаза, не имеют определенного цвета, а изменяются в зависимости того, на кого они смотрят. Кажется, что он всегда лжет. Говорит с тем акцентом, который всегда служит у русских для рассказывания еврейских анекдотов. Для него характерно то, что если его выгнали в одну дверь, то он лезет в другую дверь. Неимоверный нахал. Всегда старается показать везде себя и свои, к сожалению, отсутствующие способности. Удивительно блещет глупым остроумием. Это вобщем тот тип, который

“Юрка!

Наши "танцоры" собираются у Рахили. Ты заметь, она авторитет наверно хочет этим сборищем приобрести. Меня спрашивала Муся пойду ли я туда. Я ответила, что де я без приглашения не хожу. Она заегозила, что да еще пригласят. Виктор спрашивал, пойду ли и сказал, что пойти лучше, нежели не ходить. Я не иду и вообще постараюсь сделать так, чтоб никто из мальчишек не ходил! Как ты думаешь?

/записку уничтожь!/
Нина».

...В себе я замечаю давно одно явление. Когда я нахожусь в среде людей, хотя бы даже с одной М., то я живу. Как только я остаюсь один на один с собой - я умираю. Стремленья к жизни нет! Полный упадок сил. Полный крах светлых надежд. Меня мучает моя судьба. Мне кажется, что кто-то мне говорит: «Ты не должен жить, как живут все», да мне и самому нет охоты так жить - мне хочется что-то другое. Но что именно? Из-за этого вопрос судьбы тревожит меня как никогда. Мне хочется жить сейчас, а не в мечтах. Мечты - туман! И вот как прояснится в этом тумане моя будущая жизнь. А ведь вопрос моей жизни, который я первый раз пишу на бумагу, как никогда в настоящее время мучит меня. «Или теперь или никогда!» Это старая вещь - не мои слова - но моя судьба находится во власти их. Именно их!

...15.XII. Наконец-то вчера меня освободили от обязанности старосты.

Чего творилось на собрании! Жуть.

А чего еще будет!

Вечер.

Вчерашнего собрания было мало и наш мн[ого] ув[ажаемый] Игнаша устроил сегодня еще одно, по вопросам успеваемости и дисциплины. Ругал – кричал без пощады. Хотел меня размалевать перед классом на одной простой вещи, но не удалось. В своем выступлении-крике, где он яростно обрушился на комсомольцев, сказал:

"Думаю, что сейчас даже Т-н не ответит на вопрос, кто может стать коммунистом?"

Без замедления я встал и с некоторой гордостью ответил:

"Коммунистом может стать тот, кто обогатил память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество".

Игнаша был удивлен и кроме "да" сказать ничего не мог; повторил уже ранее сказанное и закрылся.

Сегодняшнее собрание по сравнению со вчерашним было довольно мягко. Но что было вчера! Но все же как Игнат и не распинался, а я в противоположность ему молчал, все же верх взял я. Взятием этого верха явилось то, что Игнат подал заявление об отставке его от должности кл[ассного] руководителя. Он уже подал докладную с характеристикой каждого ученика. Наверное меня сумел раскрасить всеми своими красками- способностями. Да, Иг[нат] Куз[мич] в мою память войдет как входит подвиг, овеянный славой в страницу истории.

Завтра комсом[ольское] собрание. Я попал в протокол комитета, как выпивающий. Вот может завариться буза, выпил раз на пятак, а раздули чорт знает на сколько. Главное на собрании будет директорша.

17.XII. Сегодня снова было классное собрание в присутствии директорши. Она, конечно, к этому вопросу подошла по-большевистски и все было решено. Игнаша наш лебезил перед ней неимоверно. Настоящий гоголевский подхалим, только в советских рамках.

Вчера было комсом[ольское] собрание. За вечеринку перед октябрём дали взбучку - попал в протокол.

Главное, велют учиться.

Трудно, но возможно!

Ведь я, правду говоря, ничего не учу и надеюсь на авось, который к счастью по многим предметам спасает. Серьезной учебы меня нет. В голове не то.

27.XII. Кончается 2-ая четверть. Все было благополучно, но сегодня вызвала немка и несмотря на все ранее поставленные отметки закатила "плохо" за перевод статьи из конституции.¹ Учусь туго! Живу не весело! И дела по ровной дорожке катятся без остановки. Остается только получить по литературе "плохо" и «дело в шляпе».

В Д.К.А. была лекция «Ледовое побоище и Ал.Невский». Потом было кино. Ходил с Мирой. Просто так, не придавая никакого значения, когда стали уходить домой, сказал ей:

"Где Нинка, занимается по немецкому?"

Она, как и всегда, сделала кислую мину; но не обошлась только этим как обходилась раньше. Отошла от меня² неровными шажками и подойдя к Иванову, сказала:

«Идешь домой?»

Иванов ответил ей так, что как будто бы он ходит с ней всегда:

«Сейчас».

Она стала ждать. Что было делать мне как взять и уйти домой одному.

И я ушел!

Просто обидно, что за натура; ревнует дружеские отношения приравнивая их к отношениям своего собственного воображения.

29.XII. Позавчера мне немка поставила "плохо" и сказала, что не спросит. Я, конечно, погрустил, погрустил волей-неволей решил оставить плохую отметку, надеясь в 3-ей четверти выправить.

Вчера после уроков Н.А. спрашивает меня. Не имея подготовки я отказался. Шум, крик и я вылетел из класса. Уже за дверью я слышал обрывки фраз: "Безобразное отношение", "плохо за четверть", «никаких исправлений». «Что ж, - думал я, - пусть останется "плохо", ничего не сделаешь; разве у ней исправишь?". Сегодня второй урок был немецкий.

"Педсовет, на котором я к сожалению я не была, - начала говорить Н.А., - предложил мне переспросить Т-а и Волчинского. Вы готовы отвечать?"

«Я не готовился» - тихо сказал я.

"Иди к директору и скажи, что ты не хочешь отвечать немецкий язык."

¹ Зачеркнуто «вот блядство!»

² Зачеркнуто «ровными»

"Я схожу в перемену!"

"Иди сейчас".

Я ушел. К директору, конечно, я не пошел, а дождавшись перемены вернулся в класс. На следующем уроке меня зовет секретарь школы к директору. Прихожу. Директорша говорит по телефону. Н. А. стоит около стола.

- Ты почему не был у Н.А. ? - спросила она.

- Она была на уроке! - отвечаю я.

- Садись!!! - говорит директорша.

Я сел. Ну и началась баня. На предложение: сдать немецкий язык в четыре часа дня, я сказал, что сдавать не буду. Новый взрыв гнева.

"Поставьте ему очень плохо" - кричит директорша. «Хорошо», - отвечает эта сука-человек.

«Иди!».

Я ушел.

После уроков - классное собрание!

Теперь на меня насаждает Игнат, который вносит предложение: обязать меня сдать немецкий язык, что поставит наш класс на первое место по сравнению с параллельным классом. Обыкновенный девичий каприз, который душит меня - последовал с моей стороны.

Но, вопрос стоит о чести всего класса. Я должен сдать этот, будь он трижды проклят, немецкий язык!

В пять часов вечера я сдал немецкий язык на хорошо.

Каникулы начались!

Некоторый план проведения их.

2. 1. 39 г. - вечер в школе.

4. 1. 39 г. - вечер у Моревой.

5. 1. 39 г. - вечер у Мирки.

6. 1. 39 г. - классный вечер.

Подробно опишу.

[вклеена записка с поздравлением] "Юра!

Желаю в 1939 г. поднять свою учебу. Тебе по моему надо не только не иметь плохих отметок, но и не надо "псов".

Желаю вновь поднять свой авторитет, чтоб вновь его иметь таким, каким он был в начале года.

Желаю на будущий год быть секретарем, но если и в дальнейшем к тебе будут такие же отношения "некоторых" комсомолок, то боюсь как бы это дело не провалилось.

Желаю дружно жить с товарищами и подругами, а также и с "классным начальством". Больше читай, имей ввиду, что Ан. Дмитр. о тебе не особенно лестного мнения. На самом деле, побольше интересуйся прозой.

Советовала бы аккуратно читать газеты, а то твои знания /газетные, конечно/ сейчас не соответствуют твоему служебному положению.

Еще пожелание; но может быть, ты скажешь "дура". Пусть так. Брось или хотя бы немного ослабь свою волынку с Мирой. Юрка, поверь, что это тебе ничего хорошего не даст.

Желаю бросить дружбу с Абакуменко и выселить его из своих кресел.

Новый год желаю провести хорошо, в каникулы заняться серьезным изучением истории партии, хотя бы глав 5-6.

Ну всего хорошего!

С комсомольским приветом Нина.

Желаю тебе каждый день встречаться со мной. В этом году я тебе не дам покоя, буду везде и всегда сопутствовать тебя. Н. (Приписка Мирки) [*конец вклееного листа*]

Интересное пожеланье. Это пишет одна из тех, которые уважают и ненавидят меня!... и к которым так же отношусь и я.

...12 января 939 г. Ну вот каникулы, кажется, и кончились. Да и какой там чорт кажется когда это реально, без доказательств – действительно.

Завтра в школу.

Это значит снова сесть за парту и принять на свои плечи n-ное число атмосфер. Это значит подвергнуть себя научной карузии [нагрузке? коррозии?]. Каждый день прослушивать натации Иг[ната] Куз[мича] с математической точностью. Слушать наставления Нин[ы] Анд[реевны] в духе немецкого воспитания. Ох! как это стало скучно. Я готов от такой любезности сунуть голову в какую-нибудь¹ дыру луны, как в одно место бабы и кричать от радости, что я спрятался и меня никто не найдет.

Сегодня был С.Аб-сов.

«Как же ты провел каникулы?» - спросил он меня.

И я, как красная девушка зардев, ничего не ответил. Да и собственно говоря отвечать было бы лишне - и так понятно, что я Обломов в современной обстановке.

Черт возьми как я отстал от жизни! Мне кажется, что место мне в по-мойной яме рядом с загнившими фруктамн, которые были выкинуты, хоть и жаль было их выкидывать, так как на них истратили деньги, но ничего не делаешь - за ними не уследили и они нечаянно испортились. Оставить их из-за жалости - значить погубить другие фрукты. Это только кажется! Веселее нужно жить - жить сложная вещь ее нужно веселить и развлекать. Перед ней как перед женщиной нужно ползать ка коленях, чтобы она была к тебе добра. Я наивно рассуждаю. Я пишу то, с чем в душе никак не соглашаюсь. Пишу одно, душа говорит, что все можно взять упорством. Все, что захочешь. Жизнь не так капризна,² и не может не согласиться на то, чтобы устроить человека. Жизнь во многом отличается от женщины. Причем женщины есть разные и условия жизни тоже разные. Обстановка – все. Железная грудь и стальной кулак нужны для того, чтобы проторить дорогу к светлому дню жизни. Борьба. Это слово врывается в каждое новое поколение, как лучи солнца в подземелье. Оно именно необходимо как солнце. Однако солнце для всех поколений греет одинаково, а слово "борьба" звучит для всех по разному. Если раньше в этом слове чувствовалось свержение самодержавия, уничтожение, посредством его, существующего строя, то теперь оно звучит как символ стремящийся к ясной светлой жизни, как символ посредством которого можно построить коммунизм. ... Мне ужасно хочется жить, но только жить так как хочется.

¹ Зачеркнуто «реку».

² Зачеркнуто «чтобы».

... Завтра в школе вечер посвященный встрече со студентами - херовина. Чорт возьми - скорее бы кончить школу и поступить в институт. Еще полтора года - будь они трижды перепрокляты. Скучно в школе! По рассказам в институте благодать. Сам себе хозяин. Главное изучать то, что тебе нравится. [...] 7 февраля

Вчера мне Мира рассказала о наивном, но интересном плане, который она составила в своей мечте. План относится к трогательному и напряженному вопросу - Испании. Разжигая чувство ненависти к фашизму и горя злобой к варварской войне в Испании - она придумала одно дело. Дело заключалось в том, что она поедет в Испанию и отравит всех мятежников. Невозможность этого предприятия ей указывал отец, но не сломил ее убеждения. Н.Морева тоже соглашалась с ней ехать. У них был заключен тайный договор. Хотя они сами и понимали нелепость данного предприятия, но все же надеялись на осуществление задуманного. Сегодня газета принесла вест, что Франция открыла границы республиканцам. Мятежников разбили. Каталонский фронт. Это ужасно! Действительно М. права - блядей-фашистов нужно травить. Особенно нужно преподнести яд в пушечном жерле - А. Гитлеру, этому человеку змее. Кто породил таких сволочей? Вероятно их "сам бог послал нам в подарок". -«-«-«-«-«-«-«-

Есть у нас некая учительница литературы - Александра Димитриевна Пономарева. А почему я ее вспомнил сегодня, а потому, что она, нельзя сказать, чтобы ведьма, полуведьма пожалуй и поставила мне не за что не про что "плохо". Не только мне, а многим. Почему же? Отрывок из Четвертого сна не выучели. Мы не виноваты - надо предупреждать.

Что она из себя представляет эта самая некая А.Д.П-ва. Так из круга не выходящая женщина. Порою добрая бывает, а порою чорт ее меняет. Начнет "плохо" ставить, как щепки топором рубить и никакого спасения нет. Собственно говоря она хоть и учительница литературы, а говорить о ней не стоит - нечего.

Вот Тихонов это да!

Теперь он нас мало ругает, больше по добру по-здоровому разговаривает. "Подъезжает" - как некоторые аскеты вашего класса говорят, «чорта с два к нам подъедешь», - другие отвечают.

Разумное он дело придумал! Практика самоотчетов была вроде забавы, а теперь стало /вернее станет/ серьезным делом. Выбирает И. человек 5 для самоотчета и в присутствии директора говорит с ними "по душам". Потом выяснив (зач.: все) причины путем "подушного разговора" устраивает собрание и делится со всеми результатом. Толково придумал! И нравится же ему Крымова "Танкер Дербент"! Он хочет сделать читку этого произведения. Вообще Игнаша изменился. [...]

12 февраля Когда "истеричка" /так мы зовем уч[ительницу] истории - Зин[аиду] Алек[сандровну] Скиба/ кончает рассказывать урок и собирается спрашивать заданный материал - весь класс начинает кашлять. Она стоит в недоумении и ждет когда будет конец "невыносимому кашлю". Но кашель кончается минута в минуту с раздавшимся в коридоре звонком. Маленькая, дряблая старушенка некогда очень добрая сделалась злой и начала всех подряд

18 марта. Вечер.

Все веселые, жизнерадостные. Во всех чувствуется жизнь. Часто повторяешь:

- Ненавижу всякую мертвячину, обожаю всяческую жизнь.

Как приятно себя чувствовать там, где значение слова "жизнь" выступает полноценно. Сейчас, кажется, трудно найти такое место, где отсутствовала бы жизнь в силу каких-нибудь препятствий. А раз нет места, где нет жизни, значит, и нет людей отравляющих жизнь. Но не так обстоит дело! Всем весело! Мире скучно! Вернее ей не так скучно, как она на других нагоняет скуку. Бывает время, когда жизни в ней нет ни мезинца. Спрашивается почему, какие причины, что препятствует ей быть полноценной девушкой с чертами жизнерадостности? Препятствует этому мещанство в котором она повязла как в гнилом болоте и из которого не может вылезть, а главное то, что и не старается вылезать из него, а шаг за шагом движется в самую глубь его. Мне просто жалко ее и досадно на самого себя, что я ничего не могу сделать, чтобы вытащить ее из этого болота. Да и как спасешь утопающего, если он сам этого не хочет! Какой же я дурак, болван, идиот! В ней очень много гордости - гордости ненужной, мещанской гордости. Ох, как бы я был рад, если¹ не было бы надобности писать эти строки, которые просто отравляют мне душу, которые никак не выразишь. Может быть я слишком груб с ней, но я этого не замечаю, хотя и знаю, что ласки от меня, как от козла молока. Но это не от того, что я ее не люблю, это просто отпечаток пасмурного дня - моего детства. Я не знаю, что мне делать? Быть безразличным к ней - я не могу, спокойно смотреть на нее тоже не могу! Что же делать?

Нужно поговорить с ней основательно и так, чтобы она поняла, что вязнет в мещанстве, вязнет в гнили, в старости. Если не поймет она, что я для нее желаю только добра, ибо она для меня дорога, тогда придется отдать душу свою на растерзание и на долгое время забыть о существовании женского пола. Придется любить ее карточку, ее тень, память о не, время проведенное вместе, ее саму, но только в воображении. Видно получится, что "нашла коса на камень".

P.S. Все это писание вытекло из того, что сегодня ходили компанией в Д[ом] К[расной] А[рмии]. После лекции прошли гулять. Всем весело, а Мире грустно. Все идут как люди, а Мира как барышня. Скажешь слово - губы бантиком. Скажешь другое в пузырек лезет. А что собственно говорить? Да что бы не сказал - безразлично! Сказал, значит, есть предлог для того, чтобы сердиться. Шли все по Фрунзе - вдруг Мира незаметно скользнула на Некрасовскую и начала удирать. Я с краской на лице кинулся догонять свое сокровище. Вернулась. Идет в стороне, в разговор не вступает, будто бы не гуляет, а барщину отрабатывает. До того пасмурна, что на козе не подъедешь. У меня, конечно, настроение отравлено, вероятно, ей этого только и надо. Разошлись. Мы пошли в одну сторону, Н. в другую. У² Мириной двери остановились. Во мне все кипело. Но я счел благоразумным сдержаться ибо убедить ее можно только тогда, когда она удостоверится, что рак на горе свистит. Стояли минут

¹ Зачеркнуто «мне».

² Зачеркнуто «крыльца».

двадцать. Она ждала, когда я заговорю, но я молчал. Тогда она взяла и ушла домой вероятно полная мести и злобы. О! она рвет и мечет. Только не может понять, что виновата во всем сама. Мирочка ты забыла, что ты девушка, что тебе принадлежит роль править¹ радостью из мертвечины делать жизнь! Ты вязнешь в мещанстве, сама того не замечая. Мира поверь мне, нет не мне, другим, а другие то же самое говорят. Мирочка пожалей себя и сделай радость мне! Стань полноценной, жизнерадостной, веселой, бодрой, СОВРЕМЕННОЙ ДЕВУШКОЙ. Если станешь, то можешь быть уверенной, что я буду любить тебя, как любил по сей день, что я буду всегда сеить тебе только радости и счастье, что я всю жизнь посвящу тебе маленькому созданию. Если будет все о чем так мечтаю я, то всю жизнь ты будешь моим хорошим товарищем и главное другом.

Все это тебе возможно что ты знаешь, что я люблю тебя и только тебя. Если бы не любил, то не мучился, а бросил как бросают недокуренную папиросу. ... 27.III. У наших ребят есть одно занятие для проведения времени. Соберутся группой и начинают шляться по улицам отпуская всякие реплики и остроты, толкая друг друга в лужи и стараясь причинить друг другу какой-нибудь вред. По пути группа растет, или наоборот, отсеиваются те, у которых ноги по колесо [по колеса?] в воде. Так было и вчера. Пришел я в школу, оттуда и началось наше паломничество по городу. ...

Недавно в школе был диспут Маяковского. Первым выступал Гаврилов-кастрат. Я думал, что он разбирается в литературе, а он² разбирается, "как свинья в апельсине".

Выбрал из всего творчества Маяковского несколько рифм и начал упираться на то, что это вздор, а не творчество.

Ат-ва, корча свое мещанское личико, говорит: "Что это уродование русского языка или русской литературы". Подобную дикость проявили и еще некоторые представители, но напрасно - нельзя отвергнуть того, что "Маяковский самый талантливый поэт нашей советской эпохи". Диспут был перенесен на другой день, но наша директорша вместо того, чтобы разбить неправильное мнение у людей запретила продолжать диспут.

...12.IV. Вот что может молодость
 Сделает с человеком
 До чего докатится
 Он с горы скользя
 Будет делать сдуру,
 Что ему нельзя.

Интересный случай произошел у нас в классе. К И.К. пришел молодой человек и что-то долго с ним говорил. Только потом я узнал кто это. Оказалось, что Э.Б-ус /известное лицо/ оставила дома свой дневник, который попал в руки брата. Плохие отметки глядели с каждого листа на Эмкиного брата и он глядел недоумевая на них.

- Как же так, - думал он, - в табеле у нее все хорошо, а в дневнике наоборот? Что-то тут кроется?

¹ Зачеркнуто «жизнью».

² Зачеркнуто «понимает».

Заинтересовавшись этими вопросами - он и явился в школу. На другой день все уроки Э. выла и кричала, что покончит жизнь самоубийством. Но этого, конечно, не случилось; она жива, ее только добротнo выпороли и посадили под замок.

14. Небывалое событие - сегодня в школе был вечер. Драмкружок ставил свою первую пьесу "Лекарь поневоле". Вход 50 коп. Программа 20 коп. Если говорить насчет еды, то "для кушанья и вилка".

Наша школа процветает - вечера, литературные диспуты, литературные вечера - иногда бывают.

...25.IV. 39 г. Наши достопочтенные школьники сходят с ума из-за велосипеда.

Греет солнышко грудь,

Греет день, а не час.

А поэтому

в дальний путь

Отправляется

"бэшников" класс.

Уезжают кучей

туда, где много роз.

С собой

на всякий случай

Автомобильный

захвачен насос.

Девицам берет малиновый

Весною

очень идет

Каждый

в кармане резиновый...

Клей

с собою везет.

Ребята вздыхают,

молодо,

Любуясь на синее небо,

Чтобы

Не сдохнуть с голода

Буханка

захвачена хлеба.

Все готовятся к посадке

Повторяя:

"Все в порядке!"

Как двери

распахнуты груди,

Руки

и ноги

голы.

На седла

прыгают люди –

Гордость
 шестой школы.
Держится каждый свободно,
С гордостью
 десятиклассника.
«По харбински» катят
 модно.

Под командой
 Юрия Красника.
Сзади Морева семеня,
Сдерживает своего коня.
Позади,
 учащая бег,
Едет гордо
 Гаврилов Олег
А еще позади...
Взгляд устремляя вдаль,
/Сам суди/
Мчится всякая шваль.
Песнь, которую поет их душа

Едем час,
Едем два,
Где-то нас
Ждет трава.
И простор,
И цветы,
Синий взор
И мечты.
Там легко
Нам гулять
И мягко
Отдыхать.
Низок там горизонт,
Голосист соловей,
Если нужен ремонт
Есть насос
 и есть клей
Веселей нажимай
На ножную педаль,
И свой взгляд устремляй
Прямо в даль.
Там на каждом цветке
Видны капли росы.
Поплывем по реке,
Сняв с камня трусы.

...Сегодня заседание комиссии по проведению первомайского вечера, где я имею честь присутствовать. И.К. предлагает вытеснить скуку для чего сделал упор на массовые развлечения. Инициатива на вечере решает все. Задумано много, но сделано мало. Пошли к директору за деньгами и уперлись в бараний лоб. Вместо 50 руб., прослушали лекцию о том, сколько истратил прежний директор на никому не нужный слет, а затем услышали обещание на 10 руб. И то "обещанное три года ждется". Ну и скряжество. А впрочем у меня сейчас висок конфетку просит - дела крутые. Спать - вон из сует жизни. Спокойствие - это все, что нужно человеку. Жизнь! - какое короткое слово, но какой большой смысл этого слова. ... Стих[отворение] "Велосипедная прогулка" понравилось многим. 10-е классы твердят наизусть. Только жалко, что скоро сняли газету из-за фельетона Пряничникова. Написал глупость - придрались.

13 мая. Сегодня утром собираясь идти в школу, стал чистить зубы. Для этого взял стакан и стал наливать кипяток из чайника, который стоял на горячей керосинке. Я поднял чайник, налил воды и стал ставить чайник обратно, в это время полыхнуло пламя и обдало мне все лицо. Я растерялся и вместо того, чтобы защищаться от огня стал искать место: куда поставить чайник? Промедлил и зря. Теперь все лицо красное, вздутое и в волдырях. Вот херовина случилась.

15.V. Третий день не хожу в школу. А там происшествий уйма. Во-первых у Назаровой /Иуды/ пропало 14 рублей. Бросила на парту и ушла. Но интереснее всего то, что Игнат пришел в четвертую перемену и объявил, что после уроков будет обыск. Короче: распугали птиц, а потом охотиться пришли. Конечно, ничего не нашли. Да кто может сказать, что жулики дураки. Постановили всем классом собрать ей деньги. Все промолчали. На другой день она объявила, что деньги положила нарочно, чтобы узнать честность наших комсомольцев. Как все услышали эту фразу, так и ответили:

- Тогда довольствуйся тем, что узнала истину. Люби кататься, люби и саночки возить.

А я думаю, что это провокация, ибо эта Назарова славится Иудиными подвигами.

Другое происшествие: Нинка Морева взяла и поставила в журнал всем у кого было "плохо" отличную отметку. Т.Кислицина попросила чтобы и ей поставила. Нинка согласилась. После уроков комитет. Начали ругать Кислицину. Ругала и Нинка. Тогда та в отместку взяла и сказала. Теперь сегодня собрание. Последнего еще не знаю.

16 мая 939 года.

Вопрос о дальнейшем встал сейчас передо мной как разбойник на большой дороге. Сегодня, прилично знал немецкий язык, получил испытания. Завтра получу "плохо" по физике, и... крах. Если будет три "плохо" в четверти, то не допустят до испытаний. Тогда либо пулю в лоб либо кончать учиться. И первое и второе жжет сердце и без ножа режет, но иного выхода нет. Бросить учиться: значит потерять в жизни все, что было намечено. Сделать первое не долго, но хочется жить, а как . . . /не знаю сказать не могу/ запутался. Да, дела. Вернее надо кончать учиться, но и первое тянет. Придет день еще ужаснее этого и тогда... придется метнуть монету. Есть болваны еще тупей меня. Они живут и будут жить, не думая не над чем. А я, я как чорт мучусь от этих сво-

лочей-мыслей. Ну почему я не знаю точных наук? Почему я дурак? Почему? Кто ответит? Курок!

Сегодня я хотел пустить пулю, но раздумывая в самый последний миг, вдруг почувствовал полную пустоту души, и до того стало жутко, что я невольно был готов плакать. В этот миг я понял, что самоубийство - малодушие, безволие. Только из-за этого получил возможность написать эти жуткие строки моей странной жизни. Но это еще не все. Конец впереди. Но как жаль оставлять землю, не увидав ее прелести. Что видел я? Ничего! Что хотел я? Многое! Что достиг я? Ничего! Жизнь моя однобока. Я люблю литературу, но не могу жить мирно с другими науками. Все же думаю еще попытаться. Попытка не пытка, а особенно в жизни. Правда жизнь умеет наказывать, но я и сам не отказываюсь от наказаний. Обидно за себя. Не хуже других становишься самым последним человеком из-за того, что неспособен учиться. Да я учиться неспособен в этом я убедился. Стою на краю пропасти зияющей, и не смотрю на спасающих товарищей. Я все потерял вернее хочу все потерять. Да это конец. Я бессилён разрешить тьму сомнений.

17 мая 1939 г. Последний день учебного года.

Второй день хожу как шальной. Душевыми противоречиями разодран весь на куски. То падая духом, я вижу себя на том свете, то, поднимая дух, вижу учеником десятого класса, благополучно сдавшим испытания. Но это все не то! Одно малодушие, другое мечта. И к реальному выводу прихожу немедленно: надо кончать учиться. Последние дни я боюсь сам себя как огня. Что со мной творится? Возможно ли передать! Сейчас идти в школу, значит получить два "плохо". Не ходить, значит, чорт ее знает что значит. Вобщем жду куда кривая вывезет.

... Немного опишу из старого. /Продолжение или, вернее, относится к 15 мая сего года/. После уроков было собрание по поводу Н. дела. Класс сразу раскололся на два лагеря. На бурную часть, явно настроенных против Нины, и на часть, которая молчала, но была на стороне Нины. Всплыло все. Мира вспомнила все старые дела и даже сказала, что некогда Н. ставила отметку по химии мне. Так же вспомнила про цветок, который Н. шутя взяла в магазине, когда покупала цветы для класса. Но это не имело значения и было замято И.К. т.к. он об этом знал, но мер не принял. Короче говоря Мира была на стороне дурно кричащей части, стоящей против Н. /М[ежду] прочим М. все время молчала и действовала подпольно посредством записок в президиум/. Собрание вынесло решение: разобрать это дело на комсомольском собрании.

Комсомольское собрание разделилось так же на две части: в первую часть вошли бурно кричащие на классном собрании; во вторую вошли почти все остальные. Эта часть по опыту кл[ассного] собр[ания] должна бы молчать, но оказалось противоположное. Своей массой она оттеснила "бурно кричащих" на классном собр[ании] и только пищащих на комсом[ольском] собр[ании]. Пичугина /бурно кричащая и требующая более сурового наказания (Н. дали предупреждение) всю свою злобу и вставшую немощь вылила в свои ведра-глаза/. Назарову, вспомнившую про цветок, подняли на смех. Кислицину отказались слушать. Мира, несмотря на уговоры Гаврика выступить, мол-

чала. Собрание только повысило популярность Н. среди 10а и частично среди 10в классов. После собрания Мира сказала мне:

- Я теперь совершенно иного мнения о Н. После собрания она мне стала даже нравиться.

Я промолчал, т.к. хотел чтобы она сама пришла к заключению, что делает правильно. Пришла Н. и как-то всплыл этот вопрос. Мира подтвердила его и Н. Теперь они кажется сошлись ближе. Я рад тому, что Мира поняла Н. Теперь я буду рад, если она поймет, что Н. неплохая девчонка, с которой можно дружить и ей и мне. Все плохие ее стороны /тем более и только что разобр[анный] факт/ затмятся хорошими делами. Она сможет это сделать.

...23 июня 1939 г.

Давно не брал дневник я в руки. Почти что месяц пролетел. Все почему? И сам не знаю! Хотя б хворал! Но, нет - здоров! Худою правда с каждым часом, но потому что занят делом. Творю огромное дело! Давно, давно я не писал.

Хочу сегодня, правда кратко, но все правдиво изложить. Начну с того, что здесь прочел я, что было писано давно /2.V-39 г./ Писать буду самым кратким образом, ибо нет времени. Испытания пропущу. /Если будет время, то опишу потом отдельно/.

Остановлюсь на одном интересном вопросе. Как-то это было, кажется, давно. Лев Ник[олаевич] узнал от Бирмака /его знакомого музыканта/, что Ж.-Д. [железнодорожное ведомство] хочет иметь свой марш. Он возложил полные возможности на меня и предложил мне эту работу. Я согласился не узнав всей трудности работы. Трудность заключалась в том, что текст нужно было писать в написанную музыку. Но нечего – мотив поймал. Представил первый вариант - полно того, что было прямо говоря забраковано, хотя и говорилось, что следует переделать. Представил второй, третий. Вообще работал порядочно. Лично сам говорил с большими чинами дороги. Больше с нач[альником] политотдела. Энергичный человек, заставлял переделывать, говорит, что сделать лучше. И он прав. Сегодня заседание по этому поводу. Будит начальник Куйбышевской жел[езной] дороги, нач[альник] политотдела и прочие.

Завтра еду за их счет в Москву на представление к Лебедеву-Кумачу и к Покрасс. Кроме того на прием к Л.М.Кагановичу. Душа трепещит от волнения и сердце бьется, словно птица - большое дело впереди. А встречи? Встречи ведь с людьми, чья гордость славою одета, увита роскошью цветов и уважением всех людей советских. Я вижу путь и путь большой, на нем препон суровых много, но будут сломлены они и я шагну дорогой дивной жизни и буду жить, творить во благо родины своей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. ЛИКИ РОССИЙСКОГО ДЕТСТВА	3
Глава 1. «УЧЕНИКИ ПРИВЕТСТВУЮТ ЦАРЯ» 1890-1899	15
Глава 2. «ПОЛИТИЧЕСКИМ ССЫЛЬНЫМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ОБУ- ЧАТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ» 1900-1909	67
Глава 3. «ШКОЛУ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ УЧАЩИЕ И УЧАЩИЕСЯ» 1910-1919	123
Глава 4. «МЫ ДЕТИ ПИОНЕРЫ, МЫ ДЕТИ ВСЕМ ПРИМЕРЫ» 1920-1929	192
Глава 5. «МЕНЯ МУЧАЕТ МОЯ СУДЬБА» 1930-1939	297

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ
Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990):
Антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе»

Сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротинина
Часть 1: 1890 – 1940

Труды семинара РГГУ
«Культура детства: нормы, ценности, практики»

Выпуск 2

Технический редактор Ф.Иванов
Подписано в печать 15.09.2008.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5.
Тираж 200 экз. Заказ 507.

Издательство «Научная книга».
Россия, 170033, г. Тверь.